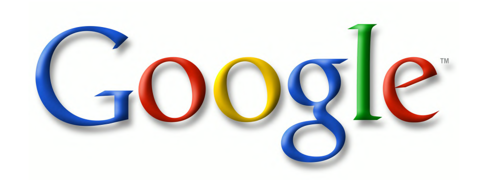
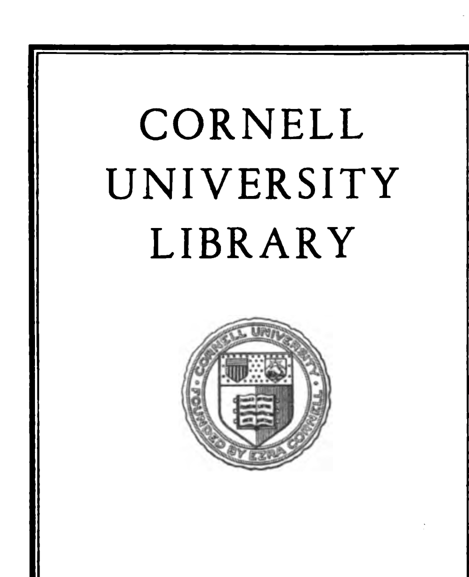
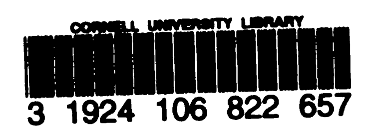

CORNELL
UNIVERSITY
LIBRARY

CORNELL UNIVERSITY LIBRARY
3 1924 106 822 657

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Январь № 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.

1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 декабря 1895 года.

При этомъ № всѣмъ новымъ подписчикамъ «Сѣвернаго Вѣстника» на 1896 годъ, разсылается въ видѣ безплатнаго приложенія: **перв. томъ романа Сенкевича «Quo vadis»** (все напечат, въ журналѣ за 1895 г.), начало повѣсти **А. Эртеля «Карьера Струкова»** и первая стастья отдѣла **«Вопросы самообразованія»**.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ"

въ 1896 г.

Условія подписки:

		По полугодіямъ.		По четвертямъ года.			
	На годъ.	Январь.	Іюль.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
Безъ доставки въ Спб. .	12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р.
Безъ доставки въ Москвѣ въ отдѣлен. Конторы.	12 » 50 »	6 » 50 »	6 » — »	3 » 50 »	3 » — »	3 » — »	3 »
Съ доставкой въ Спб. .	12 » 50 »	6 » 50 »	6 » — »	3 » 50 »	3 » — »	3 » — »	3
Съ перес. въ Имперіи .	13 » 50 »	7 » — »	6 » 50 »	3 » 50 »	3 » 50 »	3 » 50 »	3 »
За-границей.	15 » — »	8 » — »	7 » — »	4 » — »	4 » — »	4 » — »	3 »

Для подписывающихся въ **Главной конторѣ** допускается **разсрочка** годовой цѣны на журналъ (о чемъ нужно заявить одновременно съ первымъ взносомъ). Для учащихъ и учащихся **уступка на 2 р. съ годов. цѣны**. Казенныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а также всѣ служащіе въ нихъ могутъ получать журналъ **въ кредитъ** за ручательствомъ гг. казначеевъ.

Главная контора и редакція „Сѣверн. Вѣстн." принимаетъ на себя **порученія гг. подписчиковъ** по выпискѣ и пересылкѣ русскихъ и иностранныхъ книгъ, а также по подпискѣ на всѣ русскіе и иностранные газеты и журналы.

Подписка принимается:

Въ главной конторѣ журнала, *Спб., Троицкая ул., 9.* и въ **отдѣленіи редакц. и конторы „Сѣв. В." въ Москвѣ:** при книжномъ магазинѣ **К. Тихомирова**, на Кузнецкомъ мосту, а также въ книжн. магаз. **Фену и К°**, Спб., Невскій, 40,—Конт. **Н. Печковской**, въ Москвѣ;—**Новаго Времени** въ Спб., Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ,—**Н. П. Карбасникова** въ Спб., Москвѣ, Варшавѣ;—**Н. Я. Оглоблина** въ Кіевѣ:—**Н. Я. Башмакова** въ Казани, и во всѣхъ важнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ всѣхъ городовъ Россійской Имперіи.

Редакторъ-издательница **Л. Я. Гуревичъ.**

антропологическихъ основахъ воспитанія. **П. Ѳ. Каптерева**; 6) О народности въ воспитаніи по Ушинскому. **Л. Н. Модзалевскаго**; 7) Чѣмъ обязана моя дочь К. Д. Ушинскому въ своемъ начальномъ обученіи. **Е. Я. Корсаковой**; 8) О значеніи педагогическаго совѣта въ жизни средней школы. **К. Н. Шульгина**; 9) Вопросъ о допущеніи женщинъ въ германскіе университеты. **П. М.**; 10) Антагонизмъ между практикой и теоріей сельскаго хозяйства и его причины. **П. А. Загорскаго**; 11) О сельско-хозяйственныхъ занятіяхъ народныхъ учителей. **П. Терещенко**; 12) Критика и библіографія: a) А. И. Незеленовъ. Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть 1-я (съ древнѣйшихъ временъ до Карамзина—242 стр.), часть 2-я (Карамзинскій и Пушкинскій періодъ—284 стр.). Цѣна каждой части отдѣльно—1 руб. Спб. 1893 г. **А. Г. Шалыгина**; b) Mechanics, an elementary textbook theoretical and practical, for colleges and Schools. Dynamics. By R. T. Glazebrook. Cambridg. 1895. **В. К. Лебединскаго**; c) Рыбкинъ Н. Собраніе тригонометрическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній. М: 1895 г. Ц. 40 к. **С. И. Шохоръ-Троцкаго**; d) Журналъ «Читальни народной школы» за 1894 г. Спб. **Н. З.**; e) Маленькіе герои и другіе разсказы Д. Л. Михаловскаго. Спб. Изд. Ледерле. 1894 г. Ц. 85 к.; f) Злой человѣкъ. Разсказъ для дѣтей Н. Р. Вучетича. Одесса 1895 г. Ц. 20 к.; g) Сказки русскаго народа подъ редакціею В. А. Гатцука. Иллюстрированная библіотека «Крестнаго Календаря», 4 выпуска. Ц. по 25 к. за выпускъ; 13) Обзоръ французскихъ педагогическихъ журналовъ, касающихся начальной школы. **О. И. Роговой**; 14) Отвѣтъ критику «Русской Мысли». (Письмо въ редакцію) **Д. И. Тихомирова**; 15) **Педагогическая хроника**: 1) Курсы французскаго языка для иностранцевъ въ Парижѣ; 2) Вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи въ австрійскомъ рейхсратѣ; 3) Хроника народнаго образованія. **Я. В. Абрамова**; 4) Хроника профессіональнаго образованія. **В. Б—ча**; 5) Московскій комитетъ грамотности въ 1894—95 году; **Н. В. Тулупова**; 6) Въ Петербургскомъ комитетѣ грамотности **В. Д.**; 7) Обязательное первоначальное обученіе; 8) Первоначальное обученіе въ Днѣпровскомъ уѣздѣ; 9) Первоначальное образованіе въ Тульскомъ уѣздѣ; 10) Первоначальное образованіе въ Каширскомъ уѣздѣ (Тульской губ.); 11) Церковно-приходскія школы въ Оренбургской губерніи; 12) Сельскія школы въ Стародубскомъ уѣздѣ; 13) Изъ отчета Общества взаимнаго вспоможенія учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи; 14) Высшіе женскіе курсы въ провинціяхъ; 15) Медицинскій факультетъ при Новороссійскомъ университетѣ; 16) 75-ти-лѣтіе Михайловской артиллерійской академіи и училища; 17) Родительскій кружокъ. **Е. К.**; 18) Протоколъ засѣданія отдѣла Каменскаго 12-го октября 1895 г. **Н. Т.**; 16) **Разныя извѣстія и сообщенія** (около 20 замѣтокъ); 17) **Объявленія**.

ЖУРНАЛЪ «РУССКАЯ ШКОЛА» ВЫХОДИТЪ **ЕЖЕМѢСЯЧНО**

книжками, не менѣе 10 печатныхъ листовъ каждая.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ С.-Петербургѣ съ доставкою	6 р. 50 к.
Для иногородныхъ съ пересылкою	7 » — »
Съ пересылкой за-границу	9 » — »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ:

Лиговка, 1 (Гимназія Гуревича), и въ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова и «Новаго Времени». Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы редакціи «Русской Школы»—въ книжномъ магазинѣ К. И. Тихомирова (Кузнецкій мостъ).

За **1891, 92, 93, 94** и **95** годы имѣется еще въ конторѣ редакціи небольшое число экземпляровъ по вышеозначенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель **Я. Г. ГУРЕВИЧЪ**.

Идеализмъ и буржуазность.

Современное русское общество стоитъ на очень низкомъ уровнѣ философскаго развитія. Обширныя глубокія системы мысли, сложившіяся въ Европѣ путемъ строгой работы въ разныхъ областяхъ науки и держащія образованное общество на извѣстной умственной высотѣ, прошли въ Россію случайными обрывками, въ болѣе или менѣе исковерканныхъ выраженіяхъ научнаго недомыслія и наивнаго непониманія. Если философскія идеи и разрабатывались въ Россіи сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ отдѣльными лицами, то распространеніе этихъ идей не выходило за предѣлы самыхъ тѣсныхъ и мало вліятельныхъ литературныхъ кружковъ. Высшія образовательныя заведенія Россіи не являлись и не являются до сихъ поръ источниками настоящаго философскаго знанія. Интеллигентное общество остается при самыхъ примитивныхъ, дѣтскихъ представленіяхъ о взаимныхъ отношеніяхъ между наукой и философіей—и о самой наукѣ, которая въ своемъ зрѣломъ развитіи опирается на истинно критическій, философскій методъ. Россія не знаетъ Канта,—а это тоже самое, что не знать Коперника въ представленіяхъ о мірозданіи. Даже руководители интеллигенціи, даже такъ называемые служители науки имѣютъ самое смутное понятіе о томъ, что философній идеализмъ сталъ со времени Канта источникомъ всякой сознательной критики въ области научнаго знанія, эстетики и практической морали. Они не знаютъ, что только критическая философія идеализма создала научныя средства для борьбы со всякой догматикой и матеріалистическаго, и спиритуалистическаго характера. Смѣшивая—по недоумѣнію, по недомыслію—идеализмъ съ отживающими догматическими системами, они обнаруживаютъ полное незнаніе того многознаменательнаго факта, что самыми ярыми и самыми вліятельными врагами идеализма выступали мыслители спиритуалистическаго направленія. Еще недавно, почти въ наше время, образованная Европа была свидѣтельницей характерной борьбы противъ Канта и всего критическаго идеализма такихъ крупныхъ, почти геніальныхъ представителей философіи въ католической

Италіи, какъ Росмини и Джіоберти. Но эти явленія высокаго историческаго значенія не вызвали даже ни малѣйшаго отголоска въ наиболѣе вліятельной русской печати. Общество, руководимое въ своихъ интеллигентныхъ стремленіяхъ журналистами извѣстнаго типа, держится въ отчужденіи отъ всего того. что направляетъ культурныя теченія западно-европейской жизни. И выйти за предѣлы этой китайской стѣны оно могло-бы только по собственной умственной иниціативѣ, живымъ путемъ самообразованія и непосредственнаго общенія съ лучшими произведеніями европейской мысли.

Не зная взаимнаго отношенія между идеалистической философіей и наукою, русское общество не имѣетъ ни малѣйшей догадки и о томъ, какіе выводы даетъ эта философія для жизни. Смутное, сбивчивое представленіе о человѣческой личности, лишенное философскаго характера, съ оттѣнкомъ наивнаго матеріализма или столь-же наивнаго спиритуализма, неизбѣжно должно было отразиться притупляющимъ образомъ на практическихъ идеалахъ русской интеллигенціи. При всемъ искреннемъ стремленіи нѣкоторыхъ общественныхъ группъ къ выработкѣ болѣе или менѣе гуманныхъ формъ жизни, ихъ руководящіе принципы никогда не поднимались надъ буржуазными понятіями. Даже въ самой яркой прогрессивной волнѣ журналистики не было ни одного дѣятеля съ тѣмъ критическимъ, философскимъ строемъ мысли, который находится въ непримиримой, логической враждѣ со всѣмъ, что носитъ печать *буржуазности*. Мы употребляемъ этотъ терминъ въ такомъ смыслѣ, который прямо вытекаетъ изъ историческаго и научнаго анализа этого понятія. Въ извѣстный моментъ исторія выдвинула въ качествѣ прогрессивной силы такъ называемое третье сословіе съ его типической чертою умѣренности въ жизненныхъ требованіяхъ и теоретическихъ идеалахъ. Выйдя на борьбу въ защиту попираемыхъ правъ гражданской личности, буржуазія внесла въ свое справедливое дѣло духъ ограниченности, не давшій ему развиться до конца. Представленіе буржуазіи о задачахъ и цѣляхъ культурной личности — ни до, ни послѣ борьбы—не захватывало коренныхъ идеальныхъ потребностей человѣка, легко мирилось съ ограниченіями человѣческой личности и толкало, при новомъ устроеніи жизни, къ старымъ, упрощеннымъ, чисто внѣшнимъ и грубымъ средствамъ. Вотъ почему мы въ правѣ опредѣлить буржуазность, какъ стремленіе къ жизненному благу внѣшними средствами, съ признаніемъ принудительнаго воздѣйствія однихъ общественныхъ силъ на другія. Это опредѣленіе подкрѣпляется всѣми извѣстными историческими фактами и даетъ намъ право сказать, что идеализмъ находится въ полномъ противорѣчіи съ теоретическими и практическими стремленіями буржуазіи. Буржуазное понятіе о благѣ,—имѣетъ-ли это понятіе матеріалистическій или спиритуалистическій характеръ,—всегда ограниченно и охотно вступаетъ въ компромиссъ съ извѣстными формами исторической дѣйствительности. Идеалистическое благо — въ проти-

воположность матеріалистическому понятію блага, требуетъ развитія человѣка во всей полнотѣ его умственныхъ и нравственныхъ силъ. Въ противоположность спиритуалистическому понятію, разъединяющему вопросы духа и вопросы жизни, оно, во всеоружіи умственной критики и нравственнаго протеста, требуетъ гармоніи практической дѣятельности съ самыми утонченными стремленіями души. Буржуазность всегда стояла, сознательно или безсознательно, въ непримиримой враждѣ съ идеализмомъ.

Обращаясь отъ теоретическихъ соображеній къ практикѣ жизни, нельзя не видѣть, что буржуазность приводитъ къ стѣсненіямъ личности съ двухъ сторонъ: со стороны политической—идеями національнаго патріотизма и сословности, со стороны внутренней—утилитаризмомъ. Исходя изъ понятія о неизбѣжности принудительнаго воздѣйствія однихъ общественныхъ силъ на другія, она признаетъ необходимымъ раздѣленіе человѣчества на большія замкнутыя группы, называемыя народами, государствами. Въ предѣлахъ этихъ группъ производится опредѣленная законодательная и административная работа, съ правомъ суда и наказанія, —немногими лицами для очень многихъ. Въ предѣлахъ этихъ-же группъ одни классы возвышаются надъ другими, и такимъ образомъ, ради удобства исполненія указанныхъ задачъ, неравенство людей, сложившееся историческимъ путемъ, санкціонируется, какъ что-то принципіально необходимое. Національность, патріотизмъ, сословность—это совершенно правильные выводы изъ опредѣленныхъ посылокъ буржуазнаго міровоззрѣнія. Люди, принимающіе основныя положенія этого міровоззрѣнія, но отрицающіе при этомъ идеи національности и сословности, дѣлая уступку требованіямъ гуманности, находятся въ противорѣчіи сами съ собой. Въ области внутреннихъ интересовъ человѣка, буржуазность, стремящаяся прежде всего къ внѣшнему устроенію жизни, требуетъ подчиненія личности единообразному шаблону и стѣсняетъ не только человѣческое поведеніе, но и самую мысль, которая для своего развитія нуждается въ полной независимости отъ какихъ-либо утилитарныхъ предписаній. И люди, искренне заинтересованные въ наиболѣе широкомъ благополучіи народныхъ массъ, постоянно выдвигавшіе изъ своей среды смѣлыхъ поборниковъ юридической справедливости и свободы, преслѣдуя главнымъ образомъ задачи внѣшняго благополучія этихъ массъ, невольно направлялись по тому-же буржуазному пути. Они требовали сосредоточенія всѣхъ силъ человѣка въ одномъ направленіи и, толкая интеллигентное общество на борьбу за право, готовы были на время затоптать лучшія, высшія, идеальныя стремленія людей въ области науки, философіи, искусства. Историческія эпохи смѣняли и до безконечности будутъ смѣнять другъ друга, борьба людей за убѣжденія будетъ принимать все болѣе и болѣе утонченныя формы, а идеальные интересы человѣческаго развитія, живая душа всякаго культурнаго прогресса, будутъ все держаться подъ запретомъ буржуазнаго утилитаризма, какъ что-то второстепенное, не важное, не срочное. Та-

ковы практическіе выводы, къ которымъ неизбѣжно приходятъ люди, сознательно или безсознательно таящіе въ своихъ мысляхъ язву буржуазности. Ихъ вліяніе на культурную работу интеллигентныхъ слоевъ всегда скажется въ приниженіи общаго нравственнаго уровня, въ притупленіи чутья къ научной и соціальной истинѣ. Ихъ выводы никогда не лягутъ въ основу настоящей, широкопонятой практической морали.

Современная русская журналистика даетъ поучительный матеріалъ для подтвержденія высказанныхъ нами взглядовъ на природу буржуазности. Всѣ дѣятели русской журналистики принадлежатъ къ буржуазному типу, несмотря на явную оппозицію двухъ партій, противоположныхъ въ политическомъ отношеніи. Такъ называемые консерваторы, идя до конца въ своихъ стѣснительныхъ требованіяхъ, стремятся къ ограниченію юридической свободы, предоставляя—только на словахъ—свободу нравственной и умственной личности. Такъ-называемые либералы. закрывая глаза на свою непослѣдовательность, являются поборниками юридическаго обезпеченія человѣка, но для облегченія историческаго процесса охотно приносятъ въ жертву желанному соціальному благополучію невещественные интересы духовной личности. Ни одинъ изъ существующихъ въ Россіи журналовъ не составляетъ исключенія изъ этого общаго положенія вещей. Въ каждомъ изъ нихъ, при внимательномъ анализѣ, легко открыть присущую ему черту буржуазности. При нѣкоторыхъ колебаніяхъ основной руководящей мысли, каждый изъ нихъ ведетъ свою публицистическую линію, развиваетъ свою программу, но въ какомъ-нибудь пунктѣ неизбѣжно сбивается на широкую, хорошо протоpенную дорогу грубаго житейскаго утилитаризма. Этихъ журналовъ не много, и физіономія каждаго изъ нихъ настолько закончена, что легко поддается характеристикѣ.

Вотъ старый, солидный, маститый журналъ, съ давнихъ поръ сохраняющій неизмѣнно твердую позицію среди другихъ органовъ русской печати. Это журналъ либеральный, съ исключительно юридическимъ идеаломъ, съ аргументаціей—по корректности тона, по духу утонченнаго правоваго эмпиризма—слегка похожей на классическія касаціонныя рѣшенія правительствующаго сената. Строго выдерживая направленіе юридической либеральности, журналъ этотъ какъ-бы выдаетъ своимъ сотрудникамъ патентъ настоящаго прогрессивнаго благомыслія. Въ политической сферѣ у него есть своя практическая задача, которая разрабатывается посредствомъ осторожной юридической полемики и дѣловитыхъ правовыхъ параллелей. Чисто литературная сторона журнала обличаетъ нѣкоторое равнодушіе редакціи къ философскимъ и эстетическимъ вопросамъ и носитъ отпечатокъ умѣреннаго утилитаризма.

Заговорите съ этимъ либеральнымъ журналомъ о *внутренней*, духовной культурѣ общества, бросьте горячій упрекъ обществу за отсталость въ области отвлеченныхъ идей,—и онъ въ холодныхъ, безстрастныхъ выраженіяхъ попроситъ васъ сдержать свои порывы, не отвле-

кать вниманія интеллигентныхъ людей отъ медленной, но полезной работы либеральныхъ канцелярій.

Вотъ другой журналъ—тоже либеральный, но съ не столь выдержанной и не столь застывшей физіономіей. Это журналъ—безъ самостоятельныхъ преданій въ области политической публицистики, но съ постояннымъ тяготѣніемъ къ соціологическимъ теоріямъ, со склонностью отстаивать права личности, насколько эти права могутъ быть обоснованы современной эмпирической наукой. По пріемамъ анализа общественныхъ явленій журналъ этотъ разсчитанъ на демократическую интеллигенцію. но не представляетъ строгой послѣдовательности ни въ своей полемикѣ съ официальными учрежденіями, ни въ самой доктринѣ государственности. Давая въ своихъ статьяхъ только механическое соединеніе политическихъ и соціологическихъ понятій, главные дѣятели этого журнала неизмѣнно стараются выставить свою солидарность съ представителями либеральныхъ идей чисто-политическаго типа, не почерпая изъ самой соціологіи никакихъ руководящихъ началъ для опредѣленія наилучшаго жизненнаго строя. Въ литературной области журналъ этотъ не создалъ никакой самостоятельной критики—даже въ публицистическомъ смыслѣ слова, и опирается на извѣстныя преданія, сложившіяся въ журналистикѣ болѣе радикальнаго, болѣе законченнаго и яркаго типа.

Выскажите твердое убѣжденіе о необходимости подвергнуть критическому пересмотру эстетическія и философскія теоріи отживающихъ поколѣній,—и духъ буржуазности заговоритъ въ этомъ журналѣ языкомъ встревоженнаго блюстительства, со ссылками на славные авторитеты прошедшей эпохи.

Вотъ третій журналъ—еще молодой по кратковременности своего существованія, но старый и быстро старѣющій по характеру своего теоретическаго ученія. Это журналъ съ соціологическими идеями, разрабатываемыми посредствомъ «субъективнаго метода», который держится въ литературѣ только потому, что критическая философія, съ ея строго-научною объективностью, еще не овладѣла сознаніемъ общества. Разсужденія русскихъ субъективистовъ о средствахъ достиженія общественнаго блага, понимаемаго ими въ свѣтѣ широкаго демократическаго идеала, сводятся къ туманнымъ экономическимъ теоріямъ, разсчитаннымъ на спасительную силу самобытнаго русскаго нутра въ борьбѣ съ желѣзными законами экономики. Въ сферѣ чисто литературной руководители этого журнала обнаруживаютъ грубую тенденцію сокращать и подавлять движеніе общества въ сторону «метафизики» и всякихъ «праздныхъ вопросовъ».

Всѣ вопросы отвлеченнаго мышленія, эстетики и нравственности не интересуютъ этихъ дѣятелей. То, что борется за правду не подъ ихъ знаменемъ, вызываетъ ихъ раздраженіе и глумленіе.

Мы перечислили наиболѣе важные прогрессивные русскіе журналы. Въ нихъ буржуазность сказалась, какъ мы видѣли, въ сдержанной или

несдержанной нетерпимости къ духовнымъ интересамъ личности, какъ только эти интересы заявляютъ о своемъ правѣ на существованіе въ болѣе или менѣе увѣренной, принципіальной формѣ. Журналы другого типа, не имѣющіе, правда, широкаго вліянія, играютъ на повышеніе, пользуясь временнымъ замѣшательствомъ общественныхъ силъ и опираясь на самыя грубыя проявленія буржуазнаго склада жизни. Два изъ нихъ откровенно, изъ всѣхъ силъ тянутъ линію упрямаго обскурантства и фанатическаго притѣснительства во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, третій — при разнузданной, хотя и безсильной шовинистической наглости, почему-то именуетъ себя — спасая свою нѣкогда либеральную репутацію — «національно-прогрессивнымъ». Здѣсь буржуазная мысль, не перебиваемая никакими непосредственными гуманными стремлѣніями, нашла себѣ подобающее выраженіе въ проповѣди всякихъ ограниченій по отношенію къ цѣлымъ народностямъ.

Подведя итогъ всему сказанному, мы въ немногихъ словахъ можемъ указать направленіе «Сѣвернаго Вѣстника» въ существенныхъ вопросахъ его программы. Направленіе это должно быть названо идеалистическимъ—какъ въ научной, такъ и въ жизненной области. Критическій идеализмъ, какъ мы уже сказали, обнимаетъ всѣ стороны человѣческой жизни. По самому духу своему, идеалистическая философія является источникомъ безпощадной критики въ двухъ направленіяхъ. Разбирая весь матеріалъ познавательнаго процесса, она безстрашно разрушаетъ всякія иллюзіи догматическаго мышленія. Въ области эстетики критическая философія первая обрисовала и оцѣнила значеніе художественныхъ наслажденій, придавъ красотѣ—въ произведеніяхъ искусства—возвышенный символическій смыслъ. Проникая въ глубину души, гдѣ скрыта воля, — причина человѣческой дѣятельности, она открываетъ предъ мыслящимъ сознаніемъ самое широкое поприще для практической дѣятельности. При разсмотрѣніи жизненныхъ вопросовъ всѣхъ видовъ и порядковъ — идеализмъ беретъ за основаніе истинно-философское понятіе личности съ ея разнообразными потребностями низшаго и высшаго порядка. Изучая практическую жизнь человѣчества, онъ не смиряетъ своихъ радикальныхъ требованій въ угоду какимъ-бы то ни было историческимъ обстоятельствамъ и условіямъ жизни. Онъ не вступаетъ ни въ какіе компромиссы съ заблужденіями вѣка, отвергаетъ всякіе палліативы въ вопросахъ соціальнаго благополучія и, отмѣчая различныя ступени въ историческомъ процессѣ развитія, ни на одной изъ нихъ не останавливается съ полнымъ удовлетвореніемъ. Повсюду онъ преслѣдуетъ разлагающій ядъ буржуазности. Его задача — вѣчное прогрессированіе, его орудіе—строгая безпощадная научная критика, обращенная на жизнь человѣческой души и на жизнь соціальную.

Л. Гуревичъ и А. Волынскій.

Холодныя слова.

(Рождественская фантазія).

My brethren, we are free!
Шелли.

Сумерки. *Поэтъ* стоитъ у окна и глядитъ на падающій снѣгъ. Входитъ знакомый поэта—*семьянинъ* пожилыхъ лѣтъ.

Семьянинъ.

Одинъ—какъ среди водъ скала!
Надѣюсь, хоть колокола
О праздникѣ васъ извѣстили?

Поэтъ.

Ихъ голосъ нынче такъ гудѣлъ,
Что мѣдь навѣрно отогрѣлъ.
Теперь умолкли и остыли,
Бѣлѣя, спятъ въ морозной мглѣ.

Семьянинъ.

За то проснулся на землѣ
Веселый праздникъ—ночь гаданій,
Подарковъ, ряженій, катаній.
Огни сіяютъ въ окнахъ всѣхъ.
Ужъ съ нетерпѣніемъ сквозь щелку
Глаза дѣтей вперились въ елку.
Недолго ждать—раздастся смѣхъ
И буйный топотъ въ залѣ яркомъ.

Я къ вамъ отряженный посолъ.
Я за рождественскимъ подаркомъ—
За сказкой дѣтскою пришелъ.
Идемъ. Васъ ждутъ не только дѣти,
Васъ встрѣтитъ чей-то нѣжный взглядъ.

Поэтъ.

Боюсь покинуть стѣны эти,
Хоть дѣтямъ, какъ всегда, я радъ.
Но то, что подарить-бы могъ имъ
Я въ этотъ вечеръ Рождества,
Боюсь, понравится немногимъ.

Семьянинъ.

Вашъ даръ?

Поэтъ.

Холодныя слова!

Семьянинъ.

Что это значитъ?

Поэтъ.

Въ годъ послѣдній
Я горя много перенесъ
И потопилъ въ потокахъ слезъ
Ума и сердца ложь и бредни.
И я узналъ, что мы рабы
Не случая и не судьбы,
А нами созданныхъ, притворныхъ,
Какъ вѣянье чумы тлетворныхъ,
Чувствительныхъ и теплыхъ словъ.
Подъ ихъ ярмомъ всю жизнь мы бродимъ,
Отъ рабства къ рабству переходимъ,
Куемъ оковы изъ оковъ.
Какъ послѣ комнаты угарной
Морозный воздухъ жадно пьемъ,
Такъ, никому не благодарный,
Лелѣю въ сердцѣ я своемъ
Слова свободы и безстрастья,

И непреклонности нѣмой
Предъ властью, созданной не мной.

Семьянинъ.

Но холодъ губитъ всходы счастья.

Поэтъ.

Боюсь любви, бѣгу святынь,
Чуждаюсь кроткаго безсилья,
Люблю подъемлющія крылья
И снѣгъ нетронутый вершинъ.
Передъ окномъ недавно стоя,
Пушинки снѣжныя слѣдя,
Я сказкой забавлялъ себя,
Въ которой самъ игралъ героя.

Семьянинъ.

Узнать, надѣюсь, можетъ всякъ?

Поэтъ.

Я грезилъ, будто я морякъ,
Владѣлецъ яхты быстроходной.
Насъ нѣсколько друзей. И вотъ
Изъ южныхъ странъ, изъ теплыхъ водъ
На сѣверъ ѣдемъ мы холодный.
Туда, гдѣ Полюсъ спитъ на льдахъ
Съ руномъ серебрянымъ въ рукахъ,
Туда, гонимы жаждой правды,
Летимъ, дней новыхъ Аргонавты.
Пустыненъ путь нашъ и тяжелъ.
На мѣстѣ солнца—отблескъ снѣга,
Да незакатно блещетъ Вега
И не скрывается Орелъ.
Тамъ въ небѣ бродитъ лучъ зеленый,
На льдинахъ—голубая тѣнь.
За тою полночью безсонной
Какъ-будто дремлетъ дальній день.
Тамъ средь ночныхъ небесъ нежданно
Снопы разсыплются лучей,
Заря безъ утра, несказанно

Прекрасный бредъ нѣмыхъ ночей.
Мы плыли вверхъ, все ближе къ цѣли,
Мы надъ пучинами летѣли
Кристальныхъ водъ, вдоль бѣлыхъ стѣнъ.
И вдругъ зима взяла насъ въ плѣнъ.
Поля разбились ледяныя
И взгромоздилися въ холмы,
Стѣснились глыбы голубыя—
И нѣтъ намъ бѣгства изъ тюрьмы!
Корабль нашъ сплющило. Какъ нынѣ,
То было въ вечеръ Рождества.
И мы погибли всѣ въ пустынѣ.
Но вѣрь: предсмертныя слова
Не блѣдной жалобой звучали.
И если-бы спаслись, едва-ли
Мы помышляли-бъ объ иномъ,
Какъ вновь отправиться въ дорогу
Къ тому невѣдомому богу,
За тѣмъ серебрянымъ руномъ.
Не знаю, какъ друзья уснули,
Но мой былъ тихъ и сладокъ сонъ.
Моей душой былъ отраженъ
Прозрачный, синій лучъ. Тонули
И очищались мысли въ немъ.
И вдругъ въ уборѣ ледяномъ
Ко мнѣ склонился онъ—желанный,
Царь Полюса, звѣздой вѣнчанный,
И сталъ шептать:
«Я—духъ сребристый—
Тебѣ, въ сіяньи красоты,
Кладу на грудь цвѣтокъ свой чистый.
Онъ не умретъ, какъ всѣ цвѣты.
«Насъ двое братьевъ. Направляемъ
Мы средь пространствъ земной нашъ міръ
И буйство жизни погружаемъ
Въ студеный, трепетный эѳиръ.
«О, если-бъ зналъ ты, что за сила
Дана той стужѣ міровой.
Въ ней раскаленныя свѣтила
Плывутъ и гаснутъ чередой.
«И такъ въ душѣ освобожденной
Огни страстей и суеты

Объяты бездной охлажденной
Молчанья, силы, чистоты.
«Но вамъ страшна еще свобода,
И слишкомъ жгуча ваша рѣчь.
Богиня новая у входа.
Ея слова не будутъ жечь.
«Прими-жъ мой даръ, какъ жизнь, безцѣльный.
Теперь стоишь въ концѣ пути.
Мои лобзанія смертельны.
Усни, остынь, забудь, прости!»..
Такъ онъ шепталъ мнѣ. Впрочемъ, тутъ
Конецъ моей полярной сказкѣ.

Семьянинъ.

Вамъ нужды нѣтъ въ моей указкѣ.
Но жаль: васъ дѣти не поймутъ.
(Прощается и уходитъ).

Н. Минскій.

Вопросы самообразованія.

О самообразованіи по зоологіи.

Вопросъ, который предложила редакція «Сѣвернаго Вѣстника», является наиболѣе затруднительнымъ по отношенію къ наукамъ естественнымъ. Нигдѣ самообразованіе не встрѣтитъ такихъ препятствій, какъ именно здѣсь. Для ознакомленія съ каждой естественно-исторической наукой необходимо: во-первыхъ, усвоеніе фактовъ, во-вторыхъ, усвоеніе метода, въ-третьихъ, усвоеніе общихъ выводовъ.

Усвоеніе общихъ положеній—дѣло весьма нетрудное, не требующее ни лабораторіи, ни даже особыхъ усилій. Но усвоеніе этихъ общихъ выводовъ въ той формѣ, какъ оно совершается обыкновенно, по большей части является и непрочнымъ, и не вполнѣ цѣлесообразнымъ. Усвоеніе выводовъ должно опираться на знакомство съ фактами и съ методомъ, какъ вершина пирамиды опирается на ея основаніе. На дѣлѣ-же по большей части бываетъ такъ, что пирамида знаній строится вершиной внизъ, а основаніемъ вверхъ. Отсюда и ея неустойчивость.

Надо, однако, сознаться, что устранить этотъ недостатокъ чрезвычайно трудно. Для ознакомленія съ фактами и методомъ почти каждой естественно исторической науки необходима лабораторія, на помощь которой невозможно разсчитывать при самообразованіи. Наши зоологическіе сады настолько несовершенны, что могутъ служить лишь развѣ для удовлетворенія любопытства ребенка или простолюдина; наши музеи, состоящіе при ученыхъ учрежденіяхъ отнюдь не принаровлены для популяризаціи знаній, да и не для этой цѣли они создавались. Для популяризаціи нужны музеи, обставленные совершенно особымъ образомъ.

Такимъ образомъ, надо имѣть въ виду, что источниками обученія при самообразованіи является книга, да окружающая природа. Природа,

конечно, великій учитель, но учитель нѣмой, и только лабораторія заставляетъ ее говорить понятнымъ каждому языкомъ.

Вопросъ сводится, слѣдовательно, къ тому, возможно-ли при самообразованіи такъ или иначе замѣнить лабораторію? Конечно, отчасти возможно, потому что для многихъ манипуляцій необходимы лишь пинцетъ, да ножницы. Но необходимо еще руководство, если не устное, то хоть книжное. Такого руководства, которое могло-бы замѣнить для начинающаго устное указаніе, покуда нѣтъ ни въ русской, ни въ иностранной литературѣ. То, что есть, или неудовлетворительно, или непригодно для начинающаго. Самообразованіе естественно-историческое настолько трудная вещь, что требуетъ и книгъ, спеціально для него написанныхъ, а между тѣмъ большинство книгъ писалось и пишется въ видѣ пособія при преподаваніи классномъ или лекціонномъ. Это нужно всегда имѣть въ виду. Всетаки, первый совѣтъ, который можно дать лицу, пожелавшему самоучкой заняться зоологіей: прежде всего наблюдайте. Рѣжьте, вскрывайте, постарайтесь разгадать то, что вы видите. Рѣжьте самыми первобытными способами, разсматривайте при помощи самыхъ дѣтскихъ лупъ, ошибайтесь, дѣлайте невѣроятныя открытія, но всетаки наблюдайте. Заводите акваріумы, хотя-бы въ простыхъ стаканахъ; коллектируйте, хотя-бы самыхъ доступныхъ животныхъ, но не ограничивайтесь книгами.

Впрочемъ, относительно коллектированія надо сдѣлать оговорку: слишкомъ часто оно переходитъ въ собираніе красивыхъ насѣкомыхъ, набиваніе чучелъ и т. п. безполезныя съ точки зрѣнія самообразованія занятія. Собиратель начинаетъ дорожить внѣшностью добычи, и потомъ получаетъ отвращеніе къ вскрытію и превращается въ завзятаго коллектора, котораго Геккель совершенно справедливо уподобляетъ собирателю марокъ. Такое коллектированіе зачастую не только не служитъ самообразовательнымъ цѣлямъ, а скорѣе вредно для нихъ. И такъ, первый шагъ въ изученіи зоологіи долженъ состоять въ изученіи фактовъ въ связи съ наблюденіемъ. Область наблюденія, однако, остается при этомъ чрезвычайно ограниченной. Всѣ морскія формы, и ихъ громадное большинство, всѣ микроскопическія животныя, требующія для изученія спеціальныхъ пріемовъ, наконецъ, сама клѣтка со всѣми проявленіями ея жизни—все это недоступно наблюденію самоучки, если только онъ не отличается исключительными способностями, или не стоитъ въ исключительныхъ условіяхъ.

Ознакомленіе съ методомъ естествознанія лучше всего достигается, конечно, при спеціальныхъ работахъ. Только въ этомъ случаѣ занимающійся усваиваетъ вполнѣ умѣніе обращаться съ добытыми фактами и умѣніе обобщать ихъ. Фактическое знаніе—дѣло памяти. Усвоенный методъ кладетъ отпечатокъ на мышленіе. Но здѣсь самоучка находится

еще въ болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ по отношенію къ фактической сторонѣ зоологіи. Едва-ли не единственная область, которая доступна, для наблюденія самоучки—это зообіологія. Въ настоящее время она выходитъ на новую дорогу: время собиранія разсказовъ о злыхъ обезьянахъ, умныхъ собакахъ, добродѣтельныхъ пчелахъ и т. п. миновало. Антропоморфизмъ изгнанъ и отсюда. Но за то открылось цѣлое поле для научнаго опыта, опыта, по своей обстановкѣ зачастую доступнаго каждому. Цѣлая масса вопросовъ о природѣ того или другого инстинкта, о его происхожденіи и доли участія сознанія въ инстиктивныхъ актахъ—все это можетъ служить темой для наблюдателя самоучки.

Дѣло идетъ не о томъ, конечно, чтобы всѣхъ людей, желающихъ познакомиться съ зоологіей, обратить въ спеціалистовъ, а о томъ, чтобы каждый изъ нихъ усвоилъ на одномъ какомъ-нибудь примѣрѣ пріемы и методы естественно-историческаго обобщенія. Не надо забывать того, что массой данныхъ наука обязана любителямъ.

Я не касаюсь, однако, въ данномъ случаѣ дѣятельности любителей-орнитологовъ, энтомологовъ и фаунистовъ вообще, такъ какъ степень ихъ зоологическаго развитія стоитъ, или должна стоять, по крайней мѣрѣ, выше, чѣмъ таковая простаго любителя-натуралиста.

Потомъ, я отнюдь не вижу бѣды, если любитель увлечется какимъ-нибудь спеціальнымъ вопросомъ и посвятитъ ему нѣкоторую долю своего времени. Для нась странно было-бы слышать, напр., что земскій начальникъ или прокуроръ изслѣдуютъ рабовладѣльческій инстинктъ муравьевъ, но не странно слышать, что этотъ вопросъ изслѣдованъ членомъ англійскаго парламента Леббокомъ. Не только въ такомъ увлеченіи нѣтъ бѣды, но для иного оно дало-бы разумное освѣщеніе хотя-бы нѣкоторой части жизни, создало-бы уютный уголокъ, гдѣ могла-бы отдохнуть душа отъ окружающей безсодержательности, если судьба наградила ею человѣка.

Итакъ второй совѣтъ: изслѣдуйте то, что возможно. Подвергните изслѣдованію хотя-бы самый незначительный фактъ, но все-таки попытайтесь это сдѣлать.

Наконецъ, переходимъ къ усвоенію общихъ положеній. Безспорно, что это усвоеніе, даже и въ его несовершенной формѣ, имѣетъ громадное значеніе. Оно освѣщаетъ не только животный міръ, но и человѣка особымъ образомъ: оно заставляетъ взглянуть на человѣка, на его отношенія къ другимъ людямъ снизу вверхъ, а при такомъ взглядѣ не только объясняется многое непонятное, но и намѣчается также путь будущаго. Объ этомъ слишкомъ много было писано, чтобы останавливаться долѣе. Замѣчу только, что при болѣе широкомъ распространеніи естественно-историческихъ воззрѣній, многіе, волнующіе наше общество, вопросы,

какъ вопросъ о вегетаріанствѣ, вопросъ о безбрачіи и т. п., получили-бы совершенно новое освѣщеніе.

Нѣсколько словъ о прилагаемомъ спискѣ книгъ для чтенія. Онъ по возможности кратокъ и состоитъ изъ книгъ исключительно на русскомъ языкѣ. Поэтому пусть читатель не удивляется, если рядомъ съ первоклассным, европейски извѣстнымъ именемъ онъ встрѣтитъ имя, иногда ему очень мало говорящее. Бѣдность нашей зоологической литературы не позволяетъ дѣлать выбора. Въ силу этого-же обстоятельства предлагаемый списокъ не можетъ быть полнымъ. Неполнота отдѣловъ IV и VII особенно бросится въ глаза читателю, но она покуда является неизбѣжной.

I. Клѣтка и ея жизнь:

1. *О. Гертвигъ.* Клѣтка и ткани. Основы общей анатоміи и физіологіи. Перев. и дополнили П. Бородинъ и Н. Холодковскій. Спб. Изд. Риккера. 1844 г.

2. *М. Ферворнъ.* Общая физіологія. Основы ученія о жизни. Перев. Шлатера подъ ред. проф. Павлова. Изд. Эриксона.

Обѣ означенныя книги могутъ служить, взаимно дополняя другъ друга, прекраснымъ матерьяломъ для знакомства не только съ строеніемъ и отправленіемъ клѣтки, какъ жизненной единицы, но и съ біологическими явленіями вообще.

II. По зоологіи и сравнительной анатоміи:

Рих. Гертвигъ. Учебникъ зоологіи, перев. съ измѣненіями и дополненіями проф. Заленскаго. Одесса. Изд. Шлейхера. 1895 г.

Полежаевъ и Шимкевичъ. Курсъ зоологіи позвоночныхъ, вып. I. Изд. Суворина 1891 г.

Нѣкоторое знакомство съ организаціей животныхъ, насколько оно возможно, безъ лабораторіи можетъ быть достигнуто изученіемъ первой книги, необходимой также и въ качествѣ справочной. Во второй книжкѣ читатель найдетъ сжатое, хотя уже отчасти устарѣвшее, изложеніе современныхъ сравнительно анатомическихъ ученій. 2 и 3 вып. этой книги излишни при наличности первой.

III. По эмбріологіи:

О. Гертвигъ. Учебникъ эмбріологіи животныхъ позвоночныхъ. Перев. Шульгина. Одесса. Изд. Шлейхера. 1889 г.

О. Гертвигъ. Современные спорные вопросы біологіи, вып. 1. Эволюція или эпигенезисъ. Перев. В. Львова. Москва. Изд. Мамонтова. 1895 года.

П. Шмидтъ. Біологическіе этюды; I. развитіе при искусственныхъ условіяхъ. Изд. журн. «Научное Обозрѣніе». 1895 г.

Къ несчастію, ни въ нашей, ни въ заграничной литературѣ не существуетъ болѣе или менѣе общедоступнаго изложенія основъ развитія

безпозвоночныхъ животныхъ. Учебникъ О. Гертвига вполнѣ удовлетворитъ читателя въ этомъ смыслѣ только по отношенію къ позвоночнымъ.

Вторая книжка, небольшая брошюра О. Гертвига, знакомитъ читателя съ общими задачами эмбріологіи. Примѣчанія, коими ее снабдилъ переводчикъ, по большей части представляютъ исключительно личныя воззрѣнія переводчика.

Брошюрка Шмидта единственная на русскомъ языкѣ, посвященная экспериментальной эмбріологіи, которой, повидимому, принадлежитъ рѣшеніе главнѣйшихъ біологическихъ задачъ.

IV. По общей біологіи.

Дарвинъ, *Ч.* Полное собраніе сочиненій. Перев. подъ ред. проф. Тимирязева. Изд. Поповой. Спб. Москва.

Келлеръ, *К.* Жизнь моря. Перев. П. Шмидта. Изд. Девріена. 1896 г.

Вальтеръ. Море и его жизнь. Перев. подъ ред. проф. Краснова. Харьковъ. 1895 г.

Вагнеръ, *В.* Вопросы зоопсихологіи. Изд. Пантелѣева. Спб. 1896 г.

Знакомство съ сочиненіями Дарвина, помимо теоретической ихъ важности, имѣютъ громадное воспитательное значеніе. Сочиненія эти могутъ служить образцомъ научнаго обобщенія. Книги Келлера и Вальтера знакомятъ читателя съ біологіей моря, которому принадлежатъ наиболѣе важныя для теоретическихъ обобщеній формы, и гдѣ жизнь находитъ наиболѣе разнообразное выраженіе. Книга В. Вагнера знакомитъ читателя съ современнымъ направленіемъ зоопсихологіи.

V. По исторіи зоологіи.

Осборнъ. Отъ грековъ до Дарвина. Переводъ изготовляется фирмой Павленкова.

Борзенковъ. Чтенія по сравнительной анатоміи. Ученыя зап. моск. унив., вып. 4. 1894 г.

Первая книга содержитъ очеркъ развитія эволюціонной идеи; вторая очеркъ развитія сравнительной анатоміи въ связи съ философскими ученіями.

VI. Пособія для наблюденія.

Браунъ. Практическое руководство по анатоміи животныхъ. Перев. Э. Брандта. Изд. Риккера. Спб. 1887 г.

Вагнеръ, *Ю.* Мой акваріумъ. Изд. журнала «Игрушечка». 1895 г.

Золотницкій. Акваріумъ любителя. Москва.

Программы и наставленія для наблюденія и собиранія коллекцій. Изд. Спб. Общ. Ест. 1891 г. (готовится 4-е изданіе).

Пособіе Брауна рекомендуется только за неимѣніемъ на русскомъ языкѣ другой книги въ этомъ родѣ. Книжечка Ю. Вагнера, несмотря на то, что написана для дѣтей, можетъ быть очень полезна для устрой-

ства акваріума для наблюденій; изданныя Спб. Обществомъ естествоиспытателей «Программы» важны какъ наставленіе при коллективированіи.

VII. Для болѣе подробнаго ознакомленія съ отдѣльными классами.

Мензбиръ. Птицы Россіи. Москва. 1893—5 г.

Эверсманнъ, Э. Естественная исторія Оренбургскаго края; часть вторая (Звѣри). Казань. 1850 г.

Холодковскій, Н. Краткій курсъ энтомологіи. Изд. Лѣсного Департ. Спб. 1890 г. (готовится второе изданіе).

Сабанѣевъ, Л. Рыбы Россіи, жизнь и ловля (уженіе) нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ. Изд. Карцева. Москва. 1892 г.

Варпаховскій. Опредѣлитель рыбъ бассейна рѣки Волги. Спб. 1889 г.

Всѣ означенныя книги рекомендуются главнымъ образомъ въ качествѣ справочныхъ книгъ, но собственно онѣ предназначены для лицъ, желающихъ заняться изученіемъ того или другого класса съ фаунистической точки зрѣнія.

В. Шимкевичъ.

Самообразованіе въ зоопсихологіи.

На вашъ вопросъ о книгахъ по зоопсихологіи, которыя могли-бы быть рекомендованы для чтенія на русскомъ языкѣ, я затрудняюсь дать опредѣленный отвѣтъ. Единственныя книги, спеціально посвященныя этому предмету на русскомъ языкѣ, принадлежатъ П. Флурансу: «Объ инстинктѣ и умѣ животныхъ (перев. 3-го франц. изд 185 г. Петерб.), и Роменсу: «Умъ животныхъ» (перев. со 2-го англ. изд. 1888. Петерб.). Другое изслѣдованіе этого послѣдняго автора: «Mental evolution in animals» на русскій языкъ не переведено. О книгѣ Флуранса я скажу ниже. Что касается Роменса, ни той, ни другой его книги я рекомендовать для чтенія, въ качествѣ источника для самообразованія, не могу, особенно первую изъ нихъ. Нельзя рекомендовать этихъ книгъ потому, что обѣ онѣ построены на одномъ и томъ-же ложномъ принципѣ, по которому явленія въ жизни животныхъ, будто-бы, либо вовсе не могутъ быть объяснены, либо могутъ быть объяснены только путемъ ихъ оцѣнки по аналогіи съ соотвѣтствующими явленіями въ душевной жизни человѣка [1]).

---

[1]) Этотъ принципъ мы встрѣчаемъ и въ большинствѣ изслѣдованій по этому предмету, его мы находимъ и въ обширномъ изслѣдованіи В. Вундта «Душа человѣка и животныхъ» (перев. со 2-го нѣмец. изд. д-ра Розенбаха. Петерб. 1894), изслѣдованіе, которое для знакомства съ зоопсихологіей даетъ гораздо меньше, чѣмъ это можно было-бы ожидать, судя по заглавію Такая точка зрѣнія привела автора

Я уже имѣлъ случай высказать въ печати, что господствующій методъ изученія вопросовъ зоопсихологіи—методъ субъективный [1]) самъ въ себѣ заключаетъ такіе элементы, которые дѣлаютъ изслѣдованія вопросовъ науки этимъ путемъ спорными и часто безплодными. Такихъ изслѣдованій вопросовъ, которыя-бы строго держались *объективнаго метода*, я въ русской литературѣ не знаю. Въ литературѣ западно-европейской мы встрѣчаемъ попытки въ этомъ направленіи лишь у очень немногихъ натуралистовъ, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ находимъ, то рядомъ съ ними (то-есть выводами, добытыми методомъ, точкою отправленія котораго служитъ идея о томъ, что въ изученіи зоопсихологіи, какъ и явленій природы вообще, надо идти отъ животныхъ къ человѣку, а не наоборотъ) мы встрѣчаемъ выводы, построенные и на аналогіи дѣйствій животныхъ съ дѣйствіями человѣка. Причина явленія объясняется слѣдующимъ. Въ то время какъ субъективный методъ вовсе не нуждается ни въ обиліи фактическаго матеріала, ни въ его систематическомъ и всестороннемъ изученіи, сравнительно-психологическій не дѣлаетъ ни одного шага независимо отъ фактовъ. Отсюда необходимость такого обилія ихъ для заключеній по этому послѣднему методу, какимъ наука до сихъ поръ далеко еще не располагаетъ, вслѣдствіе чего методъ этотъ до сихъ поръ остается скорѣе теоретически-желаемымъ, чѣмъ фактически осуществленнымъ. Отсюда и причина господства метода субъективнаго, который, основываясь на аналогіяхъ, замѣняющихъ фактическій матеріалъ, даетъ намъ законченныя системы, а иногда и обширныя и очень остроумныя изслѣдованія.

Другое дѣло методъ объективный.

Въ нашей наукѣ для рѣшенія задачи въ этомъ направленіи существуютъ два пути—двѣ стороны одного и того-же метода: ***сравнительно-физіологическій*** и ***сравнительно-психологическій***. Тѣмъ и другимъ мы изучаемъ, разумѣется, одно и то-же, т. е. функцію нервной системы, но пріемы этого изученія различны.

Сравнительно-физіологическій методъ, которымъ Боннетъ пользовался

къ многочисленнымъ ошибкамъ и къ сплошному антропоморфизму въ изслѣдованіи предмета.

[1]) Въ болѣе общемъ смыслѣ мы встрѣчаемъ этотъ терминъ у Конта въ его «Système Politique positive». Философъ разумѣлъ подъ методомъ субъективнымъ тотъ путь изученія явленій, при которомъ мы идемъ *отъ человѣка къ природѣ*, въ противуположность объективному, который онъ считаетъ единственно удовлетворяющимъ требованіямъ изслѣдованія тамъ, гдѣ мы восходимъ отъ природы къ человѣку (Auguste Comte „Système Politiqne positive". 1851). Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова подъ этимъ терминомъ въ зоопсихологіи разумѣется *методъ опредѣленія оцѣнки явленій и установленія связи ихъ между собой на основаніи критеріума, почерпнутаго не столько изъ самихъ явленій, сколько изъ личнаго пониманія ихъ авторомъ, изъ личнаго міросозерцанія*.

слишкомъ сто лѣтъ назадъ («Hypothèse sur l'âme des bêtes et leur industrie»),—хотя и далъ уже для рѣшенія вопросовъ зоопсихологіи такъ много цѣннаго матеріала, что мы имѣемъ полное право считать его за одинъ изъ путей, которымъ эта наука изъ лабиринта личныхъ догадокъ и мнѣній будетъ выведена на почву точнаго знанія, — тѣмъ не менѣе, однако, онъ безсиленъ отвѣтить на многіе вопросы, которые давно поставлены на очередь біологическими наблюденіями. Во всякомъ случаѣ, если физіологія положила основаніе нашей наукѣ, то завершеніе свое она получитъ отъ сравнительной психологіи. Что касается до послѣдняго, то мы разумѣемъ подъ нимъ не тотъ путь, который заключается въ разсмотрѣніи взятаго на выдержку болѣе или менѣе интереснаго факта и построеніе по его поводу разнаго рода, хотя-бы и блестящихъ, соображеній, а въ томъ, чтобы *сравнивать между собою* серіи фактовъ, отвлекать отъ нихъ то, что есть въ нихъ общаго, и этимъ путемъ устанавливать заключенія.

Зоопсихологія, какъ это само собою слѣдуетъ изъ свойства этой науки — ея внутренней природы — должна была быть, и на самомъ дѣлѣ есть, наука, несравненно болѣе молодая, чѣмъ морфологія, и такъ какъ исторія развитія сродныхъ наукъ совершается по однимъ и тѣмъ-же путямъ и законамъ, то не трудно понять, почему здѣсь—въ области зоопсихологіи—разсужденія о томъ или другомъ психологическомъ явленіи, взятомъ на выдержку, безъ всякаго сравненія его съ такого-же рода явленіями въ родственной группѣ животныхъ, принимаются за вполнѣ удовлетворительный для научныхъ обобщеній и выводовъ матеріалъ. Потому-ли удовлетворяются этимъ, что другого у насъ нѣтъ, (такъ какъ до сихъ поръ мы не имѣемъ ни одной систематически изученной группы животныхъ съ точки зрѣнія вопросовъ зоопсихологіи),—или потому, что самый этотъ методъ обработки нашей науки дѣйствительно является вполнѣ удовлетворительнымъ и въ другомъ не имѣетъ надобности — этого я не могу здѣсь разсматривать. Фактъ таковъ: ***явленія изъ жизни животныхъ мы изучаемъ не въ генетической связи ихъ другъ съ другомъ, а на выдержку***, довольствуясь для объясненія психологической природы ихъ аналогіей съ соотвѣтствующими явленіями въ жизни высшихъ животныхъ, при чемъ степень вѣроятности такой аналогіи, ея предѣлъ и свойство — все это является дѣломъ чисто субъективнымъ. Другими словами, зоопсихологіи, какъ наукѣ, не достаетъ именно того, чего не доставало зоологіи временъ Гете, когда, по словамъ великаго поэта, занимались разговорами о томъ, *для чего даны быку рога*, а не старались себѣ выяснить, *какъ эти рога образовались*. Морфологическое изученіе организмовъ *стало* съ тѣхъ поръ сравнительнымъ; зоопсихологіи-же *предстоитъ* или вести свои изслѣдованія тѣмъ-же методомъ, или не претендовать на мѣсто въ семьѣ точныхъ наукъ. Такого

курса зоопсихологіи, такого трактата, которые удовлетворяли-бы требованіямъ объективнаго метода зоопсихологіи вполнѣ, мы не знаемъ.

Вслѣдствіе сказаннаго, мы можемъ рекомендовать книги, посвященныя зоопсихологіи лишь условно, т. е. съ такими оговорками, которыя вытекаютъ изъ установленной нами выше точки зрѣнія на этотъ предметъ.

Безусловно лучшее, чѣмъ располагаетъ наука въ этомъ отношеніи, заключается въ VII главѣ книги Дарвина «О происхожденіи видовъ». Глава эта—«*объ инстинктѣ*»—заключаетъ въ себѣ не только интересные факты, но—что еще важнѣе—и попытку приложить къ ихъ оцѣнкѣ тотъ сравнительный методъ изученія явленій зоопсихологіи, о которомъ было говорено выше. Къ сожалѣнію, предостерегая изслѣдователей отъ возможности впасть въ ошибку, руководствуясь въ вопросахъ зоопсихологіи сравненіемъ дѣйствія высшихъ животныхъ, и особенно человѣка, съ дѣйствіями животныхъ низшихъ, самъ Дарвинъ, поставленный въ необходимость всею совокупностью *литературнаго матеріала*, въ большинствѣ случаевъ *не могъ* держаться иного метода, кромѣ субъективнаго, который и у него, какъ и у другихъ авторовъ, является безусловно господствующимъ. Его преемники и послѣдователи въ этомъ отношеніи или не внесли ничего новаго, какъ Уэллесъ («Естественный подборъ») и Роменсъ («Mental evolution in animals» и «Animal intelligence») и другіе, — или сдѣлали даже шагъ назадъ, какъ Пуше, напримѣръ («L'instinct des insectes», Revue des deux Mondes. 1870).

Для владѣющихъ иностранными языками можно рекомендовать посмертныя сочиненія Дарвина: «Gesamelte kleinere Schriften von Ch. Darvin» D r Er. Krauze. Въ этой книгѣ читатель встрѣтитъ и новые факты, и очень интересныя соображенія великаго натуралиста по многимъ вопросамъ зоопсихологіи: напр. «О генезисѣ сложныхъ инстинктовъ», и др. На французскомъ языкѣ ихъ можно найти въ приложеніи къ книгѣ Роменса «Evolution mentale chez les animaux» (перев. съ англійск. de Varigny). На англійскомъ языкѣ посмертныя сочиненія Дарвина, если не ошибаюсь, имѣются отдѣльной книжкой.

Кромѣ Дарвина можно указать еще на упомянутую выше книжку П. Флуранса: «Объ инстинктѣ и умѣ животныхъ». Книжка эта представляетъ интересъ не столько по тѣмъ идеямъ, которыя излагаются авторомъ (онъ, какъ и другіе ученые того времени особенно, держится исключительно субъективнаго метода), сколько въ качествѣ очерка историческаго развитія воззрѣній на эту область явленій. Читатель найдетъ здѣсь краткое указаніе воззрѣній Декарта, Бюффона, Реомюра, Кондильяка, Леруа, Фр. Кювье и др.

Въ близкой связи съ вопросами зоопсихологіи стоятъ многія страницы прекраснаго изслѣдованія Спенсера «Основанія психологіи» (перев. со

2-го англ. изд. 1876 г. Петерб.). Читатель найдетъ здѣсь цѣлыя главы, посвященныя этой сторонѣ предмета; таковы: «Рефлексъ», «Инстинктъ», «Генезисъ простыхъ нервныхъ системъ» (т. II) и др.

Вотъ и все, что въ немногихъ словахъ можетъ быть мною указано въ качествѣ источниковъ самообразованія, по интересующему насъ отдѣлу науки. Болѣе подробныя указанія по этому предмету читатель можетъ найти въ печатающейся въ настоящее время моей книгѣ: «Вопросы зоопсихологіи», въ которой разсматриваются методы науки, вопросъ о генезисѣ инстинктовъ, явленія такъ называемыхъ ошибокъ инстинкта и, наконецъ, отношенія инстинкта къ разуму.

Вл. Вагнеръ.

Возможно ли самообразованіе въ области математики?

Въ отвѣтъ на ваше письмо по вопросу о способахъ изученія математики посредствомъ чтенія на дому, считаю долгомъ сообщить вамъ слѣдующее:

1) По моему мнѣнію, изученіе математики безъ помощи руководителя и при отсутствіи *устнаго* систематическаго преподаванія, по однимъ только книгамъ, доступно лишь для людей съ исключительными способностями, вообще-же совершенно невыполнимо. Я держусь того мнѣнія, что если гдѣ-либо необходимо устное изложеніе предмета, то больше всего именно въ математикѣ, не только низшей, но и высшей. Поэтому я не могу назвать такихъ сочиненій, изученіе которыхъ было-бы вполнѣ доступно безъ помощи преподавателя.

2) Сказанное выше не исключаетъ, однако, какъ мнѣ кажется, возможности ознакомленія по книгамъ съ элементами высшей математики въ томъ случаѣ, когда математикѣ отводится роль вспомогательнаго предмета, необходимаго для пониманія извѣстныхъ отдѣловъ прикладныхъ наукъ, какъ-то физики, механики и астрономіи, въ особенности при возможности разъяснить возникающія при чтеніи недоразумѣнія съ помощью хотя-бы и отдѣльныхъ указаній компетентныхъ лицъ, возможности, которая зачастую имѣетъ мѣсто даже вдали отъ научныхъ центровъ. Имѣя въ виду такую служебную цѣль, можно, по моему мнѣнію, ограничиться (конечно лицамъ, знакомымъ съ гимназическимъ курсомъ) ознакомленіемъ съ началами аналитической геометріи, дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія по руководствамъ хотя-бы *Briot et Bouquet*—Géométrie analytique, *Sturm*—Cours d'Analyse. (Сочиненія эти переведены и на русскій языкъ, но за достоинство перевода я ручаться не могу).

Повторяю въ заключеніе, что приступающій къ чтенію этихъ (или подобныхъ имъ) курсовъ 1) долженъ быть знакомъ съ курсомъ мужскихъ гимназій 2) готовъ къ встрѣчѣ съ затрудненіями, преодолѣніе которыхъ потребуетъ обращенія къ знающимъ людямъ и въ 3) не льстить себя надеждою пріобрѣсти съ помощью этихъ книгъ *знаніе математики*, а довольствоваться пріобрѣтеніемъ возможности понимать основанные на математическихъ выкладкахъ результаты прикладныхъ наукъ.

К. Поссе.

Вѣрное средство.

(Очеркъ).

Въ послѣобѣденное время одного зимняго праздничнаго дня, въ трактирѣ села Чудисова, противъ обыкновенія было тихо и просторно. Во всемъ помѣщеніи его только и были заняты два стола: за однимъ сидѣлъ какой-то старикъ проѣзжій и, видимо озябши въ дальней дорогѣ, отогрѣвалъ свои косточки чайкомъ, за другимъ-же расположились двое сельчанъ, одинъ молодой курчавый съ бойкими умными глазами, другой пожилой. Эти ничего не пили, а пришли сюда видимо отъ нечего дѣлать и, то и дѣло позѣвывая, лѣниво перекидывались словами. Трактирщикъ находился за буфетомъ; онъ только что пообѣдалъ и съ сонливымъ выраженіемъ лица поглядывалъ на пившаго чай проѣзжаго, думая: «отчего онъ не заказываетъ сорокоушки, не пьетъ—или денегъ нѣтъ»? Приглядѣвшись хорошенько къ степенной фигурѣ старика, трактирщикъ понялъ, что «не пьетъ», а такъ какъ такіе люди всегда не понутру всѣмъ трактирщикамъ, то и онъ, сдѣлавъ недовольное лицо, привалился къ стѣнѣ и, широко зѣвнувъ, клюнулъ носомъ. Было какъ-то скучно; у сельчанъ разговоръ плохо клеился, старикъ-же совсѣмъ сидѣлъ молчкомъ. Вдругъ дверь отворилась и въ нее вошелъ еще одинъ посѣтитель высокаго роста, въ большой овчинной шапкѣ, въ халатѣ, занесенномъ снѣгомъ, и съ инеемъ въ бородѣ; за спиной у вошедшаго былъ мѣшокъ съ чѣмъ-то. Войдя въ трактиръ, новый посѣтитель поздоровался съ трактирщикомъ и, кивнувъ сельчанамъ, проговорилъ:

— Съ праздникомъ!

— Спасибо. Куда это ты путь держишь? спросилъ сельчанинъ постарше, узнавая въ вошедшемъ одного изъ мужиковъ недальней деревни Ивановки.

— А вотъ сюда — молвилъ ивановецъ, и скинувъ съ плечъ мѣшокъ, досталъ изъ него ведерный боченокъ изъ-подъ водки и поставилъ его на прилавокъ.

— Что, вина, что-ль?—спросилъ трактирщикъ.

— Да, нацѣди ведерочку, — проговорилъ ивановецъ и, отеревши взмокнувшую въ теплѣ бороду полой халата, присѣлъ за порожній столъ около буфета.

— Что это ты къ свадьбѣ что-ли столько вина-то берешь?—спросилъ опять все тотъ-же сельчанинъ.

— Какой свадьбѣ,—такъ, — молвилъ ивановецъ, продолжая разглаживать взмокшую бороду.

— А не боишься, обопьешься такъ-то...

— Вотъ сказалъ: обопьешься! Это, если-бы одному, ну правда много, а всему обществу-то путемъ глотки не промочишь.

— Развѣ на все общество?

— На все, братецъ, на все, — подтвердилъ ивановецъ и, доставъ изъ-за пазухи кисетъ съ табакомъ, сталъ набивать трубку.

— Съ какой-же это вы радости всѣмъ обществомъ-то гульнуть хотите?—спросилъ у ивановца молодой сельчанинъ.

— Ну съ какой тамъ радости,—держа зубами чубукъ трубки и зажигая сѣрную спичку, протянулъ ивановецъ,—не всегда-то съ радости водку пьютъ, а порой и съ горя.

— Съ какого-же горя?

— А съ такого... отъ лиходѣя нашего намъ это угощенье-то выходитъ.

— Отъ какого лиходѣя?

— Да завязался у насъ тамъ такой... Илья Митревъ, рендатель-то нашъ, новоявленный.

— Это что огороды-то у васъ снимаетъ?—спросилъ пожилой сельчанинъ.

— Во, во! чтобъ шутъ его ободралъ совсѣмъ.

— А вы развѣ не ладите съ нимъ?

— Кто съ нимъ будетъ ладить, когда онъ какъ медвѣдь заграбасталъ насъ въ свои лапы, да и душитъ какъ ни попало.

— Какъ-же это онъ заграбасталъ васъ, вѣдь его дѣло-то не такое, чтобы давить кого?

— И не такое, да выходитъ такое, сумѣлъ обратать все общество, да и все тутъ.

— Что-то такое непонятно, чѣмъ-же это онъ-то докорилъ васъ?— проговорилъ пожилой сельчанинъ.

— Чѣмъ докорилъ!—работой своей, заставляетъ всю деревню съ ранней весны до поздней осени работать на себя да и только, просто

всѣ отъ своихъ работъ отбились, работаючи на него, благо деревня-то небольшая, то навозъ вози, то паши, то садить ему пособляй, а какъ посадишь все, полка начнется, бабы и дѣвки такъ и сидятъ тамъ по цѣлому дню, а какъ начнетъ что поспѣвать, опять обирать иди, да по базарамъ на своихъ лошадяхъ развози.

— Ну, вѣдь это не за даромъ чай, небось онъ платитъ за это?

— Платить-то платитъ, да что его плата? Онъ заплатитъ тебѣ четвертакъ, а ты дома за это время на три цѣлковыхъ упустишь.

— Ну вы не ходили-бы къ нему на работу; выгоды нѣтъ, зачѣмъ-же браться?—проговорилъ молодой сельчанинъ.

— Нельзя не ходить-то, у насъ въ условіи такъ договорено, что всѣ работы по огороду деревня должна отъ себя справлять, если заартачишься, то онъ неустойку можетъ стребовать.

— А на долго онъ у васъ огороды-то снялъ?—спросилъ пожилой сельчанинъ.

— Сперва на три года, а какъ три года отдержалъ, нонче вотъ срокъ вышелъ, сдѣлалъ новое условіе, теперь на шесть лѣтъ, за то и угощеніе-то онъ намъ ставитъ.

— И опять такимъ порядкомъ!—воскликнулъ молодой сельчанинъ.

— Такимъ,—уныло отвѣтилъ ивановецъ.

— Ну и дураки-же вы,—воскликнулъ, взволновавшись, молодой,—сами-же видятъ, что плохо дѣло и всетаки опять допускаютъ.

— Да что-жъ ты и подѣлаешь? когда онъ вонъ какую штуку подвелъ, кого посильнѣе, то подобраталъ къ себѣ, одного подпоилъ, другого задарилъ, третьяго такъ упросилъ; вышли на сходку совѣщаться-то, а они всѣ на его руку и потянули.

— А вы-бы за горло ихъ, что-жъ вы молъ, такіе, проэтакіе, міръ-то потопить хочете, намъ разоръ отъ этого человѣка, а вы опять его допускаете.

— А имъ что за дѣло до міра, ихъ ублаготворили и ладно, а на другихъ-то имъ наплевать... староста на насъ еще напустился, вы, говоритъ, не добра міру-то желаете, а худа, теперь какъ съ насъ подати потребуютъ, я иду къ нему, онъ даетъ, намъ и легко отдуваться-то, а тогда гдѣ возьмешь?

— Мало что тамъ разные міроѣды будутъ говорить, на нихъ и глядѣть,—горячился молодой сельчанинъ,—а вы-бы имъ вредъ-то указывали, вотъ молъ что отъ этого, вотъ молъ что.

— Ничѣмъ ихъ не проймешь, не такой они народъ-то,—проговорилъ ивановецъ и, докуривши трубку, сталъ выколачивать ее.

— Я-бы пронялъ!—уже совсѣмъ разгорячившись, воскликнулъ молодой сельчанинъ и, сверкнувъ глазами, стукнулъ кулакомъ по столу.

— Ну поди-ка, ничего съ нимъ не сдѣлаешь.

— Нѣтъ, сдѣлалъ-бы,—упрямо твердилъ паренекъ,—ихъ не уговорилъ-бы, такъ этого лиходѣя сковырнулъ-бы, вотъ и пущай знали-бы.

— Какъ это ты сковырнулъ-то-бы его?—спросилъ молодого пожилой сельчанинъ.

— Какъ ни на есть, а подобрался-бы, не допустилъ-бы, чтобы одна гадина да весь міръ тянула.

— И ничего не подѣлалъ-бы,—проговорилъ вдругъ упорно молчавшій и внимательно вслушивавшійся въ разговоръ сельчанъ съ ивановцемъ старикъ проѣзжій.

Сельчане обернулись на него, молодой смѣрилъ его съ головы до ногъ пристальнымъ взглядомъ и, весь красный, съ пресѣкшимся отъ волненія голосомъ спросилъ:

— Какъ ничего не подѣлалъ-бы?

— А такъ: легко это думается, какъ съ ними бороться, да не легко дѣлается.

— Какъ не легко, да я на что хошь пойду, лишь-бы изжить его, голову ему проколочу, коли на то пойдетъ.

— Ну и останешься съ носомъ: то, може, тебя кто и послушалъ-бы, а какъ ты буяномъ-то себя окажешь, отъ тебя всѣ отворотятся,—онъ, скажутъ, самъ злодѣй. Нѣтъ, братъ, это штука не легкая съ лиходѣями-то возжаться.

Старикъ говорилъ такъ внушительно и имѣлъ видъ такого опытнаго и убѣжденнаго въ своемъ дѣлѣ человѣка, что этотъ видъ и каждое слово его дѣйствовали на сельчанъ какъ-то подавляюще. Пожилой сельчанинъ глядѣлъ на него такъ, какъ будто былъ согласенъ съ нимъ во всемъ, а молодой, видимо, внутри такъ кипятился, волновался, что не могъ подыскать подходящихъ словъ для возраженія.

— Да ты почему это думаешь-то? ты что, считался съ нимъ, что-ль?—спросилъ онъ вдругъ, уставляя оба глаза свои прямо въ глаза старику.

— Стало-быть, что считался, — спокойно проговорилъ старикъ.— Оно, положимъ, считался-то не я одинъ, а все наше общество, ну да и я былъ между ними. И все, что не испытали мы, и мнѣ доподлинно извѣстно.

— Гдѣ-же и когда это было?—спросилъ, обращаясь къ проѣзжему, ивановецъ.

— Въ нашей деревнѣ это было: слыхали, може, про Тершино, за городомъ верстахъ въ 15 оно, отсюда-то верстъ сорокъ будетъ.

Сельчане и ивановецъ отрицательно покрутили головами.

— Не слыхали?—проговорилъ старикъ,—ну и немудрено, оно хоть и большая деревня-то, дворовъ полсотни въ ней будетъ, а стоитъ въ

сторонѣ какъ-то, отъ тракта далеко, отъ другихъ деревень тоже, ближе 8 верстъ ни одной деревни у насъ нѣтъ—ну вотъ, разъ у насъ и вышелъ такой случай.

Старикъ остановился, выпилъ чашку чаю, налилъ еще и, расправивъ рукой бороду, началъ:

— Случилось это годовъ семь или восемь тому назадъ. Пріѣзжаетъ къ намъ изъ Питера человѣкъ одинъ, онъ нашъ былъ уроженецъ-то, только давно еще выписался изъ общества, приписался въ мѣщане, да тамъ и жилъ, торговалъ чѣмъ-то,—деньги имѣлъ. Подвернулся онъ къ намъ лисой:—Вотъ, что, говоритъ, православные, примите меня опять къ себѣ въ общество, въ Питерѣ мнѣ жить надоѣло, дѣломъ заниматься трудно стало, а безъ дѣла и проживаться дорого стоитъ, построюсь я у васъ и промаячу какъ нибудь до смертнаго часа.—Мы ему повѣрили, послѣ-то узнали, что онъ изъ Питера потому и уѣхалъ, что начальство приказало, а тогда все приняли за чистую монету.—Что-же, говоримъ, пожалуй, все равно, твой планъ застроенъ, такъ мы тебѣ другой отведемъ.—Приписали мы опять его къ себѣ въ общество, далъ онъ намъ за это сто рублей и началъ строиться. Построилъ домъ хорошій такой, въ два этажа вывелъ, сарай, амбаръ, землю подъ нихъ снимаетъ у общества на долгій срокъ и все росписками закрѣпляетъ и за все насъ водкой поитъ. До этихъ поръ мы и водку-то раза два или три въ годъ пили, въ праздникъ престольный, да развѣ свадьба когда случится и только. Кабака ни у насъ въ деревнѣ, ни по близости съ роду не было, ну и обходились кое-какъ,—а тутъ, какъ праздникъ, такъ и водка, то срубъ ему откуда привезешь, то кирпичу понадобится, то известки, плата-платой за извозъ, а угощенье сверхъ всего.

— Ишь какой тароватый,—замѣтилъ пожилой сельчанинъ.

— На это добрый былъ,—сказалъ старикъ, и сколько это праздниковъ прошло у насъ все съ угощеніемъ—не перечтешь. Кончилась стройка и ему уже не за что насъ стало угощать, такъ намъ будто и скучно стало.

— Еще-бы не скучно, чай втянулись,—вставилъ слово ивановецъ.

— Именно втянулись, кто молчкомъ эту скуку-то переживаетъ, а кто и поговариваетъ, что молъ хорошо-бы такъ въ праздникъ міромъ по ведерочкѣ сгадывать, огуломъ-то и не дорого обошлось-бы и, все-таки не такъ скучно было-бы.

— Значитъ, путемъ разъѣло губу,—проговорилъ пожилой сельчанинъ и засмѣялся.

— Видишь, какъ слѣдуетъ,—молвилъ ивановецъ,—чего-же тебѣ еще.

— Одно слово вполнѣ, — сказалъ старикъ. — Ну, отлично; и не успѣли мы на старую ступень найти, какъ слышимъ, нашъ питерскій винную, да чайную лавку открываетъ, въ своемъ новомъ домѣ-то, зна-

читъ. Обстановилъ все какъ слѣдуетъ и въ новый годъ насъ на открытіе къ себѣ зоветъ, всѣхъ угостить обѣщаетъ и какъ слѣдуетъ.

Старикъ остановился, не выливая въ блюдечко, выпилъ еще чашку чаю, выплюнулъ въ нее оставшійся во рту кусокъ сахара и, проведя рукой по бородѣ, снова продолжалъ разсказъ:

— Ну кто пожаднѣе-то обрадовались, бросились къ нему, поздравлять начали, ну, а кто поблагоразумнѣе, то маленько надулись, какъ это, думаютъ, безъ нашего согласія такія заведенья открывать; въ другихъ мѣстахъ за это обществу платятъ, а этотъ не то что не заплатилъ, а даже не доложился намъ.

Ну собрались на другой день мужиковъ десять этакъ, пошли къ нему. Что-же, говоримъ, милый человѣкъ, развѣ гоже такъ дѣлать, мы тебя пустили къ себѣ пожить только, а ты вотъ заведенье открылъ, такъ не полагается. Выслушалъ онъ насъ, склонилъ это голову на бокъ и запѣлъ сладко, сладко таково:

— Э, э, родимые, я вѣдь не для чего открылъ это, не для корысти или еще для чего, а просто изъ-за того, что безъ дѣла-то мнѣ скучно будетъ, я для развлеченья и открылъ, дѣльцс-то небольшое будетъ, и люди-то почаще навѣщать станутъ, все лишнимъ словечкомъ перемолвиться, будетъ съ кѣмъ, а то вѣдь оглохнешь одинъ-то одинешенекъ.

— Повѣрили мы ему,—ну развѣ за этимъ, такъ Богъ съ тобой, торгуй на здоровье. Угостилъ онъ насъ тутъ честь-честью и спало у насъ сердце на него. Проходитъ первый мѣсяцъ, какъ открылъ онъ торговлю то эту, наступаетъ другой... видимъ, торговать онъ начинаетъ не то что отъ нечего дѣлать, а какъ слѣдуетъ мужики наши, что присосались къ водкѣ за время стройки-то его, то и дѣло, то сороковку тащутъ, то бутылку—и въ чайной народу додору нѣтъ, время зимнее, скучно, дѣловъ нѣтъ, ну и толкутся тамъ. Питерскій нашъ каждую недѣлю въ городъ ѣздитъ и все по цѣлому возу товару привозитъ,—завелъ торговлю окромя вина и чая—бакалей всякой и на этотъ товаръ у него большой расходъ пошелъ. Отъ утра до вечера то того, то другого едва успѣваетъ отпускать.

— Значитъ дѣло быкомъ поперло,—замѣтилъ пожилой сельчанинъ.

— Вполнѣ быкомъ. Приходитъ это масленица, началось гулянье, собрались наши мужики.—Пойдемъ, говорятъ, къ питерскому, онъ опять насъ угоститъ, потому долженъ, за права намъ не платитъ, чѣмъ онъ отговорится?—Пошли. Приходятъ. «Съ широкой масленицей», говорятъ,— Спасибо, и васъ съ этой-же барыней.—«Какъ-же, намъ-бы, говорятъ, винца?»—Сколько-же вамъ четверть или полведра? — «Сколько пожалуешь.»—Да у васъ сколько, говоритъ, денегъ-то? — У насъ, говорятъ, денегъ ничего нѣтъ.—«А коли нѣтъ денегъ, я вамъ ничего не поставлю, водицы вонъ испейте, коли хотите».

— Вотъ тебѣ и клюква,—воскликнулъ пожилой сельчанинъ и засмѣялся.

— Наѣхали съ ковшомъ на брагу.—проговорилъ ивановецъ.

Трактирщикъ и молодой сельчанинъ промолчали; первый сидѣлъ за буфетомъ и, держа въ рукѣ шило, которымъ онъ вмѣсто штопора откупоривалъ бутылки. чертилъ что-то на стойкѣ, а второй, не шевельнувшись, во всѣ глаза глядѣлъ на разсказчика.

— Да,—продолжалъ старикъ,—услыхали это наши старики, такъ ихъ это и взорвало,—какъ такъ, безъ мірского согласія торгуешь, да еще угостить насъ не хошь, знать ничего не хотимъ—давай вина, а онъ имъ: «фигу не хотите-ли?» и пошли наши мужики, какъ не солоно хлебали. Прошла масленица, сговорились наши мужики, да съ жалобой на питерскаго, такъ и такъ, завелся у насъ человѣкъ, торгуетъ безъ нашего согласія.

— А онъ вашего общества?—спрашиваютъ.

— Нашего.

— Въ своемъ домѣ?

— Въ своемъ.

— Ничего сдѣлать нельзя, онъ имѣетъ праву.—И воротились наши мужики ни съ чѣмъ. Услыхалъ про это питерскій, трунить началъ: «а что взяли, говоритъ, сходите еще куда-нибудь».

— Ишь ты песъ какой, знать, огаристый,—сказалъ пожилой сельчанинъ.

— Такая бестія, говорю, на что похоже,—молвилъ старикъ.— Дальше—больше, торговля его идетъ все лучше и лучше, а у насъ въ обществѣ все хуже отъ этого пошло, водку пить начали наши мужики какъ ни попало, съ торговцемъ ругаются, а въ лавочку ходятъ каждый день. Къ веснѣ всѣ деньги-то повыдохлись. такъ стали въ долгъ просить у ворога своего, а тотъ такъ-то не давалъ, такъ начали заклады къ нему приносить, смотримъ—подъ заклады чего хочешь даетъ. Пришла Святая, пьянство у насъ открылось, какого сроду не было, всѣ перепились, и старики, и молодые, и даже ребята холостые, и тѣ этого добра отвѣдали. драка каждый день, просто на улицѣ стало мускородно пройти. Стало намъ невтерпежъ, опять собрались мы въ артель, толковали, толковали и порѣшили къ нему отправиться, по чести попросить прикрыть торговлю. Приходимъ.—Григорій Васильичъ, говоримъ, сдѣлай милость, закрой лавочку, не позорь нашей деревни. Ты погляди, что въ ней стало твориться-то!

— Что вы за дураки,—говоритъ онъ,—съ какой-же стати я закрою ее. когда она кормитъ меня, неужели вы не понимаете этого?

— Ты безъ этого прокормишься, а то наша деревня разориться должна.

— Нѣтъ, говоритъ, не закрою.

— Ну такъ, говоримъ, мы тебѣ житья не дадимъ.

Онъ на эти слова уставилъ это руки въ боки, засмѣялся такъ, что брюхо затряслось, и спрашиваетъ:

— Какимъ-же это манеромъ?

— А такимъ, не желаемъ, чтобы ты у насъ въ обществѣ былъ, больше ничего.

— А вашъ приговоръ-то, говоритъ, на что?—вы вѣдь всѣмъ обществомъ его подписали, что принимаете опять меня въ свое общество. Суньтесь-ка куда заявить теперь объ этомъ, васъ тамъ прямо въ глаза дураками назовутъ.

— Ну твои сараи на мірской землѣ стоятъ, снести прикажемъ.

— Нѣтъ, не смѣете, у меня на это условіе-то съ вами еще цѣло.

— Ходить въ нихъ по нашей землѣ не позволимъ.

— Не можете.

— Анъ не позволимъ, наша трава, а ты ее топтать будешь.

— Призовите окольныхъ людей, оцѣните ее во что, я вамъ деньги выкину, а ходить въ сарай вы запретить мнѣ не можете,—на это закона нѣтъ.

— Ну такъ скотину въ стадо не дадимъ гонять.

— Пожалуй не давайте, я ее и держать не буду, лошадь, что для разъѣздовъ у меня, и на дворѣ простоитъ, а корову я завтра-же зарѣжу. Когда молока-то понадобится, то гривенникъ—кринку всякій изъ васъ принесетъ мнѣ.

Видимъ мы, что ничѣмъ его не возьмешь, разошелся тутъ одинъ мужичекъ и говоритъ:

— Ну такъ сожжемъ мы тебя, сукина сына, коли на это пошло!

— Пожалуй жгите,—говоритъ питерскій,—мнѣ только-бы самому выскочить, а добра я ничуть не пожалѣю, все оно застраховано у меня, а планъ сгорѣть не можетъ.

— Ишь ты вѣдь какой, вклещился, ничѣмъ не угрозишь—замѣтилъ ивановецъ и сталъ снова набивать свою трубку.

— Укрѣпился здорово,—молвилъ пожилой сельчанинъ.

— Чего здоровѣе,—продолжалъ старикъ.—Ну видимъ мы, что съ нимъ ни честью, ни силой, ничего не подѣлаешь, стали придумывать, нельзя-ли какъ хитростью спихнуть его.

Приходитъ разъ къ нашему старостѣ паренекъ одинъ и говоритъ: «вычиталъ я въ вѣстникѣ, что есть законъ такой: если питейный домъ стоитъ ближе чѣмъ на сорокъ саженъ отъ храма или часовни, то нельзя ему торговать, не дозволяется. Давайте, говоритъ, часовню построимъ». Объявилъ староста мужикамъ объ этомъ, понравилось имъ это, давайте, давайте кричатъ.

Составили мы приговоръ, подали заявленіе, разрѣшенье попросили, разрѣшеніе скоро вышло и стали мы часовню строить. Все лѣто почти возились съ ней, возвели такую—любо дорого поглядѣть, съ зеленой крышей, съ посеребреннымъ крестомъ, 700 рублей мірскихъ денегъ на нее ухлопали. Отстроили совсѣмъ, стали святить, народу собралось пропасть, поздравляютъ насъ, попъ такую благодарность намъ за усердіе сказалъ, а намъ ничего не надо, думаемъ поскорѣй-бы заявленіе сдѣлать, лиходѣя нашего смѣстить. На другой-же день послѣ освященія, послали мы въ городъ выборныхъ отъ общества—заявлять, что у насъ винная лавка незаконно торгуетъ, ближе чѣмъ на сорокъ саженей отъ часовни. «Зачѣмъ-же говорятъ тамъ, вы не заявили намъ объ этомъ тогда, когда открывалась она».—Да тогда еще не было часовни, говоримъ.—«Такъ часовня-то послѣ построена?..»—Послѣ.—«Ну коли такъ, винной нельзя закрыть, можно не дозволять вновь открывать, а ужъ разъ открыта, закрывать ее нельзя».

— Ха, ха, ха,—вдругъ засмѣялся во все горло трактирщикъ,—ловко вдулись! Ай да нарвались!

— Ахъ ты шутъ те дери, вотъ незадача-то!—проговорилъ пожилой сельчанинъ и полѣзъ въ затылокъ.

— Пойдетъ поле не ко двору,—процѣдилъ ивановецъ, не вынимая трубки изо рта.

— Именно не ко двору. Пришли это мужики изъ города, передали, что имъ сказали тамъ, и словно это холодной водой насъ обдали, вылупили мы глаза, стоимъ, другъ на друга смотримъ, а языки поворотить не сможемъ и только спустя много очувствовались наши мужики, поняли въ чемъ дѣло да какъ загалдѣли—вотъ такъ влопались! А питерскій-то гогочетъ надъ нами. «Вы, говоритъ, теперь попробуйте церковь построить, може—тогда что выйдетъ. Эхъ вы, усердники Божіи!»

— Нѣтъ,—кричатъ наши мужики,—этого переносить нельзя, надо, говорятъ, его изжить и больше ничего.

И надумали мы его подъ штрафъ хорошій подвести: узнали какъ-то, что за то, что онъ въ закладъ добро принимаетъ, его можно подкузьмить этимъ, за это преслѣдуютъ строго и порѣшили его на этомъ поймать. И вотъ одинъ разъ согласились и понесли ему въ закладъ, кто шубу, кто сукно, кто овчины,—и набрали подъ это кто вина, кто товара изъ лавки, кто денегъ взялъ, а потомъ отправили одного человѣка въ станъ и велѣли сдѣлать заявленіе объ этомъ.

На другой день пріѣзжаетъ изъ стана урядникъ. Ну, думаемъ, попался нашъ ворогъ. Собрались мы къ нему; урядникъ говоритъ «такъ и такъ, Григорій Васильичъ, на тебя поступилъ доносъ, ты, говорятъ, заклады принимаешь?»

Помоталъ головой питерскій,—и не думалъ, говоритъ.

— Какъ не думалъ, мнѣ доподлинно извѣстно, кто и что приносилъ тебѣ, отопри-ка лавочку.

Отперъ питерскій лавочку, ничего, окромя его товару, нѣтъ.

— А ну-ка покажи, что въ амбарѣ есть.

И въ амбарѣ ничего, пошли въ сарай, и тамъ пусто.

— Гдѣ-же у тебя добро-то, что ты въ закладъ принималъ?—спрашиваетъ урядникъ.—Мнѣ извѣстно, что третьяго дня тебѣ цѣлый возъ всего нанесли.

— Съ чего это вы взяли, говоритъ, что я въ закладъ принимаю, у меня на это и правовъ нѣтъ, покупать я, правда, покупалъ у нихъ и одежу, и холсты, и овчины,—такъ я все это сбылъ уже вчера вечеромъ, ко мнѣ пріѣзжалъ еврей изъ города, я ему все и продалъ.

Трактирщикъ при этихъ словахъ еще пуще давешняго захохоталъ.

— Ай-да молодецъ!—воскликнулъ онъ,—разцѣловалъ-бы, кажись, такого молодца, ей-Богу, ну, голова!

Молодой сельчанинъ сердито покосился на трактирщика и, обратившись къ старику проѣзжему, проговорилъ:

— Ну, ну, разсказывай дальше.

— Мы такъ и ахнули,—продолжалъ старикъ,—что же это такое думаемъ, батюшки мои, вѣдь онъ насъ дурачѣй всѣхъ дураковъ оставилъ.—Подали на него въ судъ жалобу, вызвали его, стали это спрашивать, онъ говоритъ:—«оговариваютъ это они меня, больше ничего по злобѣ, не понутру имъ, что я торгую въ своемъ домѣ, и ничего не плачу имъ за это, они давно всячески запутать меня хотятъ, я на это свидѣтелей могу представить, и если-бы они правда мнѣ въ закладъ приносили добро, они-бы съ меня записки взяли, а то ни у кого изъ нихъ ни лоскутка нѣтъ.—И что-же, обѣлился передъ судомъ, подлецъ, вышелъ какъ ни въ чемъ не бывало!

— И добро заложенное пропало?

— Пропало. Ну, знамо, зло у насъ разгорѣлось на него несказанное послѣ этого, всѣ оремъ, что надо выжить его изъ деревни, а какъ, никто придумать ужъ ничего не можетъ, только ругаемся каждый день межъ собой, съ нимъ грыземся, а онъ поторговываетъ себѣ, какъ будто такъ и надо. Дальше—больше, у насъ по деревнѣ пошли непорядки такіе, что ни на что не похожіе. Питерскій, окромя торговли и закладовъ, краденое сталъ принимать, принесутъ изъ другихъ деревень—беретъ, притащитъ изъ нашихъ кто—не отказываетъ. Допрежъ въ нашей деревнѣ на счетъ воровства и слуху не было, а тутъ, просто бѣда, что завелось: у бабъ холсты со стлища сгребать начали, шкворни у дворовъ въ телѣгахъ лучше не оставляй, даже хлѣбъ съ гумна и то начали потаскивать. Что ты будешь тутъ дѣлать?

Перешло на другой годъ, какъ питерскій лютовалъ у насъ. Деревня наша и бѣднѣть стала, и порядки въ ней завелись такіе, что завяжи глаза да уйди. Драки чуть не каждый праздникъ, воровство—то и дѣло. Одинъ разъ пожаръ случился, на Пасхѣ въ пьяномъ видѣ одинъ мужикъ другого взялъ и подпалилъ, цѣлое гнѣздо стурнулъ, а въ Николу вешнюю у самаго дома питерскаго чуть не до смертоубійства дѣло дошло; исправникъ изъ города грозится,—я, говоритъ, урядника къ вамъ на жительство поставлю.

Одинъ разъ собрались такъ на совѣтъ мы межъ собой, выступилъ одинъ мужичекъ и говоритъ:

— Вотъ что, православные, что не говорите, а ничего больше намъ и дѣлать не остается съ лиходѣемъ нашимъ, какъ ухлопать его.

Мы, знамо, стали упираться,—что ты, говоримъ, статочное-ли дѣло душу губить, что ты выдумалъ-то!

— А что-жъ, говоритъ, больше ничѣмъ его не изживешь.

Однако, мы не одобрили этого дѣла; такъ и не договорившись ни до чего по домамъ разошлись.

Прошелъ еще годъ, наступилъ ужъ третій, какъ питерскій сосалъ-то насъ. На деревнѣ все дѣла тѣ-же и никто еще не придумалъ, какъ отъ ворога отбояриться; кряхтимъ мы, а терпимъ и что дѣлать никакъ не придумаемъ.

Одинъ разъ, мясоѣдомъ, погода была лихая: снѣгъ шелъ, мятель выла и занесло къ намъ погодой-то человѣка какого-то,—чудной какой-то человѣкъ, не то баринъ, не то мужикъ, самъ куда ѣхалъ, не сказалъ, а насъ обо всемъ разспрашивалъ, какъ живете: хорошо-ли, худо-ли, что вы считаете хорошимъ, что худымъ. Собрались, гдѣ онъ ночевалъ-то, много мужиковъ и словно насъ толкнуло что—разсказать про свое горе ему; разсказали мы все подробно, ждемъ, что онъ скажетъ.

Долго думалъ человѣкъ, потомъ поднялъ это глаза на насъ и спрашиваетъ:

— Онъ у васъ всѣмъ торгуетъ?

— Всѣмъ.

— И хорошо торгуетъ?

— А коли плохо, кто-жъ бы его заставилъ жить здѣсь? Стало быть, что хорошо.

— Ну а кто-жъ у него больше всего покупаетъ-то?

— Какъ кто? да мы же, говоримъ.

Засмѣялся этотъ человѣкъ,—ахъ вы, чудаки, говоритъ, этакіе, сами-же содержите ворога на своихъ спинахъ, а на его же ропщете. Выходитъ, что онъ нуженъ вамъ, коли вы его поддерживаете.

— Какъ нуженъ?

— Да такъ. Вы къ нему и за водкой ходите, и за спичками, и

за табакомъ, а вы, если видите, что въ тягость вамъ человѣкъ, постарайтесь обойтись безъ него.

— Какъ такъ?

— А такъ,—захочется вамъ того-то, а вы возьмите, да и обойдитесь, поманится на это—перетерпите, и деньги-то будутъ сохранны, и ему-то не чѣмъ будетъ пользоваться отъ васъ, вотъ и изживете его.

Задумались это мы, подумали, подумали,—а вѣдь правду онъ говоритъ. Собрали на другой день сходку и крѣпко-на-крѣпко порѣшили никому никогда ни за чѣмъ къ питерскому не ходить. Если кому и нужда и хотѣнье придетъ, такъ всякое хотѣнье переломить.

Попытаемъ это, говоримъ, а тамъ посмотримъ, что выйдетъ.

Стали мы крѣпко мірского договора держаться, никто къ нему ни шагу, понадобится кому что очень экстренно, къ сосѣду сходитъ, попроситъ, а къ питерскому ни ногой. Даже сторожа такого нарядили, рядомъ съ питерскимъ жилъ, не завернулъ-бы къ нему кто съ дуру.

Прошелъ послѣ этого мѣсяцъ, другой и третій, товаръ у питерскаго, какъ привезъ онъ его изъ города еще на святкахъ, такъ и лежалъ нетронутымъ; вино, только развѣ что самъ выпивалъ, а чай только и пили, что собирашки, когда косточки погрѣть зайдутъ—только и все тутъ.

Дальше больше, глядимъ—заскучалъ нашъ питерскій, да и шибко заскучалъ, выйдетъ изъ своего дома, какъ медвѣдь изъ берлоги, походитъ, походитъ кругомъ и опять спрячется. Пустота у него, хоть шаромъ покати.

Пришла Святая, надѣялся онъ видно шибко на нее, дескать прорветъ ихъ, не сдержатся, а мы—не тутъ-то было! Сперва-то намъ было и трудненько воздержаться, чтобы къ нему не ходить, а тутъ-то и попривыкли, да и видимъ, что пронимаетъ-то это его, не заглянулъ изъ насъ и въ Пасху къ нему ни одинъ человѣкъ.

А тутъ наступила рабочая пора, тутъ ужъ, подавно, никого калачемъ не заманишь.

Смотримъ, нашъ питерскій куда-то наѣзживать началъ, сегодня съѣздилъ, завтра съѣздилъ, и такъ не одинъ разъ. Передъ Петровымъ днемъ этакъ приходитъ онъ къ нашему старостѣ и говоритъ:

— А не наймется-ли кто изъ общества мое имущество въ городъ перевозить? Послѣ завтра праздникъ, подводъ десятокъ наберутся, можетъ.

— Что-же ты совсѣмъ туда перебираешься?—спрашиваетъ староста.

— Совсѣмъ, ишь вы какими идолами стали, при васъ тутъ дѣлать нечего.

Ну и выселился онъ въ городъ. И радовались мы, когда онъ въ городъ перебрался-то отъ насъ, сдѣлали приговоръ: чтобы впредь никакого торговца въ деревню не пускать, многіе и вино не стали съ

тѣхъ поръ пить, а человѣку-то, что научилъ насъ сдѣлать такъ, говорили доброе здоровье да и сейчасъ еще говоримъ.

Старикъ остановился, перевелъ духъ, пощупалъ водяной чайникъ и видя, что въ немъ остыла вода, постучалъ трактирщику, чтобы перемѣнить.

— Хорошо научилъ-то, какъ сдѣлать,—проговорилъ послѣ нѣкотораго молчанія ивановецъ,—и просто и хорошо.

— Чего-же еще, главное не трудно, грѣха никакого нѣтъ,—согласился пожилой сельчанинъ.

— Самое вѣрное средство! поди тамъ допекай его, или бунтуй какъ, а тутъ увидитъ, что тутъ ему дѣлать нечего, самъ уйдетъ,—проговорилъ проѣзжій, и, принявъ отъ трактирщика чайникъ со свѣжимъ кипяткомъ, сталъ наливать еще себѣ чаю. Молодой сельчанинъ дольше всѣхъ молчалъ, онъ, видимо, все обдумывалъ, что только что разсказывалъ старикъ, и наконецъ, вздохнувъ, проговорилъ:

— Вѣрное-то вѣрное это средство, зато не очень легко.

— Какъ не легко, вѣдь вотъ у насъ легко это вышло?—молвилъ старикъ.

— Хорошо у васъ такое согласное общество, а другое общество-то не уговоришь за одно-то согласиться, тогда какъ?

— Не уговоришь, если оно добра себѣ не захочетъ, тогда дѣло другое. Сильно милъ не будешь и въ рай за волоса не тянутъ, а коли отъ души добра захочешь, на все должно согласиться.

Молодой сельчанинъ замолчалъ, другіе тоже не разговаривали, старикъ принялся допивать чай.

— А одначе я заговорился съ вами, спохватился вдругъ ивановецъ, меня чай тамъ ждутъ-ждутъ.

И онъ быстро вскочилъ съ мѣста, взялъ со стойки боченокъ съ водкой, впихнулъ его въ мѣшокъ и, поспѣшно расплатившись съ трактирщикомъ, распростился съ сельчанами и съ проѣзжимъ и вышелъ изъ трактира.

— Развѣсилъ уши-то на пустыя рѣчи, посланецъ,—буркнулъ ему въ слѣдъ трактирщикъ и сердито поглядѣлъ на своихъ посѣтителей.

— Э, тебѣ что-жъ, такія рѣчи-то, знать, не понутру?—спросилъ трактирщика молодой сельчанинъ.

— Знамо, не по сердцу, что зря бобы разводить, только людямъ спать мѣшаете.

И трактирщикъ аппетитно зѣвнулъ и потянулся такъ, что кости захрустѣли.

Сельчане встали изъ за стола и направились къ выходу. Старикъ проѣзжій, допивъ чашку, тоже сталъ подправляться въ путь.

С. Семеновъ.

О развитіи русскаго народнаго хозяйства.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Подъ этимъ заглавіемъ мы будемъ печатать публичныя лекціи, прочитанныя проф. А. А. Исаевымъ въ аудиторіи Соляного Городка, въ ноябрѣ 1895 года, и предоставленныя намъ для напечатанія въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Мы печатаемъ ихъ документально, какъ *прочтенныя уже* публичныя лекціи, а не какъ статьи, написанныя спеціально для «Сѣвернаго Вѣстника». *Ред.*

За послѣднее десятилѣтіе въ развитіи русскаго народнаго хозяйства рѣзко обозначаются черты, которыя отмѣчають развитіе экономической жизни въ западной Европѣ и Америкѣ. Отмѣтимъ прежде всего ростъ главныхъ отраслей обрабатывающей промышленности и замѣну мелкихъ заведеній средними и крупными, усовершенствованіе орудій производства и возрастаніе успѣшности промышленнаго труда. Главная отрасль нашей крупной промышленности –хлопчато-бумажное дѣло, уже не говоря о его успѣхахъ за нѣсколько десятилѣтій, даетъ картину выдающагося роста даже въ послѣднія 12—15 лѣтъ. Еще въ 1873 году на русскихъ фабрикахъ было переработано хлопка не полныхъ 3.700.000 пудовъ, тогда какъ въ 1891 году его количество достигло 11½ милліоновъ пудовъ. Годовой оборотъ всѣхъ вѣтвей хлопчато-бумажнаго производства не превышалъ въ 1880 году 240,4 милліоновъ, а въ 1889 году онъ былъ равенъ уже 487 милліонамъ. Подобное-же движеніе находимъ мы и въ производствѣ чугуна: за 1881 годъ оно составляло 27,3 милліона рублей, тогда такъ въ 1893 году поднялось до 70.8 милліоновъ. Приготовленіе желѣза увеличилось съ 17.9 милліоновъ пудовъ въ 1880 году до 30,1 мил. въ 1893. Но особенно крупный ростъ подмѣчается въ нефтяной промышленности: за 1871 г. было добыто только 2 милліона пудовъ нефти,

а въ 1893—337 милліоновъ. Добыча каменнаго угля возросла съ 200,9 милліоновъ въ 1880 году до 460,2 милліоновъ въ 1893. Въ сахарномъ производствѣ мы тоже находимъ очень большое увеличеніе: за 188¹/₂ годъ общее количество произведеннаго сахара составляло не полныхъ 16 милліоновъ пудовъ, тогда какъ въ 189⁰/₁ оно достигло 28¹/₂ милліоновъ. Укажемъ также на машиностроеніе. Въ 1870 году въ Россіи было произведено машинъ на 29,391,755 рублей, а въ 1890—почти на 50 милліоновъ. Сходныя сопоставленія могутъ быть сдѣланы и относительно многихъ другихъ отраслей промышленности. Замѣтимъ, что общая производительность фабрикъ и заводовъ въ имперіи опредѣлялась суммою 1214 милліоновъ рублей для 1880 года и въ 1656 милліоновъ для 1890.

Мы получимъ однородное впечатлѣніе, если обратимъ вниманіе на другую сторону дѣла—успѣшность промышленнаго труда. Не легко собрать данныя, которыя изображали-бы точными числами производительность труда въ Россіи для различныхъ періодовъ. Однако, усовершенствованіе машинъ, которыми пользуется промышленность, даетъ для этого несомнѣнныя указанія. Прядильныя машины, введенныя за послѣдніе года въ русскомъ бумагопряденіи, увеличили на 10—15% производительность труда сравнительно съ тѣми машинами, которыя начали распространяться отъ 70-хъ годовъ. Число самоткацкихъ станковъ въ хлопчатобумажной промышленности, составлявшее для 1877 года 54,566, достигло въ 1886 г. 84,516, т. е. увеличилось на 60%. Большое совершенство пріемовъ промышленности выражается и въ сахароваренiи: за 188¹/₂ годъ изъ свекловицы вышло 7,43% чистаго сахару, а въ 189⁰/₁ году уже 9,73%.—Въ сельскомъ хозяйствѣ мы также находили ростъ производительности труда; его существеннымъ признакомъ является большее примѣненіе машинъ. До 70-хъ годовъ сельско-хозяйственныя машины были совершенно исключительными явленіями. Съ тѣхъ поръ онѣ распространились въ крупныхъ хозяйствахъ южныхъ губерній, отчасти въ среднихъ. Это доказывается усиленнымъ машиностроеніемъ, которое служитъ и сельскому хозяйству.

Съ перечисленными фактами связано и образованіе въ разныхъ отрасляхъ промышленности очень крупныхъ единицъ, которыя вовсе не были извѣстны еще недавнему прошлому. Возьмемъ, наприм., мукомольное дѣло. Хотя оно приняло довольно крупные размѣры еще въ 40-хъ годахъ, однако только за послѣднія 20 лѣтъ обнаружилась окончательная побѣда исполинскихъ паровыхъ мельницъ надъ средними и даже крупными водяными и паро-водяными. Въ 1893 году на Волгѣ было всего 186 мельницъ; изъ нихъ 40 крупныхъ, перемалывающихъ болѣе ¹/₂ милліона пудовъ ржи каждая, могли перемолоть 39 милліоновъ пудовъ (66% общаго количества), а 146 мелкихъ и среднихъ—19¹/₂ милліоновъ пудовъ—34%. Винокуреніе представляетъ другой примѣръ этого рода.

Въ концѣ 60-хъ годовъ (1866—71) было въ среднемъ 4353 заводовъ со средней выкуркой 6760 ведеръ спирта, а за послѣдніе года (1886—91) существовало въ среднемъ 2107 заводовъ и на каждый приходилось въ среднемъ 15.261 ведро. Насколько крупные заводы заняли преобладающее положеніе въ винокуренной промышленности, доказывается тѣмъ фактомъ, что хотя крупные составляли за послѣдніе годы только 80% общаго числа, однако они производили 38% (до 12 милліоновъ ведеръ) всего количества спирта. То-же замѣчаемъ мы и въ сахароваренной промышленности. Въ 1854—55 годахъ было 395 заводовъ, которые изготовили 800,000 пудовъ сахарнаго песку; въ 1881—82 годахъ было 235 заводовъ, но они изготовили сахарнаго песку около 16 милліоновъ пудовъ, а въ 1890—91 году осталось только 223 завода съ годичнымъ производствомъ около 28½ милліоновъ пудовъ сахару. Мы находимъ тоже и въ стекольной промышленности. Въ 1850 году въ Россіи было около 200 заводовъ, при чемъ цѣнность ихъ издѣлій не достигала и 3 милліоновъ рублей, а въ 1890 году было 258 заводовъ съ годичной цѣнностью издѣлій до 11½ милліоновъ. Машиностроеніе даетъ намъ такую-же картину. Съ 1850 по 1890 годъ число заводовъ увеличилось въ 13,52 раза, тогда какъ цѣнность издѣлій въ 100,78, т. е. послѣдняя возросла относительно въ 7 разъ больше, нежели число заводовъ, и каждый заводъ сталъ среднимъ числомъ въ 7 разъ крупнѣе, чѣмъ былъ въ началѣ этого періода.

Параллельно съ развитіемъ крупной промышленности шло и развитіе кредита. Въ началѣ 60-хъ годовъ государственный банкъ былъ совсѣмъ микроскопическимъ учрежденіемъ; города, имѣвшіе значительные торговые обороты, довольствовались кредитомъ изъ скромныхъ средствами городскихъ общественныхъ банковъ, а частные банки вовсе не были извѣстны. Но съ половины 60-хъ годовъ въ этой области замѣчается движеніе, которое изъ года въ годъ можетъ быть отмѣчено довольно крупными цифрами. Въ 1880 году государственный банкъ имѣлъ уже 55 конторъ и отдѣленій и сдѣлалъ оборотъ на 225 милліоновъ, а въ 1894 г.— на 329 милліоновъ, при 107 учрежденіяхъ. Обороты-же частныхъ банковъ представлены теперь крупными цифрами: 40 коммерческихъ банковъ съ капиталомъ болѣе 160 милліоновъ рублей. Къ этому присоединяется успѣшное развитіе земельнаго кредита, сосредоточеннаго какъ въ частныхъ банкахъ, такъ и въ государственныхъ учрежденіяхъ.

Когда говорятъ объ успѣхахъ русскаго народнаго хозяйства, то охотно останавливаются на желѣзныхъ дорогахъ. И здѣсь мы можемъ отмѣтить затрату крупной доли народнаго капитала — болѣе 2-хъ милліардовъ рублей—и протяженіе желѣзнодорожной сѣти почти въ 34,000 верстъ. Про всѣ желѣзныя дороги, которыя проводились въ Европейской Россіи, можно было сказать, что онѣ вызваны экономическими потребностями

данной мѣстности или-же стратегическими соображеніями. Почти каждая изъ нихъ, — одна больше, другая меньше,—служила интересамъ настоящаго поколѣнія и обѣщала въ недалекомъ будущемъ освободить государственное казначейство отъ приплатъ. А постройка сибирской дороги представлялась и представляется предпріятіемъ, которое должно вызвать къ жизни производительныя силы огромной территоріи и принести только въ далекомъ будущемъ замѣтные плоды. Приступая къ этому начинанію и ассигнуя огромный капиталъ на 7,000-верстный путь, безъ котораго еще долго могло-бы обойтись наше отечество, Россія уподобилась въ желѣзнодорожной политикѣ наиболѣе богатому и экономически развитому государству—Соединеннымъ Штатамъ.

Развитіе внѣшней торговли также выдаетъ черты, которыя уподобляютъ наше народное хозяйство экономіи европейско-американскаго міра. Оглядываясь назадъ, къ началу 70-хъ годовъ, мы замѣчаемъ крупное увеличеніе общихъ итоговъ по ввозу и вывозу: за 1872 — 1876 года средніе ежегодные обороты по ввозу и вывозу составляли 800 милліоновъ кредитныхъ рублей, тогда какъ въ 1893 году они дали 1 милліардъ 77 милліоновъ рублей, при уровнѣ цѣнъ, вообще, на 30% ниже, чѣмъ въ 70-хъ годахъ. Но въ нашей внѣшней торговлѣ обращаетъ на себя вниманіе фактъ большаго разнообразія предметовъ вывоза: въ первой половинѣ 70-хъ годовъ фабричныя, заводскія и ремесленныя издѣлія были представлены только 5—5½ милліонами ежегодно, тогда какъ въ 1890—1892 годахъ цѣнность вывезенныхъ издѣлій превышала 30 милліоновъ рублей въ годъ. А самый фактъ вывоза издѣлій свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ нашей промышленности.

Къ явленіямъ, почерпнутымъ изъ сферы народнаго хозяйства, можно пріобщить и данныя изъ міра финансовъ. Сюда относится прежде всего увеличеніе суммы государственныхъ долговъ, что отличаетъ финансовую политику и нашихъ западныхъ сосѣдей: сошлемся только на то, что государственный долгъ Россіи, составлявшій въ 1881 году 3,840,4 милліоновъ кредитныхъ рублей, достигъ въ 1894 году 5,589 милліоновъ.

Всѣ эти факты и многіе однородные имъ должны быть признаны или свѣтлыми сторонами экономической жизни народа, или-же безразличными явленіями. Отмѣчая ихъ, изслѣдователь не можетъ умолчать и о темныхъ сторонахъ, которыя также напоминаютъ многое, переживаемое западной Европой и Америкой. Такова биржевая игра. За послѣдніе два года она выразилась у насъ въ очень рѣзкихъ формахъ. Биржи Петербурга, Москвы и нѣкоторыхъ большихъ провинціальныхъ городовъ привлекаютъ къ себѣ людей не только богатыхъ, опытныхъ въ дѣлахъ, искусившихся въ торговыхъ оборотахъ, но и лицъ самого скромнаго общественнаго положенія, съ маленькими средствами, лицъ, скопившихъ продолжительнымъ и упорнымъ трудомъ нѣсколько сотъ рублей и даже

не знающихъ различія между акціями и облигаціями. Офицеръ, учительница музыки, прикащикъ книжнаго магазина, мелкій землевладѣлецъ, чиновникъ консисторіи, учитель гимназіи стоятъ, по своимъ занятіямъ, очень далеко отъ биржи; ремесленникъ и домашняя прислуга стоятъ еще дальше. Но общее теченіе увлекаетъ и этихъ людей: слыша объ удачѣ нѣкоторыхъ знакомыхъ, они постепенно увлекаются соблазнительными примѣрами и несутъ свои сбереженія въ банкирскія конторы. Развитіе биржевой игры выражалось въ крупномъ повышеніи цѣны многихъ бумагъ, послѣднее время въ сильномъ пониженіи; оно не разъ вызывало со стороны министерства финансовъ предостереженіе тѣхъ неопытныхъ людей, которые обыкновенно попадаютъ въ сѣти искусныхъ дѣльцовъ, и привело къ составленію проекта закона, который—такъ думаютъ многіе—долженъ поставить спекуляцію въ очень тѣсные предѣлы.

Насколько развитіе биржевыхъ оборотовъ съ цѣнными бумагами является результатомъ достаточнаго запаса свободныхъ денежныхъ капиталовъ и сопутствуетъ росту крупной промышленности, настолько-же образованіе промысловыхъ и торговыхъ синдикатовъ, облегчаемое замѣной многихъ мелкихъ промышленныхъ и торговыхъ единицъ крупными, указываетъ на воспитаніе среди промышленниковъ и торговцевъ той дисциплины, которая не довольствуется тѣсными предѣлами даже обширнаго предпріятія, а стремится создать новыя и властныя организаціи для всего внутренняго, а частью и международнаго рынка. Мы находимъ въ Россіи начало и такихъ организацій. Русскія страховыя общества уже давно образовали синдикатъ; такіе союзы сложились также въ гвоздильной и писчебумажной промышленности. въ нефтяномъ дѣлѣ и особенно среди сахарозаводчиковъ. Послѣдній охватываетъ $^9/_{10}$ всѣхъ сахарозаводчиковъ, опредѣляетъ запасы сахару, который долженъ имѣть каждый изъ участвующихъ въ соглашеніи заводовъ на случай неурожая свекловицы, установляетъ высшій предѣлъ цѣны сахару, при которомъ возможенъ вывозъ заграницу, и указываетъ количество, которое можетъ вывезти каждый заводъ.

Отмѣтимъ, наконецъ, самыя темныя стороны новѣйшаго промышленнаго развитія Россіи. Во главѣ ихъ долженъ быть поставленъ избытокъ рабочихъ рукъ. Въ западной Европѣ, гдѣ населеніе деревень рѣзко отграничено отъ рабочихъ крупной промышленности, избытокъ людей, не имѣющихъ занятія, выражается въ томъ, что десятки и сотни тысячъ безземельнаго люда не знаютъ, къ чему приложить свой трудъ, и ожидаютъ помощи отъ частной благотворительности и общественнаго призрѣнія. Тамъ всѣ безработные являются пролетаріями, у которыхъ нѣтъ ни кола, ни двора. Въ Россіи нельзя провести такую рѣзкую пограничную черту между работниками фабрикъ и заводовъ и деревенскимъ населеніемъ. Большая часть представителей первой группы принадлежитъ

къ крестьянству и сохраняетъ съ землею связь хотя-бы только потому, что имѣетъ дворъ и клочекъ полеваго надѣла. Кто не имѣетъ привычнаго промысловаго занятія, тотъ не является, однако, совсѣмъ бездомнымъ. Но многочисленность незанятыхъ рабочихъ рукъ представляется въ особенно грозныхъ образахъ, когда мы ко всѣмъ, утрачивающимъ работу, вслѣдствіе лихорадочнаго движенія современной промышленности, прибавимъ тѣхъ, кого крупное производство лишило возможности продолжать занятія кустарнымъ промысломъ, тѣхъ, имѣющихъ землю крестьянъ, которые, по ничтожнымъ размѣрамъ надѣла, могутъ покрывать отъ него только $^1/_4$ часть своихъ скудныхъ потребностей. Особенный складъ русской жизни и объясняетъ, почему нужно отыскивать неимѣющихъ работы не только въ предѣлахъ городовъ или ближайшихъ окрестностяхъ фабрикъ, заводовъ, рудниковъ, а по всему пространству Имперіи, что нужно искать ихъ не только среди населенія столичныхъ подваловъ и чердаковъ, но и по крестьянскимъ дворамъ, не только среди тѣхъ, кто проводитъ ночь подъ открытымъ небомъ или платитъ за полнары въ ночлежномъ домѣ, но даже среди тѣхъ, кто имѣетъ избу съ надворными постройками и вспахиваетъ на своей лошади свой надѣлъ. Забудемъ о числѣ русскихъ людей, не имѣющихъ занятія, какъ это число опредѣляется частными изслѣдователями и даже земствами; припомнимъ только цифры, собранныя центральнымъ статистическимъ комитетомъ, и мы получимъ больше 2 милліоновъ мужчинъ; вмѣстѣ съ членами ихъ семей это составитъ больше 6 милліоновъ.

Не мудрено, если и нашему отечеству знакомы тѣ явленія, которыя принято называть стачками и забастовками. Есть внѣшнія причины, вслѣдствіе которыхъ стачки не принимаютъ у насъ такихъ широкихъ размѣровъ, какъ на Западѣ, не охватываютъ одновременно нѣсколько отраслей промышленности или, по крайней мѣрѣ, многихъ промышленныхъ заведеній. Однако, вспыхивая то здѣсь, то тамъ, вызываемыя то ночной работой, обыкновенно очень тягостной, то исполненіемъ нѣкоторыхъ фабричныхъ работъ въ праздники, то строгими взысканіями администраціи, то вычетами изъ заработной платы, онѣ являются вполнѣ родственными фактами этого рода, которые даетъ намъ Западъ.

Отмѣчу еще одинъ пунктъ—пониженіе тѣлесныхъ силъ населенія въ мѣстностяхъ, которыя имѣютъ наиболѣе развитую крупную промышленность. Какъ на Западѣ промышленные округа даютъ обыкновенно наибольшій процентъ молодыхъ людей, негодныхъ къ отбыванію воинской повинности, такъ и въ Московской, напр., губерніи рабочіе бумагопрядиленъ гораздо меньше ростомъ и имѣютъ болѣе узкую грудь, чѣмъ чернорабочіе, уроженцы той-же Московской губерніи. Многочисленныя измѣренія рабочихъ показали, что всѣ рабочіе безъ различія мѣста рожденія и занятій имѣютъ средній ростъ въ: 165,2 сантиметровъ, тѣ-же,

которые работаютъ на фабрикахъ, имѣютъ ростъ въ 162—164 сантиметра. И въ то время, какъ средній вѣсъ рабочихъ безъ различія занятій достигаетъ 59½ килограммовъ, вѣсъ фабричныхъ рабочихъ не превышаетъ 57—58. Къ этому присоединяется и незначительное во многихъ отрасляхъ число рабочихъ, которые перешагнули за 40 лѣтъ: въ обработкѣ хлопчатой бумаги ихъ встрѣчается 22%, 9,48% и даже 9,30% (прядильщики и самоткачи). А такъ какъ въ другихъ отрасляхъ труда это число превышаетъ даже 70% (ручные ткачи сукна) и 73—77% (чернорабочіе), то малое число лицъ, перешедшихъ за 40-лѣтній возрастъ, есть живое доказательство преждевременной дряхлости и смерти.

Можно уловить и другія сходства между развитіемъ хозяйственной жизни Россіи и процессами, которые совершаются на Западѣ или въ Америкѣ. До сихъ поръ мы вели рѣчь о перемѣнахъ, которыя происходятъ какъ-бы механически; мы не видимъ дѣятелей: мы наблюдаемъ только массовыя силы въ дѣйствіи и оцѣниваемъ послѣдствія, которыя они влекутъ за собой. Теперь-же мы напомнимъ о планомѣрной дѣятельности, направленной къ измѣненію нѣкоторыхъ условій экономической жизни. Такова прежде всего дѣятельность правительства Уже одна страница въ этой дѣятельности—политика внѣшней торговли—раскрываетъ намъ очень большое сходство между Россіей и ея западными сосѣдями. Покровительство туземной промышленности посредствомъ таможенныхъ пошлинъ стало усиливаться въ западной Европѣ съ конца 70-хъ годовъ. И у насъ, начиная отъ 1877 года, это теченіе, обозначаясь все болѣе и болѣе рѣзко, привело къ высоко охранительному тарифу 1891 года. Съ 1891 года въ западной Европѣ совершился переломъ: торговая политика перешла изъ періода высокихъ и одностороннихъ таможенныхъ тарифовъ въ періодъ торговыхъ договоровъ; и у насъ съ 1893 года былъ заключенъ рядъ торговыхъ договоровъ съ нашими сосѣдями. Въ эту-же сферу дѣятельности относятся и другія мѣропріятія, направленныя къ отысканію новыхъ внѣшнихъ рынковъ. Поиски за рынками со стороны Европы издавна выражаются въ ея колоніальной политикѣ, а также въ преміяхъ на вывозимые товары отечественнаго производства. Въ Россіи также была усвоена система премій (на спиртъ, сахаръ, предложеніе премій на уголь), и съ тѣмъ вмѣстѣ правительствомъ и частными обществами былъ сдѣланъ рядъ попытокъ для ознакомленія съ Малой Азіей, Персіей, Египтомъ, какъ странами, которыя могутъ быть покупателями русскихъ товаровъ. Можно найти очень большое сходство и въ сферѣ кредита. Въ области государственнаго кредита западно-европейскія государства ступили еще въ началѣ нынѣшняго вѣка на путь пониженія процентовъ по займамъ. И въ нашемъ отечествѣ съ конца 80-хъ годовъ былъ начатъ рядъ конверсій государственныхъ долговъ, обратившихъ ихъ изъ 5%-ныхъ въ 4%-ные.

Однородныя теченія обнаружились и въ сферѣ общественнаго кредита. Западная Европа и Америка уже давно выработали разнообразныя формы, посредствомъ которыхъ кредитъ дѣлается доступнымъ и для бѣднѣйшихъ слоевъ населенія. У насъ это движеніе, начавшееся въ 60-хъ годахъ посредствомъ насажденія ссудосберегательныхъ артелей, не дало удовлетворительныхъ результатовъ. И, вотъ, въ самое послѣднее время, съ измѣненіемъ устава государственнаго банка, поставлены на очередь такія операціи, которыя должны облегчить выдачу ссудъ и ремесленникамъ, кустарямъ, крестьянамъ. Напомнимъ также о фабричныхъ законахъ. Вмѣшательство государства въ эту область началось на Западѣ и Америкѣ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ; у насъ первый фабричный законъ изданъ только въ 1882 году. Теперь мы располагаемъ нѣкоторыми нормами, ограничивающими въ промышленности власть хозяина надъ работниками.—Къ сказанному можно было-бы пріобщить и еще много другихъ параллелей.

Движеніе въ литературѣ также заслуживаетъ вниманія. Между европейско-американскимъ міромъ и нашимъ отечествомъ мы находимъ, во-первыхъ, то общее сходство, что на разработку экономическихъ вопросовъ затрачивается больше силъ, чѣмъ на изученіе другихъ сторонъ жизни, вмѣстѣ взятыхъ. И, во-вторыхъ, можно отмѣтить также другое сходство: у насъ, подобно тому, какъ на западѣ Европы и въ Америкѣ многіе экономисты и практическіе дѣятели ждутъ улучшенія общественной жизни отъ дальнѣйшаго развитія силъ, которыя дѣйствуютъ уже давно; необходимы, думаетъ большинство, лишь тѣ частичныя поправки, которыя можетъ вносить государственная власть и которыя можетъ создавать присущее людямъ чувство дружелюбія. Пусть крупная промышленность дѣлаетъ дальнѣйшіе успѣхи на развалинахъ мелкаго производства; пусть возрастаетъ городское населеніе на счетъ сельскаго; пусть работа внутри семьи для собственныхъ потребностей на всѣхъ пунктахъ замѣнятся платнымъ потребленіемъ; пусть огромныя предпріятія новаго времени достигаютъ въ синдикатахъ по-истинѣ гигантскихъ размѣровъ... Если зоркій глазъ государства будетъ неослабно слѣдить за теченіемъ промышленной жизни, то могутъ быть смягчены всѣ невыгоды, которыя она причиняетъ слабѣйшимъ членамъ общества. Отсюда—усиленное развитіе фабричныхъ законовъ, страхованіе рабочихъ, улучшеніе жилищъ бѣднѣйшихъ классовъ и проч. и проч. И въ нашей экономической литературѣ слышатся громкіе голоса, что развитіе промышленной жизни, какъ оно совершается въ западной Европѣ, есть развитіе нормальное, что нужно ускорить это теченіе у насъ и мы войдемъ въ русло, которое постепенно приведетъ къ высокому уровню благосостоянія и правильному распредѣленію богатства. И наша литература и протоколы ученыхъ обществъ, которыя работаютъ надъ экономическими вопросами,

содержатъ запасы изслѣдованій и разсужденій, а главное, проектовъ и соображеній о томъ, что должно быть сдѣлано для скорѣйшаго развитія промышленной жизни; цѣль этихъ соображеній и проектовъ составляетъ развитіе нашей промышленности въ направленіи, которое она приняла на Западѣ и уподобленіе нашего отечества великому американскому государству, которое, будто-бы, представляетъ во многомъ большое сходство съ нашей родиной.

Все это оправдываетъ выводъ, что Россія переживаетъ тотъ періодъ экономическаго развитія, который Западъ переживалъ 50 лѣтъ тому назадъ. Если извѣстные экономическіе факты (размѣры отдѣльныхъ отраслей промышленности, обороты банковъ, желѣзнодорожное дѣло) выражаются на западѣ и въ Америкѣ милліардами, а у насъ только сотнями милліоновъ, то количественная разница не затемняетъ характера движенія и позволяетъ заключить объ однородности экономической жизни въ Россіи и на Западѣ. А если такъ, то не позволительно-ли утверждать, что и въ будущемъ наше народное хозяйство будетъ повторять то, что уже пережито опередившими насъ народами, и мы, изучая бытъ нашихъ сосѣдей, получаемъ право сказать, что Россія обнаружитъ современемъ тѣ-же черты, дастъ тѣ-же формы жизни, которыя теперь мы наблюдаемъ на Западѣ?

II.

Какъ ни напрашивается такой выводъ, въ русской литературѣ есть писатели, которые рѣшительно отказываются сдѣлать его. Это направленіе, извѣстное подъ именемъ *народническаго*, заслуживаетъ серьезнаго вниманія критической мысли. Оно представляетъ намъ интересъ въ двоякомъ отношеніи: 1) оно указываетъ нѣкоторыя общія условія экономической жизни, служащія ручательствомъ за то, что развитіе народнаго хозяйства Россіи во многомъ не будетъ сходно съ развитіемъ Запада; 2) оно отмѣчаетъ въ русской жизни силы, которыя облегчатъ намъ миновать путь, пройденный Западомъ, и помогутъ построить наше народное хозяйство на основаніяхъ, гораздо болѣе соотвѣтствующихъ требованіямъ справедливости, нежели жизнь народовъ Европы. Г. В. В. одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ представителей этого направленія, оцѣнивая законы экономическаго развитія человѣчества, считаетъ возможнымъ для странъ, которыя отстали въ промышленной жизни, одинъ изъ трехъ исходовъ. «1) Или страны, позднѣе выступившія на пути развитія, должны вѣчно оставаться на низкой, напримѣръ ремесленной ступени его, 2) или процессъ обобществленія труда можетъ совершиться у нихъ инымъ, некапиталистическимъ путемъ, 3) или, наконецъ, онъ совершится лишь послѣ того, какъ въ странахъ, ушедшихъ впередъ, капиталистическое производство закончитъ всю цѣпь своего развитія и превратится въ на-

родное; въ такихъ странахъ производство перестанетъ стремиться къ возможному расширенію; цѣлью его будетъ не наводненіе иноземныхъ рынковъ товаромъ ради возростанія прибавочной стоимости, а удовлетвореніе потребностей самихъ производителей, которые въ то-же время и хозяева и рабочіе; всякое техническое улучшеніе въ орудіяхъ производства будетъ служить не къ расширенію послѣдняго, а къ сокращенію труда работающихъ, увеличенію ихъ досуга»[1]). Въ странахъ, гдѣ всего ранѣе совершилось развитіе капиталистической промышленности, должны были быть на лицо люди, свободные для найма, т. е. лишенные земли и другихъ орудій самостоятельнаго производства. Въ этихъ странахъ капиталистическое производство развивалось медленно, такъ какъ вырабатывало методу для своего развитія. Тамъ область самостоятельнаго приложенія рабочими своего труда сокращалась постепенно, вслѣдствіе чего и не происходило повальнаго обѣдненія массы народа. Привыкнувъ къ довольно высокому уровню потребностей, рабочіе въ такихъ странахъ удерживали заработную плату на извѣстной высотѣ. Въ странахъ, которыя позднѣе выступили на путь капиталистическаго развитія, процессъ можетъ совершиться гораздо болѣе быстро. Ремесло въ новой отрасли производства можетъ и не проходить здѣсь всѣхъ ступеней, которыя были пройдены тамъ, гдѣ крупная промышленность развивалась ранѣе: оно можетъ перескакивать чрезъ нѣсколько ступеней. Русскому промышленнику, намѣревающемуся замѣнить ручное производство машиннымъ, вовсе нѣтъ надобности первоначально пріобрѣсти машины, которыя употреблялись въ Англіи 50 лѣтъ тому назадъ, позднѣе замѣнить такими, которыя были тамъ въ ходу 20 лѣтъ назадъ и только послѣ нихъ перейдти къ новѣйшимъ. Онъ можетъ сразу ввести наиболѣе усовершенствованныя машины. А это ставитъ запросъ на наемныхъ рабочихъ въ очень тѣсные предѣлы. Въ такой странѣ, какъ Россія, крупная промышленность можетъ развиваться безъ того, чтобы многочисленныя массы населенія были обезземелены, потеряли свои орудія производства и давали обильный матеріалъ для наемнаго труда. Однако, этимъ массамъ неизбѣжно грозитъ обѣдненіе. Самостоятельные ремесленники и земледѣльцы-кустари не могутъ соперничать съ крупнымъ производствомъ: послѣднее, уменьшая ихъ заработокъ отъ промысла или даже вовсе лишая его, или оставитъ ихъ самостоятельными земледѣльцами, но полуголодными, или вынудитъ ихъ бросить земельный надѣлъ и бродить по свѣту въ поискахъ за работой. «Не думаемъ, говоритъ г. В. В., чтобы такая перспектива для работника молодыхъ странъ имѣла какія-либо преимущества передъ участью странъ зрѣлыхъ. Тамъ рабочій-пролетарій бросалъ родину, не желая конкуренціей понизить заработную плату до minimum'а; здѣсь самостоя-

[1]) В. В. Судьбы капитализма въ Россіи. 1882, 16.

тельный земледѣлецъ бросаетъ свое хозяйство, убѣгая отъ голодной смерти или полуголоднаго существованія» [1]). Овладѣвъ внутренними рынками и произведя опустошенія въ рядахъ ремесленниковъ и кустарей, частно-капиталистическое производство не достигнетъ большихъ размѣровъ, вслѣдствіе ограниченности рынка сбыта, такъ какъ ему не удастся овладѣть внѣшними рынками: на немъ господствуютъ народы, ранѣе развившіе свою промышленность и было-бы напрасно надѣяться вытѣснить ихъ оттуда. Другой изслѣдователь русской экономической жизни г. Николай—онъ съ удареніемъ говоритъ о трудности для Россіи завоевать внѣшніе рынки. «Какъ продуктъ каждой фабрики далеко превосходитъ потребность въ немъ всего работающаго фабричнаго населенія, точно такъ-же продуктъ капиталистической націи далеко превосходитъ потребность въ немъ всего занятаго промышленностью населенія и превосходитъ именно потому, что нація эта капиталистическая, раздѣленіе общественныхъ рабочихъ силъ которой направлено не на удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей населенія, а на удовлетвореніе потребленія платящаго. Поэтому, какъ отдѣльный фабрикантъ, какъ капиталистъ, не можетъ просуществовать и дня, если его рынокъ ограничится только предѣлами потребностей егор абочихъ и его собственныхъ, точно такъ-же не можетъ удовлетвориться одними своими собственными внутренними рынками и развившаяся капиталистическая нація... Выходомъ изъ такого затрудненія представляется расширеніе рынка за предѣлы страны—пріобрѣтеніе внѣшняго рынка» [2]). Сравненіе цѣнъ однихъ и тѣхъ-же товаровъ, производимыхъ въ Англіи и Россіи, показываетъ, что наши надежды на пріобрѣтеніе внѣшнихъ рынковъ не могутъ оправдаться. Сравнивая на московскомъ и ливерпульскомъ рынкахъ цѣны хлопка, пряжи и миткаля извѣстныхъ сортовъ, мы получаемъ выводъ, что на московскихъ фабрикахъ къ одному пуду хлопка, пряденье и ткачество прибавили, сравнительно съ цѣною хлопка, 117,50%, тогда какъ въ Англіи—49,3%. Оказывается, что производительность труда англійскихъ бумагопрядильныхъ и бумаготкацкихъ фабрикъ вдвое выше, нежели русскихъ, положено вдвое меньше труда и. даже при одинаковой цѣнѣ хлопка, англичане могутъ продавать товаръ почти въ полтора раза дешевле, чѣмъ русскіе (217,5:149) [3]). Разница въ успѣшности труда и отражается на снабженіи внѣшняго рынка: Англія вывозитъ бумажныхъ, шерстяныхъ и льняныхъ издѣлій на 850 милліоновъ рублей въ годъ, а Россія только на 12—15 милліоновъ. Оба названные мною экономиста высказываютъ и ту мысль, что если-бы Россіи удалось завладѣть внѣш-

---

[1]) В. В. Т. ж., 19.

[2]) Николай—онъ. Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. 1893, 205.

[3]) Т. ж., 207.

ними рынками и вытѣснить съ нихъ западную Европу и Америку, то могла-бы быть доставлена работа только небольшой части людей, которые не находятъ занятія: нужно только немногимъ болѣе 600,000 человѣкъ, чтобы одѣть въ хлопчатобумажныя издѣлія $^2/_3$ всѣхъ потребителей ихъ на земномъ шарѣ; чтобы получить все количество угля, добываемаго Англіей, нужно только 500,000 рабочихъ. То-же можно сказать и о всѣхъ другихъ производствахъ.

На ряду съ недостаточностью рынка, который препятствуетъ широкому развитію у насъ крупнаго частно-капиталистическаго производства, есть и другое препятствіе: дешевизна рабочихъ рукъ. Введеніе машинъ можетъ быть выгодно только при томъ условіи, что онѣ вытѣсняютъ довольно дорогія рабочія руки. Какъ скоро ручной трудъ, замѣняемый машиннымъ, очень дешевъ, то становятся невыгодными техническія усовершенствованія, съ которыми обыкновенно связано крупное производство. Гдѣ, какъ въ Америкѣ или Англіи, трудъ въ 2, 3, 4 раза дороже, чѣмъ у насъ, тамъ введеніе машинъ становится безусловно необходимымъ.

Эти разсужденія, подкрѣпляемыя довольно большимъ числомъ фактовъ изъ русской жизни, побуждаютъ сторонниковъ народническаго направленія сдѣлать такіе выводы: 1) Крупное частно-капиталистическое производство, перенесенное къ намъ съ Запада, не можетъ охватить такую массу населенія, чтобы дать тонъ всей нашей хозяйственной жизни. 2) Развившись въ нѣкоторыхъ, быть можетъ, довольно многихъ отрасляхъ до возможности удовлетворить всю потребность въ данныхъ товарахъ внутри страны, оно уничтожитъ мелкіе промыслы и будетъ причиной обѣдненія многихъ милліоновъ русскихъ людей.

Въ этихъ положеніяхъ много вѣрнаго; однако, нужно ограничить ихъ. Такъ, прежде всего, нельзя согласиться съ мнѣніемъ, что дешевизна рабочихъ рукъ препятствуетъ развитію въ Россіи машиннаго производства. Если новый способъ производства только въ небольшой мѣрѣ увеличиваетъ успѣшность труда, и расходы на введеніе перваго значительны, то дешевая заработная плата препятствуетъ такому промышленному преобразованію. Если-же машина дѣлаетъ трудъ во много разъ болѣе успѣшнымъ, то становится выгоднымъ ввести ее, хотя-бы данная страна имѣла въ 2—3 раза низшую плату, нежели народы, занимающіе въ промышленности первыя мѣста. Съ первыхъ десятилѣтій нашего вѣка въ русскую хлопчатобумажную промышленность начали вводить заграничныя машины; выгодность ихъ примѣненія сказалась въ томъ, что свѣтелки кустарей, работавшихъ на ручныхъ ткацкихъ станкахъ, стали закрываться и крупная фабрика стала господствующимъ типомъ промышленныхъ единицъ въ этой отрасли производства. То-же скажемъ мы о гвоздарномъ промыслѣ. Русскіе кустари куютъ гвозди съ необыкновен-

нымъ трудолюбіемъ, рабочій день содержитъ 16 часовъ, доходъ отъ промысла считается достаточнымъ, если онъ достигаетъ только 50 рублей въ годъ. И, несмотря на такое напряженіе силъ и такія скромныя потребности, заводы, изготовляющіе гвозди машиннымъ способомъ, вытѣсняютъ этотъ кустарный промыселъ изъ самыхъ отдаленныхъ закоулковъ, гдѣ онъ еще сохранился. Тоже скажемъ мы и о сельскомъ хозяйствѣ. Вообще дѣлая въ Россіи мало успѣховъ, оно годъ отъ года даетъ все больше доказательствъ того, что машины доставляютъ ему выгоду. И это наблюдается не только въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ рабочій очень дорогъ, но и въ средниxъ черноземныхъ—Тульской, Орловской, Пензенской, гдѣ заработная плата крайне низка. Изслѣдованія, произведенныя полтавскими земскими статистиками еще въ половинѣ 80-хъ годовъ, показываютъ, что въ крупныхъ имѣніяхъ довольно распространены жнеи, паровыя молотилки, конныя грабли, а въ среднихъ имѣніяхъ, по крайней мѣрѣ, сѣялки и конныя молотилки. Нѣтъ, это обстоятельство не воспрепятствуетъ развитію у насъ машиннаго производства. Имѣя передъ собой относительно техники множество образцовъ за предѣлами отечества, русскіе промышленники избавлены отъ необходимости изобрѣтать; они могутъ брать готовымъ то, что наиболѣе пригодно по условіямъ мѣста и времени.

Первое соображеніе—объ отсутствіи внѣшнихъ рынковъ имѣетъ болѣе существенное значеніе. Есть-ли въ самомъ дѣлѣ основаніе разсчитывать, что Россія можетъ удержать за собой первенствующее мѣсто на міровомъ рынкѣ относительно какого-либо изъ товаровъ, которые она вывозитъ? Мы допускаемъ, что ея вывозъ возрастетъ сравнительно съ цифрами послѣднихъ лѣтъ, возрастетъ не только относительно сырья, которое составляетъ 95% въ итогѣ вывоза, но даже относительно полуфабрикатовъ и издѣлій. Но мы рѣшительно не видимъ основаній, которыя позволили-бы предсказать, что Россія будетъ властвовать на всемірномъ рынкѣ относительно какой-либо крупной статьи своего вывоза. Американцы, англичане, французы, нѣмцы превосходятъ насъ и общимъ, и техническимъ образованіемъ, высотой промышленнаго искусства, разнообразными приспособленіями для производства товаровъ и ихъ перевозки, энергіей труда, и мы не можемъ понять, какіе успѣхи дадутъ нашей жизни рѣзкій толчекъ къ движенію впередъ и затормазятъ развитіе другихъ народовъ настолько, чтобы мы сумѣли опередить ихъ и стать господами въ какой-либо обширной области всемірнаго рынка. Извѣстно, что движеніе совершается тѣмъ быстрѣе, чѣмъ дальше двигается тѣло: это положеніе примѣнимо и къ общественной средѣ, а потому параллельно съ улучшеніями, которыя будутъ дѣлать въ Россіи относительно производства товаровъ, кредита, желѣзныхъ и водныхъ путей, наши главные соперники за-границей будутъ дѣлать еще болѣе крупныя усовершенствованія въ своей хозяйственной жизни.

Однако, принято ссылаться на естественныя богатства Россіи, какъ скоро обсуждаютъ вопросъ о возможности для нея упрочиться на міровомъ рынкѣ съ нѣкоторыми или даже многими продуктами нашего производства. Не будемъ преувеличеннаго мнѣнія о нашихъ естественныхъ богатствахъ. Конечно, страна, столь обширная и рѣдко населенная, какъ Россія, имѣетъ много естественныхъ богатствъ, до которыхъ еще не коснулась человѣческая рука: есть милліоны десятинъ плодородной земли, еще не взятой подъ культуру, есть воды, обильныя рыбой, гдѣ еще мало развитъ рыболовный промыселъ, есть обильныя мѣсторожденія металловъ и минераловъ, еще не взятыя въ разработку. Запасъ нашихъ естественныхъ богатствъ производитъ особенно сильное впечатлѣніе, когда разсматриваемъ его абсолютно и когда сопоставляемъ его съ низкимъ уровнемъ техники и мало развитою промышленностью нашего отечества. Разнообразные дары природы, которыми владѣетъ Россія, представляются громадными и тогда, когда сравниваемъ наше отечество съ западной Европой, которая густо населена и пространствомъ далеко уступаетъ Россійской Имперіи. Если-же взять всю ту часть земнаго шара, которая входитъ въ составъ міроваго рынка, то окажется, что Россія уступаетъ и Америкѣ (особенно сѣверной и южной вмѣстѣ взятымъ) и обширнымъ пространствамъ южной Азіи, Африки и Австраліи, что она уступаетъ имъ прежде всего въ отношеніи климата. Прибѣгнемъ къ сравненіямъ. Когда говорятъ объ естественныхъ богатствахъ Россіи, то обыкновенно имѣютъ въ виду ея азіатскія владѣнія. Европейская Россія или довольно густо населена, или же (сѣверныя губерніи) принадлежитъ такому климатическому поясу, гдѣ нельзя ожидать ни большаго роста населенія, ни развитія разнообразной промышленной жизни. Азіатская Россія представляетъ площадь около $16^1/_2$ милліоновъ километровъ съ населеніемъ, только около 20 милліоновъ душъ. Какъ ни кажется великъ земельный просторъ въ Сибири и Средне-азіатскихъ владѣніяхъ, не слѣдуетъ забывать, что большая часть этой площади лежитъ въ климатѣ очень суровомъ, мало обѣщающемъ для развитія хозяйственной жизни. Если изъ средне-азіатскихъ владѣній откинуть степи, которыя поддадутся культурѣ только по затратѣ очень большихъ капиталовъ, когда уже будутъ заняты болѣе удобныя мѣста земнаго шара, то окажется, что, быть можетъ, $^1/_3$ всего этого пространства, 5—6 милліоновъ километровъ, должна быть отнесена къ мѣстностямъ, допускающимъ въ недалекомъ будущемъ расцвѣтъ хозяйственной жизни. Ограничивая такой цифрой площадь, которая представляетъ разнообразныя естественныя богатства, мы не только не умаляемъ ихъ, но идемъ отчасти даже дальше офиціальныхъ исчисленій. Эти исчисленія опредѣляютъ для лучшихъ мѣстъ Сибири и средней Азіи очень скромною цифрою площадь земель, которыя могутъ послужить мѣстомъ

водворенія переселенцевъ изъ Европейской Россіи: въ лучшихъ округахъ Тобольской губерніи — Ишимскомъ, Курганскомъ, Ялуторовскомъ почти не находятъ такихъ земель; подобные-же отзывы даются о Минусинскомъ округѣ, нѣкоторыхъ округахъ Акмолинской области и другихъ. Площадь въ 5—6 милліоновъ километровъ, если признать таковою удобную часть владѣній Азіатской Россіи, огромна; при благопріятныхъ условіяхъ она могла-бы прокормить не одну сотню милліоновъ. Но она становится очень скромною, если припомнить богатства, которыми природа надѣлила другія страны земнаго шара. Четыре южно-американскія государства—Бразилія, Аргентина, Перу и Чили имѣютъ площадь въ 23 милліона километровъ, а австралійскія колоніи Велико-Британіи до $8^1/_4$ милліоновъ. Общее число жителей на этой площади, превосходящей всю азіатскую Россію, только не многимъ превышаетъ 30 милліоновъ. Конечно, и среди этихъ пространствъ найдутся мѣста, не легко поддающіяся культурѣ; но ихъ сравнительно немного: во всякомъ случаѣ, удобная площадь далеко превосходитъ Азіатскую Россію, а климатомъ эти мѣста превосходятъ даже лучшія части Россійской Имперіи. Къ этому нужно прибавить и многія малонаселенныя части Соединенныхъ Штатовъ, Канады, долину Конго и разныя другія мѣстности земнаго шара. Разъ всѣ лучшія мѣста земнаго шара будутъ захвачены въ вѣдѣніе европейско-американской культуры, то многіе иноземцы выступятъ на всемірномъ рынкѣ представителями болѣе обильныхъ естественныхъ богатствъ, нежели Россія, и побѣдятъ насъ, даже при одинаковомъ уровнѣ техническихъ знаній. Такимъ образомъ мы не видимъ основанія ссылаться на естественныя богатства, какъ на условіе, которое поможетъ намъ завладѣть значительною частью всемірнаго рынка.

Слабая надежда на то, что страна откроетъ себѣ обширный внѣшній рынокъ, заставляетъ сдѣлать относительно ея экономическаго будущаго такое предсказаніе. Однимъ исходомъ будетъ умноженіе класса безработныхъ. Наука говоритъ намъ, что въ каждой странѣ, имѣющей развитую крупную промышленность, нѣсколько сотъ тысячъ не находятъ себѣ занятія. Нельзя опредѣлить точною цифрою maximum числа безработныхъ, которое можетъ приходиться на какую-либо страну: нельзя сказать, что число безработныхъ въ странѣ не можетъ превышать 3, 5, 10% всего населенія. Очень большое число безработныхъ уживается съ высоко развитой промышленностью и съ картиной блестящихъ техническихъ успѣховъ. Частная благотворительность и общественное призрѣніе—вотъ источники, на которые живутъ люди, не имѣющіе занятія. Мы можемъ изобразить такимъ примѣромъ результаты, которые пріобрѣтаетъ народное хозяйство вслѣдствіе увеличенія числа безработныхъ. Предположимъ, что, при общемъ числѣ жителей въ 4 милліона, годовой доходъ равенъ 1 милліарду рублей, т. е. по 250 рублей на каждаго жи-

теля. Но 200.000 душъ не имѣютъ занятія и не зарабатываютъ ничего, 50 милліоновъ, которые при поголовной разверсткѣ приходились-бы на ихъ долю, поступаютъ состоятельнымъ классамъ. Если, вслѣдствіе неравнаго распредѣленія доходовъ между общественными группами, на каждаго изъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія приходится только 125 рублей въ годъ, то безработные получили-бы, имѣй они работу, 25 милліоновъ; но благотворительность дастъ имъ, быть можетъ, только по 50 рублей на душу, т. е. въ итогѣ 10 милліоновъ, а 15 распредѣляются между остальными, преимущественно, болѣе достаточными классами населенія. Представимъ себѣ теперь, что дальнѣйшіе успѣхи техники позволяютъ обществу имѣть ежегодный доходъ въ 1 милліардъ при меньшемъ числѣ работающихъ и что не 200.000, какъ прежде, а 400.000 душъ образуютъ безработныхъ. Если-бы они работали, то, согласно съ предыдущимъ расчетомъ, на ихъ долю пришлось-бы 50 милліоновъ рублей въ годъ. Не имѣя занятія, они живутъ на счетъ частной благотворительности или общественнаго призрѣнія и получаютъ только 20 милліоновъ. Можно прослѣдить еще дальше за этимъ движеніемъ. Оцѣнивая этотъ процессъ, мы получаемъ право сдѣлать такіе выводы. Увеличеніе числа людей, не имѣющихъ занятія, не всегда связано съ обѣднѣніемъ страны въ томъ смыслѣ, чтобы ея капиталъ и доходъ уменьшались; ея капиталъ и доходъ, по расчету на жителя, могутъ возрастать, а относительное число безработныхъ можетъ увеличиваться. Можетъ не быть обѣднѣнія страны и въ другомъ смыслѣ: наименѣе обезпеченные классы населенія могутъ получать изъ общественнаго дохода большую долю въ качествѣ безработныхъ, нежели за сто лѣтъ ранѣе приходилось въ той-же странѣ работникамъ, трудъ которыхъ оплачивается наиболѣе низко. Наконецъ, успѣхи техники настолько увеличиваютъ общественный доходъ и долю богатыхъ классовъ въ этомъ доходѣ, а организація общественнаго призрѣнія и формы частной благотворительности настолько совершенствуются, что и бѣдные, не имѣющіе работы, могутъ получать больше, нежели работники въ странахъ, технически отсталыхъ. Словомъ, для глаза, который со словами «бѣдность», «безработица» связываетъ представленіе о лохмотьяхъ, о совершенно негодной пищѣ, о жилищѣ грязномъ и полуразрушенномъ, можетъ и не быть интереснаго матеріала.

Можно подкрѣпить эти общія положенія нѣкоторыми данными изъ области пауперизма. Въ 1894 году общее число бѣдныхъ составляло въ Великобританіи и Ирландіи 1.011,540 душъ, на содержаніе которыхъ за 1893 годъ было израсходовано 11.183,288 фунт. стерлинговъ. Среди общей массы бѣдняковъ было до 200,000 душъ способныхъ къ труду. Такъ какъ рѣчь идетъ о бѣднякахъ, то естественно предположить, что они получаютъ содержаніе крайне скудное, безконечно меньшее, нежели работники, могущіе собственными силами заработывать пропитаніе. А

между тѣмъ положеніе англійскихъ бѣдныхъ гораздо болѣе благопріятно, нежели матеріальныя условія жизни милліоновъ и милліоновъ людей, которые не зачислены въ списокъ бѣдняковъ. На содержаніе каждаго бѣдняка затрачивается въ Соединенномъ королевствѣ больше 11 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, что составитъ на семью изъ 5 душъ слишкомъ 55 фунтовъ, т. е. больше 500 рублей. Какъ-же не назвать этого положенія завиднымъ, если мы сравнимъ его съ положеніемъ русскихъ рабочихъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности, въ сахароваренномъ дѣлѣ, лѣсопильномъ, шерстопрядильномъ, фарфоро-фаянсовомъ, гдѣ заработокъ семьи не превышаетъ 200 — 250 рублей въ годъ, или-же съ заработкомъ нашихъ кустарей, гдѣ на душу приходится въ промыслахъ, которые не совсѣмъ стѣснены, 40—50 рублей, а во многихъ, особенно по обработкѣ дерева, 25—20 и менѣе? Хотя предметы потребленія въ Англіи на 30—40% дороже, чѣмъ въ Россіи, но какъ не сказать, что 5-ти-душная семья англійскаго паупера поставлена гораздо лучше и имѣетъ гораздо больше жизненныхъ удобствъ, нежели русская крестьянская семья, годовой расходъ которой исчисленъ (для Воронежской губерніи) въ 53 р. 5 коп. на душу; и изъ этой скромной суммы 12 рублей затрачиваются на арендованіе земли, на покупной кормъ для скота, т. е. на статьи, которыя не связаны съ личными потребностями и для послѣднихъ остается не полныхъ 200 рублей на 5 душъ. Положеніе англійскаго бѣднаго представится въ еще болѣе выгодномъ свѣтѣ, если мы сравнимъ его съ матеріальнымъ бытомъ рабочихъ въ такихъ странахъ низкой культуры, какъ Остъ-Индія или Китай.

Можно показать на томъ-же примѣрѣ, что съ успѣхомъ промышленности замѣтно увеличивается доля, получаемая бѣдными классами. Въ концѣ 50-хъ годовъ въ Соединенномъ королевствѣ было почти столько-же бѣдныхъ, занесенныхъ въ списки, какъ и теперь, однако, содержаніе ихъ было гораздо болѣе скудно: на душу расходовалось не больше 7½ фунтовъ, что составитъ до 350 рублей для семьи изъ 5 душъ. Нечего и прибавлять, что положеніе англійскаго бѣдняка теперь гораздо лучше, чѣмъ было положеніе англійскаго рабочаго въ концѣ прошлаго столѣтія. И если теперь мы называемъ Англію самой богатой страной, хотя она имѣетъ больше одного милліона офиціально признанныхъ бѣдняковъ, то мы не посягнемъ на такую ея репутацію, если чрезъ 50 лѣтъ число бѣдняковъ увеличится. Очень возможно, что такое увеличеніе будетъ идти рука объ руку съ большимъ приростомъ народнаго дохода и съ возможностью давать бѣднякамъ большую долю дохода, чѣмъ они получаютъ нынѣ. Сходная перспектива можетъ открыться и предъ нашимъ отечествомъ отъ дальнѣйшаго развитія частно-капиталистическаго производства: большая успѣшность труда будетъ развиваться на ряду съ возрастаніемъ числа незанятыхъ рабочихъ: вмѣсто 3—4 милліоновъ, какъ

теперь, ихъ будетъ 6—7 милліоновъ. Организація общественнаго призрѣнія, посредствомъ налога для бѣдныхъ, будетъ давать въ распоряженіе незанятыхъ рабочихъ большія суммы, нежели тѣ, которыя расходуются теперь тружениками, и положеніе незанятыхъ рабочихъ можетъ быть даже болѣе благопріятно, чѣмъ положеніе большей части крестьянскихъ дворовъ въ настоящее время.

Недостаточно широкій рынокъ сбыта, будь то внутренній или внѣшній, увеличиваетъ число людей, не имѣющихъ занятія, а общая высота народнаго богатства и вся постановка благотворительности въ странѣ объясняютъ, сколько выпадаетъ на долю безработныхъ, влачатъ-ли они самое жалкое существованіе, на границѣ голодной смерти, или-же имѣютъ необходимое для жизни. Представляя такой исходъ, мы не считаемъ его единственнымъ, ибо все то, что расширяетъ внутренній рынокъ, стремится уменьшить число безработныхъ. Въ странахъ, которыя, подобно Америкѣ и Россіи, имѣютъ рѣдкое населеніе и обширныя площади незанятыхъ земель, переселенія имѣютъ первостепенную важность, могутъ расширять сбытъ туземныхъ товаровъ и восполнять недостатокъ внѣшняго рынка. Мы видимъ, что Америка, быстро развивая всѣ отрасли промышленности, потребляетъ сама большую часть продуктовъ и вывозитъ сравнительно небольшое ихъ количество. За 1890 годъ Соединенные Штаты произвели фабричныхъ и мануфактурныхъ издѣлій на 8.600 милліоновъ долларовъ, а вывезли на 169 милліон.—2%. Такъ и Россія, при мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ расширенію внутренняго рынка (крупныя мѣропріятія этого рода являются слѣдствіемъ только широкихъ общественныхъ реформъ), могла-бы обойтись безъ значительнаго сбыта заграницу своихъ товаровъ. Мы дѣлаемъ изъ всего сказаннаго тотъ окончательный выводъ, что трудность завоеванія внѣшнихъ рынковъ еще не служитъ неодолимымъ препятствіемъ для развитія въ Россіи многихъ отраслей крупной промышленности, ни причиною того, что это развитіе поведетъ къ крайнему обѣднѣнію народа, взятаго въ его цѣломъ.

III.

Итакъ, по убѣжденію народниковъ, предпринимательскій капиталъ играетъ и можетъ играть только незначительную роль въ нашемъ народномъ хозяйствѣ. А потому возникаетъ вопросъ, не можетъ-ли у насъ развиваться промышленная жизнь на началахъ, отличныхъ отъ тѣхъ, которыя проникаютъ ее въ западной Европѣ? Народники отвѣчаютъ на это утвердительно.

Такъ какъ въ странахъ молодыхъ, для которыхъ борьба со старыми народами за рынки является непосильной, все-же есть стремленіе достигнуть болѣе высокаго уровня экономическаго развитія, то послѣднее

пойдетъ особыми, своеобразными путями. Такая страна будетъ стараться насадить у себя крупную промышленность по образцу, который у насъ есть передъ глазами, и въ этомъ отношеніи ея усилія будутъ не совсѣмъ безплодны. «Пользуясь пріемами, выработанными тѣми-же промышленными странами,—запретительными тарифами, ссудою правительственными капиталами частныхъ предпринимателей, предоставленіемъ имъ казенныхъ заказовъ и другими покровительственными мѣрами, — она достигнетъ водворенія у себя крупной промышленности, но значеніе здѣсь послѣдней будетъ совершенно иное. Не имѣя возможности развиваться такъ, какъ требуетъ этого природа капитализма, послѣдній какъ появился, такъ и останется гостемъ, привлеченнымъ почти насильно, чувствующимъ себя не дома и потому не могущимъ оказать здѣсь того громаднаго вліянія на всѣ сферы жизни, какое онъ имѣетъ въ странѣ своего естественнаго зарожденія и процвѣтанія. Бокъ о бокъ съ нимъ будетъ существовать мелкое производство, будетъ продолжаться національный процессъ развитія общественной формы труда, тихое, естественное теченіе котораго было лишь слегка взволновано такимъ вмѣшательствомъ крупнаго капитала. Процессъ этотъ, на сколько онъ совершается капиталистическимъ путемъ, пойдетъ крайне медленно, ибо отсутствіе внѣшняго рынка мѣшаетъ ему развернуть всѣ свои силы. Весь запасъ опыта и все громадное развитіе техники, какіе онъ можетъ даромъ получить съ запада—все это отразится на немъ очень мало по той-же причинѣ. А если капитализація туземнаго производства пойдетъ такимъ черепашьимъ шагомъ, то есть надежда повернуть весь процессъ развитія общественной формы труда на народный путь, на путь артелей, гдѣ рабочіе трудятся не для возрастанія капитала, а для удовлетворенія собственныхъ потребностей, гдѣ стремленіемъ производства сдѣлается не безграничное его расширеніе, а сокращеніе труда работающихъ [1])».

Мы часто встрѣчаемъ мысль о возможности широкаго развитія у насъ артельнаго производства. При этомъ въ условіяхъ русской жизни намѣчаются начала, которыя могутъ облегчить рѣшеніе этой задачи. Мысль о возможности достигнуть этой цѣли идетъ двумя путями. Во-первыхъ, говорится съ удареніемъ о томъ, что новое промышленное развитіе Россіи искусственно, что его толкнули на этотъ путь только послѣ освобожденія крестьянъ и что легко было остаться въ то время вѣрными основнымъ и самобытнымъ условіямъ нашей экономической жизни. Во-вторыхъ, въ современной русской дѣйствительности указываются начала, которыя еще живы, могущественны и способны поднять на себя такой тяжелый трудъ.

[1]) Судьбы капитализма, 173

Г. В. В. развиваетъ мысль, что отъ времени освобожденія крестьянъ въ нашей общественной жизни можно подмѣтить двѣ стороны—разложеніе старыхъ формъ и развитіе новыхъ. Народный трудъ былъ освобожденъ отъ узъ крѣпостничества, наше общество столкнулось съ Западомъ и широко отворились двери для европейскихъ идей. Оторванное отъ народа и старинныхъ формъ нашей экономической жизни, русское общество явилось листомъ сѣрой бумаги, на которомъ могло быть написано все, что угодно. Своя жизнь не выработала представленій того, во что должно было воплотиться русское народное хозяйство. А Западъ привлекалъ русскихъ людей величественной картиной капиталистическаго производства и ученіемъ, которое санкціонировало его. Безпощадная борьба личныхъ интересовъ—вотъ доктрина, которую далъ намъ Западъ. Наше общество было расшатано внутри, оно не имѣло собственной точки опоры, а потому эта доктрина оказалась наиболѣе привлекательною для него. Она дала толчекъ для развитія крайняго эгоизма подъ знаменемъ либеральныхъ идей. Управляющіе классы также были увлечены этимъ потокомъ и преклонились предъ западно-европейской идеей. Признавая западъ своимъ образцомъ, управляющій классъ долженъ былъ слѣдовать за нимъ осторожно. И вотъ, правительство начало расчищать почву для водворенія новаго порядка вещей. Началось покровительство банкамъ и акціонернымъ компаніямъ, начались заботы объ устраненіи препятствій для развитія крупной промышленности.

Г. Николай—онъ начинаетъ свою книгу словами Высочайшаго манифеста 19 февраля 1861 года. Въ манифестѣ говорится, что цѣлью надѣленія крестьянъ землею является обезпеченіе ихъ быта и исполненіе ихъ обязанностей передъ обществомъ; православный народъ приглашается къ свободному труду, какъ залогу домашняго благополучія и общественнаго блага. «Принципъ манифеста—надѣленіе крестьянъ землею или, выражаясь шире, доставленіе самимъ производителямъ орудій труда для наибольшаго развитія производительности, и слѣдовательно—для развитія условій, наиболѣе обезпечивающихъ экономическій ростъ всего народа, принципъ этотъ, говоримъ мы, стоялъ въ безусловномъ противорѣчіи съ принципомъ, на которомъ зиждется хозяйственный строй западно-европейскихъ государствъ» [1]). У того-же писателя мы читаемъ въ другомъ мѣстѣ такія слова: «Вмѣсто того, чтобы придерживаться тѣхъ основъ нашей хозяйственной жизни, которыя оставило намъ наше историческое прошлое; вмѣсто того, чтобы развивать достигнутые результаты помощью науки, знанія и опыта, которые намъ давались даромъ западной Европой, мы свернули съ пути, которымъ шли впродолженіи многихъ вѣковъ; мы стали устранять производство, основанное на тѣсной связи непосредствен-

---

[1]) Очерки наш. пореформ. обществ. хозяйства 2—3 и 281—83.

наго производителя со средствами производства, на тѣсной связи земледѣлія и обработывающей промышленности и положили въ основаніе своей хозяйственной политики развитіе производства капиталистическаго, основаннаго на экспропріаціи непосредственныхъ производителей отъ средствъ производства, со всѣми сопровождающими его бѣдствіями, которыми теперь страдаетъ западная Европа. Мы не только шли навстрѣчу этимъ бѣдствіямъ, но обостряли ихъ, покровительствовали болѣе быстрому отдѣленію средствъ производства отъ непосредственныхъ производителей, и въ концѣ концовъ достигли того, что капитализмъ развился дѣйствительно сильно, но вмѣстѣ съ тѣмъ валовое производство страны сократилось... Сокращеніе это обязано исключительно тому, что самое производство приняло капиталистическую форму, что оно перестало быть народнымъ, что мы постарались при всей нашей «самобытности» перенять отъ западной Европы именно то, что въ ней было худшаго, то, отъ чего она бѣдствуетъ, то, что она никакъ не можетъ упорядочить. Такое наше пренебрежительное отношеніе къ собственному историческому прошлому, такое попираніе народнаго производства и насажденіе капитализма на почвѣ совершенно неподготовленной для его укорененія произвело то, что должно было произвести... постоянное, непрерывное освобожденіе общественныхъ рабочихъ силъ, не находящихъ себѣ занятія» [1]).

Если такой поворотъ отъ вѣковыхъ устоевъ русской народной жизни на путь, который вовсе не соотвѣтствуетъ ни нашимъ преданіямъ, ни нашимъ интересамъ, совершился только за послѣднее 30-ти-лѣтіе, то не естественно-ли требовать, чтобы былъ оставленъ этотъ новый путь и не естественно-ли надѣяться, что въ нашемъ общественномъ строѣ есть условія, при помощи которыхъ можетъ быть воздвигнуто болѣе совершенное зданіе народнаго хозяйства. Народники ставятъ такія требованія и высказываютъ эти упованія.

«Находясь въ семьѣ европейскихъ народовъ, быстро развивающихъ производительность труда, мы не можемъ довольствоваться ни тою формою мелкаго домашняго производства, которая насъ удовлетворяла не далѣе трехъ, четырехъ десятилѣтій тому назадъ—и о поддержкѣ которой мечтаютъ многіе—ни тою, которая ее смѣнила и которую мы искусственно насаждаемъ и которой покровительствуемъ въ ущербъ благосостоянію всего населенія. Русскому обществу предстоитъ рѣшеніе великой задачи, крайне трудной, но не невозможной—развить производительныя силы населенія въ такой формѣ, чтобы ими могло пользоваться не незначительное меньшинство, а весь народъ. Тридцать лѣтъ—это мгновеніе въ народной жизни; но впродолженіе этого мгновенія произошла и продолжаетъ происходить коренная ломка всѣхъ нашихъ промышленныхъ формъ,

---

[1]) Очерки наш. пореформ. обществ. хозяйства 2—3 и 281—83.

которыя такъ или иначе удовлетворяли народныя потребности... Это несоотвѣтствіе формъ производства съ потребностями большинства угрожаетъ такими губительными послѣдствіями и населенію и всему государству, что не остается иного средства, какъ, опираясь на матеріальныя условія производства, унаслѣдованныя нами отъ нашего историческаго прошлаго, прекратить ломку нашей вѣками сложившейся формы производства, основанной на владѣніи орудіями производства самими непосредственными производителями... и направить всѣ усилія на объединеніе земледѣлія и обработывающей промышленности въ рукахъ непосредственныхъ производителей, но объединенія не на почвѣ мелкихъ, разрозненныхъ производительныхъ единицъ—что было-бы равносильно «увѣковѣченію всеобщей посредственности»,—а на почвѣ созданія крупнаго общественнаго, обмірщеннаго производства, основаннаго на свободномъ развитіи общественныхъ производительныхъ силъ, на приложеніи науки и техники и имѣющаго въ виду удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей и благосостоянія всего населенія» [1]).

Въ русскомъ обществѣ, по мнѣнію народниковъ, есть силы, способныя облегчить рѣшеніе этой великой задачи. Европейскій западъ взираетъ на пролетарія, какъ на творца грядущихъ формъ общественной жизни. Но вся обстановка его жизни не воспитываетъ въ немъ навыковъ, которые необходимы для творческой дѣятельности: $^3/_4$ своего бодрственнаго состоянія проводитъ онъ въ качествѣ придатка машины: онъ связанъ съ дѣломъ тѣлесно, но не участвуетъ въ немъ ни мыслью, ни чувствомъ. Онъ проводитъ досугъ отъ труда въ семьѣ, въ библіотекѣ, въ кабакѣ, онъ поучается и забавляется; онъ можетъ быть дисциплинированъ и сдѣланъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ искусныхъ демагоговъ, но не воспитываетъ въ себѣ тѣхъ свойствъ, которыя необходимы для самостоятельной общественной дѣятельности. Насколько пролетарій можетъ подчиниться руководству извнѣ, настолько онъ можетъ стать матеріаломъ, пригоднымъ для созданія новыхъ формъ общежитія. Разъ нѣтъ такого внѣшняго и сильнаго руководительства, то страны, гдѣ масса населенія состоитъ изъ пролетаріевъ, ставятся въ неблагопріятныя условія для созданія лучшихъ и прочныхъ формъ общественнаго быта, если даже пролетаріи имѣютъ широкія политическія права.

Въ противоположность этому, Россія обладаетъ хорошей почвой для воспитанія въ массѣ способности къ самодѣятельности. Земледѣлецъ, будучи самостоятельнымъ хозяиномъ, участвуетъ въ процессѣ коллективнаго творчества. Необходимость согласовать свою дѣятельность съ интересами и требованіями сообщественниковъ, развиваетъ въ населеніи привычку къ соціальному взаимо-приспособленію. Личный интересъ огра-

[1]) Т. ж. 343—46.

ничивается подчиненіемъ другому интересу, идеѣ общей пользы. «Непосредственное участіе всѣхъ членовъ общества въ разрѣшеніи множества весьма существенныхъ для интересовъ каждаго мірскихъ дѣлъ—при чемъ въ народѣ замѣчается стремленіе разрѣшать спорные вопросы не путемъ образованія въ пользу извѣстнаго мнѣнія достаточнаго большинства, а, по возможности, примиреніемъ требованій всѣхъ заинтересованныхъ лицъ—служитъ прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ для развитія способности къ солидарной дѣятельности. Совокупнымъ вліяніемъ перечисленныхъ обстоятельствъ въ русскомъ народѣ создается психологически подготовленная почва не для стадныхъ дѣйствій подъ руководствомъ вожака, а для самостоятельнаго соціальнаго творчества, путемъ работы коллективной мысли, каковое обстоятельство обезпечиваетъ практичность, оригинальность и разносторонность результатовъ этого творчества, а слѣдовательно и возможности развитія въ будущемъ высокихъ соціально-бытовыхъ формъ» [1]).

Артель—вотъ форма труда, которая является вторымъ пособникомъ при коренномъ преобразованіи устоевъ русской экономической жизни. Укрѣпляя связь рабочаго съ землею, мы отнимаемъ почву у русскаго капитализма и облегчаемъ развитіе общественной формы труда на артельныхъ началахъ. Г. В. В. предполагаетъ, что обобществленіе труда въ формѣ артели пойдетъ быстрѣе, нежели оно шло подъ руководствомъ русскаго капитализма. И вотъ почему: капитализмъ стремится въ производствѣ только къ обогащенію; въ артели-же, кромѣ этихъ побужденій, есть естественное желаніе сократить, облегчить работу. Если, поэтому, сбытъ продукта останется неизмѣннымъ, то все-же артель можетъ заботиться о техническихъ усовершенствованіяхъ. Русскій рабочій доказываетъ, насколько велика притягательная сила артели. Не ожидая отдаленнаго будущаго, русскій рабочій старается уже теперь выйти изъ положенія наемника и образовать артель (Воткинская и нѣкоторыя другія) [2]).

Надежда на развитіе артелей укрѣпляется среди народниковъ еще тѣмъ, что можетъ быть названо декапитализаціей кустарныхъ промысловъ. Въ наукѣ упрочилось положеніе, что мелкія промышленныя заведенія исчезаютъ съ лица земли подъ вліяніемъ крупныхъ. А въ нашихъ кустарныхъ промыслахъ сплошь и рядомъ обнаруживается обратное теченіе: очень многіе промыслы возникаютъ въ видѣ крупныхъ мастерскихъ; онѣ служатъ учрежденіемъ, воспитывающимъ рабочее искусство къ данному промыслу. Эти крупныя заведенія распадаются позднѣе на болѣе мелкія [3]).

[1]) В. В. Наши направленія. 1893, 139—142.

[2]) Судьбы капитализма 117, и „Наши направленія“, 113.

[3]) Судьбы капитализма, 116.

Къ перечисленнымъ благопріятнымъ условіямъ нужно пріобщить и наличность въ русскомъ образованномъ классѣ довольно большаго числа людей, которые готовы всѣми силами служить дѣлу улучшенія народной жизни. Верхніе слои общества, какъ культурный классъ, совершенно безсильны въ качествѣ класса: они не имѣютъ высокихъ общественныхъ идеаловъ, которые были-бы идеалами этого класса; но они даютъ довольно большое число отдѣльныхъ лицъ, готовыхъ посвятить свою дѣятельность благу народа, т. е. готовыхъ взяться за дѣло, если представится то необходимымъ, будетъ-ли это дѣло заключаться въ проведеніи реформъ, съ которыми выступитъ правительство, будетъ-ли оно состоять въ томъ, чтобы просвѣщать народъ, будетъ-ли оно отвѣтомъ на запросъ народа коренным образомъ измѣнить формы быта. А такъ какъ въ народѣ сказывается стремленіе измѣнить формы хозяйства, при чемъ народъ вовсе не чуждается содѣйствія науки, а охотно пользуется ея совѣтами, разъ они приноровлены къ условіямъ мѣста и времени и цѣлесообразны, то и является вполнѣ основательною надежда, что культурное безсиліе нашего привиллегированнаго класса не сдѣлается фатальнымъ для судьбы Россіи; что русскій народъ и при культурной дезорганизаціи верхнихъ слоевъ общества найдетъ себѣ путь къ прогрессивному развитію» [1]).

Наконецъ, народниковъ поддерживаетъ въ этомъ убѣжденіи и готовность самого правительства стать на путь такихъ экономическихъ преобразованій, которыя поднимаютъ благосостояніе массы населенія и могутъ освободить ее отъ давленія со стороны крупнаго частнаго капитала. Сюда относятся законы послѣднихъ лѣтъ, ограждающіе земельную общину, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія посредствомъ крестьянскаго банка, попытки къ поддержанію кустарныхъ промысловъ и артелей и нѣкоторыя другія мѣропріятія.

IV.

Кто хочетъ отвѣтить на вопросъ, осуществимы-ли идеалы народниковъ, тотъ долженъ оцѣнить значеніе силъ, которыя выдвигаются, какъ дѣятели въ экономическомъ преобразованіи общества, а также условія, которыя, будучи неразрывно связаны съ русской жизнью, могутъ облегчить эту творческую работу.

Экономическая литература даетъ намъ много системъ народнаго хозяйства, которыя, по убѣжденію ихъ творцовъ, наиболѣе соотвѣтствуютъ интересамъ всего общества. Пылкое воображеніе Кабе воспроизводитъ предъ нами въ Икаріи привлекательный, но сказочный міръ; даже многія

---

[1]) Наши направленія, 208—209.

детали его тщательно отдѣланы рукой художника, лелѣющаго свое созданіе, но этотъ міръ и въ общемъ не соотвѣтствуетъ историческому человѣку, какимъ онъ извѣстенъ намъ до сихъ поръ даже въ наиболѣе цивилизованныхъ обществахъ. «Новый промышленный міръ» Фурье дается европейскому обществу готовымъ до мелочей; этотъ міръ во многомъ воспроизводитъ черты, которыя мы находимъ у людей 19-го вѣка и въ современномъ складѣ народнаго хозяйства. Писатели-народники не дали намъ хотя-бы въ общихъ чертахъ строя русской экономической жизни, который носится въ ихъ воображеніи. Очень вѣроятно, они не сдѣлали этого именно потому, что считали новый промышленный міръ во многомъ сходнымъ съ условіями русскаго хозяйственнаго быта.

Какой-же строй народнаго хозяйства долженъ быть созданъ согласно съ идеалами народниковъ? Насколько, руководствуясь отрывочными замѣчаніями народниковъ, можно нарисовать картину преобразованнаго общественнаго хозяйства, настолько мы можемъ представить его себѣ въ видѣ цѣлой системы артельныхъ предпріятій, охватывающихъ большую часть отраслей производства. Крупная частно-капиталистическая промышленность, не исчезнувъ окончательно, будетъ поставлена въ очень тѣсные предѣлы. Артели могутъ развиться на ряду съ нею, но будутъ преобладать уже по числу заинтересованныхъ лицъ и по числу захваченныхъ отраслей промышленности. Въ обработывающей промышленности артели займутъ мѣсто многихъ мельчайшихъ кустарныхъ и ремесленныхъ заведеній. Въ сельскомъ хозяйствѣ онѣ тѣсно примкнутъ къ общинѣ и подвинутъ общину на болѣе высокую ступень экономическаго развитія, замѣнивъ единоличную обработку земли артельною. Рука объ руку съ цѣлой сѣтью разнообразныхъ артелей, которыя покроютъ наше отечество, отдѣльныя отрасли промышленности будутъ находиться въ завѣдываніи казны: почтовое, желѣзнодорожное дѣло, быть можетъ, нѣкоторыя отрасли горнаго дѣла, даже отдѣльныя фабрики. Такой строй промышленной жизни не представляетъ ничего невѣроятнаго, несбыточнаго и вовсе не похожъ на картины народнаго хозяйства, которыя мы находимъ у утопистовъ. Довѣріе къ упованіямъ народниковъ крѣпнетъ еще болѣе потому, что они не считаютъ пригодною «мелкую, разъединенную промышленность, отживающую свой вѣкъ», не хотятъ въ этомъ смыслѣ поворотить колесо исторіи назадъ, а надѣются на быстрое движеніе впередъ, на созданіе формъ жизни, болѣе совершенныхъ, нежели современное общество, и притомъ формъ, противъ которыхъ не возстаетъ и спокойно разсуждающій умъ. Мы съ особеннымъ сочувствіемъ вспоминаемъ упреки, которые г. В. В. дѣлаетъ по адресу многихъ современныхъ писателей. Они, говоритъ этотъ экономистъ, — «вообще гораздо больше интересуются тѣмъ, что думаютъ отживающіе отцы, а не развивающіяся дѣти. Вслѣдствіе этого они тщательно слѣдятъ за всякою потугой реакціон-

ной мысли и не отвѣчаютъ на запросы со стороны формирующейся интеллигенціи, не оказываютъ пособія молодой мысли разработкой вопросовъ, имѣющихъ важное принципіальное значеніе» [1]). Довѣріе къ упованіямъ народниковъ поддерживается и тѣмъ, что они разсчитываютъ на осуществленіе хозяйственной реформы только при свѣтѣ знанія и при помощи высоко развитой техники, которая уже завоевана западно-европейскимъ обществомъ.

Сами по себѣ ихъ идеалы не вызываютъ возраженій. Но возникаетъ цѣлый рядъ возраженій по поводу обстановки, которая, будто-бы, облегчаетъ ихъ осуществленіе.

Мы должны прежде всего отмѣтить то глубокое заблужденіе, которое или прямо вычитываемъ у нихъ или подмѣчаемъ между строкъ,—что 30 лѣтъ тому назадъ русское народное хозяйство оставило свой самобытный путь, порвало съ традиціями и ступило на дорогу, которой оно не должно было избирать. Сѣтованіе, что такъ случилось, предположеніе, что нужно было строить новую экономическую жизнь на старыхъ и чисто русскихъ устояхъ, повергаетъ каждаго, сколько-нибудь знакомаго съ прошлымъ Россіи, въ серьезное недоумѣніе. Какіе, спрашивается, устои давала наша дореформенная Россія? Для обширной и главной въ Россіи отрасли промышленности—сельскаго хозяйства, уже помимо невѣроятно низкой техники, она давала намъ подневольный трудъ со всѣми темными сторонами, которыя слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы стоило распространяться о нихъ. Этотъ подневольный трудъ, сковывавшій личныя силы и уничтожавшій въ самомъ зародышѣ всякую частную иниціативу, столь важную въ хозяйствѣ, какъ для усовершенствованія техники, такъ еще болѣе для творчества относительно экономическихъ формъ, былъ источникомъ обмана, который разсѣялся по освобожденіи крестьянъ. Обманъ состоялъ вотъ въ чемъ. При низкомъ уровнѣ земледѣлія вообще, каждая губернія могла насчитать десятокъ-другой помѣщиковъ, хозяйство которыхъ стояло на довольно высокомъ уровнѣ, признавалось образцовымъ и которые были, повидимому, несомнѣнно прогрессивнымъ элементомъ, способнымъ содѣйствовать даже коренному преобразованію народнаго хозяйства. На повѣрку эти хозяйства оказывались образцовыми только потому, что крѣпостной трудъ ставился ни во что и въ основаніи всего дѣла вовсе не было учета. Не дѣлая учета, можно было построить хозяйство по системѣ многополья, плодосмѣновъ, развить садоводство, устроить сахарный заводъ и успѣшно вести дѣло до тѣхъ поръ, пока освобожденіе крѣпостныхъ и необходимость пользоваться наемнымъ трудомъ не убѣждали, что все это было зданіемъ, построеннымъ на пескѣ. За исключеніемъ единичныхъ помѣщичьихъ хо-

---

[1]) Т. ж. 214—215.

зяйствъ, дѣйствительно благоустроенныхъ, весь складъ крѣпостничества не вырабатывалъ условій, которыя могли-бы послужить къ серьезному улучшенію русской экономической жизни. Эти условія не вырабатывались на сторонѣ господъ; они не вырабатывались и на сторонѣ крѣпостныхъ. Послѣднее ясно не только потому, что, гдѣ мы ни наблюдаемъ подневольный трудъ — отъ народовъ древности до новѣйшихъ американскихъ хлопковыхъ или сахарныхъ плантацій — вездѣ онъ является и малоуспѣшнымъ и лишеннымъ даже намека на иниціативу, но и картиной убожества дореформенной русской деревни. Наши статистики, исчисляя количество скота у крестьянъ разныхъ губерній, имѣютъ точныя данныя для выводовъ, что количество скота уменьшилось сравнительно съ тѣмъ, что было при крѣпостномъ правѣ. Это вѣрно. Населеніе возросло, пашни расширились на счетъ луговъ, и количество скота уменьшилось очень замѣтно. Но развѣ этотъ плюсъ на сторонѣ крѣпостнаго крестьянина и даже тотъ плюсъ, что земельный надѣлъ былъ фактически больше, чѣмъ теперь, оправдываетъ предположеніе, будто крѣпостное населеніе не было слишкомъ бѣдно и что въ немъ были какіе-то элементы прогрессивнаго развитія? Система земледѣлія стояла на чрезвычайно низкомъ уровнѣ, урожайность полей была ничтожна, формы жизни, унаслѣдованныя отъ предковъ, оставались безъ всякихъ перемѣнъ, и каждое послѣдующее поколѣніе получало физіономію вполнѣ готовою отъ предыдущаго поколѣнія. И думать [1]), что нѣсколько большій достатокъ, большіе запасы въ землѣ, лѣсѣ и скотѣ,—что дѣйствительно отличало крестьянскій бытъ во многихъ мѣстахъ Россіи—было ручательствомъ за возможность наростанія въ средѣ крестьянства силъ, способныхъ преобразовать русское сельское хозяйство, значитъ то-же, что считать киргизовъ или башкиръ, съ ихъ обильными запасами земли и воды, съ ихъ табунами лошадей, способными выработать новыя и прогрессивныя экономическія начала по сравненію съ тѣмъ, что сдѣлано культурными народами.

Что мы сказали о сельскомъ хозяйствѣ дореформенной Россіи, то-же, съ небольшими измѣненіями въ частностяхъ, должно быть сказано о нашемъ кустарничествѣ и ремеслѣ. Кустарничество возникло въ средней и сѣверной Россіи подъ вліяніемъ климатическихъ условій; изобиліе сырыхъ матеріаловъ въ той или другой мѣстности ускоряло его развитіе; оно приспособлялось къ требованіямъ рынка и медленно измѣнялось согласно съ его запросами. Эта область не была вполнѣ чужда воздѣйствія помѣщика. Одни изъ нихъ насаждали новые промыслы среди крѣпостныхъ, справедливо видя въ этомъ дополнительный источникъ дохо-

[1]) Это замѣчаніе относится не къ народникамъ, а ко многимъ доморощеннымъ любителямъ русской старины.

довъ; иногда насажденіе промысла начиналось среди дворовыхъ людей, и уже позднѣе промыселъ переходилъ въ крестьянскія избы. Другіе помѣщики заинтересовывались уже существующимъ промысломъ и давали своимъ кустарямъ-крѣпостнымъ образцы для новыхъ издѣлій. Но воздѣйствіе помѣщика на промыслы почти всегда было воздѣйствіемъ техническимъ въ обширномъ смыслѣ этого слова: насажденіе новаго промысла было привитіемъ новыхъ техническихъ пріемовъ; выписка улучшенныхъ образцовъ была усовершенствованіемъ уже знакомыхъ техническихъ пріемовъ. При этомъ не дѣлалось ничего для созданія формы промысла, да по всѣмъ условіямъ того времени и дѣлаться не могло. На лицо были старинныя организаціи: семья, артель и мастерскія дворовыхъ, и промыселъ, въ зависимости отъ времени и мѣста и отъ своихъ особенностей, попадалъ въ готовую организацію и упрочивался въ ней. Такимъ образомъ въ этой области не было мѣста для экономическаго творчества. Но дореформенная Россія оставила намъ и городскую промышленность. Много или мало она была развита,—она не представляла рѣшительно ничего своеобразнаго, что позволяло-бы говорить о какихъ-либо особыхъ, самобытныхъ ея чертахъ. Городское ремесло, грубое въ отношеніи техническомъ, напоминало западноевропейскую ремесленность за 50 — 100 лѣтъ ранѣе и отличалось отъ нея крайне невыгодной особенностью,—полной разъединенностью производителей и невозможностью дать цехамъ жизненность, къ чему стремились Петръ I и Екатерина II. А цеховой строй, бывшій живою принадлежностью западноевропейскаго ремесла, имѣлъ въ томъ отношеніи доброе вліяніе на мелкую промышленность, что сплачивалъ воедино производителей, облегчалъ общеніе; когда цѣли и стремленія цеховъ отжили свое время и неудовлетворяли требованій, которыя выдвигала промышленность новаго времени, то привычка къ общенію помогла ремесленникамъ въ основаніи разнообразныхъ союзовъ, соотвѣтствующихъ потребностямъ новаго хозяйственнаго быта. А потому напрасно было-бы искать и въ этой сферѣ какіе-то національные устои, которые послужили-бы основой для развитія новыхъ, еще невѣдомыхъ, но самобытныхъ формъ экономической жизни.

Наконецъ, дореформенная Россія имѣла и крупную промышленность. Размѣры крупныхъ промышленныхъ заведеній, производительность труда на нихъ, сумма ихъ оборотовъ, число отраслей, въ которыя машина уже проложила себѣ дорогу, представлялись гораздо болѣе скромными цифрами, нежели въ настоящее время; однако, 40 лѣтъ тому назадъ всѣ эти факты уже были знакомы Россіи. Кто утверждаетъ, что крупная промышленность ведетъ въ Россіи начало только отъ 60-хъ годовъ, тотъ или не знаетъ исторіи русской промышленности или намѣренно искажаетъ дѣйствительность. Зачатки мануфактуры, относящіяся въ Россіи къ

царствованію Петра I и возникшіе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе поддержки правительства, получаютъ ко времени Екатерины II замѣтное развитіе. Первымъ десятилѣтіямъ нашего вѣка извѣстны крупные, преимущественно, поссесіонные заводы и фабрики, а въ 50-хъ годахъ мы находимъ уже законченный типъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій въ хлопчатобумажномъ, льняномъ, шерстяномъ производствахъ въ Московской, Владимірской, Петербургской губерніяхъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Начало желѣзнодорожнаго дѣла, сопутствующаго развитію крупной промышленности, относится къ 50-мъ годамъ: именно въ это время открылись для движенія линіи: николаевская, петербургско-варшавская и московско-нижегородская. Начало рѣчнаго пароходства падаетъ на 40-е года. Наконецъ, если развитіе частныхъ кредитныхъ учрежденій относится только къ послѣднему 30-лѣтію, то мы находимъ и въ дореформенной Россіи тенденцію государства облегчить кредитъ и для помѣщиковъ, и для лицъ промышленнаго и торговаго классовъ посредствомъ держанія учетнаго процента на невысокомъ уровнѣ. И такъ, освобожденіе крестьянъ застало въ Россіи нѣкоторыя отрасли крупной промышленности довольно развитыми. Она не начала только съ 60-хъ годовъ переносить къ себѣ изъ западноевропейской жизни то, что ей вовсе не было извѣстно, а, измѣнивъ свой общественный строй, освободивъ крестьянъ, облегчила ростъ тѣхъ элементовъ крупнаго частно-капиталистическаго производства, которые проложили себѣ дорогу въ наше отечество гораздо ранѣе.

Поэтому, говоря объ укладѣ русской жизни, который мы получили въ наслѣдство отъ дореформенной Россіи, нужно считаться и съ крупнымъ производствомъ, значительнымъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ. Въ мірѣ русской крупной промышленности того времени—хотя она, повторяю, не можетъ быть сравниваема съ нынѣшнею ни количественно, ни качественно—уже накопился извѣстный опытъ, уже сложились извѣстные навыки по организованію промышленной жизни. Этотъ опытъ не могъ остаться безрезультатнымъ. Крупная промышленность, имѣя въ себѣ самой силы для дальнѣйшаго развитія и оттѣсненія мелкаго производства, стала дѣлать тѣмъ болѣе быстрые успѣхи, что пользовалась разнообразными поощрительными мѣрами со стороны правительства. Нечего и говорить, что эти части всей системы русскаго народнаго хозяйства предъ освобожденіемъ крестьянъ, если и могли что-либо творить въ русской экономической жизни, то лишь въ смыслѣ развитія и укрѣпленія крупнаго частно-капиталистическаго производства.

Мы дѣлаемъ такой выводъ: дореформенный юридико-экономическій строй не давалъ условій для пересозданія русскаго народнаго хозяйства по новому образцу, которой былъ-бы невѣдомымъ словомъ и за предѣлами нашей родины.

V.

Однако, мы не коснулись главнаго, мы не коснулись нашей общины, нашей артели, нашихъ кустарныхъ промысловъ. Говорить о нихъ, значитъ—говорить о настоящемъ; а потому, говоря о дореформенной Россіи, мы на время оставили безъ вниманія эти условія.

Итакъ, прежде всего община. Съ ея строемъ и жизнью связаны главныя упованія народниковъ. Оцѣнивая общину, мы должны разсматривать ее и какъ союзъ, съ которымъ могутъ быть согласованы разнообразные успѣхи сельскаго хозяйства, и какъ союзъ, который служитъ хранилищемъ великой творческой силы, способной обновить русскую жизнь и создать невѣдомые образцы и для другихъ народовъ. Будучи убѣжденнымъ защитникомъ общины, я считаю несправедливыми всѣ нападки на нее въ первомъ отношеніи. Когда говорятъ, что русская земельная община застыла, что она неспособна къ серьезнымъ улучшеніямъ въ хозяйствѣ, что крестьяне-подворники лучше воздѣлываютъ землю, нежели крестьяне-общинники, то можно опровергнуть всѣ эти возраженія ссылкою на многочисленные факты, наблюденные въ Московской, Тверской, Ярославской, Смоленской и другихъ губерніяхъ. Эти факты, свидѣтельствующіе объ улучшеніяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ общинниковъ, такъ извѣстны, что нѣтъ охоты приводить ихъ. Но, утверждая, и притомъ безоговорочно, что крестьяне-общинники могутъ хорошо воздѣлывать землю и усовершенствовать хозяйство, мы не отвѣчаемъ на второй и, въ данномъ случаѣ, самый важный вопросъ. Оцѣнивая общинное владѣніе землей на ряду съ частною земельною собственностью, мы говоримъ, что какъ послѣдняя не служитъ преградою для успѣховъ сельскаго хозяйства, такъ не мѣшаетъ имъ и община; успѣхи могутъ обнаруживаться въ обѣихъ областяхъ. Россія и представляетъ именно такія условія. Но, говоря все это, мы еще не отвѣчаемъ утвердительно на вопросъ о томъ, можетъ-ли община содѣйствовать выработкѣ совершенно новыхъ формъ народнаго хозяйства, содержитъ-ли она въ себѣ начала, которыя устоятъ отъ напора многихъ враждебныхъ вліяній окружающей среды и переработаютъ всю эту среду или большую ея часть или, по крайней мѣрѣ, ея значительную часть. Оцѣнивая съ этой стороны нашу общину, мы должны принять въ расчетъ (помимо неблагопріятныхъ для нея особенностей нашего законодательства и управленія) много другихъ условій русской жизни. 1) Не слѣдуетъ забывать, что общинное землевладѣніе великорусскихъ губерній окружено частною крестьянскою земельною собственностью губерній малороссійскихъ, бѣлорусскихъ, юго-западныхъ и что въ сѣть великорусскихъ общинъ повсюду врѣзывается частная земельная собствен-

ность не крестьянъ и не только крупная и средняя, но и мелкая. 2) Частная земельная собственность и въ томъ отношеніи расцвѣчиваетъ земельно-общественный строй, что многіе крестьяне-общинники повсюду имѣютъ въ частной собственности благопріобрѣтенныя земли. 3) Атмосфера, которою дышитъ крестьянинъ, какъ членъ общины, и которая охватываетъ многіе его интересы, окружена густымъ слоемъ фактовъ и отношеній, которые во всемъ отличны отъ жизни общины, а тѣмъ болѣе отъ ея духа. Таковыми являются разнообразныя занятія въ области промышленности и торговли, которыя захватываютъ массу крестьянъ и доставляютъ ей дополнительный заработокъ. Таковыми являются, наконецъ, занятія сельскимъ хозяйствомъ со стороны общинниковъ на общинной землѣ. И въ строѣ русской жизни, и въ дѣятельности различныхъ общественныхъ группъ даже своей среды крестьянинъ-общинникъ дѣлаетъ ежедневно наблюденія, что индивидуалистическое начало доставляетъ крупныя выгоды человѣку, разъ ему повезло. Онъ видитъ, какъ уроженецъ его деревни, сдавъ сосѣду надѣлъ за безцѣнокъ въ аренду, уѣхалъ въ столицу или губернскій городъ, занялся торговлей и нажилъ деньги. Онъ видитъ, какъ другой его землякъ началъ съ кустарной свѣтелки и въ 20 лѣтъ дошелъ до крупной полотняной фабрики. Онъ знаетъ, что третій, скопивъ 1,000 рублей, купилъ землю на сторонѣ и не нарадуется на свою рожь, овесъ, спокойно, безшумно улучшаетъ свое хозяйство и упрочиваетъ благосостояніе. Куда ни оглянется онъ, вездѣ видитъ и не только въ средѣ *господъ*, отличныхъ отъ него одеждою, языкомъ, родомъ занятій и всѣмъ складомъ жизни, но и среди своихъ, что матеріальное благополучіе достигается не на почвѣ охраненія, укрѣпленія и развитія общинныхъ порядковъ, а на такихъ основахъ, которыя не имѣютъ съ общиннымъ укладомъ никакой связи. Онъ видитъ, что секретъ упроченія матеріальнаго быта кроется въ томъ, чтобы или упорнымъ трудомъ и крайнею бережливостью, или случайно пріобрѣсти первую тысячу, даже сотню рублей, а потомъ, опираясь на вольнонаемный трудъ, быть хозяиномъ возможно большаго числа рабочихъ рукъ. Словомъ, если мы согласимся, что средній человѣкъ стремится прежде всего къ упроченію матеріальнаго благосостоянія, что онъ руководствуется почти всегда эгоистическими побужденіями, только изрѣдка отступающими подъ приливомъ чувства дружелюбія, то мы скажемъ, что крестьянину-общиннику знакомы или изъ ближайшаго наблюденія или по слухамъ разнообразные и многочисленные пути, которые ведутъ къ этой цѣли и которые не стоятъ даже въ отдаленномъ родствѣ съ общиннымъ строемъ или общиннымъ трудомъ. Говоря это, мы вовсе не отрицаемъ возможности для отдѣльныхъ общинъ и даже абсолютно большаго числа общинъ не только вести усовершенствованное хозяйство, но и слѣдовать въ пользованіи землею

и взаимныхъ отношеніяхъ тѣмъ началамъ, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ чувству справедливости. Но для насъ несомнѣнно, что примѣръ первыхъ отнюдь не можетъ затуманить соблазнительныя картины примѣровъ совершенно иного рода, которые видишь на каждомъ шагу. Сравнимъ. Община осушаетъ болото, обращаетъ его въ лугъ, вслѣдствіе чего площадь сѣнокосовъ каждаго увеличивается на полдесятины; это соотвѣтствуетъ годичному доходу въ 10 рублей. Деревня вводитъ общую запашку, строитъ хлѣбозапасный амбаръ, держитъ въ немъ полные запасы зерна, вслѣдствіе чего каждый домохозяинъ можетъ имѣть сѣмена для посѣва по 60 копѣекъ за пудъ, вмѣсто рубля (цѣна, платимая мѣстнымъ ростовщикамъ), и сберегаетъ 8 – 10 рублей въ годъ. Подобные факты служатъ выдающимися признаками прогрессивнаго движенія въ общинѣ и, въ совокупности, доставляютъ общинникамъ очень серьезныя выгоды. Но какъ блѣднѣютъ они при сравненіи съ каменнымъ домомъ, который сосѣдъ Иванъ, занимаясь торговлею, пріобрѣлъ въ Москвѣ, съ лавкою краснаго товара, которую открылъ Василій, или полотняной фабрикой, которую устроилъ Григорій. Выгоды, доставляемыя общиной, удовлетворяютъ многихъ; но абсолютно взятыя, онѣ такъ скромны, что наиболѣе энергичные и даровитые общинники всегда готовы попытать счастья внѣ общиннаго строя, чтобы получить болѣе крупный выигрышъ. А каждый новый крупный или даже просто замѣтный выигрышъ, самъ по себѣ, независимо отъ внѣшнихъ силъ, которыя разлагаютъ общину, уже имѣетъ то вліяніе, что соблазняетъ размахнуть крыльями всѣхъ, кто чувствуетъ, что можетъ хотя сколько-нибудь летать. Противъ всего, что мы говорили, можетъ быть сдѣлано то главное возраженіе, что эти вліянія могущественны теперь, что положеніе дѣлъ было-бы совсѣмъ иное, если-бы послѣ освобожденія крѣпостныхъ русская хозяйственная жизнь была вдвинута въ другое русло. Мы пока оставляемъ открытымъ вопросъ о томъ, какими средствами нужно было пользоваться, чтобы дать русской жизни направленіе, рѣзко отличное отъ того, которое она приняла. Но скажемъ, что и въ дореформенной Россіи перечисленныя мною вліянія, болѣе слабыя, нежели теперь, были довольно могущественны. И въ ту пору предметомъ всеобщаго удивленія и зависти, примѣромъ, достойнымъ подражанія, вовсе не былъ хозяйственный мужикъ, который лучше другихъ обработывалъ ниву помѣщика или свою и всѣмъ складомъ своего характера готовъ былъ поддерживать основныя начала общиннаго строя, а тотъ, котораго помѣщикъ отпустилъ на оброкъ, кто пріобрѣлъ на сторонѣ лавку, мастерскую, каменный домъ и въ концѣ концовъ дошелъ до такой ступени матеріальнаго благосостоянія, что помѣщикъ былъ вынужденъ отпустить его на волю.

А. А. Исаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ писемъ Тимоѳея Николаевича Грановскаго.

I.

Москва 1847.

«Опять романтизмъ», скажешь ты, можетъ быть, прочитавъ это письмо. Пусть будетъ по твоему, Герценъ. Я остаюсь неизлѣчимымъ романтикомъ. Сегодня у меня потребность говорить съ тобой. Ночь такъ хороша; Лиза до двухъ часовъ мнѣ играла Моцарта, душа настроена теперь, какъ давно не было. И потомъ твой *Круповъ* [1])!

Я его слышалъ отъ тебя прежде, но онъ мало произвелъ на меня впечатлѣнія, не знаю почему. Въ «Современникѣ» онъ напечатанъ съ большими выпусками, а я не могу его (sic) начитаться. Знаешь-ли, что это просто геніальная вещь. Давно я не испытывалъ такого наслажденія, какое онъ мнѣ далъ. Такъ шутилъ Вольтеръ, во время оно, и сколько теплоты и поэзіи; мнѣ отъ него повѣяло тобою, днями, проведенными въ Покровскомъ [2]) въ деревянномъ домѣ. Круповъ снялъ у меня съ души что-то ее сжимавшее, отъ чего ей было неловко съ тобою. Мнѣ кажется, что я опять слышу твой смѣхъ, что я опять вижу тебя во всей красотѣ и молодости твоей природы. Зачѣмъ-же было надѣвать на себя какую-то *буржуазную* маску, которую ты такъ гонишь во Франціи [3]). Я не отвѣчалъ на большую часть твоихъ писемъ, потому что они производили на меня нехорошее дѣйствіе. Въ нихъ какой-то затаенный упрекъ, непріязненная arrière pensée, которая поминутно пробивается наружу. Тоже

---

[1]) «Докторъ Круповъ» повѣсть Герцена, въ „Современникѣ“, въ 40-хъ г.

[2]) Деревня близъ Москвы, гдѣ съ 1846 провели лѣто Герценъ, Огаревъ и очень многіе изъ ихъ друзей, въ томъ числѣ Грановскій.

[3]) „Я этого упрека никогда не могъ понять и относилъ его къ далекимъ размолвкамъ, передъ нашимъ отъѣздомъ, объ нихъ я упомянулъ вскользь“, замѣчаетъ Герценъ по этому поводу въ одномъ изъ своихъ изданій.

чувствовалъ, кажется, и К. [1]), хотя мы не говорили съ нимъ объ этомъ. Твои прежнія насмѣшки надъ близкими тебѣ не были обидны, потому что въ нихъ была добродушная острота; но иронія твоихъ писемъ оскорбляетъ самолюбіе и болѣе живое и благородное чувство. Не лучше-ли было прямо написать къ намъ, пожалуй жесткое письмо, если ты не былъ нами доволенъ, но ты разсыпалъ свои намеки въ письмѣ къ Т. А. и т. д., это было не хорошо. Послѣдніе дни твои въ многомъ могли доказать тебѣ, что Соколовскіе споры не оставили слѣдовъ, и сколько любви и преданности оставилъ ты за собою. К. умѣетъ шутить и острить. когда его дѣти больны, но онъ плакалъ, провожая тебя. Неужели ты не оцѣнилъ этихъ не дешевыхъ слезъ? Къ чему-же повторять смѣшныя обвиненія въ отсутствіи дѣятельной любви, въ апатіи и пр. Мы не писали къ тебѣ, но развѣ твои письма изъ Парижа вызывали къ отвѣту? Что мнѣ за охота спорить съ тобой о настоящемъ значеніи bourgeoisie, я говорю объ этомъ довольно съ каѳедры. Я человѣкъ до крайности личный, т. е. дорожу своими личными отношеніями, а эти отношенія къ тебѣ были нелегки въ послѣднее время. Дай-же руку, carissime! Да здравствуютъ записки д-ра Крупова, онѣ были для меня и художественнымъ произведеніемъ и письмомъ отъ тебя. Изъ нихъ я опять услышалъ твой голосъ, увидѣлъ твое лицо.

Жду съ нетерпѣніемъ писемъ изъ Avenue Marigny [2]) и отъ тебя также.

Натальѣ Александровнѣ [3]) пожми отъ меня крѣпко обѣ руки. Когда же увижу васъ, друзья мои? Покамѣстъ будьте счастливы, прощайте! А Круповъ дивно хорошъ! М. Ѳ. [4]) рукожатіе.

II

Село Ильинское, въ 20 верстахъ отъ Москвы, 1849.

Вчера привезли намъ извѣстіе о смерти И. П. Галахова. Еще однимъ благороднымъ человѣкомъ стало менѣе. На дняхъ распустили слухъ о твоей смерти. Когда мнѣ сказали объ этомъ, я готовъ былъ хохотать отъ всей души. Этого не достало еще, а впрочемъ почему-же и не

---

[1]) Коршъ.

[2]) Въ видѣ письма съ парижской улицы Avenue Marigny, Герценъ помѣстилъ въ «Современникѣ» описаніе перваго своего знакомства съ Парижемъ. Здѣсь Герценъ зло вышучивалъ французскую либеральную буржуазію. За это на него напалъ не только Грановскій, но и Бѣлинскій, который указывалъ Герцену на историческую прогрессивную роль французской буржуазіи, въ прошломъ и въ настоящемъ.

[3]) Жена Герцена.

[4]) Марія Ѳедоровна Коршъ, сестра пріятеля Герцена, которая заграницей очень долго жила съ нимъ.

умереть тебѣ? Вѣдь это не было-бы глупѣе остального. Пока хорошо, что ты живъ. Есть о комъ съ любовью подумать. Поводомъ къ слухамъ о твоей смерти было твое письмо къ Е. И., гдѣ ты говоришь о припадкѣ холеры съ И. Т. [1]),—васъ смѣшали. Галаховъ писалъ тебѣ много передъ смертью, нельзя-ли какъ-нибудь доставить эти интереснѣйшія письма Фролову? Онъ проситъ тебя объ этомъ.

Жму вамъ обоимъ руку, обнимаю дѣтей вашихъ. Учить ихъ исторіи болѣе не хочу, не стоитъ. Довольно имъ знать, что это глупая, ни къ чему не ведущая вещь. Лѣто хорошо, на зиму я набралъ много работы. Менѣе буду думать, grübeln, тѣломъ я очень здоровъ, но душа едва-ли когда выздоровѣетъ. Еще разъ жму ваши руки. — Вашъ Грановскій.

III.

Весною 1851.

Пользуюсь наскоро, чтобъ сказать вамъ нѣсколько словъ, друзья мои. Какой-то добрый нѣмецъ беретъ письмо мое для доставленія вамъ. Онъ ѣдетъ черезъ нѣсколько часовъ.

Кромѣ отрывочныхъ свѣдѣній, собираемыхъ М., мы ровно ничего не знаемъ объ васъ. Возвратились-ли вы изъ Испаніи? и гдѣ намѣрены жить этотъ годъ?..

Еслибъ здѣшніе друзья твои могли отправиться en pelerinage къ тебѣ, они пошли-бы и привели-бы съ собою много лицъ тебѣ неизвѣстныхъ. О тебѣ осталось исполненное любви воспоминаніе не у однихъ насъ, близкихъ тебѣ. Я долженъ былъ раздать всѣ бывшіе у меня портреты твои (кромѣ одного парижскаго) разнымъ юношамъ.

Книги твои дошли до насъ. Я читалъ ихъ съ радостью и съ горькимъ чувствомъ. Какой огромный талантъ у тебя и какая страшная потеря для Россіи, что ты долженъ былъ оторваться отъ насъ и говорить чужимъ языкомъ; но, съ другой стороны, я не могу помириться съ твоимъ воззрѣніемъ на исторію и на человѣка. Оно, пожалуй, оправдаетъ Генау и tutti quanti. Для такого человѣчества, какое ты представляешь въ статьяхъ своихъ, для такого скуднаго и безплоднаго развитія не нужно великихъ и благородныхъ дѣятелей. Все, что ты писалъ до сихъ поръ, безконечно умно, но оно обличаетъ какую-то усталость, отрѣшено отъ живого движенія событій. Ты стоишь одинокъ. Ты, скажу безъ увеличенія, значительный писатель, у тебя есть условія сдѣлаться великимъ писателемъ, но то, что было въ Россіи живого и симпатичнаго для всѣхъ въ твоемъ талантѣ, какъ будто исчезло на чужой почвѣ. Ты пишешь теперь для немногихъ, способныхъ понять твою мысль, и не оскор-

---

[1]) И. Тургеневымъ.

биться ею. Скоро ѣдутъ мои знакомые за-границу, они привезутъ тебѣ *большое* письмо [1]), тамъ разскажу подробнѣе обо всѣхъ насъ и скажу, можетъ быть, еще что-нибудь о книгахъ твоихъ.

Мнѣ открывалась возможность ѣхать на Лондонскую выставку, но она мелькнула только.

Наши всѣ вамъ кланяются. Лиза [2]) была крѣпко больна, жму вамъ обоимъ крѣпко руку, вашъ — Т. Г.

IV.

1854 года.

Годы прошли съ тѣхъ поръ, какъ мы слышали въ послѣдній разъ живое слово отъ тебя. Отвѣчать не было возможности.

Изъ сочиненій твоихъ нѣкоторыя дошли и къ намъ. Друзья твои прочли ихъ съ жадностью, любовью и грустью. Отъ нихъ вѣетъ нашею прошлой, общей молодостью и нашими несбывшимися надеждами. Многаго хотѣли, а на чемъ помирила насъ судьба? Менѣе всего понравился здѣсь *Юрьевъ День*. Зачѣмъ ты бросилъ камень въ Петра, вовсе не заслужившаго твоихъ обвиненій, потому что ты привелъ невѣрные факты. Чѣмъ болѣе живемъ мы, тѣмъ колоссальнѣе ростетъ передъ нàми образъ Петра. Тебѣ, оторванному отъ Россіи, отвыкшему отъ нея, онъ не можетъ быть такъ близокъ и такъ понятенъ; глядя на пороки Запада, ты клонишься къ славянамъ и готовъ имъ подать руку. Пожилъ-бы ты здѣсь и ты сказалъ-бы другое. Надобно носить въ себѣ много вѣры и любви, чтобы сохранить какую-нибудь надежду на будущность самаго сильнаго и крѣпкаго изъ славянскихъ племенъ. Наши матросы и солдаты славно умираютъ въ Крыму; но жить здѣсь никто не умѣетъ.

Еще одно замѣчаніе по поводу твоихъ сочиненій. Если ты хочешь дѣйствовать на мнѣніе у насъ, не печатай такихъ вещей, какъ пѣсня Соколовскаго. Она оскорбила многихъ, которые иначе остались-бы довольны книгой и согласились-бы съ нею. Вообще имѣй больше въ виду твоихъ читателей и берегись невѣрныхъ фактовъ, которые у тебя часто проскакиваютъ.

Но довольно общаго, перейдемъ къ частному. У насъ опять проснулась надежда когда-нибудь видѣться съ тобою и пожать тебѣ крѣпко, братски руку. Можетъ, черезъ годъ. Сколько перемѣнъ, сколько горя, сколько утратъ со дня нашей разлуки.

Что сказать о тебѣ. Память о тебѣ сохранилась въ кружкѣ твоихъ дру-

[1]) Въ концѣ 1851 г. Грановскій написалъ Герцену длинное письмо. Письмо это, отданное въ Парижѣ его матери, погибло вмѣстѣ съ нею 16 ноября. Пароходъ, на которомъ утонула мать Герцена и его сынъ, погибъ въ 1851 году близъ Ниццы.

[2]) Жена Грановскаго.

зей. Когда случай сводитъ насъ вмѣстѣ, разсѣянныхъ теперь, твое имя чаще всѣхъ другихъ раздается между нами. Гдѣ-то увидимъ тебя?...

Твой Г.

Приложеніе.

Письмо Плещеева къ Дурову.

Москва, 26 марта 1849 года.

Сергѣй Өедоровичъ!

Исполняю обѣщаніе свое и шлю къ вамъ эпистолу. Я уже написалъ разъ Ө. М. Достоевскому, не знаю дошло-ли до него мое письмо, а если дошло, то говорилъ-ли онъ вамъ о немъ и передалъ-ли отъ меня поклонъ всѣмъ моимъ добрымъ знакомымъ, собирающимся у васъ по субботамъ. Я еще не получалъ отвѣта, и мнѣ это очень досадно, потому что слова хорошаго человѣка и еще пріятеля были-бы для меня здѣсь большой отрадой. А, впрочемъ, можетъ быть, я самъ писалъ слишкомъ недавно. Время идетъ здѣсь такъ вяло, такъ медленно, что мнѣ кажется, будто я скучаю, скажете вы... Трудно отвѣчать на это положительно; я и самъ хорошенько не знаю. Веду я жизнь такую-же, какъ и въ Петербургѣ, такъ-же нашелъ здѣсь хорошихъ людей раздѣляющихъ (?) меня къ себѣ, но все чего-то не достаетъ мнѣ. Все этотъ городъ, огромный и людный, кажется мнѣ чѣмъ-то дикимъ, съ своими нелѣпыми разстояніями, съ своимъ безконечнымъ мѣднымъ гуломъ, и какъ-то ужасно скучно становится, когда пойдешь бродить по его подлымъ тротуарамъ, на которыхъ можно каждую минуту споткнуться и расквасить себѣ носъ. Все чувствую я себя такъ не на мѣстѣ, въ этихъ кружкахъ, съ которыми кажется я симпатизирую понятіями. Хочется чего-то еще... и это что-то—есть, кажется, дружескій, откровенный разговоръ, въ которомъ пища не одному уму, но и сердцу. А онъ возможенъ только съ людьми, которыхъ я хорошо знаю и которые меня знаютъ вдоль и поперекъ, слѣдовательно, возможенъ только въ Петербургѣ. Да, господа, иногда мучитъ меня здѣсь хандра неотступная. Плакать хочется. Назовите это, какъ хотите, романтизмомъ что-ли, благо уже это слово въ модѣ, сентиментальностью, глупостью пожалуй, мнѣ все равно, только мнѣ жаль всего и людей, и улицъ, и мерзкой петербургской погоды, и Невскаго проспекта, и кондитерской Иванова, гдѣ получаются каждый день газеты, гдѣ я имѣлъ безконечный кредитъ и отъ которой я жилъ въ двухъ шагахъ, а здѣсь долженъ пройти верстъ пять, если не больше, затѣмъ, чтобы узнать, что «нынче не приходили газеты». Ужасно хочется поскорѣе назадъ. А когда я вернусь, не знаю. Все зависитъ отъ обстоятельствъ. Очень-бы желалъ выѣхать отсюда хоть въ половинѣ апрѣля;

нѣтъ ничего въ свѣтѣ несноснѣе такъ называемыхъ домашнихъ обстоятельствъ.

Одно могло-бы меня нѣсколько развлечь въ Москвѣ, это женское общество. Но я еще съ пріѣзда не видалъ женскаго лица (если я говорю, женскаго, разумѣю, во-первыхъ -- молодое, а во-вторыхъ — не ...ое). Знакомые, которые женаты, не показываютъ своихъ женъ; должно быть или слишкомъ хороши, или, напротивъ, только для домашняго обихода годятся; а можетъ быть и сами они не хотятъ показываться, имѣя больше склонности къ холопской жизни. Кто ихъ знаетъ! только все одни мужскія лица, право, надоѣдятъ. Даже на улицѣ женщины рѣдко попадаются; чортъ знаетъ отъ чего. Однѣ старыя салопницы шмыгаютъ къ вечернѣ да ко всеночной. Уличной, будничной жизни несравненно меньше. чѣмъ въ Петербургѣ. Видно, что здѣсь любятъ развратничать тайно, келейнымъ образомъ. Московская скандалезная хроника обильна грязными исторіями, совершающимися въ нѣдрахъ частныхъ семействъ; есть и романтическія исторіи; не хотите-ли я вамъ разскажу двѣ, которыя теперь ходятъ по Москвѣ и дѣлаютъ страшный скандалъ.

Исторія первая. Есть здѣсь гвардіи полковница Н. Н., которая была страшная богачка, но прожила все имѣніе на монаховъ. Теперь кредиторы потребовали, чтобы ее посадили въ яму и внесли, какъ водится, кормовыя деньги; въ яму полковница идти никакъ не хотѣла, ее однакоже привезли какъ-то обманомъ, увѣривъ, что везутъ въ надворный судъ. Когда она увидѣла, что это не судъ, а яма, то вылѣзши изъ кареты, сѣла на снѣгъ и начала кричать—не пойду! Призвали будочника и казаковъ. Полковница рвется, казаки тащутъ. Дворянство здѣшнее просто внѣ себя отъ негодованія, а въ клубѣ то и дѣло толкуютъ объ этомъ—зачѣмъ вишь привели будочниковъ, а не коллежскихъ ассесоровъ какихъ нибудь. Но это-же гуманное дворянство нисколько не негодуетъ на то, что, напримѣръ, одинъ изъ ихъ сословія завелъ у себя въ деревнѣ гаремъ и изнасильничалъ одну дѣвушку въ глазахъ ея отца и матери. Въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, Закревскій хорошо поступилъ, хоть и нарушилъ право, т. е наказалъ безъ суда, непосредственно, отпустивъ тотчасъ-же на волю весь гаремъ и отдавъ барина подъ строжайшій надзоръ полиціи. Баринъ этотъ нѣкто Смирновъ.

Но всѣ эти исторійки ничего; а вотъ что особенно интересно, а главное оригинально. Одинъ гусаръ-офицеръ волочился за женой красильщика. Мужъ, возвратясь однажды изъ клуба ранѣе обыкновеннаго, застаетъ его у себя пьющаго чай съ его женой и облаченнаго въ его халатъ, красильщикъ не отвѣчалъ ни слова на сказку, выдуманную офицеромъ для истолкованія такого пассажа, и самъ присоединился къ чаю. Часа два спустя красильщикъ зоветъ офицера посмотрѣть его фабрику. Офицеръ, обрадованный, что мужъ ничего не подозрѣваетъ, согласился,

Въ красильной, въ это время, стоялъ огромный чанъ съ синей краской, на изобрѣтеніе которой красильщикъ только что получилъ привилегію. Когда они подошли къ чану, оскорбленный супругъ схватилъ офицера за шею и трижды окунулъ его лицомъ въ краску. По окончаніи этого процесса, офицеръ былъ совершенно небесный. «Ну, давайте я васъ вытру, сказалъ разсмѣявшись красильщикъ, и помочивъ тряпку въ какую-то жидкость, стоявшую на окнѣ въ мискѣ, сталъ вытирать ею лицо офицера. Но это была не вода, а такой составъ, послѣ котораго краска ужъ не могла никогда сойти. Офицеръ въ отчаяніи бросился въ клинику, но что ни дѣлали доктора—все напрасно. Призвали красильщика, онъ отвѣчалъ, что получилъ привилегію и не откроетъ своего секрета никому; но что перекрасить въ черную краску можетъ. Теперь бѣдный офицеръ лежитъ облѣпленный шпанскими мухами и не имѣя довольно денегъ, чтобы заплатить красильщику за открытіе секрета. Красильщикъ, французскій подданный, и наказать его нельзя. Не правда-ли, славная исторія? Напоминаетъ гоголевскаго поручика Пирогова, съ которымъ Шиллеръ и Лессингъ также распорядились домашнимъ образомъ. Этотъ фактъ составляетъ предметъ разговоровъ, куда ни приди. Но довольно и сплетнямъ. Поживи съ сплетниками—самъ сдѣлаешься такимъ. Отъ сплетниковъ перехожу къ умнымъ людямъ. Ихъ здѣсь много. Всѣ они, какъ выразился кто-то, лежатъ за общее дѣло. Впрочемъ, есть и такіе, которые дѣлаютъ. Къ этимъ людямъ отнесу Грановскаго и Кудрявцева, профессоровъ исторіи въ университетѣ; они оба превосходно читаютъ и имѣютъ большое вліяніе на студентовъ. Они обходятся со студентами какъ съ равными себѣ, зовутъ ихъ на домъ, даютъ имъ книги и вообще стараются развить въ нихъ хорошія сѣмена. Я всю эту недѣлю ходилъ къ нимъ на лекціи и попалъ очень счастливо на интересные эпизоды, составляющіе нѣчто цѣлое; я буду имѣть, вѣроятно, ихъ записки. Соловьевъ также очень дѣльный профессоръ, читаетъ теперь эпоху Петра, что было для меня также весьма любопытно; но онъ не любимъ студентами и считается гордымъ. Съ Грановскимъ и Кудрявцевымъ я познакомился и былъ у нихъ. Грановскій человѣкъ чрезвычайно живой, энергичный, бойкій, вѣчно держащій оппозицію здѣшнему университетскому начальству, которое до того подло и гнусно, что трудно вообразить себѣ. Попечитель Голохвастовъ ненавидимъ всѣми. Чтобы показать вамъ, что за человѣкъ, приведу вамъ одинъ фактъ; на-дняхъ онъ не удостоилъ учительскаго званія одного молодого человѣка, прекрасно выдержавшаго экзаменъ, за то, что онъ, по метрическому свидѣтельству, оказался сыномъ дворовой дѣвки!?

Для двора будетъ маскарадъ, въ которомъ всѣ аристократы, такъ называемые, будутъ изображать разныя историческія лица и города русскіе. Мнѣ очень жаль, что я продалъ свой овчинный дубленый ту-

лупъ; можетъ быть, меня взяли-бы изображать городъ Клинъ или Вышній Волочекъ.

Объ московскомъ обществѣ можно замѣтить, что здѣсь гораздо больше начитанныхъ и правильно смотрящихъ на вещи людей, чѣмъ въ Петербургѣ. Славянофильство имѣетъ весьма ограниченный кругъ прозелитовъ. Ихъ свѣтила: 1) Хомяковъ, которому, по дару болтать, не сыщется подобный на всей Руси. Человѣкъ безъ серьезныхъ убѣжденій, умѣющій заставить себя слушать. Типъ энциклопедиста. 2) Аксаковъ, фанатикъ, ходитъ съ бородою по-колѣно, какъ царь Берендей; носитъ зипунъ, штаны въ сапоги и ходитъ въ церковь едва-ли не каждый день. Считаетъ все грѣхомъ, и театры и литературу; отца онъ также обратилъ, и отецъ въ такомъ-же платьѣ ходитъ. 3) Самаринъ, о немъ извѣстно. Рукописная литература въ Москвѣ въ большомъ ходу. Теперь всѣ восхищаются письмомъ Бѣлинскаго къ Гоголю, пьесой Искандера «Передъ грозой» и комедіей Тургенева «Нахлѣбникъ». Все это вы, вѣроятно, будете читать. Передайте Милюкову, что нетерпѣливо жду того, что онъ обѣщалъ мнѣ; чѣмъ скорѣе онъ пришлетъ, тѣмъ лучше. Не ѣдетъ-ли сюда скоро нашъ общій знакомый, Головинскій, онъ ему можетъ поручить это. Здѣсь есть люди, сочувствующіе нашимъ мыслямъ о способахъ дѣятельности. Даже говоруны здѣшніе, любящіе въ клубѣ поспорить кое-о-чемъ, хотя для процесса спора, не совсѣмъ безполезны. Все-же лучше преферанса. Впрочемъ, онъ здѣсь тоже отчасти господствуетъ; но, кажется, не такъ сильно.

Коршевскаго брата я все еще не видѣлъ; три раза былъ въ университетѣ и все его не было тамъ; наконецъ, узналъ его адресъ и отправляюсь къ нему на-дняхъ. Единственный человѣкъ, у котораго мнѣ здѣсь пріятно, это Арнольди; я еще зналъ его въ Петербургѣ, человѣкъ съ душой и вкусомъ. Нашелъ я также поэта Григорьева, онъ женатъ и звалъ меня къ себѣ; но я еще не успѣлъ быть. Въ кондитерской встрѣтилъ я на-дняхъ одного Зубова (Достоевскіе его знаютъ).

Прощайте и прочее.

Вашъ отъ всего сердца

А. Плещеевъ.

---

* * *

И вновь, какъ въ первый день созданья,
Лазурь небесная тиха,
Какъ-будто въ мірѣ нѣтъ страданья,
Какъ-будто въ сердцѣ нѣтъ грѣха.

Не надо мнѣ любви и славы.
Въ молчаньи утреннихъ полей
Дышу, какъ дышатъ эти травы.
Ни прошлыхъ, ни грядущихъ дней.

Я не хочу пытать и числить:
Я только чувствую опять,
Какое счастіе — не мыслить,
Какая нѣга — не желать.

Д. Мережковскій.

Трильби.

Романъ въ восьми частяхъ, **Жоржъ дю-Морье** [1]).

Переводъ съ англійскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

«Mimi Pinson est une blonde,
Une blonde que l'on connait;
Elle n'a qu'une robe au monde,
Landérirette! et qu'un bonnet!»

Стоялъ прекрасный солнечный, но влажный апрѣльскій день.

Большое окно студіи было окрыто наверху и черезъ него въ комнату проникалъ пріятный, легкій сѣверо-восточный вѣтерокъ. Мало-помалу все начинало приходить въ порядокъ. Большое піанино semi-grand Бродвуда прибыло изъ Англіи на petite vitesse и, вновь настроенное, стояло около восточной стѣны. На противоположной стѣнѣ висѣло вооруженіе, состоявшее изъ рапиры, маски и фехтовальныхъ перчатокъ.

---

[1]) Авторъ предлагаемаго нами романа «Трильби» дю Морье пріобрѣлъ въ послѣдніе два года огромную извѣстность въ Европѣ и Америкѣ. Талантливый художникъ-юмористъ, сотрудникъ лондонскаго журнала «Punch», Морье лишь недавно сталъ заниматься литературою, выступивъ съ небольшой новеллою подъ названіемъ «Peter Ibbetson», не имѣвшей особенно выдающагося успѣха. «Трильби»—второе его произведеніе, при появленіи въ Англіи было сначала встрѣчено въ печати довольно сдержанными похвалами. Англійская критика не предвидѣла, что романъ этотъ, написанный живымъ и яркимъ стилемъ, отражающимъ колориты разныхъ національностей, при чрезвычайномъ разнообразіи дѣйствующихъ лицъ, придающемъ ему характеръ пестрой космополитической картины,—въ самое короткое время сдѣлается шумнымъ явленіемъ въ литературѣ. Но оригинальность и новизна сюжета, сенсаціонность смѣло разработанныхъ въ романѣ вопросовъ и живость описательнаго таланта не могли однако не овладѣть впечатлительной читающей публикой. Настоящій успѣхъ романа начался въ Америкѣ. Самый характеръ американской жизни при ея

Съ огромной перекладины, тянувшейся подъ потолкомъ, спускалась трапеція, канатъ съ узлами и двѣ веревки, снабженныя на концахъ желѣзными кольцами. Стѣны были краснаго цвѣта, однообразіе котораго нарушалось гипсовыми слѣпками рукъ и ногъ, маской Данте, го-рельефомъ Леды и лебедя Микель Анджело, центавромъ и Лапитомъ изъ елжинскихъ мраморовъ.

Тутъ-же находились академическіе этюды, писанные масляными красками; копіи съ Тиціана, Рембранта, Веласкеца, Рубенса, Тинторето, Леонардо да-Винчи,—но ни одной картины школы Ботичелли, Мантенья и К°,—фирма, заслуги которой были признаны еще только немногими.

Вдоль стѣнъ, на довольно большой высотѣ, шла широкая полка, на которой стояли миніатюрные слѣпки изъ гипса, терракоты, имитаціи бронзы: Тезей и Венера Милосская, анатомическій человѣкъ съ угрожающе поднятой къ небу рукой (жестъ, казавшійся почти извинительнымъ при подобной обстановкѣ); левъ и кабанъ Бари; анатомическая фигура лошади на одной ногѣ и безъ ушей; лошадиная голова съ фронтона Парѳенона, также безъ ушей, и, наконецъ, бюстъ Клитіи съ ея прекраснымъ, низкимъ лбомъ, мягкимъ болѣзненнымъ взглядомъ и безподобно сдвинутыми великолѣпными плечами, такъ-что грудь ея напоминаетъ какъ-бы гнѣздо,—нѣжный символъ покоя, убѣжища, символъ предмета всеобщихъ стремленій, всѣми любимаго, для всѣхъ желаннаго, за обладаніе которымъ будутъ вѣчно бороться человѣческія поколѣнія.

Около печки висѣли рапира, сковорода, вертелъ и мѣхи. Рядомъ, въ угловомъ стеклянномъ шкафу, помѣщались тарелки, стаканы, ножикъ

постоянной возбужденности и склонности давать ходъ всякой самобытной силѣ, послужилъ благопріятнымъ обстоятельствомъ для быстраго распространенія романа Морье среди разнообразныхъ классовъ американскаго интеллигентнаго общества. Въ теченіе одного года романъ разошелся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Имя героини, Трильби,—стало нарицательнымъ въ обществѣ и литературѣ. На страницахъ газетъ и журналовъ изображенныя авторомъ типическія фигуры—маленькаго Билли и Свенгалй—стали живою иллюстраціей при всякаго рода разсужденіяхъ на темы не только литературнаго, но и жизненнаго характера. Успѣхъ автора достигъ, наконецъ, апогея, когда романъ былъ передѣланъ въ драму, обошедшую всѣ американскія сцены. Только послѣ всего этого произведеніе Морье возбудило къ себѣ оживленное вниманіе въ нѣсколько холодномъ и не легко поддающемся увлеченіямъ лондонскомъ обществѣ. Романъ получилъ необычайно быстрое движеніе на книжномъ рынкѣ, журнальные и газетные критики насторожили вниманіе, и когда его драматическое переложеніе впервые предстало передъ лондонской публикой, вся печать и общество были захвачены лихорадочнымъ увлеченіемъ. Недавно напечатанная въ газетахъ телеграмма изъ Лондона сообщала, что на первомъ публичномъ костюмированномъ балу, открывшемъ лондонскій сезонъ этого года, множество лицъ явилось въ костюмахъ героевъ «Трильби». Телеграмма прибавляла, что общее увлеченіе произведеніемъ Морье принимаетъ, по мнѣнію врачей, характеръ «невроза». *Ред.*

съ чернымъ черенкомъ, оловянныя ложки и вилки, блюдо для салата, судки для уксуса, бутылка для масла, двѣ горчичницы (англійская и французская), и тому подобныя вещи—всѣ безукоризненной чистоты. На полу, выкрашенномъ и натертомъ съ большимъ шикомъ, лежали двѣ шкуры и большой персидскій коверъ. Но одна половина его (подъ трапеціей и на дальнемъ отъ окна концѣ, позади подмостковъ для моделей) была покрыта грубой рогожей, чтобы можно было фехтовать и боксировать, не рискуя, поскользнувшись, переломиться на двое или, въ случаѣ паденія, изувѣчить свои члены.

Два окна обыкновенной французской величины и формы, со ставнями и длинными байковыми занавѣсями, выходили на востокъ и западъ, такъ-что изъ нихъ по желанію можно было видѣть картину восходящаго или заходящаго солнца, смотря по обстоятельствамъ. Кромѣ того, тутъ были альковы, ниши, неправильные и странные уголки, заставленные безчисленными мелочами и бездѣлушками—маленкими подарками и покупками, которыя оживляютъ квартиру, дѣлаютъ ее такой пріятной, уютной, что впослѣдствіи воспоминанія о ней соединяются съ какимъ-то отраднымъ сожалѣніемъ.

Громадный, широкій, длинный и мягкій диванъ стоялъ у окна, расположеннаго на сѣверной сторонѣ дѣлового окна; и диванъ этотъ былъ такъ великъ, что три хорошо-упитанныхъ благодушествующихъ англичанина могли, не мѣшая другъ другу, всѣ вмѣстѣ растянуться на немъ съ трубками въ зубахъ, что они и дѣлали очень часто.

Въ настоящій моментъ, одинъ изъ этихъ англичанъ—іоркширецъ, по имени Таффи (а также the Man of Blood, что значитъ человѣкъ крови, потому что онъ считался дальнимъ родственникомъ какого-то баронета), предавался болѣе энергичному занятію. Сбросивъ сюртукъ и засучивъ рукава, онъ вертѣлъ вокругъ своей головы пару индѣйскихъ дубинъ. Лицо его разгорѣлось, онъ весь былъ мокрый и имѣлъ свирѣпый видъ. Это былъ очень высокій молодой человѣкъ, блондинъ, съ добрыми и спокойными голубыми глазами, а мускулы его толстыхъ рукъ были тверды, какъ желѣзо. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ состоялъ на службѣ ея величества и участвовалъ въ крымской войнѣ, изъ которой не вынесъ ни одной царапины. Если-бы онъ не вывихнулъ себѣ ноги, развлекаясь козлиными прыжками въ траншеяхъ, онъ оказался-бы въ числѣ шестисотъ, прославившихся въ знаменитой аттакѣ Балаклавы; но, благодаря этому злополучному приключенію, онъ принужденъ былъ пролежать этотъ день въ госпиталѣ. Съ тѣхъ поръ онъ навсегда получилъ отвращеніе къ военному званію, и никогда безъ горькаго чувства не могъ вспомнить объ унизительномъ случаѣ, лишившемъ его возможности покрыть себя славой или умереть героемъ. Затѣмъ открывъ въ себѣ талантъ и неодолимое влеченіе къ искусству, онъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ мы

и находимъ его, среди занятій, которымъ онъ отдавался очень серьезно.

Онъ былъ красивъ, съ прямыми чертами лица; но, къ сожалѣнію, я не могу скрыть, что кромѣ густыхъ усовъ, онъ носилъ длинныя, жидкія каштановыя бакенбарды, въ родѣ тѣхъ, которыя когда-то назывались пиккадильскимъ флеромъ, Picadilly weeper, и которыми впослѣдствіи такъ гордился г. Сотернъ въ Lord Dundreary. Тогда онѣ были въ модѣ среди досужихъ представителей золотой молодежи. Чѣмъ больше и свѣтлѣе были бакенбарды, тѣмъ красивѣе считался молодой человѣкъ! Это кажется невѣроятнымъ въ наши дни, когда даже домашняя бригада ея величества не носитъ ни бороды, ни усовъ, подобно людямъ духовнаго званія или актерамъ.

«What's become of all the gold
Used to hang and brush their bosoms»?... [1]).

Другое лицо, находившееся подъ этимъ счастливымъ кровомъ—Санди, или the Laird (король пѣтуховъ), какъ его называли, одѣтый въ такое-же непринужденное одѣяніи, какъ и его товарищъ, сидѣлъ, предъ своимъ мольбертомъ, работая надъ картиной, изображавшей испанскаго тореадора, во весь ростъ, поющаго среди бѣла дня серенаду какой-то высокопоставленной дамѣ. Онъ никогда не былъ въ Испаніи, но у него были всѣ принадлежности туалета тореадора, (пріобрѣтенныя имъ за пѣсню на Boulevard du Temple) въ дополненіе къ которому онъ досталъ на прокатъ гитару. Погасшая трубка, которую онъ держалъ въ губахъ, чашечкой внизъ, опорожнила свое содержимое на его брюки,—оплошность, случавшаяся съ нимъ нерѣдко и оставлявшая на его костюмѣ выжженныя пятна.

Вдругъ, ни съ того ни съ сего, онъ началъ декламировать съ пріятнымъ шотландскимъ акцентомъ:

«A street there is in Paris famous
For which no rhyme our language yields;
Roo Nerve day Petty Shong its name is—
The New Street of the Little Fields»... [2]).

Потомъ, въ знакъ восторга отъ безсмертнаго станса, онъ громко запѣлъ, подражая пѣтуху, съ такимъ довольнымъ, веселымъ и забавнымъ лицомъ, что пріятно было смотрѣть на него.

И этотъ джентльменъ началъ свою карьеру не такъ, какъ продолжалъ ее теперь—въ студіи художника. Родители его (хорошіе, благоче-

---

[1]) «Куда дѣвалось все золото, которое, бывало, покрывало грудь ихъ?..»

[2]) Есть въ Парижѣ знаменитая улица, для которой нашъ языкъ не имѣетъ риѳмы: она называется Roo Nerve day Petty Shong—Новая улица.

стивые люди въ Dundee) готовили его въ маляры вывѣсокъ, подобно отцу и дѣду. И вотъ мы застаемъ его въ Парижѣ. Онъ уже извѣстный художникъ, пишетъ масляными красками тореадора и декламируетъ «Ballad of the Bouillabaisse», что дѣлаетъ очень часто, просто потому, что ему весело, и надо сознаться гораздо чаще, чѣмъ молится Богу.

Въ комнатѣ находился еще третій молодой человѣкъ, «Маленькій Билли», лѣтъ двадцати или двадцати одного. Онъ стоялъ на колѣняхъ на диванѣ, облокотившись на подоконникъ и отдернувъ зеленыя байковыя занавѣси, смотрѣлъ во всѣ глаза чрезъ крыши и трубы Парижа, въ то-же время уплетая за обѣ щеки булку съ вкусной колбасой, въ которой, кажется, было много чесноку. Онъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, потому что очень проголодался, проработавъ все утро въ мастерской Кареля, надъ рисунками съ натуры.

Это былъ стройный, молодой человѣкъ съ прямымъ бѣлымъ лбомъ, по которому пробѣгали голубыя жилки, съ большими темносиними глазами, нѣжными, правильными чертами лица и черными какъ смоль волосами. Онъ былъ граціозенъ и хорошо сложенъ, съ очень маленькими руками и ногами, и гораздо лучше одѣтъ, чѣмъ его друзья, старавшіеся превзойти обывателей Латинскаго квартала небрежной эксцентричностью костюма, что имъ вполнѣ удавалось. Его симпатичное и красивое лицо слабо указывало на возможность очень отдаленнаго еврейскаго предка — маленькій отпечатокъ того мощнаго, неукратимаго, стойкаго типа, живучей крови, столь цѣнной въ слабыхъ растворахъ,— подобно горькому бѣлому испанскому вину, называемому montijo, которое нельзя пить въ чистомъ видѣ, но безъ примѣси котораго ни одинъ хересъ не можетъ распространяться по свѣту, сохраняя свой пріятный вкусъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ говорили виноторговцы— самые правдивые люди на свѣтѣ. Къ счастью для человѣчества, и въ особенности для насъ, большая часть изъ насъ заключаетъ въ своихъ жилахъ хоть каплю этой драгоцѣнной жидкости, часто даже безъ нашего вѣдома и даже вопреки нашимъ желаніямъ. Tant pis pour les autres!

Закусывая колбасой, маленькій Билли продолжалъ смотрѣть внизъ на старые дома по ту сторону шумной площади—Place St. Anatole des Arts.—Нѣкоторые изъ нихъ были уже срыты, надъ другими работа производилась теперь, очевидно изъ боязни, чтобы они не завалились сами-собою, подъ бременемъ прожитыхъ лѣтъ. Старые, темные, грязные фасады еще уцѣлѣвшихъ домовъ, всѣ въ трещинахъ, съ таинственными окнами и древними желѣзными балконами, покрытыми ржавчиной— навѣвали на Билли думы о средневѣковой французской любви, и безбожіи, преступленіяхъ и прошлыхъ тайнахъ Парижа!

Черезъ одну изъ прогалинъ, образовавшихся отъ сноса стараго дома, открывался видъ на рѣку, на Cité и зловѣщую старую Morgue; немного

правѣй подымались сѣрыя башни Notre Dame de Paris. Дѣйствительно, почти весь Парижъ разстилался въ полѣ его зрѣнія, нѣсколько расширенномъ силою воображенія, и онъ глядѣлъ на него съ какимъ-то новымъ чувствомъ, полный интереса и удовольствія, которые онъ не въ состояніи былъ выразить простыми словами.

Парижъ! Парижъ!! Парижъ!!!

Уже одно его имя заключало въ себѣ что-то волшебное, слышалъ-ли онъ его въ звукахъ живого слова или усматривалъ въ печати.

И вотъ, наконецъ, онъ видѣлъ вокругъ себя этотъ городъ, предметъ своихъ пылкихъ стремленій, и чувствовалъ, что онъ, онъ самъ находится въ сердцѣ этого гиганта, гдѣ онъ можетъ оставаться сколько ему угодно, пока не сдѣлается тѣмъ великимъ художникомъ, образъ котораго стоитъ передъ нимъ, какъ идеалъ его жизни.

Покончивъ съ своей колбасой, онъ зажегъ трубку и, бросившись на диванъ, вздохнулъ отъ избытка чувства, наполнявшаго его восхищенную душу. Онъ чувствовалъ, что никогда еще не зналъ подобнаго счастья, что ему не снилась даже возможность его. Однако жизнь его и до сихъ поръ была счастливая. Онъ былъ молодъ и нѣженъ, нашъ маленькій Билли; онъ никогда не посѣщалъ школы и не зналъ свѣта съ его развратомъ. А что важнѣе всего, онъ не зналъ Парижа и его Латинскаго квартала. Онъ получилъ воспитаніе и образованіе дома, и провелъ свое отрочество въ Лондонѣ, съ матерью и сестрою, которыя жили теперь въ Девонширѣ на довольно скудныя средства. Отецъ его, который давно уже умеръ, былъ клеркомъ въ казначействѣ.

Онъ и два его друга, Таффи и Санди, вмѣстѣ наняли эту студію. Санди имѣлъ тутъ-же, рядомъ съ мастерской, маленькую спальню. Таффи ночевалъ въ Hôtel de Seine, на улицѣ того-же имени, а Маленькій Билли въ Hôtel de Corneille на Place de l'Odéon.

Онъ смотрѣлъ на своихъ друзей, спрашивая себя, существовалъ-ли и существуетъ-ли еще такой смертный, у котораго была-бы пара такихъ славныхъ товарищей, какъ они?

Все, что они дѣлали, или говорили, было, по его мнѣнію, совершенствомъ. Они были и его руководителями, и друзьями. Съ другой стороны, и Таффи и Санди отъ души были привязаны къ нему.

Его абсолютная вѣра во все, что они говорили и дѣлали, трогала ихъ, хотя они и не признавали себя вполнѣ заслуживающими ее. Его почти дѣвственная чистота забавляла и очаровывала ихъ, и они дѣлали все, что могли, чтобы сохранить въ немъ эту чистоту среди искушеній Латинскаго квартала, гдѣ ее легко можетъ постичь очень печальная участь, если она сохраняется слишкомъ долго.

Они любили его за его доброту и живыя, ласковыя манеры; они цѣнили его гораздо выше, чѣмъ онъ предполагалъ, потому-что признавали за нимъ быстроту и силу въ изображеніи, тонкость пониманія формъ и красокъ, таинственную легкость и счастье въ исполненіи, и богатую воспріимчивость ко всему прекрасному. А эти качества указывали на истинную геніальность, въ чемъ они охотно признавались сами себѣ и другъ другу, хотя природа не одарила ихъ съ такою же великодушной щедростью. А если кто-нибудь изъ членовъ нашего интимнаго кружка отличается такими необыкновенными дарованіями, мы ненавидимъ или любимъ его за это съ силой, соразмѣрной его таланту, смотря по нашей душевной организаціи.

Итакъ, Таффи и Санди любили Маленькаго Билли, любили его очень сильно. Не то, чтобы у Маленькаго Билли не было своихъ недостатковъ. Напр., онъ не обнаруживалъ особеннаго интереса къ картинамъ другихъ художниковъ. Онъ казался равнодушнымъ къ тореадору, поющему серенаду дамѣ своего сердца,—на картинѣ Санди,—во всякомъ случаѣ, онъ никогда ничего о нихъ не говорилъ, ни хвалилъ, ни порицалъ. Онъ молча смотрѣлъ на реализмы Таффи (потому что Таффи былъ реалистъ), а въ дружескихъ отношеніяхъ ничто не дѣйствуетъ такъ непріятно, какъ молчаніе такого рода.

Но съ другой стороны, когда они втроемъ отправлялись въ Лувръ, онъ, казалось, не интересовался и Тиціаномъ, Рембрантомъ или Веласкецомъ, Рубенсомъ, Веронезомъ или Леонардо. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на картины, онъ разсматривалъ публику, толпившуюся вокругъ; въ особенности-же интересовали его художники, занятые копированіемъ оригиналовъ, и художницы, иногда очень хорошенькія,—которыя казались ему еще привлекательнѣе, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Но съ особеннымъ увлеченіемъ онъ смотрѣлъ въ луврскія окна, изъ которыхъ можно было видѣть очень многое: напримѣръ, Парижъ, Парижъ и Парижъ, которымъ онъ никогда не могъ вдоволь налюбоваться.

Потомъ, когда, насытившись классической красотою, они всѣ втроемъ отправлялись обѣдать, Маленькій Билли очень внимательно и съ уваженіемъ прислушивался къ разговору товарищей о старыхъ мастерахъ, почтительно соглашаясь со всѣмъ, что они говорили; а потомъ дѣлалъ чернилами самыя восхитительныя забавныя маленькія эскизы съ нихъ, повторяя про себя всѣ прекрасныя слова своихъ товарищей (которыя онъ посылалъ матери и сестрѣ); и у него это выходило такъ натурально и такъ живо, что, казалось, присутствуешь при этихъ разговорахъ; было такъ прекрасно нарисовано, что, чувствовалось—старые мастера сами не могли лучше нарисовать ихъ; и такъ забавно, что опять-таки чувствовалось, что старые мастера совсѣмъ не могли нарисовать ихъ—какъ Мильтонъ не могъ описать ссору между Sairey Gamp и Betsy Prig; никто, однимъ словомъ, кромѣ Маленькаго Билли не могъ сдѣлать этого.

Маленькій Билли подхватилъ «Ballad of the Bouillabaisse» на томъ мѣстѣ, гдѣ остановился Санди, а потомъ пустился въ разсужденія о будущности своихъ друзей и о томъ, что ждетъ впереди его самого ко времени, когда онъ достигнетъ возраста сорока лѣтъ. И все это казалось ему еще очень и очень отдаленнымъ.

Эти размышленія были прерваны громкимъ стукомъ въ дверь. Вслѣдъ затѣмъ въ мастерскую вошли два человѣка.

Сначала появился высокій костлявый человѣкъ неопредѣленнаго возраста—между тридцатью и сорока-пятью годами, съ еврейской наружностью и красивыми, но мрачными чертами лица. Одежда его была очень поношена и грязна, голова была прикрыта краснымъ беретомъ, а на плечи былъ накинутъ широкій плисовый плащъ, съ большой металлической пряжкой у воротника. Его густые, тяжелые, черные волосы безъ блеска были откинуты за уши и ниспадали до самыхъ плечъ, какъ ихъ обыкновенно носятъ виртуозы, чѣмъ очень шокируютъ естественный вкусъ англичанина. У него были смѣлые, блестящіе черные глаза, съ тяжелыми, длинными вѣками; худое блѣдное лицо и черная борода, начинавшаяся почти подъ глазами. На нее спускались двумя спиральными завитками усы, болѣе свѣтлаго оттѣнка. Его звали Свенгали; онъ говорилъ на бѣгломъ французскомъ языкѣ съ нѣмецкимъ акцентомъ и комическими нѣмецкими неправильностями и идіомами; голосъ у него былъ тонкій, слабый и хриплый, часто переходившій въ непріятное falsetto.

За нимъ слѣдовалъ невысокаго роста брюнетъ, смахивавшій на цыгана, съ рябымъ лицомъ, также въ очень поношенной одеждѣ. У него были большіе, добрые, ласковые каріе глаза, похожіе на глаза лягавой собаки, и маленькія, нервныя, жилистыя руки съ обкусанными ногтями. Подъ мышкой онъ несъ скрипку и смычекъ, безъ футляра, словно уличный музыкантъ.

— Ponchour, mes enfants, — сказалъ Свенгали. Che vous amène mon ami Checko, qui choue du fiolon gomme un anche.

Маленькій Билли, обожавшій всѣхъ «милыхъ виртуозовъ», вскочилъ и привѣтствовалъ Гекко такъ тепло, какъ только позволяли ему его элементарныя познанія французскаго языка.

— Ha! le biâno! — воскликнулъ Свенгали, бросая свой красный беретъ на рояль, а плащъ на полъ. Ch'espère qu'il est pon, et pien t'accord!

И усѣвшись на табуретѣ, онъ пробѣжалъ по клавишамъ съ той легкой силой, той нѣжною, ровной хрупкостью удара, которымъ отличаются настоящіе виртуозы.

Потомъ онъ началъ играть impromptu Шопэна А-моль и игралъ такъ прекрасно, что душа Маленькаго Билли преисполнилась напряжен-

нымъ волненіемъ и восторгомъ. Онъ никогда раньше не слыхалъ Шопэна. Все его музыкальное образованіе ограничивалось знакомствомъ съ провинціальной домашней британской музыкой:—то были мелодіи съ варіяціями, въ родѣ «Анна Лаура», «Послѣдняя Лѣтняя Роза», «Голубые Шотландскіе Колокола» — маленькія невинныя пьески, которыя бренчали его мать и сестра, чтобы развлечь гостей въ праздничные вечера и дать возможность застѣнчивымъ людямъ принять участіе въ общемъ разговорѣ, такъ какъ они боялись собственнаго голоса, если онъ не былъ на половину заглушенъ звуками музыки, и веселая болтовня всегда кончалась вмѣстѣ съ исполненіемъ пьесы.

Это impromptu, которое ему суждено было вновь услышать при странныхъ обстоятельствахъ, никогда уже не изглаживалось изъ его памяти.

Потомъ Свенгали и Гекко стали играть вмѣстѣ, и это была по истинѣ божественная музыка. Маленькія отрывочныя вещи, иногда состоявшія только изъ двухъ тактовъ, но зато какихъ прекрасныхъ и выразительныхъ тактовъ! Отрывки, короткія мелодіи, которыя сразу хватали за душу и очаровывали или наводили грусть, или сводили съ ума на одно краткое мгновеніе, и обрывались всегда во-время, цыганскіе танцы, венгерскіе романсы, вещи, которыя мало были знакомы за предѣлами восточной Европы въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія; и они все играли и играли, пока энтузіазмъ Санди и Таффи не достигъ почти того-же апогея, какъ энтузіазмъ Маленькаго Билли—молчаливый энтузіазмъ, который былъ слишкомъ глубокъ для разговоровъ. И когда эти великіе артисты прервали игру, чтобы покурить, наши британцы были до того взволнованы, что не могли даже послѣдовать ихъ примѣру, и въ комнатѣ водворилось молчаніе...

Вдругъ послышался громкій стукъ въ наружную дверь, и очень сильный голосъ, который могъ принадлежать какъ мужчинѣ, такъ и женщинѣ, даже если хотите ангелу небесному, пропѣлъ принятое у британскихъ молочниковъ «Молоко внизу!» и, прежде чѣмъ кто-либо успѣлъ проговорить «Entrez», странная фигура появилась въ рамкѣ дверей на фонѣ полутемной передней.

Это была фигура очень высокой молодой дѣвушки, съ хорошо развитыми формами. Она была одѣта въ сѣрую шинель французскаго пѣхотинца, съ накинутой поверхъ нея короткой полосатой юбкой, изъ-подъ которой виднѣлись ея босыя бѣлыя щиколки и подъемы ногъ, пальцы которыхъ терялись въ парѣ громадныхъ мужскихъ туфель, заставлявшихъ ее волочить ноги при ходьбѣ.

Она держала себя съ легкой, непринужденной граціей, какъ особа, мускулы и нервы которой вполнѣ гармонируютъ въ своей дѣятельности, которая сама находится въ цвѣтѣ жизненныхъ силъ и которая,

живя постоянно въ атмосферѣ французскихъ мастерскихъ, чувствуетъ себя въ ней совершенно въ своей стихіи.

Надъ этой странной смѣсью одежды возвышалась маленькая непокрытая голова, съ короткими, густыми, волнистыми волосами, и очень здоровымъ молодымъ лицомъ, которое, на первый взглядъ, едва-ли можно было назвать вполнѣ красивымъ, потому-что разстояніе между глазами было слишкомъ велико, ротъ—слишкомъ крупенъ, подбородокъ слишкомъ массивенъ, а кожа вся въ веснушкахъ. Да и вообще, никогда нельзя знать, насколько лицо красиво, пока не попробуешь нарисовать его.

Но шея ея, немного проглядывавшая между разстегнутыми обшлагами воротника шинели, поражала нѣжной бѣлизной лиліи, которой вовсе не отличается шея француженки и очень рѣдко шея англичанки. Кромѣ того бросался въ глаза ея прекрасный, широкій, низкій лобъ съ густыми прямыми бровями, гораздо темнѣе волосъ; короткій носъ съ высокой, костистой, широкой переносицей, и полныя широкія щеки прекрасной формы. Изъ нея бы вышелъ замѣчательно красивый юноша.

Разсматривая собравшееся въ комнатѣ общество, это существо широко улыбалось всѣмъ присутствующимъ такой милой, простой и добродушно-довѣрчивой улыбкой (обнаруживая при этомъ большіе, блестящіе, бѣлые зубы), что при одномъ взглядѣ на него, можно было угадать въ немъ юмористическую, честную, мужественную и добрую натуру довольно заурядной дѣвушки, привыкшей, чтобы ее весело привѣтствовали всюду, гдѣ-бы она ни появилась. Потомъ, вдругъ заперевъ за собою дверь, переставая улыбаться и смотря на нихъ добрымъ, задумчивымъ взглядомъ, подбоченившись и склонивъ голову на сторону, она воскликнула: «Вы всѣ англичане тутъ, неправда-ли? Я услыхала музыку и подумала: зайду-ка и посижу тутъ минутку. Вѣдь вамъ все равно? Мое имя Трильби, Трильби О'Ферраль».

Она произнесла это по-англійски съ сильнымъ шотландскимъ акцентомъ и нѣкоторыми французскими интонаціями, такимъ богатымъ, глубокимъ, сильнымъ голосомъ, который въ значительной степени напоминалъ начинающій tenore robusto; и невольно опять являлось сожалѣніе, что это была женщина: изъ нея вышелъ-бы такой славный юноша.

— Напротивъ, мы въ восторгѣ, сказалъ Маленькій Билли, и подвинулъ ей стулъ.

Но она возразила:—О, не безпокойтесь обо мнѣ, продолжайте вашу музыку.—И скрестивъ ноги, она усѣлась на подмосткахъ около піанино.

Пока они, немного смущенные, продолжали съ любопытствомъ смотрѣть на нее, она вытащила изъ кармана шинели бумажный свертокъ и воскликнула:

— Я закушу немного, если вы ничего не имѣете противъ этого. Я, видите-ли, натурщица, а только-что пробило двѣнадцать — это время отдыха! Я позирую для Дюрьена, скульптора, въ верхнемъ этажѣ. Я ему позирую для всего.

— Для всего?—спросилъ Маленькій Билли.

— Да,—l'ensemble, знаете—голова, руки, ноги—все, особенно ноги. Вотъ моя нога,—произнесла она, отбрасывая свою огромную туфлю и протягивая ногу.—Это самая красивая нога во всемъ Парижѣ. Въ Парижѣ есть еще только одна, которая можетъ сравниться съ ней: вотъ она,—и отъ души разсмѣявшись смѣхомъ, похожимъ на веселый звонъ колоколовъ, она высунула другую ногу.

И дѣйствительно, это были замѣчательно красивыя ноги, какія встрѣчаются только на картинахъ и статуяхъ — настоящее вдохновеніе художника по формѣ и красотѣ,—очерченныя нѣжными контурами, тонко модулированными изгибами, переходившими въ благородныя прямыя линіи, которыхъ классическая строгость сочетала съ счастливыми маленькими невинными розовыми и бѣлыми ямочками. Такъ что Маленькій Билли, обладавшій эстетическимъ, быстро схватывающимъ глазомъ, знавшій какъ-бы по наитію свыше какую форму, величину и окраску должна имѣть та или другая часть человѣческаго тѣла, женскаго-ли, мужскаго-ли или дѣтскаго, и которыми оно такъ рѣдко обладаетъ въ дѣйствительности,—Маленькій Билли былъ совсѣмъ пораженъ этой очаровательной настоящей, босой и живой ножкой, и чувствовалъ, что такой пьедесталъ придавалъ античное, олимпійское достоинство фигурѣ, которая за минуту казалась скорѣе смѣшной въ своемъ смѣшанномъ костюмѣ: военная шинель, женская юбка и ничего болѣе!

Бѣдная Трильби!

Форма этихъ прелестныхъ стройныхъ ногъ, умѣренной величины, переданная пыльному, блѣдному гипсу, и понынѣ еще красуется на этажеркахъ и стѣнахъ многихъ мастерскихъ всего свѣта, и не одному, еще скульптору будущаго суждено усердно, хотя и съ полной безнадежностью, изучать эти чудныя формы и удивляться ихъ замѣчательному совершенству. Когда изрѣдка госпожѣ природѣ вздумается создать совершенство, сосредоточивъ все свое вниманіе на какой-нибудь частности, то для бѣднаго человѣческаго искусства подражаніе ей дѣлается почти непосильной задачей.

Человѣческая нога, какъ и человѣческая рука — странная вещь; даже, можетъ быть, болѣе странная, чѣмъ рука, съ которой мы обращаемся такъ фамильярно; потому-что, въ противоположность послѣдней, она рѣдко отличается красотой у взрослыхъ людей цивилизованныхъ странъ, благодаря употребленію кожаной обуви. Ее прячутъ со стыдомъ, какъ вещь, которую нужно скрыть отъ глазъ и забыть. Въ

самомъ дѣлѣ, иногда она можетъ быть очень некрасива — самой некрасивой вещью, какую только можно себѣ представить, и при томъ даже у самыхъ красивыхъ и гордыхъ, щедро одаренныхъ природою особъ; и тогда ея уродство такъ ужасно, что охлаждаетъ и убиваетъ любой романъ, разсѣеваетъ молодыя грезы любви и почти разбиваетъ сердце. И все это изъ-за высокихъ каблуковъ и до смѣшнаго заостренныхъ носковъ,—вещей во всякомъ случаѣ презрѣнныхъ.

За-то, если мать природа захочетъ постараться надъ созданіемъ хорошенькой ножки, и надлежащій уходъ или счастливая случайность предохранятъ ее отъ жалкихъ искаженій, отвердѣній и лишенія краски—всѣхъ этихъ ужасныхъ послѣдствій ношенія узкихъ сапогъ, сдѣлавшихъ ее повсюду такой непопулярной—внезапный видъ ея природной красоты явится для глазъ цѣнителя очень рѣдкимъ и чрезвычайно пріятнымъ сюрпризомъ. И тогда ничто изъ созданія матери природы не исключая даже божественнаго лица человѣка, не въ состояніи дать лучшаго понятія о высокомъ физическомъ отличіи, счастливой эволюціи и высшемъ развитіи, о господствѣ человѣка надъ животнымъ, господствѣ человѣка надъ человѣкомъ, и наконецъ о господствѣ женщины надо всѣми!

En voilà de l'éloquence—à propos de bottes!

Трильби пощадила необыкновенный даръ природы—она никогда не носила кожанныхъ сапогъ или башмаковъ, и ухаживала за своими ногами такъ-же заботливо, какъ многія важныя барыни слѣдятъ за своими holеными руками. Это было ея единственнымъ тщеславіемъ, единственнымъ кокетствомъ, которое она себѣ позволяла.

Гекко, со скрипкой въ одной рукѣ и смычкомъ въ другой, смотрѣлъ на нее, разинувъ ротъ отъ восторга и удивленія, а она между тѣмъ продолжала безпечно ѣсть свой буттербродъ изъ солдатскаго хлѣба и сливочнаго сыра.

Кончивъ завтракать, она облизала остатки съ кончиковъ пальцевъ и, вынувъ изъ другого кармана маленькій кисетъ, свернула папироску и стала курить, затягиваясь дымомъ, наполняя имъ свои легкія, и потомъ выпуская его черезъ ноздри, что, повидимому, доставляло ей истинное наслажденіе.

Свенгали сыгралъ «Розамунду» Шуберта, бросая на нее уничтожающіе взгляды своихъ сверкающихъ черныхъ глазъ.

Но она даже не взглянула въ его сторону. Она смотрѣла на Маленькаго Билли, на большаго Таффи, на Санди, на художественные слѣпки и наброски, на небо, на трубы домовъ, на башни Notre Dame, которыя были видны съ ея мѣста. И только когда онъ окончилъ, она воскликнула по-французски:

— Maïe, aïe! c'est rudement bien tapé, c'te musique-là! Seulement c'est pas gai, vous savez! Comment q'ça s'appelle?

— Это называется «Розамунда» Шуберта, matemoiselle,—возразилъ Свенгали.

— А что такое—«Розамунда?» спросила она.

— «Розамунда» была принцессой Кипра, matemoiselle, а Кипръ—островъ.

— А-а, а Шубертъ, въ такомъ случаѣ, гдѣ-же находится?

— Шубертъ не островъ, matemoiselle; Шубертъ былъ моимъ компатріотомъ; онъ сочинялъ музыку и игралъ на роялѣ, какъ я.

— А, такъ Шубертъ былъ monsieur. Не знаю его, никогда не слышала его имени.

— Это очень жаль, matemoiselle. У него былъ нѣкоторый талантъ. Можетъ быть, вамъ это лучше понравится,—и онъ забренчалъ

«Messieurs les étudiants,
Montez à la chaumière
Pour y danser le cancan».—

умышленно фальшивя и играя басъ въ другомъ ключѣ — что выходило ужасно смѣшно.

— Да, это мнѣ лучше нравится. Это веселѣе, видите-ли. Это тоже сочинилъ одинъ изъ вашихъ компатріотовъ?—спросила она.

— Боже упаси, matemoiselle.

Однако смѣхъ его выдавалъ. Но потѣшнѣе всего, если только вообще тутъ было что-нибудь потѣшное, казалась ея полнѣйшая искренность.

— А вы любите музыку?—спросилъ Маленькій Билли.

— О, еще-бы я ея не любила!—возразила она.—Мой отецъ пѣлъ, какъ птица. Онъ былъ джентльменъ и ученый, мой отецъ. Его звали Патрикъ Михаилъ О'Ферраль, членъ Trinity, въ Кэмбриджѣ. Онъ пѣлъ, «Ben Bolt». Знаете-ли вы «Ben Bolt»?

— О да, я хорошо знаю его, сказалъ Маленькій Билли. — Это очень красивая пѣсня.

— Я могу спѣть ее, сказала миссъ О'Ферраль.—Спѣть?

— О, конечно, если хотите сдѣлать намъ любезность.

Миссъ О'Ферраль бросила окурокъ и, не подымаясь съ подмостковъ, на которыхъ сидѣла, скрестивъ ноги, положила руки на колѣни и, выдвинувъ впередъ локти, посмотрѣла на потолокъ съ нѣжной сентиментальной улыбкой и пропѣла трогательную пѣсню.

«Oh, don't you remember sweet Alice, Ben Bolt?
Sweet Alice, with hair so brown?» etc. etc. [1]).

[1]) «О, развѣ ты не помнишь кроткой Алисы, Бенъ Болтъ? Кроткой Алисы съ такими русыми волосами?»

Какъ нѣкоторыя вещи слишкомъ печальны и слишкомъ глубоки, чтобы проливать надъ ними слезы, такъ другія слишкомъ смѣшны и забавны для смѣха. Такого рода было исполненіе миссъ О'Ферраль пѣсни «Ben Bolt».

Изъ этого большаго рта и чрезъ этотъ горбатый костистый носъ лились живые звуки, хотя негромкіе, но такіе сильные и глубокіе, что, казалось, они раздавались со всѣхъ сторонъ, отражались отъ каждой поверхности въ мастерской. Она болѣе или менѣе держалась подобія мелодіи, возвышая голосъ тамъ, гдѣ она должна была возвышать его, и понижая его, гдѣ слѣдовало, но съ такими большими промежутками между нотами, какихъ и вообразить себѣ невозможно въ мелодіи смертныхъ. Казалось, она никогда не могла-бы даже случайно напасть на вѣрную ноту, какъ-будто звуковъ для нея вовсе не существовало, благодаря полному отсутствію слуха, хотя впрочемъ она довольно правильно держалась такта.

Она окончила свою пѣсню среди затруднительнаго молчанія. Слушатели не совсѣмъ были увѣрены, спѣла-ли она такъ свою пѣсню серьезно или ради потѣхи. Они думали, что она, можетъ быть, хотѣла отплатить Свенгали за его ужасное исполненіе «Messieurs les étudiants».

Если такъ, то это былъ капитальный платежъ той-же монетой, великолѣпно сыгранный экспромптъ,—и мрачная искра засвѣтилась въ большихъ красновато-черныхъ глазахъ Свенгали. Онъ самъ такъ любилъ потѣшаться надъ другими, что особенно обижался, когда потѣшались надъ нимъ—просто не выносилъ подобныхъ пріемовъ.

Наконецъ, Маленькій Билли сказалъ:—Благодарю васъ. Это пѣсня важная.

— Да,—сказала миссъ О'Ферраль.—Къ сожалѣнію, это единственная пѣсня, которую я знаю. Мой отецъ, бывало, поетъ ее точь-въ-точь такъ, когда развеселится послѣ грога. Люди плакали, слушая его. Онъ самъ надъ ней плакалъ. Я никогда не плачу. Иные думаютъ, что я вовсе не могу пѣть. Все, что могу сказать на это—это то, что мнѣ часто приходилось пѣть ее шесть или семь разъ сряду въ массѣ мастерскихъ. Я варіирую ее, знаете-ли, не слова, а мелодію. Вы не должны забывать, что я недавно только стала пѣть ее. Знакомы-ли вы съ Литольфомъ? Онъ великій композиторъ, и когда онъ на-дняхъ зашелъ къ Дюрьену, я спѣла «Ben Bolt», и, что вы думаете, онъ сказалъ? Ну, онъ сказалъ, что madame Alboni даже приблизительно не могла брать такихъ высокихъ или такихъ низкихъ нотъ, какъ я, и что мой голосъ вдвое сильнѣе ея. Онъ побожился. Онъ сказалъ, что мое дыханіе натурально и прямо, какъ у младенца, и что моему голосу недостаетъ только нѣкотораго контроля. Вотъ что онъ сказалъ.

— Что она говоритъ?—спросилъ Свенгали, не понимавшій англій-

скаго языка. И она повторила ему все это по-французски, самымъ разговорнымъ французскимъ языкомъ. Ея акцентъ не былъ акцентомъ ни Comédie Française, ни Faubourg St. Germain, ни тѣмъ, который употребляется лавочниками или уличными фланерами. Онъ былъ своеобразенъ и выразителенъ—забавенъ, не будучи вульгарнымъ.

— Barpleu! Литольфъ былъ правъ—сказалъ Свенгали.—Увѣряю васъ, matemoiselle, что я никогда еще не слыхалъ голоса, подобнаго вашему; у васъ совсѣмъ исключительный талантъ.

Она вся вспыхнула отъ удовольствія, а другіе мысленно выругали его и Литольфа — за то, что они такъ потѣшались надъ бѣдной дѣвушкой.

Затѣмъ она встала и, стряхнувъ съ себя крошки, надѣла туфли Дюрьена, говоря по-англійски: «Ну, мнѣ пора идти. Жизнь не вся состоитъ изъ пива и кеглей, и тѣмъ хуже; но что съ того, пока живется счастливо?»

Направляясь къ дверямъ, она остановилась передъ картиной Таффи—на которой былъ изображенъ тряпичникъ съ фонаремъ, нагнувшійся надъ сорной кучей, потому что въ то время Таффи былъ страстнымъ реалистомъ, или по крайней мѣрѣ, считалъ себя таковымъ. Но онъ уже перемѣнился съ тѣхъ поръ, и теперь пишетъ только King Arthurs, Guine veres, Lancelöts, Elaines и плавающихъ Ladies of Shalott.

— Корзина этого тряпичника слишкомъ низко привязана,—замѣтила она.—Какъ могъ-бы онъ достать своей киркой до края и бросить въ нее свой наборъ, когда она такъ низко? И у него должны быть не такіе башмаки и не такой фонарь; это все невѣрно.

— Dear me!—произнесъ Таффи и сильно покраснѣлъ,—кажется, вы тутъ очень компетентны. Жаль, что вы сами не рисуете.

— Ахъ! Вотъ вы и разсердились!—сказала миссъ О'Ферраль—O maie aïe!

Она пошла къ дверямъ и остановилась, добродушно оглядываясь.

— Какіе у васъ всѣхъ трехъ прекрасные зубы! Я думаю, это оттого, что вы англичане и чистите ихъ два раза въ день. Я тоже это дѣлаю. Мое имя Трильби О'Ферраль, 48 Rue des Pousse-Cailloux! Pose pour l'ensemble quand ça l'amuse! Va-t-en ville et fait tout ce qui concerne son état! Не забудьте-же. Благодарю васъ всѣхъ и прощайте.

— En v'là une orichinale!—замѣтилъ Свенгали.

— Я думаю, она прелестна,—сказалъ молодой и нѣжный Маленькій Билли—О, Господи, какія ангельскія ноги! Меня бѣситъ мысль, что она натурщица. Я убѣжденъ, она вполнѣ леди.

И не прошло и пяти минутъ, какъ онъ уже чертилъ на темнокрасной стѣнѣ абрисъ лѣвой ноги Трильби, которая, быть можетъ, отличалась особеннымъ совершенствомъ.

Какъ ни маловаженъ былъ этотъ маленькій эскизъ, сдѣланный наскоро, однако, принимая во вниманіе быстроту, съ которой былъ схваченъ ея индивидуальный характеръ, тонкую передачу сильнаго впечатлѣнія, которое она производила и красоту работы, это было уже работой мастера. Это была нога Трильби и ничья другая, и не могла она быть ничьей другой, и никто, кромѣ Маленькаго Билли, не могъ нарисовать ее такими вдохновенными штрихами.

— Что такое, Ben Bolt?—спросилъ Гекко.

Въ отвѣтъ на это Таффи заставилъ Маленькаго Билли сѣсть за рояль и пропѣть эту пѣсенку. Онъ спѣлъ ее очень мило своимъ пріятнымъ маленькимъ горловымъ баритономъ.

Піанино, принадлежавшее когда-то покойной матери Таффи, было съ большими расходами выписано имъ при содѣйствіи Санди изъ Лондона, единственно для того, чтобы Маленькій Билли могъ пользоваться имъ для развитія своего прелестнаго дарованія, которое доставляло столько удовольствія какъ его друзьямъ, такъ и ему самому.

И не успѣлъ онъ окончить второй куплетъ, какъ Свенгали воскликнулъ: „Mais c'est tout-à-fait chentil! Allons, Gecko, chouez-nous ça!“

И, положивъ свои большія руки на піанино, поверхъ рукъ маленькаго Билли, онъ столкнулъ его съ табурета своимъ большимъ худымъ тѣломъ, и усаживаясь на его мѣсто, сыгралъ мастерски прелюдію. Сложное богатство и сила звуковъ, полившихся изъ-подъ его пальцевъ, послѣ бренчанья Маленькаго Билли, производили величественное впечатлѣніе.

И Гекко, любовно обнялъ свою скрипку и закрывъ свои поднятые кверху глаза, игралъ эту простую мелодію, как ее, вѣроятно, никто никогда не игралъ—съ такой страстью, съ такимъ паѳосомъ, въ такомъ дивномъ тонѣ—и они переходили изъ одного ключа въ другой, играя въ руку другъ другу, Свенгали впереди игралъ съ фугой и канонами, и контра-пунктами, и воланами, высоко низко, громко и тихо, въ минорѣ, pizzicato и sordino-adajio, allegretto scherzo—истощая источники красоты, скрытой въ ея звукахъ, пока чувствительные слушатели не дошли до изступленія отъ восторга и удивленія... И властолюбивый Ben Bolt, и его чрезчуръ нѣжная Alice, и его слишкомъ податливый другъ, и его давно-умершіе школьные товарищи, и сельскій портикъ, и мельница, и мраморныя доски изъ такого стараго гранита,

And the dear little nook
By the clear running brook [1]).

все это получило въ ихъ глазахъ странное, почти святое поэтическое достоинство и великолѣпіе, какія даже не снились автору этого

[1]) „И славный маленькій уголокъ у свѣтло текущаго ручейка“.

стиха и этой музыки—этой невинной маленькой пѣсни, которая тронула столько невинныхъ британскихъ сердецъ, незнакомыхъ съ лучшими вещами—и между ними, однажды, сердце этого писателя... Давно, давно, давно все это было!

— Sacrepleu, il choue pien, le Checko, hein?—сказалъ Свенгали, когда они кончили эту замѣчательную двойную импровизацію. — C'est mon élèfe! che le fais chanter sur son fiolon, c'est comme si c'était moi qui chantais! ach! si ch'afais pour teux sous de voix, che serais le bremier chanteur tu monte! Я не могу пѣть!—продолжалъ онъ.

— Я не могу самъ пѣть, я не могу играть на скрипкѣ, но я могу учить—hein, Гекко? И у меня есть ученица—hein, Гекко?—la betite Honorine,—и онъ бросилъ кругомъ веселый, но не привлекательный взглядъ.—Свѣтъ услышитъ o la betite Honorine когда-нибудь, hein, Гекко? Слушайте всѣ—вотъ какъ я учу la betite Honorine! Гекко, сыграй мнѣ небольшой аккомпаниментъ въ pizzicato.

И онъ вытащилъ изъ кармана родъ маленькаго гибкаго флажолета (повидимому, собственнаго изобрѣтенія), который онъ свинтилъ и приложилъ къ губамъ, и на этомъ скромномъ инструментѣ онъ сталъ играть «Ben Bolt», между тѣмъ какъ Гекко аккомпанировалъ ему, употребляя свою скрипку, какъ гитару и съ обожаніемъ устремивъ глаза на своего учителя.

Никакія слова не въ состояніи были-бы передать превосходное искусство, грацію, силу, паѳосъ и страсть, съ которыми этотъ феноменальный артистъ исполнялъ старую грошевую мелодію на своей грошевой гибкой свистулькѣ. И это была то проникающая въ душу трепетная нѣжность, которая вдругъ звучала громче и полнѣе, переходила въ пронзительный крикъ тоски, то жалоба, мягкая какъ шепотъ, какъ мелодическій вздохъ, почти болѣе человѣческій, чѣмъ самый человѣческій голосъ,—совершенство, недостижимое даже для Гекко, мастерски владѣвшаго инструментомъ, который считается признаннымъ королемъ всѣхъ другихъ.

Такъ-что слеза, еще таившаяся на глазахъ Маленькаго Билли, пока игралъ Гекко, теперь поднялась и дрожала у него на рѣсницахъ, и вдругъ скатилась по носу, и ему пришлось скрыть ее и украдкой стереть мизинцемъ, опершись подбородкомъ на руку, и кашлять маленькимъ, хриплымъ, ненатуральнымъ кашлемъ— pour se donner une contenance!

Онъ никогда не слыхалъ подобной музыки, ему никогда и не снилось, что бываетъ такая музыка. Онъ сознавалъ, пока она продолжалась, что онъ лучше видитъ истинную красоту и глубже постигаетъ всю бренность вещей, чувствуетъ ихъ сердце, ихъ патетическое исчезновеніе, какъ-бы новымъ, внутреннимъ окомъ, даже казалось ему, что онъ проникъ за завѣсу вѣчности, созерцая неопредѣленное космическое

видѣніе, которое разсѣялось, когда умолкли звуки, но оставило по себѣ неувядающее воспоминаніе и страстное желаніе когда-нибудь выразить что-нибудь подобное посредствомъ пластической силы своего собственнаго прекраснаго искусства.

Окончивъ свою виртуозную музыку, Свенгали окинулъ молчаливую аудиторію веселымъ взглядомъ и сказалъ:

— Вотъ какъ я учу пѣть la betite Honorine, и такъ я учу Гекко играть, такъ я преподаю il bel canto! Оно потерялось, bel canto—но я нашелъ его, во снѣ—никто другой, какъ я—я, Свенгали—я, я, я! Но довольно музыки; будемъ играть во что-нибудь другое—будемъ играть въ это!— воскликнулъ онъ, вскакивая, схватывая рапиру и сгибая ее объ стѣну.—Идите, Маленькій Билли, я покажу вамъ еще что-нибудь, чего вы не знаете...

Итакъ Маленькій Билли снялъ сюртукъ и жилетку, надѣлъ маску, перчатки и фехтовальные башмаки, и у нихъ произошло «выпаденіе съ оружіемъ», какъ это благородно называется по-французски, въ которомъ Маленькому Билли досталось очень плохо. Нѣмецкій полякъ фехтовалъ дико, но хорошо.

Потомъ наступила очередь Санди, и ему также досталось; но затѣмъ Таффи взялъ рапиру и возстановилъ честь Великой Британіи, какъ и подобало британскому гусару и человѣку крови. Потому-что Таффи, благодаря долгой и усердной практикѣ въ лучшей парижской школѣ (а также и благодаря своимъ природнымъ способностямъ), могъ тягаться съ какимъ угодно maître d'armes въ его французской арміи, и на этотъ разъ досталось Свенгали.

Когда-же наступило время покончить съ игрой и приняться за работу, пришли другія лица—французы, англичане, швейцарцы, нѣмцы, американцы, греки; подняли занавѣси и открыли ставни, мастерская была залита свѣтомъ, и все послѣ-обѣденное время было проведено въ здоровыхъ атлетическихъ и гимнастическихъ упражненіяхъ.

Но Маленькій Билли, которому за этотъ день уже надоѣли фехтованіе и гимнастика, занялся пополненіемъ очертанія ноги Трильби, исполненной на стѣнѣ бѣлымъ, чернымъ и краснымъ мѣломъ, боясь забыть живое впечатлѣніе, которое она произвела на него, и которое было для него тѣмъ-же, что и сама реальность—абсолютной реальностью, рожденной отъ одного взгляда, простой случайности—счастливаго каприза!

Дюрьенъ зашелъ и, заглянувъ ему чрезъ плечо, воскликнулъ:

— Tiens! le pied de Trilby! vous avez fait ça d'après nature?

— Nong!

— De mémoire alors?

— Wee!

— Je vous en fais mon compliment! Vous avez eu la main heureuse. Je voudrais bien avoir fait ça, moi! C'est un petit chef-d'oeuvre que vous avez fait là, tout bonnement, mon cher. Mais vous élaborez trop. De grâce, n'y touchez plus!

Маленькій Билли былъ польщенъ и болѣе не дотрогивался до нея, потому что Дюрьенъ былъ великій скульпторъ и сама искренность.

Затѣмъ—но я забылъ, какъ закончился этотъ особенный день.

Если погода стояла хорошая, то къ шести часамъ они большею частью отправлялись обѣдать въ Restaurant de la Couronne, содержателемъ котораго былъ le Père Trin (Rue de Monsieur), который, за двадцать sols Parisis, или одинъ франкъ государственной монеты, давалъ вамъ самые отборные напитки и кушанья: хорошій густой супъ; яичницы, которыя были только нѣсколько слишкомъ пикантны; чечевицу, красные и бѣлые бобы, мясо, которое было такъ приготовлено и приправлено соусомъ и различными пряностями, что трудно было разобрать, ѣдите-ли вы говядину или баранину, дичь или хорошую красную рыбу—или можетъ быть даже скверную рыбу,—что, впрочемъ, не представляетъ никакой важности и внушаетъ очень мало интереса. И такой-же салатъ, редиски и сыръ Gruyère или Brie, какіе вы получали у Trois Frères Provençaux (но не совсѣмъ такое-же масло); а чтобы оросить все это, вы получали благородное вино въ деревянныхъ brocs, которое окрашивало все, на что проливалось, въ великолѣпный голубой цвѣтъ.

Тамъ вы встрѣчались и водили компанію съ натурщиками и натурщицами, студентами медицины и юриспруденціи, скульпторами и живописцами, работниками, прачками и гризетками, и находили ихъ общество очень хорошимъ, главное, благодѣтельнымъ для вашего французскаго языка, если онъ отличался обыкновеннымъ англійскимъ акцентомъ, отчасти полезнымъ даже для вашихъ манеръ, если онѣ носили ужъ слишкомъ яркій британскій отпечатокъ. И вечеръ невинно кончался билліардомъ, картами или домино въ Café du Luxembourg, расположенномъ vis-a-vis или въ Théâtre du Luxembourg, Rue de Madame, гдѣ давались забавные фарсы съ визжащими смѣшными англичанами; или, еще лучше, въ Jardin Bullier (La Closerie des Lilas), гдѣ студенты танцовали канканъ и гдѣ вы сами иногда пробовали танцовать его, что не такъ легко, какъ кажется, или, что было лучше всего, въ Théatre de l'Odéon, гдѣ Fechter и Madame Doche играла Dame aux Camélias.

Или-же, если такой славный, ясный денекъ выдавался въ субботу, Санди, бывало, надѣнетъ галстукъ и прочіе предметы, необходимо входящіе въ составъ костюма джентльмена, и наши три друга, взявшись подъ руку, отправляются изъ мастерской къ отелю Таффи, Rue de Seine, гдѣ Санди и Билли ждутъ на улицѣ, пока ихъ пріятель приводитъ

себя въ презентабельный видъ, что впрочемъ продолжалось не очень долго. И потомъ (Маленькій Билли былъ всегда презентабеленъ) они, бывало, всѣ подъ ручку, съ громаднымъ Таффи посреди, спускаются по Rue de Seine, переходятъ мостъ, ведущій къ Cité, и заглядываютъ въ Morgue. Потомъ обратно переходятъ по новому мосту на лѣвый берегъ Сены,—и идутъ въ западномъ направленіи, то по одной сторонѣ набережной, останавливаясь передъ книжными и картинными лавками и магазинами разныхъ bric-à-brac, а иногда случайно и покупаютъ что-нибудь; то по другой ея сторонѣ, трогая и торгуя старыя книги, выложенныя для продажи на парапетѣ, и даже покупая по необычайно дешевой цѣнѣ одинъ или два экземпляра, чтобы никогда не читать и даже не раскрывать ихъ.

Затѣмъ они переходили черезъ Pont des Arts, останавливаясь на срединѣ его и глядя вдоль рѣки на старый Cité и Notre Dame, къ западу, мечтая о невыразимыхъ вещахъ и стараясь ихъ выразить. Потомъ, повернувъ къ западу, они смотрѣли на палящее небо и на все, что оно озаряло—уголъ Tuileeries и Louvre, массу мостовъ, палату депутатовъ, золотую рѣку, которая суживалась въ перспективѣ, хотя русло ея расширялось по мѣрѣ того, какъ она текла и вилась по дорогѣ между Passi и Grenelle въ St. Cloud, въ Rouen, въ Havre, откуда ея воды достигали, можетъ быть, и береговъ Англіи, куда впрочемъ въ настоящую минуту вовсе не влекло нашихъ художниковъ, и они разговаривали о томъ, какъ необыкновенно хороша жизнь, о томъ, что особенно стоило жить именно въ этомъ городѣ, въ это самое время дня, года и вѣка, какъ разъ въ этотъ періодъ ихъ молодой жизни.

Потомъ, все также подъ-руку, весело болтая, они направлялись чрезъ дворъ Лувра и позолоченныя ворота, охраняемыя безпечными имперскими зуавами, по улицѣ аркадъ—Rue de Rivoli до Rue Castiglione, гдѣ они бросали жадные взгляды на окна великой угловой кондитерской и восторгались прекрасной выставкой конфектъ, pralines, dragées, marrons glacés—сахаристыхъ кристаллическихъ субстанцій всѣхъ родовъ и цвѣтовъ, на которые такъ-же пріятно было смотрѣть, какъ на иллюминацію,—восхищались собраніемъ драгоцѣнныхъ камней, сластей, слегка покрытыхъ сахаромъ, жемчуга и брильянтовъ, которые должны были растаять во рту, особенно въ это время года; чудовищныхъ пасхальныхъ яицъ, великолѣпныхъ цвѣтовъ, уложенныхъ подобно сокровищамъ ювелира въ сатиновые и золотые ящики, и Санди, который хорошо зналъ англійскихъ классиковъ кондитерскаго искусства и любилъ показать это, держался того мнѣнія, что «во Франціи лучше понимали эти вещи».

Потомъ они двигались большими воротами въ Allée des Feuillants и къ Place de la Concorde, чтобы поглядѣть на нарядную толпу, возвращавшуюся изъ Bois de Boulogne, впрочемъ безо всякой мелочной за-

кисти, потому-что даже въ Парижѣ «люди колясокъ» могутъ имѣть скучающій видъ, предаваться удовольствіямъ съ печальной пассивностью и не имѣть ничего сказать другъ другу, какъ будто вибрація столькихъ колесъ, катящихся домой одной и той-же дорогой каждое послѣобѣда, гипнотизировала ихъ, повергая въ молчаніе, идіотизмъ и меланхолію.

И наши три мушкатера кисти пускались въ разсужденія о суетѣ богатствъ, чиновъ и модъ; о пресыщеніи, которое слѣдуетъ за ночами, проведенными среди наслажденій; о скукѣ удовольствій, которыя становятся работой,—и говорили они обо всемъ этомъ такъ, какъ будто-бы сами открыли все это путемъ личнаго опыта, и никто до нихъ не приходилъ къ подобнымъ выводамъ.

Но вскорѣ они доходили до выводовъ иного сорта, а именно, что острота здороваго аппетита становилась невыносимой; тогда они отправлялись въ англійскій ресторанъ, Rue de la Madeleine (на лѣвой сторонѣ, недалеко отъ конца ея), гдѣ возстановляли свои силы и свой патріотизмъ британскимъ бифштексомъ, пивомъ, домашнимъ хлѣбомъ, крѣпкой, ѣдкой, горькой желтой горчицей, геройскимъ хрѣномъ, благороднымъ яблочнымъ пирогомъ и чемирскимъ сыромъ; и въ теченіе часа уничтожали столько всего этого добра, сколько только успѣвали среди своихъ безконечныхъ разговоровъ. И что это за блаженные были разговоры, полные пылкихъ надеждъ и энтузіазма, твердой вѣры въ себя и другъ въ друга.

А затѣмъ слѣдовала прогулка по люднымъ, хорошо освѣщеннымъ бульварамъ, и bock въ café тамъ-же, за маленькимъ мраморнымъ столикомъ на трехъ ножкахъ, на асфальтовомъ тротуарѣ, среди не прекращающихся разговоровъ.

Наконецъ, они рѣшались вернуться темными, старыми, молчаливыми улицами и чрезъ какой-нибудь пустынный мостъ въ свой возлюбленный Латинскій кварталъ. Morgue холодно, тихо и зловѣще мерцаетъ въ блѣдномъ свѣтѣ фонарей и возвышаются бдительныя башни-близнецы Notre Dame, которыя въ теченіе столькихъ вѣковъ смотрѣли съ своей высоты внизъ на столько счастливыхъ, пылкихъ, сообщительныхъ юношей, гулявшихъ подъ-руку парами и втроемъ, и вѣчно разговаривавшихъ, разговаривавшихъ и разговаривавшихъ...

Санди и Маленькій Билли провожали Таффи до дверей его hôtel garni, Rue de Seine, гдѣ оказывалось, что имъ нужно сказать другъ другу, прежде чѣмъ разстаться, еще такъ много, что Таффи и Маленькій Билли провожали Санди до его дверей, на Place St. Anatole des Arts. Но тутъ, бывало, начнется споръ между Таффи и Санди, о безсмертіи души, напримѣръ, или о точномъ значеніи слова gentleman, или объ относительныхъ заслугахъ Диккенса и Теккерея, или явится

какая-нибудь другая подобная глубокая и совсѣмъ еще неизбитая тема. и Таффи и Санди провожаютъ Маленькаго Билли до его дверей, на Place de l'Odéon, а онъ въ свою очередь опять провожаетъ ихъ обоихъ, и такъ далѣе до неопредѣленнаго часа...

Или-же, если шелъ дождь и Парижъ съ его аспидными крышами и темнымъ пепельнымъ небомъ казался, изъ окна студіи, свинцовымъ, а дикій порывистый западный вѣтеръ, гуляя между трубами, издавалъ жалобные звуки, и маленькія сѣрыя волны подымались по рѣкѣ противъ, теченія, и Morgue имѣла холодный, мрачный, мокрый и непривлекательный даже для здравомыслящихъ молодыхъ британцевъ видъ, они рѣшали обѣдать и провести счастливый вечеръ дома.

Маленькій Билли, захвативъ три или даже четыре франка, погружался въ темныя улицы и покупалъ свѣжій хлѣбъ величиною въ аршинъ или около того, съ коркой хорошо поджаренною снизу; филей, штофъ вина, картофель и лукъ, масло, небольшой цилиндрическій сыръ, называемый «bondon de Neufchâtel», свѣжій волнистый салатъ съ кервелемъ, петрушку и другую мелкую зелень, и наконецъ стручекъ чесноку, который они натирали на корку хлѣба, чтобы придать вкусъ пищѣ. Таффи накрывалъ на столъ на англійскій манеръ, а также дѣлалъ салатъ, для приготовленія котораго, подобно всѣмъ, кого я только зналъ, онъ имѣлъ свой собственный особенный рецептъ: онъ наливалъ сначала масло, а потомъ уже уксусъ и, въ самомъ дѣлѣ, его салатъ былъ ничѣмъ не хуже всякаго другого.

Санди, склонившись надъ печкой, варилъ изъ лука и мяса вкусное шотландское блюдо, да такъ искусно, что вы изъ-за лука не могли различить въ немъ вкусъ мяса, и не всегда различали вкусъ лука изъ-за чесноку! И они обѣдали гораздо лучше, чѣмъ у père Trin, гораздо лучше, чѣмъ въ англійскомъ ресторанѣ на Rue de la Madeleine—лучше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было на свѣтѣ.

А послѣ обѣда—что это былъ за кофе, который они сами тутъ-же жарили и мололи, что за трубки и папиросы caporal раскуривали они при свѣтѣ трехъ лампъ подъ абажурами! А между тѣмъ дождь билъ въ большое сѣверное окно, и вѣтеръ, завывая, прогуливался вокругъ средневѣковой башни странной архитектуры на углу Rue Vieille des Trois Mauvais Ladres, а сѣрыя полѣнья шипѣли и трещали въ печкѣ!

И что за живая бесѣда до поздней ночи! Опять Теккерей и Диккенсъ, Тенисонъ и Байронъ (который въ тѣ дни «еще не умеръ»); Тиціанъ, Веласкецъ, молодой Millais и Holman Hunt (только что вышедшіе); Monsieur Ingres и Monsieur Делакруа, Бальзакъ, Стендаль и Жоржъ Зандъ; добрый Дюма и Эдгаръ Алланъ Поэ; слава Греціи и величіе Рима... Хорошая, честная, невинная, безъискусственная болтовня,—можетъ быть, и не изъ самыхъ мудрыхъ, не отмѣченная печатью

высшей культуры, которая, между прочимъ, можетъ столько-же вредить, сколько и образовывать—болтовня не ведущая къ какому-нибудь осязательному результату, но сердечная и милая вслѣдствіе искренности и жара убѣжденій, глубокой вѣры въ ихъ достоинство и гордой увѣренности въ ихъ неизмѣнности до конца жизни.

О, счастливые дни и счастливыя ночи, священные для искусства и дружбы! О, счастливыя времена безгрѣшности, юности, надеждъ, здоровья, силы и свободы—на почвѣ Парижа, для которыхъ мастерской и домомъ служитъ его дорогой, старый, незамѣнимый Латинскій кварталъ!

И до этого времени—никакихъ тревогъ любви, разрушительницы радостей.

Нѣтъ, положительно нѣтъ! Маленькій Билли никогда еще не извѣдывалъ подобнаго блаженства—никогда не мечталъ, что оно даже возможно.

Это было на третій день отъ начала нашего повѣствованія, когда наступилъ часъ фехтованія и боксированія и трапеція была въ полномъ размахѣ. У дверей раздался окрикъ Трильби: «Молоко внизу» и она появилась на этотъ разъ, очевидно, въ своемъ настоящемъ видѣ: молодая, стройная гризетка: съ широкими плечами, глубокой грудью и полнымъ бюстомъ, въ бѣлоснѣжномъ чепцѣ, опрятномъ черномъ платьѣ и бѣломъ передникѣ. Она была обута въ довольно уже полинялые и заштопанные коричневые чулки и въ поношенныя, оригинально-безформенныя, мягкія сѣрыя туфли съ четыреугольными носками и безъ каблуковъ, но какъ-бы облагороженныя формою ея ногъ, которыя придали имъ навсегда классическое благообразіе и яркую индивидуальность, фактъ, очень быстро замѣченный Маленькимъ Билли, съ любопытной и только на половину, какъ онъ самъ себѣ сознался, артистической дрожью.

Когда онъ посмотрѣлъ на ея лицо, покрытое веснушками, и встрѣтился съ ея добрымъ, веселымъ и нѣжнымъ взглядомъ, и замѣтилъ ея прелестную широкую улыбку, онъ ощутилъ уже вовсе не артистическій трепетъ, который шелъ прямо отъ сердца. И однимъ изъ своихъ быстрыхъ, какъ молнія, проницательныхъ взглядовъ онъ угадалъ далеко въ глубинѣ, подъ блестящей поверхностью этихъ глазъ,—которые, казалось, одну минуту отражали только маленькое изображеніе его самого,—неисчерпаемую нѣжность; и гдѣ-то тамъ, за нею, глубокое чувство состраданія, великодушія и теплой, сестринской любви; а подъ ними—на самомъ днѣ—увы! тонкій мутный осадокъ грусти и стыда. И это внезапное открытіе заставило его нервное маленькое тѣло содрогнуться отъ боли, жалости и рыцарскаго желанія помочь—но это продолжалось какъ разъ столько, сколько требуется для слезы, чтобы накопиться, подняться и опять исчезнуть. У него не было времени предаваться такимъ нѣжнымъ чувствамъ. Трильби, при своемъ появленіи, была встрѣчена со всѣхъ сторонъ дружескими привѣтствіями.

— Tiens! c'est la grande Trilby!—воскликнулъ Юлій Гино изъ-подъ своей фехтовальной маски.—Comment! t'es déjà debout après hier soir? Avons-nous assez rigolé chez Mathieu, hein? Crénom d'un nom! quelle noce! V'là crémaillère qui peut se vanter d'être diantrement bien pendue, j'espère! Et la petite santé ce matin?

— Hé! hé! mon vieux,—отвѣтила Трильби.—Ça boulotte, apparemment! Et toi? et Victorine? Comment qu'a s'porte à c't' heure? Elle avait un fier coup d'chasselas! c'est-y jobard, hein? de s'fich paf comme ça d'vant le monde? Tiens, v'là Gontran! ça marche-t-y, Gontran, Zouzou d'mon coeur?

— Comme sur des roulettes, ma biche! — сказалъ Гонтранъ, alias l'Zouzou, капралъ въ зуавахъ. Mais tu t'es donc mise chiffonnière, à présent? T'as fait banqueroute?

(Потому что у нея за спиной висѣла корзинка тряпичника, а въ рукахъ она несла фонарь и кирку).

— Mais-z-oui, mon bon!—возразила она. — Dame! pas d'veine hier soir! t'as bien vu! Dans la dêche jusqu'aux omoplates, mon pauv' caporal-sous-off! non d'un canon—faut bien vivre, c'pas?

Сердечные шлюзы Маленькаго Билли закрылись во время обмѣна этихъ учтивостей. Онъ угадывалъ, что онѣ очень вульгарнаго рода, потому что онъ не понялъ ни слова изъ всего этого разговора, а онъ ненавидѣлъ вульгарный языкъ. Все, что онъ понялъ, это — свободное употребленіе мѣстоименій «ты» и «тебя», а онъ достаточно зналъ по-французски, чтобы понять, что это означало большую фамильярность, смыслъ которой оставался для него неразгаданнымъ. Такъ что вѣжливые вопросы Юлія Гино о томъ, какъ Трильби себя чувствовала послѣ вечера у Mathieu, такъ весело проведеннаго, милая заботливость Трильби о здоровьѣ Викторины, которая очень неблагоразумно выпила немного слишкомъ при этомъ случаѣ; ея шутливыя сожалѣнія о томъ, что она принуждена, вслѣдствіе собственныхъ несчастій, собирать тряпки, чтобы вернуть свое состояніе—всѣ эти невинныя, маленькія, пріятныя шутки (которыя я постарался передать слово въ слово) были выражены языкомъ, для него не болѣе удобопонятнымъ, чѣмъ греческій—и онъ почувствовалъ ревность и негодованіе.

— Здравствуйте, господинъ Таффи,—сказала Трильби по-англійски.—Чтобы помириться съ вами, я принесла вамъ эти предметы искусства и добродѣтели. Они настоящіе, видите-ли. Я заняла ихъ у père Martin, chiffonnier en gros et en détail, grand officier de la Légion d'Honneur, membre de l'Institut et cetera, treize bis Rue du Puits d'Amour, rez de-chaussée au fond de la cour à gauche, vis-à-vis le mont-de-piété! Онъ мой интимный другъ, и...

— Неужели вы хотите сказать, что вы—интимный другъ «тряпичника»?—воскликнулъ добрый Таффи.

— О да! Почему-же нѣтъ? Я никогда не хвастаю; впрочемъ, нечего особенно и гордиться отцомъ Martin, — сказала Трильби, подмигнувъ. — Вы-бы сами скоро открыли это, если-бы вы были его интимнымъ другомъ. Вотъ какъ это надѣвается. Видите? Если вы надѣнете это, я прикрѣплю и покажу вамъ, какъ держать фонарь и кирку. Вамъ это можетъ понадобиться когда-нибудь, знаете-ли. Il ne faut jurer de rien! Père Martin будетъ лично позировать для васъ, если хотите. Онъ обыкновенно свободенъ послѣ обѣда. Онъ бѣдный, но честный человѣкъ; совсѣмъ gentlman. Онъ любитъ художниковъ, особенно англійскихъ — они платятъ. Его жена продаетъ bric-à-brac и старыхъ мастеровъ: Рембрантовъ отъ двухъ франковъ пятидесяти и дороже. У нихъ есть маленькій внукъ — чудный ребенокъ. Я его крестная мать. Вы говорите по-французски, я полагаю?

— О да, — сказалъ Таффи, очень смущенный. — Я вамъ очень благодаренъ — въ самомъ дѣлѣ, очень э-э-э...

— Y a pas d'quoi!—возразила Трильби, освобождаясь отъ корзины и ставя ее въ уголъ вмѣстѣ съ киркой и фонаремъ.—Et maintenant, le temps d'absorber une fine de fin sec (папиросу) et je m'la brise (я ухожу). On m'attend à l'Ambassade d'Autriche. Et puis zut! Allez toujours, mes enfants. En avant la boxe!

Она усѣлась на подмостки, заложивъ ногу за ногу, свернула себѣ папироску и стала слѣдить за фехтованьемъ и боксированьемъ. Маленькій Билли подалъ ей стулъ, но она отказалась отъ него; тогда онъ самъ усѣлся на немъ около нея и сталъ разговаривать съ ней такъ, какъ онъ разговаривалъ-бы съ любой барышней—о погодѣ, о новой оперѣ Верди (которой она никогда не слыхала), о величественности Notre Dame и о новомъ романѣ Виктора Гюго (о которомъ она ничего не знала), о таинственномъ очарованіи улыбки Джіоконды — Леонардо-да-Винчи (которой она никогда не видала)—чѣмъ она, безъ сомнѣнія, была очень польщена и немного смущена, а можетъ быть и тронута.

Таффи принесъ ей чашку кофе, сталъ сдержанно и вѣжливо разговаривать съ ней на хорошемъ французскомъ языкѣ съ тщательнымъ произношеніемъ; и Санди постарался сдѣлать то-же самое. Его французскій языкъ отличался тѣми милыми курьезами, которые въ конецъ разрушаютъ даже чопорность англійскаго общества; а его веселыя манеры уничтожали всякую застѣнчивость и принужденіе, и дѣлали невозможнымъ самосознаніе.

Затѣмъ пришли другіе изъ сосѣднихъ студій—обыкновенная пестрая толпа смѣшанныхъ національностей. Отъ четырехъ до шести часовъ пополудни двери студіи, вообще, не закрывались.

Тутъ были и дамы en cheveux, и дамы въ чепцахъ, или капотахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя знали Трильби и фамильярно и дружески говорили ей ты, между тѣмъ какъ другія съ холодной вѣжливостью называли ее mademoiselle, получая отъ нея отплату тою-же монетой.

-- Absolument comme à l'Ambassade d'Autriche, — замѣтила Трильби, подмигнувъ Санди по-англійски, что уже вовсе не было comme à l'Ambassade.

Потомъ пришелъ Свенгали и угостилъ ихъ своей величественной игрой, которая для Трильби была такъ-же привлекательна, какъ фейерверкъ для слѣпого нищаго, хотя она и сложила ротъ въ очень благочестивую мину.

Фехтованье, боксированье и качанье на трапеціи, очевидно, были ей болѣе по душѣ; и въ самомъ дѣлѣ, для особы, для которой гармонія звуковъ вовсе не существовала, Таффи, съ рапирой въ рукѣ, выпадающій всѣмъ своимъ тѣломъ, во всемъ великолѣпіи своей гибкой, юношеской силы, представлялъ гораздо болѣе привлекательное зрѣлище, чѣмъ Свенгали за роялемъ, который съ болѣзненной улыбкой переводилъ свои томные, смѣлые глаза съ одного слушателя на другого, какъ-бы спрашивая: «N'est-ce pas que che suis beau? N'est-ce pas que ch'ài du chenie? N'est-ce pas que che suis suplime, enfin?»

Потомъ вошелъ скульпторъ Дюрьенъ, доставшій ложу бенуара въ Odéon на La Dame aux Camélias, и пригласилъ Трильби и другую даму пообѣдать съ нимъ au cabaret и воспользоваться вмѣстѣ съ нимъ его ложей.

Такъ что Трильби, въ концѣ концовъ, не пошла въ австрійское посольство, какъ Санди замѣтилъ Маленькому Билли, такъ хорошо подражая при этомъ ея подмигиванью, что Маленькій Билли невольно разсмѣялся.

Но Маленькій Билли не былъ расположенъ къ смѣху; на него нашла усталость, чувство разочарованія, какъ онъ патетически выразилъ это самому себѣ:

«A feeling of sadness and longing
That is not akin to pain,
And resembles sorrow only
As the mist resembles the rain». [1])

А грустилъ онъ о томъ, что всѣ молодыя, прекрасныя женщины съ добрыми, милыми лицами, благородными фигурами и божественными конечностями—не были такъ-же хороши и чисты, какъ красивы, и желаніе его заключалось въ томъ, чтобы Трильби превратилась въ моло-

---

[1]) Чувство грусти и томленія, не причиняющее боли, а только походящее на печаль, какъ туманъ на дождь.

дую леди, напримѣръ, въ родѣ дочери викарія въ маленькой девонширской деревушкѣ, подруги его сестры и ея соучительницы по воскресной школѣ, простой, чистой и набожной дѣвушки изъ хорошей семьи.

Дѣло въ томъ, что онъ обожалъ набожность въ женщинахъ, хотя самъ ни въ какомъ случаѣ не былъ набоженъ. У него было цѣльное интуитивное міросозерцаніе, которымъ онъ пользовался не только въ вопросахъ формы и красокъ, но при помощи котораго онъ стремился проникнуть также за завѣсу болѣе глубокихъ тайнъ. Относясь по-юношески съ сильнымъ презрѣніемъ ко всѣмъ догматическимъ толкованіямъ, онъ льстилъ себя мыслью, что обладаетъ философскимъ и научнымъ умомъ, приписывалъ себѣ ясность сужденій и не терпѣлъ людского непостоянства.

Та небольшая резервная часть его вѣчно-дѣятельнаго мозга, которая должна была-бы отдыхать, пока остальная была занята работой или игрой, постоянно мучилась тайнами жизни и смерти и вѣчно изобрѣтала аргументы противъ христіанской религіи, которые, благодаря несовсѣмъ послѣдовательной симпатіи къ вѣрующимъ, не имѣли настоящаго успѣха. Къ счастью для своихъ друзей, Маленькій Билли былъ застѣнчивъ и несообщителенъ, и очень щадилъ чувства другихъ людей, а потому держалъ про себя весь свой скороспѣлый агностицизмъ.

Но за то, какъ-бы во искупленіе этого направленія слишкомъ разсудочнаго для такого молодого и нѣжнаго юноши, онъ былъ рабомъ многихъ маленькихъ традиціонныхъ правилъ, не имѣющихъ особенно солиднаго основанія ни въ наукѣ, ни въ философіи. Напримѣръ, онъ ни за что на свѣтѣ не прошелъ-бы подъ лѣстницей, не сѣлъ-бы за столъ тринадцатымъ, не постригъ-бы волосъ въ пятницу; а если ему случалось чрезъ стекло увидѣть новую луну, то онъ былъ совсѣмъ внѣ себя отъ тревоги. Онъ вѣрилъ въ счастливыя и несчастныя числа, и очень любилъ видъ, благоуханіе и звуки торжественной обѣдни въ какомъ-нибудь старомъ, темномъ французскомъ соборѣ, и втайнѣ сознавался, что они очень подкрѣпляютъ...

Будемъ надѣяться, что онъ иногда смѣялся самъ надъ собой, хотя-бы только въ рукавъ себѣ.

И при всѣхъ его умныхъ воззрѣніяхъ на жизнь, у него была вѣра молодого, хорошо-воспитаннаго англичанина средняго класса въ дѣйствительное значеніе хорошаго происхожденія—потому что хорошимъ онъ считалъ свое собственное, а также происхожденіе Таффи и Санди, и большей части тѣхъ хорошихъ людей, среди которыхъ онъ жилъ въ Англіи—однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ, родители, дѣдушки и бабушки которыхъ (съ обѣихъ сторонъ) получили хорошее образованіе и принадлежали къ профессіональному классу. И съ этой вѣрой онъ соединялъ (или думалъ, что соединяетъ) надлежащее демократическое презрѣніе къ на-

дутымъ герцогамъ и лордамъ, даже бѣднымъ безобиднымъ баронетамъ, ко всѣмъ дворянамъ-помѣщикамъ,—ко всякому, кто по происхожденію былъ хоть на вершокъ выше его самого.

Это — довольно хорошее соціальное мнѣніе средняго класса, если только сумѣть держаться его впродолженіе всей своей жизни, не смотря на жизненные опыты. Оно развиваетъ независимость и самоуваженіе, а также не мало практическихъ добродѣтелей. Во всякомъ случаѣ, оно держитъ человѣка вдали отъ дурного общества, которое встрѣчается какъ наверху, такъ и внизу. In medio tutissimus ibis!

И поводомъ ко всѣмъ этимъ меланхолическимъ размышленіямъ со стороны Маленькаго Билли послужили минутный, ослѣпительный блескъ пары болѣе чѣмъ совершенныхъ ногъ, какими они казались для его болѣе чѣмъ артистическихъ глазъ, слишкомъ влюбленныхъ въ форму! Вопреки тому, какъ это бываетъ обыкновенно, онъ началъ идеализировать снизу!

Многіе изъ насъ, постарше и помудрѣе Маленькаго Билли, видѣли въ прелестныхъ женскихъ формахъ наружную оболочку прекрасной женской души. Инстинктъ, побуждающій насъ къ этой идеализаціи, можетъ быть, часто оказывается вѣрнымъ. Но еще чаще прелестныя женскія формы ужасно осложняютъ затрудненія и опасности земной жизни, особенно для ихъ владѣлицы, тѣмъ болѣе, если она дочь простого народа, бѣдная и невѣдающая, уступчивая, слишкомъ быстрая въ своей любви и слишкомъ довѣрчивая. Все это настолько вѣрно, что уже избито,—настолько избито, что обратилось въ пошлость.

Какой-то модный, очень извѣстный писатель—притомъ вполнѣ заслужившій свою извѣстность—разсказываетъ намъ о калифорнскихъ герояхъ и героиняхъ, которые, подобно корсару лорда Байрона, были связаны между собою одной добродѣтелью и тысячью пороковъ. И онъ такъ искусно сплетаетъ ткань своего разсказа, что, читая его, молодая особа можетъ научиться только хорошему.

Моя бѣдная героиня была противоположностью этихъ привлекательныхъ преступниковъ; у нея были всѣ добродѣтели, кромѣ одной; но добродѣтель, какъ разъ играющая главную роль и дающая свое родовое имя всей остальной этой честной компаніи, но которой ей недоставало, была такого рода, что я не нашелъ никакой возможности передать мою исторію такъ, чтобы она явилась совсѣмъ подходящимъ и приличнымъ чтеніемъ для вездѣсущей молодой особы, столь дорогой для всѣхъ насъ. И я очень и очень объ этомъ сожалѣю. Потому-что я питалъ пріятную надежду, что каковы-бы ни были мои литературные недостатки, по крайней мѣрѣ, я никогда не буду обвиненъ въ качествѣ автора хотя-бы нѣсколькихъ словъ, которыхъ молодая британская цѣломудренная мать не могла-бы прочесть вслухъ своему голубоглазому ребенку, сосущему соску въ своей люлькѣ.

Но судьба рѣшила иначе.

Мнѣ, правда, очень хотѣлось-бы назвать этотъ единственный недостатокъ бѣдной Трильби какимъ-нибудь не слишкомъ тривіальнымъ и употребительнымъ словомъ, напримѣръ, латинскимъ или греческимъ,—изъ боязни, что молодая особа (при этой своей вездѣсущности, за которую да будутъ прославляемы небеса) случайно можетъ заглянуть на эти страницы, пока вниманіе ея матери будетъ обращено на что-нибудь другое.

Молодую особу не слѣдовало-бы учить латинскому и греческому языкамъ, принимая въ соображеніе, что это—въ высшей степени неприличные языки, заслуженно мертвые, на которыхъ барды только и умѣли что воспѣвать грязную любовь своихъ боговъ и богинь.

Но, по крайней мѣрѣ, я хоть настолько ученъ, чтобы привести одно маленькое латинское изрѣченіе въ оправданіе Трильби — самое короткое и прекрасное изрѣченіе, какое только могу вспомнить. Его когда-то употребили для смягченія вины и прощенія слабостей другой бѣдной, слабой женщины, вѣроятно, прекрасной и согрѣшившей гораздо больше, чѣмъ Трильби, но которая, подобно Трильби, раскаялась въ этомъ и была прощена, какъ и требовала того справедливость.

«Quia multum amavit!»

Не знаю, послужитъ-ли это къ осложненію преступленій моей героини или какъ смягчающее ея вину обстоятельство, но я долженъ прибавить, что никогда искушенія жадности или тщеславія не играли никакой роли въ ея скользкой карьерѣ, которая послѣдовала за ея первымъ faux pas—результатомъ невѣдѣнія, дурныхъ совѣтовъ, главнымъ образомъ истекавшихъ отъ ея собственной матери, и низкаго обмана. Если-бы она захотѣла, то могла-бы жить въ преступной роскоши, но у нея было очень мало потребностей. Она не отличалась тщеславіемъ, вкусы ея были чрезвычайно просты, и она зарабатывала достаточно и даже нѣсколько болѣе, чѣмъ требовалось для ихъ удовлетворенія.

Итакъ, отъ поры до времени, она отдавалась любви только ради любви, точно такъ-же, какъ-бы она отдалась искусству, если-бы была мужчиной—капризно, поверхностно и весело, скорѣе какъ добрый товарищъ, чѣмъ какъ любящая женщина. Въ этомъ отношеніи она походила на диллетанта-любителя, слишкомъ гордаго, чтобы продавать свои картины, но иногда охотно отдающаго одну изъ нихъ кому-нибудь изъ высоко-цѣнимыхъ друзей, которому она очень понравилась.

Истинное, сердечное веселье и живое, доброе товарищество, въ силу котораго невозможно отказать въ серьезной просьбѣ. Прежде всего, она была bonne camarade et bonne fille. Хотя ея сердце и не было достаточно обширно, чтобы вмѣстить въ себѣ заразъ болѣе одной легкой любви, даже въ атмосферѣ Латинскаго квартала — этой естественной резиденціи обширныхъ сердецъ, однако—его хватало для многочислен-

ныхъ дружескихъ связей; и она была самымъ теплымъ, сострадательнымъ другомъ, всегда готовымъ прійти на помощь, гораздо серьезнѣе и постояннѣе въ дружбѣ, чѣмъ въ любви.

Въ самомъ дѣлѣ, можно было сказать, что у нея почти дѣвственное сердце, такъ мало она была знакома съ тоской любви, съ ея восторгами, мученіями и ревностью.

Любовь быстро появлялась и также быстро оставляла ее, никогда болѣе не возвращаясь; что могли засвидѣтельствовать одинъ, два, а, можетъ быть, и три артиста кисти, или рѣзца, въ ущербъ своему тщеславію и самолюбію; а можетъ быть—кто знаетъ—и болѣе глубокому чувству.

Отецъ Трильби, какъ она сказала, джентльменъ, сынъ извѣстнаго дублинскаго доктора и другъ Георга IV, съ которымъ они были товарищами по коллегіуму, былъ посвященъ въ священники. Онъ такъ-же, какъ и дочь, обладалъ всѣми добродѣтелями, кромѣ одной, а именно: предавался пьянству съ очень юныхъ лѣтъ. Онъ скоро оставилъ церковь и сдѣлался преподавателемъ классическихъ языковъ, но—благодаря своей неудобной слабости—попалъ въ немилость.

Затѣмъ онъ отправился въ Парижъ, гдѣ нашелъ себѣ пару англійскихъ учениковъ, но вскорѣ потерялъ ихъ и кое-какъ пробивался, еле зарабатывая себѣ на хлѣбъ, падая все ниже и ниже.

А когда онъ достигъ почти самаго дна бездны паденія, то женился на извѣстной шотландской буфетчицѣ изъ Montagnardes Ecossais, на Rue du Paradis Poissonnière (въ самомъ дѣлѣ, рыбій рай); эта дѣва горъ была низкаго происхожденія, но очень хороша собой. Она содержала его или помогала ему въ теченіе десяти или пятнадцати лѣтъ. У нихъ родилась Трильби и выросла кое-какъ – à la grâce de Dieu! По примѣру мужа, жена Патрика О'Ферраль научилась погружать въ винѣ всѣ свои заботы, а въ послѣднихъ у нея никогда не было недостатка. Онъ умеръ, оставивъ ребенка, родившагося десять мѣсяцевъ послѣ его смерти, рожденіе котораго стоило жизни его матери.

Трильби тогда стала blanchisseuse de fin, а чрезъ два или три года сдѣлалась жертвой довѣрчивости къ другу своей матери. Тогда она, для увеличенія заработка, стала позировать въ качествѣ натурщицы, чтобы быть въ состояніи содержать своего маленькаго брата, котораго она обожала.

Въ эпоху, соотвѣтствующую началу нашего разсказа, этотъ бѣдный сиротка находился en pension у тряпичника père Martin, и его жены, имѣвшей лавку bric-à-brac и дешевыхъ старыхъ мастеровъ. Они были очень хорошіе люди и полюбили ребенка, который былъ очень красивъ и полонъ ума, бойкости и шаловливыхъ затѣй — общій любимецъ Rue du Puits d'Amour и ея скромнаго околотка.

Трильби, по какому-то капризу, всегда называла его своимъ крестникомъ и внукомъ du père et de la mère Martin, такъ что, наконецъ, эти добрые люди и сами стали вѣрить, что онъ дѣйствительно ихъ внукъ.

И почти всѣ чужіе думали, что онъ ребенокъ Трильби (несмотря на ея молодость), а она такъ любила его, что ничего противъ этого не имѣла.

La mère Martin была набожной женщиной, или по крайней мѣрѣ претендовала на это; le père Martin былъ въ этомъ отношеніи совершенною противоположностью. Но оба они были одинаково добры къ своимъ ближнимъ, и несмотря на грубость, невѣжественность и во многихъ отношеніяхъ недобросовѣстные поступки — впрочемъ, довольно естественные въ ихъ положеніи—они были въ большой мѣрѣ одарены спасительными чувствами любви и милости, особенно онъ. А если судъ Божій сообразуется главнымъ образомъ съ дѣлами, то эти достойные люди, безъ сомнѣнія, хорошо вознаграждены теперь за испытанія и борьбу своей земной жизни, протекшей въ униженіи.

Но довольно о родственникахъ Трильби.

Сидя въ ложѣ Дюрьена, держа его за руку и проливая слезы надъ игрой Madame Doche въ «La Dame aux Camèlias», Трильби смутно, точно во снѣ, вспоминала впечатлѣніе дня. Предъ ея воображеніемъ проносился то благородный образъ большого Таффи, стоящаго холодно и прямо, съ рапирой въ рукѣ, въ вѣжливомъ ожиданіи нападенія противника, то прекрасное, мечтательное лицо Маленькаго Билли съ его почтительной учтивостью.

А во-время антракта, сердце ея преисполнилось дружбой къ веселому шотландскому королю пѣтуховъ—Санди, который отъ времени до времени отпускалъ ужасныя французскія клятвы и отвратительныя вставочныя слова въ присутствіи дамъ,—не имѣя ни малѣйшаго представленія о ихъ значеніи. Потому что у Санди было быстро схватывающее ухо и неодолимое желаніе употреблять разговорный и идіоматическій языкъ прежде всего, и онъ дѣлалъ много неловкихъ и смущающихъ ошибокъ, пока время и опытъ не научили его разбираться въ употребленіи этихъ словъ. Можетъ быть, для него было большимъ благополучіемъ, что его первые опыты на разговорномъ французскомъ языкѣ были сдѣланы въ кружкѣ площади St. Anatole des Arts, который не отличался излишней щепетильностью.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Любовь, ревность и другія страсти у дѣтей.

Страсти и различныя нравственныя страданія не составляютъ исключительной принадлежности взрослыхъ людей. Дѣтскій возрастъ тоже не свободенъ отъ страстей, и если дѣти не чувствуютъ сильнаго влеченія къ деньгамъ, къ завоеваніямъ и пр., зато они обуреваются неменьшими страстями по поводу игрушекъ. Они гордятся, занимая въ школѣ мѣсто перваго ученика, и горе вслѣдствіе потери любимой птички едва-ли бываетъ меньше, чѣмъ у взрослаго отъ потери дорогого коня. Кто-же не имѣлъ случая видѣть у дѣтей гнѣва, ревности, зависти, жадности, честолюбія, чрезмѣрной радости, чувства стыда, жестокости и пр.? Точно такъ-же, какъ у взрослыхъ, малѣйшій поводъ можетъ воспламенить у дѣтей еще дремлющія страсти и произвести даже состояніе, близкое къ помѣшательству. Для подтвержденія этихъ словъ приведемъ слѣдующій примѣръ. Тиссо наблюдалъ маленькую дѣвочку 7 лѣтъ, которая поспорила со своей подругой о цвѣтѣ ленты для своихъ куколъ. Этотъ споръ привелъ дѣвочку въ такое возбужденное состояніе, что она выбѣжала изъ комнаты и упала тотчасъ-же за дверью вслѣдствіе апоплексическаго удара, который хотя и прошелъ, но оставилъ послѣ себя на всю жизнь параличъ лѣвой руки.

Самое первое влеченіе у ребенка, остающееся долгое время, проявляется въ области вкуса. Страсть къ ѣдѣ у него долго преобладаетъ надъ всѣми другими, даже надъ потребностью въ движеніи. Самыми крупными и самыми пріятными изъ душевныхъ эмоцій для дитяти являются тѣ, которыя связаны съ пищей и имѣютъ къ ней отношеніе. Путемъ удовлетворенія своего аппетита ребенокъ научается любить грудь своей кормилицы, или рожокъ, а затѣмъ руки, лицо, голосъ, глаза, смѣхъ, ласки и, наконецъ, всю личность ея. Его первыя привязанности чисто гастрономическія и первыя осязательныя ощущенія всецѣло направлены на вкусъ. Если дать въ руки ребенку, находящемуся въ возрастѣ 6 мѣ-

сяцевъ, какой-нибудь предметъ, то онъ его ощупываетъ нѣкоторое время, но затѣмъ начинаетъ пробовать на вкусъ, поднося ко рту. Чужой палецъ, тряпка, палка, коробочка, цвѣтокъ—всѣ предметы чистые и грязные подносятся ко рту. Насладившись яркими красками какой-нибудь красивой гравюры, робенокъ не умѣетъ придумать ничего лучшаго, какъ поднести ее ко рту. Первыя его симпатіи и антипатіи къ различнымъ предметамъ рѣшаются точно также вкусомъ: если налить 3 мѣсячному ребенку чего-нибудь горькаго напр. въ синюю чашку, то онъ будетъ отворачивать голову, гримасничать и плакать при видѣ всякой синей чашки, что-бы въ ней ни было налито. Самою частою страстью у дѣтей въ области вкуса является страсть къ лакомствамъ. Есть дѣти, которыя родятся уже съ нею; другія-же, напротивъ, несмотря на самое изнѣженное воспитаніе, остаются равнодушными къ лакомымъ предметамъ. Весьма важную роль въ развитіи этой страсти играетъ наслѣдственность, въ чемъ достаточно можно убѣдиться, если вспомнить, что говоритъ Saint-Simon въ своихъ мемуарахъ о Людовикѣ XIV: «этотъ король былъ необыкновенный обжора и лакомка; почти всѣ его дѣти были тонкими гастрономами и очень любили поѣсть». Вообще чувства радости и печали, пріуроченныя къ области вкуса, преобладаютъ у ребенка уже въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ жизни, но они не являются единственными страстями, которыя испытываетъ маленькій ребенокъ.

Слѣдующею душевною эмоціею дѣтскаго возраста является страхъ. Автоматическій инстинктъ страха обнаруживается у ребенка съ первыхъ дней жизни. Иногда можно прослѣдить неясное проявленіе этого инстинкта въ содроганіяхъ плода въ утробѣ матери при внезапномъ испугѣ послѣдней. Одна дама, сильно испугавшись за 3 мѣсяца до рожденія ребенка, почувствовала въ себѣ конвульсивныя дрожанія носимаго ею плода. Этотъ ребенокъ жилъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ и проявлялъ часто безпричинныя вздрагиванія, характерныя для сильнаго страха. Что касается содроганій, крика съ остановкою или учащеніемъ дыханія, характеризующихъ страхъ у новорожденнаго, то ихъ причина часто настолько слаба, что ее не всегда можно уловить. Всякій внезапный шумъ, появленіе незнакомаго лица, даже одинъ взглядъ чужого человѣка можетъ испугать грудного ребенка. Для характеристики страха у дѣтей 6—7 мѣсяцевъ, можно привести слѣдующія наблюденія Ch. Bell'я: если мы, держа ребенка на рукахъ, подбрасываемъ его кверху, то онъ остается неподвижнымъ, когда мы его поднимаемъ, но при опусканіи сопротивляется и дѣлаетъ усилія. Когда кормилица ставитъ его на ножки, образуя вокругъ его туловища своими руками кругъ, дитя старается медленно найти равновѣсіе и удержаться безъ особеннаго страха. Оно выражаетъ желаніе удерживаться на ножкахъ не иначе, какъ на близкомъ разстояніи отъ колѣней кормилицы, будучи готовымъ броситься въ нихъ въ случаѣ

своего паденія. При первыхъ попыткахъ испробовать свою мышечную силу, ребенокъ находится подъ властью страха, вслѣдствіе неизвѣстности относительно удачи своего опыта. Послѣ паденія, вслѣдствіе неудачной попытки ходить, дитя иногда отказывается на долгое время повторить свой опытъ. Страхъ, производимый зрительными впечатлѣніями, менѣе частъ у дѣтей отъ 3 до 10 мѣсяцевъ, чѣмъ отъ слуховыхъ. Одинъ 5-мѣсячный ребенокъ, находясь въ сутолокѣ пожара, при видѣ всепожирающаго пламени и обрушивающихся стѣнъ, не обнаруживалъ ни страха, ни удивленія: онъ даже улыбался женщинѣ, охранявшей его въ ожиданіи прихода его родителей, но звонъ колокольчиковъ и шумъ пожарныхъ помпъ заставили его дрожать и плакать. Въ этомъ-же возрастѣ дѣти не вздрагиваютъ отъ молніи, но очень пугаются ударовъ грома. Но затѣмъ къ 6 мѣсяцамъ они настолько привыкаютъ къ ударамъ грома, что уже не боятся его. Въ возрастѣ-же 3 лѣтъ этотъ страхъ къ грому снова усиливается, вѣроятно, вслѣдствіе дурного воспитанія и отъ впечатлѣнія страха, выражаемаго старшими. Несомнѣнно существуетъ наслѣдственное предрасположеніе къ страху, независимое ни отъ чьего вліянія и представляющее собою остатокъ первобытнаго существованія человѣчества, когда люди были настолько беззащитны, что должны были постоянно дрожать за свое существованіе. Кромѣ того нужно допустить, что первобытный человѣкъ получалъ предостереженіе о грозящей ему опасности гораздо ранѣе путемъ слуха, чѣмъ путемъ зрѣнія. Какъ всѣ психическіе афекты, страхъ долженъ разсматриваться въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ истинная болѣзнь, зависящая отъ различныхъ предрасполагающихъ и случайныхъ причинъ. Къ первымъ принадлежитъ преимущественно наслѣдственность, развившаяся отъ какой-нибудь причины слабость ребенка, болѣзненное состояніе, мозговое переутомленіе, происходящее отъ серьезныхъ занятій, превосходящихъ способности ребенка. Къ благопріятствующимъ моментамъ мы должны причислить также темноту и тишину ночи. Случайныя причины бываютъ очень разнообразны: сильный и внезапный шумъ, сильный и неожиданный свѣтъ, взглядъ или крикъ страшнаго для ребенка лица, исторіи о разбойникахъ и привидѣніяхъ—вотъ главныя причины, вызывающія у дѣтей сильный страхъ, слѣды котораго остаются иногда на всю жизнь. Страхъ можетъ вызвать у ребенка обморокъ, припадки падучей и пляску св. Витта. Пояснимъ это относящимися сюда случаями.

У мальчика С..., 7 лѣтъ, отецъ умеръ отъ паралича, мать долго страдала судорогами. Мальчикъ очень понятливъ для своего возраста, очень охотно учится, но любитъ оставаться одинъ и играть безъ компаніи товарищей. До 3 года его здоровье было превосходно; но съ этого времени у него появился страхъ, послѣ того какъ кошка, отъ которой онъ отнялъ котятъ, вскочила ему на спину. Спустя короткое время сдѣла-

лось извѣстнымъ, что мальчикъ заикается, но его заиканіе было особеннаго рода. Казалось, будто онъ давился словами и шевеленіе губами нисколько не помогало. Нѣкоторыя слова могли произноситься съ сильнымъ напряженіемъ. Вслѣдствіе всего этого мальчикъ впадалъ иногда въ сильное возбужденіе. Съ того-же времени онъ сдѣлался очень пугливымъ. Если онъ находился вблизи экипажа, если мимо него проходила лошадь, или собака, онъ прижимался въ страхѣ къ тому, кто его сопровождалъ. При помощи питательной пищи и укрѣпляющаго лѣченія всѣ явленія страха, однако, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прошли. Въ другомъ случаѣ сильный страхъ повлекъ за собой конвульсивный припадокъ.

Ф. С., мальчикъ 15 лѣтъ. До 8 года умственно развивался правильно. Нѣкоторая природная застѣнчивость исчезала въ обществѣ другихъ дѣтей. Къ тому времени, когда онъ находился въ воспитательномъ заведеніи, его заперли однажды въ наказаніе въ темную комнату. Появился сильный страхъ, затѣмъ первые припадки падучей, за нею галлюцинаціи. Мальчикъ видитъ въ глубинѣ комнаты страшную фигуру, приближающуюся къ нему. Его умственныя способности ухудшились со времени перваго эпилептическаго припадка, такъ что со временемъ онъ сдѣлался вполнѣ тупоумнымъ. Сильныя душевныя возбужденія, говоритъ Trousseau, бываютъ случайными причинами пляски св. Витта и изъ нихъ страхъ является самою могущественною причиною.

14 лѣтняя дѣвочка, раньше всегда здоровая, спускаясь вечеромъ по темной лѣстницѣ, вдругъ почувствовала, что ее внезапно схватилъ человѣкъ. Это ее до того испугало, что съ нею сдѣлалась пляска св. Витта.

Во всѣ времена внезапныя сильныя впечатлѣнія считались достаточными факторами для того, чтобы вызвать не только судороги, но и душевное разстройство. Восьмилѣтняя дѣвочка увидѣла, что собака, которую она считала бѣшеною, бросается на нее. Немедленно у нея дѣлается дрожаніе во всѣхъ членахъ, сжатіе и боли въ желудочной области и все это продолжалось 3 мѣсяца. Къ концу этого срока присоединилась сильная головная боль, боли въ желудкѣ, въ спинѣ, сердцебіеніе, постоянное сжатіе въ глоткѣ, затѣмъ приступъ летаргіи, продолжавшейся 24 часа, послѣ нея—сильнѣйшая слабость и разслабленіе членовъ, такъ что дѣвочка должна была лежать въ постели и всѣ эти явленія продолжались 3 года. Наибольшее вліяніе, однако, производитъ моральное потрясеніе на судорожныя явленія, особенно на эпилепсію.

Одна девятилѣтняя дѣвочка занимается тѣмъ, что смотритъ на солнце. Черезъ нѣсколько минутъ она видитъ на солнцѣ большую черную голову. Это дѣвочку такъ испугало, что съ нею сдѣлался нервный припадокъ.

Одинъ мальчикъ, любознательный—какъ всѣ дѣти, смотритъ въ щель двери, какъ мясникъ рѣжетъ теленка. Мясникъ, замѣтивъ, что ребенокъ за нимъ наблюдаетъ, ради шутки схватываетъ его, связываетъ ему руки, точитъ

ножъ и грозитъ, что зарѣжетъ мальчика такъ-же, какъ теленка. Эти страшныя слова произвели такое потрясающее дѣйствіе, что ребенокъ сдѣлался съ того времени эпилептикомъ и душевно-больнымъ.

Legrand du Saulle сообщилъ много наблюденій надъ дѣтьми, у которыхъ развивались судороги вслѣдствіе общераспространеннаго вреднаго обычая подносить дѣтей къ покойнику для прощанія. При развитіи припадковъ чисто психическаго свойства большое вліяніе имѣютъ впечатлѣнія, возбуждающія страхъ. Взглянемъ на ребенка, которому разсказываютъ страшныя исторіи о разбойникахъ, волкахъ и привидѣніяхъ. Когда наступаетъ время спать, его укладываютъ въ постель и уносятъ огонь. При малѣйшемъ шумѣ и трескѣ мебели его юная фантазія начинаетъ усиленно работать надъ картинами различныхъ ужасовъ. Онъ зарывается въ постель, прячетъ голову подъ одѣяло, прижимаетъ руки къ груди, а колѣни къ животу и съеживается весь, чтобы дать какъ можно меньше точекъ соприкосновенія воображаемому врагу. Въ этомъ положеніи сердце учащенно бьется, пульсъ дѣлается неправильнымъ, дыханіе затрудненнымъ и отъ страха прерывистымъ. Съ широко раскрытыми глазами ребенокъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на предметѣ своего страха, пока въ изнеможеніи отъ такого чрезмѣрнаго напряженія мышцъ не засыпаетъ съ холоднымъ потомъ на лбу. Такой болѣзненный страхъ обыкновенно продолжается до времени половаго созрѣванія, когда мальчики освобождаются отъ него, а у дѣвочекъ онъ исчезаетъ ко времени формированія. Въ другихъ-же случаяхъ, если, несмотря на полное тѣлесное развитіе, дѣти остаются на всю жизнь малодушными и трусливыми, страхъ нерѣдко служитъ предвѣстникомъ душевнаго разстройства.

Esquirol [1]) разсказываетъ про мальчика 3 лѣтъ, который испугался одного сумасшедшаго и съ тѣхъ поръ былъ подверженъ страшнымъ снамъ, а на 17 году сдѣлался маніакомъ. Другой случай: 8-лѣтняя дѣвочка видитъ, какъ ея отца убиваютъ, и съ этого момента начинаетъ страдать приступами страха. На 14 году она формируется и дѣлается маніакальною, бросаясь въ бѣшенствѣ на всякаго. Видъ оружія, ножа, толпы людей приводилъ ее въ сильное неистовство.

Подъ вліяніемъ сильнаго страха наблюдали обманы чувствъ, которые оставались на всю жизнь. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія наблюденіе Пужоля. Мальчикъ, отецъ котораго былъ убитъ въ кровавые дни террора 1793 года, былъ увѣренъ, что и онъ замѣшанъ въ тотъ-же самый процессъ и что его жизни угрожаетъ эшафотъ. Вѣрный слуга его дома изъ предосторожности спряталъ его въ погребъ, помѣстивъ въ бочку. Когда убійцы отца проникли въ погребъ, эта хитрость слуги спасла мальчика, но онъ слышалъ ихъ разговоръ, какъ равно и ихъ кровавыя планы.

[1]) Maladies mentales, t I, стр 67, 1838

Его страхъ былъ такъ силенъ, что съ этого момента онъ видѣлъ передъ собою убійцъ, желавшихъ его схватить. Эти галлюцинаціи возобновлялись, какъ только онъ вспоминалъ объ ужасномъ событіи. Такіе-же случаи помѣшательства наблюдались и во время франко-прусской войны 1870 года. Къ 13-лѣтнему мальчику, больному тифомъ, ворвались пруссаки. Онъ до того былъ этимъ испуганъ, что помѣшался. Сначала онъ впалъ въ глубокое уныніе, имѣлъ постоянные приступы страха и былъ одержимъ разнообразными галлюцинаціями, отказывался отъ всякой пищи, и силы его быстро падали. Затѣмъ состояніе отупѣнія исчезло и у него развились галлюцинаціи зрѣнія и слуха, подъ вліяніемъ чего онъ дѣлалъ различныя глупости. Послѣ пребыванія въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ заведеніи для душевно-больныхъ онъ, однако, совершенно выздоровѣлъ. Весьма часто приходится видѣть дѣтей, страдающихъ приступами страха вслѣдствіе жестокаго обращенія мачихъ, воспитателей и пр. У такихъ дѣтей запуганность дѣлается основною чертою характера и остается нерѣдко на всю жизнь. Мнѣ самому приходилось наблюдать, какъ уже взрослые субъекты, испытавшіе суровое обращеніе въ дѣтствѣ, дѣлали инстинктивныя движенія самозащиты, во время какого-нибудь нечаяннаго порывистаго движенія собесѣдника при горячемъ спорѣ, оживленномъ разговорѣ и пр.

Весьма близко съ страхомъ граничитъ у дѣтей болѣзненное состояніе, извѣстное подъ именемъ ночного испуга. Это обычное въ нѣкоторыхъ семействахъ болѣзненное явленіе поражаетъ дѣтей одного за другимъ и въ одномъ и томъ-же возрастѣ. Къ сожалѣнію, родители не всегда правильно оцѣниваютъ это явленіе и есть люди, которые считаютъ это за дурную привычку, стараясь исправить дѣтей наказаніями. Между тѣмъ, такія дѣти заслуживаютъ бо̀льшаго вниманія, такъ какъ это явленіе часто наступаетъ въ видѣ симптома нарушенія психики и служитъ предвѣстникомъ болѣе опаснаго заболѣванія. Это страданіе обнаруживается большею частью въ очень юномъ возрастѣ, у иныхъ, однако, въ позднѣйшее время. Подверженный ему испытываетъ непонятное ощущеніе страха при наступленіи ночи или темноты. Ребенокъ ночью внезапно просыпается, кричитъ, охваченный ужасомъ. При точномъ изслѣдованіи нельзя найти никакихъ болѣзненныхъ измѣненій и, хотя обвиняютъ различныя пищеварительныя разстройства, однако это состояніе нужно разсматривать, какъ слѣдствіе нервности нѣжныхъ дѣтей. Точно также страшныя исторіи, разсказываемыя передъ сномъ ребенку, даютъ поводъ къ развитію этого явленія. Испугавшійся ребенокъ зоветъ своихъ родителей, которые застаютъ его сидящимъ въ постели, плачущимъ, съ выраженіемъ сильнѣйшаго страха на лицѣ. Онъ не обращаетъ вниманія на окружающихъ его, никого не узнаетъ и кажется охваченнымъ страшными галлюцинаціями. Никакъ не удается его успокоить; плачъ продол-

жается около четверти часа и лишь затѣмъ мало-по-малу наступаетъ успокоеніе. Онъ начинаетъ узнавать окружающихъ, но умоляетъ не оставлять его одного и не гасить свѣчи. Наконецъ, онъ засыпаетъ и просыпается утромъ веселымъ, ничего не помня о случившемся. Не всегда, однако, припадокъ бываетъ такимъ легкимъ. Есть дѣти, которыя соскакиваютъ съ кровати и бѣгутъ къ какому нибудь мѣсту, гдѣ они считаютъ себя въ безопасности. Другія зарываются съ головою въ подушки и дрожатъ отъ страха, пока не заснутъ безпокойнымъ сномъ, отъ котораго просыпаются съ сильною головною болью. Наконецъ, бываютъ случаи, гдѣ галлюцинаціи сопровождаютъ ночной испугъ и ребенокъ послѣ пробужденія сохраняетъ всѣ подробности ихъ въ своей памяти.

Вторымъ афектомъ, способствующимъ развитію различныхъ страстей въ характерѣ ребенка, является гнѣвъ. Въ теченіе первыхъ недѣль жизни дитя не умѣетъ выражать непріятнаго впечатлѣнія отъ того или другого предмета иначе, какъ только крикомъ и движеніями сопротивленія. Но въ возрастъ около 2 мѣсяцевъ, ребенокъ отталкиваетъ съ ожесточеніемъ непріятные предметы и выражаетъ настоящія вспышки гнѣва наморщиваніемъ бровей, покраснѣніемъ лица, иногда слезами. Въ возрастѣ 3-хъ мѣсяцевъ онъ приходитъ въ раздраженіе, если не можетъ получить грудь матери, если дѣлаютъ видъ, что хотятъ ее отнять у него, когда его купаютъ, мѣняютъ на немъ бѣлье, когда не скоро удовлетворяютъ его желанія. Въ 6 мѣсяцевъ онъ выражаетъ раздраженіе гнѣвнымъ крикомъ, когда дѣлаютъ видъ, что хотятъ отобрать его любимую игрушку. Къ возрасту 1 года дѣтскій гнѣвъ выражается поступками, являющимися какъ-бы зародышемъ чувства мщенія. Ребенокъ съ гнѣвомъ бьетъ различные предметы, людей, животныхъ, отталкиваетъ съ раздраженіемъ тарелки, пищу, игрушки. Правильнымъ, или превратнымъ воспитаніемъ всѣ эти качества можно усилить или ослабить, направить въ хорошую, или дурную сторону, но совершенно искоренить ихъ нельзя вслѣдствіе наслѣдственной передачи. Гнѣвъ является даже вполнѣ законнымъ у маленькаго ребенка, если служитъ проявленіемъ безсознательнаго сопротивленія противъ первыхъ житейскихъ невзгодъ, испытываемыхъ ребенкомъ въ видѣ судорогъ, коликъ, лихорадки, безсонницы и пр. Точно также ребенокъ имѣетъ полное право проявить свой гнѣвъ, если его не понимаютъ вслѣдствіе того, что онъ не можетъ ясно выразить своихъ мыслей. Онъ выражаетъ свое негодованіе тѣмъ, что визжитъ, топаетъ ножками объ полъ и пр. Дитя въ правѣ также сердиться и тогда, если его пріучили къ укачиванію, къ усыпленію на рукахъ, съ лампой и пр. и вдругъ не исполняютъ его привычекъ, или заставляютъ пить какое-нибудь горькое лѣкарство, привѣтствовать поцѣлуемъ незнакомое лицо и пр. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ раннее проявленіе гнѣва у ребенка обозначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ проявленіе великодушія и другихъ

нравственныхъ качествъ. Такъ напр. дитя, которому нравится ходить одному на свой собственный рискъ, сердится, если ему помогаютъ въ этомъ. Точно также, будучи наказанъ лицомъ, выражавшимъ обыкновенно ласку, ребенокъ приходитъ въ неистовство изъ-за этого наказанія. Видя двухъ дѣтей, дерущихся на улицѣ, мальчикъ бѣжитъ, сжавъ кулаки, покраснѣвъ въ лицѣ, съ цѣлью разнимать ихъ. Все это драгоцѣнныя указанія для изученія характера и превосходныя вспомогательныя средства для правильнаго духовнаго воспитанія ребенка. Но если гнѣвъ имѣетъ свои хорошія стороны, то онъ имѣетъ также и дурныя, о которыхъ нужно упомянуть. Онъ можетъ быть выраженіемъ каприза ребенка, зависти, ненависти, презрѣнія, всѣхъ непріязненныхъ страстей, драчливости, мстительности и пр. Этотъ афектъ можетъ вредить физическому и моральному развитію ребенка, въ душѣ котораго всегда слѣдуетъ стараться поддерживать миръ и равновѣсіе. Гнѣвъ можетъ имѣть гибельныя послѣдствія для дѣтей, предрасположенныхъ къ судорожнымъ болѣзнямъ въ возрастѣ, въ которомъ потрясенія нервной системы не имѣютъ должнаго противовѣса въ мышечной системѣ, еще недостаточно организованной. Что можетъ быть антипатичнѣе сцены, когда 1—2-лѣтній ребенокъ обрушиваетъ свой безпричинный гнѣвъ на мебель, кухонную посуду, книги, цвѣты, животныхъ, на няньку и даже на родителей? Perez наблюдалъ маленькую капризницу 11-ти мѣсяцевъ, приходившую въ яростный гнѣвъ изъ-за того, что она не могла своей ручонкой схватить за носъ дѣдушку. Другая дѣвочка, 2-хъ лѣтъ имѣла красивую куклу, которою очень гордилась. Однажды она встрѣтилась съ дѣвочкой, у которой была подобная-же кукла: она пришла въ страшную ярость, бросилась на противницу, начала ее царапать, бить, кусать, такъ что пришлось насильно вырвать изъ ея рукъ несчастнаго ребенка; гнѣвъ былъ настолько силенъ, что она была больна 3 дня. Третья маленькая дѣвочка такого-же возраста приходила въ сильное неистовство, когда мать укладывала ее спать, такъ что сосѣди приходили унимать ее. Однако, она боялась одного человѣка, взгляда котораго было достаточно, чтобы она замолчала. Это былъ мужчина съ грубымъ голосомъ и большою бородою, который ее нѣсколько разъ сѣкъ. Существуетъ также наблюденіе, что 15-мѣсячный мальчикъ кусалъ свою мать, когда она сажала его въ ванну. Если гнѣвъ у ребенка доходитъ до крайнихъ предѣловъ, то онъ можетъ повлечь за собою настоящее психическое разстройство, которое иногда появляется у ребенка періодически въ видѣ маніи.

Такимъ образомъ, на основаніи всего сказаннаго о гнѣвѣ у ребенка, этотъ афектъ можно причислить къ разряду тѣхъ фундаментальныхъ качествъ характера, которымъ слѣдуетъ давать лишь правильное направленіе, но которыя стараться вполнѣ искоренить значило-бы тратить попусту время, такъ какъ эти качества наслѣдственныя. Въ доказательство на-

слѣдственности Descuret приводитъ слѣдующій случай. Одинъ господинъ, который обладалъ превосходными качествами сердца, но при этомъ былъ необыкновенно вспыльчивъ, имѣлъ 5 дѣтей, изъ которыхъ 4 были точно также вспыльчивы. Одинъ ребенокъ съ самаго ранняго возраста обнаруживалъ вспыльчивость даже гораздо большую, чѣмъ у отца, и такъ какъ онъ былъ атлетической силы, то служилъ предметомъ ужаса для всего сосѣдства. Когда онъ выросъ, женился и сдѣлался отцомъ, то замѣтилъ, что его сынъ уже съ 3 года жизни началъ обнаруживать сильную вспыльчивость.

Страсть къ любопытству не проявляется у ребенка въ очень сильной степени и не бываетъ продолжительною, такъ какъ вниманіе дѣтей скользитъ отъ предмета къ предмету, отъ лица къ лицу, быстро утомляясь, если предметъ любопытства ребенка не можетъ разнообразиться и видоизмѣняться. Такъ напр. 10-мѣсячный ребенокъ смѣшиваетъ цвѣты съ другими неодушевленными предметами. Кусокъ розовой бумаги возбуждаетъ въ немъ чувство любопытства и удовольствія такой-же продолжительности, какую доставляетъ ему красивая роза. Вообще организація ребенка, болѣе слабая, чѣмъ взрослаго, подчинена дѣйствію того естественнаго закона, который трѣбуетъ, чтобы самыя сильныя чувствованія ощущались какъ можно менѣе долго. Вотъ почему предметы, которые возбуждаютъ въ немъ пріятныя или тягостныя ощущенія, не нравятся ему, а равно не опечаливаютъ на долгое время. Животныя гораздо долѣе неодушевленныхъ предметовъ способны останавливать на себѣ вниманіе ребенка и возбуждать его любопытство. Собаки, кошки, птицы—вотъ преимущественно тѣ главные предметы, которые возбуждаютъ у ребенка страсть любопытства. Въ этомъ явленіи нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ всѣ эти предметы производятъ сильное впечатлѣніе одновременно на нѣсколько органовъ чувствъ ребенка.

Переходя къ изложенію формъ проявленія любви у ребенка, остановимся сначала на проявленіи симпатіи и антипатіи къ людямъ и животнымъ. У десятимѣсячнаго ребенка уже можно замѣтить ясную симпатію и антипатію къ новымъ лицамъ. Ежедневный опытъ можетъ убѣдить каждаго, что, при видѣ въ первый разъ одного лица, ребенокъ смѣло и охотно идетъ къ нему на руки, напротивъ, другому выражаетъ полную свою антипатію, сколько-бы разъ его ни видѣлъ. Однако, только въ отдѣльныхъ и исключительныхъ случаяхъ у дѣтей очень ранняго возраста симпатія къ людямъ облекается въ такія сильныя формы, какъ это бываетъ у взрослыхъ. Экзальтированная любовь, какъ страсть, можетъ проявиться лишь въ нѣсколько болѣе позднемъ дѣтскомъ возрастѣ. Эта любовь у очень маленькихъ дѣтей такъ-же, какъ у животныхъ, наблюдается въ видѣ привязанности, въ видѣ привычекъ, и носитъ въ себѣ лишь зародышъ человѣческой любви въ полномъ смыслѣ слова. Малень-

кій ребенокъ не знаетъ еще вѣрнаго значенія извѣстныхъ фактовъ, наблюдаемыхъ имъ, онъ не владѣетъ еще въ достаточно высокой степени способностью индуктивнаго способа сужденія. Онъ не испытываетъ еще тѣхъ нравственныхъ мукъ, которыя иногда болѣе невыносимы для взрослаго, чѣмъ физическія мученія. Ребенокъ можетъ страдать отъ потери любимаго лица или предмета, самъ не сознавая, что страдаетъ. По его мнѣнію, страданія должны непремѣнно выражаться слезами и стонами. Этотъ нѣжный возрастъ наравнѣ съ проявленіями симпатіи отличается въ то-же время и отсутствіемъ жалости, вслѣдствіе слабости сужденія. Ежедневно мы видимъ дѣтей, которыя простодушно издѣваются надъ горемъ тѣхъ, которыхъ они любятъ, безжалостно ломаютъ свои лучшія игрушки и безсердечно мучатъ свою любимую кошку или собачку. Вообще нужно замѣтить, что въ раннемъ дѣтствѣ симпатія находится въ тѣсномъ соединеніи съ эгоистическимъ чувствомъ и не имѣетъ еще моральной подкладки. Ребенокъ, который играетъ каждое утро съ собакою или кошкою, любитъ ихъ эгоистически, т. е. любитъ постольку, поскольку эти животныя доставляютъ ему удовольствіе. Онъ не сомнѣвается, что эти животныя наслаждаются и страдаютъ, но это нисколько не уменьшаетъ его наклонности мучить животныхъ, въ особенности если страданія послѣднихъ не проявляются криками и стонами. Впрочемъ, это легкомысленное отношеніе къ боли, испытываемой животными, если страданія послѣднихъ не выражаются очень рѣзкими внѣшними признаками, представляетъ обыкновенное явленіе не только у ребенка, но и у очень большого числа взрослыхъ, являясь скорѣе результатомъ дурного воспитанія, чѣмъ природнымъ недостаткомъ. Наибольшее людское жестокосердіе испытываютъ на себѣ лошади и различныя другія рабочія животныя, именно вслѣдствіе того, что они не умѣютъ выражать жестокаго обращенія съ ними жалобными стонами. Вообще часто приходится видѣть людей даже образованныхъ, которые вполнѣ убѣждены, что такія животныя вовсе не страдаютъ. Можно указать также и на ученыхъ партизановъ автоматизма животныхъ, какъ напр. Malebranch, которые придерживались того взгляда, что животныя не чувствуютъ. Даже такой знаменитый ученый, какъ Ламаркъ, одинъ изъ предтечей Дарвина, далъ одной части животнаго царства названіе безчувственныхъ животныхъ.

Что касается симпатіи маленькихъ дѣтей къ людямъ, то, насколько непрочны у нихъ сильныя привязанности, показываютъ слѣдующіе случаи. Пятилѣтній ребенокъ былъ поднесенъ къ постели своей любимой сестренки, только что умершей отъ крупа, при чемъ на шеѣ ея зіяла рана, вслѣдствіе попытокъ спасти ей жизнь операціей. Мертвенная блѣдность, бездыханность, полузакрытые глаза, шея, запачканная кровью, произвели на ребенка сильное впечатлѣніе. Но въ то-же время его бо-

лѣе всего поразила не потеря сестры, а поразительное сходство ея съ однимъ очень блѣднымъ мальчикомъ, котораго онъ часто видѣлъ. Послѣ этого ребенокъ ничего не придумалъ другого, какъ пойти къ матери и разсказать ей объ этомъ сходствѣ. Другой 4-лѣтній мальчикъ потерялъ самаго любимаго брата. Отецъ взялъ его на руки и поднесъ, рыдая, къ трупу. Эти слезы, однако, нисколько не подѣйствовали на мальчика и онъ, повернувшись къ отцу, весело сказалъ: «Ну, теперь, когда Петя умеръ, ты мнѣ отдашь его лошадь и барабанъ». Но, конечно, можно представить и исключенія изъ этого общаго правила. Вотъ напр. одинъ подобный образчикъ. У трехлѣтняго мальчика умеръ дѣдушка годъ тому назадъ и отецъ — пять мѣсяцевъ. Не проходило ни одного дня, чтобы ребенокъ о нихъ не вспоминалъ. Каждый разъ, когда его привозятъ къ бабушкѣ, онъ садится въ кресло покойнаго дѣдушки, требуетъ, чтобы приподняли покрывало, закрывающее его портретъ, и смотритъ на него съ сильнымъ волненіемъ. Находясь дома, онъ каждый день спрашиваетъ фотографическую карточку своего покойнаго отца, обнимаетъ ее, называя маленькимъ папой, и заставляетъ дѣлать то же самое свою сестру и старшаго брата. Благодаря этому постоянству тяжелаго воспоминанія, онъ понимаетъ вполнѣ естественную печаль своей матери. «Ты печальна, говоритъ онъ ей, потому что маленькаго папы здѣсь нѣтъ». Если онъ ее видитъ плачущею, то обнимаетъ рученками и говоритъ: «не плачь, мама, я отыщу маленькаго папу и верну его: у меня есть ключъ отъ рая». Для доказательства того, насколько симпатія развита неодинаково у одного и того-же ребенка, можно привести слѣдующій примѣръ. Нѣкто, лѣчившійся въ водолѣчебницѣ, разсказывалъ, что ребенку 2 лѣтъ два раза довелось присутствовать во время купанія. Пока этотъ господинъ раздѣвался, все въ ребенкѣ возбуждало любопытство, но когда онъ погружался въ воду, ребенокъ начиналъ горько плакать, можетъ быть потому, что припоминалъ непріятное ощущеніе, которое испытывалъ самъ, когда его купали. Первый разъ его пришлось унести за дверь, чтобы онъ не видѣлъ непріятнаго для него зрѣлища. Второй разъ онъ остался, но все время сильно плакалъ. При этомъ онъ подошелъ къ стулу, гдѣ было положено платье купавшагося, взялъ въ руки рубашку и подошелъ къ нему, желая надѣть на него. Но вотъ другая сторона медали. Этотъже самый ребенокъ наводилъ страхъ на кошекъ жестокимъ обращеніемъ съ ними. Однажды, когда вошли въ комнату, въ которой онъ былъ одинъ съ маленькою кошкой, онъ закричалъ, что не сдѣлалъ ничего дурного кошечкѣ. Однако, оказалось, что послѣдняя была найдена забившеюся подъ шкафомъ и почти задыхающеюся.

Такъ какъ симпатія можетъ служить переходною ступенью къ развитію любви, то скажемъ теперь о формахъ проявленія этой страсти въ дѣтскомъ возрастѣ. «Ребенокъ такъ-же, какъ взрослый, говоритъ Descuret,

нуждается въ предметѣ, который-бы онъ могъ любить и иногда надъ нимъ господствовать». Этимъ объясняется страстная боязливость маленькихъ дѣвочекъ за своихъ куколъ и удовольствіе, которое онѣ испытываютъ, ихъ одѣвая, усыпляя, лаская. Этимъ объясняется также та комическая серьезность, съ которою онѣ бранятъ свою куколку и строго ее наказываютъ. Дѣвочка представляетъ въ своемъ воображеніи каждую минуту эту безчувственную куклу живою, считая ее понимающею горе и радость, переживаетъ вмѣстѣ съ нею воображаемое горе куклы и чувствуетъ себя счастливою, воображая, что доставила ей радость. Сила дѣтскаго воображенія и пріятнаго самообмана настолько велики, что хотя дѣвочка видитъ, что кукла не ѣстъ, не пьетъ, не дышитъ, словомъ, не живетъ, тѣмъ не менѣе она убѣждена. что ея куколка дѣйствительно спитъ и старается не шумѣть, чтобы ее не разбудить. Поэтому потребность любить и стремленіе господствовать при болѣе или менѣе сильномъ убѣжденіи, что куклы живыя существа, суть главныя причины тѣхъ заботъ, которыя оказываются кукламъ и которыя дѣвочки называютъ своими маленькими дочерями. Любовь, однако, можетъ имѣть у дѣтей высшія цѣли и можетъ быть направленною на человѣческое существо. Байронъ, будучи 8-лѣтнимъ мальчикомъ, страстно влюбился въ маленькую дѣвочку, Мери Дуффъ, и когда, спустя 8 лѣтъ, узналъ, что она вышла замужъ, то, какъ онъ самъ говоритъ, съ нимъ сдѣлался судорожный припадокъ. «Я былъ, говоритъ онъ, близокъ къ смерти отъ тоски. Я не имѣлъ еще яснаго представленія о различіи между полами. даже еще нѣсколько лѣтъ позднѣе, и тѣмъ не менѣе мое горе, моя любовь къ этой маленькой дѣвочкѣ были такъ сильны, что я иногда сомнѣваюсь, любилъ-ли я такъ сильно позднѣе... Какими очаровательными остались ея черты лица въ моемъ воспоминаніи! Ея каштановые волоса, ея кроткіе, нѣжные, свѣтлокаріе глаза, даже ея платье! Я былъ-бы очень несчастливъ, еслибъ ее теперь долженъ былъ увидѣть...» Въ возрастѣ 12 лѣтъ Байронъ влюбился въ свою двоюродную сестру, Маргариту Паркеръ, которой было 13 лѣтъ. «Моя страсть, говоритъ онъ, дѣйствовала на меня обычнымъ образомъ. Я не могъ спать, ѣсть, не имѣлъ покоя и хотя имѣлъ основаніе думать, что она меня любила, тѣмъ не менѣе единственнымъ моимъ занятіемъ въ то время было мечтать, скоро-ли пройдетъ время до нашего новаго свиданія. Обыкновенно срокъ нашей разлуки не превышалъ 12 часовъ».

Гете влюбился первый разъ, имѣя 13 лѣтъ отъ роду. На одной изъ веселыхъ товарищескихъ пирушекъ онъ встрѣтился съ миловидною блондинкой, лѣтъ 16-ти, по имени Гретхенъ, которая прислуживала веселящейся компаніи. Гретхенъ сразу произвела на него впечатлѣніе своею красотой, изящною фигуркой и тѣмъ достоинствомъ, съ которымъ она себя держала. Любовь его росла все болѣе и болѣе, и дѣвушка также

высказывала къ нему нѣкоторую симпатію, хотя вела себя чрезвычайно строго, не позволяя влюбленному мальчику никакихъ излишнихъ вольностей. Наибольшей теплоты ихъ отношенія достигли ко дню коронаціи императора Іосифа II, когда Гете, гуляя вечеромъ по иллюминованнымъ улицамъ Франкфурта подъ руку со своей возлюбленной, чувствовалъ себя на верху блаженства. На прощанье Гретхенъ поцѣловала его въ лобъ: это былъ ея первый и послѣдній знакъ благосклонности къ молодому поэту, такъ какъ имъ болѣе не суждено было видѣться. Впрочемъ, онъ быстро излѣчился отъ этой любви, когда узналъ, что дѣвушка, по ея собственнымъ словамъ, смотрѣла на него, какъ на ребенка. Это взорвало самолюбиваго мальчика. «Для меня невыносима была мысль, пишетъ онъ въ своей автобіографіи, что дѣвочка, имѣвшая какихъ-нибудь два года болѣе, чѣмъ я, отъ роду, могла считать меня ребенкомъ, тогда какъ себѣ самому я казался уже ловкимъ взрослымъ мужчиною».

Альфіери влюбился 9-ти лѣтъ въ очень юную послушницу монастыря, которую онъ увидѣлъ въ церкви. Данте былъ влюбленъ 9-ти лѣтъ, Canova 5-ти лѣтъ. Ж. Ж. Руссо почувствовалъ первую любовную страсть 11-ти лѣтъ. «Когда я увидѣлъ M-lle Goton, пишетъ онъ въ своей Исповѣди, я ничего болѣе не видѣлъ, всѣ мои чувства были въ напряженіи. Передъ ней я дрожалъ и трепеталъ. Если-бы мнѣ M-lle Goton приказала броситься въ огонь, то я въ точности это выполнилъ-бы». Нѣсколько лѣтъ позднѣе онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ первыя движенія безпредметной половой любви: «Я былъ безпокоенъ, разсѣянъ, мечтателенъ. Я плакалъ, вздыхалъ, желалъ счастія, о которомъ не имѣлъ представленія и недостатокъ котораго я, однако, чувствовалъ. Это избытокъ жизни, болѣзненный и въ то-же время полный блаженства, который въ упоеніи невѣдомой страстью даруетъ предвкушеніе удовольствія. Моя разгоряченная кровь безпрестанно наполняла мой мозгъ образами дѣвушекъ и женщинъ...»

Лермонтовъ испыталъ первую любовную страсть тоже довольно рано. «Кто мнѣ повѣритъ, пишетъ онъ, что я зналъ любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду?—Мы были большимъ семействомъ на Кавказскихъ водахъ: бабушка, тетушка и кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкою лѣтъ девяти. Я ее видѣлъ тамъ. Я не помню, хороша собою была она или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей. Онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ, я помню, я вбѣжалъ въ комнату. Она была тутъ и играла съ кузиною въ куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь; съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ. О, эта минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ. И такъ рано!.. Надо мной смѣялись и дразнили, ибо

примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины: желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату, не хотѣлъ говорить объ ней и убѣгалъ, слыша ея имя, какъ-бы страшась, чтобы біеніе сердца и дрожащій голосъ не выдали другимъ тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда? и нынѣ мнѣ неловко какъ-то спросить объ этомъ. Бѣлокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность, нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видѣлъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда не любилъ, какъ въ этотъ разъ. И такъ рано! Съ 10-ти лѣтъ. Эта загадка, этотъ потерянный рай — до могилы будутъ терзать мой умъ! Иногда мнѣ странно—и я готовъ смѣяться надъ этой страстью, но чаще плакать.—Говорятъ (Байронъ), что ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить священныя искусства. Я думаю, что въ такой душѣ много музыки». (Соч. Лермонтова, изд. подъ ред. Скабичевскаго 1891 г., стр. VII).

Что касается дѣвочекъ, то, не приводя отдѣльныхъ случаевъ рано развивающейся у нихъ потребности любить, достаточно указать на институты и различныя другія закрытыя женскія учебныя заведенія, въ которыхъ наблюдается среди воспитанницъ почти поголовное обожаніе кого-нибудь. Дѣвочки младшихъ классовъ боготворятъ подругъ старшаго возраста, классныхъ дамъ и пр. не только за красоту, но даже за какое-нибудь отдѣльное качество физическое или нравственное, а въ болѣе старшихъ классахъ выбираютъ предметомъ тайнаго обожанія кого-нибудь изъ преподавателей.

Всѣ приведенные примѣры и масса другихъ подобныхъ-же могутъ убѣдить, что въ любовной страсти у дѣтей очень важную роль играетъ такъ называемый фетишизмъ—явленіе, которое можно считать у взрослыхъ болѣзненнымъ, но у дѣтей представляющееся вполнѣ нормальнымъ. Это такъ и должно быть на самомъ дѣлѣ, если вспомнимъ, что фетишизмъ или идолопоклонство составляетъ принадлежность человѣчества, находящагося на примитивной ступени умственнаго развитія. А такъ какъ дѣти, по своему духовному развитію, еще не далеко отстоятъ отъ первобытныхъ людей, то понятно, что и фетишизмъ въ любви долженъ у нихъ встрѣчаться чаще, чѣмъ у интеллигентныхъ взрослыхъ, и составлять явленіе вполнѣ нормальное. Если-бы дать банальную характеристику любовнаго фетишизма, то подъ этимъ понятіемъ слѣдовало-бы разумѣть слѣпое обожаніе даже всѣхъ недостатковъ и капризовъ любимой особы. Но такое опредѣленіе было-бы поверхностнымъ и недостаточнымъ. Дѣти могутъ обожать не только ту личность, въ которую они влюблены, но даже различные неодушевленные предметы, принадлежащіе ей, напр.: чепецъ, бѣлый передникъ, гвоздикъ отъ башмака ея и пр. Въ этомъ отношеніи дѣти приближаются къ дикарю, или негру,

обожающему красивые рыбьи плавники, блестящіе камни и пр. Впрочемъ, если вникнуть хорошенько, то приходится допустить, что въ половой любви даже умственно развитыхъ взрослыхъ людей фетишизмъ играетъ извѣстную роль. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ объяснить секретъ различныхъ странныхъ браковъ, кажущихся на посторонній взглядъ удивительными? Чѣмъ объяснить, напр.., что человѣкъ богатый, знатный, нерѣдко женится на женщинѣ, не имѣющей ни молодости, ни красоты, ни ума, ни всего того, что привлекаетъ мужчинъ? Очевидно, здѣсь играетъ роль обожаніе какого-нибудь отдѣльнаго качества, доходящее до фетишизма, до полнаго ослѣпленія такого мужчины. Наблюдающіяся нерѣдко самоубійства изъ-за безнадежной любви могутъ быть точно такъ-же объяснены любовнымъ фетишизмомъ, доходящимъ до самозабвенія и до пожертвованія собственною жизнью, которая становится невыносимою, такъ какъ единственный кумиръ, которому человѣкъ поклонялся, поверженъ въ прахъ, единственный предметъ его обожанія утраченъ навсегда. Такъ какъ всѣ остальныя цѣли жизни для такого человѣка дѣлаются блѣдными и неудовлетворительными, то единственнымъ исходомъ по истинѣ невыносимаго положенія остается самоубійство. До такой печальной развязки могутъ додуматься даже такіе люди, жизнь которыхъ была наполнена не однимъ только любовнымъ фетишизмомъ, но которые были обуреваемы, напр, политическою дѣятельностью настолько сильно, что любовь къ женщинѣ могла у нихъ отступать, повидимому, на второй планъ. Такъ это и было, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ, пока они обладали любимою особою. Но достаточно было ее потерять и вся прежняя цѣль жизни для нихъ быстро утрачивалась. Въ подтвержденіе этихъ словъ достаточно указать на случай, еще у всѣхъ находящійся въ памяти.

Извѣстный французскій политическій дѣятель Буланже, достигшій обаянія толпы, близкій къ диктатурѣ, къ достиженію которой очевидно направлена была цѣль его жизни, не можетъ пережить смерти горячо любимой жены. Со смертью послѣдней вся его политическая дѣятельность утрачиваетъ для него всякій смыслъ и, хотя онъ уже былъ почти наверху своей славы, тѣмъ не менѣе послѣ краткой душевной борьбы, продолжавшейся нѣсколько мѣсяцевъ, онъ кончаетъ свою жизнь выстрѣломъ изъ пистолета, придя на могилу дорогого ему существа, смерть котораго онъ не могъ пережить.

Любовный фетишизмъ у дѣтей можетъ проявляться или въ обожаніи самого лица, или принадлежащихъ ему неодушевленныхъ предметовъ, или наконецъ въ поклоненіи какому-нибудь духовному свойству этой личности. Дѣти могутъ обожать какую-нибудь часть тѣла мужчины или женщины, произведшую на нихъ сильное впечатлѣніе. Красивые глаза, руки, волоса и пр. могутъ для нихъ служить предметомъ фетишизма. Какіенибудь пріятные духи могутъ послужить толчкомъ для обожанія ребен-

комъ и самой личности, которая надушена ими. Въ послѣднемъ явленіи, однако, нѣтъ ничего удивительнаго, если вспомнимъ, какую роль вообще играютъ различные запахи въ проявленіи половой любви у животныхъ, для чего достаточно указать на важную роль въ этомъ отношеніи запаха мускуса для кабарги, бобровой струи для бобра, валерьяны для кошки и пр. Въ половой любви взрослаго человѣка различные запахи играютъ такъ-же не менѣе важную роль, для чего достаточно указать на тѣ благовонія, которыми наполняли свои жилища различныя Лаисы и Фрины древне-римской и греческой эпохи. Точно также весьма нерѣдко случается, что влюбленные обоего пола постепенно или даже внезапно охладѣваютъ къ предмету своей страсти изъ-за такого, повидимому, маловажнаго обстоятельства, какъ напр. дурной запахъ изо рта обожаемой личности, долетающій до влюбленнаго во время пріятнаго tête à tête, дурной запахъ отъ ногъ, вслѣдствіе потливости ихъ, и пр. У многихъ дикихъ расъ воспріятіе запаха любимой особы доставляетъ невыразимое блаженство, для полученія котораго у нихъ практикуются самые наивные способы. У индѣйцевъ Филиппинскихъ острововъ, у которыхъ обоняніе очень сильно развито, влюбленные въ моментъ разставанія обмѣниваются лоскуточками носимаго бѣлья и во все время разлуки вдыхаютъ запахъ любимаго существа, покрывая эти кусочки полотна поцѣлуями. Вѣроятно, этимъ первобытнымъ остаткомъ слѣдуетъ считать точно также обычай, сохранившійся до сихъ поръ у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ и состоящій въ томъ, что влюбленные дарятъ другъ другу на память различные сувениры, пропитанные любимыми духами. У нѣкоторыхъ дикарей поцѣлуй замѣненъ обнюхиваніемъ щеки (Спенсеръ, ч. IV).

Для характеристики обожанія дѣтьми психическихъ качествъ какого-нибудь лица можно сослаться на извѣстное сочиненіе Ж. Ж. Руссо—«Confessions» (часть I, кн. 1). Его исповѣдь начинается съ того времени, когда онъ былъ отданъ въ возрастѣ 8 лѣтъ въ пансіонъ къ Lambercier для изученія латыни. «Ничто меня такъ не смущало», пишетъ Ж. Ж. Руссо, «когда я плохо отвѣчалъ на публичныхъ экзаменахъ, какъ выраженіе безпокойства и печали на лицѣ m-lle Lambercier, имѣвшей тогда 30 лѣтъ. Это безпокойство ея огорчало меня болѣе, чѣмъ стыдъ провалиться публично, хотя послѣднее тѣмъ не менѣе въ высшей степени поразило-бы меня, такъ какъ, будучи мало чувствительнымъ къ похваламъ, я былъ очень стыдливъ. Я могу здѣсь сказать, что ожиданіе выговоровъ m-lle Lambercier причиняло мнѣ менѣе безпокойства, чѣмъ страхъ ее огорчить. Хотя у нея не было недостатка въ мѣрахъ строгости, но такъ какъ послѣднія были почти всегда справедливыми и никогда не были преувеличенными, то я ими нисколько не возмущался... Такъ какъ m-lle Lambercier имѣла для насъ авторитетъ матери, то она налагала на насъ и

наказанія, когда мы ихъ заслуживали. Довольно долго она ограничивалась угрозою наказанія, которая сначала казалась мнѣ очень страшною, но послѣ выполненія я находилъ ее уже менѣе страшною и, что болѣе всего странно, это наказаніе привязало меня еще болѣе къ той, отъ руки которой я его получилъ. Мнѣ необходимо было призывать на помощь всю мою природную кротость, чтобы удержаться отъ стремленія снова заслужить повтореніе того-же самаго наказанія, такъ какъ я находилъ и въ испытываемой физической боли и даже въ стыдѣ примѣсь наслажденія, которое заставляло меня желать снова испытать это ощущеніе отъ той-же самой руки. Такъ какъ, безъ сомнѣнія, къ этому примѣшивался преждевременный половой инстинктъ, то весьма вѣроятно, что то-же самое наказаніе, полученное отъ ея брата, вовсе не показалось-бы мнѣ пріятнымъ. Однако, это вторичное наказаніе было въ то-же время и послѣднимъ, такъ какъ m-lle Lambercier, замѣтивъ очевидно по нѣкоторымъ признакамъ, что оно оказывало вовсе нежелательное дѣйствіе, объявила, что она отказывается наказывать, такъ какъ это ее слишкомъ утомляетъ... До этого дня мы спали въ ея комнатѣ и зимою нѣсколько разъ даже въ ея постели. Спустя послѣ этого два дня, насъ уложили въ другой комнатѣ и съ тѣхъ поръ она стала обращаться со мной, какъ съ большимъ мальчикомъ».

По признанію Руссо, это наказаніе, которое ему, въ возрастѣ 8 лѣтъ, наносилось руками дѣвицы, имѣвшей уже 30 лѣтъ, послужило толчкомъ для полового извращенія на всю жизнь. «Кто повѣрилъ-бы, говоритъ Руссо, что наказаніе 8-лѣтняго мальчика 30-лѣтнею дѣвицею оказало рѣшительное вліяніе на мои вкусы, желанія, страсти всей моей остальной жизни и все это какъ разъ въ смыслѣ противоположномъ тому, что должно было послѣдовать естественнымъ путемъ»?..

Посмотримъ теперь, какое происхожденіе можетъ быть приписано любовному фетишизму. Во всей психологіи половой любви преобладаетъ слѣдующій основной вопросъ: почему любятъ одну особу болѣе, чѣмъ другую? Почему желаютъ обладать красивою женщиной, хотя прекрасно знаютъ, что красота ничего не прибавляетъ къ качеству и интенсивности полового ощущенія? Это доказываетъ, что любимое существо есть нѣчто большее, чѣмъ источникъ наслажденія. Было-бы странно думать, что если люди лишаютъ себя жизни вслѣдствіе безнадежной любви, то это случается потому, что они безуспѣшно добивались лишь минутнаго чувственнаго наслажденія. То, что выражаетъ половая любовь, есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ поиски физическаго впечатлѣнія. Это есть такое состояніе, которое можно назвать общимъ понятіемъ отыскиванія красоты, хотя, конечно, этотъ терминъ каждый можетъ истолковывать по-своему. Эта потребность красоты, присущая всякой любви, возвышающейся надъ животнымъ чувствомъ, представляетъ ту спеціальную особенность, что

она является потребностью чисто мозговою, неспособною получить непосредственно матеріальное удовлетвореніе. Именно въ этой-то мозговой потребности мы и должны искать происхожденіе любовнаго фетишизма. И въ самомъ дѣлѣ, послѣдній, въ томъ смыслѣ, какъ мы его опредѣлили, есть обожаніе предметовъ, которымъ вовсе не свойственно удовлетворять непосредственно цѣлямъ произрожденія. Такъ какъ любовный фетишизмъ проявляется уже въ дѣтскомъ возрастѣ, когда еще и рѣчи быть не можетъ о цѣляхъ произведенія потомства, то это еще болѣе должно убѣждать, что исканіе прекраснаго представляется мозговою потребностью, появляющеюся уже въ дѣтствѣ. Въ то-же время любовный фетишизмъ представляетъ собою какъ-бы намекъ на то, что наблюдается постоянно у животныхъ и описано у Дарвина въ его «Естественномъ подборѣ». Наблюденіе это состоитъ въ томъ, что между самцами большого числа видовъ животныхъ происходитъ постоянная борьба за воспроизведеніе себѣ подобныхъ. Эта борьба бываетъ то кровавою, то артистическою. Артистическая борьба, наблюдающаяся между красивыми птицами, подходитъ ближе всего къ любовному фетишизму. Такъ напр. между пѣвчими птицами идетъ борьба пѣвцовъ: пѣніе для самцовъ является средствомъ для очарованія самокъ. При этомъ наблюдаются настоящіе турниры, на которыхъ состязаются пѣвцы. Изъ нихъ нѣкоторые даже умираютъ, взявъ слишкомъ высокія ноты. ранѣе, чѣмъ одного изъ нихъ выберетъ слушающая самка. У другихъ птицъ состязаніе происходитъ при помощи красивыхъ перьевъ, причемъ самцы, одѣтые въ яркія перья, наперерывъ одинъ передъ другимъ выступаютъ передъ самками, расправляя крылья. Вся эта борьба самцовъ не должна, однако, считаться исключительно артистическою, а половою и любовною.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ любовная страсть достигаетъ такихъ большихъ размѣровъ, что развивается настоящій психозъ, носящій названіе эротическаго бреда (эротоманія), который не щадитъ никого, охватывая одинаково ребенка и старика. При этомъ болѣзненномъ состояніи выраженіе лица, жесты носятъ на себѣ отпечатокъ какого-то любовнаго томленія и такія дѣти очень стыдливы и застѣнчивы. Между ними дѣвочки имѣютъ наибольшее расположеніе къ этого рода психозу и нервный темпераментъ школьнаго возраста, подъ вліяніемъ праздной, изнѣживающей жизни, домашней обстановки, не всегда могущей удержать отъ самыхъ безразсудныхъ проявленій воли, легче всего можетъ подвергнуться этому разстройству. Страдающіе эротическимъ бредомъ ученики и юныя пансіонерки воображаютъ, что на нихъ обращаетъ вниманіе, что въ нихъ влюблена какая-нибудь знаменитая особа. Долго онѣ таятъ эти мысли въ себѣ, наконецъ—начинаютъ писать длинныя письма, растрачиваютъ свои карманныя деньги на покупку букетовъ для этой личности и пр. Никакія неудачи не могутъ заставить ихъ разочаро-

ваться, ничто не можетъ имъ раскрыть глаза. Глубокое молчаніе, которымъ встрѣчаются ихъ посланія, они объясняютъ тѣмъ, что отвѣтомъ боятся скомпрометировать себя, удерживаетъ благоразуміе и пр. Всякій изъ насъ можетъ припомнить подобныхъ упрямыхъ школьныхъ товарищей, которые писали письмо за письмомъ актрисамъ, или кузинамъ, говорили только о нихъ, дѣлали только для нихъ и подъ вліяніемъ этого совершали всевозможныя глупости. Большею частью такое заблужденіе продолжается короткое время и безпечность, самое очаровательное украшеніе юности, беретъ, наконецъ, верхъ надъ этими химерами. Между тѣмъ, у иныхъ субъектовъ съ своеобразной организаціею дѣло принимаетъ настолько серьезный оборотъ, что развивается такъ-называемая любовная кахексія, вслѣдствіе чего они дѣлаются похожими на тотъ портретъ, который нарисовалъ для подобныхъ лицъ Эскироль. Глаза у нихъ блестятъ, взоръ страстный, выраженіе лица нѣжное, но въ своихъ поступкахъ они никогда не выходятъ изъ границъ приличія. Они забываютъ до нѣкоторой степени свою личность и поклоняются предмету своей любви, какъ чистому, таинственному божеству, дѣлаются его рабами, выполняютъ его порученія съ дѣтскою наивностью и вѣрностью. Они приходятъ въ восхищеніе отъ часто воображаемыхъ совершенствъ своего кумира и впадаютъ въ отчаяніе, если бываютъ разлучены съ предметомъ своей страсти. Взоръ этихъ больныхъ потупленъ, цвѣтъ лица блѣдный, сонъ и аппетитъ исчезаютъ. Эти несчастные въ постоянномъ безпокойствѣ, задумчивы, легко приходятъ въ отчаяніе, возбужденіе, раздражительность и пр. Возвращеніе возлюбленной особы заставляетъ ихъ пьянѣть отъ радости и счастіе, которымъ они при этомъ наслаждаются, свѣтится во всей ихъ фигурѣ. Ихъ повышенная мышечная дѣятельность имѣетъ судорожный и порывистый характеръ. Эти больные отличаются большой словоохотливостью, но говорятъ исключительно о своей любви. Всѣхъ эротомановъ днемъ и ночью преслѣдуютъ одни и тѣ-же представленія, а во время сна они страдаютъ отъ тяжелыхъ сновидѣній и кошмаровъ. Страхъ, надежда, ревность, радость, неистовое возбужденіе попеременно способствуютъ усиленію душевныхъ страданій, испытываемыхъ ими. Они покидаютъ, наконецъ, свой домъ и бѣгутъ отъ своихъ родителей, презираютъ всѣ общественные обычаи, способны на самые необычайные и странные поступки. Изъ сказаннаго понятно, что признаки эротоманіи вполнѣ опредѣленны и легко могутъ быть узнаны даже въ юномъ возрастѣ.

Говоря о любви, нельзя умолчать также о неизбѣжной спутницѣ ея— ревности. Эта страсть развивается, кажется, первою въ дѣтскомъ возрастѣ. Трехмѣсячный ребенокъ проявляетъ ревность къ лицамъ, которыя протягиваютъ руки къ груди его кормилицы, или дотрогиваются до его рожка. Вообще первыя проявленія ревности обыкновенно возбуж-

даетъ въ ребенкѣ потребность пищи. Если кормилица отнимаетъ отъ него грудь, чтобы дать другому ребенку, то можно видѣть, какъ искажаются его черты лица, какъ его слабыя ручонки стараются оттолкнуть счастливаго соперника, желающаго отнять у него источникъ жизни. Къ концу перваго года жизни, когда впечатлѣнія юнаго существа настолько-же быстры, какъ и бурны, ревность начинаетъ зрѣть и развиваться. Неравномѣрно распредѣленныя ласки, поцѣлуи, похвалы и преимущества, оказываемыя одному ребенку на глазахъ у другихъ, возбуждаютъ ревность. Нерѣдко бываетъ, что эта страсть принимаетъ скрытный и хроническій характеръ, при чемъ такія дѣти дѣлаются задумчивыми и угрюмыми. Аппетитъ у нихъ теряется, они ищутъ уединенныхъ, темныхъ мѣстъ, избѣгаютъ игръ и общества своихъ сверстниковъ. Одновременно исчезаетъ здоровый цвѣтъ лица и ихъ кожа дѣлается вялою, силы падаютъ и медленная смерть часто заканчиваетъ эту мрачную меланхолію, причина которой въ такихъ случаяхъ ускользаетъ даже отъ самаго бдительнаго наблюденія родителей. Такимъ образомъ страданія маленькаго ребенка, вызываемыя ревностью, не менѣе реальны, чѣмъ у взрослаго. Они проявляются даже у грудныхъ дѣтей капризливостью и плачемъ при видѣ того, какъ маленькій братъ или сестра награждаются ласками матери. Св. Августинъ разсказываетъ, что видѣлъ нервнаго, ревниваго ребенка, который не могъ еще произнести ни одного слова и, несмотря на это, онъ глядѣлъ гнѣвнымъ взоромъ на другого ребенка, находившагося подлѣ него. Descuret описалъ рѣдкій и поучительный случай ревности у 7-лѣтняго ребенка, который былъ вполнѣ излѣченъ отъ этой страсти. Однако, не всѣ случаи ревности, наблюдаемые у дѣтей, представляютъ столь простыя проявленія. Иногда подъ вліяніемъ ея наблюдались попытки къ самоубійству и случаи убійствъ, совершенныхъ дѣтьми. Moreau зналъ одну даму, имѣвшую отъ перваго брака мальчика, которому уже было 14 лѣтъ. Три года тому назадъ она опять вышла замужъ и отъ этого брака родился ребенокъ. Сынъ отъ перваго брака, бывшій любимцемъ матери, пока еще не было другого ребенка, приходилъ въ отчаяніе отъ того, что она дѣлила свои ласки между нимъ и его своднымъ братомъ. Какъ она ни старалась убѣдить его, что любитъ попрежнему, ничто не могло заглушить его ревности. Однажды утромъ онъ воспользовался отсутствіемъ матери, которая довѣрила ему надзоръ за маленькимъ братцемъ, и привелъ въ исполненіе давно лелѣянный имъ планъ. Возвратившись домой, мать нашла его повѣсившимся на дверной ручкѣ при помощи платка. Несчастный мальчикъ, для достиженія своего рокового рѣшенія, подогнулъ ноги и такимъ образомъ повѣсился. Рядомъ съ нимъ беззаботно игралъ его братецъ.

Дѣвушка 17-ти лѣтъ поступила въ больницу Salpétrière въ Парижѣ. Она была старшею изъ троихъ дѣтей, оставшихся живыми изъ 20 дѣтей. При

рожденіи она имѣла только 35 сантиметровъ въ длину, вмѣсто 50, но была хорошо упитана. Достигнувъ 12-ти лѣтъ, она была ростомъ не болѣе 95 сантиметровъ. Она была крайне ревнивою къ ласкамъ, которыми награждались ея братья и сестры, такъ какъ хотѣла первенствовать, а между тѣмъ была въ нѣкоторомъ пренебреженіи у родителей. Она вошла въ годы, хотя ростъ ея не прибавлялся, была мрачною, злою, ни къ чему несклонною, кромѣ кокетства. Она не обнаруживала ни къ кому расположенія и однажды, когда ей не было еще 11 лѣтъ, хотѣла задушить свою маленькую сестру, чтобы видѣть, какъ она увѣряла, какимъ выглядитъ тотъ, кто умеръ, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ она находилась подъ вліяніемъ ревности.

12-лѣтній мальчикъ въ припадкѣ ревности задушилъ свою сестренку, лежавшую въ колыбели, запихавъ ей въ ротъ свѣчку и набивъ носъ горячею золою.

30 ноября 1883 года городъ Bone въ Алжирѣ приведенъ былъ въ сильное волненіе ужаснымъ убійствомъ 20-мѣсячнаго ребенка, лишеннаго жизни 3-лѣтнимъ мальчикомъ. Онъ приревновалъ мать къ своему маленькому брату, которому она, по его мнѣнію, отдавала преимущества, выждалъ ухода родителей и, съ цѣлью умертвить брата, нанесъ ему много ударовъ ножемъ, который затѣмъ спряталъ въ мебели. Возвратившись домой, мать пришла въ ужасъ при видѣ трупа своего ребенка. Будучи ею допрошенъ, маленькій убійца сначала утверждалъ, будто покойный братишка вывалился изъ колыбели, но когда отецъ началъ его припирать, сознался, что онъ самъ умертвилъ брата.

Эти примѣры показываютъ, что дѣти, подобно взрослымъ, прибѣгаютъ къ тѣмъ-же средствамъ, чтобы устранить предметъ своего недоброжелательства и хладнокровно выполняютъ свой планъ съ утонченною жестокостью.

Ревность у дѣтей очень часто находится въ тѣсной связи съ завистью. Многія дѣти желаютъ имѣть у себя различные предметы не только съ цѣлью обладанія ими, сколько изъ нежеланія видѣть ихъ въ рукахъ другихъ. Одинъ 15-мѣсячный ребенокъ продѣлывалъ очень любопытныя сцены ревности вмѣстѣ съ завистью. Если отецъ съ матерью дѣлали при немъ видъ, что цѣлуются, онъ подбѣгалъ къ нимъ, начиналъ разнимать и отталкивалъ отца. Тотъ-же ребенокъ не могъ ничего видѣть въ рукахъ другого, чтобы не стараться дотронуться или схватить этотъ предметъ. При немъ нельзя было ничего дѣлать, такъ какъ онъ во все вмѣшивался. Будучи въ кухнѣ, онъ бралъ щепку и, воображая, что это ножъ, дѣлалъ видъ, что рубитъ зелень для супа. Когда его старшій братъ писалъ, онъ требовалъ, чтобы его посадили на высокомъ стулѣ за тотъже столъ, бралъ бумагу, перо и дѣлалъ видъ, что также пишетъ. Однажды онъ очень серьезно требовалъ у отца бритву, чтобы бриться. Вообще въ

проявленіи зависти наиболѣе частыми причинами являются стремленія къ собственности и подражанію. Когда-же ребенокъ проявляетъ ревность къ своимъ братьямъ и сестрамъ, то тутъ безъ сомнѣнія по большей части дѣло идетъ о задѣтомъ самолюбіи. Одинъ 15-мѣсячный ребенокъ проявилъ крайнее неудовольствіе по поводу рожденія сестры. Онъ пытался ее бить всякій разъ, когда она была на колѣняхъ у матери, или близко къ его постелькѣ, потому что ему было непріятно видѣть, что отъ него отбираютъ какой-нибудь изъ предметовъ, прежде принадлежавшихъ ему. Трехлѣтній мальчикъ постоянно твердилъ о братѣ, который долженъ былъ скоро родиться. «Какъ я его буду любить!» говорилъ онъ каждую минуту. Однако, увидѣвъ его у груди матери, надѣлявшей поцѣлуями, замѣтивъ заботу и вниманіе къ нему со стороны отца, старшій братъ обнаружилъ сильное неудовольствіе. Онъ даже спросилъ однажды мать, скоро-ли умретъ его братъ. Когда-же послѣдній началъ ходить и говорить, то старшій дѣлалъ ему тысячи непріятностей: билъ, сталкивалъ его со стула, чтобы сѣсть самому, кричалъ ему въ уши, отнималъ игрушки, передразнивалъ его выговоръ и походку.

При разстройствахъ психической сферы у дѣтей развиваются различныя болѣзненныя страсти. Къ числу послѣднихъ относится страсть къ педантизму. Извѣстно, что наклонность къ порядку и влеченіе къ чистотѣ у дѣтей развиты лишь въ слабой степени. Поэтому педантическій порядокъ и чистота въ этомъ возрастѣ могутъ возбуждать подозрѣніе, не имѣется-ли въ данномъ случаѣ какого-нибудь невроза, истощающаго головной мозгъ. Страсть къ разрушенію есть вполнѣ нормальное явленіе у дѣтей, особенно у мальчиковъ. Но она значительно повышается при маніи, эпилептическомъ помѣшательствѣ и идіотизмѣ съ преобладающимъ возбужденіемъ. Страсть къ собиранію предметовъ, превосходящая обыкновенное стремленіе дѣтей къ личной собственности, можетъ служить признакомъ маніакальнаго возбужденія послѣ ипохондріи. При такомъ состояніи дѣти наполняютъ свои карманы старою газетной бумагой, кусочками грифеля, лоскутками цвѣтной бумаги, старыми цвѣтными перьями, пуговицами и пр. Изъ такого влеченія весьма нерѣдко развивается страсть къ воровству. Она можетъ развиться вслѣдствіе преступнаго вліянія взрослыхъ, а также при большой бѣдности дѣтей, дѣлающихся на короткое время обладателями игрушекъ, денегъ и пр. Въ противоположность этому должна быть поставлена инстинктивная страсть къ воровству, въ основаніи которой лежитъ не нужда, не страсть къ собиранію, или дурной примѣръ, а извращенное удовольствіе, испытываемое въ похищеніи чужой собственности. Пояснимъ сказанное нѣсколькими примѣрами.

Rudolf Arndt описываетъ студента, который съ 6-ти лѣтъ занимался воровствомъ. Онъ былъ эпилептикъ и вообще съ признаками душевнаго

разстройства. Будучи отданъ 6-ти лѣтъ въ гимназію, онъ долженъ былъ оттуда выйти, такъ какъ сдѣлалъ массу проступковъ и укралъ много вещей у своихъ товарищей. Послѣ этого былъ отданъ въ Фребелевскій институтъ, но и тамъ кралъ фрукты, яйца и деньги. Неоднократными наказаніями онъ былъ, однако, отученъ отъ воровства, но страсть эта вернулась съ періодомъ возмужанія, вмѣстѣ съ психическимъ разстройствомъ.

Въ 1890 году въ Петербургѣ у мирового судьи разбиралось дѣло по обвиненію 10-лѣтняго солдатскаго сына въ совершеніи цѣлаго ряда кражъ. Мальчикъ съ 7-лѣтняго возраста сталъ проявлять страсть къ воровству, похищая все, что лежало гдѣ-нибудь плохо. Мать, выбившись изъ силъ, опредѣлила его въ школу кантонистовъ. Спустя нѣсколько времени, у послѣднихъ начали пропадать разныя мелкія вещи и деньги. Наконецъ, новый воришка былъ пойманъ съ поличнымъ и немедленно исключенъ изъ школы. Послѣ этого мать опредѣляла его въ разныя мастерскія, но мальчикъ обворовывалъ хозяевъ и убѣгалъ, проводя дни и ночи неизвѣстно гдѣ, пока въ карманѣ имѣлись деньги. Совершивъ въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль передъ арестомъ цѣлый рядъ кражъ въ разныхъ частяхъ города, мальчикъ былъ задержанъ и привлеченъ къ уголовной отвѣтственности. Давая показанія на предварительномъ слѣдствіи, онъ говорилъ, что кражи совершалъ съ голоду, такъ какъ мать будто-бы привезла его въ Царское Село, завела въ паркъ и сказала ему: «побудь здѣсь, я сейчасъ принесу тебѣ булку, но если ты отсюда опять явишься ко мнѣ, то я утоплю тебя». На судѣ-же мальчикъ показалъ, что всю эту исторію онъ выдумалъ для своего оправданія и просилъ со слезами судью простить его. Мать-же умоляла опредѣлить сына для исправленія въ колонію, такъ какъ къ себѣ она, находясь въ услуженіи, взять его не можетъ, да и выбилась изъ силъ. Мировой судья, однако, постановилъ слѣдующее: принимая во вниманіе, что 10-лѣтняго мальчика мать вполнѣ можетъ сама исправить и сдѣлать честнымъ человѣкомъ, то наказанію означеннаго мальчика не подвергать, а отдать его матери для исправленія. Очевидно, что въ данномъ случаѣ имѣлось дѣло съ психозомъ, извѣстнымъ подъ именемъ клептоманіи и, слѣдовательно, судейское постановленіе нельзя назвать вполнѣ раціональнымъ.

Параллельно съ инстинктивною наклонностью къ воровству очень часто у дѣтей развивается страсть ко лжи, или вслѣдствіе желанія избѣжать наказанія, или же въ видѣ постояннаго непобѣдимаго стремленія лгать и охоты искажать истину безъ всякой необходимости [1]).

Если у дѣтей, наклонныхъ къ воровству, нѣтъ наслѣдственнаго психическаго разстройства, то вліянія родителей и вообще разумнаго воспи-

---

[1]) См. мою статью „О развитіи лжи у дѣтей". „Сѣверный Вѣстникъ" I. 1892 г.

танія вполнѣ достаточно, чтобы ребенокъ отвыкъ отъ этого порока. Однако, есть много случаевъ, гдѣ страсть къ воровству наблюдается въ видѣ болѣзненнаго явленія и передается тогда по наслѣдству. Prosper Lucas собралъ много подобныхъ наблюденій, не подлежащихъ сомнѣнію. Lamettrye наблюдалъ женщину, которая въ теченіе беременности предавалась воровству, и этотъ порокъ унаслѣдовали ея дѣти. Въ другомъ случаѣ дочь вора на 12-мъ году сдѣлалась также воровкой, хотя потеряла родителей на первомъ году и находилась на воспитаніи у честныхъ людей. Не проходитъ дня, чтобы судьямъ не приходилось рѣшать судьбу дѣтей, попавшихся въ воровствѣ и родители которыхъ также оказывались понесшими наказаніе за кражи. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ дурное воспитаніе, примѣръ, поощреніе со стороны отца или матери являются только вспомогательными, случайными причинами; предрасполагающую-же и главную причину составляетъ наслѣдственность.

Страсть къ огню и поджигательствамъ свойственна очень многимъ дѣтямъ. Здоровыхъ дѣтей, однако, легко отучить отъ нея, если воспитатели умѣютъ принять надлежащій тонъ. Страсть къ огню представляется болѣзненною, если, вопреки строгимъ наказаніямъ, которымъ подвергается за это ребенокъ, склонность къ поджигательству остается безъ измѣненій. Такъ напр. Brunet (Annales méd-psych. Iom. 1872) сообщилъ о 14-лѣтней дѣвочкѣ, которая въ короткій промежутокъ времени два раза поджигала домъ своихъ господъ. Выяснилось, что она съ дѣтства была слабоумною, страдала припадками эпилепсіи, каталепсіи и экстаза. Вслѣдствіе этого она была освобождена отъ наказанія. Goeze описалъ случай двукратнаго поджога 12-лѣтнею дѣвочкою. Она подожгла сарай своихъ господъ, а на другой вечеръ—кухню сосѣдняго дома. На допросѣ она созналась, что первый поджогъ сдѣлала изъ боязни, что господа откроютъ ея воровство сливъ, а другой поджогъ—вслѣдствіе досады на прислугу подожженнаго дома, постоянно дразнившую ее. Можно-бы привести еще много примѣровъ поджоговъ, совершенныхъ дѣтьми, но уже и этихъ, кажется, достаточно, чтобы убѣдиться, что мотивы для такого преступленія у дѣтей бываютъ или крайне ничтожны, или даже вполнѣ отсутствуютъ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о страсти дѣтей къ различнымъ путешествіямъ. Въ средніе вѣка дѣти изъ подражанія взрослымъ предпринимали даже крестовые походы съ цѣлью завоеванія обѣтованной земли. Религіозный фанатизмъ не щадилъ ни пола, ни возраста и громадныя толпы дѣтей покидали свои семьи и родину, чтобы предпринять крестовый походъ противъ невѣрныхъ. Въ 1212 году въ деревушкѣ Cloyes, во Франціи, жилъ 16 лѣтній пастухъ Этіенъ, который въ часы досуга предавался размышленіямъ о тѣхъ поруганіяхъ, какимъ подвергается Гробъ Господень и христіанскіе пилигримы. Мало-по-малу онъ

пришелъ къ тому выводу, что избранъ самимъ Богомъ завоевать обратно Святую землю. Этіенъ покинулъ свою деревню и пришелъ въ Saint-Denis, гдѣ собралось большое количество пилигримовъ на праздникъ Св. Діонисія. Здѣсь онъ обратился къ толпѣ съ рѣчью и обрисовалъ бѣдствіе Св. Города съ такой силой, что увлекъ слушателей. «Взрослые мужчины оказались безсильными,—восклицалъ онъ,—обратно завоевать Св. Землю. Гордымъ баронамъ, всесильнымъ королямъ не удалось это предпріятіе. Намъ, дѣтямъ, Богъ поручаетъ выполненіе этой задачи. Нашу слабость онъ превратитъ въ могущество и поможетъ одержать побѣду». Этіенъ сумѣлъ такъ наэлектризовать дѣтскія сердца, что отъ Бретани до береговъ Рейна всѣ дѣти были охвачены одинаковымъ воодушевленіемъ. Мальчики и дѣвочки 10—12 лѣтъ оставили игры и толпились вокругъ кровавокраснаго знамени крестоваго похода. Во всей Франціи появились юные пророки, проповѣдывавшіе о священной миссіи Этіена. Подобно пожару, разросталось движеніе дѣтей и все новыя толпы послѣднихъ прибывали, увеличивая ряды этого страннаго войска. Подъ вліяніемъ событій во Франціи, такое-же движеніе образовалось и въ Германіи, гдѣ точно также наэлектризовалъ дѣтскіе умы 10-лѣтній мальчикъ, по имени Николай. Весной 1212 года, войско, состоявшее изъ 50,000 дѣтей, направилось по пути въ Св. Землю. Они проходили по городамъ, распѣвая священные псалмы. У нихъ не было ни денегъ, ни съѣстныхъ припасовъ и они питались только виноградомъ и дикими плодами. Они не взирали на голодъ, холодъ и всевозможныя бѣдствія, бодро подвигаясь впередъ. Многіе изъ нихъ погибли отъ истощенія, другіе утонули при переправѣ черезъ рѣки, замерзли въ Альпійскихъ снѣгахъ. Изъ 20,000 дѣтей, отправившихся изъ Германіи, лишь 7,000 достигли Генуэзской гавани, откуда они хотѣли отправиться въ Палестину не на кораблѣ, а пѣшкомъ, твердо уповая, что Богъ сдѣлаетъ для нихъ чудо и Средиземное море высохнетъ для ихъ перехода. Дѣти Франціи ожидали такого-же чуда въ Марсели, но, къ сожалѣнію, напрасно. Многіе изъ тѣхъ, которые достигли Марсели и Генуи, вернулись домой, испытавъ новыя опасности, или разсѣялись по сосѣднимъ мѣстностямъ, когда увидѣли, что ожидаемое чудо не совершилось. Когда два купца предложили свои услуги переправить остатокъ этихъ дѣтей въ Птоломею, послѣдніе съ радостью на это согласились. Однако, они сдѣлались жертвами этихъ мнимыхъ спасителей, которые ихъ дѣйствительно привезли въ Палестину, но для того, чтобы продать въ рабство сарацинамъ. Таковъ былъ печальный конецъ этого несчастнаго дѣтскаго крестоваго похода.

Страсть къ различнымъ путешествіямъ и приключеніямъ свойственна очень многимъ дѣтямъ и нынѣшняго времени. Начитавшись приключеній Робинзона и различныхъ сочиненій Майнъ-Рида, дѣти уходятъ потихоньку изъ дома и пускаются въ далекій путь открывать новыя невѣ-

домыя страны. Такъ напр. въ Харьковѣ недавно пять мальчиковъ задались мыслью «сдѣлаться путешественниками». Съ этою цѣлью они накопили нѣсколько десятковъ рублей и скрылись изъ Харькова. Одинъ изъ нихъ оставилъ своимъ родителямъ письмо слѣдующаго содержанія: «Милые папа и мама! Когда вы будете читать это письмо, меня уже не будетъ въ стѣнахъ Харькова: я уѣхалъ далеко, далеко... Не жалѣйте объ этомъ и не печальтесь! Черезъ 10 лѣтъ я возвращусь къ вамъ не гимназистомъ, а американскимъ милліонеромъ, владѣльцемъ богатыхъ золотыхъ розсыпей, а, можетъ быть, начальникомъ какого-нибудь индѣйскаго племени... Послѣднее было-бы лучше. Я постараюсь открыть новыя земли и окружить безсмертной славой мое и ваши имена. Не жалѣйте-же, что я уѣхалъ. Любящій васъ Володя». Родители этихъ дѣтей, конечно, были очень опечалены ихъ исчезновеніемъ. Ими разосланы были телеграммы во всѣ полицейскія управленія съ просьбой розыскать и задержать бѣглецовъ, воображающихъ себя колумбами. Къ сожалѣнію, однако, о дальнѣйшей судьбѣ ихъ въ газетахъ ничего болѣе не упоминалось.

Все вышеизложенное доказываетъ, что уже самый юный дѣтскій возрастъ не лишенъ тѣхъ душевныхъ волненій и страстей, которыми обуреваются взрослые люди. Отсюда само собою выступаетъ на первый планъ задача правильнаго и разумнаго воспитанія духовной сферы ребенка [1]). Если послѣднее оставляется въ пренебреженіи, то у такихъ людей наблюдается и въ дѣтскомъ и возмужаломъ возрастѣ отсутствіе равновѣсія всѣхъ духовныхъ силъ, дѣлающее ихъ неустойчивыми и неспособными къ серьезной дѣятельности. Въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, главная причина развитія психопатовъ обоего пола, нерѣдко наблюдающихся въ современномъ нервномъ обществѣ.

Надлежащее урегулированіе всѣхъ вышеизложенныхъ страстей, появляющихся уже въ раннемъ дѣтствѣ, должно составлять необходимую принадлежность разумнаго воспитанія ребенка.

Д-ръ В. Якубовичъ.

---

[1]) См. мою статью «Объ уходѣ за психическимъ развитіемъ дѣтей», «Русская Школа», сентябрь и октябрь 1894 г.

Послѣдній день.

И вотъ послѣдній день затмился сиротливо,
Послѣдній вспыхнулъ лучъ, и въ сумракѣ исчезъ...
И стали небеса, какъ выжженная нива,
И нивы мертвыя,—какъ кладбище небесъ.

Созвѣдія свѣтилъ погасли, какъ лампады,
Въ которыхъ догорѣлъ живительный елей;
И въ бездну мрачную низверглись ихъ громады,
Погибшей красоты надгробный мавзолей.

Похолодѣвъ, какъ трупъ, вселенная застыла...
Но Божій замыселъ пронесся вновь надъ ней,—
И камни дрогнули, и тьма заговорила,
И разумъ просіялъ, какъ солнце прежнихъ дней!

И надъ обломками былого мірозданья,
Подобно музыкѣ, раздалися слова:
«Любовь рождаетъ жизнь,—и нѣтъ имъ окончанья,
«Какъ творческимъ мечтамъ, какъ грезамъ божества!»

К. Льдовъ.

1895.

Въ дудкѣ.

(Изъ «Сказокъ действительности»).

I.

Безотрадная степь.

Бурые холмы, чахлыя деревья, точно у земли, родившей ихъ, не хватило творческихъ силъ обвѣтвить и облѣствить корявые, кривые стволы. Трава рѣдкая, жесткая. И безъ жгучаго солнца всю ее желтизной подернуло. Цвѣтовъ мало, а гдѣ и есть—вялые. Опустили на тонкихъ стебляхъ блѣдныя головки и смерти ждутъ.

Небо надъ печальнымъ краемъ бѣлесоватое. То его марью застить, то медленныя и холодныя тучи ползутъ, лѣнивыя и тяжелыя, кропя эту степь частымъ дождемъ.

Зори улыбаются ей радужно и весело, но не успѣетъ солнце подняться, какъ отъ земли начинаетъ парить. Клубится туманъ, заволакивая дали; гаснутъ лучи, блѣднѣетъ лазурь и багрянецъ неба, тускнѣетъ золото заката и восхода—и опять унылая гладь въ долгіе дни и еще болѣе долгія ночи переживаетъ вѣчную немочь.

Рыжіе бугры въ больной травѣ. Сказочные кроты пораскидали ихъ у норъ въ невидимые лабиринты. Рыжіе бугры съ красниной—точно ихъ кровью обрызгало. Мертвая вверху, эта степь живетъ въ черныхъ глубинахъ. Съ вѣчною, неустанною заботою о насущномъ хлѣбѣ человѣкъ хоронится въ подземный мракъ, червякомъ точитъ сотни тысячъ лѣтъ лежавшіе слои песчаника, глины, желѣзняка, отнимая у нихъ таинственныя сокровища.

У рыжихъ бугровъ черные зѣвы. Немудреный деревянный воротъ надъ ними. На воротъ намотана веревка, пропадающая въ непроглядномъ мракѣ зловѣщей дыры. Молчитъ степь, точно про себя таитъ скорбную думу—и вдругъ въ могильной тишинѣ глухой, странный и непонятный

стонъ. Съ другой стороны тоже... подойдите ближе къ этимъ норамъ— станьте надъ воротомъ: стонъ длится, слышнѣе доносится. Человѣкъ-червякъ подъ сотнями тысячъ пудовъ нависшей надъ нимъ породы отводитъ пѣсней рабочую истому. Сама земля въ ней плачетъ и жалуется... На что? Вы не знаете, только сердце у васъ защемитъ отвѣтною, больною печалью...

Стонетъ, стонетъ и оборвется и вдругъ что-то ухнетъ въ червоточинѣ.

Изъ-за бугра подымается мужикъ — и не отличишь его отъ этого бураго, словно коростою покрытаго царства. Подходитъ къ вороту. Скрипитъ тотъ, медленно, нудно, тихо наматывается веревка и на свѣтъ Божій возносится снизу грязная и сѣрая руда въ какой-то колдобинѣ. Вывалитъ ее «верховой» на бугоръ и опять скрипитъ дерево, развивается и падаетъ канатъ, и вновь тоскливая пѣсня изъ вѣчнаго мрака и глухіе удары желѣза въ твердую породу.

А степь сверху молчитъ, притаившаяся, безотрадная, точно ей самой страшно: на что-де обрекъ себя человѣкъ!..

II.

Давнымъ-давно ознобили этотъ край. Пришли откуда-то артели съ топорами и сняли съ него шубу. Убрала его мать природа чудными лѣсными дебрями. Высоко подымались онѣ надъ суровою землей. Точно на могучихъ колоннахъ смѣлые своды гигантскаго храма — лежали на солидныхъ, крѣпкихъ стволахъ раскидистыя вершины. Тучами слеталась сюда вить себѣ гнѣзда всякая птица, потому что былъ ей добрый пріютъ и всякое благоволеніе. Пернатымъ хищникамъ не удавалось пробиться сквозь зеленую гущу — а внизу красному лѣсному звѣрю дѣла не было до лѣсныхъ пѣвуній. Долбили дятлы старое дерево, свистали иволги, ворковали горлицы, тихими весенними ночами пѣлъ соловей. День за днемъ, годъ за годомъ, вѣкъ за вѣкомъ шла благословенная жизнь, пока впервые не впилось остріе желѣзнаго топора въ крѣпкую, дѣвственно бѣлую, сырую сердцевину лѣсного великана... Не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ отъ такихъ боровъ и заповѣдныхъ приволій остались только потемнѣвшіе пни, да узловатые, неодолимые, словно на цѣлую вѣчность оцѣпенѣвшія змѣи—сѣрые, кривые корневища... Птицы отлетѣли дальше, лѣсные звѣри ушли въ другія пристанища, но человѣкъ остался. Взрылъ нетронутую землю, бросилъ въ нее хлѣбъ — и она матерински отвѣтила ему богатою жатвой. И опять шли годы за годами — пахарь, не думая о завтрашнемъ днѣ, только бралъ да бралъ у природы ея творческіе дары, снималъ съ нея все что она ему рожала — и она вдругъ, какъ истощенная женщина, закрыла свое лоно. Какъ онъ ни глубоко взрѣ-

зывалъ ее, сколько въ нее ни сыпалъ зерна—чахлые всходы не кормили его больше. Куда онъ дѣлся—кто знаетъ? Могила если и лѣтопись, то на невѣдомомъ языкѣ, кому ее прочесть!.. Ушли одни—явились другіе люди. Сняли остававшіеся еще и загнившіе пни, вывернули казавшіеся неодолимыми корни—и подъ однимъ изъ нихъ нашли бурую съ желтою охрой руду... Природа, дѣйствительно, оказалась матерью—не могла дать хлѣба, накормила человѣка своимъ тѣломъ... Желѣзо лежало неглубоко — да и приходилось его такъ мало на пустую породу, что не стоило прорывать дорогія шахты, класть въ нѣдра земли лѣстницы, строить тамъ машины... Тотъ-же мужикъ, какъ червякъ проточилъ черный ходъ, долѣзъ до металла и давай копаться въ немъ, обходясь тѣмъ, что у него было подъ рукою. Все-таки—онъ не разомъ умиралъ съ голоду. На цѣлые годы продолжалъ агонію и если зачастую его заваливало землей — мѣсто свято не оставалось пусто. На смѣну одному приходилъ другой и тѣмъ-же немудренымъ способомъ точилъ новую червивую нору, часто у самой могилы стараго работника...

Гдѣ тутъ было разбирать?

Не все-ли равно,—отъ судьбы не уйдешь!

Народъ назвалъ входы въ эти норы—дудками. И дѣйствительно, они, какъ дудки, глубоко шли сверху. Саженъ на пять, на шесть—случалось и болѣе, прямою полою трубою — стѣнки которой ничѣмъ не скрѣплены вплоть до самой руды. Тутъ рабочій ужъ вползалъ въ землю другими червивыми норами, во всѣ стороны, пока не истощалась порода...

III.

Жилъ на свѣтѣ мужикъ Ефремъ, вся цѣль существованія котораго была — кормить домну. Такихъ мужиковъ много, а домнъ мало, такъ что когда она, не довольствуясь обычнымъ кормомъ, съѣдаетъ и мужика, его никто не жалѣетъ. Лишь-бы домнѣ не повредило, а однимъ Ефремомъ болѣе или менѣе, кому какая печаль. Сами мужики Ефремы, разсуждая о подобныхъ случаяхъ, говорятъ: «у насъ, слава тебѣ Господи, народушку много», а писатели трезвеннаго направленія подобныя изреченія называютъ «мудростью». По ихъ мнѣнію, пока эта «мудрость» стоитъ, и міръ будетъ цѣлъ, а выдерни ее изъ подъ него—сейчасъ развалится. Что-же, кто чему вѣритъ! Одинъ въ народную мудрость, другой въ трехъ китовъ, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ таковые философы заслуживаютъ имени столповъ отечества. Домна, при которой, въ качествѣ ея кормильца, состоялъ Ефремъ, была привередлива. Ее нельзя было просто питать, чѣмъ указано. Нѣтъ, доставятъ изъ дудокъ руду, промоютъ и потомъ

сложатъ въ желѣзный ящикъ, спустятъ въ печь и тамъ насквозь прокалятъ. Она вся разрыхлѣетъ, побагровѣетъ отъ жару, тогда ее бьютъ на мелкіе куски. Ефремы—большіе юмористы—и хоть имъ не до смѣху, но они называютъ эти куски калеными орѣхами. Кончивъ съ этимъ, они мѣшаютъорѣхи съ древеснымъ углемъ и съ флюсами, т. е. известковыми камнями. Домна,—вся пылая, ждетъ. Ростомъ она въ хорошій трехъэтажный домъ и вся изъ пасти и брюха. Пасть—наверху. Когда Ефремы съ кормомъ подходятъ къ ней — темнота сарая ужъ освѣщается ея жаднымъ огнемъ. Дѣйствительно жаднымъ! Не только оттуда вырываются языки краснаго пламени, но и въ самой ея утробѣ что-то зловѣще шипитъ, клокочетъ, реветъ; въ ней раздаются порою глухіе удары—точно борятся сказочныя, чудовищныя саламандры... Черныя, въ дыму и сажѣ балки то выступаютъ вверху изъ мрака, то опять пропадаютъ. На огненномъ заревѣ мелькаютъ голые Ефремы, дѣлая что-то волшебное и мрачное, служа у этого адскаго алтаря невѣдомому божеству.

Дѣйствительно, таинство! Грубая порода претворяется здѣсь въ металлъ.

Добро или несчастіе онъ принесетъ человѣчеству? Выйдетъ-ли изъ него плуги, глубоко взрѣзывающіе плодоносную борозду, или штыки, отъ которыхъ будутъ гибнуть люди? Обольется-ли онъ трудовымъ потомъ или почернѣетъ на немъ ржавыми пятнами кровь? Какъ знать, глядя на беременную женщину—величайшаго злодѣя или героя и труженика она носитъ въ себѣ.

IV.

Ефремы, какъ и эти балки,—въ сажѣ и копоти. Некогда за собою ходить—домна не ждетъ. Ей вѣчно хочется ѣсть! Поднесутъ «колошу»—громадный коробъ съ углемъ и рудою и вывернутъ его въ дышущую огнемъ и зноемъ пасть. Отъ дыму, пыли и жара перехватитъ дыханіе, рѣжетъ глаза, но Ефрему нѣкогда, руда осталась на губахъ у чудовища, надо и ее сгресть въ эту ненасытную утробу, гдѣ еще громче слышится радостное клокотаніе, откуда еще злѣе и безпощаднѣе, обжигая человѣка, взрываются огненныя жала... Но отойти нельзя. Надо чтобы руда ложилась ровнѣе—и довольная своею добычею домна ужъ начинаетъ горѣть розовымъ пламенемъ. Ефремъ внимательно смотритъ въ него. Ему не до бѣлыхъ ослѣпительныхъ змѣй, пробѣгающихъ по горящей рудѣ, не до сноповъ яркихъ лучей, которыми вспыхиваютъ перевариваемые ею флюсы, не до брилліантовыхъ звѣздъ, вскидываемыхъ ими подъ черныя закопченыя балки. Раскаленные уголья, точно налившіеся кровью глаза, смотрятъ на него изъ плавучей, пузырящейся массы. Порою она лопается, разверзается и въ свѣтя-

щемся нутрѣ видно какое-то бѣлое молоко, одна капля котораго прожгла-бы камень. Это и есть готовый чугунъ...

Древніе были не такъ изобрѣтательны.

Что такое огненная пещь вавилонская рядомъ съ домной?

Работалъ-работалъ отмѣченный нами Ефремъ и слѣпнуть началъ. Жгла его огненная пасть, пронималъ морозъ голую спину. Очумѣвъ у пламени, онъ бросался въ уголъ и жадно пилъ воду, обливался ею и когда опять бѣжалъ къ домнѣ—весь подъ ея дыханіемъ окутывался паромъ. Не будь онъ похожъ на скелетъ, покрытъ ожогами, язвами, коростою—его-бы можно было принять за Юпитера, задумавшаго гибель еще одной бѣдной нимфы и посему для скорѣйшаго ея уловленія обратившагося въ облако. Но увы у Ефрема съ древнимъ богомъ не было ничего общаго. Домна его ослѣпила, вѣтеръ дувшій въ скважины между балками ознобилъ и заболѣла и заныла у него каждая косточка, да такъ что хоть умирай...

Работникъ былъ хорошій, трезвый, смирный.

По тому страшному количеству труда, который онъ передѣлалъ на вѣку — ему-бы сладко ѣсть, да мягко спать, а онъ и въ праздникъ Божій свѣта не видѣлъ, все кормилъ да кормилъ домну. И хорошо, что не видѣлъ. Пооглядись, такъ пожалуй пришелъ-бы въ ужасъ отъ той нищеты лютой, въ которой билась его семья, потому что, какъ всякій Ефремъ, творящій законъ Господень, онъ обзавелся и таковой. Нашелъ себѣ жену и наплодилъ съ нею дѣтей. По безграмотству своему, о Мальтусѣ онъ не слыхивалъ, а думалъ про себя: не вовсе-же пропадать мнѣ—и отъ единственной радости, доступной бѣднотѣ, отказываться. Радость-то потомъ горемъ обернулась—да вѣдь такимъ Ефремамъ и судьба—мачиха, какъ они отъ нея ни отмаливаются. Одинъ Богъ ихъ видитъ и считаетъ ихъ смиренныя, безотвѣтныя муки — и тамъ, гдѣ нашему брату невозможно будетъ пройдти въ игольное ушко— Ефремы впорхнутъ въ него птицей...

Ну, а пока, до ушка этого терпи...

Такова твоя доля, предѣлъ, его-же не прейдеши.

V.

Ефремъ былъ работникъ хорошій, трезвый и смирный, почему и хозяинъ не захотѣлъ по отношенію къ нему прослыть «свиньею безчувственной». Онъ, разумѣется, не обезпечилъ и не освободилъ его отъ работы. Ефрема перевели на такую-же внизъ, гдѣ онъ хоть и горѣлъ у домны—но ужъ его не такъ слѣпило.

Кипя въ ея чудовищной утробѣ, руда опускается мало-по-малу, оставляя на верху болѣе части—уголь и флюсы. Въ низу она по-

падаетъ подъ дѣйствіе фурмъ, т. е. трубъ, сквозь которыя внутрь съ страшною силою врывается воздухъ. Это у домны ея дыхательная система. Черезъ нее она получаетъ необходимый ей кислородъ, и жидкій чугунъ, съѣдая его, вскипаетъ до бѣшенства и реветъ съ страшною силой. Стоялъ тутъ еще два года полуослѣпшій Ефремъ, и опять работалъ хорошо, смирно и трезво и вновь его одобрялъ хозяинъ, даже называлъ его каменною горою, на которую можно надѣяться. Каменной горѣ отъ этого было не легче. Заработокъ не росъ, а къ полуслѣпотѣ присоединилась глухота. Въ нѣдрахъ домны такъ шумѣло, что человѣку съ воображеніемъ могло-бы показаться, что въ нихъ какіе-то волшебные гигантскіе жернова перемалываютъ цѣлыя скалы. У Ефрема то и дѣло голову кружило, въ виски стучало, въ глазахъ мелькали огненныя искры. Ему было тошно, послѣ такого дня онъ съ трудомъ глоталъ пищу, сонъ не возстановлялъ его силы, и въ концѣ концовъ онъ вдругъ почувствовалъ, что пересталъ слышать...

Хорошій, трезвый и смирный Ефремъ—и слухомъ пожертвовалъ хозяйскому интересу.

Ну и въ этотъ разъ хозяинъ не остался «свиньей безчувственной» и перевелъ его еще ниже—на «легкую работу». Правда какъ за легкую—онъ и плату ему далъ «легкую», въ половину противу прежней. Да и то слава Богу. Не вовсе помирать оставилъ—а съ передышкой.

— Я рабочаго жалѣю! — хвастался тотъ.—Другой его безперечь гонитъ, а у меня онъ — живъ Богъ, жива душа моя—какъ у Христа за пазухой.

— Нешъ мы не чувствуемъ этого?—били себя въ грудь кулаками въ пьяные праздники облагодѣтельствованные Ефремы.—Отецъ! Вели въ огонь—съ полнымъ удовольствіемъ. Вотъ какъ мы тебя понимаемъ.

Толстомордый филантропъ жмурился и сопѣлъ и ни съ того ни съ сего восклицалъ, какъ будто и не идущее къ дѣлу.

— Мы народъ русскій и душа у насъ русская! Жги ребята, еще два ведра жертвую!..

VI.

Про свою работу внизу благодарный Ефремъ выражался кратко:

— Точно-что, надо Бога молить—облегченіе. Точно въ раю!

И при этомъ онъ счастливо улыбался.

Тутъ ему приходилось возиться у самаго устья ненасытной домны. Не глушило, не слѣпило, даже не жгло. Рай былъ, положимъ, черенъ и свѣта дневного здѣшніе небожители не видѣли. За то прохладно, можно одѣться, а не подставлять пеклу грудь, а морозу спину. У устья — мягкая зола. Въ ней устраивались изложницы—формы, въ которыхъ охлаждалось и твердѣло «молочко», т. е. жидкій

чугунъ, прежде чѣмъ его взвѣшивали и уносили въ склады. Когда по заключенію стараго, мохомъ поросшаго рабочаго, всегда безошибочному, варево поспѣвало, съ устья отодвигали заслонку и въ немъ вдругъ обнаруживалась вся горѣвшая перебѣгающими искрами темная корка. Точно по обуглившемуся письму въ печи вспыхиваютъ, гаснутъ и опять воскресаютъ, хотя на мигъ, невѣдомою рукою написанныя строки. Ефремъ бралъ длинный ломъ, вбивалъ его въ эту корку и вдругъ выхватывалъ. Шипящеее молоко тонкою струей лилось оттуда подъ страшнымъ давленіемъ всего остальнаго чугуна, флюсовъ и угля, выбрасывая въ темень созвѣздія неистово сверкавшихъ искръ. Металлическія брызги, какъ снѣжинки, только гораздо крупнѣе ихъ, принимали разнообразнѣйшія формы. Руда текла по изложницамъ, наполняя ихъ, и остывала. Багровѣла, синѣла, потомъ сверху точно золой ее подергивало. Совсѣмъ какъ красный глазъ у куропатки, когда умирая она закрываетъ его сѣрою пленкой. Подъ золою шипѣло... Кругомъ опять густилась тьма и въ ней только мерещились рабочіе, отдѣлявшіе одну болванку отъ другой. Чугунъ былъ готовъ, устье печи задвигали заслонкой и домна опять переваривала тяжело и грубо руду...

Радовался, радовался хозяинъ на Ефрема, и точно сглазилъ его.

Что-то заклокотало и засипѣло въ выносливой и многострадальной груди рабочаго. Точно тамъ такъ-же вскипала и просила выхода своя руда. Стоитъ бывало Ефремъ у устья и дышитъ, а рядомъ кажется, что это воздухъ свистя и шипя врывается въ фурмы. Заговоритъ и сухо раскашляется, а то вмѣсто словъ скрипъ ржавыхъ петель у него слышится. И самъ онъ точно въ землю вростать началъ. Согнуло его, скривило.

— Плохо твое дѣло!—говорили ему.

— Что-жъ—спокойно отвѣчалъ онъ.—Дай Богъ каждому: пятьдесятъ годовъ невступно честно, благородно... хозяйское добро соблюлъ. Семью выростилъ... Теперь и Иванъ Фомичъ меня не броситъ...

Но Иванъ Фомичъ, хваставшійся «русскою душой», на него уже поглядывалъ подозрительно.

— Что братъ, Ефремъ, не можется, а?..

Еще-бы ему «моглось», если онъ и ослѣпъ, и оглохъ, и ослизъ весь.

— Точно-что, батюшка,едва различалъ онъ хозяйскій голосъ.

Подумалъ-подумалъ Иванъ Фомичъ, — что-жъ даромъ кормить? На даровой кормъ народъ лакомъ. Подлецы вѣдь!.. Онъ и лошадь— пятнадцать лѣтъ ему служила, наканунѣ въ живодерню къ татарамъ послалъ... Старика—миръ поддержитъ. Его дѣло. А на заводѣ какая корысть держать!..

Сходилъ Иванъ Федоровичъ въ церковь, помолился—была суббота...

Утромъ позвалъ къ себѣ урядчика.

— Ефремъ-то совсѣмъ плохъ?

— Чего хуже.

— Пущай отдохнетъ. Скажи, чтобы не ходилъ на работу.

— Только всего.

— Чего-же еще?

— На счетъ пропитанія, какъ?

— Это уже его дѣло. Кабы ему на работѣ руку или ногу попортило, точно что обвязанъ я въ этомъ случаѣ воспособлять, значитъ. А какъ особаго происшествія для протокола не было—и я чистъ!..

Что Ефремъ ослѣпъ и оглохъ—это въ счетъ не шло и для «протокола» не годилось.

VII.

Когда Ефрему сообщили объ этомъ, онъ растерялся.

— Ну, что-же... Ну, и слава Богу... Дай, Господи, каждому... Потрудился, будетъ!

— А жить-то чѣмъ?...—спросила его жена.

— Жить-то... Ишь ты какое слово придумала... Точно, быдто это и не въ порядкѣ... Жить-то...

Его лицо приняло недоумѣлое выраженіе. Нѣсколько дней онъ смотрѣлъ такъ въ окно, выходилъ на улицу и оттуда тоже испытывалъ пространство: жить какъ?.. быдто... А что «быдто» его измученному мозгу оставалось непонятно. Ни покрытое медлительными тучами небо, ни корявые, чахлые, дорывшіеся корнями до руды, деревья, ни покосившіяся гнилыя избы ему на это не могли дать отвѣта. Но должно быть свитокъ опредѣленныхъ ему испытаній былъ уже на небесахъ законченъ, и провидѣніе одно пожалѣло Ефрема. Разъ ночью, онъ вдругъ поднялся съ лавки...

— Анисья... а Анисья...

Жена его не слышала.

— Ты спрашивала: «жить-то... жить какъ... а?..»

Тишина ночи наполнялась дыханіемъ спящихъ. Шуршали тараканы по стѣнамъ. Пѣлъ сверчокъ за печкой. Какая-то неугомонная вѣтка стучала въ окно, точно кто-то звалъ оттуда Ефрема.

— Жить-то... а вотъ какъ...

И онъ вдругъ закашлялся, съ страшною натугою, съ скрипѣніемъ ржавыхъ петель въ груди, со свистомъ воздуха, вырывавшагося изъ его сожженныхъ огнемъ и ознобленныхъ холодомъ легкихъ. Закашлялся и уронилъ голову—и до утра недвижно смотрѣлъ во мракъ ужъ незрячими глазами. Лучъ разсвѣта не разбудилъ его. Скользнулъ по блѣдному осунувшемуся лицу съ заострившимися чертами, заигралъ на остеклѣвшемъ бѣлкѣ глаза... Тараканъ взбѣжалъ ему на руку. Подумалъ,

подумалъ и до бороды добрался. Обходнымъ движеніемъ на щеку влѣзъ— просторно, ничто и никто не мѣшаетъ... Рѣсницы задѣлъ — тѣ и не дрогнули...

Ефремъ рѣшилъ для себя навсегда вопросъ,—«какъ жить-то»?..

VIII.

Анисьѣ убиваться было некогда...

Слѣдовало подумать, какъ ей устроиться. Ефремъ оставилъ двухъ сыновей и маленькую дочь. И какъ у нихъ родятся! Точно въ плесени заводятся! Одинъ сынъ еще маленькій по десятому году. Другой взрослый—ушелъ подъ красную шапку. Былъ еще третій, да недавно на баркѣ утонулъ. Тоже рѣшилъ: «какъ жить-то». Анисья бросилась къ начальству.

— Какъ-же я теперь?

— Въ чемъ твое дѣло?

— Сына мнѣ не вернутъ?

— Пошла вонъ, дура!

Еще-бы—начальство играло въ винтъ и ожидало ремиза. До отрепанной-ли и ополоумѣвшей бабы ему было въ эту торжественную минуту. Да если-бы оно и вникло, о чемъ та плачетъ, — все равно — пришлось-бы гнать Анисью въ три-шеи. Еще-бы, сообразить глупая не могла, что ея сыну доставалось какъ разъ въ эту минуту выполненіе провиденціальной задачи. Онъ—съ прочими героями—былъ за Дунаемъ и освобождалъ болгаръ. Переходилъ Балканы, рѣзался съ такими-же, какъ и онъ, турецкими Ефремами, маялся въ траншеяхъ, голодалъ въ походахъ, мерзъ на вершинахъ, умиралъ въ госпиталяхъ, но воскресалъ опять и возвращался въ полкъ на «пополненіе». Взоры всей Европы были обращены на него. О немъ писались тысячи корреспонденцій, его отличали «въ томъ числѣ» громкія реляціи. Генералы его называли «орломъ» и молодцомъ и клялись, что съ такими Ефремами весь міръ можно слопать живымъ манеромъ. Однѣ сестры милосердія плакали надъ нимъ и жалѣли его и только къ нимъ приростало его запуганное сердце, его сбитая съ толку мысль...

— Голубка... ангелъ!—шепталъ про себя несчастный Ефремъ, лежа на вонючей и мокрой соломѣ шипкинскаго походнаго лазарета, но тотчасъ-же приподымался и, бодро смотря въ глаза начальству, браво выкрикивалъ «радъ стараться» одобрившему его генералу...

Ну не «дура»-ли была Анисья, требуя, чтобы ей возвратили ея сына изъ этой великой, освободительной эпопеи... Она, впрочемъ, и до города добралась, но тамъ только надоѣла исправнику. И тотъ ее выгналъ.

IX.

Зимняя болгарская ночь.

Все тонуло во мглѣ. Небо сыпало дождемъ,—внизу стояла густая, липкая грязь. Глубоко тонули въ ней ноги солдата, и всякій разъ ему стоило труда вытащить ихъ, точно земля удерживала, не пускала туда, гдѣ въ потемкахъ смутно мерещилась едва отдѣлявшаяся отъ нихъ траншея. Если-бы тамъ не легкій свѣтъ — такъ-бы и не отличить ее въ царствѣ холоднаго, зловѣщаго мрака. Идти было трудно, а тутъ еще и тяжелый ранецъ за спиной и трупы послѣ «сегодняшняго дѣла», оставшіеся неприбранными въ слякоти. Споткнется о такой трупъ Ефремъ, вставая нащупаетъ рукою—и отдергиваетъ ее, попадая пальцами въ влажное и неподвижное лицо безмолвнаго свидѣтеля. Штыки, встрѣчаясь со штыками, звякали, манерки порою звенѣли подъ ранцами. Говоръ то раздавался въ растерянной толпѣ, то падалъ, какъ подстрѣленная птица, едва-едва пошевеливающая уже безсильнымъ крыломъ... Офицеры окрикивали своихъ, подбадривали ихъ, хоть и самимъ было жутко. Каждый въ темнотѣ невольно старался локтемъ нащупать товарища. Все не такъ жутко. Молодцовато на бѣломъ конѣ, замѣтномъ даже и въ эту слѣпую ночь, проѣхалъ генералъ. Крикнулъ имъ что-то, Ефремъ даже и не разобралъ, уже такъ вмѣстѣ съ другими по формѣ отвѣтилъ «рады стараться!».

— Что онъ?—спросилъ у товарища.

— Такъ, должно быть... Одобряетъ — извѣстно.

Топотъ отъ копытъ генеральскаго коня утонулъ въ шорохѣ казавшихся безчисленными ногъ, и тотчасъ-же вдали послышался такой-же сплошной откликъ. Очевидно и тѣхъ, что впереди шли, онъ тоже «одобрялъ». Шлепали, шлепали по грязи—и добрались. Вотъ и бруствeръ. Фельдфебеля повѣряютъ роты. Разводятъ солдатъ по банкетамъ. Ефремъ становится на такой рядомъ съ другими... Вдали—далеко-далеко въ густой тьмѣ огоньки костровъ. Тамъ грѣются турки. Если будетъ ударъ, такъ оттуда... Нѣтъ-нѣтъ да и просвиститъ пуля, другая. Огненною дугою по небу сверкнетъ граната и лопнетъ гдѣ-то. Съ протяжнымъ жалобнымъ звономъ несутся въ пространство ея безсмысленные, слѣпые осколки — и въ нихъ, безсмысленныхъ и слѣпыхъ,—смерть для умныхъ и зрячихъ. Чу, гдѣ-то затрещало. Точно горохъ посыпались выстрѣлы. «Ура»! чудится. Офицеръ вскочилъ на банкетъ—смотритъ туда...

— Должно быть углицкіе напоролись?..

— Нѣтъ, въ той сторонѣ владимірцы!—отвѣчаетъ ему кто-то.

Опять трескотня тамъ и жужжаніе свинцовыхъ шмелей здѣсь... Что это? Точно чмокнуло и стоявшій рядомъ солдатъ, нелѣпо взмах-

нувъ руками и уронивъ ружье при этомъ, падаетъ назадъ. Всѣ пугливо смотрятъ сюда и подтягиваются. О каждаго можетъ чмокнуться также... Опять—на этотъ разъ свинцовый шмель зарылся передъ самымъ Ефремомъ въ сырую и влажную землю бруствера. А ночь тянется и тянется съ влажною тьмою, безконечными думами, воспоминаніями, мечтами... Кажется конца ей не будетъ, постылой...

— Носилки!—кричатъ откуда-то.

— Кого?—коротко спрашиваетъ въ темнотѣ.—Ефремъ узналъ генеральскій голосъ.

— Капитана Сывороткина, ваше-ство!—рубятъ санитары.

— Царство небесное.

Стоящій на часахъ Ефремъ тоже крестится... Невольно ему рисуется этотъ капитанъ, молодой и веселый. Еще сегодня утромъ за болгаркой увязался и шутилъ съ нею, «лихо игрался», какъ говорили солдаты... А теперь... Но что это?.. какой-то гулъ вдали?.. Сплошной гулъ. Не позади, гдѣ наши, а спереди. Не замолкъ, нѣтъ длится и ростетъ грознѣе. Точно невидимые легіоны двинулись во тьмѣ... Солдаты прислушиваются... «Алла-алла!» Перебѣгающій огонь выстрѣловъ... Сюда идутъ. И начальство соображаетъ это...

— Траншея смир-р-рно!..

Ея длинную профиль обходитъ генералъ.

— Смотри, ребята, не смѣть стрѣлять безъ команды... Держи наготовѣ, переводи прицѣлъ — по мѣрѣ, какъ непріятель подходитъ— и жди—пока не услышите мое—«пли». Хотя-бы они на носъ вамъ сѣли... Поняли вы меня?

— Поняли, ваше-ство.

— А навалятся турки—принимай на штыкъ. Да спокойно, безъ суматохи и безъ суеты. Чтобы ни одинъ ударъ не пропалъ даромъ... Ихняго огня не бойтесь — они въ темнотѣ не видятъ, куда цѣлятъ. Орда-ордой! Погасить костры!..

Огонь заваливаютъ мокрой землей. Шипя гаснутъ уголья. Ѣдкій дымъ стелется по траншеѣ. Глаза заститъ. Слышится все ближе и ближе «Алла-алла» и все громче и сплошнѣе грохотъ наступающихъ легіоновъ,

— Господа-офицеры, фельдфебеля и унтеръ-офицеры! Слѣдить за своими частями. Чтобы никто не смѣлъ стрѣлять безъ команды... Молчи траншея, какъ мертвая... Покажите себя, братцы—такими, какими вы были подъ Плевной. Не въ первый разъ намъ гнать эту сволочь... Помните, какъ они подъ Ловчей отъ насъ бѣжали.

— Рачками, ваше-ство!

— Что, какъ?

— Рачками... Точно раки, корякамн.

— Кто это говоритъ.

— Охремовъ, ваше—ство.

— Молодецъ... Полковникъ, представьте его завтра къ именному Георгію.

Ефрему отъ этого чужаго Георгія дѣлается веселѣе. Турки, безчисленными таборами подступающіе сюда, кажутся ему дѣйствительно ничего нестоющею дрянью... Онъ зорко слѣдитъ за линіей ихъ ружейнаго огня. Она все ближе и ближе...

Вотъ-вотъ сейчасъ... Ужъ видно. Ахъ—выстрѣлилъ-бы—такъ и тянетъ... Невыносимо молчать и ждать—да позади офицеры повторяютъ.

— Ждать команды... Безъ нея не смѣть.

И Ефремъ не смѣетъ, только сердце у него колотится съ болью о свою клѣтку...

X.

Передъ наступавшимъ адомъ—траншея эта дѣйствительно казалась мертвой, оставленной.

Непріятель подходилъ съ оглушительнымъ трескомъ безчисленныхъ выстрѣловъ, переполняя воздухъ дождемъ горячаго свинца, ободряя самъ себя, отуманиваясь безумными криками. Точно наводненіе, сломавшее плотины, неслись таборы. Безпощаднѣе, неистовѣе самый адъ не могъ-бы выслать демоновъ... Ефремъ давно весь перешелъ въ глаза. Онъ только видѣлъ и ждалъ, ждалъ и видѣлъ, безсознательно переводя дуло на болѣе и болѣе близкую цѣль и точно нащупывая имъ невѣдомаго врага... Вонъ подъ огнемъ пальбы оттуда мелькаютъ пока смутно тысячи лицъ, красныхъ фесокъ, силуэты людей, выбѣгающихъ впередъ, одушевленно или озвѣрѣло ободряющихъ своихъ. Ближе и громче. Горбоносые турки кажется уже подъ самымъ дуломъ...

Да неужели не заговоритъ, не проснется, наконецъ, эта мертвая, да такой степени страшно безмолствующая, траншея... Господи!.. Какъ всѣ ждутъ властнаго голоса команды. Еще мгновеніе—и будетъ поздно, и все погибнетъ и врагъ, ослѣпленный ненавистью Богъ вѣсть за что, накинется и истребитъ все смѣвшее дышать, видѣть и слышать... Еще мгновеніе:.. Но сколько такихъ мгновеній кануло въ вѣчность, а генералъ молчитъ и подъ огневымъ дождемъ только смотритъ зорко въ самую кипень всеразрушающаго наводненія... Чу... Заговорили пушки. Съ турецкихъ баттарей несутся сюда шрапнели, гранаты. Тамъ въ туманѣ и во мракѣ точно раскрываются и вновь смыкаются грозныя огненныя очи. Ихъ взглядъ убиваетъ, разрывая, кромсая и уродуя тѣло, оставляя на мѣстѣ живыхъ—теплые и безобразные куски изодраннаго мяса... Ахъ, уже поздно... поздно, и вдругъ—точно орелъ крикнулъ и громко, и жадно, и хрипло:

— Траншея, пли!

Земля разсѣлась что-ли отъ этого залпа? Грудь-ли ея что-то крикнула съ ужасомъ...

Что это въ ордѣ непріятелей? Смятеніе... Волны колышутся. Задніе еще бѣгутъ впередъ, передніе отхлынули и разбились другъ о друга. Кто разберетъ что-нибудь въ этомъ хаосѣ. Только одна смерть торжествуетъ побѣду...

— Пли!..

И опять грохотъ залпа и опять тысячи изуродованныхъ людей корчатся и бьются, падая на землю. Счастливы тѣ, кого пуля уложила разомъ. Другимъ долгіе часы придется мучиться въ несравнимой ни съ чѣмъ агоніи, въ этой грязи, въ виду траншеи, откуда если-бы и захотѣли—все равно не могли-бы подать имъ помощь...

— Пли!

И волны наводненія такъ-же быстро и стремительно несутся назадъ... Побѣда—побѣда! Кто уцѣлѣлъ, тотъ будетъ жить—долго-ли? Можетъ быть часъ, два, но все-таки жить, жить, видѣть этотъ мракъ, вдыхать въ себя сырой воздухъ, чувствовать подъ ногами влажную землю, слышать голоса товарищей, локтемъ чувствовать ихъ локоть. Развѣ это не блаженство, не счастье рядомъ съ тѣми, что остаются за бѣгущими таборами ихъ недвижнымъ слѣдомъ.

— Повѣрить убитыхъ и раненыхъ...

Фельфебеля идутъ по рядамъ и считаютъ. Первой—второй—третій...

Между этими—первымъ, вторымъ и третьимъ—Ефрема нѣтъ. Считайте хоть до безконечности — его не будетъ. Онъ опрокинулся съ бруствера и лежитъ головою въ мокрой глинѣ, ногами къ верху. Рука его какъ схватилась за лобъ—такъ и закоченѣла. Черезъ него ходятъ. о него спотыкаются... Все равно... Все равно.. Для него все кончено, кончено, кончено...

— Полтораста убитыхъ.

— Довольно эфектно для реляціи объ отбитой аттакѣ, какъ вы думаете, а? весело спрашиваетъ генералъ.

— Да, это произведетъ впечатлѣніе.

— И офицеры есть?

— Шесть.

— Ну вотъ видите... право недурно... Вы составите... Знаете—кратко и выразительно, въ тацитовскомъ стилѣ.

Воскреситъ-ли громкая реляція эти, насквозь пробитыя тѣла? Разумѣется ихъ назовутъ героями... Въ телеграммахъ опишутъ, какъ эти богатыри—и онъ Ефремъ одинъ изъ нихъ—грозно и безмолвно выжидали на себя непріятеля... Вдохновенныя и огневыя строки прочтутъ милліоны другихъ Ефремовъ, а онъ—онъ будетъ лежать на чуждой ему бол-

гарской землѣ, не оставивъ по себѣ ни слѣда, ни воспоминанія, кромѣ сплошной цифры «полтораста нижнихъ чиновъ» — въ офиціальной реляціи.

— Спасибо, братцы. Съ такими, какъ вы, чудо-богатырями чего не сдѣлать! Я счастливъ, что командую вами.

Генералъ днемъ благодаритъ своихъ орловъ и, снявъ шапку, кланяется имъ.

XI.

Анисьѣ некогда было заниматься такими соображеніями. Жизнь надвинула на нее тучу мелкихъ заботъ и надобностей, заслонившую весь міръ. За нею — солнце могло вставать и заходить, царства и народы падать и возвышаться, тысячи людей рѣзаться, другія тысячи уходить въ пустыни, однѣ высокія и низкія идеи смѣняться другими — до Анисьи это не касалось. Жить во что бы то ни стало, накормить сынишку и еще крохотную дочку, которой только-только минуло пять лѣтъ, вытопить избу, уплатить старостѣ, что слѣдовало, да и самой не голышомъ выйти на улицу. Въ этомъ были ея огромныя задачи и все за ними на великомъ и чуждомъ ей мірѣ носило характеръ ничего не стоющей случайности, не настоящаго дѣла, пустяка. Жаловаться долѣе тоже оказывалось некогда. «Завтра» не ждало оно грозно поднималось передъ нею съ роковыми запросами и встрѣтило въ измученной крестьянкѣ бодрую, здоровую, смѣлую душу. Анисья разъ навсегда простилась съ міромъ иллюзій. Дома она еще всплакнула какъ-то, тупо и недоумѣло глядя на образъ. Сѣла на лавку, подумала. На одно мгновеніе передъ нею мелькнула фигура Ивана Ѳомича, но она тотчасъ-же отбросила прочь и самое воспоминаніе о немъ. Она и не винила хозяина. Что-жъ—кормилъ, покуда работалъ покойникъ. Умеръ Ефремъ и шабашъ. Это ей казалось вполнѣ логично и даже справедливо. «Народушку много—всѣхъ не пропитаешь». Вечеромъ пришелъ сосѣдъ.

— Ну что, какъ?

Анисьѣ опять хотѣлось заплакать, но она удержалась.

— Ребятокъ-то подымать надо.

— Извѣстно.

— Сами-то о себѣ не промыслютъ. Трава въ полѣ и та сама не ростетъ. Дождичекъ ее поитъ, земля питаетъ, солнышко привѣтитъ.

— За кусочками посылать ежели...

Анисья только мотнула головою. Голода не было—значитъ не оказывалось оправданія такому сраму. Все время хоть и бѣдно жили, а считались хозяевами и не кланялись никому.

— Въ дудку ежели?—робко вырвалось у нея.

Сосѣдъ подумалъ.

— Что-жъ ежели и въ дудку... Пока подсобимъ. А тамъ—видно будетъ.

На этомъ и рѣшили.

Одинъ такой червивый ходъ оказывался свободнымъ. Когда-то давно завалило работавшаго въ немъ мужика. Хотѣли было его вызволить. да куда — не докопаться. Пришелъ попъ прочелъ надъ нежданною-негаданною могилою молитву. Должно быть, и засыпанный старатель услышалъ ее—по землѣ даже гулъ пробѣжалъ или опять порода сдвинулась, безтолково подрытая добытчиками. Послѣ того никто и не совался сюда. Сначала боялись. Бабы даже разсказывали, что въ черной норѣ показывается что-то.

— Ономнясь гляжу туда—меледится.

Потомъ такъ и позабыли эту дудку.

Во-время вспомнила о ней Анисья. Примеледится что или нѣтъ— ей дѣла мало. Нужда гнала ее въ безобразную яму, слѣдовательно— и толковать нечего. Опять-же — сосѣдъ пояснялъ ей—еще и лучше. Земля въ дудкѣ обмялась, слежалась, крѣпче стала и авось выстоитъ, Богъ дастъ не сразу задавитъ Анисью. «Она земля-то — свое получила. Душу христіанскую загубила—и сыта!»

— А и задавитъ—міромъ дѣтей прокормимъ.

Еще-бы,—тогда у этого міра будетъ поводъ придти на помощь ея сиротамъ. А такъ, по пустому, онъ и не шевельнется. Дышешь еще— сама о нихъ промышляй. Ну, а завалило—нашъ чередъ...

Другого просвѣта не оказывалось. Надо было довольствоваться и этимъ.

XII.

Дома нашлась старая «колоша». Отцы-то вѣдь сплошь въ дудкахъ рылись. И воротъ отыскался. Кое-гдѣ приладила деревянныя заставки Анисья, гвоздями скрѣпила. Пришелъ тотъ-же сосѣдъ, посмотрѣлъ. «Авось выдержитъ! И ты вѣдь не очень ужъ чтобы чижолая была... Канату вотъ надо добыть. У меня есть—я тебѣ дамъ... Со временемъ какъ отработаешься — заплатишь». Вопросъ о грошевой веревкѣ былъ до такой степени важенъ, что надъ осиротѣвшей бабой будто небо раскрылось. Она даже въ ноги поклонилась сосѣду и тотъ это принялъ, какъ должное. Благодѣтелемъ ей выходилъ. Тоже вѣдь и самъ не міроѣдъ, не богачъ, даромъ такимъ сокровищемъ поступиться не могъ, хоть и жалѣлъ Анисью.

— Ничего, ничего, дыши... Ну, а отдышишься, тогда...

И это для нея было истинною находкой.

Онъ на другой день помогъ ей отыскать старую, заброшенную дудку среди рыжихъ и неприглядныхъ бугровъ пустыннаго края.

Вбилъ туда двуногій воротъ съ перекладиной. Спустилъ Анисью въ старой колошѣ... Веревка остановилась и ослабла. Значитъ баба внизу.

— Цѣла-ли?—крикнулъ онъ ей, надсаживаясь.

Невѣдомо даже къ кому это относилось. Къ ней или къ подновленной «колошѣ».

Что-то прогудѣло въ отвѣтъ.

— Ну и слава Богу... Руду дѣтки вытянутъ, а вечеромъ я приду помочь...

Сынишка и дочка остались одни надъ черною дырою...

— Схоронили, мамку-то? — спросила дѣвочка, таращa на брата испуганные глаза съ бѣлесыми рѣсницами.

— Болтай здря!—крикнулъ на нее тотъ.

Онъ въ качествѣ будущаго мужика тоже не допускалъ никакихъ фантазій... Ему надо было зорко слѣдить, вѣдь малышъ уже помогалъ матери. На это у него хватало силенки. Невѣдомо откуда и пришла она. Жилъ въ холодѣ да въ голодѣ, а мускулы—единственное его право на существованіе—какъ ни какъ да развились. Пока окрѣпнутъ—ждать было некогда. Судьба не баловала.

XIII.

Кругомъ пусто... Ближайшую дудку не видно... Сухое былье, — вѣтеръ тронетъ—разсыпается ѣдкою пылью. Рыжіе бугры... Тучи по небу—вся земля въ тоскѣ. Веселаго луча не блеснетъ — стоитъ осень, а за нею придетъ зима неоглядная и все схоронитъ, обвивъ въ однообразный саванъ. Сидятъ дѣти у черной дыры — молчатъ. Дѣвочка и поиграла-бы, да братъ серьезно настроенъ, не до того ему. Слѣдитъ за веревкой, что пропадаетъ внизу во мракѣ... Заколышется и забьется она—значитъ коробъ готовъ, надо его вверхъ выматывать... Сброситъ шапку парнишка, чтобъ не мѣшала, даже, бываетъ, полушубокъ сниметъ, схватитъ воротъ и давай его вертѣть, напрягая еще дѣтскіе мускулы. Дочкѣ тоже—забота. Она помогаетъ ему, изводитъ послѣднюю крохотную силенку. Муха мухой, а потѣетъ и пыжится и не для забавы, — а по своему настоящее дѣло совершаетъ. Потъ на лбу, жилы натягиваются — вотъ-вотъ выступятъ черезъ тонкую, еще негрубѣвшую кожу и лопнутъ. Ноги скользятъ по направленію къ дырѣ этой черной. Надо и о томъ подумать, чтобы не упасть въ нее. Дыханіе съ трудомъ и болью вырывается изъ дѣтской груди, на глазахъ слезы... Визжитъ дерево въ воротѣ, злобно скрипитъ туго натянутый канатъ, тяжело подымается корзина. Ее еще и не видать въ .дудкѣ, — а у дѣтей, кажется, и мочи нѣтъ больше. Вотъ-вотъ выпустятъ воротъ и развиваясь съ шумомъ, вытянется веревка

и коробъ шлепнется въ сырую слякоть внизу. Нѣтъ, слава тебѣ Господи! Показался — чуть чуть мерещится. Опредѣляется. И видятъ дѣти, что мать пожалѣла ихъ—не до верху наполнила, а вѣдь чуть не надорвались надъ нимъ. Покачиваясь, «колоша» подымается въ уровень съ устьемъ дудки. Парнишка зацѣпилъ крюкомъ, подтянулъ къ себѣ и вывернулъ въ готовый уже бугоръ руду. Съ мягкимъ шумомъ разсыпается бурая отторгнутая у таинственнаго мрака порода. Желтыя пятна охры на ней. Красныя капли, будто Анисья брызнула на нее кровью... Дѣвочка упала — и вся блѣдная едва-едва переводитъ дыханіе. Рвало ее даже на первыхъ порахъ — пока не привыкла, пока между бѣлыми совсѣмъ бровями не прорѣзалась поперекъ морщинка и дѣтское личико не сморщилось, не приняло старческаго выраженія. Скоро Анисья замѣтила, что дочь и рости перестала — да вѣдь что дѣлать. Одному братишкѣ не справиться и его пожалѣть надо и оставить сестренку не на кого... Народъ въ такихъ случаяхъ — не сантименталенъ. Дай жалости волю—пожалуй и дѣтей топоромъ зарубишь и сама повѣсишься. Не приведи Богъ. Какъ-бы ни быть – лишь-бы жить.

XIV.

Долго и трудно тянулся день.

Дѣвчонка—хоть-бы отошла отъ дудки... На первыхъ порахъ ее и тянуло. Въ сухой и жалкой травѣ хоть хилые и блѣдные, а улыбались цвѣты. Болѣзненно улыбались—но вѣдь это все-таки цвѣты, ими земля молится небу. Каждаго ребенка они зовутъ—подойди, полюбуйся—вѣдь не даромъ мы выпили у почвы ея лучшіе творческіе соки, не попусту складывались въ незамѣтныя почки и спали въ нихъ, пока солнечный, рѣдкій солнечный лучъ не разбудилъ насъ. Посмотри, какъ мы хороши, ты вѣдь лучшихъ не видѣла... Она и подходила къ этимъ кроткимъ дѣтямъ тощей и суровой земли, но усталость донимала, и дитя падало—гдѣ попало, вытягивая истомленныя ножки, дышало у самой дудки, остуживая грудь ея острыми испареніями. Не по лѣтамъ молчалива сдѣлалась. Отойдетъ, опрокинется на спину, въ тучи смотритъ. Тихо, тихо ползутъ. Клубятся и снова растворяются и насквозь ласковая синь мерещится. Погонитъ ихъ вѣтеръ, унесетъ и вдругъ съ полнеба лазури—и загорятся рыжіе бугры и, словно золото, заблеститъ охра и засвѣтятся блѣдные цвѣточки. Не надолго только. Опять надвигается враждебная свѣту и свободѣ марь, тихо, тихо затягиваетъ бездонную глубину и уже нѣтъ привѣтливой сини... Гаснутъ краски, блекнетъ степь. Дали тонутъ въ сѣрой мути, и въ душѣ она-же! Нѣтъ ей конца и краю... Вонъ далеко, далеко ѣдутъ телѣги... Скрипъ ихъ сюда доносится. Это за рудою съ завода: дѣти

оживляются—все забава. Нѣсколькими буграми меньше станетъ. Очистится мѣсто для новыхъ. А то ужъ и валить некуда—приходится далеко тащить коробья. Да и мужицкія лица привѣтливо смотрятъ на парнишку съ сестренкой... «Ну что, малыши, дышите?»

— Дышимъ, дяденько.

— Ахъ вы сироты, сироты!..

И неожиданная ласка слышится въ строгихъ голосахъ. Точно въ нихъ струна какая-то вздрагиваетъ. И долго потомъ хранится въ душѣ у дѣтей съ непривычки разнѣживающій ихъ отзвукъ.

Вечеромъ съ своей дудки приходилъ сосѣдъ.

Онъ подымалъ Анисью—у брата съ сестренкой не хватило-бы силы на это.

Но такіе дни были еще сравнительно счастливыми.

Когда съ утра начиналъ дождь, да вѣтеръ уныло свисталъ и метался по безотрадной степи,—грустно и тяжко приходилось ребятамъ. Пріюта на всемъ этомъ холодномъ просторѣ не было. Влага ихъ пробивала насквозь, знобилъ и остуживалъ вѣтеръ... Каждая косточка ныла и жаловалась—кажется въ бугоръ съ рудою рады-бы заползти и закопаться, а дѣло не ждало. Веревка колыхалась и дергалась у ворота, и въ шумѣ непогоды опять тоскливо скрипѣло старое дерево, и съ подозрительнымъ хрипомъ изъ натуженныхъ грудей, обрываясь, выходилъ воздухъ,.. Усталая дѣвочка падала мокрымъ лицомъ въ мокрую землю... А тучи все ползли да ползли, плача надъ ребенкомъ и пробивая его жалкое хилое тѣльце холодными безпощадными слезами.

— Хорошо-бы...—отдышавшись, иногда начинала она.

— Чего?—спрашивалъ ее братъ.

Въ немъ скорѣе погасли желанія и мечты. Зато ея душа была живучѣе и порывалась еще къ чему-то. Къ чему? развѣ она знала...

— Чего хорошо-бы?—недоумѣвалъ онъ.

— А что-бы...

— Ну?

Она задумывалась. Въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣлить смутную жажду недающагося ей счастія? Молчала-молчала и, когда мальчикъ уже забывалъ объ этомъ, она вдругъ разрѣшалась:

— А чтобы тепло... И каша горячая, съ паромъ... И спать-бы потомъ.

Жаль, что она не прибавляла: «никогда не просыпаться!» Въ этомъ-бы для нея было дѣйствительное и большое счастье.

XV.

«Хорошее» мерещилось ей неясными призраками. Намѣтится—дѣтская мысль, казалось, вотъ-вотъ схватываетъ ихъ, и вдругъ оно разсѣевается и опять ничего, кромѣ тумана, въ которомъ уже не разобраться. Руками возьми—онъ между пальцами расползется, не оставивъ слѣда. Только и можно было опредѣлить это словами «хорошо-бы». Гдѣ эта несчастная дѣвочка видѣла лучшее, на что она могла-бы промѣнять свою дѣйствительность? Развѣ праздники—да у старателей они рѣдки. Домна безперечь руду жретъ. Ее не остановишь—эту жадную пасть чудовищной печи, переваривающей чугунъ. Ей каждый день подавай и уголь, и флюсы, и желѣзистую породу. Пошелъ рабочій на такое дѣло—не будетъ ему отдыха и въ воскресенье... Хорошо-бы!.. Всегда жить въ избѣ—да чтобы она не была выстужена, а натоплена во всю... И пусть въ ея печи кипитъ и спѣетъ въ горшкахъ всякая ѣда. Вынешь—паръ отъ нея. Одно воспоминаніе объ этомъ парѣ до боли щекочетъ обоняніе озябшей дѣвочки. А потомъ—баня. Передъ большимъ Христовымъ праздникомъ топили ее. Мать повела дочку съ собою. Начала мыть ее, да вдругъ какъ припадетъ къ маленькому, слабому тѣльцу, къ худымъ и ужъ искривлявшимся ножкамъ—и заплачетъ! О чемъ? Дѣвочка не знала—только чувствовала, какимъ огромнымъ и безотходнымъ горемъ изводится надъ нею Анисья. Такимъ огромнымъ, что на него и словъ не было въ ихъ бѣдномъ языкѣ. Не опредѣлить... Какъ тутъ высказать, что мать рыдала и надъ настоящимъ, и надо всѣмъ долгимъ и мучительнымъ будущимъ своего ребенка, надъ каждымъ днемъ его, надъ всякою минутою. Надъ усталью немощнаго тѣла, надъ истомою души, такъ рано познавшей горе, надъ меркнущимъ взглядомъ очей, которымъ несуждено загорѣться ярко и радостно, надъ хриплымъ голоскомъ, разучившимся смѣяться тогда, когда все еще уходитъ въ смѣхъ и забаву. Дѣвочка тоже заплакала. «Ну, чего, ну, чего ты... брось... такъ я!..» поднялась внезапно овладѣвшая собою мать.

— Оставь, чего еще! Вотъ праздникъ... Завтра щи сварю....

— А потомъ опять въ дудку?..

Та не отвѣчала.

Эта черная, жадная пасть затерявшейся вдали дудки даже и отсюда въ праздникъ тянула къ себѣ. Она вѣчно была раскрыта, каждую минуту готовилась проглотить Анисью... Нехотя отдавала она эту женщину скупому на краски вечеру, и утромъ опять, торжествуя, ждала ее... И Анисья чувствовала, что вѣдь никогда, никогда не уйдетъ отъ нея... Только и жизни, что у этой пасти...

— А если-бы не идтить туда... въ дудку?—допрашивала дѣвочка.

— Тогда-бы и щей не было и баньку мы-бы не затопили...

— Въ печи-бы мы помылись, какъ у Слюнки...

Такъ звали ея подругу.

— Печь затопить—дрова надобны...

И дѣтская головка опять начинала работать надъ смутнымъ и труднымъ, не дававшимся ей: «хорошо-бы!»

XVI.

Не надолго, впрочемъ, но и въ этой жизни былъ просвѣтъ.

Только, какъ заря въ туманѣ, блеснулъ, облилъ все розовыми тонами и исчезъ, когда ему слѣдовало разгорѣться во всю...

Долго потомъ дѣти вспоминали объ этомъ, но время стерло его и когда, много спустя, они оглядывались — тамъ, какъ въ этой степи, все было чахло, блѣдно, тускло и непривѣтно...

Сидѣли они разъ у ворота—вдругъ вдали показался прохожій. Такихъ они еще и не встрѣчали. Молодой, болѣзненный. Остановился, кашляетъ, а улыбнется—такъ добромъ на всѣхъ и повѣетъ. Лицо вдумчивое, глаза пристальные. Увидалъ дѣтей—подошелъ, присѣлъ.

— Откуда вы?..

— Изъ села...

— Что-же вы тутъ дѣлаете?

Тѣмъ, впрочемъ, и отвѣчать не пришлось, самъ онъ увидѣлъ.

Задергало внизу веревку. Кинулись они къ вороту... Дѣвочка вспыжилась, налегая на него, всѣмъ своимъ тѣльцемъ, какъ вдругъ ее въ сторону отвело. Смотритъ она—прохожій сталъ за нее и лицо у него странное, изъ глазъ слезы сыплются, судороги бѣгутъ по блѣднымъ, исхудалымъ чертамъ... Вытащилъ съ братомъ «колошу». Руки вытянулъ, разминаетъ ихъ.

— Неужели ты, крошка, всегда такъ возишься?

— А то какъ?

Онъ опустилъ голову, точно виноватый. Сѣлъ съ ними опять, да такъ до вечера проработалъ. Пришелъ сосѣдъ вытащить Анисью—удивился.

— Ты откуда, миляга?

— Издалека...

— А куда идешь-то?

— Еще и того дальше...

Удивилась дѣвочка. Съ дѣтьми ласковъ. Въ цѣлый день Богъ знаетъ сколько и чего онъ не разсказалъ имъ, а тутъ вдругъ обрѣзало его точно... Впрочемъ, въ село вернулся съ ними, ночевалъ въ избѣ у Анисьи. Сходилъ куда-то, самоваръ добылъ. Потомъ узнали—

у цѣловальника выпросилъ. Чаю и сахару купилъ. Напоилъ дѣтей. Самъ-то все больше около дѣвочки. Подливаетъ да подливаетъ ей. Она хоть вспотѣла вся, а отъ вкуснаго напитка отказаться не можетъ. Весь-бы самоваръ опорожнила, когда-бы мѣста у нея хватило. И сахаръ ей придвигаетъ, сколько хочешь грызи его! Вкусный сахаръ-то! Пила она пила, да такъ согрѣлась, что уронила смокшую голову ему на руки и заснула. Анисья даже не поняла, что это за человѣкъ. Какая у него нѣжность къ дѣтямъ. Сидитъ — не шелохнется, чтобы дѣвчонку ея не потревожить... Утромъ опять съ ними пошелъ на работу, и лицо у него потемнѣло, и про себя бурчитъ что-то; вслушалась Анисья и ничего, правду сказать, не сообразила.

— Всѣ виноваты, всѣ мы въ долгу!..

Передъ кѣмъ виноваты, у кого въ долгу?

Одѣтъ мужикомъ, а только руки у него нѣжныя и говоритъ не обычно какъ-то. Да и некогда мужику такъ дѣтишекъ жалѣть. Самъ выросъ въ строгости. Не холили его — и не пойметъ онъ, чего тутъ надъ ранней работой ихъ изводить душу. Ну а этотъ—точно у него жилы тянули—больно ему до смерти было на дѣвчонку глядѣть. Такъ и сегодня не позволилъ ей за воротъ взяться... Уложилъ ее на рыжій бугоръ, снялъ съ себя полушубокъ, закрылъ.

— А тебѣ-то... не холодно?

— Спи-спи...

Она закрыла глаза, а сама боится. Что-то это значитъ? Никогда еще такого не бывало. Какъ загнанный и забитый щенокъ, и пріятна ему ласка и труситъ ее. Сама подставляетъ спину и въ то-же время дрожитъ и повизгиваетъ отъ страха... Она, впрочемъ, не долго недоумѣвала. Тепло ее охватило всю—и заснула, точно на какое-то мягкое дно опустилась... такъ до вечера почти проспала. Проснулась—видитъ сидитъ ея новый другъ съ братомъ ея и разсказываетъ ему что-то, а у того глаза радостно свѣтятся и ротъ раскрылся—такъ-бы онъ, будь только крылья, и улетѣлъ куда-то. Куда?

XVII.

Слушала-слушала его дѣвочка. И въ этотъ и въ другіе дни—и все-таки ничего понять не могла.

Понять не могла, но сердце ея, точно спавшій въ почкѣ цвѣтокъ, раскрывалось солнечному лучу. Ее грѣли слова новаго друга. Она даже глаза закрывала, такъ ей хорошо было, когда говорилъ онъ.

И любить-то надо всѣхъ, и помогать каждому. Не о себѣ одномъ думать, а чтобы всѣмъ хорошо жилось. Тогда-де и Ивана Ѳомича не станетъ.

— А куда-жъ ему, Ивану Ѳомичу? — раздумчиво спрашиваетъ братишка, пока канатъ недвижно виситъ съ спокойнаго ворота.

— Пропадетъ Иванъ Ѳомичъ.

— Нельзя ему пропасть... У него денегъ много. Онъ у насъ первый господинъ.

Вишь ты — и Иванъ Ѳомичъ другимъ сдѣлается. Чудеса. «Что-бы онъ пришелъ да сказалъ—вотъ берите, братцы, поправляйтесь, а я такъже, какъ и вы, работать стану». Дуракъ онъ что-ли, въ дудку лѣзть, либо у домны на огнѣ жариться, да голую спину морозу подставлять. Какъ-же. Сказки—но отъ сказокъ этихъ весело и на душѣ сладко... Одинъ только разъ озлился странникъ. Хотѣлось-ли ему убѣдиться, на какую почву доброе сѣмя попало, что-ли, онъ и спроси у братишки ея:

— Ну вотъ выросъ ты, разбогатѣлъ, что дѣлать ты станешь?

— Дѣлать?... Ничего...

— Какъ ничего...

— Да такъ! Что-жъ мнѣ и дѣлать-то, коли у меня деньги? Ну заводъ поставлю, пущай другіе на меня работаютъ.

Даже побѣлѣлъ тотъ и брови нахмурилъ. Едва успокоился.

— Что съ тебя, дурака, и спрашивать, если и поумнѣе да и тѣ...

Но тутъ ужъ дѣвочка ничего больше не слышала. Глаза ея опять слипались, вѣтромъ вѣяло—подъ чужой полушубокъ влѣзла и забылась. Тогда только и очнулась, какъ ей стало холодно. Открыла глаза, полушубокъ-то уже на немъ, а около стоитъ мать и сосѣдъ... Домой пора и опять ее поили чаемъ до седьмого пота!..

XVIII.

Дѣвочка думала; такъ уже и всегда будетъ! Видимо, разсчитывала безъ того, что древніе называли фатумомъ. Въ данномъ случаѣ этотъ фатумъ не заставилъ себя долго ждать. Онъ явился въ видѣ становаго, который вечеромъ (работы были уже кончены) съ «малиновымъ» звономъ лихо подкатилъ къ ихъ избѣ, коротко спросилъ сотскаго: «здѣсь?», и, получивъ утвердительный отвѣтъ, осчастливилъ Анисью своимъ посѣщеніемъ. У начальства глазъ, видимо, былъ наметанъ. Не останавливаясь, подошелъ прямо къ новому ихъ пріятелю и весьма вѣжливо спросилъ его:

— Вы будете?

Тотъ потемнѣлъ.

— Что вамъ угодно?

— Имѣю предписаніе... По жалобѣ вашего батюшки. Непристойно званію ведете себя.

— У меня паспортъ.

— Это все равно-съ. Приказано доставить васъ къ родителю.

— Я въ правѣ располагать собою, какъ хочу.

— Законъ, точно, не возбраняетъ, но у насъ, если не изволите знать, кромѣ закона, существуетъ инструкція. Впрочемъ, безпокоиться нечего. Кромѣ удовольствія, ничего не будетъ. По примѣру Евангельскаго блуднаго сына! Ваша матушка—дамы достойныя—тоже ѣздили къ губернатору. Потому, ежели вамъ угодно путешествовать,—пожалуйте въ вагонъ, либо коляску запречь прикажите, а то, помилуйте, эдакой моціонъ, да еще въ несоотвѣтственномъ костюмѣ. Вы вонъ даже лаптями не гнушаетесь, а у насъ мужикъ давно въ сапогахъ ходитъ.

— Это не ваше дѣло.

Весь покраснѣлъ и такъ крикнулъ молодой человѣкъ, что у Анисьи, какъ она потомъ сама разсказывала, животъ оборвался отъ страху. Легкое дѣло — на станового! Ну, тотъ ничего, не шелохнулся, только тихо спросилъ:

— Угодно вамъ со мною или съ понятыми?

У ихъ пріятеля руки дрожали, когда онъ прощался съ ними. Скомкалъ въ рукѣ красненькую, сунулъ ее дѣвочкѣ: «это чтобы тебя чаемъ поить»... И брата не забылъ.

— Помни, что я тебѣ говорилъ — надо жить по правдѣ, чтобы всѣмъ хорошо было...

Становой терпѣливо дождался — но, садясь въ тарантасъ съ нимъ, для порядка сунулъ кулакомъ въ скулу сотскому. Опять звонъ, тройка сытенькихъ коней исчезла за селомъ и только въ избѣ у Анисьи стало пустѣе и безпріютнѣе... Потомъ уже сотскій разсказывалъ, что это у нихъ баринъ жилъ и не просто баринъ, а «прокуратъ». «Ишь какое дѣло малое задумалъ—мужикомъ захотѣлъ быть. Экую тяготу на себя принялъ!..»

— Какой-же онъ баринъ,—раздумывала дѣвочка, вспоминая проѣзжаго молодого купца.—Вонъ, онамедни, на улицѣ точно что баринъ встрѣлся. Пьяный вихремъ летѣлъ. Поповскую свинью задавилъ, сусѣдскаго Андрюшку чуть колесомъ не переѣхалъ и еще нагайкой погрозилъ ему: «Я тебѣ, стервецу, покажу, какъ подъ господскія колеса соваться». А этотъ что-же, этотъ совсѣмъ смирный... Нѣтъ, не должно быть, чтобы баринъ!

XIX.

Началась опять прежняя жизнь...

Зимою пришибло. Дѣти мерзли. Жутко имъ было. Другія дудки-то гдѣ? Не докличешься. А тутъ волки воютъ. Нѣтъ, нѣтъ да и покажутся вдали. На бѣломъ-то снѣгу ихъ сѣрыя спины издали видны. Одинъ даже повадился у самой дудки бѣгать... Точно большая собака,

только морда острѣе, да глаза горятъ. Голодные вѣрно. На минутку присядетъ. Подожметъ подъ себя задъ и дрожитъ-дрожитъ. Посмотритъ-посмотритъ на дѣтей—да какъ оскалится, да какъ завоетъ. Разъ на него братишка—смѣлый паренекъ — съ камнемъ бросился. Ну, волкъ отбѣжалъ и опять присѣлъ, а самъ про себя точно думу думаетъ: зацѣпить, что-ли, эту хилую дѣвочку, ишь какъ трусливо къ вороту прижалась! И зацѣпилъ-бы, пожалуй, если-бы вдругъ этотъ воротъ подъ руками парнишки не заскрипѣлъ. А тамъ изъ черной дыры появилось что-то, чего сѣрый хищникъ не имѣлъ мужества дождаться. Опрометью кинулся въ сторону. Люди, вѣдь, хитры. Чего они не придумали противу несчастнаго голоднаго звѣря. Жалко имъ, видно, ничего не стоющаго ребенка. А ему-то, волку, что-жъ, помирать ради этого?

Потомъ лучше стало.

Солнечные дни начались. Сѣрыя сумерки декабрьскаго потемочья окончились. Разсвѣтало раньше и ночь приходила позже. Слѣпило даже отъ нестерпимаго блеска снѣговъ. А дѣти все одни да одни. Вѣчно скрипитъ воротъ и тянется, наматываясь на него, длинная веревка съ тяжелымъ коробьемъ. Ни побѣгать, ни поиграть! Въ февралѣ новая бѣда. Запоздавшіе морозы накинулись, да какъ! Точно имъ самимъ досадно стало: сколько времени пропало даромъ. Воротъ трещалъ. Дерево и то жаловалось. Какъ выжила дѣвочка эту пору тяжелую—должно быть ангелъ ея, что-ли, за нее молился. Зато было такихъ три-четыре дня, что Анисья и на работу не пошла. Вороны падали мертвыми. А воробьевъ мороженыхъ по улицамъ села дѣти походя подбирали. Гнусъ (мыши) со скирдъ въ дома забирался, у человѣка послѣднее его пристанище отвоевывалъ. Все побѣлѣло. Лошади точно въ серебрѣ плелись по дорогамъ, бороды въ филигранѣ у мужиковъ, а деревья-то, словно богатыя невѣсты, въ фатѣ стояли... Избы тоже бѣлымъ матомъ покрыло — побаловала зима красою. Только и баловство-то своеобычное, суровое было. Того гляди носъ, либо щеки отморозишь. Долго потомъ ребятишки мѣченными бѣгали!

XX.

— Вотъ, погоди, вернется Ефремъ...—говорила Анисья, когда становилось ужъ очень жутко.

Ефремъ давно лежалъ за Дунаемъ въ общей солдатской могилѣ, а она, эта не складывавшая рукъ женщина надѣялась на него, какъ на живого, здороваго и сильнаго. Онъ сыгралъ свою роль—одного изъ полутораста въ реляціи, а здѣсь продолжали разсчитывать на его мускулы, на его помощь и заступу. «Вотъ, погоди, вернется». И даже во снѣ бѣдной матери не мерещилась вся повитая въ эту пору сизыми ту-

манами далекая - далекая долина у причудливыхъ горъ, съ людными и богатыми деревнями и городами, въ которыхъ такъ хорошо сравнительно жилось освобождаемому нашими Ефремами народу. Милая тѣнь на зло разстоянію не стремилась оттуда на холодную родину. Исковерканныя пулями тѣла мирно въ черной ямѣ ждали трубы архангела и до этого дня что имъ было за дѣло до близкихъ и дорогихъ людей, еще совершавшихъ на землѣ тяжкія послушанія.

— Вотъ вернется Ефремъ!.

— Чего лучше!—ободряли ее сосѣди.—Тогда ты, Анисья, вздохнешь.

— Попразднуешь...

И бѣдная женщина, счастливо улыбаясь,—шла въ постылую дудку.

Она представляла его такимъ, какимъ его взяли въ рекруты. Добрымъ, простоватымъ парнемъ, горячимъ на всякую крестьянскую работу, послушнымъ. Развѣ только что съ возрастомъ силы у него прибудетъ... Чего онъ не поразскажетъ ей въ долгіе зимніе вечера. Слава Богу, навидался на царской службѣ! Да и съ старостой больше сладу будетъ. Свой «кавалеръ» окажется. Еще пожалуй съ нашивками — его послухаютъ. «Онъ поддержитъ». И отъ одной этой мысли — бодрость проникала въ истомленную грудь матери.

— Вотъ вернется Ефремъ. Ты съ нимъ попробуй!—отгрызалась она отъ сельскихъ властей.—Онъ тебѣ правилу укажетъ.

И сельская власть даже понимала—вернется Ефремъ, съ Анисьей сладу не будетъ.

Изрѣдка доходили сюда извѣстія о Плевненскихъ и Шибкинскихъ побоищахъ, служили даже молебны—и такіе и благодарственные за побѣды-одолѣнія. Сообщались ужасающія цифры убитыхъ и раненыхъ, но онѣ какъ-то странно скользили въ мысляхъ Анисьи. Ей ни разу не приходило въ голову, что ея здоровый и сильный парень могъ, какъ единица, войти въ эти зловѣщія сотни и тысячи. Его—да чтобъ убили!

— Вотъ вернется Ефремъ!—утѣшалась Анисья, скорчась въ коробѣ и тихо опускаясь на разматывавшейся веревкѣ въ безразсвѣтную могилу.

XXI.

А и жутко ей было на первыхъ порахъ!

Такъ жутко, такъ жутко, что голову кружило и тошно дѣлалось, да мысль о дѣтяхъ, остававшихся наверху у печально скрипѣвшаго ворота, заставила ее совладать съ мутью, заполонявшую ея душу.

Никогда до сихъ поръ она не работала въ вѣчномъ мракѣ. А тутъ...

Вверху еще свѣтлѣло отверстіе ея колодца, все суживаясь и суживаясь... Скоро только бѣлесая звѣздочка осталась—еще минута и она пропала.

Тьма, во тьмѣ опускается корзина по тѣсному червивому ходу. Руки протянешь, въ сырую землю его боковъ упираешься. Иной разъ коробъ качнется и Анисью бьетъ о стѣны этой дудки. Точно въ могилу уходишь—Божій свѣтъ вверху, даже это сѣрое тоскливое небо не вѣсть какимъ сказочнымъ счастьемъ кажутся. Чу, что-то жалуется. Брызжетъ. Подземная вода проточила себѣ жилку и падаетъ въ дудку... Еще — минуты или секунды? знай она разбирать ихъ, едва-ли-бы опредѣлила!—и вдругъ коробъ съ нею плюхается въ жидкую слякоть. Какими милліонами пудовъ земли и камня отдѣлена она ото всего живого, дышащаго, отъ всего, что видитъ и слышитъ. Не будь этихъ—сынишки и дочки вверху—ни за что во второй разъ она-бы не спустилась въ таинственное царство воплощающихся грезъ больного мозга, въ черную область призраковъ, гдѣ жизнь и дѣйствительность кажутся выдумками. Выбралась въ грязь, засвѣтила лампочку, вынула кирку и лопату...

— Господи благослови!

Подъ скупымъ, слабымъ, тусклымъ свѣтомъ едва-едва выступаетъ изъ непроглядной тьмы ея могила. Вонъ вверху, надъ самой головой, чернымъ бокомъ своимъ вылупился мокрый камень. Обвались чуточку — земля кругомъ рухнетъ, и отъ нея, Анисьи, слѣда на землѣ не останется. Она боязно смотритъ на него и забираетъ въ сторону—да далеко уйти некуда. Разставитъ руки и въ стѣну упрется. Дудка вверху мерещится едва-едва... Локтя на три четыре, а тамъ ея бока будто сдвинулись. Воздухъ густой, тяжелый, сырой, пахнетъ желѣзомъ и мокрой землею. Остро пахнетъ, легкія щекочетъ. На первыхъ порахъ, пока она не привыкла, ей все кашлять хотѣлось. Руки вязнутъ въ липкой грязи. Направо—другой червивый ходъ. Тамъ надо работать... Ей объяснили какъ. Показывать тутъ некому. Каждый за себя, а Богъ за всѣхъ. Сама добивайся. Вползи, перевернись на спину, лицомъ къ висящей надъ тобой рудѣ и отбивай ее, да смотри зорко,—чуть что,—она рухнетъ и похоронитъ тебя. Вѣдь надъ самыми щеками и глазами нависла она, капли оттуда падаютъ, слѣпя Анисью, бока червиваго хода подпираютъ ее. Она въ немъ точно расшатавшійся гвоздь въ гнѣздѣ. Шевелиться трудно, дышать еще труднѣе... А надо, ничего не подѣлаешь. Вѣдь работаютъ-же другіе. Чего-же ей привередничать. Выбирать не изъ чего. Будь голодъ—было-бы легче. Она съ дѣтьми пошла-бы «въ кусочки». Тогда-бы это не позорило крестьянскую семью. Ну а теперь—и грѣшно и стыдно!..

XXII.

И грѣшно и стыдно.

Лучше-же эта каторга!

Кое-какъ приспособилась Анисья. Ломаетъ надъ собою тонкій слой руды, та, падая липкою массой, закрываетъ ея лицо, грудь... Выбьется— и опять новая слѣпитъ ее... Лампочка осталась въ дудкѣ—тутъ темно. Въ глазахъ никакой нужды. Кабы руда лежала массой—стоя-бы можно работать, какъ пчела въ ячейкѣ была-бы Анисья. Но такія мѣста давно захвачены. Ей досталась разработка только этого тонкаго слоя, за которымъ надо слѣдовать, далеко точа землю червивою норою. Будь деньги — можно-бы деревянныя подпорки ставить. Все не такъ боязно, а то вѣдь шевельнись только порода—безъ шума осядутъ стѣнки этой дыры и Анисья задохнется въ своей могилѣ...

Наломаетъ руды, полулежа выгребетъ ее въ дудку — нагрузитъ «колошу» и опять, дернувъ веревку, ползетъ гвоздемъ въ свое гнѣздо. Некогда ей дожидаться, когда корзина опустится назадъ. За день, чтобы съ голоду не умереть, надо выработать не мало!... И то приказчикъ оретъ «бабу пустили, только добро даромъ портитъ!»

— А бабѣ-то ѣсть, пить, да дѣтей подымать не надо? ты что-ли, толстая твоя морда, о нихъ промыслишь!—Напали на него мужики. Слава Богу, отстояли. И за такое могильное дѣло тутъ словно за счастье какое цапаются. Изъ горла другъ у друга вырвать рады. И мужики потому только уступили ей, что тутъ одного ужъ завалило. Сдвинулась порода — и нѣтъ его. Гдѣ онъ? У Анисьи при этой мысли даже сердце забилось. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть—онъ рядомъ. Тонкимъ слоемъ слежавшейся земли отдѣленъ отъ нея. Стоитъ ей кирку поглубже вбить — и въ его разлагающееся тѣло попадетъ... Страшно было-бы — если-бы досугъ былъ думать да бояться. Когда тутъ! За себя душа, словно овечій хвостъ, дрожитъ при каждомъ ударѣ желѣза въ мягкую податливую землю...

И такъ часы за часами, дни за днями, недѣли за недѣлями... Особенно зимою!

Спустишься въ дудку—еще не разсвѣло. Или ночь хмурится густыми и тяжелыми тучами, или звѣзды печально мигаютъ изъ недосягаемой бездны. Точно слезинки смаргиваютъ на холодную, жуткую, многострадальную землю. Подымаешься—тоже самое: внизу ни зги не видно, а вверху нависла муть или тѣ-же звѣзды. Божій день — точно его не бывало... Будь на ея мѣстѣ мы съ вами — пожалуй, шальная мечта смутила-бы наши головы: не унесло-ли землю въ такія міровыя пространства, гдѣ солнца уже и не видать вовсе, гдѣ въ вѣчномъ мракѣ однѣ безсонныя очи неба таинственно сложившимися созвѣздіями глядятъ на эту печальную странницу, невѣдомо куда стремящую съ собою и на себѣ милліоны жалкихъ жизней...

Таинственно сложившіяся созвѣздія—іероглифы, начертанныя рукою Божества... Кто разгадаетъ ихъ вѣчную загадку, кто ихъ прочтетъ?..

XXIII.

Часы за часами, дни за днями, недѣли за недѣлями.

Разъ уже было рухнула на ея голову мягкая рыхлая масса. Сама отдѣлилась — Анисья еще и киркою ее не тронула. Хорошо что не ушибло. Не потеряла она сознанія и живо выползла назадъ. Выпади такая отколовшаяся порода отъ большого гнѣзда — напрасно стали-бы плакать вверху парнишка съ сестренкой. Не видать-бы имъ больше матери. И вытащить ее — не пришло-бы никому въ голову. Гдѣ тутъ! У земли не отымешь ея добычу. Что она захватила — крѣпко держитъ въ неразрывныхъ объятіяхъ. И нарушать ея право опасно. Она—эта безмолвная и, повидимому, инертная масса, лишенная смысла—мстительна по своему. Смѣльчака задушитъ подъ собою. И жертву ея не спасешь и самъ задохнешься рядомъ. Отъ такихъ дудокъ народъ слѣпо бѣжитъ и долго, по нѣскольку лѣтъ ихъ не трогаетъ, не пользуется ими. Нужно несчастіе, какое выпало на долю Анисьи, чтобы она нарушила молчаливую тайну могилы. А то-бы такъ и затянуло ту слякотью, сдвинувшейся породой, осыпями.

Когда Анисьѣ становилось не въ моготу—она осторожно выдвигалась изъ своей скважины въ колодезь дудки и садилась тамъ—въ сырость. Мѣста сухого не было. И въ червивомъ ходѣ приходилось лежать въ той-же жидкой грязи. Сухая, или мерзлая сверху, земля внизу вся отмокла... Сидитъ, бывало, отдыхая Анисья минуты за минутами, безъ мысли и безъ сознанія глядитъ на тусклый огонекъ лампочки. Внизу онъ горѣлъ еще слабѣе. Давилъ-ли его сырой воздухъ. Точно чье-то испуганное око, онъ боязливо жмурился передъ наступавшею на него тьмою, передъ этимъ молчаніемъ подземнаго страшнаго міра...

Впрочемъ, можно-ли было называть это молчаніемъ?

На первыхъ порахъ только.

А потомъ?

Ухо приспосабливалось что-ли, только Анисья въ этомъ колодцѣ различала странные звуки. Они не мѣшали тишинѣ, напротивъ—они оттѣняли ее. Точно стонъ въ нѣдрахъ, внизу.... Глухо протянется и оборвется... Кто заключенъ туда, въ стихійную темницу? Кто въ вѣчномъ мракѣ ея, не одолѣвъ тоски, посылаетъ жалобы своему палачу? Глухо, глухо... А можетъ быть и этого нѣтъ—а только чудится человѣку, рождается само собою въ возбужденныхъ нервахъ...

Вслѣдъ наступало безмолвіе. Въ немъ только вода капала, чмокаясь о слякоть внизу, да выбившійся изъ вѣчнаго одиночества ручеекъ, сбѣгая по стѣнкамъ дудки, порою всхлипывалъ, какъ ребенокъ...

Сидитъ, сидитъ бывало Анисья. Даже глаза зажмуритъ, представляя себѣ, что наверху теперь бѣлый день, вся деревня въ серебрянномъ уборѣ мороза, трубы дымятъ лиловатыми клубами въ блѣдное небо, по дорогѣ скрипятъ возы... Шумъ, говоръ... Хорошо. Такъ хорошо, что самыя обыденныя явленія тамъ разростаются въ безграничное, дыханіе захватыващее, счастіе, въ такое огромное счастіе, которое можетъ наполнить всю жизнь человѣка. И вѣдь не замѣчала она его прежде, не цѣнила. Идетъ по бѣлой улицѣ—и не знаетъ, какъ это хорошо. Дышитъ вольнымъ холоднымъ воздухомъ и не испытываетъ всего наслажденія отъ этого. Смотритъ въ даль и не только черныя стѣны не застятъ ее, но вся она передъ Анисьей съ синевато-серебристой гладью снѣга, съ туманнымъ очеркомъ рощи, съ колокольней за нею... Сегодня она выйдетъ на это счастіе, но не увидитъ его. Будетъ слѣпая ночь и только!..

XXIV.

Иногда ей приходило въ голову, что дѣти соскучились по ней.

Она становилась подъ самымъ колодцемъ и кричала имъ. Они ей отвѣчали, но звуки здѣсь, какъ все живое, стремились вонъ изъ дудки на волю и, слабые, не возвращались назадъ. Внизъ дѣтскіе голоса не шли—а силой ихъ загнать, какъ нужда загнала ее, Анисью, сюда нельзя было. Парнишка поэтому шевелилъ веревку и это колыханіе во мракѣ было единственнымъ отзывомъ оставленныхъ на поверхности земли ребятъ. Безмолвнымъ, но все-таки отзывомъ. Точно ихъ душевная ласка бѣжала внизъ по этому канату, чтобы нѣсколько грустною радостью расшевелить сердце матери.

— Мы всякій разъ тебя слышимъ, мамка! — говорилъ ей потомъ парнишка.

Случалось, чтобы одолѣть тишину, тысячами черныхъ и слѣпыхъ признаковъ обступавшую ее въ дудкѣ, Анисья пѣла. Страненъ былъ такой напѣвъ въ могилѣ... Издали по степи онъ, если достигалъ слуха человѣческаго, казался подземною жалобою заживо схороненнаго. И вздрагивало сердце у случайнаго путника, и ему самому плакать хотѣлось надъ чьею-то ужасною долей. А вѣдь пѣсня иногда внизу здѣсь была веселой и веселыя слова повторяла, только земля—или еще лучше мать сыра-земля—ее переводила людямъ наверхъ иначе безотрадною тоскою. Напоется-насидится бывало Анисья и вдругъ такъ и полыхнется.

— Что я! Сколько времени-то пропало. Я-бы короба три пожалуй насыпала.

И всего только на пятакъ прогадала, а и это выростало передъ нею въ громадное, наоцѣненное несчастіе.

Она заползала въ свою слѣпую жилу и, уже не думая о томъ: завалитъ ее порода или нѣтъ, торопилась наверстать время, пропавшее, по ея мнѣнію, даромъ. Осыпалась и плюхалась мокрыми комьями руда, выпадали изъ гнѣздъ вкрапленныя въ нее камни — Анисья въ жару не замѣчала ничего. Ей не до того было. Только вечеромъ, умываясь, дома видѣла синяки и ссадины на своемъ отощавшемъ и искалѣченномъ тѣлѣ. Коробъ за коробомъ подымался вверхъ, пропадая во тьмѣ и сквозь его переборку прямо на голову Анисьи лилась грязная жидкость, просочившая руду. Залежь была жалкая, тонкая, потная — на что ужъ мужики кругомъ и тѣ не завидовали Анисьѣ. Приказчикъ ругался, но больше по привычкѣ. Нельзя-же бабу не строжить. На то она и баба!

Разъ въ такомъ мракѣ, когда она, лежа на спинѣ, отбивала надъ собою руду, ей вдругъ послышался ударъ колокола.

Должно быть родился въ ея возбужденномъ слухѣ, но ее всю такъ и вздернуло судорогою холоднаго ужаса. Она сама потомъ не знала, какъ очутилась въ дудкѣ, крѣпко прижавъ рукою полыхавшееся сердце. Колокола уже не было. Только, казалось, кругомъ этотъ застоявшійся и влажный воздухъ дрожалъ еще отъ его удара... Она съ испуга лампу уронила. Керосинъ пролился и фитиль погасъ. Теперь и здѣсь слѣпая тьма. Поискала спичекъ — нашла. Зажгла одну. Желтый огонекъ вытянулся, помогъ ей поднять лампу. Засвѣтить ее уже нельзя было... Желтый огонекъ припалъ къ самымъ пальцамъ Анисьи, обжогъ ихъ. Она уронила его... Какъ жутко стало. До сихъ поръ, работая, она знала, что въ десяткѣ шаговъ ея червивая нора выходитъ въ освѣщенную, хотя и скудно, дудку. Теперь и этого не оставалось.

Ощупью она нашла эту нору. Всползла и заработала...

Какъ жутко... Но черезъ два часа Анисья освоилась. Пожалуй въ этомъ царствѣ подземнаго мрака глаза, а слѣдовательно и свѣтъ, не очень ужъ нужны человѣку, какъ червяку въ гниломъ деревѣ.

Только когда вышла наверхъ, поняла, что впередъ надо быть осторожнѣе.

Вмѣсто желѣзной руды—пропасть пустой породы...

Потомъ ругалъ-ругалъ ее приказчикъ, даже дармоѣдкой называлъ.

— Бога не боитесь,—оралъ онъ.—Думаете у Ивана Ѳомича-то краденыя деньги...

И Анисьѣ было стыдно. Она, дѣйствительно, на этотъ разъ чувствовала себя воровкой.

— Ну ужъ какъ-нибудь... Въ другой разъ не буду. Нѣшь, я виновата!

— А то нѣтъ. Небось, въ другой разъ я тебя изъ дудки-то въ три шеи...

И дѣти стояли понурившись.

Они тоже чувствовали великую вину матери, болѣли за нее душой и, пожалуй, тоже стыдились.

Еще-бы, копеекъ на семь потерпѣлъ Иванъ Ѳомичъ.

Какъ-же малой душѣ не ворошиться и не чувствовать свой безмѣрный грѣхъ передъ нимъ, кормильцемъ ихъ отца и ея мужа!..

XXV.

День за днемъ, недѣля за недѣлей.

Весь міръ заслонило ея—въ самой малости и незначительности такое большое и важное дѣло. Весь міръ! Правда въ великіе праздники въ церкви живая душа подымалась не вполнѣ сознаннымъ порывомъ къ чему-то другому—свѣтлому, теплому, радостному. Но жизнь не давала силъ и простора такому порыву. Онъ замиралъ, не успѣвъ выразиться, только истовѣе крестилась Анисья да пристальнѣе впивалась ужъ подслѣповатыми глазами въ серебряный вѣнчикъ иконы, едва ей мерещившійся сквозь нагрѣтый огоньками восковыхъ свѣчъ и точно вздрагивающій воздухъ. Эта нескладывавшая рукъ работница едва-ли могла человѣчески опредѣлить, чего она ждетъ отъ молитвы, отъ с рогаго лика угодника, проникновенно глядѣвшаго ей въ душу. Такъ—тянуло ее всею ея безконечною скорбью къ нему, какъ тянетъ желѣзо къ магниту. Вѣдь и желѣзо не разсуждаетъ и магнитъ ничего ему не приказываетъ. И уходила Анисья отсюда облегченной. И она не отстала отъ людей, и у нея, какъ у прочихъ, свой праздникъ оказался. Легче становилось во всякомъ случаѣ отъ сознанія, что она въ уединеніи и вѣчномъ мракѣ грязной дудки не отстала отъ міра, не разобщилась съ другими, что и думаетъ, и чувствуетъ, и молится заодно съ ними... Глядя на нее, крестились и ребята. Дочка еще понимала плохо. Обернется—видитъ, что мать кладетъ земные поклоны, и малютка—тоже. Такъ-де слѣдуетъ. Какъ мамка, такъ и я... И Анисья радовалась ей, особенно замѣчая на чьемъ-нибудь лицѣ при этомъ добрую улыбку. Точно эта улыбка издали ласкала ее. Но праздники съ ихъ короткимъ отдыхомъ проходили скоро. Отоспаться, отдышаться не успѣешь, какъ еще задолго до разсвѣта нужда гонитъ въ дудку. Другимъ-то можно и позже. Мужикъ вѣдь не такъ работаетъ. На что у нее не хватитъ силы, приходится наверстывать временемъ!.. И, бывало, темень еще надъ землей и слизлая сырость стоитъ, и звѣзды сквозь нее не проникаютъ, а Ефремова вдова идетъ за село, въ степь съ сыномъ и дочкой, поддерживая послѣднюю. Мала еще дѣвчонка, никакъ не можетъ раскрыть на ходу слипающихся вѣкъ. Оставь ее, носомъ въ снѣгъ угодитъ, спать хочется — и со-

питъ, какъ сонная, а расшевелишь ее—хнычетъ... И задолго до свѣта начинается обычная каторга...

Вечеромъ Анисья знала, когда ей выходить.

Въ лампѣ къ тому времени уже изсякалъ керосинъ и, когда парнишка клалъ въ корзину камень и спускалъ, Анисья понимала, что сосѣдъ пришелъ поднять и ее, по пути со своей дудки...

Разъ только случилось иначе и она долго забыть не могла этого... Да и трудно было-бы въ гнетущемъ однообразіи ея жизни.

XXVI.

Солнце зашло въ чистое небо.

Даже весело стало дѣтямъ, когда день отгоралъ въ океанѣ живого огня, обливавшаго розовыми тонами безконечные снѣга. Облачко запоздало въ голубой безднѣ и затлѣло по краямъ и его тронуло полымемъ заката. На все онъ бросилъ обманчивый волшебный отсвѣтъ. И на дерево ворота, позолотившагося передъ ихъ глазами, и на рыжіе бугры, заигравшіе такими переливами яркихъ, почти эмалевыхъ красокъ, какихъ нѣтъ и не будетъ въ распоряженіи человѣка-художника.

Солнце спряталось — вечеръ стылъ въ прелести меланхолическаго замиранія, въ нѣжной скромности красокъ. Тихо-тихо гасли снѣга и сама ночь не хотѣла, казалось, надвинуться разомъ съ востока съ своею марью и мракомъ. Будто ей было жаль этого очарованія! Въ глубинѣ надъ землей заискрились звѣзды...

Стоялъ уже февраль, дни прибавились...

Давно-бы слѣдовало придти съ своей дудки сосѣду, а его и не слышно.

При этомъ освѣщеніи, въ лазоревыхъ сумеркахъ, издали-бы его увидѣлъ парнишка. Онъ и то взбѣжалъ на бугоръ и оттуда пристально воззрился туда, откуда вѣяло обмораживающимъ вѣтромъ. Нѣтъ... Вонъ впереди погнало бѣлую струйку снѣга, вскинуло ее, точно кто-то невидимый полохнулъ саваномъ... Полохнулъ и улегся. И ничего кругомъ... Побѣжать-бы на встрѣчу сосѣду, да тутъ заколыхалась веревка— надо вытаскивать коробъ съ рудою. И еще, и еще — а того нѣтъ какъ нѣтъ... Что съ нимъ случилось?.. И вечеръ отгорѣлъ и ночь наступила, но такая удалась пора, что на всемъ просторѣ кругомъ воздухъ оставался и чистъ, и прозраченъ. Вонъ, далеко-далеко, огоньки села... Проступятъ и опять исчезнутъ... Крупнѣе другихъ желтое пятно костра. Опять вѣрно пристали обозы. Двора для нихъ нѣтъ—въ полѣ въ стужу несносную часто заночевываютъ... И этотъ, видно, только что подошелъ. Желтое пятно ростетъ и густѣетъ. Въ немъ слабый язы-

чекъ пламени намѣтился. Колышется — должно быть, раздуваютъ его, ишь едва-едва мерещится струйка дыму — такъ и уходитъ въ небо... Вѣтеръ замеръ...

А сосѣда нѣтъ... нигдѣ не видать!

Парень испугался. За мать—главное. Она вѣдь еще и не знаетъ. Неужели-же до завтра въ дудкѣ останется? Вѣдь ему съ сестренкою ее не вызволить оттуда. Еще хуже, если приподымутъ. Вырвется воротъ изъ рукъ—и расшибется мать внизу...

Мальчикъ отвернулся отъ сестры... Боялся, чтобы та не замѣтила его растерянности. Расплачется вѣдь, бѣдняжка. А онъ жалѣлъ ее. И то нѣтъ-нѣтъ да и захнычетъ—«домой хочу... Пусти меня домой... Пора!

Одна не дойдетъ. Первый волкъ схватитъ и унесетъ ее въ лѣсъ...

Какъ будто отвѣчая ему на это, гдѣ-то завыло. Холодомъ обдало парнишку.

— Это волкъ опять?—спрашиваетъ насторожившаяся сестренка.

— Кому-жъ быть-то?

— Ѣсть проситъ... Голодный волкъ-то... Сенька, а Сенька... Мнѣ волка жаль!..

XXVII.

Подождалъ, подождалъ еще малышъ и вдругъ ему самому страшно сдѣлалось.

Что нибудь случилось съ сосѣдомъ, какъ-же дать знать объ этомъ Анисьѣ?

Онъ сказалъ, наконецъ, сестренкѣ, та разревѣлась.

— Мамка, а мамка,—закричала она въ черную пасть. Но вѣдь внизу ее не могли услышать.—Мамка, боюсь... Боюсь...

Одно оставалось—спустить дѣвочку туда въ корзинѣ... Самому-бы лучше, да кто-же его подыметъ, а съ сестрою онъ-бы легко справился. Она во всякомъ случаѣ куда легче руды, столько разъ вымётываемой имъ оттуда. Совладаетъ-ли только сестра съ своимъ страхомъ? Что какъ выскочитъ и разобьется о камни... И на это средство есть. Снять съ себя гашникъ, длинный вѣдь онъ, и привязать ее. Мать внизу отвяжетъ...

— Вотъ что... Ты-бы посмотрѣла мамку...

Та сначала не поняла, наклонила надъ дудкою головку.

— Не видать!

— Такъ нельзя. Надо туда въ коробѣ... Я-бы тебя назадъ поднялъ. И мнѣ-бы разсказала, что мамка дѣлаетъ.

Сестра еще разъ взглянула внизъ и вдругъ попятилась.

— Нѣ... темно... Не хочу.

—А то до утра придется ждать... Намъ вѣдь не поднять ее,

— Не хочу... Боюсь... Боюсь...

И точно опасаясь, что братъ ее силой сброситъ, отбѣжала прочь и руки даже передъ собою вытянула, а сама дрожмя-дрожитъ.

— Ну тогда ночевать тутъ!

Снизу послышался окликъ. Должно быть, Анисья, хоть у нея и не отличалась ночь ото дня, по лампѣ поняла, что давно пора вонъ изъ подземной темницы. Еще... Парнишко отозвался ей, самъ соображая, что все равно голосъ его не донесется туда.

— Поди мамка плачетъ теперь...

— Чего?..—издали спрашивала сестра.

— Думаетъ, мы убѣгли. Одну ее оставили...

— Ну еще!

Дѣвочка о такой подлости и помыслить не могла. Мать не знаетъ ихъ что-ли, чтобы даже представить себѣ нѣчто подобное!

— Еще-жъ-бы...

— А страшно внизу?—колебалась сестренка.

— Ничего страшнаго... И въ коробѣ—точно въ колыскѣ... Я тихо спускать буду... Вишь такъ вотъ,—навалился онъ на воротъ.

— А какъ ты убѣжишь...

— Я-то!..

— А волка испугаешься... Либо такъ.

Но она тотчасъ-же сама отринула такія предположенія.

Подождала еще... Наверху тоже жутко...

— Темно тамъ?..

Недолго. Сейчасъ и мамка тебя встрѣтитъ.

Какъ-ни-какъ, а надо было согласиться. Дѣвочка влѣзла въ коробъ. Братъ ее крѣпко привязалъ къ его краямъ. Точно пойманная птичка. И глаза закрыла и сердце стучитъ. Силой-бы теперь она не выскочила оттуда! Когда корзина повисла надъ черною дырою—сестренка вдругъ забилась, закричала и заплакала. Руками заработала, захватить ими края этой пасти хотѣла, но коробъ подался внизъ и вдругъ края эти оказались выше ея головы. Она отчаянно взвизгнула и упала на дно корзины, зажмурясь и почти теряя сознаніе. Корзину колыхало. Она стукалась о мокрыя стѣны колодца. Дѣвочка раза два было вытянула туда руку, но попавъ ладонью въ невидимое ей, холодное и мокрое что-то, крикнула еще отчаяннѣе и уже не смолкала, пока корзину у самаго дна не остановила только-что услышавшая дочку и вся смятенная Анисья.

Свѣту тутъ не было. Лампа уже погасла. Мать чиркнула спичкой и разглядѣла полное страха лицо дѣвочки, все блѣдное съ расширившимися глазами... У той зубъ не попадалъ на зубъ. Хотѣла говорить и не могла—такъ этотъ ужасъ мрака сразилъ ее. Очнулась только,

отогрѣвшись на груди у Анисьи и почувствовавъ себя у той въ рукахъ... Полежала-полежала такъ, и только тогда передала матери въ чемъ дѣло.

Какъ ни тяжко было старухѣ—она за этотъ годъ посѣдѣла вся, осунулась и въ сорокъ пять лѣтъ постарѣла совсѣмъ—какъ ни жутко, а слѣдовало отослать дѣтей. Не ночевать-же здѣсь на морозѣ! Наказала о ней не думать. «Мнѣ и одной хорошо будетъ»! Велѣла зайти къ сосѣдямъ, чтобы ей «на завтрее» въ лампу нацѣдили керосину и лампу въ коробокъ вложили. Да не забудь хлѣба сюда принести! И вдругъ въ страстномъ порывѣ схватила дочь и, рыдая, прижала ее къ груди. Никому не оторвать-бы... Сама отъ себя отпихнула ее.—Ну смотри, будь умница. Спи спокойно... а я здѣсь спать буду...

— Гдѣ...

— Тутъ у меня есть такое мѣстечко. Хорошее, теплое.

Уложила дочь въ корзину, привязала, дернула веревку... Коробъ медленно поднялся съ драгоцѣнною ношей, къ свѣту и волѣ Божьяго міра...

Анисья до утра осталась одна во всемъ этомъ страшномъ подземномъ царствѣ.

XXVIII.

Сначала еще не было такъ жутко.

Притерпѣлась она, заскорузла. Даже, охваченная чувствомъ покоя, глаза закрыла. Мысль ея не останавливалась на черной дырѣ, въ которой по какой-то случайности ей приходилось скоротать всю эту ночь и весь завтрашній день. Напротивъ, Анисья слѣдовала теперь душою за дѣтьми и точно въявь видѣла, какъ тѣ, взявшись за руки, идутъ по снѣжной глади къ далекимъ огонькамъ села, пугливо озираясь по сторонамъ. Ночной мракъ ихъ охватываетъ отовсюду. Хорошо, вѣтру нѣтъ, не взрываетъ съ сугробовъ прямо въ ихъ лица знобящія струи снѣга, не закидываетъ передъ ними дороги, не завивается мятелью вокругъ одиноко стоящихъ приземистыхъ березокъ. Знаешь, куда идешь и сбиться нельзя. А то бѣда-бы такимъ малышамъ. Да и не холодно сегодня. Живо они доберутся. Какъ увидятъ первыя избы, вѣрно бѣгомъ пустятся къ нимъ, на лай собакъ, почуявшихъ ихъ. Вотъ только— и Анисью точно обнесло — волки эти проклятые. Поди воютъ теперь по сторонамъ. Правда рано еще. Послѣ полуночи выходятъ на разбой— да вѣдь какъ знать—иной голодный не только вечеромъ, а и днемъ шатается вокругъ мѣста, откуда дымкомъ пахнетъ, гдѣ жилье—онъ чувствуетъ, а слѣдовательно и добычу. Сегодня утромъ, какъ шла сюда въ дудку, сама видѣла въ полуверстѣ—на снѣгу-то отлично издали замѣтишь!—лежалъ черный на бѣломъ палый конь. Вздуло его—поди подъ са-

мое утро околѣлъ въ обозѣ и, оттащивъ недалеко отъ дороги, бросили его мужики. Теперь къ нему ужъ сбираются со всѣхъ сторонъ, и въ лѣсу чуютъ запахъ и зубами щелкаютъ. Днемъ-то на немъ чернымъ налетомъ воронье сидѣло, — а смерклось волчья пора пришла... «Господи!.. Малыхъ-то моихъ, малыхъ охрани... Слабые, бѣдные, ничѣмъ они передъ тобой не виноваты». Правда, такое время настало, что молодымъ и умирать лучше. Устали смертной не узнаютъ. А вдругъ выростутъ—и лучше заживется? Смилуется Богъ надъ крещеными, не до конца вѣку испытывать будетъ... И домой придутъ—сумѣютъ-ли сами печь истопить — какъ-бы избы не сожгли?.. Дочка-то поди— чуркой свалится. По пути-то еще у нея вѣрно слипаются ясные глазки. Нѣтъ—нѣтъ, да и припадетъ сонная къ Сенькѣ... Хоть и то хорошо— не обижаетъ онъ ее, не бьетъ. Жалѣетъ. Парень славный ровняется— подымется, заступникъ будетъ. Никому не дастъ въ обиду... А тотъ-то другой?.. Не пишетъ ничего. Поди въ солдатахъ-то и мать забылъ. А вѣдь какъ убивался, уходя. Въ землю кланялся. Про всѣхъ насъ поминать обѣщалъ... Что-жъ, у него пошла своя жизнь, особая. Отбилась овца отъ стада — въ лѣсу живетъ и не манитъ ее въ теплый хлѣвъ!.. А и то, можетъ, далеко онъ. Такъ далеко, что ему и въ мысль не приходитъ подать о себѣ вѣсточку! Еще когда она и дойдетъ-то?..

Теперь дѣти дома.

Сколько времени прошло? Дѣвчонка спитъ. Сенька остался за хозяина. Командуетъ въ пустой избѣ. Къ сосѣду сбѣгалъ... Что случилось узналъ... Чу, что это воротъ словно шелохнулся. Она не видѣла, но точно угадала въ темнотѣ движеніе веревки, или такъ ей чудится? Не поймешь. Ничего — не видно. Зажгла спичку... Точно во тьмѣ родился слабый голубой огонекъ, вытянулся, позолотился, колыхнулся отъ ея дыханія и на минуту освѣтилъ мракъ. Нѣтъ, такъ померещилось. Веревка виситъ неподвижно и коробъ внизу стоитъ. Даже слякотью его засосало. Тускло-тускло блеснула она. Догорѣла спичка — огонекъ звѣздочкой упалъ... И опять мракъ... и какой мракъ!..

XXIX.

Подземный!

И не думала она, что такъ боязно станетъ.

Случалось и прежде—лампа погаснетъ. Разъ Анисья нѣсколько часовъ проработала въ темнотѣ... Но тогда она знала, что вверху надъ этою черною дудкою—ясно. Бѣлый день стоитъ—и ей не было страшно. Теперь и тамъ темно... А здѣсь — если зажмуришься—золотые круги увидишь, мелдится что-то свѣтлое, а откроешь глаза — точно ихъ у себя вѣкъ не было. Ни одной искры. Посадили въ мѣшокъ, завязали и

бросили въ непроглядную глубь... Раздвинула руки — и прижала ладони въ мокрыя стѣны колодца. Какая-то капля поползла ей по тѣлу— точно что-то склизкое, холодное, оставляющее влажный слѣдъ. Шагнула Анисья—и наткнулась опять на шаршавую твердую породу. Лечь хотѣла—да вѣдь тутъ надо для этого влѣзть въ червивый ходъ, разработанный ею... Надъ самымъ лицомъ ея будетъ онъ висѣть... Днемъ, въ жару труда, не замѣчала этого, а тутъ—до ужаса проняло... Сказываютъ, въ такомъ именно мракѣ видится... Господи помилуй!.. Нечисти-то, нечисти сколько... И теперь до пѣтуха дана ей власть. Сдвинетъ въ скважинѣ этой породу — и погубитъ безъ покаянія... Чу... Шелохнулось... Ползетъ... Капли сверху чмокаются въ жидкую грязь внизу. Звенитъ что-то... Въ ушахъ родилось—а ей кажется, что это изъ глубины кто-то пробивается, о камни трется тамъ, сырую землю точитъ... И тьма какая... Такой до сихъ поръ и не знала она— живая, полная чьего-то дыханія... Въ самомъ дѣлѣ — именно дышитъ здѣсь... Вдругъ холодомъ въ лицо ея пахнуло —точно около пронеслось. А если она подыметъ руку и наткнется на другую такую-же... Если ее сторожитъ? Кто? Она и думать не хотѣла. Только догадайся—сейчасъ покажется. А покажется—тогда и не жить. Сгинешь какъ червакъ... Именно, какъ червякъ. Что-то тянется къ ней... Длинное, длинное, лапа должно быть... Именно... Мохнатая-поди... Даже капли теперь не падаютъ. И вода, что просочилась въ породѣ этой, молчитъ — страшно! Лапа именно, ишь мягко шуршитъ—точно она овчиной покрыта... Откуда оно, снизу?.. Или сверху—изъ тѣхъ, что по ночамъ въ пустыряхъ да по бездорожьямъ шляются. Непогребенныя, неотпѣтые, неотмоленные? Черезъ всю эту дудку—протянулось и щупаетъ —гдѣ, въ какой уголъ дрожа прижалась Анисья. Еще хуже если снизу. Тутъ вѣдь щелей много... Двѣ искорки вспыхнули... Красныя, красныя, точно горящая кровь, если бы кровь только горѣть могла... Не глаза-ли? Блеснули и погасли. Будто онъ поднялъ вѣки, взглянулъ на Анисью и опять опустилъ ихъ... Да, именно черезъ одну изъ разработанныхъ щелей... Можетъ быть черезъ ту... И вдругъ, когда ея мысль опредѣлилась—такая дрожь проняла старуху, она живо зажгла послѣднюю спичку высоко подняла ее надъ собою и, тяжело дыша, осматривалась кругомъ.

XXX.

Черно, влажно, тихо...

Тотъ-же выступающій горбиною камень вверху, подъ который просачивается вода... Изъ подъ него и капаетъ. Когда проточится широкій ходъ подъ нимъ—камень выпадетъ изъ гнѣзда и задавитъ того, кто будетъ въ дудкѣ. Можетъ, это случится черезъ нѣсколько лѣтъ, а можетъ и завтра, или сейчасъ — какъ узнаешь? Спуститъ

также Сенька сестренку, а она вмѣсто матери найдетъ безобразную холодную твердую глыбу. Аксинью вдавитъ въ самую глубь этой грязной земли — и слѣда не останется на свѣтѣ отъ ея бѣднаго и жалкаго существованія... Вонъ въ углу породы выпятились, и подъ ними точно заросшій ходъ куда-то. Руку туда просунешь, а расширить этого хода нельзя. Вѣдь тамъ, именно въ черной ячейкѣ, копошился цѣлые дни тотъ самый рудокопъ, что былъ здѣсь раньше... За этимъ слѣдкомъ старой выпростанной ямы—его ранняя могила. Тутъ, должно быть, шла такая-же разлоина, какую и себѣ напротивъ проточила Анисья. Только она — долбила надъ собою, лежа работала, а тотъ будто въ кельѣ стоялъ за низкимъ проходомъ. Сдвинулась земля и схоронила его. Стоитъ-ли онъ тамъ или лежитъ, сбитый съ ногъ страшною осунувшеюся тяжестью, не сломанный — вѣдь она мягкая, податливая, а смятый и свернутый ею, со всѣхъ сторонъ засосанный... Не долго бился, руками и ногами двигалъ,—выхода искалъ, пока не задохся—и руки и ноги легко входили въ жидь эту— но тотчасъ-же она и ихъ засасывала и отовсюду охватывала нѣжными предательскими объятіями. Все равно де не уйти тебѣ, чего-жъ тутъ ломать или калѣчить. Точно муха—въ киселѣ умеръ человѣкъ!..

Спичка давно погасла, а Анисья еще стояла у этого затянувшагося входа туда, гдѣ, можетъ, далеко отсюда, а можетъ—и близко,—въ вѣчной тьмѣ и молчаніи лежитъ такой-же, какъ и она, работникъ... Не отпѣтый, не погребенный... душа-то его... душа! Гдѣ она? А если тутъ вотъ рядомъ съ нею недвижимая и страдающая.

Въ этой мѣстности, гдѣ народъ привыкъ копаться, какъ кротъ, подъ землею—мракъ окружающій его породилъ тысячи суевѣрій. Человѣкъ оживляетъ здѣсь все и землю, и прослоивающіе ее камни и воду, что между ними точитъ черныя жилы, и самое безмолвіе этихъ дудокъ и странные звуки изъ дивныхъ глубинъ невѣдомыми путями доносящіеся вверхъ, и жалобу запертыхъ въ нѣдрахъ ключей и Богъ вѣсть какъ образовавшіеся подъ твердыми породами пустоты. Въ такія заключены неотпѣтыя души... Грѣшнику — Господь не послалъ смерти на землѣ, нежданно, безъ покаянія, накрылъ его сдвинувшейся рудою и жди онъ тамъ до скончанія вѣка своей участи. Работая здѣсь днемъ, оглядывась на слабый огонекъ лампочки, Анисья и не помнила этого. Тѣмъ болѣе, что вверху надъ нею дышали два существа. Ободряющее вѣяніе ихъ жизней достигало и сюда въ мертвую дудку. А теперь...

Теперь иное дѣло...

А ну какъ душа-то тутъ?

Именно рядомъ стоитъ, можетъ быть, за тонкимъ слоемъ земли— и сквозь него видитъ и чувствуетъ Анисью?..

XXXI.

Никогда, еще суевѣрная мысль не работала съ такою ясностью въ ея головѣ. Внѣшній міръ въ темнотѣ исчезъ передъ Анисьею — зато выступилъ больной и странный миражъ несуществующаго. Во мракѣ мерещились очертанія чего-то—еще темнѣе этого мрака. Снизу вверхъ росли колеблющіяся фантомы и всюду, на чемъ останавливались ея глаза, опредѣлялись смѣнявшіяся и долго испарявшіяся въ холодномъ воздухѣ клубы чего-то, что нельзя было назвать свѣтомъ, но что уже не было и тьмою. Сонъ не приходилъ—и въ возбужденномъ зрачкѣ порою рождались искры, то сыпавшіяся сверху, то дрожавшія на одномъ мѣстѣ, куда былъ сосредоточенъ ея взглядъ, то обвивавшіяся хлопьями слабаго пара. Будто свѣтившіяся извнутри клочки ваты. Скоро показалось Анисьѣ, что у ея ногъ ползаетъ, что это не капли падаютъ въ воду со стѣнокъ дудки, а тяжелое и медлительное тѣло ворочается въ ней, стараясь приподняться на безсильныхъ рукахъ. И вдругъ опять гдѣ-то, только не тамъ куда выходила пасть этой дудки, ухнуло. Вздохнулъ кто-то рядомъ и земля точно стала поддаваться подъ его напоромъ, земля сосѣднихъ со старухою стѣнокъ. Не *тотъ ли* изъ своей черной могилы? Скрипитъ порода, колышится... Раздается... Шуршитъ толща слежавшейся осыпи, сквозь нее кудлатая голова просовывается, цѣпкіе пальцы, черные, костлявые, торопливо расчищаютъ образовавшуюся дыру и въ ней—подымаясь, ищутъ живую и дышащую бабу два слабо-слабо, какъ гніющая рыба, свѣтящіеся глаза... Господи помилуй, Господи помилуй! крестится Анисья, жмурясь и созданный ея воображеніемъ призракъ пропадаетъ—а часы за часами, скучные, безконечные, медлительные тянутся такъ, что конца имъ нѣтъ, и сердце отбиваетъ секунды и горькія думы сиротства, оброшенности одна за другою тяжелымъ игомъ ложатся на ея мысли. Дѣти теперь спятъ одни въ избѣ. Некому завтра накормить ихъ... А не дай Богъ заболѣютъ— сколько времени придется Анисьѣ просидѣть въ этой дырѣ?.. И что за жизнь вся. Только и было счастья, пока ребенкомъ бѣгала, а выросла и защемила ея ежедневная жуть эта. Точно желѣзными тисками захватила и вотъ уже тридцать лѣтъ не выпускаетъ отдышаться. Дня-то свѣтлаго, беззаботнаго не далось ей за все это время. И праздникъ не радовалъ... И вдругъ точно кто-то крикнулъ ей.

— Посторонись...

Сѣлъ рядомъ... Уронилъ кудлатую голову на руки и сидитъ молча, задумавшись, какъ и она.

XXXII.

Странно... то боялась, а теперь слышитъ его, даже, пожалуй, локоть его чувствуетъ — и ничего... Разъ при ней отрыли засыпаннаго землей рабочаго. Все его лицо было синее-синее, волоса въ комьяхъ слипшейся грязи, ротъ полуоткрытъ и въ зубахъ у него она-же навязла. Такъ-же и у этого должно быть. Ишь трется спиною о стѣнку дудки. Силится сказать что-то, хватаетъ воздухъ обезсилѣвшей грудью...

— Плохое, братъ, наше дѣло!—различаетъ она, наконецъ.

— Чего ужъ...

— Всю подвселенную исходи—хуже нѣтъ...

Голосъ у него густѣетъ, точно хрипнетъ. Теперь уже ей и слуха напрягать не надо.

— Еще, слава тебѣ Господи, какъ меня-то... завалило... Молодой я былъ — сколько годовъ оставалось мучиться. А теперь я лежу. Спокойно... Отдыхаю... Солнце-то вѣдь зачѣмъ — чтобы любоваться имъ да грѣться... И земля цвѣтетъ, когда оно силу забираетъ. Снѣга таютъ—бѣгутъ ручьями... Лѣсъ убирается зеленью... хорошо!.. А мы видимъ красоту эту богоданную? Подымала ты когда старый навозъ... Лопатой разворотишь его, а тамъ червь сидитъ. Обдастъ его свѣтомъ, онъ отъ него еще глубже зарывается. Вотъ и мы такъ-то. Кому жизнь—праздникъ, а намъ съ тобою — тягота не по силамъ. Какъ поймешь это — смерти обрадуешься! Хорошо и помирать намъ. Только-что дѣти у тебя, за нихъ страшно. Все при матери имъ легче подыматься. Забота есть. А не будетъ тебя — пожалуй, и пропадутъ. Кому ихъ слеза больна? У каждаго своя ноша тянетъ, не до чужой. Наслышутся попрековъ, натерпятся тычковъ... Наголодаются... Нѣтъ, хорошо кабы всѣмъ помереть. Однимъ разомъ-то...

Анисья слушаетъ его, и ея сердце бьется въ тактъ его словамъ. Точно эти мысли у нея въ головѣ рождаются.

— Что толку—душа у насъ чиста? Иванамъ Ѳомичамъ отъ чистыхъ душъ одинъ прибытокъ. Онъ имъ вотъ какъ радуется—да онъ имъ не на радость. Имъ-то за ихъ чистоту ничего не полагается. Спокойнѣе, сказываютъ. Да гдѣ покой этотъ? Въ холодной избѣ, какъ дѣти голодныя, что твои волчата, жадно зѣнки на все таращатъ... Это-ли покой? Нѣтъ, настоящему волку куда лучше. Поймалъ онъ овцу, перехватилъ ей горло, живьемъ слопалъ и лежитъ себѣ. Ему хорошо. И Ивану Ѳомичу тоже. Это, Анисья, и есть жизнь — другой нѣту, такъ ты и знай... Вотъ ты даве меня боялась. А чего меня бояться-то, что я тебѣ сдѣлать могу? Меня, если по настоящему говорить, такъ и вовсе на свѣтѣ нѣтъ. Мечтаніе одно.

Нѣтъ, ты вотъ живого человѣка точно что бойся, врагъ онъ тебѣ. Кусокъ у рта—и тотъ отыметъ. Норовитъ, какъ-бы ему побольше, а тебѣ поменьше. Правда, есть и другіе... Не все-же тьма одна. И тьмы-бы, пожалуй, не было, кабы свѣтъ по малости не показывался. Тѣмъ только она и отличается! Вотъ и ты барина въ мужичьемъ полушубкѣ встрѣтила. Да на долго-ли—сцапали его и въ свое мѣсто предоставили. Потому не гоже господину отъ сладкаго-то куска отваливаться. Ишь тоже что задумалъ. Народу помочь... Теперь, поди, опамятовался—самъ себя ругаетъ. Дуракъ-де былъ... И такъ вѣка идутъ и копится мука—пока не разольется водопольемъ да старые заборы не снесетъ. Только не дождаться тебѣ дня этого. Крѣпка еще зима. Ишь ледъ на рѣчкѣ стоитъ. Обозы по немъ идутъ, а онъ и не скрипитъ подъ ними. Надежно заковало Божью землю, нѣту силушки у солнца прожечь ее до самаго сердца. Нѣту, охъ, нѣту.

Но тутъ вдругъ что-то шлепнуло у ногъ Анисьи, грязью брызнуло ей въ лицо и она вскочила.

Въ устьѣ дудки гулъ, веревка колеблется. Коробъ внизу.

Нащупала его баба. Хлѣбъ. Вода. Керосинъ въ бутылкѣ... Заправила лампу... Зажгла... И спички здѣсь оказались. Всего промыслилъ Сенька. Дай ему Богъ...

Голосъ чей-то вверху.

— Анисья! А, Анисья.

Должно быть не дѣтскій, дѣтскій-бы сюда не достигъ.

Она тронула веревку—слышу-де.

— Вчера... Не могъ... Рано меня на заводъ послали... Только утромъ вернулся.

День значитъ... проспала она... желтый огонекъ лампочки. Какое счастье въ его скупомъ и жалкомъ свѣтѣ! Кажется, теперь потуши его—и жизнь въ трепетно бьющемся сердцѣ погаснетъ! А тотъ гдѣ, что всю ночь говорилъ съ нею?.. Неужели спала она, прислонясь къ мокрой и вязкой землѣ... Подняла огонь—ничего кругомъ. Веревка уже неподвижна. Сосѣдъ ушелъ въ свою дудку. Дѣти одни наверху у ворота. Поди радуются, что опять близка мамка-то. Тутъ вотъ, у ногъ-де у самыхъ... Знобитъ только всю — ну да ладно, за работой это пройдетъ. Не мало ей сегодня придется наскребать руды. Завтра суббота—расчетъ съ хозяиномъ, а сдѣлано немного. Прослоинка тонкая да трудная попалась, руда только чуть налипла къ пустой породѣ... Знобитъ... знобитъ...

XXXIII.

Работа поправитъ—работа согрѣетъ.

И согрѣла не надолго... До поту даже прошибала, когда Анисья,

заползая въ свои скважины, выбивала оттуда руду. А выйдетъ назадъ—надо-же коробъ насыпать—тутъ ее и прохватываетъ холодъ. Да не снаружи! Въ дудкѣ все-же теплѣе было, чѣмъ наверху. А изнутри ее пронимало. Точно тамъ заледенѣло все у нея. Лопатою сгребаетъ рыжую массу въ «колошу»—а зубы-то такъ и сводитъ и голову обноситъ. Занедужилось, вѣрно. «Хлипкая я стала», соображаетъ Анисья. Водки она не пила, а теперь-бы настоящее дѣло. Пожалуй сразу-бы оправило... И всего-то малость глотнуть. Порою ее такъ кружило, что она опускала руки и садилась отдыхать. Нѣсколько дней не походить-бы на работу. Въ избѣ посидѣть—да какъ это сдѣлаешь? Дровъ надо достать, керосину нѣтъ, хлѣбъ наисходѣ. Весна близка—никогда до нея не хватало запасу. Рукъ не сложишь, не понѣжишься. Надо самой одолѣвать хворь. Надѣяться-то вѣдь не на кого. Никто твоей тяготы на себя не возьметъ. Каждому своя слеза солона. И Анисья, напрягая послѣднія усилія, кое-какъ оканчивала «урокъ». Еще двадцать коробовъ оставалось. Она взяла хлѣба—попробовала. И хлѣбъ сегодня невкусенъ. Посолила—не чувствуетъ соли. Такъ себѣ жуетъ—безъ всякаго удовольствія, а вѣдь хлѣбъ она ѣла съ дѣтьми цѣльный, безъ мякины, безъ лебеды. Въ этомъ на своей работѣ истомной она отказать себѣ не могла и даже старой баловницей себя называла, хотя понимала, что иначе силенки не хватитъ. Кое-какъ дотянула до вечера. А вышла наверхъ—такъ и припала къ дѣтямъ. Точно Богъ вѣсть сколько времени ихъ не видѣла. Забыла, что морозъ здѣсь, что ее мокрую — насквозь пронимаетъ и овчина коробомъ твердѣетъ подъ лютымъ дыханіемъ сѣвернаго вѣтра. Особенно дѣвочку! Усталь прошла у Анисьи—какъ на руки ее подняла и сладко и плакать хочется старухѣ, когда та положила ей на плечо сонную головку и, засыпая, разсказывала ей длинно-длинно:

— Вечоръ-то мы напужались... Бѣгёмъ домой—а за нами топъ-топъ... Страсти... Сенька-то кричитъ — волки... И какъ завыло—такъ я и припала... А Сенька-то какой—снялъ полушубокъ. Машется, да на него, на волка. Ну, волкъ и спужалси. Мы спужались и волкъ спужалси... Дома-то я подъ мѣшки въ уголъ заползла... Страшно. Ой страшно... А и волка жалко. У волка-то тоже поди дѣти... Ѣсть хотятъ... Хлѣбца-то не ѣдятъ—волчьи дѣтки? А?

Та только крѣпче прижимала къ себѣ драгоцѣнную ношу, точно заранѣе защищая ее ото всѣхъ волковъ этого міра...

XXXIV.

Отдышаться-бы—да когда?

И воскресенье сплошь работала Анисья въ дудкѣ. Знобило еще пуще. Тогда на морозѣ ее здорово продуло и теперь прибавило. Желѣзо изъ

рукъ падало. Руки опускались, а голову кружило и чудилось Анисьѣ, что она не въ дудкѣ этой постылой, а наверху въ избѣ и встрѣчаетъ обоихъ пропавшихъ дѣтей: Ефрема-солдата и того, что съ барками пошелъ... Знала вѣдь, что онъ утонулъ въ весеннемъ разливѣ рѣки Болванки — желѣзо плавилъ и съ желѣзомъ, какъ и оно, прямо на дно канулъ, да и тамъ его затянуло иломъ, такъ что потомъ, когда вода сошла—искать его искали, а найти не нашли. И вдругъ онъ самъ отыскался и идетъ къ ней. И она что-то въ печи для него и для Ефрема жаритъ, варитъ и печетъ... И у нея вѣдь, какъ у людей, всего довольно. Слава тебѣ Господи. Мужъ-то помирая вдоволь разнаго добра оставилъ, не прожить. И возится и хлопочетъ Анисья, вся разгорѣлась передъ очагомъ — пока вода, капающая на лицо ей сверху, не охлаждаетъ разгоряченной головы и не возвращаетъ бабу къ суровой дѣйствительности. Темно, сыро... Вмѣсто избы—дудка. Воспоминаніе объ утраченныхъ дѣтяхъ—рождаетъ печаль въ душѣ. Лучше-жъ бы и не носить ихъ подъ сердцемъ, не выкармливать чахлою грудью, не изводиться надъ ними въ долгіе-долгіе дни дѣтства. Лучше-бы!.. Такъ-ли? Отчего-же вмѣстѣ съ непрошенными слезами, она улыбается, представляя себѣ шаршавыя бѣлыя головки ихъ и быстрыя ножки... И голоса ихъ звонкіе-звонкіе... Ефремко на крышу соломенную взлѣзъ, а другой въ сараѣ въ пустой телѣгѣ болтается и на все село кличутъ другъ друга... Нѣтъ, пожалуй, безъ нихъ да безъ Сеньки съ сестрой — ей, Анисьѣ, и свѣта-бы въ прошломъ не было.

Какъ она вечеромъ поняла, что ей выходить нужно?

Мало она сдѣлала въ этотъ день. Такъ мало, что лучше-бы и вовсе на работу не ходила... А на завтра ей полегчало. Точно корявое, малолистное дерево — оправлялась. Прибьетъ его вѣтромъ къ землѣ, послѣдніе вѣтки сорветъ, снѣгомъ засыплетъ—мерзлый пень одинъ да и только. И въ дѣло не годится —весь узлами пошелъ. Ни красы, ни топлива отъ него. А въ оттепель, только пригрѣетъ солнцемъ — онъ вдругъ и подыметъ голову отъ земли, выпрямится и только дрожитъ-дрожитъ, когда на сѣверѣ густится и синѣетъ зловѣщая марь. Весною—его перваго облиствѣетъ... И зелени мало — чуть-чуть подернетъ ею расхлестанную верхушку,—и все-же она и мягка, и золотиста, и нѣжна, и ждетъ горячей ласки неба и играетъ съ лучами, глотая ихъ живительное тепло и насквозь такъ и свѣтится снизу каждою своею жилкою...

Тутъ ужъ и руды не стало.

Прослоина на нѣтъ сошла. Анисья начала новый ходъ и вдругъ, даже сердце захолонуло, наткнулась на толстую залежь. Да какую—ужъ не надо было лежать—стоя могла работать... Все лучше! Одного боялась—какъ-бы не проговориться отъ радости. Хоть тому-же сосѣду. Онъ—

другимъ, ну и опомнятся мужики. Бабѣ—да такое счастье. Живо отобьютъ дудку, а самое Анисью—куда похуже... Тоже и они сами для себя промышляютъ. Ихъ не попрекнешь въ этомъ.

А знобитъ по временамъ, все-таки знобитъ. И въ головѣ туманъ.

XXXV.

Такъ на ногахъ всю болѣзнь выдержала Анисья.

Теперь ей работалось легче. Руда пошла сплошь. Незачѣмъ было лазить въ вѣчный мракъ червиваго хода. Лампочка горѣла около, воздуху было вволю и сырости въ этой ячейкѣ поменьше. Дышалось хорошо. Сразу-бы попасть сюда—не такъ-бы извелась. Руда «жирная», вдоволь насыщенная металломъ и охрой. Даже приказчикъ одобрялъ работницу.

— Ай да Анисья! Наловчилась. За любого мужика дѣйствуетъ.

Въ первыя-же недѣли она наверстала прежній убытокъ.

Потеплѣе одѣла дѣвочку. Подумывала уже нанять кого-нибудь наверхъ, къ вороту, а внизъ Сеньку брать—пусть подможетъ пока всю эту счастливую глыбу руды выбьютъ они въ короба. Одно только—узнаютъ, пожалуй, чужіе! И зима сдавалась. Нѣтъ-нѣтъ да съ юга и тянуло не то тепломъ, не то разнѣживающимъ дыханіемъ. Будто на далекій сѣверъ оттуда неслось благоволеніе иной природы, иного климата. И небо въ той сторонѣ ужъ окрашивалось ярче, хоть не было еще ясно. Въ полутонахъ, въ мягкихъ переходахъ отъ лиловатаго къ розовому—только всѣ эти цвѣта словно сѣренькій флеръ сквозили. Ничего не выступало опредѣленно и контуры у облаковъ были расплывчаты, точно они таяли въ блѣдной лазури. Дни—длиннѣе. Нынче Анисья шла въ дудку къ себѣ съ разсвѣтомъ. Даже когда надъ самою пастью ея становилась — на востокѣ желтѣло, солнце приподымало мутную завѣсу ночи: «что де творится у васъ на Божьемъ мірѣ». А еще немного спустя оно ужъ и по вечерамъ стояло надъ горизонтомъ и густѣло яркимъ золотомъ, когда Анисья возвращалась домой. Радостно сіяли полуослѣпшіе глаза ея—за эти полчаса, она такъ наслаждалась блескомъ умирающаго и воскресающаго дня, какъ раньше и думать не могла. Далъ-бы Господь до конца жизни такъ-то. Будетъ, помучилась. Съ богатой рудой — и парнишка на ноги встанетъ и дочка окрѣпнетъ. Славно-бы. Сенька тоже отлично справлялся съ воротомъ. Кое-когда дѣвчонку дома оставляла Анисья. Пусть побалуется съ подругами, по улицамъ на салазкахъ покатается. У нея вѣдь и дѣтства настоящаго не было!

Въ мартѣ потеплѣло.

По талому снѣгу къ себѣ шла Анисья. Мокринами болѣла зима. У деревьевъ кругомъ бѣлые сугробы осѣли, сплылись. Въ ямкахъ стояли

чахлыя березы. По рѣчкѣ ледъ опаловымъ казался. Точно снизу его просасывала почуявшая силу вода. На югѣ — марь, тамъ ужъ потѣла земля, освобождаясь отъ зимняго заточенія. По всѣмъ швамъ рвался бѣлый саванъ... Мертвецъ воскресалъ изъ мертвыхъ...

Должно быть, и въ дудкѣ отмокало.

Страннымъ запахомъ порою обносило Анисью. Точно съ кладбища просачивались сюда подземныя воды.

XXXVI.

Недѣля еще канула.

— Скоро праздникъ!—радовалась Анисья. Она ужъ и припасла кое-что. Работалось хорошо.

Особенно послѣдніе дни. У ненасытной домны старыхъ запасовъ не стало—все сожрала ея каменная пасть, переварило чудовищное брюхо. Надо было приготовить новые и старателямъ Иванъ Фомичъ плату поднялъ; хоть и не много, да все-же поступился. Придутъ весна и лѣто, народъ въ поля сбѣжитъ. Какъ-бы домна-то не заглохла на это время. А вѣдь погаснетъ она и заводъ станетъ. Поди, подымай его опять!.. Анисья ужъ не складывала рукъ; вездѣ кипѣла работа. Никогда еще земля не была такъ обильна жизнью въ своихъ таинственныхъ нѣдрахъ, какъ въ эту пору. Гудѣла степь—пѣснями невидимыхъ добытчиковъ. Такъ стонала, такъ плакалась ими—точно насквозь изболѣло ея старое тѣло... На опушкахъ лѣсовъ и рощъ матерые волки диву-дались, чтобы это значило—понять не могли. Село молчитъ, а земля за него полна говора и шума. Осторожнѣе показывались косматые хищники. Въ старыхъ борахъ, гдѣ такіе еще сохранились въ осѣвшихъ снѣгахъ обозначились медвѣжьи берлоги. Не такъ спокойно уже почтенные мишки сосали лапы. Тепломъ и сюда повѣяло.

Идетъ сегодня Анисья—день бѣлый кругомъ.

Бодро глаза глядятъ. Еще-бы свѣту порадовалась, да дудка не ждетъ, ишь разинула пасть—полѣзай-де скорѣе! Около здоровый былъ ужъ насыпанъ бугоръ ржавой руды. Должно-быть къ полудню наѣдутъ за нимъ подводчики. На пять телѣгъ хватитъ добра!.. Начала она работу и диву далась. Даже съ лампочкой всѣ углы черной кельи осмотрѣла — такимъ запахомъ несетъ, дыханіе перехватываетъ. Ну да вѣдь не обращать-же вниманія на пустяки. Заворочала Анисья желѣзнымъ ломомъ. Шурша падали глыбы отбитой и отколотой породы. Жадность на бабу напала. Кажется, всю-бы стѣну передъ собою разворошила. Потъ льетъ градомъ. Одежа смокла, а руки, привычныя уже устали не знаютъ. Глубже загоняютъ ломъ, сильнѣе его бьютъ въ стороны, крупнѣе ломится затвердѣвшая порода. Какіе-то крис-

таллы въ ней свѣтятся и играютъ подъ тусклымъ свѣтомъ. Запахъ только одурманиваетъ. Какъ-то вывернула Анисья одну колдобину, и вдругъ подъ нею странный камень обозначился. Такого она до сихъ поръ и не видывала. Мохнатый будто... Подрыла его, сверху осторожно сняла землю. Несуразный совсѣмъ. Взяла лампаду—поднесла и съ крикомъ прочь откинулась. Косматый камень, обернулся головой, сохранившей свои спутанные волосы. На лбу кожа слѣзла, черты мертваго лица залѣпило землей... Дальше должно быть и все тѣло лежитъ—плечо намѣтилось... Въ полушубкѣ. Оборвался тутъ полушубокъ и въ него что-то синее, склизкое смотритъ...

Тотъ... Тотъ самый, что до нея работалъ здѣсь!.. Тотъ, что снился Анисьѣ въ тяжелую ночь и долго ей потомъ мерещился въ безмолвіи и мракѣ.

Теперь-бы никакая сила не заставила ее вернуться въ эту келью. Вышла Анисья въ дудку—дрожмя-дрожитъ. Крикнуть вверхъ хочетъ. Долго горло не слушалось, точно чья-то холодная, влажная, костлявая рука перехватывала его, душа звукъ ранѣе, чѣмъ онъ вырывался оттуда.

Когда отошло, отпустило ее—она едва дозвалась.

Сенька кинулся со всѣхъ ногъ въ сосѣднія дудки. Поднялъ народъ. Рудокопы—спустились и крестясь спѣшили убѣдиться— примерещилось Анисьѣ или нѣтъ. Нѣтъ, вотъ она — эта мертвая голова. Теперь земля сама осыпалась и круглая, безформенная масса повисла внизъ, точно дразня всѣхъ остаткомъ носа и оскаломъ открытаго рта.

— Господи... Степанъ Тимофеичъ и есть.

— Онъ—самый... Душа-то, душа.

Анисья давно уже была на верху.

Народъ живо очистилъ и высвободилъ Степана Тимофеевича...

— Руды-то!—замѣтилъ кто-то.

— Мѣсто богатое!..

Медленно подымался коробъ съ полуистлѣвшими останками стараго добытчика. Вверху снимали шапки... Положили то, что было когда-то живымъ и дѣятельнымъ существомъ, на снѣгъ—и караулъ приставили. Какъ ни какъ, а безъ станового не обойдешься. Бѣда ежели до его благородія вороны расклюютъ или волки растащутъ развалившійся трупъ... И за волковъ и за воронъ—мужикамъ быть въ отвѣтѣ... Хорошо еще— что начальство ждать не заставило. На другой день явилось и тѣло неотпѣтаго работника предало землѣ...

Только Анисья ужъ не показывалась сюда.

XXXVII.

Должно быть, мертвецъ не принесъ ей счастья...

Семена міромъ выбрали въ пастухи... Онъ стоялъ растерянный—не зная, что ему дѣлать.

— Блюди себя въ аккуратѣ, назидали старики... Легкое-ли дѣло—сколько теперь животовъ у тебя... Сторожи, какъ пѣтухъ... Послужи намъ — и мы тебя не забудемъ. За міромъ, братъ, не пропадетъ... Міръ въ случаѣ чего и за тебя постоитъ, будь спокоенъ. Міръ—дѣло великое.

Анисья плакала въ сторонѣ.

Тотъ-же міръ безъ церемоніи взялъ у нея «дудку» и передалъ мужику побогаче. Права не имѣлъ, да вѣдь у міра права не спросишь. Съ нимъ въ согласіи живи! Положимъ, она бы уже и не могла вернуться туда, но всетаки на Семена надѣялась. Сама-бы на верху оставалась.

— Какъ-же мнѣ теперь быть? — спрашивала она у господъ стариковъ.

— Что-же—твое дѣло вдовье... Питайся именемъ Христовымъ. Много-ли тебѣ надо!

— Я и работать могла-бы...

— Какая твоя работа? И отдохнуть пора...

То, чего Анисья такъ боялась—нищенство—надвинулось-таки на нее, когда она менѣе всего могла ожидать этого.

— Ступай въ кусочки... чего еще. Съ тебя никто не взыщетъ. Дѣло сиротское.

Убиваться опять было некогда.

И это тоже не ждало. Снарядилась сама, закутала дѣвчонку и пошла. У своихъ—подавали мало... То сами гнали на такую добычу, а теперь вдругъ укорять начали: «что больно скоро то Ишь на чужое какъ распалилась. Не обезсудь, милая, не припасли еще»...

Надо было идти въ сосѣднія села.

Опять до разсвѣта вставала Анисья. Теперь ее уже совсѣмъ къ землѣ прибило. Сгорбилась, опустилась. Чувство стыда охватывало ее всю, когда она мимо знакомыхъ избъ — шла съ дѣвочкою побираться. Захлестывало ее дождями, знобило вѣтромъ, жгло солнцемъ. Темень ночная захватывала ее по пути — и все подъ тотъ-же волчій вой она тихо брела по грязи и въ пыли едва различимыхъ путей, путалась въ бездорожьяхъ, до утра прижавшись къ какой-нибудь старой соснѣ, заночевывала въ пустынныхъ мѣстахъ... Совсѣмъ и говорить разучилась.

И дѣвочка ея росла, какъ забытая на пустырѣ былинка, молча, безотрадно, скучно. Только и приростало ея сердце: къ тишинѣ полей, къ безмолвію стараго бора, къ трепету рѣчныхъ струй, затерявшихся въ густой осокѣ. Кажется, изъ всего человѣческаго языка она не забыла только одно:

— Подайте, православные, Христа ради... Сотворите милостыньку...

Въ этомъ было все ея право на существованіе... Такъ и рѣшила Ефремова семья роковой вопросъ: «какъ жить-то?»

Вас. Немировичъ-Данченко.

Александръ Дюма.

15-го ноября умеръ въ своей пригородней виллѣ близъ Парижа Александръ Дюма. Въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ онъ стоялъ во главѣ французскаго театра, создавая выигрышныя роли для всѣхъ выдающихся актрисъ, постоянно занимая общественное мнѣніе то своими пьесами, то предисловіями къ нимъ, то полемическими брошюрами на тѣ же вопросы, которые затрогиваются въ пьесахъ. Извѣстный въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ, какъ сынъ знаменитаго Александра Дюма, авторъ «Dame aux Camélias», «Demi-Monde» и другихъ столь-же популярныхъ драмъ и комедій вскорѣ затмилъ славу своего отца. Конечно, его не называютъ «французскимъ Шекспиромъ», какъ называли романтики старшаго Дюма за его растрепанныя драмы съ ихъ роковыми страстями, доблестными героями и эфектными фразами въ финалахъ актовъ; но вѣдь съ тѣхъ поръ измѣнилось и міросозерцаніе французской критики и съ именемъ Шекспира, ближе изученнаго и лучше понятаго, обращаются осторожнѣе. Во всякомъ случаѣ, Дюма-сынъ пріобрѣлъ среди своихъ современниковъ вліяніе, превышающее значеніе его отца для эпохи романтизма. Школы Дюма-сынъ не создалъ, такъ-же, какъ и самъ не принадлежалъ ни къ какой школѣ. Въ теченіе всей своей дѣятельности онъ стремился совмѣстить почти несовмѣстимое: быть реформаторомъ нравовъ, моралистомъ, указывающимъ практическія средства въ борьбѣ съ разными язвами общества и въ то-же время быть художникомъ, занятымъ единственной достойной художника задачей — анализомъ человѣческой души съ ея понятными чувствами и смутными побужденіями. Преслѣдуя эти двѣ задачи, Дюма создалъ особый жанръ такъ называемыхъ драмъ à thèse, полу-тенденціозныхъ и полу-психологическихъ, и изобразилъ нравственный обликъ французской буржуазіи второй половины вѣка. По этому пути, отличному и отъ комедіи нравовъ, предшествовавшей Дюма, и отъ реалистическаго театра, развивавшагося рядомъ съ творчествомъ Дюма,

никто не пошелъ за авторомъ «Dame aux Camélias». Созданный имъ родъ драмы, давши цѣлую галлерею интересныхъ типовъ и освѣтивъ рядъ общественныхъ вопросовъ, исчезаетъ вмѣстѣ со смертью Александра Дюма.

Теперь, когда смерть положила конецъ неутомимой производительности драматурга, является возможность дать полную характеристику его творчества и разобраться въ томъ, насколько успѣхъ его зависѣлъ отъ художественныхъ достоинствъ пьесъ и насколько онъ является только отголоскомъ полемикъ, возбуждаемыхъ тенденціознымъ содержаніемъ драмъ.

Въ предисловіяхъ къ двумъ своимъ драмамъ, «Père Prodigue» и «La Femme de Claude» Дюма самъ опредѣляетъ сущность своего театра и свое отношеніе къ нѣкоторымъ его предшественникамъ на французской сценѣ. Романтическая школа выводила на сцену человѣческія страсти и страданія и плакала вмѣстѣ съ зрителями надъ роковой властью зла на землѣ; но исхода изъ трагедіи жизни она не указывала. Точно также отсутствовало всякое примирительное начало въ реалистическомъ театрѣ, который смѣнилъ романтическій, и изображалъ нравы общества близкими къ истинѣ. Но одинаково пресытившись, какъ изображеніемъ идеальныхъ чувствъ, такъ и сатирой нравовъ, публика начала протестовать противъ господствующихъ теченій. «Каковъ смыслъ всего этого?» спрашиваетъ Дюма отъ имени публики. «Зачѣмъ намъ знать, каковы мы, да и таковы-ли мы, какъ вы говорите? Къ тому-же мы не приходимъ сюда, чтобы находить самихъ себя, а чтобы бѣжать отъ себя. Дайте намъ надежду! Вы не можете? Такъ дайте намъ забвенія».

Изъ этой реакціи противъ пессимизма выросъ чисто условный жанръ пьесъ, исключительно предназначенныхъ для развлеченія публики и лишенныхъ идейнаго замысла. Комедія все болѣе и болѣе вырождалась въ бульварный фарсъ, и театръ терялъ всякое облагораживающее вліяніе. «Мы потеряны», говоритъ Дюма въ 1868 г., въ предисловіи къ «Père Prodigue», «я это повторяю; великое драматическое искусство размѣнялось на блестки и бездѣлушки, театръ сдѣлается достояніемъ шутовъ и будетъ служить лишь грубымъ вкусамъ толпы, если мы не обратимъ его на служеніе великимъ соціальнымъ реформамъ и великимъ упованіямъ души». Подставивъ имена подъ эти общія опредѣленія судебъ театра въ XIX в. и продолживъ характеристику Дюма на послѣдующія 25 лѣтъ, мы увидимъ, что представителей романтической драмы, Гюго, Дюма, де-Виньи и др., смѣнила комедія нравовъ, представителями которой являются современникъ Дюма-сына, Эмиль Ожье, и новѣйшій натуралистическій театръ Гонкуровъ, А. Бека и другихъ. Говоря-же о театрѣ, понижающемъ эстетическое пониманіе публики, Дюма имѣлъ въ виду Скриба, плодовитаго поставщика сценичныхъ, но совершенно без-

содержательныхъ пьесъ для второстепенныхъ парижскихъ театровъ. Къ тому-же разряду «занимателей» публики, авторовъ эфектныхъ обстановочныхъ пьесъ слѣдуетъ причислить и другого изъ наиболѣе видныхъ современныхъ драматурговъ—Сарду, начавшаго съ болѣе серьезной комедіи нравовъ въ «Nos Intimes», и перешедшаго на сочиненіе драмъ «въ пяти туалетахъ» для Сары Бернаръ, какъ называютъ нѣкоторые критики его «Dora», «Theodora», «Tosca» и другія пьесы. Изъ всѣхъ этихъ представителей современнаго театра ближе всего стоитъ къ Дюма его старшій современникъ Эмиль Ожье. Начиная въ своихъ пьесахъ реакцію противъ романтизма, Э. Ожье стремился возобновить традиціи мольеровскаго театра и воскресить комедію нравовъ. Въ цѣломъ рядѣ комедій онъ вывелъ разнообразные типы современной культуры, дѣльцовъ, кутилъ, аристократовъ, торгующихъ титулами, проходимцевъ sans foi ni loi, размѣнивающихъ природный талантъ на звонкую монету и т. д. Но всѣ эти типы—представители внѣшней жизни общества; они результатъ изученія различныхъ слоевъ общества въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, а не душевнаго міра людей, выросшихъ въ этихъ условіяхъ. Ожье создалъ комедію положеній, а не характеровъ. Напрасно стали-бы мы искать у него анализа чувствъ и мотивовъ, руководящихъ дѣйствіями его героевъ. Тамъ, гдѣ дѣйствующія лица его комедій не представляютъ какого-нибудь опредѣленнаго типа, созданнаго условіями современной жизни, тамъ они совершенно безцвѣтны.

Что касается нравственныхъ идеаловъ, проповѣдуемыхъ Ожье, то они сводятся къ самой буржуазной морали, къ проповѣди неприкосновенности семейнаго очага, святости традиціонныхъ представленій о добродѣтели и условной чести и т. д.,—и во имя этихъ элементарныхъ принциповъ Ожье громитъ пороки современнаго общества и то лишь тѣ, которые бросаются въ глаза поверхностному наблюдателю. Любовь къ роскоши, жажда наслажденій, легкое отношеніе къ обязанностямъ, погоня за деньгами и за положеніемъ въ свѣтѣ,—вотъ общественное зло, противъ котораго Ожье вооружается всей силой своей сатиры.

Въ сравненіи съ этимъ пониманіемъ комедіи нравовъ Дюма стоитъ несравненно выше своего современника, исходя, однако, изъ одинаковаго съ нимъ міросозерцанія. Дюма, какъ и Ожье, прежде всего моралистъ, видящій въ театрѣ средство вліять на нравственные идеалы общества. «Во всѣхъ областяхъ драматическаго искусства», говоритъ Дюма въ предисловіи къ «Père Prodigue», «въ трагедіи, комедіи, драмѣ, фарсѣ, въ какой угодно формѣ возстановимъ *полезный театръ* какъ-бы ни протестовали противъ этого проповѣдники «искусства для искусства».

Еще болѣе опредѣленно высказался Дюма о своей проповѣднической миссіи въ предисловіи къ «Femme de Claude». «Вы утверждаете», говоритъ онъ, обращаясь къ своимъ критикамъ, «что не бу-

дучи ни правительственнымъ, ни духовнымъ лицомъ, не будучи членомъ никакой профессіональной корпораціи, ни адвокатомъ, ни докторомъ или т. п., я не имѣю права критиковать законы и говорить о законодательныхъ реформахъ... Но это право, котораго я, по вашему, не имѣю—я его беру... Хотя я ни отъ кого не получалъ полномочій, я имѣю полное право такъ-же проповѣдывать и призывать къ правосудію, какъ напр. Лобаржмонъ, и такъ-же наставлять въ добродѣтели, какъ кардиналъ Дюбуа. Конечно, я не имѣю права производить этого ни въ церкви, ни въ зданіи суда, я не могу ни причащать маленькихъ дѣтей, ни приговаривать къ смертной казни преступниковъ, но я могу обращаться къ людямъ, собравшимся въ особомъ мѣстѣ, называемомъ театромъ, и такъ какъ повсюду, гдѣ собираются люди, есть души, открытыя воздѣйствію, то я также обязанъ представлять имъ истину въ области вымысла, какъ священникъ и судья обязаны проводить ее въ дѣйствительной жизни. Священники и судьи могутъ сколько угодно презирать мою профессію и не нисходить до нея; я же имѣю право уважать ихъ и стремиться подняться до ихъ роли въ обществѣ». Задаваясь такими цѣлями въ своемъ творчествѣ, Дюма является прежде всего моралистомъ, значеніе котораго зависитъ отъ широты его міровоззрѣнія,, отъ его нравственныхъ критеріевъ въ оцѣнкѣ явленій жизни и наблюдаемыхъ имъ типовъ. И въ этомъ отношеніи такъ наз. «драмы à these» Дюма пошли несравненно дальше сатиры нравовъ въ театрѣ Ожье и другихъ. Какъ моралистъ Дюма не только раскрываетъ язвы общества, но указываетъ на средства борьбы съ ними. Какъ психологъ, изучившій глубоко своихъ современниковъ, онъ не рисуетъ отдѣльныхъ, разрозненныхъ явленій окружающей жизни, а даетъ цѣльную картину современной жизни общества. Для этого онъ сосредоточивается на изображеніи одной стороны этой жизни—на томъ, какія отношенія между людьми создастъ современное пониманіе любви. Весь театръ Дюма посвященъ исключительно изображенію любви и создаваемыхъ ею условій семейной и общественной жизни. У Дюма очень строгій и опредѣленный кодексъ понятій, при помощи которыхъ онъ раздѣляетъ любовь на благотворную и нравственную съ одной стороны, и порочную, разрушительную для общества съ другой. Но уже эта самая классификація въ вопросахъ чувства показываетъ, что Дюма имѣетъ въ виду не любовь, какъ основу души человѣческой, а любовь, ограниченную и обусловленную общественными рамками. Въ его драмахъ мы не увидимъ тѣхъ страстей и безъисходныхъ противорѣчій жизни и чувства, которыя одинаково составляли душевную трагедію героевъ Софокла, какъ и героевъ Шекспира, Расина, Гюго, а теперь Ибсена, Метерлинка и т. д. Дюма изображаетъ въ любви не сущность ея. Его герои и героини или любятъ, или не любятъ, не испытывая въ своемъ чувствѣ тѣхъ осложненій, которыми такъ богатъ душевный міръ

людей всѣхъ временъ, а въ особенности нервныя души современныхъ мужчинъ и женщинъ. Но простыя и понятныя чувства героевъ Дюма, если и не ведутъ къ внутреннимъ трагедіямъ, то разыгрываются въ сложныя жизненныя драмы вслѣдствіе препятствій, поставленныхъ обществомъ свободному проявленію чувства, а также вслѣдствіе господствующей въ обществѣ безнравственности.

Нравственна и священна любовь, по кодексу Дюма, только въ бракѣ, основанномъ на равноправіи мужа и жены, на одинаковой чистотѣ обоихъ, на исполненіи обязанностей по отношенію къ дѣтямъ,—всякую другую любовь внѣ брака и семейныхъ обязанностей Дюма клеймитъ названіемъ разврата, гибельнаго для общества, создающаго безчисленныя ни въ чемъ неповинныя жертвы. Но этого отношенія къ любви, этой безупречной семейной жизни Дюма не находитъ въ современномъ ему французскомъ обществѣ—и потому всѣ его драмы сводятся къ обличенію золъ, губящихъ семью, къ изображенію типовъ общественной деморализаціи. Три фактора представляются ему виновными въ разрушеніи семьи, и онъ ведетъ противъ нихъ ожесточенную кампанію какъ въ самыхъ пьесахъ, такъ и въ пространныхъ предисловіяхъ къ нимъ и въ отдѣльныхъ памфлетахъ. Это во-первыхъ современный мужчина, легкомысленно прожигающій жизнь и пренебрегающій всякими обязанностями, во вторыхъ женщина съ пустымъ сердцемъ и возбужденнымъ воображеніемъ, сама жертва среды и въ то-же время губительница всякихъ основъ добродѣтели, а въ-третьихъ законодательство, которое помогаетъ отцамъ уклоняться отъ обязательствъ по отношенію къ дѣтямъ и которое съ другой стороны приковываетъ другъ къ другу людей, не соединенныхъ никакой внутренней связью. Вопросу о преступныхъ отцахъ, бросающихъ на произволъ судьбы дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, посвящено нѣсколько лучшихъ драмъ Дюма: «Le Fils Naturel», «Monsieur Alphonse», «Denise», отчасти «Les Idées de Madame Aubray». Въ этихъ драмахъ авторъ выводитъ на сцену типы то просто легкомысленныхъ, то низкихъ по своей эксплоататорской натурѣ людей, наказанныхъ за свое поведеніе при посредствѣ именно брошенныхъ ими дѣтей: такъ въ «Fils Naturel» Жакъ Виньо, носящій имя своей матери, прославляетъ его своими личными заслугами и когда непризнававшій его до того отецъ хочетъ усыновить сдѣлавшаго блестящую карьеру сына, послѣдній отказывается отъ запоздавшей чести и предпочитаетъ имя, созданное собственными заслугами. Въ «Monsieur Alphonse» человѣкъ, пользующійся привязанностью женщины для устройства своей судьбы, обличенъ и лишенъ возможности достичь своей цѣли, благодаря вмѣшательству своего незаконнаго ребенка, которымъ онъ тщетно готовъ пожертвовать ради своихъ корыстныхъ замысловъ. Выводы изъ этихъ примѣровъ Дюма дѣлаетъ самъ въ предисловіяхъ къ обѣимъ пьесамъ: ненормально общество, въ которомъ законъ караетъ

въ незаконныхъ бракахъ не отцовъ, избавленныхъ отъ всякой отвѣтственности, а мать, на которую падаетъ все бремя заботъ о ребенкѣ и тяжелое для средняго человѣка осужденіе общества, и еще болѣе ребенка, абсолютно невинную жертву обстоятельствъ, поставленную на всю жизнь въ обособленное, не охраняемое общими законами положеніе въ обществѣ. Результатомъ этой глубокой несправедливости являются печальные типы въ родѣ Monsieur Alphonse или безхарактернаго карьериста Шарля Стернэ, отца Жака. Для искорененія подобныхъ типовъ необходимъ пересмотръ законодательства о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ, установленіе ихъ гражданскихъ правъ и привлеченіе отцовъ къ отвѣтственному отношенію къ дѣтямъ. Нравственныя страданія Жака, узнавшаго тайну своего происхожденія, и мученія Раймонды, соблазненной въ молодости «Monsieur Alphonse'омъ» объясняются чисто внѣшними условіями, несовершенствомъ законодательнаго кодекса. Воспроизводя эти столкновенія чувствъ и условій жизни, Дюма имѣетъ въ виду чисто практическую цѣль—способствовать законодательной реформѣ въ вопросѣ, столь близко касавшемся нѣкоторыхъ обстоятельствъ его собственной жизни. Дюма, какъ извѣстно, былъ самъ незаконнорожденнымъ сыномъ своего отца и одной парижской работницы.

Несправедливость законовъ о дѣтяхъ и шаткость этическихъ принциповъ въ обществѣ дѣлаетъ женщину жертвой перваго своего увлеченія и создаетъ среди общества особый классъ отверженныхъ, изображенный Дюма въ «Demi-Monde», «Dame aux Camélias» и въ рядѣ отдѣльныхъ фигуръ въ другихъ комедіяхъ. Моралистъ Дюма менѣе всего защитникъ жертвъ общественныхъ предразсудковъ. Онъ указываетъ на причины, вызвавшія существованіе въ парижскомъ свѣтѣ какого-то обособленнаго полуострова, примыкающаго лишь одной стороной къ средѣ, изъ которой онъ вышелъ; самихъ-же обитательницъ этого полуострова онъ жестоко клеймитъ и выставляетъ истинной язвой общества, подтачивающей семью и свободу личности. Женщина—жертва разныхъ недобросовѣстныхъ «Monsieur Alphonse», дѣлаясь героиней полусвѣта, въ свою очередь становится эксплоататоршей и удовлетворяетъ своимъ инстинктамъ стяжательства и прожиганія жизни въ ущербъ правильной и нравственно чистой семейной жизни. Такимъ образомъ получается для моралиста заколдованный кругъ общественныхъ золъ: соблазненная женщина и ея ребенокъ не находитъ защиты передъ закономъ, оказывающимъ покровительство только легальной семьѣ, а между тѣмъ эта легальная семья болѣе всего страдаетъ отъ того, что, вслѣдствіе несправедливости законовъ, число покинутыхъ и тѣмъ самымъ выброшенныхъ изъ общества женщинъ все болѣе растетъ и образуетъ паразитный классъ «дамъ съ камеліями» и дамъ «полу-свѣта». Борьба противъ этого положенія дѣлъ должна вестись, по убѣжденію Дюма, не путемъ искорененія установившихся въ обществѣ

перегородокъ: Дюма, самъ сторонникъ господствующихъ предразсудковъ, строго дѣлитъ общество на свѣтъ и полусвѣтъ, женщинъ—на честныхъ и падшихъ, мужчинъ на нравственныхъ и безнравственныхъ и считаетъ пропасть, отдѣляющую ихъ другъ отъ друга, непроходимой. Онъ не стоитъ за уничтоженіе перегородокъ и объединеніе всего общества нравственными понятіями, одинаковыми для всѣхъ; цѣль его пьесъ и его предисловій къ нимъ—обезпеченіе правильной семьи путемъ законовъ, ограничивающихъ нравственную разнузданность общества.

Контрасты любви нравственной и безнравственной Дюма видитъ не только въ столкновеніяхъ семейныхъ обязательствъ и свободныхъ принциповъ полусвѣта и входящихъ въ составъ его типовъ. Онъ проникаетъ въ современную семью и тамъ видитъ тоже отсутствіе чистоты и добродѣтели, тоже господство порока, обмана и потворства низменнымъ инстинктамъ. Вслѣдствіе роковыхъ условій французской семьи, отсутствія равноправности въ отношеніяхъ мужа и жены и невозможности порвать брачныя цѣпи, семейная жизнь превращается въ постоянную дуэль между мужемъ и женой, и ее-то воспроизводитъ Дюма въ своихъ многочисленныхъ драмахъ изъ семейнаго быта. Въ центрѣ этихъ драмъ («Princesse George», «L'Etrangère», «Diane de Lys», «Francillon», «La Femme de Claude» и др.) всегда изображена невѣрность одного изъ супруговъ, и Дюма изрекаетъ ей приговоръ во имя святости семейнаго очага. Онъ относится съ строгостью моралиста къ измѣнѣ какъ мужа, такъ и жены: герцогъ des Septmonts, пренебрегающій своей женой ради безсердечной авантюристки (L'Etrangère), погибаетъ на дуэли, освобождая своей женѣ дорогу къ счастью въ союзѣ съ любящимъ ее другомъ дѣтства; мужъ princesse Georges измѣняетъ ей и чуть-чуть не погибаетъ, уступая своей преступной страсти—его спасаетъ только самоотреченіе жены, забывшей о собственной обидѣ, когда дѣло коснулось жизни любимаго человѣка. Мужъ Francillon, не скрывающій отъ жены своего легкаго отношенія къ обѣту супружеской вѣрности, дорогой цѣной искупаетъ свою вину; угроза жены отплатить ему за измѣну его же монетой и увѣреніе ея, что угроза приведена въ исполненіе, производятъ въ немъ нравственный переломъ: когда обнаруживается, что месть Francillon только мнимая, Люсьенъ навсегда излѣченъ отъ прежняго равнодушія къ семейнымъ принципамъ.

Но, озабоченный прежде всего защитой общества отъ грозящаго разрушенія семьи, Дюма дѣлается болѣе строгимъ палачемъ преступной жены, чѣмъ забывающаго свои обязанности мужа. Кромѣ убитаго на дуэли герцога des Septmonts, всѣ невѣрные мужья сравнительно благополучно отдѣлываются отъ грозящихъ имъ каръ. Въ наказаніи-же измѣнившихъ семьѣ женщинъ Дюма гораздо безпощаднѣе. Забывшая свой долгъ жена Ипполита Ришона (Demi-Monde), Валентина, навсегда оттор-

гнута отъ общества и ведетъ печальную жизнь среди подобныхъ себѣ представительницъ полу-свѣта, этого «острова среди океана парижской жизни», какъ опредѣляетъ его одно изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы. Diane de Lys подвергается нравственной казни, когда въ ея присутствіи мужъ ея убиваетъ спокойно, съ сознаніемъ своего права, любимаго ею человѣка; еще болѣе заклеймена драматургомъ Сильвани-де-Термондъ (Princesse Georges), мужъ которой убиваетъ даже не любимаго ею человѣка, а одного изъ многихъ поклонниковъ, любовь которыхъ она эксплоатировала для удовлетворенія своихъ стремленій къ роскоши и блеску. Очень печальной рисуется у Дюма участь чуждой всякихъ нѣжныхъ привязанностей м-ссъ Кларксонъ (Etrangère), и совершенно безуспѣшны попытки подозрительной баронессы д'Анжъ (Demi-Monde) опутать своими интригами любящаго и вѣрящаго ей Раймонда-де-Нанжака, и, выходомъ за него замужъ, вернуть себѣ положеніе въ свѣтѣ. Обличая этихъ двухъ интриганокъ высшаго разбора, Дюма проводитъ мысль, что возврата въ семью нѣтъ для женщины, сошедшей съ пути добродѣтели, и что искупленіе невозможно, когда нарушена святость семьи. Заключительнымъ аккордомъ въ этомъ осужденіи женщины является одна изъ самыхъ замѣчательныхъ драмъ Дюма, «La Femme de Claude»; образъ преступной жены, торгующей именемъ и честью мужа, пріобрѣтаетъ въ ней грандіозные, чисто символическіе размѣры и символической-же является смерть ея отъ руки мужа, уничтожающая такимъ образомъ разрушительный элементъ семейной жизни—порокъ и измѣну. Это—художественное воплощеніе принципа «Tue—la», провозглашеннаго Дюма лозунгомъ современной семейной морали.

Замыслы его драмъ производятъ на читателя и зрителя нашихъ дней впечатлѣніе чего-то узкаго и внѣшняго—это не идейная, а тенденціозная драма, значеніе которой теряется, когда задѣтый ею вопросъ перестаетъ быть злобой дня. Быть можетъ, въ свое время, молодой человѣкъ, пробивающій себѣ путь въ жизни, страдалъ отъ сознанія, что онъ незаконнорожденный сынъ. Тогда «Fils Naturel» Дюма находилъ откликъ въ обществѣ и фразы Жака Виньо о незаслуженномъ позорѣ казались патетичными. Намъ онѣ кажутся теперь вышедшими изъ мелкой души, не находящей опоры въ себѣ самой и потому считающейся съ мнѣніями и предразсудками общества. Точно также призрачны страданія изображаемыхъ Дюма declassées, стремящихся не къ нравственному возрожденію, а къ возстановленію прежняго положенія въ свѣтѣ. Общественныя перегородки потеряли значеніе въ наши дни, и драматизмъ положеній, созданныхъ не психологическими причинами, а одинаково раздѣляемыми всѣми дѣйствующими лицами предразсудками, уже не трогаетъ насъ. Душевный конфликтъ, который можетъ быть разрѣшенъ введеніемъ законодательной реформы, касается, очевидно, лишь внѣшнихъ

сторонъ жизни и имѣетъ преходящее значеніе. Въ этомъ главный недостатокъ Дюма, какъ моралиста. У Дюма нѣтъ борьбы сильныхъ индивидуальностей съ обществомъ, нѣтъ прозрѣвшихъ, которые бросали-бы вызовъ обществу во имя открывшейся имъ правды. Дюма самъ не искалъ и потому не находилъ никакой правды внѣ общепринятыхъ понятій о семьѣ, домѣ, чести и т. д. Онъ воплотилъ въ своемъ театрѣ всѣ вожделѣнія буржуазной морали. Вотъ почему, если судить его пьесы не съ точки зрѣнія случайныхъ и преходящихъ формъ общественнаго строя, всѣ возбужденные драматургомъ вопросы, вся его проповѣдь покажется мертвой, осуждающей человѣчество на повтореніе однихъ и тѣхъ-же шаблоновъ внѣшней правды въ своей жизни.

Но это не составляетъ еще осужденія его театра. Хотя современная драма съ ея культомъ душевной свободы совершенно вытѣснила внѣшнюю мораль Дюма, пьесы послѣдняго продолжаютъ держаться въ репертуарѣ, потому что есть въ нихъ нѣчто, роднящее Дюма съ современностью. Воплощая свои отсталыя представленія о нравственности, Дюма создаетъ, однако, людей новыхъ, съ тонкой нервной организаціей, переживающихъ очень своеобразно свои душевные кризисы. Съ психологической стороны драмы Дюма очень современны и интересны, заставляя нерѣдко забывать о банальности общихъ его требованій.

Произнося строгій судъ надъ людьми и общественными явленіями, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обрисовываетъ тонкими штрихами психологію своихъ героевъ и героинь. Такимъ образомъ создана имъ цѣлая галлерея современныхъ типовъ, изъ которыхъ особенно выдѣляются своей художественностью и сложностью женскія фигуры. Дюма считается въ литературѣ врагомъ женщинъ и самъ въ предисловіи къ «Femme de Claude» говоритъ, что его театръ въ значительной степени направленъ на то, чтобы развѣнчать женщину и разрушить ея обаяніе въ глазахъ общества. Преслѣдуя эти разрушительныя цѣли, Дюма умножаетъ на ряду съ свѣтлыми образами чистыхъ и оскорбляемыхъ жизнью женщинъ, типы женщинъ, губящихъ семью и общество своими хищническими инстинктами и жаждой власти надъ сердцами; но въ эти отрицательные типы Дюма вкладываетъ сильные характеры съ рѣзко обозначенной индивидуальностью и благодаря этому сатирическій замыселъ исчезаетъ за психилогическимъ интересомъ обрисованнаго типа.

Въ изображеніи женщины, разрушающей семейный идеалъ своими порочными инстинктами, Дюма соблюдаетъ нѣкотораго рода прогрессію; онъ начинаетъ съ куртизанки, откровенно торгующей собой и заканчиваетъ такой-же куртизанкой, таящейся въ свѣтской женщинѣ, которая обманываетъ мужа и забываетъ свои семейныя обязанности. Первой драмой этой обличительной серіи была «La Dame aux Camélias», юношеское произведеніе, написанное (въ 1852 г.) на скорую руку, въ во-

семь дней, и почему-то сдѣлавшееся самой знаменитой драмой Дюма. Маргарита Готье чисто романтическая фигура со всей ея страстностью и экзальтаціей чувства, находящаго исходъ въ подвигѣ самоотрѣченія; она совершенно цѣльная натура; есть въ ней нервная впечатлительность и тоска, особенно выступающія впередъ въ исполненіи роли Маргариты Сарой Бернаръ и Элеонорой Дузе; но не изъ мистически тоскующей души исходитъ эта скорбь, а изъ нѣсколько сантиментальнаго сожалѣнія объ утраченномъ уваженіи свѣта; она имѣетъ смѣлость любить глубокимъ чувствомъ, но не имѣетъ мужества пренебречь мнѣніемъ свѣта, когда представителемъ его является отецъ любимаго ею человѣка. Напрасно принято считать, что въ лицѣ Маргариты Готье Дюма окружилъ ореоломъ падшую женщину. Напротивъ, обрисовавъ трогательный образъ женщины, способной на чистое чувство, несмотря на свое нравственное паденіе, Дюма показалъ невозможность для нея искупленія; она погибаетъ жертвой своей среды и проклятія, тяготѣющаго на тѣхъ, кто возмутился противъ традиціонныхъ понятій чести. Интересно въ юношеской драмѣ Дюма только то, что обрисовка среды и сатира нравовъ отходятъ на второй планъ передъ психологіей Маргариты Готье, и тѣмъ самымъ выдвигается значеніе анализа душевной борьбы для драмы, отражающей жизнь общества.

Психологія женщины, уступающей своимъ инстинктамъ и влеченіямъ, обрисована въ цѣломъ рядѣ дальнѣйшихъ драмъ. Diane de Lys — свѣтская женщина, праздная и пустая, и любовь ея къ художнику Обри состоитъ почти всецѣло изъ скуки и празднаго любопытства; трагическій финалъ этой любви — результатъ обстоятельствъ и желанія Дюма рѣзко выразить свое осужденіе измѣнившей женѣ; но интересна въ драмѣ не эта расправа мужа съ оскорбителемъ его семейной чести, а анализъ чувства, созданнаго не внутренними побужденіями, а внѣшними условіями празднаго существованія. Этотъ типъ любопытствующей и скучающей mondaine привился въ современной литературѣ и всѣ героини Бурже и Мопассана съ ихъ утонченной нервной организаціей и погоней за изысканными ощущеніями представляютъ дальнѣйшее развитіе типа, намѣченнаго Дюма. Diane de Lys, при всемъ своемъ стремленіи спастись отъ монотонности жизни и испытать настоящее сильное чувство, натура не сильная; честная и искренняя, она неспособна на компромиссы и не скрываетъ чувства, которое губитъ ее въ глазахъ общества, но отстоять своего права на любовь она не можетъ и дѣлается одной изъ многихъ жертвъ семейнаго деспотизма. Истинными воительницами за свое право на счастье, понимаемое каждой по своему, являются нѣсколько другихъ женщинъ, которыхъ моралистъ-Дюма безпощадно осуждаетъ, но которыхъ художникъ-Дюма рисуетъ прекрасными и увлекательными; красота ихъ—въ сильно выраженной индивидуальности, въ томъ, что въ нихъ

чувствуется протестъ противъ созданныхъ обществомъ узкихъ рамокъ, протестъ противъ будничности и пошлости буржуазныхъ идеаловъ. Этими жрицами зла и разрушенія являются Сюзанна д'Анжъ (Demi-Monde), м-съ Кларксонъ (Etrangère) и Цезарина (Femme de Claude). Сюзанна истинная авантюристка по своимъ цѣлямъ, но путь, по которому она идетъ для достиженія ихъ, свидѣтельствуетъ о нѣкоторой силѣ и смѣлости, о сознательномъ презрѣніи къ людямъ и неутомимой жаждѣ власти надъ ними. Умная и обаятельная, она ни передъ чѣмъ не останавливается, чтобы добиться любви всѣхъ окружающихъ. Мало того, она затѣваетъ сложную интригу, чтобы добиться положенія въ свѣтѣ, чуждомъ въ сущности ея симпатіямъ. Но въ ней кипитъ страстное желаніе проявить свою силу и ея холодная и проницательная житейская философія подсказала ей, что бороться съ людьми нужно ихъ собственнымъ орудіемъ. Вотъ почему ей, свободолюбивой, но прежде всего властолюбивой, понадобилось замужество, создающее ей положеніе въ обществѣ. Если не удалась интрига ея, заставившая преклониться предъ ея умомъ даже ея заклятаго врага, т. е. покинутаго ею поклонника, то въ этомъ виноватъ только авторъ, желавшій показать, что изъ полу-свѣта въ свѣтъ нѣтъ дороги. Самый-же образъ Сюзанны, этой «self-made woman», для которой нѣтъ и не можетъ быть ничего недостижимаго въ жизни, остается крайне любопытнымъ. Это воплощеніе силы, направленной не на высокое, а на чисто житейское, но въ этой области составляющій нѣчто цѣльное и большое по своему вліянію.

Еще болѣе сильно выражено властолюбіе сильной женской натуры въ м-ссъ Кларксонъ, которая задумана въ сущности не какъ жизненный типъ, а какъ воплощеніе познавшей себя современной женщины, мстящей всѣми средствами, которыя у нея въ рукахъ, за свое вѣковое униженіе. Дюма рисуетъ эту предвозвѣстницу женскихъ правъ внучкой рабыни и бывшей самой рабыней до тѣхъ поръ, пока не проснулись въ ней силы, помогшія ей освободиться; онъ называетъ ее къ тому-же чужестранкой, какъ-бы указывая на то, что женщина является чужой среди законовъ, созданныхъ безъ ея вѣдома и распоряжающихся ея судьбой, среди понятій, жертвой которыхъ она невольнымъ образомъ становится. Ей остается только мстить, властвуя надъ своими властелинами, что и дѣлаетъ м-ссъ Кларксонъ, управляющая по своему усмотрѣнію судьбой покоренныхъ ея красотой и душевной силой людей. «Меня не называли болѣе моимъ именемъ, объясняетъ она Катеринѣ де-Семонъ, разсказывая о своей жизни», а звали чужеземкой, что совершенно справедливо. Да, я чужая, безъ семьи, безъ друзей, безъ отечества, чужая всѣмъ вашимъ традиціямъ, вашимъ радостямъ, но и вашимъ униженіямъ; всѣ мои жизненныя правила сводились къ своеволію и наполняющей мнѣ душу и разумъ ненависти къ мужчинѣ; въ его приближеніи я не могла

видѣть ничего иного, кромѣ желанія унизить женщину ради своего удовольствія и своей пользы. Я глубоко ненавидѣла этого владыку творенія, объявившаго себя властелиномъ насъ женщинъ. Тогда я разсчитала, что я могла-бы извлечь изъ его пороковъ, не давая ему ничего въ обмѣнъ. Нѣтъ ни одного человѣка ни на землѣ, ни подъ землей, который-бы, говоря лицемѣрнымъ и изворотливымъ языкомъ вашихъ салоновъ, добился отъ меня малѣйшихъ знаковъ благосклонности. Кто-то, нѣсколько болѣе остроумный чѣмъ другіе, назвалъ меня «дѣвой зла». Когда я добивалась отъ глупости мужчинъ всего, что она можетъ дать, я ихъ приводила къ тому, чего они такъ заслуживали: къ тюрьмѣ, безумію, безчестью, преступленію и самоубійству. Когда другія женщины, подобно мнѣ, поймутъ свою силу и свою власть, мужчина превратится въ ничто».

Какъ велика эта губительная власть женщины, Дюма показываетъ въ нѣсколькихъ драмахъ, гдѣ безсердечныя и расчетливыя интриганки играютъ роль злого рока, но самое сильное зло, вносимое въ жизнь порочной женщиной, представлено въ Цезаринѣ, «Женѣ Клавдія». Это не просто порочная и продажная женщина, а символъ разврата, поѣдающаго общества. Въ предисловіи къ пьесѣ Дюма самъ настаиваетъ на ея символическомъ значеніи, рисуя образъ какого-то колоссальнаго чудовища о семи головахъ и десяти рогахъ, на которые одѣты десять сверкающихъ коронъ: чудовище это одѣто въ пурпуръ и разукрашено драгоцѣнными камнями, и въ бѣлыхъ рукахъ оно держитъ золотой сосудъ, полный всѣхъ нечистей Вавилона, Содома и Лесбоса. И по временамъ это чудовище окружаетъ себя опьяняющими ароматами и куреніями и сіяетъ среди нихъ, какъ самый прекрасный изъ ангеловъ Божіихъ; и тогда къ нему слетаются тысячами антропоморфическія созданьица, рожденныя до него и кружатся среди возгласовъ счастья и криковъ страданія и потомъ сразу лопаются съ маленькимъ трескомъ, оставляя послѣ себя только каплю слезъ или крови. А ненасытное чудовище продолжаетъ поглощать все новыя жертвы и избытокъ ихъ топтать ногами, душить руками и раздирать зубами. Безмолвное, оно поднимаетъ свои семь головъ высоко надъ всѣми горами, держитъ полуоткрытыми свои семь ртовъ, красныхъ— какъ раскаленные уголья, устремивъ впередъ четырнадцать глазъ, зеленыхъ—какъ волны океана... Это чудовище ничто иное, какъ новое воплощеніе женщины, рѣшившейся отомстить за долгіе вѣка униженія. Цезарина, жена благороднаго, преданнаго наукѣ и творящаго добро Клавдія, и есть это апокалипсическое чудовище: своими измѣнами она разбила жизнь мужа и убила въ немъ любовь; теперь-же, вернувшись въ его домъ послѣ долгаго отсутствія, она затѣваетъ новыя интриги, подготовляетъ новыя жертвы, вноситъ измѣну въ домъ, отнимаетъ у Клавдія его друга и помощника и готова продать честь мужа, выдать тайну его изобрѣтенія шпіону враждебной націи; гдѣ она ни покажется съ

своей покоряющей улыбкой и вкрадчивыми рѣчами о счастьи и любви, слѣдомъ за ней идутъ измѣна, горе и нравственная гибель. Она составляетъ опасность для общества и въ особенности для семьи, въ которую она вноситъ одинъ только позоръ. Пока не будетъ существовать развода, освобождающаго мужа отъ ненасытно жестокой «femme de Claude», до тѣхъ поръ Дюма считаетъ справедливой самовластную расправу съ ней. Выстрѣлъ Клавдія поражаетъ Цезарину въ тотъ моментъ, когда она собирается передать бумаги мужа подкупающему ее агенту: въ этомъ выстрѣлѣ заключается программа дѣйствія, подтвержденная формулой Дюма: «tue-la». Вмѣстѣ съ тѣмъ это—уничтоженіе пагубнаго чудовища, о которомъ Дюма говоритъ въ предисловіи. Благодаря символичности замысла, психологическій интересъ личности Цезарины становится второстепеннымъ, хотя въ обрисовкѣ ея характера Дюма выказалъ большое мастерство. Цезарина не безнравственная женщина, а само зло, инстинктивное, безпощадное и безмятежное. Она не возмущаетъ своей натурой, а внушаетъ ужасъ чего-то роковаго и вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно простаго и какъ-бы необходимаго. Въ этой драмѣ Дюма возвысился отъ тенденціозной проповѣди развода во имя неприкосновенности семьи до болѣе глубокаго анализа зла и его роковаго значенія въ жизни. Никакой разводъ не разрѣшитъ трагической судьбы Клавдія и другихъ покоренныхъ Цезариной людей—ихъ связь съ Цезариной, воплощающей зло, установлена не нотаріальными актами, и никакой формальный разрывъ не уничтожитъ зла, причиненнаго ея вліяніемъ.

Въ этихъ жрицахъ зла, выведенныхъ Дюма въ его драмахъ, отразилось въ значительной степени его пониманіе современной женщины съ ея рѣзко выраженной индивидуальностью и душевной силой. Дюма считаетъ эту силу разрушительной, насколько она стремится противодѣйствовать установленнымъ принципамъ, но эта оцѣнка зависитъ уже отъ его общаго этическаго міросозерцанія. Важно то, что онъ вывелъ на сцену новые типы женщинъ, воительницъ за личную свободу, самостоятельно устраивающихъ свою судьбу; психологія этихъ женщинъ раскрывается передъ нами въ названныхъ пьесахъ и многихъ другихъ.

Въ противоположность этимъ активнымъ натурамъ, вносящимъ въ жизнь одно лишь зло, въ драмахъ Дюма есть цѣлый рядъ положительныхъ типовъ женщинъ, приносимыхъ и приносящихъ себя въ жертву, и, въ противоположность носительницамъ зла, играющихъ страдательную роль въ драмахъ жизни. Такова Раймонда (Monsieur Alphonse), невинная жертва своего юношескаго невѣдѣнія, искупающая свою вину долгими годами страданій и спасенная благородствомъ своего мужа; такова princesse George, оскорбленная въ своемъ чувствѣ къ мужу, напрасно ищущая помощи у близкихъ ей людей и неослабѣвающая, однако,

до конца въ своей любви къ виновному мужу. Таковы всѣ оскорбленныя жены и брошенныя своими соблазнителями жертвы въ драмахъ Дюма. Онѣ мало самостоятельны и не совершаютъ никакихъ рѣзкихъ поступковъ, но онѣ полны особой красоты и тоже обладаютъ сильной индивидуальностью, сказывающейся въ умѣніи сохранить достоинство и выходить побѣдительницей изъ самыхъ печальныхъ жизненныхъ обстоятельствъ.

Самой интересной по искренности и смѣлости своей непосредственной натуры намъ кажется Francillon, сумѣвшая нарушить невозмутимость и равнодушіе своего мужа дерзновенностью и оригинальностью своихъ поступковъ. Впечатлительная и нѣжная, любящая своего мужа со всей непосредственностью молодого чувства, она возмущена его вульгарной измѣной и считаетъ себя въ правѣ отмстить ему оскорбленіемъ за оскорбленіе. Конечно, Дюма слишкомъ проникнутъ традиціонной моралью, чтобы выдержать до конца задуманный имъ типъ и изобразить дерзновенную въ своемъ чувствѣ свободы женщину. Месть Francillon только мнимая, и она продолжаетъ быть образцомъ семейной добродѣтели.

Подобно тому какъ серія отрицательныхъ женскихъ типовъ заканчивается символической женой Клавдія, такъ и развитіе женскаго благородства доведено Дюма до идеальной высоты въ «Les Idées de madame Aubray». Въ этой пьесѣ важенъ не характеръ самой героини—христіанки, всецѣло преданной завѣтамъ Евангелія, а та идея, которую она воплощаетъ: въ обществѣ, живущемъ компромиссами и лицемѣріемъ, она проповѣдуетъ необходимость проводить въ собственной жизни всѣ свои идеалы и сама показываетъ примѣръ этой стойкости: она посвятила свою жизнь заботамъ о соблазненныхъ и брошенныхъ женщинахъ, и борется съ предразсудками общества по отношенію къ нимъ. Когда оказывается что женщина, которую любитъ ея сынъ, тоже «согрѣшившая», и ребенокъ ея не имѣетъ имени, м-мъ Обрэ остается вѣрной себѣ и способствуетъ браку сына съ любимой женщиной.

Сдѣлавъ изъ различныхъ типовъ и характеровъ женщинъ центръ своего театра, Дюма далъ также нѣсколько законченныхъ мужскихъ типовъ, характерныхъ для современнаго общества. Ему принадлежитъ «monsieur Alphonse», сдѣлавшійся столь общепринятымъ опредѣленіемъ извѣстнаго типа. Онъ-же создалъ особую разновидность резонера прежняго театра. Его резонеры, въ особенности Оливье-де-Жаленъ (Demimonde) и де-Ріонъ (Ami des femmes), философы жизни, очень глубоко ее понимающіе и опредѣляющіе ее съ тонкимъ остроуміемъ. Въ лицѣ де-Ріона, ami des femmes, Дюма изобразилъ свою собственную философію жизни, которую составляетъ спокойное и нѣсколько чуждое отношеніе къ женщинѣ, пониманіе ея, симпатія и значительная доля скептицизма. Такимъ образомъ, несмотря на устарѣвшую, ограниченную мораль своихъ пьесъ Дюма сумѣлъ придать имъ большую жизненность и интересъ.

Происходитъ это оттого, что Дюма обладалъ прежде всего большимъ художественнымъ талантомъ и былъ мастеромъ сцены. Во всѣхъ его фигурахъ чувствуется глубокое знаніе жизни вообще и знаніе парижской жизни въ частности. А чисто сценическія качества его пьесъ обезпечиваютъ имъ успѣхъ вопреки всякимъ протестамъ. Блескъ діалога въ пьесахъ Дюма не превзойденъ никѣмъ изъ современныхъ драматурговъ, его завязки драмъ и комедій справедливо ставятся такъ высоко французской критикой — онъ умѣетъ передать въ нихъ психологическій фонъ всей пьесы и ввести зрителя въ центръ дѣйствія, ничего не разсказывая и не объясняя. Такова напр. первая сцена въ «Femme de Claude»: изъ разговора Цезарины, прокрадывающейся на разсвѣтѣ въ домъ мужа и довѣренной служанки, встрѣчающей ее упреками за долгое отсутствіе и за ненужное теперь возвращеніе, сразу намѣчается и характеръ героини и трагическій антагонизмъ между ею и мужемъ, котораго она снова хочетъ завлечь. Безъ всякаго разсказа о событіяхъ въ этой сценѣ разскрывается прошлое семьи и намѣчаются въ перспективѣ трагическія событія въ будущемъ. Точно также въ «Francillon» безпечный разговоръ молодой героини съ ея пріятельницей даетъ понятіе о драмѣ, готовящейся въ глубинѣ этой непосредственной и еще нетронутой горемъ натуры.

Одно изъ главныхъ качествъ Дюма, содѣйствующихъ успѣху его пьесъ—его блестящее и чрезвычайно тонкое остроуміе. Герои Дюма не просто faiseurs de mots какъ дѣйствующія лица Мельяка, Пальерона и т. п. драматурговъ. Ихъ замѣчанія возбуждаютъ не только смѣхъ, какъ удачныя остроты, а таятъ въ глубинѣ своей ядъ и заставляютъ задумываться надъ явленіями, которыя формулируются въ нихъ. Дюма ввелъ въ разговорный языкъ нѣсколько новыхъ словъ, обозначающихъ имъ-же созданныя понятія и типы: «dame aux camélias», «demi-monde», «Monsieur Alphonse» сдѣлались ходячими ярлыками типовъ, впервые обрисованныхъ въ его пьесахъ. Цѣлый рядъ остроумныхъ сравненій и опредѣленій Дюма сдѣлались ходячей монетой, таково напр. знаменитое сравненіе женщинъ свѣта и полусвѣта съ персиками въ 15 и 20 су, отличающихся между собой, при одинаковой свѣжести, маленькимъ чернымъ пятнышкомъ, не сразу замѣтнымъ, но свидѣтельствующемъ о внутренней порчѣ.

Зин. Венгерова.

О главныхъ направленіяхъ современной эстетики [1]).

Предметъ предстоящаго чтенія—нѣкоторыя направленія современной эстетики, появленіе и значеніе которыхъ желательно опредѣлить. Философскій методъ по отношенію къ направленіямъ эстетики состоялъ-бы въ томъ, чтобы, выставивъ опредѣленія предмета эстетики, вывести изъ этого опредѣленія всѣ возможныя а-пріори направленія и подвергнуть ихъ анализу. При такомъ пути, однако, всѣ направленія явятся, первоначально по крайней мѣрѣ, равноцѣнными, и мы не найдемъ никакихъ указаній, объясняющихъ намъ, почему извѣстное направленіе возникло именно теперь, а не въ иное время. Чтобы избѣжать этого неудобства, мы постараемся найти путь, по которому развивалась философія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и эстетика, какъ часть философіи; это дастъ намъ возможность понять причину появленія извѣстныхъ эстетическихъ теорій, относительная состоятельность которыхъ опредѣлится анализомъ ихъ внутренняго содержанія.

I.

Еще на памяти у всѣхъ то время, когда многіе ученые, а вмѣстѣ съ ними и большинство образованныхъ людей думали, что законъ развитія знанія найденъ; полагали, что религія, философія и наука по своему существу тожественны, и что онѣ представляютъ собой лишь моменты развитія человѣческаго знанія. Религіозныя вѣрованія смѣняются метафизическими мечтаніями, которыя, въ свою очередь, устраняются точной, положительной наукой. Точная наука и есть вѣнецъ знанія. Эта формула принадлежитъ Конту, который, подобно г. Гредграйнду въ «Тяжелыхъ временахъ» Диккенса, желаетъ служить лишь дѣйствительности, «фактамъ и цифрамъ». Между тѣмъ формула вовсе не соотвѣтствуетъ

[1]) Лекція, читанная 10 декабря 1895 г. въ пользу Общества доставленія средствъ окончившимъ слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ.

дѣйствительности, ибо сосуществующіе моменты представлены здѣсь въ формѣ преемственной. Если-бы Контъ довѣрился болѣе фантазіи, то онъ подошелъ-бы ближе къ дѣйствительности, въ которой гораздо больше разнообразія, чѣмъ онъ полагалъ. Его формула есть фантастичное пророчество, которому не всѣ обязаны вѣрить, тѣмъ болѣе, что оно стремится къ искорененію вѣры. Не слѣдуетъ смѣшивать разнороднаго. Если между религіей, философіей и наукой и имѣются общія черты, то, конечно, между ними и много различія, и посему слѣдуетъ искать закона развитія для каждаго изъ этихъ явленій порознь, а не для всѣхъ одного общаго. Что касается развитія философіи, то уже Кузенъ [1]) указывалъ на то, что въ исторіи философіи повторяются одни и тѣ-же типы системъ и оставалось лишь найти порядокъ чередованія системъ. Исторія философіи представляетъ особенность, которую мы замѣчаемъ въ развитіи искусствъ и которой нѣтъ въ развитіи наукъ. Развитіе наукъ представляетъ правильное поступательное движеніе, каждый вновь открытый фактъ служитъ основаніемъ для подтвержденія или опроверженія общихъ научныхъ положеній. Въ исторіи искусства, наоборотъ, мы замѣчаемъ смѣну періодовъ подъема періодами внезапнаго глубокаго паденія. Подобную смѣну представляетъ и исторія философскихъ системъ, и здѣсь за періодами значительнаго умственнаго подъема наступаетъ эпоха умственнаго паденія.

Разсматривая древнюю, среднюю и новую философію, легко подмѣтить, что въ каждой изъ нихъ можно указать на четыре періода развитія [2]). Философія у грековъ начинается съ разнообразныхъ попытокъ понять явленія внѣшняго міра; философы пробуютъ примѣнить различные методы къ изученію дѣйствительности, перебираютъ возможныя объясненія. Въ этихъ попыткахъ чувствуется свѣжесть мысли, горячій теоретическій интересъ и въ то-же время неполнота изслѣдованія, дѣлающая невозможнымъ построеніе какой-либо единой и стройной системы. И вотъ къ четвертому вѣку до Р. Х. мысль назрѣла, частныхъ изслѣдованій накопилось достаточно и освѣщены они съ различныхъ точекъ зрѣнія, такъ что становится возможнымъ построеніе полной философской системы. Платонъ и Аристотель представляютъ собой, какъ извѣстно, высшій расцвѣтъ греческой мысли; послѣ нихъ наступаетъ упадокъ: теоретическій интересъ слабѣетъ, разсмотрѣніе вопросовъ жизни, исканіе счастья замѣняютъ собой науку о явленіяхъ внѣшняго и внутренняго міра. Люди отчаиваются въ возможности найти истину и ищутъ личнаго счастья независимо отъ нея. Наконецъ, наступаетъ полное *разложеніе греческой мысли*; въ нее вторгаются чуждые ей элементы, и греческій раціонализмъ уступаетъ мѣсто восточной мистикѣ,—не методич-

[1]) Cousin. Histoire générale de la philosophie 4-e leçon.

[2]) Brentano. Die vier Phasen. d. Philosophie. Stutteg. 1895 г.

ному, часто геніальному, хотя и безпорядочному исканію индивидуальной истины, въ которомъ заключаются уже зародыши новыхъ построеній.

Тотъ-же ходъ развитія можно замѣтить и въ средневѣковой философіи: новые народы получили въ наслѣдіе греческую науку, но ее нужно было усвоить и преобразовать на почвѣ тѣхъ вопросовъ, которые исторія поставила на очередь. Это усвоеніе шло хотя и медленнымъ, но правильнымъ путемъ, пока не достигло въ 13-мъ вѣкѣ, въ Аристотелѣ среднихъ вѣковъ, Ѳомѣ Аквинатѣ, кульминаціоннаго пункта, пока не создалась стройная система средневѣковаго міросозерцанія, въ которомъ любознательные люди находили рѣшенія волнующихъ ихъ вопросовъ и стимулы для дальнѣйшаго изслѣдованія. Но послѣ Ѳомы Аквинскаго наступаетъ упадокъ средневѣковой схоластики. Появляется номинализмъ—скепсисъ въ средневѣковой окраскѣ—и разложеніе схоластики знаменуется опять-таки цѣлымъ рядомъ геніальныхъ мистиковъ.

И въ новой философіи мы видимъ то-же самое. Въ эпоху возрожденія искусствъ и наукъ мы встрѣчаемъ рядъ самостоятельныхъ попытокъ понять дѣйствительность и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезное изученіе древней философіи; эти попытки въ 17-мъ вѣкѣ облекаются въ систематическую форму и наступаетъ періодъ господства грандіозныхъ раціоналистическихъ системъ, лучшаго изъ всего, созданнаго новой философіей. Но въ 18-мъ вѣкѣ вѣра въ силу догматической философіи исчезаетъ; скепсисъ въ разнообразныхъ формахъ получаетъ распространеніе; вопросы практики получаютъ первенствующее значеніе и преобладаніе,—пока, наконецъ, безплодность скепсиса не заставляетъ людей броситься въ объятія мистики, крушеніе которой произошло почти на нашихъ глазахъ. Кантъ [1]) и нѣмецкая идеалистическая философія вытекающая изъ его принциповъ представляетъ собой грандіозную попытку систематизировать мистику. Но обаяніе, которымъ еще въ 40-хъ годахъ пользовался Гегель, исчезло и философія теперь, повидимому, находится въ томъ-же положеніи, въ которомъ была въ 6-мъ и 7-мъ вѣкахъ до Р. Х., въ первые вѣка христіанской эры и въ эпоху возрожденія. Обычныя жалобы на нашъ вѣкъ, какъ мнѣ кажется, напрасны. Многое заставляетъ думать, что мы живемъ во время подъема теоретическаго интереса, и что мы ближе къ истинной философіи, чѣмъ люди хваленаго начала 19-го вѣка. Легко указать на множество явленій въ современной умственной жизни, аналогичныхъ съ таковыми-же, напр., въ эпоху возрожденія. Такъ наприм., какъ въ эпоху возрожденія религіозные вопросы получили первенствующее значеніе и люди

[1]) Само собою разумѣется, что у Канта, какъ у всякаго крупнаго мыслителя, множество различныхъ элементовъ, которыхъ нельзя подвести подъ одно понятіе, напр. мистики; не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что позднѣйшая философія, непосредственно примыкавшая къ Канту, выдвинула главнымъ образомъ мистическіе элементы кантовой мысли.

вѣрующіе, думая что католичество умираетъ, стали искать возвращенія къ истинному христіанству первыхъ вѣковъ новой эры, точно такъ-же и въ настоящее время повсюду замѣчается усиленіе значенія религіи и стремленіе удалить омертвѣлые ея элементы, замѣнивъ ихъ истиннымъ христіанствомъ. Философія эпохи возрожденія характеризуется двумя признаками: съ одной стороны получаетъ новую силу греческая наука, при чемъ оживаетъ интересъ не только къ крупнымъ ея представителямъ, въ родѣ Платона и Аристотеля, но и къ древнему скепсису и стоицизму (Юстъ Липсій) и матерьялизму и т. д., съ другой стороны возникаетъ и реальное знаніе, изучаются явленія природы и общественнаго организма и, какъ въ древне-греческой наукѣ, астрономическія представленія оказываютъ рѣшающее вліяніе на образованіе міровоззрѣнія (напр. у Джордано Бруно). Но усиленіе интереса къ естествознанію влечетъ за собой и усиленіе интереса къ тайнымъ наукамъ (магія въ ея разнообразнѣйшихъ формахъ—хиромантіи, геомантіи, астрологіи—имѣла въ эпоху возрожденія гораздо большее распространеніе, чѣмъ въ предшествующій періодъ господства схоластической философіи).

Если взять современную умственную жизнь, то и въ ней мы найдемъ тѣ-же черты. Никогда, повидимому, не интересовались болѣе и не знали лучше древней философіи, чѣмъ теперь, и въ то-же время естествознаніе такъ обогатилось, что это считается характерной особенностью XIX-го вѣка. «Если меня спросятъ, говоритъ проф. Тимирязевъ, какая область знанія наложила неизгладимую печать на весь умственный обликъ XIX-го вѣка,—я отвѣчу смѣло: естествознаніе» [1]). Проф. Тимирязевъ забываетъ только, что то же самое имѣлъ право сказать и грекъ 6-го вѣка до Р. Х. и итальянецъ эпохи возрожденія. Но рядомъ съ естествознаніемъ распространился оккультизмъ съ его разнообразными формами, дикими и уродливыми [2]). Крупныя философскія системы утратили свое вліяніе на умы и возникли самыя разнообразныя философскія направленія, иногда совершенно противорѣчащія другъ другу. Даже такое направленіе, какъ витализмъ, недавно считавшееся похороненнымъ на вѣки, заявляетъ о своемъ существованіи [3]). Это разнообразіе направленій знаменуетъ собой пробужденіе мысли, но въ то-же самое время указываетъ и на то, что истинный путь еще не найденъ, что старое еще не совсѣмъ устарѣло, а новое еще не нашло себѣ адэкватнаго выраженія.

Изъ идей, унаслѣдованныхъ нами отъ предшествовавшей эпохи,—отъ мистической философіи, одна получила чрезмѣрную силу, хотя и потерпѣла значительное измѣненіе въ содержаніи, благодаря тому, что были

---

[1]) Тимирязевъ. Задачи современнаго естествознанія. Москва, 1895, стр. 21.

[2]) Ср. Kiesewetter. Geschichte d. Okkultismus u. Bataille. Le diable au XIX siècle.

[3]) См. Бородинъ. Протоплазма и витализмъ. 1894.

забыты тѣ рамки, въ которыхъ она первоначально возникла и получила значеніе. Я говорю объ идеѣ развитія. Само собой разумѣется, что идея развитія должна была возникнуть уже давно, ибо безъ нея нельзя себѣ представить организма, поэтому уже въ древней философіи, напр., у Аристотеля (но никакъ не у Эмпедокла, какъ это обыкновенно думаютъ), она играетъ нѣкоторую роль, но значеніе философскаго всеобъемлющаго принципа она получила лишь въ нѣмецкой идеалистической философіи и главнымъ образомъ у Гегеля. Въ идеѣ развитія мыслятся три момента, во-первыхъ, тожество субъекта развитія, во-вторыхъ, измѣненія состояній субъекта и, въ-третьихъ, качественное осложненіе, т. е. совершенствованіе развивающагося субъекта. Идея развитія тогда получаетъ полную конкретность и опредѣленность, когда указанъ субъектъ, подлежащій развитію, начало и конецъ развитія и тѣ моменты, которые связываютъ начало съ концомъ. Такой конкретностью и формальной опредѣленностью отличалась идея развитія въ пантеистической философіи, но эти выгоды исчезаютъ, ежели выбросить начало и конецъ развитія и мыслить механическое осложненіе частей субъекта, неизвѣстно откуда явившагося и неизвѣстно ради чего осложняющагося. Историческая точка зрѣнія, которой такъ гордится 19-й вѣкъ, есть ничто иное, какъ ослабленная идея развитія, унаслѣдованная отъ мистической философіи. Теорія Дарвина, которой представители естествознанія придаютъ такую важность, что ея именемъ хотятъ называть 19-й вѣкъ [1]), образовалась благодаря перенесенію исторической точки зрѣнія изъ области человѣческаго духа въ область органической природы. Но, строго говоря, историческая точка зрѣнія ничего не объясняетъ, она разсказываетъ лишь, что было. Только въ томъ случаѣ человѣкъ можетъ удовлетвориться исторіей, ежели между описаніемъ и объясненіемъ нѣтъ разницы и всякое объясненіе сводится къ подробному описанію.

II.

Эстетическія теоріи, имѣющія своимъ предметомъ объясненіе того особеннаго воспріятія міра внѣшняго и внутренняго, которое мы характеризуемъ словами «красивъ» и «некрасивъ», пробѣгали въ своемъ развитіи тѣ-же моменты, которые мы указали въ исторіи философіи; это такъ и должно быть, потому что эстетика есть часть философской системы. Изъ зачатковъ, таившихся въ свойствахъ народнаго духа, Платонъ и Аристотель создали довольно стройное зданіе, въ которомъ давался отвѣтъ на существенные вопросы эстетики. Платонъ, интересовавшійся болѣе связью между идеями блага и красоты, далъ все-таки ясно понять, что сущность красоты онъ видитъ въ идеѣ, въ то время, какъ Аристо-

---

[1]) Ср. Тимирязевъ. Задачи современнаго естествознанія. Стр. 17.

тель настаивалъ главнымъ образомъ на формальной сторонѣ красоты. Въ періодъ упадка греческой философіи ослабъ и интересъ къ эстетикѣ и только въ послѣднемъ періодѣ, въ мистическомъ, мы встрѣчаемся съ глубокимъ анализомъ красоты у Плотина [1]). Искусство и мистика всегда находились въ тѣсной связи, и потому неудивительно, что мистическая философія сдѣлала для эстетики болѣе, чѣмъ всякая другая. Красота, по ученію Плотина, есть ни что иное, какъ воплощеніе идеи, т. е. самаго Божества, есть—Deus in fieri. Блестящая критика Плотина опровергаетъ эстетическій формализмъ и пытается оправдать свою точку зрѣнія указаніемъ на различныя ступени красоты, начиная отъ чувственной и кончая духовной, въ которой красота тождественна съ добромъ и съ самимъ Божествомъ.

Мы не станемъ слѣдить за исторіей эстетики въ средніе вѣка и въ новое время; достаточно указать на то, что и въ современной мистической философіи эстетика нашла себѣ геніальнаго истолкователя въ лицѣ Гегеля, который во многомъ примыкаетъ къ воззрѣніямъ Плотина.

Ранѣе я указывалъ на сходство нынѣ переживаемаго нами времени съ эпохой возрожденія, и эстетика подтверждаетъ это указаніе. Множество разнообразныхъ направленій борются за преобладаніе, но самому характерному и видному направленію, а именно историческому, врядъ-ли предстоитъ будущность. Когда вѣра въ метафизическія построенія исчезла и временно уступила мѣсто неосновательному отрицанію всякой метафизики, то исторія вполнѣ естественно заняла опустѣвшее мѣсто. Догматическія опредѣленія о томъ, что красиво и что должно быть признано некрасивымъ, были замѣнены исторической справкой о томъ, что считалось красивымъ. Казалось, что это направленіе вмѣсто пустыхъ опредѣленій давало рядъ положительныхъ данныхъ, полезныхъ свѣдѣній; но въ сущности оно впадало въ ту дурную форму историчности, въ которой разсматривается лишь одна формальная сторона развитія, безъ остальныхъ условій, дѣлающихъ измѣненіе явленій развитіемъ ихъ.

Увлеченіе исторіей въ эстетикѣ появилось въ двоякой формѣ: справку о прошломъ можно навести или въ исторіи человѣчества, или-же въ исторіи отдѣльнаго индивидуума, въ первомъ случаѣ мы получимъ ту форму исторической эстетики, которая имѣетъ многихъ приверженцевъ и теоретическаго представителя въ лицѣ Тэна (Philosophie de l'art), во второмъ мы получимъ такъ называемую физіологическую эстетику [2]), которую пропагандируютъ главнымъ образомъ англичане.

Обратимся сначала къ исторической школѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, а именно къ ея представителю, Тэну. Тэнъ говоритъ, что старая догма-

[1]) См. Эннеады Плотина. I книга, 6 глава.

[2]) Оригинальное сочетаніе этихъ двухъ родственныхъ направленій встрѣчаемъ у Нуаре: Die Entwicklung der Kunst. Leipzig, 1874. 8°.

тическая эстетика давала прежде всего опредѣленіе прекраснаго; опираясь на него, какъ на законъ, она оправдывала, осуждала, предостерегала и руководила. «Я счастливъ,—говоритъ онъ,—что мнѣ не предстоитъ такой громадной работы... Къ тому-же относительно правилъ, скажу вамъ по секрету, что и открыто ихъ доселѣ, въ сущности, всего лишь два: первое совѣтуетъ родиться геніемъ—это дѣло вашихъ родителей, не мое; второе совѣтуетъ много трудиться, чтобы вполнѣ овладѣть своимъ искусствомъ, это опять-таки не мое, а ваше дѣло» [1]). Новая эстетика построена на совершенно иныхъ началахъ: «Чтобы понять какое-нибудь художественное произведеніе, художника или школу художниковъ, необходимо въ точности представить себѣ общее состояніе умственнаго и нравственнаго развитія того времени, къ которому они принадлежатъ [2]). Предположимъ, что, вслѣдствіе историческихъ изслѣдованій, достаточно опредѣлится сущность и обозначатся условія процвѣтанія каждаго искусства, мы получимъ тогда полное объясненіе художествъ и искусствъ вообще, т. е. получимъ философію искусства, а это и называется эстетикой [3]). Итакъ, эстетика—чисто историческая наука и историческія данныя должны для нея быть вполнѣ исчерпывающими, т. е. ни къ какимъ инымъ нѣтъ надобности прибѣгать. Это положеніе несомнѣнно ложное и это можно доказать, какъ по отношенію къ Тэну, такъ и по отношенію ко всякому подобному построенію вообще. Держится-ли Тэнъ своего опредѣленія? Можетъ-ли онъ разсматривать историческіе факты внѣ всякой побочной точки зрѣнія? Конечно, нѣтъ. Ибо въ дальнѣйшемъ онъ даетъ искусству слѣдующее опредѣленіе: «Мы полагали сперва,—говоритъ онъ,—что цѣль искусства заключается въ подражаніи ощутимой внѣшности предмета. Затѣмъ, отдѣляя матеріальное подражаніе отъ подражанія умственнаго, духовнаго, мы открыли, что искусство стремится воспроизвести въ ощутимой внѣшности предмета лишь соотношенія между ихъ частями, наконецъ, замѣтивъ, что соотношенія могутъ и должны быть измѣняемы, съ тѣмъ, чтобы довести искусство до высшей степени совершенства, мы дошли до рѣшенія, что если и изучаются отношенія между частями, то для того лишь, чтобы выдвинуть на первый планъ существенный характеръ» [4]).

Въ этомъ опредѣленіи столько формальныхъ аристотелевскихъ элементовъ, что съ нимъ согласился-бы любой догматикъ, напр., гербартовской школы. Во всякомъ случаѣ, это опредѣленіе не имѣетъ ничего общаго съ первымъ, по которому философія искусства есть ничто иное, какъ исторія искусства. Итакъ, Тэнъ самъ себѣ противорѣчитъ и оши-

[1]) Чтеніе объ искусствѣ, переводъ Чудинова, стр. 9.

[2]) Ibid., стр. 6.

[3]) Ibid., стр. 9.

[4]) Тэнъ. Чтенія объ искусствѣ, стр. 30.

бается, думая, что нашелъ новый путь въ эстетикѣ. Точно также ошибся-бы и всякій, кто довѣрился-бы исторіи и думалъ-бы такимъ путемъ построить эстетику. И это очень понятно. Вѣдь эстетика принадлежитъ къ составу нормативныхъ наукъ, подобно логикѣ и этикѣ, т. е. въ эстетикѣ высказываются извѣстнаго рода правила, нормы, въ силу которыхъ извѣстныя явленія нами считаются красивыми. Можно сомнѣваться въ томъ, что общія нормы для всѣхъ людей существуютъ, но нѣтъ сомнѣнія въ фактѣ, что каждый отдѣльный человѣкъ постоянно примѣняетъ свои субъективныя нормы красоты. Ежели-бы мы желали обойтись безъ всякой идеи нормы въ эстетикѣ, то оказалось-бы, что исторія ея для насъ—закрытая книга. Мы не имѣли-бы права говорить объ эпохѣ упадка и подъема, о типѣ, о существенныхъ чертахъ въ произведеніяхъ искусства и т. д. Ибо откуда-же мы беремъ понятія объ упадкѣ, о совершенствѣ? Очевидно, изъ сравненія нѣкоторыхъ произведеній, при чемъ одно намъ нравится болѣе другого, кажется болѣе совершеннымъ, чѣмъ другое. Значитъ, мы примѣняемъ идею нормы къ фактамъ исторіи и такимъ образомъ создаемъ самую исторію. Дѣйствительно, вѣдь исторія состоитъ изъ единичныхъ фактовъ, которые первоначально всѣ равноцѣнны, и лишь умъ историка, сортируя ихъ, производитъ оцѣнку, опредѣляетъ, что существенно и что нѣтъ. Историкъ при этомъ пользуется идеями не историческаго порядка, а съ одной стороны логическаго—когда говоритъ: «это существенно», «это несущественно», съ другой—этическаго, когда оцѣниваетъ факты съ точки зрѣнія полезныхъ для народа и человѣчества. Все это историкъ вноситъ въ исторію, а не находитъ въ ней готовымъ. Придерживаясь только историческихъ данныхъ, помимо всѣхъ другихъ точекъ зрѣнія, мы поняли-бы, какъ возникло извѣстное произведеніе, но не имѣли-бы критерія для опредѣленія цѣнности извѣстнаго произведенія и даже не имѣли-бы права отнести извѣстное произведеніе къ сферѣ искусства. Все созданное человѣкомъ было-бы въ этомъ случаѣ одинаково цѣннымъ, все одинаково относилось-бы къ области искусства, т. е., иначе говоря, самое понятіе искусства и объектъ его, красота, оказались-бы утраченными. Исторія искусства несомнѣнно необходимое подспорье для эстетики, но замѣнить ея не можетъ, ибо безъ нея не можетъ быть и самой исторіи искусства.

Все сказанное мною заключается въ немногихъ словахъ Аристотеля: «Но поэтъ отличается отъ историка тѣмъ, что одинъ повѣствуетъ о дѣйствительно приключившемся, другой обо всемъ возможномъ. Поэтому поэзія глубже и содержательнѣе исторіи, такъ какъ одна имѣетъ дѣло съ общимъ, другая съ частнымъ» [1]). Исторія имѣетъ дѣло только съ частнымъ; она была-бы совершенно безполезна, если-бы историки не дозво-

---

[1]) Аристотель. Поэтика. § 9, пер. Захарова.

хяли себѣ обобщеній, не оцѣнивали-бы фактовъ съ этической и эстетической точекъ зрѣнія, но въ такомъ случаѣ чѣмъ-же объяснить гоненіе на эстетику?

Очевидно, что историческая эстетика есть только неудавшійся протестъ противъ метафизики, протестъ, возникшій, какъ я старался показать, на почвѣ метафизики.

Уже а-пріори можно сказать, что и второе направленіе современной эстетики, физіологическое, окажется не болѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ первое, такъ какъ оба направленія родственны, оба въ возникновеніи извѣстнаго явленія видятъ критерій для оцѣнки содержанія явленія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и физіологія, подобно исторіи, можетъ дать богатый матеріалъ и полезныя указанія эстетику, но принципа изслѣдованія физіологія дать не можетъ.

Начало физіологическаго направленія можно отыскать у Дарвина: онъ пытался доказать, что чувство красоты не есть исключительная особенность человѣка. «Если мы припомнимъ, говоритъ онъ, какъ самцы птицъ намѣренно распускаютъ свои перья и щеголяютъ яркими красками передъ самками, тогда какъ другія птицы, не имѣющія красивыхъ перьевъ, не кокетничаютъ такимъ образомъ, то не будемъ, конечно, сомнѣваться, что самки любуются красотой самцевъ» [1]). Онъ, далѣе, указалъ на несомнѣнную связь между представленіемъ красоты и половымъ подборомъ: «Спариванье птицъ, говоритъ онъ, не есть дѣло простого случая; но при обыкновенныхъ условіяхъ выбираются тѣ самцы, которые наиболѣе способны понравиться самкѣ, или возбудить ее своими разнообразными прелестями. Если это допустить, тогда не трудно понять, какимъ образомъ самцы птицъ пріобрѣтали постепенно свои украшенія. Всѣ животныя представляютъ индивидуальныя различія и подобно тому, какъ человѣкъ можетъ видоизмѣнить домашнихъ птицъ, подбирая недѣлимыхъ, которыя кажутся ему наиболѣе красивыми, точно также должно было повести къ измѣненію и предпочтеніе обычное или даже случайное, оказываемое самками наиболѣе красивымъ самцамъ. Такія измѣненія съ теченіемъ времени могутъ достичь любой степени, лишь-бы они были совмѣстимы съ сосуществованіемъ вида» [2]). Наконецъ, у него-же можно найти и указанія на связь между эстетическимъ чувствомъ и игрою. Въ этомъ приведеніи сложныхъ явленій эстетическаго наслажденія къ болѣе простымъ элементамъ, въ подведеніи всѣхъ эстетическихъ наслажденій подъ общій психо-физіологическій законъ и состоитъ существенный характеръ разсматриваемаго направленія. Сведеніе явленія къ элементарнымъ формамъ есть вещь вполнѣ законная, приэтомъ, однако, нужно быть внимательнымъ, чтобы не отожествлять явленія двухъ различ-

[1]) Дарвинъ. Происхожденіе человѣка, пер. Сѣченова. I, ст. 66.

[2]) Ibid. II т. ст. 139 или I, ст. 477.

ныхъ порядковъ и такимъ путемъ не создавать вполнѣ безполезныхъ обобщеній. Именно это и должно было случиться съ физіологической эстетикой. Физіологическая эстетика пытается сгладить разницу между физіологіей и психологіей и какъ-бы предполагаетъ, ежели и не тожество, то по крайней мѣрѣ полную и одностороннюю зависимость второй отъ первой; благодаря этому получаются, повидимому, простыя опредѣленія и общіе законы, которые, однако, могутъ быть и совершенно безполезными. «Эстетическія чувства относятся къ разряду удовольствій и страданій, слѣдовательно—какими-бы особенностями ни отличались наши чувства изящнаго и красоты, они должны подчиняться общимъ законамъ удовольствій и страданій» [1]). «Эти чувства служатъ выраженіемъ въ сознаніи нормальнаго и ненормальнаго состоянія организма и его функцій» [2]). «Въ громадномъ большинствѣ случаевъ полезныя и вредныя вліянія на организмъ выражаются пріятными и непріятными чувствами». Итакъ сначала указана связь между эстетическимъ наслажденіемъ и удовольствіемъ и страданіемъ вообще, а потомъ—связь удовольствія и страданія съ состояніями организма; такимъ образомъ, какъ-бы незамѣтно, сложное психическое явленіе сведено при посредствѣ психофизіологіи къ простому физіологическому отправленію. Совершенно въ такомъ-же духѣ дѣлается и указаніе на связь между эстетическимъ наслажденіемъ и чувствомъ игры. Въ игрѣ, въ дѣйствіяхъ безцѣльныхъ, обнаруживается запасъ энергіи, трата этого запаса сопровождается удовольствіемъ. «Изъ этого избытка энергіи, говоритъ проф. Смирновъ, возникаетъ два класса побужденій, изъ которыхъ одни выражаются въ разныхъ играхъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, а другія даютъ начало искусству и эстетическимъ удовольствіямъ». Не стану говорить о томъ, насколько рискованно сравненіе игры съ искусствомъ, эстетическаго чувства съ чувствомъ игры; есть, конечно, въ этихъ явленіяхъ нѣкоторая связь, но скорѣе отрицательная, чѣмъ положительная, т. е. безполезность въ физіологическомъ смыслѣ тѣхъ и другихъ, но на основаніи отсутствія извѣстныхъ признаковъ въ явленіяхъ врядъ-ли можно дѣлать какія-бы то ни было заключенія. Перейдемъ къ опредѣленію эстетическаго наслажденія и красоты. «Эстетическое удовольствіе есть субъективное сопровожденіе нормальныхъ функцій периферическихъ органовъ нервной системы, функцій, не заинтересованныхъ непосредственно въ цѣляхъ органическаго сохраненія» [3]), а «эстетически прекрасное есть то, что

[1]) Опредѣленія физіологической эстетики мы беремъ ради удобства изъ русской книги проф. Смирнова: «Эстетика», Казань 1874, который сочувствуетъ этому направленію и очень ясно излагаетъ его принципы (стр. 29). Мысли проф. Смирнова мы разсматриваемъ не сами по себѣ, а какъ типичныхъ представителей извѣстнаго направленія.

[2]) Ibid. стр. 34.

[3]) Ibid. стр. 40.

доставляетъ намъ наибольшее количество пріятныхъ возбужденій въ процессахъ периферическихъ органовъ нервной системы прямо не связанныхъ съ органическими функціями». «Начиная съ нѣкоторыхъ вкусовыхъ ощущеній, переходя затѣмъ къ нѣкоторымъ впечатлѣніямъ обонянія и оканчивая ощущеніями осязательными, мы получаемъ нѣкоторую градацію красоты, нѣкоторое возрастаніе эстетическаго характера и, такимъ образомъ, нѣкоторое приближеніе къ высшимъ органамъ эстетической жизни, т. е. слуху и зрѣнію. Эта градація строго слѣдуетъ установленному нами физіологическому и вмѣстѣ психологическому закону, или критерію изящества и по нашему служитъ лучшимъ его оправданіемъ» [1]).

Таковы общія положенія физіологической эстетики. Она пытается, какъ я уже сказалъ, свести сложныя эстетическія наслажденія къ простѣйшимъ элементамъ; такое сведеніе правомѣрно лишь въ томъ случаѣ, когда отношеніе сложнаго и простого есть только отношеніе количественное, когда не смѣшивается разнородное, между тѣмъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ качественнымъ различіемъ. Эстетическое наслажденіе вызывается воспріятіемъ и сужденіемъ объ объектной красотѣ, удовольствіе-же есть лишь сопровождающій это сужденіе моментъ. Объективна красота или нѣтъ—это для насъ совершенно безразлично и вовсе не есть вопросъ эстетики, а гносеологіи. Вѣдь всякое воспріятіе внѣшняго предмета въ сущности есть явленіе субъективнаго міра, которому мы придаемъ объективное значеніе, т. е. представляемъ себѣ, что объектъ существуетъ независимо отъ насъ; то-же самое имѣетъ мѣсто и относительно красоты; и ее мы воспринимаемъ какъ нѣчто объективное, судимъ о ней въ то время какъ, можетъ быть, это въ дѣйствительности есть лишь только наше субъективное толкованіе предмета. Каждый человѣкъ, во всякомъ случаѣ, когда говоритъ о красотѣ, придаетъ ей значеніе дѣйствительно существующаго, какъ если-бъ онъ говорилъ о цвѣтахъ или звукахъ, которые точно также дѣйствительны только въ нашемъ сознаніи, но имѣютъ для насъ значеніе объективной дѣйствительности. Между тѣмъ удовольствіе и страданіе суть просто состоянія насъ самихъ и никому и въ голову не приходитъ, что страданію напр. можетъ соотвѣтствовать что-либо дѣйствительное, помимо того, чѣмъ оно кажется для сознанія. Такимъ образомъ, между сужденіемъ о красотѣ и чувствомъ пріятнаго и непріятнаго такая-же разница, какъ та, которую мы дѣлаемъ между объективнымъ и субъективнымъ міромъ вообще и говорить, что «какими-бы особенностями ни отличались наши чувства изящества и красоты, они должны подчиняться общимъ законамъ удовольствій и страданій» [2]), значитъ подводить подъ общее пра-

[1]) Ibid. стр. 62.

[2]) Смирновъ. Эстетика, 29.

вило частный случай, не имѣющій къ этому правилу отношенія. И такъ, мы дѣлаемъ сопровождающій моментъ (удовольствіе) критеріемъ извѣстнаго психическаго состоянія, отличнаго отъ самого удовольствія. Такъ какъ всѣ состоянія сознанія вызываютъ или наслажденіе или страданіе, то въ нихъ мы могли-бы видѣть и критерій для всѣхъ состояній, однако никому и въ голову не придетъ сдѣлать удовольствіе критеріемъ истинности извѣстнаго сужденія или-же критеріемъ дурного и хорошаго поведенія; между тѣмъ эти случаи вполнѣ аналогичные и ихъ мы должны-бы подчинить общему закону удовольствія и страданія.

Но если-бы даже сведеніе эстетическаго наслажденія къ чувству удовольствія и неудовольствія и было вполнѣ правильнымъ, и тогда выгода была-бы не очень велика. Допустимъ, что эстетическое наслажденіе и чувство удовольствія вообще качественно однородны и что второе только проще перваго, тогда, конечно, эстетическое наслажденіе подчинено общимъ законамъ удовольствія и страданія, какъ все высшее, конкретное, въ извѣстномъ отношеніи подчинено болѣе элементарному, абстрактному: Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ физіологическихъ явленіяхъ, каковы-бы они ни были, соблюдены законы механики, какъ болѣе общіе и простые, напр. кровообращеніе, конечно, совершается по законамъ гидродинамики,—но что-же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ мы можемъ заключать, что физіологія есть ничто иное, какъ механика? Очевидно, это заключеніе было-бы ложнымъ, и въ немъ мы фактъ нѣкоторой зависимости явленій толковали-бы въ смыслѣ тожества ихъ. Точто то-же самое и въ эстетикѣ. Если-бы даже эстетическое наслажденіе зависѣло отъ чувства удовольствія, это все-жъ не давало-бы намъ права заключать, что будто-бы «полная теорія изящнаго еще не можетъ быть построена на началахъ физіологіи, потому что сами физіологическія объясненія не простираются еще такъ далеко, какъ-бы слѣдовало» [1]). Вѣдь какъ-бы далеко ни простирались физіологическія объясненія, все-жъ въ нихъ, какъ болѣе элементарныхъ, не заключалось-бы выраженія полноты эстетическихъ явленій. Однако, я думаю, что самое допущеніе ложно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ принципіальнымъ различіемъ, т. е. съ двумя качественно различными явленіями, несводимыми поэтому другъ къ другу.

Наконецъ, въ физіологической эстетикѣ мы встрѣчаемся, какъ раньше было сказано, съ попыткой сближенія эстетическаго чувства съ пріятнымъ возбужденіемъ, происходящимъ отъ избытка нервной энергіи, проявляющемся въ безцѣльныхъ дѣйствіяхъ, и, такимъ образомъ, съ попыткой сближенія эстетики съ игрою. Одно время принципъ искусства искали въ пользѣ, физіологическая эстетика, наоборотъ, ищетъ его въ безполезности. Нужно-ли говорить о томъ, какъ безполезно замѣнять

---

[1]) Смирновъ. Эстетика, 24.

понятіе красоты пользою или безполезностью. Жуффруа, въ своемъ курсѣ эстетики, подробно разъяснилъ разницу понятій красоты и пользы; безполезность [2]), въ свою очередь, есть лишь отрицательное понятіе, которое уже поэтому самому не можетъ служить объясненіемъ для положительныхъ явленій.

Итакъ и эта форма исторической эстетики оказывается неудовлетворительной. Положительнаго содержанія въ физіологической эстетикѣ, конечно, больше, чѣмъ въ чисто исторической, исторія можетъ дать матеріалъ для эстетики—и болѣе ничего, физіологія и психофизіологія хотя и не могутъ объяснить всѣхъ элементовъ эстетически прекраснаго, но онѣ могутъ указать на нѣкоторыя условія, несоблюденіе которыхъ произведетъ иногда анти-эстетическое впечатлѣніе; онѣ не могутъ напр. сказать, какое сочетаніе звуковъ непремѣнно понравится, но они въ состояніи указать, что нѣкоторыя сочетанія звуковъ непремѣнно произведутъ болевыя ощущенія; а въ этомъ указаніи мы будемъ уже имѣть нѣкоторую норму, хотя еще и не эстетическую, потому что можетъ случиться, что, въ силу извѣстныхъ требованій художественнаго произведенія, болевое ощущеніе, напр. нѣкоторый диссонансъ, будетъ соотвѣтствовать цѣли художника и слѣдовательно произведетъ эстетическое впечатлѣніе. Указанное соображеніе обнаруживаетъ, что вполнѣ ясныя и опредѣленныя требованія физіологіи должны въ извѣстномъ случаѣ уступить мѣсто требованіямъ иного порядка, а именно болѣе высокаго. Это приводитъ насъ, вполнѣ естественно, къ иному эстетическому направленію, которое мы можемъ назвать *психологическимъ*, и о которомъ скажемъ нѣсколько словъ.

Въ ряду современныхъ научныхъ интересовъ психологическій занимаетъ весьма видное мѣсто. На нашихъ глазахъ происходитъ настоящее возрожденіе психологіи. Послѣ научныхъ психологическихъ работъ грековъ, въ періодъ расцвѣта философіи, напр., Аристотелевыхъ, послѣ психологическихъ работъ расцвѣта новой философіи, напр., Декартовыхъ и Локковыхъ, чисто психологическій интересъ отступилъ на задній планъ и еще мы не такъ далеко ушли отъ того времени, когда приходилось тратить много труда на защиту самостоятельности психологіи, какъ науки. Теперь это время прошло, психологію разрабатываютъ въ самыхъ различныхъ направленіяхъ и ждутъ отъ нея, можетъ быть, большо̀го, чѣмъ она въ состояніи дать. Къ числу благопріятныхъ явленій современности слѣдуетъ отнести и тотъ поворотъ въ психологіи, который замѣчается теперь, а именно поворотъ отъ англійскаго ассоціанизма къ болѣе живому воззрѣнію на человѣческую мысль. Привычка или ассоціація, конечно,

---

[2]) Гюйо въ своихъ сочиненіяхъ по эстетикѣ сдѣлалъ нѣсколько хорошихъ замѣчаній противъ отожествленія игры съ искусствомъ.

играетъ очень большую роль въ духовной жизни человѣка, весьма многія явленія объясняются привычкой, но нѣтъ никакой надежды свести самое мышленіе, какъ это пытались сдѣлать англійскіе психологи, къ ассоціаціямъ или привычкѣ. Ассоціація есть только сокращеніе и уплотненіе творческаго процесса мысли, который вслѣдствіе этого становится не столь замѣтнымъ для наблюдателя, все-же и въ ассоціаціяхъ дѣйствующей силой остается творческое сознаніе, и имъ должны быть объясняемы явленія психическаго міра. Поэтому и то несомнѣнное обогащеніе, которое получила эстетика, благодаря внесенію въ нее психологическаго момента въ видѣ ассоціацій, т. е. привычки [1]), еще нельзя, какъ мнѣ кажется, считать окончательнымъ рѣшеніемъ философской стороны эстетической проблеммы. Если-бы удалось найти въ самосознаніи и вывести изъ него эстетическія аксіомы, такія-же общія и очевидныя, какъ напр. логическая или этическая, тогда было-бы найдено прочное основаніе для эстетической теоріи. Нечего опасаться, что разнообразіе вкусовъ явится препятствіемъ для нахожденія эстетическихъ аксіомъ. Логическіе пріемы чрезвычайно разнообразны: это не мѣшаетъ тому, что только одна логика истинная, и хотя-бы всѣ люди мыслили неправильно и нарушали-бы логическіе законы, тѣмъ не менѣе истина ихъ отъ этого не страдаетъ. Точно такъ-же разнообразіе этическихъ воззрѣній не мѣшаетъ тому, чтобы одна этика была-бы истинной. Разнообразіе мнѣній не составляетъ инстанціи противъ возможности одного истиннаго, а напротивъ есть стимулъ для критическаго выясненія истины. Несомнѣнно, что и японскія картины безъ перспективы намъ могутъ нравиться, но какъ художественное воспроизведеніе дѣйствительности онѣ стоятъ ниже европейской живописи, именно благодаря нарушенію перспективы. Для опредѣленія типа женской красоты мы не станемъ обращаться къ готтентотамъ или къ племенамъ центральной Африки, которымъ нравятся столь полныя женщины, что онѣ вслѣдствіе полноты лишены возможности передвиженія. Это уже вопросъ о развитіи вкуса и о воспитаніи его. Итакъ, нѣтъ основанія думать, что найти эстетическія аксіомы невозможно, только эти аксіомы не могутъ быть чисто формальными, ибо, какъ показываетъ примѣръ чисто формальной эстетики [2]), всѣ опредѣленія ея, хотя и кажутся совершенно вѣрными, но и противуположныя имъ опредѣленія точно такъ-же, повидимому, удовлетворяютъ требованіямъ эстетики: если, напримѣръ, намъ говорятъ, что все симметричное нравится, то вѣдь и отсутствіе симметріи, при извѣстныхъ условіяхъ, тоже нравится; если нравится все опредѣленное, имѣющее границы, то и наоборотъ—безпредѣльное также нравится. Если-же признать, что эстетиче-

---

[1]) Ср. Фехнеръ. Vorschule der. Aesthetik. 2 томъ.

[2]) Ср. Köstlin. Aesthetik, Tübingen. 1863.

скія аксіомы должны заключать въ себѣ не только формальныя условія, тогда Платонъ, искавшій связи между идей блага и красоты, и Плотинъ, опредѣлявшій красоту, какъ воплощенную идею, находились на пути правильнаго истолкованія эстетическихъ явленій.

Э. Радловъ.

„QUO VADIS“.

Романъ изъ временъ Нерона, Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

VI.

Виницій отправился прямо въ домъ Миріамъ. Въ воротахъ онъ встрѣтился съ Назаріемъ, который смутился при видѣ его, но Виницій привѣтливо поздоровался съ нимъ и приказалъ проводить себя въ домъ матери его.

Въ помѣщеніи ея онъ, кромѣ Миріамъ, засталъ Петра, Главка, Криспа и даже Павла изъ Тарса, который только что возвратился изъ Фрегелъ. При видѣ молодого трибуна, изумленіе выразилось на всѣхъ лицахъ; а онъ сказавъ:

— Привѣтствую васъ именемъ Христа, котораго вы почитаете.

— Да будетъ прославлено имя его во вѣки-вѣковъ.

— Я видѣлъ вашу добродѣтель и убѣдился въ добротѣ вашей и прихожу къ вамъ, какъ другъ.

— И мы привѣтствуемъ тебя, какъ друга, — отвѣчалъ Петръ.— Сядь, господинъ, и раздѣли съ нами нашу трапезу, какъ гость нашъ.

— Я сяду и раздѣлю съ вами трапезу, но раньше выслушайте меня,—ты, Петръ, и ты, Павелъ изъ Тарса, чтобы вы узнали искренность мою. Я знаю, гдѣ находится Лигія; я пришелъ прямо отъ дома Линна, который стоитъ близко отъ этого жилища. Я имѣю право на Лигію и это право дано мнѣ цезаремъ; у меня въ городѣ есть почти пятьсотъ рабовъ; я могъ-бы окружить ея убѣжище и схватить ее, но не сдѣлалъ этого и не сдѣлаю.

— За это благословеніе Господа будетъ надъ тобой, и сердце твое очистится,—сказалъ Петръ.

— Благодарю тебя,—но слушай дальше, я не сдѣлалъ этого, хотя мучусь и тоскую. Прежде, передъ моимъ знакомствомъ съ вами, я непремѣнно взялъ-бы и удержалъ ее силой, но ваша добродѣтель и ваше ученіе, хотя я и не исповѣдую его, измѣнило что-то и въ моей душѣ,— и я ужъ не осмѣливаюсь дѣлать насиліе. Я самъ не знаю, отчего это случилось, но это такъ! И потому я прихожу къ вамъ, такъ какъ вы замѣняете Лигіи и отца, и мать, и говорю вамъ: отдайте мнѣ ее въ жены, а я поклянусь вамъ, что не только не запрещу ей поклоняться Христу, но и самъ буду исповѣдывать Его ученіе.

Онъ говорилъ съ высоко-поднятой головой, рѣшительнымъ голосомъ, но онъ былъ взволнованъ и ноги его дрожали подъ полосатымъ плащомъ, и когда послѣ его словъ наступило молчаніе, онъ снова сталъ говорить, какъ будто хотѣлъ предупредить неблагопріятный отвѣтъ.

— Я знаю всѣ препятствія, но она дорога мнѣ, какъ зеница ока, и хотя я не христіанинъ еще, но я не врагъ ни вашъ, ни Христовъ. Я хочу быть съ вами искрененъ, чтобы вы могли вѣрить мнѣ. Въ эту минуту рѣчь идетъ о жизни моей, но я всетаки говорю вамъ правду. Другой, можетъ быть, сказалъ-бы вамъ: окрестите меня!—я говорю: просвѣтите меня! Я вѣрю, что Христосъ возсталъ изъ мертвыхъ, потому что это говорятъ люди, живущіе въ правдѣ и видѣвшіе его послѣ смерти. Вѣрю, потому что самъ видѣлъ, что ваше ученіе порождаетъ добродѣтель, справедливость и милосердіе, а не преступленія, въ которыхъ васъ обвиняютъ. Я мало еще позналъ ваше ученіе; немного отъ ученыхъ вашихъ, немного отъ Лигіи, немного изъ разговоровъ съ вами. И, повторяю, всетаки и во мнѣ что-то измѣнилось, благодаря ему. Раньше я желѣзной рукой держалъ всѣхъ слугъ моихъ, теперь — не могу. Я не зналъ жалости, — теперь знаю! Я любилъ наслажденія,—теперь я бѣжалъ съ пруда Агриппы, такъ какъ я не могъ дышать тамъ отъ отвращенія. Прежде я вѣрилъ въ насиліе,— теперь я отказался отъ него. Вы видите, что я самъ себя не знаю, но мнѣ опротивѣли пиры, опротивило вино, пѣсни, цитры и вѣнки, опротивѣлъ дворъ цезаря и нагія тѣла, и всѣ преступленія. А когда я подумаю, что Лигія похожа на снѣгъ горный, я тѣмъ сильнѣе люблю ее, а когда я подумаю, что это—благодаря вашему ученію, я начинаю любить и ваше ученіе—и хочу его! Но я не понимаю его, я не знаю, сумѣю-ли жить въ немъ и вынесетъ-ли его натура моя, а потому живу въ сомнѣніяхъ и мученьяхъ, какъ въ темницѣ.

И его брови болѣзненно сжались, и румянецъ выступилъ на щекахъ, и онъ снова заговорилъ съ поспѣшностью и увеличивающимся волненьемъ.

— Видите!—я мучусь отъ любви и мрака. Мнѣ сказали, что противъ вашего ученія не устоитъ ни радость человѣческая, ни счастье, ни право, ни порядокъ, ни власть, ни римское владычество. Такъ-ли это? Мнѣ сказали, что вы безумцы,—повѣдайте, что приносите вы? Развѣ любить—грѣхъ? развѣ испытывать радость — грѣхъ? Развѣ желать счастья—грѣхъ? Развѣ вы—враги жизни? Развѣ христіанинъ долженъ быть нищимъ? Развѣ я долженъ былъ-бы отказаться отъ Лигіи? Какова ваша правда? Ваши поступки и ваши рѣчи — прозрачны, какъ вода источника, но какое дно у этого источника? Вы видите—я искрененъ. Разсѣйте тьму, такъ какъ мнѣ сказали еще и то, что Грецiя создала мудрость и красоту, Римъ — силу, а что принесли христіане? Такъ скажите, что приносите вы? Если за дверями вашими свѣтъ, отворите мнѣ!

— Мы приносимъ любовь!—сказалъ Петръ.

А Павелъ изъ Тарса прибавилъ:

— Если-бы ты говорилъ языками человѣческими и ангельскими, и не имѣлъ-бы любви, ты былъ-бы, какъ мѣдь звенящая...

Но сердце стараго апостола тронула эта страдающая душа, которая, какъ птица заключеная въ клѣткѣ, рвалась на воздухъ и къ солнцу, и онъ протянулъ къ Виницію руку и сказалъ:

— Толцыте и отверзится вамъ!—и милость Господня будетъ надъ тобой, и я благословляю тебя, душу твою и любовь твою во имя Спасителя міра.

Виницій, который и безъ того говорилъ съ восторгомъ, услыхавъ слова благословенія, быстро приблизился къ Петру и въ эту минуту произошло нѣчто необыкновенное. Этотъ потомокъ квиритовъ, которы еще недавно не считалъ чужеземца человѣкомъ, схватилъ руку стараго галилеянина и сталъ съ благодарностью прижимать ее къ губамъ своимъ.

А Петръ радовался, такъ какъ понималъ, что сѣмя снова упало на добрую почву и что его сѣть рыбачья захватила еще одну душу.

Всѣ присутствующіе были не меньше обрадованы этимъ явнымъ знакомъ уваженія къ апостолу Божію и въ одинъ голосъ воскликнули:

— Слава въ вышнихъ Богу!

Виницій всталъ съ прояснившимся лицомъ и сталъ говорить:

— Я вижу, что жить съ вами это счастье, такъ какъ чувствую себя счастливымъ и мнѣ кажется, что вы убѣдите меня также и въ другихъ вещахъ. Но я еще скажу вамъ, что это случится въ Римѣ, цезарь ѣдетъ въ Антій и я долженъ ѣхать съ нимъ, потому что получилъ приказаніе. Вы знаете, что ослушаться—это значитъ смерть!.. Но если я заслуживаю любви въ глазахъ вашихъ—поѣзжайте со мной, чтобы научить меня истинѣ вашей. Вы будете тамъ въ большей безопасности въ толпѣ, чѣмъ я самъ,—вамъ можно будетъ проповѣдывать вашу истину среди самыхъ придворныхъ цезаря. Говорятъ, что Актея

христіанка, и между преторіанцами есть христіане, потому что я самъ видѣлъ, какъ солдаты преклоняли колѣна передъ тобой, Петръ, у воротъ Номентанскихъ. Въ Антіи я имѣю виллу, въ которой мы будемъ собираться, чтобы подъ бокомъ у Нерона слушать ученіе ваше. Главкъ говорилъ мнѣ, что вы ради одной души готовы идти на край свѣта, а потому сдѣлайте ради меня то, что вы сдѣлали ради тѣхъ, ради которыхъ пришли сюда даже изъ Іудеи, — сдѣлайте и не покидайте душу мою!

Они, услыхавъ это, стали совѣтываться, съ радостью думая о побѣдѣ ихъ ученія и о значеніи, которое будетъ имѣть для языческаго міра обращенія приближеннаго августа и потомка одного изъ старѣйшихъ родовъ римскихъ. Они готовы были дѣйствительно идти на край свѣта ради одной души человѣческой и съ самой смерти Учителя не дѣлали ничего другого,—а потому отрицательный отвѣтъ не пришелъ имъ даже въ голову. Но Петръ былъ въ это время пастыремъ всей паствы, а потому не могъ ѣхать, тогда Павелъ изъ Тарса, который недавно былъ въ Ариціи и Фрегеллахъ, и снова собирался въ далекое путешествіе на востокъ, чтобы навѣстить тамошніе храмы и оживить ихъ новымъ дуновеньемъ усердія, согласился сопровождать молодого трибуна въ Антій, ему легко было найти тамъ корабль, идущій въ моря греческія.

Хотя Виницій и огорчился, что Петръ, которому онъ столькимъ былъ обязанъ, не будетъ сопровождать его, но поблагодарилъ за согласіе, и затѣмъ обратился къ старому апостолу съ послѣдней просьбой.

— Зная жилище Лигіи, — сказалъ онъ, — я могъ-бы самъ пойти къ ней и спросить ее, какъ это дѣлается, хочетъ-ли она быть женой моей, если душа моя станетъ христіанской,—но я предпочитаю просить тебя, апостолъ: позволь мнѣ повидаться съ ней, или отведи меня самого къ ней. Я не знаю, сколько времени придется мнѣ провести въ Антіи,— и помните, что при цезарѣ никто не увѣренъ въ своемъ завтрашнемъ днѣ. Мнѣ ужъ и Петроній говорилъ, что я не буду тамъ совсѣмъ въ безопасности. Такъ пусть-же я увижу ее передъ тѣмъ, пусть насыщу глаза мои видомъ ея, пусть разспрошу ее, забыла-ли она зло мое и хочетъ-ли она раздѣлить со мной мое доброе?

А Петръ апостолъ добродушно усмѣхнулся и сказалъ:

— Кто-бы могъ лишить тебя заслуженной радости, сынъ мой.

Виницій снова наклонился къ рукамъ его, потому что совершенно ужъ не могъ скрыть своего счастья.

А апостолъ взялъ его за голову и сказалъ:

— Но цезаря ты не бойся, ибо я говорю тебѣ: ни одного волоса не спадетъ съ головы твоей.

Потомъ онъ послалъ Миріамъ за Лигіей, повелѣвъ не говорить ей,

кого найдетъ она между ними, чтобы и дѣвушкѣ приготовить большую радость.

Разстояніе было не велико, такъ что вскорѣ сидящіе въ помѣщеніи увидали среди миртовъ садика Миріамъ, держащую Лигію за руку. Виницій хотѣлъ бѣжать навстрѣчу, но видъ этого дорогого существа лишилъ его силъ—и онъ стоялъ съ бьющимся сердцемъ, безъ дыханья, едва держась на ногахъ, въ сто разъ болѣе взволнованный теперь, чѣмъ тогда, когда въ первый разъ онъ услыхалъ надъ своей головой свистъ стрѣлы Парѳовъ.

Она вбѣжала, ничего не подозрѣвая, и при видѣ его остановилась, какъ вкопанная. Лицо ея залилось румянцемъ и сейчасъ-же сильно поблѣднѣло, и потомъ она удивленнымъ и испуганнымъ взоромъ окинула всѣхъ присутствующихъ.

Но она видѣла вокругъ ясные, полные доброты глаза, а апостолъ Петръ приблизился къ ней и сказалъ:

— Лигія, ты все еще любишь его?

Наступила минута молчанія. Губы ея задрожали, какъ у ребенка, который собирается плакать, и который чувствуетъ себя виновнымъ, но видитъ, однако, что нужно сознаться въ своей винѣ.

— Отвѣчай,—сказалъ Петръ.

И она съ покорностью и рыданьемъ въ голосѣ, склоняясь къ колѣнямъ Петра, прошептала:

— Да...

Въ одно мгновеніе Виницій преклонилъ передъ ней колѣна, Петръ положилъ свои руки на головы ихъ и сказалъ:

— Любите другъ друга во имя Господне и на славу Его, потому что нѣтъ грѣха въ любви вашей.

VII.

Ходя по саду, Виницій разсказывалъ ей въ короткихъ, вырвавшихся изъ глубины сердца, словахъ то, въ чемъ минуту передъ тѣмъ сознался апостоламъ: онъ говорилъ ей о тревогахъ души своей, о перемѣнахъ, происшедшихъ въ немъ и, наконецъ, о той безконечной тоскѣ, которая охватила всю его жизнь съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ жилище Миріамъ.

Онъ признался Лигіи, что хотѣлъ забыть о ней, но не могъ, и думалъ о ней цѣлые дни и цѣлыя ночи. Онъ припоминалъ и тотъ крестикъ, связанный изъ вѣтокъ самшита, который она оставила ему и который онъ помѣстилъ въ лараріумѣ и который безсознательно чтилъ, какъ что-то божественное. И онъ тосковалъ все сильнѣе, потому что любовь была сильнѣе его и уже въ домѣ Авла охватила все существо

его. Другимъ нить жизни прядутъ Парки, а ему пряла ее—любовь, тоска и печаль. Онъ любилъ ее въ домѣ Авла и на Палатинскомъ холмѣ, и когда видѣлъ въ Остраніи, внимающую словамъ Петра, и когда шелъ съ Кротономъ похищать ее, любилъ ее, когда она сидѣла возлѣ ложа его и когда бросила его. И вотъ пришелъ Хилонъ, который открылъ ему убѣжище ея и совѣтовалъ похитить ее, но онъ рѣшилъ лучше наказать Хилона и пойти къ апостоламъ просить ихъ повѣдать ему истину и отдать ему ее... И пусть будетъ благословенна та минута, въ которую эта мысль пришла ему въ голову, потому что вотъ онъ теперь подлѣ нея и она ужъ не убѣжитъ отъ него, такъ какъ прошлый разъ убѣжала изъ дома Миріамъ.

— Я бѣжала не отъ тебя,—сказала Лигія.

— А зачѣмъ-же ты сдѣлала это?

И она подняла на него свои глаза цвѣта ирисовъ, а потомъ, опустивъ смущенное лицо свое, отвѣчала:

— Ты знаешь...

Виницій смолкъ на мгновеніе отъ избытка счастья и потомъ снова заговорилъ о томъ, какъ понемногу у него открывались глаза, что она отличается отъ всѣхъ римлянокъ и похожа развѣ только на одну Помпонію. Впрочемъ, онъ не умѣлъ хорошенько объяснить ей, такъ какъ самъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что чувствовалъ; на лицѣ ея явилась какая-то совершенно новая красота, которой еще до сихъ поръ не было и въ которой есть не только пластическая красота, но и духовная. Вмѣсто этого, онъ разсказалъ ей то, что наполнило ее радостью, что полюбилъ онъ ее за то, что она бѣжала отъ него, а что она будетъ его святыней у очага его.

И потомъ онъ схватилъ руки ея и не могъ больше говорить; онъ только глядѣлъ на нее, какъ на обрѣтенное счастье всей жизни и повторялъ ея имя, какъ-бы желая убѣдиться, что онъ отыскалъ ее и что онъ рядомъ съ ней.

— О, Лигія! о, Лигія!..

Наконецъ, онъ сталъ разспрашивать, что творилось на душѣ ея, и она тоже призналась, что полюбила его еще когда была въ домѣ Авла и если-бы онъ съ Палатинскаго холма отправилъ ее къ нимъ, она сказала-бы имъ о любви своей и постаралась-бы смягчить ихъ гнѣвъ противъ него.

— Клянусь тебѣ,—говорилъ Виницій,—что мнѣ даже и въ голову не приходило отнимать тебя у Авла. Петроній когда-нибудь разскажетъ тебѣ, что ужъ и тогда я говорилъ ему, что люблю тебя и хочу жениться на тебѣ. Я говорилъ ему: пусть она умаститъ двери мои волчьимъ жиромъ и пусть возсядетъ у очага моего! Но онъ осмѣялъ меня и подалъ цезарю мысль, чтобы онъ потребовалъ тебя къ себѣ, какъ залож-

ницу, и отдалъ мнѣ. Сколько разъ я проклиналъ его въ моемъ горѣ, но, можетъ быть, этого требовала счастливая судьба, потому что иначе я не узналъ-бы христіанъ и не понялъ-бы тебя...

— Повѣрь мнѣ, Маркъ,—отвѣтила Лигія,—что Христосъ умышленно велъ тебя къ Себѣ.

Виницій съ изумленіемъ поднялъ голову.

— Правда! — сказалъ онъ съ живостью, — все сложилось такъ странно: отыскивая тебя, я встрѣтился съ христіанами... Въ Остраніи я съ изумленіемъ слушалъ апостола, такъ какъ такихъ рѣчей я еще никогда не слыхалъ. То ты молилась за меня.

— Да!—отвѣчала Лигія.

Они проходили около бесѣдки, густо заросшей плющемъ, и приближались къ мѣсту, гдѣ Урсъ, задушивъ Кротона, бросился на Виниція.

— Здѣсь, — сказалъ молодой человѣкъ, — если-бы не ты,—я погибъ-бы.

— Не вспоминай,—отвѣчала Лигія,—и не вини въ томъ Урса.

— Могу-ли я мстить ему за то, что онъ защищалъ тебя? Если-бы онъ былъ рабомъ, я сейчасъ-же далъ-бы ему свободу.

— Если-бы онъ былъ рабомъ, Авлъ давно освободилъ-бы его.

— Помнишь,—сказалъ Виницій,—что я хотѣлъ возвратить тебя Авлу? Но ты отвѣчала мнѣ, что цезарь могъ-бы узнать объ этомъ и отмстить имъ. Подумай, теперь ты можешь видѣться съ ними, сколько захочешь.

— Зачѣмъ, Маркъ?

— Я говорю «теперь», но думаю, что ты будешь безопасно видѣться съ ними, когда будешь моею. Да!.. Если цезарь, узнавъ объ этомъ, спроситъ, что сдѣлалъ я съ заложницей, которую онъ довѣрилъ мнѣ, я скажу: я женился на ней и къ Авлу она ходитъ съ моего согласія. Онъ въ Антіи долго не проживетъ, такъ какъ ему хочется ѣхать въ Ахайю, а если-бы онъ и прожилъ долго, то нѣтъ надобности видѣться съ нимъ ежедневно. Когда Павелъ изъ Тарса научитъ меня правдѣ вашей, я сейчасъ-же приму крещеніе и возвращусь сюда и постараюсь пріобрѣсти дружбу Авла и семьи его, они на этихъ дняхъ возвращаются въ городъ — и тогда препятствій уже никакихъ не будетъ и я буду имѣть тебя у своего очага. О, carissima! carissima!

Сказавъ это, онъ протянулъ руки, какъ-бы призывая небо въ свидѣтели любви своей, а Лигія, поднявъ на него свои ясные глаза, сказала:

— И тогда и я скажу: «гдѣ ты, Кай, тамъ и я Кайя».

— Нѣтъ, Лигія!—воскликнулъ Виницій,—клянусь тебѣ, что никогда еще ни одна женщина не была такъ чтима въ домѣ мужа своего, какъ ты будешь въ домѣ моемъ.

Минуту они шли молча, не въ силахъ будучи объять счастья своего,— влюбленные, подобные двумъ богамъ, и такіе прекрасные, какъ будто весна подарила ихъ вмѣстѣ съ цвѣтами.

Они остановились подъ кипарисомъ, который росъ вблизи входа въ домъ. Лигія прижалась къ груди Виниція, а онъ снова дрожащимъ голосомъ сталъ просить:

— Прикажи Урсу пойти въ домъ Авла и взять оттуда вещи твои, дѣтскія игрушки и принести все ко мнѣ.

А она покраснѣла, какъ роза или какъ заря утренняя, и сказала:

— Обычай велитъ дѣлать не такъ...

— Я знаю. Ихъ обыкновенно приноситъ «pronob'a» *) вслѣдъ за новобрачной, но сдѣлай это для меня! Я возьму ихъ въ свою виллу въ Антіи и онѣ будутъ мнѣ напоминать о тебѣ.

И онъ сложилъ руки и сталъ повторять, какъ ребенокъ, который проситъ:

— Помпонія возвратится на этихъ дняхъ, сдѣлай это для меня, diva, сдѣлай, carissima моя!!

— Пусть Помпонія поступитъ, какъ хочетъ,—отвѣчала Лигія, еще сильнѣе пламенѣя при воспоминаніи о «pronob'ѣ».

И они снова замолчали, потому что любовь сдавила имъ дыханіе въ груди ихъ. Лигія стояла, прислонившись къ кипарису, съ бѣлѣвшимъ въ тѣни лицомъ, подобная звѣрьку, съ опущенными глазами и съ волнующейся грудью, а Виниций мѣнялся въ лицѣ и блѣднѣлъ. Въ полуденной тиши они слышали, какъ бьются сердца ихъ и въ ихъ упоеніи кипарисъ, миртовые кусты и плющъ, обвивавшій бесѣдку, казалось, превращались въ садъ любви.

Но вотъ Миріамъ показалась въ дверяхъ и позвала ихъ завтракать. Они сѣли между апостолами и тѣ съ радостью глядѣли на нихъ, какъ на молодое поколѣнье, которое послѣ смерти ихъ должно было сохранять и сѣять дальше сѣмя новаго ученья.

Петръ преломилъ и благословилъ хлѣбъ, на лицахъ всѣхъ былъ покой и какое-то великое счастье, казалось, наполняло всю избу.

— Посмотри,—сказалъ, наконецъ Петръ,—развѣ мы враги жизни и радости?

Виниций отвѣтилъ:

— Я знаю теперь, такъ какъ никогда еще не былъ такъ счастливъ, какъ съ вами.

VIII.

Вечеромъ того-же дня Виниций, проходя черезъ форумъ къ себѣ домой, увидалъ при входѣ въ vicus Tuscus золоченыя носилки Петронія,

*) Матрона, которая сопровождала невѣсту и учила ее обязанностямъ жены.

которыя несли восемь рослыхъ британцевъ, остановилъ ихъ знакомъ руки, приблизился къ занавѣскамъ.

— Да будетъ пріятенъ и покоенъ сонъ твой, — закричалъ онъ смѣясь, увидѣвъ заснувшаго Петронія.

— Ахъ! это ты!—сказалъ проснувшійся Петроній.—Да, я задремалъ, потому что ночь я провелъ на Палатинскомъ холмѣ. Я вышелъ теперь, чтобы купить себѣ что-нибудь для чтенія въ Антіи... Что слышно?

— Ходишь по книжнымъ лавкамъ?

— Да. Я не хочу производить безпорядокъ въ библіотекѣ, а потому на дорогу я дѣлаю особые запасы. Кажется, вышли новыя сочиненія Музонія и Сенеки. Я ищу также Персія и одно изданіе эклогъ Виргилія, котораго у меня нѣтъ. Охъ! какъ я усталъ, и какъ болятъ у меня руки отъ развертыванья свертковъ... такъ какъ, какъ только я попадаю въ книжную лавку, любопытство одолѣваетъ меня посмотрѣть и то и другое. Былъ я у Авирона, у Атракта на Аргелитѣ, а раньше еще у Созія на vicus Sandalarius. Клянусь Касторомъ! Какъ я спать хочу!..

— Ты былъ на Палатинскомъ холмѣ, а потому я спрашиваю тебя, что тамъ слышно? Или знаешь что? Отошли носилки и свертки съ книгами и пойдемъ ко мнѣ. Мы поговоримъ объ Антіи и еще кое о чемъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ Петроній, выходя изъ носилокъ.—Но ты, вѣрно, знаешь, что послѣ-завтра мы отправляемся въ Антій..

— Откуда-же я могу знать это?

— Въ какомъ мірѣ живешь ты? Значитъ, я первый сообщаю тебѣ эту новость? Да! будь готовъ послѣ завтра утромъ. Горохъ, настоенный на оливковомъ маслѣ, не помогъ, платокъ на толстой шеѣ не помогъ и мѣднобородый охрипъ. Въ виду этого, объ отсрочкѣ и думать нечего. Онъ проклинаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ Римъ и его воздухъ, и радъ былъ-бы сравнять его съ землею или уничтожить огнемъ, и ему необходимо море какъ можно скорѣе. Онъ говоритъ, что запахи, которые вѣтеръ несетъ изъ узкихъ улицъ, вгонятъ его въ гробъ. Сегодня во всѣхъ храмахъ дѣлали великія жертвоприношенія, чтобы голосъ возвратился къ нему, — и горе Риму и въ особенности сенату, если онъ не скоро возвратится.

— Тогда не зачѣмъ было-бы ѣхать въ Ахайю.

— Но развѣ нашъ божественный цезарь обладаетъ только этимъ однимъ талантомъ?—отвѣтилъ смѣясь Петроній.—Онъ выступилъ-бы на олимпійскихъ играхъ со своимъ пожаромъ Трои, какъ поэтъ, какъ возница, какъ музыкантъ, какъ атлетъ... да что! даже какъ танцовщикъ и во всѣхъ случаяхъ получилъ-бы всѣ вѣнки, предназначенные для побѣдителей. Знаешь-ли ты отчего эта обезьяна охрипла? Со вче-

рашняго дня ему захотѣлось сравняться въ пляскѣ съ нашимъ Парисомъ, онъ протанцовалъ намъ приключеніе Леды и при этомъ вспотѣлъ и простудился. Онъ весь былъ мокрый и склизкій, какъ угорь, только-что вынутый изъ воды. Онъ перемѣнялъ маски одну за другой, кружился, какъ веретено, махалъ руками, какъ пьяный, даже отвращеніе брало смотрѣть на это толстое брюхо и тонкія ноги.

— Парисъ училъ его въ продолженіе двухъ недѣль, но, представь себѣ Агенобарба въ видѣ Леды, или въ видѣ бога-лебедя. Вотъ такъ лебедь!—нечего говорить! Но онъ хочетъ выступить публично съ этой пантомимой, сначала въ Антіи, а потомъ въ Римѣ.

— Онъ повредилъ ужъ себѣ и тѣмъ, что публично пѣлъ, но только подумать, что римскій цезарь выступитъ, какъ мимикъ,—нѣтъ! этого даже и Римъ не вынесетъ!

— Дорогой мой! Римъ все вынесетъ, а сенатъ объявитъ благодарность «отцу отечества»,—и черезъ минуту Петроній прибавилъ:

— А толпа будетъ еще гордиться тѣмъ, что цезарь ея—шутъ.

— Суди самъ, можно-ли было еще болѣе оподлиться!

Петроній пожалъ плечами.

— Ты себѣ живешь дома, въ своихъ думахъ то о Лигіи, то о христіанахъ, и вѣроятно даже не знаешь, что случилось нѣсколько дней тому назадъ. Неронъ публично отпраздновалъ свадьбу свою съ Пиѳагоромъ, который выступилъ въ качествѣ невѣсты. Казалось-бы, что мѣра безумія уже переполнена,—не правда-ли? И что-жъ ты думаешь? Пришли приглашенные фламины и торжественно поженили ихъ. Я былъ при этомъ! И я много могу вынести, но однако, сознаюсь, подумалъ, что боги, если они существуютъ, должны были-бы подать какой-нибудь знакъ... но цезарь не вѣритъ въ боговъ—и онъ правъ.

— На то онъ въ одномъ лицѣ и верховный жрецъ, и богъ, и атеистъ,—сказалъ Виниций.

Петроній засмѣялся.

— Правда! Это не приходило мнѣ въ голову, а такого соединенія еще свѣтъ не видалъ, и помолчавъ прибавилъ:—Надо еще сказать, что этотъ верховный жрецъ, который не вѣритъ въ боговъ и этотъ богъ, который издѣвается надъ ними, боится ихъ, какъ атеистъ.

— Доказательствомъ этого служитъ то, что произошло въ храмѣ Весты.

— Вотъ такъ свѣтъ!

— Каковъ свѣтъ, таковъ и цезарь! Но это не протянется долго.

Разговаривая такимъ образомъ, они вошли въ домъ Виниція, который весело велѣлъ подавать ужинъ и потомъ обратившись къ Петронію сказалъ:

— Нѣтъ! дорогой мой, свѣтъ долженъ переродиться.

— Мы не перероднмъ его,—отвѣчалъ Петроній,—хотя-бы потому, что во времена Нерона человѣкъ все равно, что мотылекъ: живетъ въ солнечныхъ лучахъ милости, но при первомъ холодномъ дуновеніи гибнетъ... хотя-бы и не желалъ этого. Клянусь сыномъ Майи: я много разъ спрашивалъ себя, какимъ чудомъ такой Люцій Сатурнинъ могъ дожить до девяносто-трехъ лѣтъ, пережить Тиверія, Калигулу и Клавдія? Но довольно объ этомъ: не позволишь-ли ты мнѣ послать твои носилки за Эвникой. У меня прошла охота спать и мнѣ хотѣлось-бы повеселиться. Скажи, чтобы къ ужину пришелъ цитристъ, а потомъ мы потолкуемъ объ Антіи. Надо объ этомъ подумать, въ особенности тебѣ.

Виницій отдалъ приказаніе, чтобы послали за Эвникой, но объявилъ, что надъ путешествіемъ въ Антій онъ и не думаетъ ломать себѣ голову. Пусть себѣ ломаютъ ее тѣ, которые не умѣютъ жить иначе, какъ въ лучахъ милости цезаря. Свѣтъ не кончается на Палатинскомъ холмѣ,—въ особенности для тѣхъ, у кого въ сердцѣ и въ душѣ есть кое-что другое.

И онъ говорилъ это такъ небрежно, съ такимъ оживленіемъ, такъ весело, что все это поразило Петронія и, посмотрѣвъ на Виниція, онъ сказалъ:

— Что съ тобой дѣлается. Ты сегодня такой, какимъ былъ тогда, когда носилъ золотую буллу на шеѣ.

— Я счастливъ,—отвѣчалъ Виницій.—Я нарочно позвалъ тебя, такъ какъ имѣю тебѣ сказать кое-что.

— Что съ тобой случилось?

— Что-то такое, чего я не отдалъ-бы за всю римскую имперію!

Сказавъ это, онъ сѣлъ, оперся локтями на поручни кресла и сталъ говорить, съ улыбающимся лицомъ и сіяющимъ взоромъ.

— Помнишь, какъ мы вмѣстѣ были у Авла Плавція и ты въ первый разъ увидалъ тамъ божественную дѣвушку, которую ты самъ назвалъ зарей утренней и весной? Помнишь эту Психею, эту несравнимую, эту прекраснѣйшую изъ дѣвушекъ и богинь вашихъ?

Петроній глядѣлъ на него съ такимъ изумленіемъ, какъ будто хотѣлъ убѣдиться, въ порядкѣ-ли голова его.

— На какомъ языкѣ говоришь ты? — сказалъ онъ наконецъ. — Разумѣется я помню Лигію.

А Виницій сказалъ:

— Я женихъ ея.

— Что?..

Но Виницій вскочилъ и позвалъ диспенсатора.

— Пусть всѣ рабы до единой души соберутся сюда! живо!

— Ты женихъ ея?—повторилъ Петроній.

Но еще прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться отъ изумленія, огром-

ный атрій дома Виниція наполнился людьми, запыхавшись бѣжали старики, мужчины въ цвѣтѣ лѣтъ, женщины, мальчики и дѣвочки. Съ каждой минутой атриній наполнялся все больше и больше,—въ корридорахъ, называемыхъ «fauces», слышались голоса, зовущіе другъ друга на различныхъ языкахъ. Наконецъ всѣ они встали тѣсной толпой у стѣны и у колоннъ, а Виницій, вставъ около имплювія, обратился къ Демасу вольноотпущеннику и сказалъ:

— Тѣ, кто прослужили въ домѣ моемъ двадцать лѣтъ, должны собраться завтра къ претору, гдѣ получатъ свободу, остальные—получатъ по три золотыхъ монеты и удвоенную порцію ѣды въ продолженіе недѣли. Въ загородные эргастулы послать приказъ, чтобы освободить всѣхъ отъ наказаній, снять кандалы съ ногъ рабовъ и накормить до сыта—знайте, что для меня насталъ счастливый день,—и я хочу, чтобы была радость въ домѣ.

Всѣ стояли нѣкоторое время молча, какъ-бы не вѣря ушамъ своимъ, потомъ руки всѣхъ поднялись сразу и изъ устъ всѣхъ вылетѣлъ крикъ:

— А-а! господинъ! а-а-а!

Виницій отпустилъ ихъ знакомъ руки, — и хотя они всѣ хотѣли благодарить его и упасть къ ногамъ его, но поспѣшно вышли; наполнился радостью весь домъ отъ подваловъ до чердаковъ.

— Завтра, — сказалъ Виницій, — я велю имъ еще собраться въ саду и нарисовать знаки, какіе они захотятъ. Тѣхъ, кто нарисуетъ рыбу, освободитъ Лигія.

Но Петроній, который ничему долго не удивлялся, ужъ успокоился и спросилъ:

— Рыбу? Ахъ! помню Хилонъ говорилъ: это эмблема христіанъ.

И потомъ онъ протянулъ руку по направленію къ Виницію и сказалъ:

— Счастье тамъ, гдѣ видитъ его человѣкъ. Пусть Флора въ продолженіи многихъ лѣтъ сыплетъ вамъ цвѣты подъ ноги. Желаю тебѣ всего того, что ты самъ себѣ желаешь.

— Благодарю тебя, потому что я думалъ, что ты будешь меня отговаривать, а это, видишь, было-бы потерянное время.

— Я, отговаривать? Никогда. Наоборотъ, я говорю тебѣ, что ты хорошо дѣлаешь.

— Ахъ! измѣнникъ! — отвѣтилъ весело Виницій, — развѣ ты забылъ, что говорилъ мнѣ когда-то, когда мы выходили изъ дома Грецины?

Но Петроній хладнокровно отвѣчалъ:

— Нѣтъ! но я измѣнилъ свое мнѣніе.

И черезъ минуту онъ прибавилъ:

— Милый мой! Въ Римѣ все измѣняется. Мужья измѣняють женамъ, жены измѣняютъ мужьямъ, почему-бы мнѣ не измѣнить свое мнѣніе?—Немногаго не хватало и Неронъ женился-бы на Актеѣ, происхожденіе которой нарочно для него вывели изъ древняго царскаго рода. И что-жъ? У него была-бы хорошая жена, а у насъ хорошая августа. Клянусь Протеемъ и его морской пучиной! Я всегда буду измѣнять свое мнѣніе, если сочту это подходящимъ или выгоднымъ. Что касается Лигіи, ея царское происхожденіе достовѣрнѣе чѣмъ пергамскіе предки Актеи. Но въ Антіи ты остерегайся Поппеи, она мстительна!

— И не думаю! Ни единый волосъ въ Антіи не упадетъ съ головы моей.

— Если ты думаешь, что ты удивишь меня еще разъ, — то ты ошибаешься, но откуда у тебя эта увѣренность?

— Мнѣ сказалъ это Петръ Апостолъ.

— Ахъ! тебѣ сказалъ это Петръ Апостолъ! На это нѣтъ возраженья, но позволь, однако, чтобы я принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности, хотя-бы для того, чтобы Петръ Апостолъ не оказался ложнымъ пророкомъ, такъ какъ если-бы Петръ Апостолъ случайно ошибся, онъ могъ-бы потерять твое довѣріе, которое навѣрное и впредь пригодится Петру Апостолу.

— Дѣлай что хочешь, но я вѣрю ему. И если ты думаешь, что ты уронишь его въ моихъ глазахъ тѣмъ, что съ презрѣніемъ будешь повторять его имя, то ты ошибаешься.

— Еще одинъ вопросъ: ты ужъ сдѣлался христіаниномъ?

— Пока нѣтъ еще, но Павелъ изъ Тарса поѣдетъ со мной, чтобы объяснить мнѣ ученіе Христа, — и потомъ я приму крещеніе, потому что то, что говорилъ ты, что они враги жизни—неправда!

— Тѣмъ лучше для тебя и для Лигіи,—отвѣчалъ Петроній.

Потомъ, пожавъ плечами, онъ сказалъ какъ-бы самому себѣ:

— Удивительное, однако, дѣло, какъ эти люди умѣютъ привлекать сторонниковъ, и какъ эта секта распространяется.

А Виницій отвѣчалъ съ такимъ жаромъ, какъ будто былъ самъ крещенъ.

— Да, тысячи и десятки тысячъ живутъ въ Римѣ, въ городахъ Италіи, въ Греціи и Азіи. Христіане есть и въ легіонахъ и среди преторіанцевъ и даже въ самомъ дворцѣ цезаря. Это ученіе исповѣдуютъ рабы и граждане, бѣдные и богатые, народъ и патриціи. Знаешь-ли ты, что Корнеліи — христіане, что Помпонія Грецина христіанка, что вѣроятно Октавія была ею, а Актея навѣрное христіанка? Да! это ученіе охватитъ весь міръ и одно можетъ возродить его. Не пожимай плечами, потому что, кто знаетъ, можетъ быть черезъ мѣсяцъ или черезъ годъ ты самъ примешь его.

— Я?—сказалъ Петроній.— Нѣтъ! клянусь солнцемъ Беры! Я не приму его, хотя-бы въ немъ заключалась правда и мудрость, не только человѣческая, но и божеская... Это потребовало-бы усилій, а я не люблю трудиться... Это потребовало-бы отреченій, а я не люблю отказываться ни отъ чего въ жизни. Съ твоей натурой, похожей на огонь и кипятокъ, всегда могло случиться что-нибудь подобное, но со мной?—у меня есть мои геммы, мои камеи, мои вазы и. моя Эвника. Въ Олимпъ я не вѣрю, но устраиваю его себѣ на землѣ и я буду процвѣтать, до тѣхъ поръ, пока меня не пронзятъ стрѣлы божественнаго стрѣльца или пока цезарь не повелитъ мнѣ вскрыть себѣ жилы. — Я больше всего люблю запахъ фіалокъ и удобный триклиній. Я люблю даже нагихъ боговъ... какъ реторическія фигуры,—и Ахайю, куда я собираюсь отправиться съ нашимъ тучнымъ, тонконогимъ, несравненнымъ, божественнымъ цезаремъ, августомъ... Геркулесомъ, Нерономъ!..

Говоря это, онъ развеселился при одной мысли, что онъ могъ-бы принять ученіе рыбаковъ галилейскихъ и сталъ напѣвать вполголоса:

«Зеленью миртовъ обовью я блестящій мечъ мой,
По примѣру Гармодія и Аристогитона»...

но остановился, когда глашатый подалъ знакъ, что Эвника пріѣхала.

Сейчасъ-же по ея прибытіи подали ужинъ, во время котораго, послѣ нѣсколькихъ пѣсенъ, исполненныхъ цитристомъ, Виниціи разсказалъ Петронію о посѣщеніи Хилона и о томъ, какъ это посѣщеніе подало ему мысль отправиться прямо къ апостоламъ и что эта мысль пришла ему во время сѣченья Хилона.

Петроній, которымъ снова стала овладѣвать дремота, приложилъ руку ко лбу и сказалъ:

— Мысль была хороша, если послѣдствія хороши. А что касается Хилона, то я приказалъ-бы дать ему пять золотыхъ монетъ; но ужъ если ты велѣлъ сѣчь его, то лучше ужъ было-бы засѣчь его, потому что, кто знаетъ, можетъ быть современемъ сенаторы будутъ кланяться ему, какъ кланяются теперь нашему воину Ватинію.—Доброй ночи.

И снявъ вѣнки, они вмѣстѣ съ Эвникой стали собираться домой, а, когда они вышли, Виницій отправился въ библіотеку и сталъ писать Лигіи слѣдующее:

«Когда ты откроешь свои красивые глаза, я хочу, божественная, чтобы это письмо сказало-бы тебѣ: добрый день! Потому-то я и пишу сегодня, хотя завтра увижу тебя. Цезарь послѣзавтра выѣзжаетъ въ Антій и я, увы, долженъ сопровождать его. Я вѣдь ужъ говорилъ тебѣ, что не послушать его значило-бы рисковать жизнью, — а теперь у меня не было-бы храбрости умереть.

«Но, если ты не хочешь, напиши мнѣ одно слово, — и я останусь, а дѣломъ Петронія будетъ отвратить отъ меня опасность. Сегодня, въ радостный день, я раздалъ награды всѣмъ рабамъ, а тѣхъ, кто прослужилъ въ домѣ 20 лѣтъ, я поведу завтра къ претору, чтобы освободить ихъ.

«Ты, дорогая, должна похвалить меня за это; мнѣ кажется, что это будетъ согласно съ тѣмъ милосердымъ ученіемъ, которое ты исповѣдуешь, и повторяю, я сдѣлалъ это для тебя. Я скажу имъ завтра, что свободой своей они обязаны тебѣ, чтобы они были благодарны и славили имя твое. За это я самъ отдаюсь въ рабство счастью и тебѣ,— и желаю, чтобы я никогда не зналъ освобожденія. Да будутъ прокляты Антій и путешествіе Агенобарба. Трижды, четырежды счастливъ я, что я не такъ уменъ, какъ Петроній, потому что тогда я долженъ былъ-бы ѣхать въ Ахайю. Тѣмъ временемъ минута прощанья усладитъ мнѣ воспоминанья о тебѣ. Какъ только у меня будетъ возможность вырваться, я сяду на коня и поѣду въ Римъ, чтобы глаза мои утѣшались видомъ твоимъ, и уши мои голосомъ твоимъ. А когда мнѣ самому нельзя будетъ—я пошлю раба съ письмомъ, чтобы получить вѣсть о тебѣ. Не сердись, что я называю тебя божественной. — Если ты не позволишь, — я послушаю, но теперь я иначе еще не умѣю. Привѣтствую тебя всей душой изъ будущаго дома твоего».

IX.

Въ Римѣ было извѣстно, что цезарь хочетъ по дорогѣ навѣстить Остію, или лучше сказать самое большое судно на свѣтѣ, который только что привезъ хлѣбъ изъ Александріи, — и оттуда побережной дорогой [1]) отправится въ Антій. Приказанія были отданы уже нѣсколько дней тому назадъ и поэтому у Porta Ostensis собиралась толпа, состоящая изъ городской черни и всѣхъ народовъ свѣта, чтобы насытить очи свои видомъ цезарской процессіи, на которыя римскій плебсъ никогда не могъ въ волю насмотрѣться. До Антія дорога не была ни тяжела, ни далека; въ самомъ городѣ, состоящемъ изъ великолѣпныхъ палацовъ и виллъ, можно было найти все, что необходимо было для удобства и даже для самой изысканной роскоши того времени. Но цезарь имѣлъ обыкновеніе забирать съ собой въ дорогу всѣ предметы, которые могли ему понадобиться, начиная съ музыкальныхъ инструментовъ и домашнихъ вещей, и кончая статуями и мозаиками, которыя укладывали даже тогда, когда онъ въ дорогѣ хотѣлъ остановиться на короткое время, для отдыха, или для ѣды. Поэтому въ каждое путе-

---

[1]) Via Littaralis.

шествіе его сопровождало цѣлое полчище слугъ, не считая отрядовъ преторіанцевъ и приближенныхъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ отдѣльную свиту рабовъ.

Въ этотъ день, раннимъ утромъ, компанійскіе пастухи, съ козлиными шкурами на ногахъ и лицами, обожженными солнцемъ, прогнали впередъ черезъ ворота пятьдесятъ ослицъ, чтобы Поппея на другой-же день по прибытіи своемъ могла принять по обыкновенію ванну изъ ихъ молока. Чернь со смѣхомъ и радостью глядѣла, какъ среди клубовъ пыли колыхались длинныя уши стада — и съ радостью слушала свистъ бичей и дикіе окрики пастуховъ. Когда стадо прошло, на дорогу бросилась толпа отроковъ-рабовъ и, старательно очистивъ ее, стали посыпать цвѣтами и хвоемъ пиній. Въ толпѣ повторялось съ нѣкоторой гордостью, что вся дорога до Антія должна была быть осыпана цвѣтами, которые были собраны въ частныхъ садахъ, въ окрестностяхъ, или даже куплены за дорогія деньги у торговокъ при Porta Migionis. По мѣрѣ того, какъ протекали утренніе часы, тѣснота все больше и больше увеличивалась. Нѣкоторые привели всю семью, чтобы время не показалось имъ слишкомъ долгимъ, раскладывали съѣдобные припасы на камняхъ, предназначенныхъ для новаго храма въ честь Цереры, и ѣли «prandium», подъ чистымъ небомъ. Кое-гдѣ образовались группы, въ которыхъ главное мѣсто заняли люди бывалые. Бесѣды шли объ отъѣздѣ цезаря и объ его прошлыхъ путешествіяхъ и о путешествіяхъ вообще, при чемъ заслуженные солдаты и матросы разсказывали чудеса о странахъ, о которыхъ слыхали во время своихъ далекихъ странствіяхъ и на которыя еще не ступала римская нога. Горожане, которые во всю свою жизнь нигдѣ не были, кромѣ на via Appia, съ изумленіемъ слушали о чудесахъ Индіи и Аравіи, объ архипелагахъ, окружающихъ Британію, на одномъ изъ островковъ котораго Бріарій схватилъ и заточилъ заснувшаго Сатурна и на которомъ жили духи, о странахъ гиперборейскихъ, объ отвердѣлыхъ моряхъ, о свистѣ и ревѣ, который издавали воды океана, въ тѣ минуты, когда заходящее солнце погружалось въ его глубину. Этимъ разсказамъ чернь легко вѣрила, въ нихъ вѣрили даже такіе люди, какъ Плиній и Тацитъ.—Говорили также и о томъ, что корабль, который цезарь собирался навѣстить, везетъ на два года пшеницу, не считая четырехсотъ путешественниковъ, столькихъ-же заложниковъ и множество дикихъ звѣрей, которые должны были быть употреблены въ дѣло во время лѣтнихъ игръ. Всѣхъ объединяла общая приверженность къ цезарю, который не только кормилъ, но и веселилъ народъ, готовившійся также къ восторженной встрѣчѣ Нерона.

Тѣмъ временемъ показался отрядъ нумидійскихъ всадниковъ, принадлежащихъ къ преторіанскимъ войскамъ. Они были одѣты въ жел-

тыя одежды, красные пояса и громадныя серьги, бросающіе желтый блескъ на ихъ черныя лица. Острія ихъ бамбуковыхъ копій вспыхивали на солнцѣ, какъ огоньки. Когда они прошли, началось нѣчто похожее на процессію. Толпы тѣснились, чтобы ближе взглянуть на все, но подошли отдѣлы пѣшихъ преторіанцевъ и, вставъ вдоль по обѣимъ сторонамъ воротъ, закрыли доступъ къ дорогѣ.—Сначала потянулись возы съ красными и лиловыми шатрами изъ пурпура, и изъ бѣлаго, какъ снѣгъ,—бисса, затканнаго золотыми нитями,—съ восточными и кипарисовыми столами, съ кусками мозаики и кухонными сосудами, съ клѣтками птицъ, привезенныхъ съ востока, юга и запада, мозги или языкъ которыхъ должны были пойти на столъ цезарю,—амфоры съ виномъ и корзины съ овощами.

Предметы, которые не хотѣли подвергать порчи на колесницахъ несли пѣшіе рабы. Виднѣлись цѣлыя сотни людей, несущихъ сосуды и статуи изъ мѣди коринѳской; этрусскія вазы несли отдѣльно отъ греческихъ, и отъ сосудовъ изъ золота, серебра или александрійскаго стекла—ихъ отдѣляли другъ отъ друга небольшіе отряды пѣшихъ и конныхъ преторіанцевъ; надъ каждой группой рабовъ надзирали надсмотрщики, вооруженные бичами съ наконечниками изъ олова и желѣза. Шествіе, состоящее изъ людей, несущихъ съ почтеніемъ столько различныхъ предметовъ, походило на какую-то торжественно-религіозную процессію и сходство сдѣлалось еще большимъ, когда стали показываться музыкальные инструменты цезаря и его придворныхъ. Тамъ были арфы, еврейскія и египетскія лютни, лиры, форминги, цитры, дудки, длинныя изогнутыя трубы и цимбалы. Глядя на это море инструментовъ, сверкающихъ на солнцѣ своей бронзой, золотомъ, дорогими камнями и перламутромъ, можно было подумать, что Аполлонъ или Вакхъ собрались въ путешествіе по бѣлому свѣту. Засимъ появились великолѣпныя колесницы, съ акробатами, танцовщиками и танцовщицами, живописно-сгруппированными съ тирсами въ рукахъ. За ними ѣхали рабыни, предназначенныя не для услугъ, а для наслажденій: мальчики и дѣвочки изъ Греціи и Малой Азіи, длинноволосые или съ вьющимися волосами, собранными въ золотыя сѣтки, похожіе на амуровъ съ чудными личиками, совершенно покрытыми густымъ слоемъ косметиковъ, изъ страха, чтобы вѣтеръ Кампаніи не опалилъ ихъ нѣжныя лица. И снова появился преторіанскій отрядъ огромныхъ сикамбровъ, бородатыхъ бѣлокурыхъ или рыжеволосыхъ и свѣтлоокихъ. Впереди нихъ хорунжіи, называемые imaginarii, несли римскіе орлы, таблицы съ надписями, статуэтки боговъ германскихъ и, наконецъ, статуэтки и бюсты цезаря. Изъ подъ шкуръ и солдатскихъ панцырей виднѣлись загорѣлыя руки, сильныя, какъ военныя машины, которымъ подъ силу было носить тяжелую броню этого войска. Земля, казалось, колебалась подъ ихъ ровнымъ

тяжелымъ шагомъ, а они, увѣренные въ своей силѣ, которую могли употребить противъ самого цезаря, свысока глядѣли на уличную чернь, очевидно забывая, что многіе изъ нихъ пришли въ этотъ городъ также въ лохмотьяхъ. Но ихъ здѣсь была незначительная горсть, а главныя преторіанскія силы остались дома, чтобы наблюдать за спокойствіемъ города и держать его въ подчиненіи. За этимъ отрядомъ вели упряжныхъ тигровъ и львовъ Нерона, для того, чтобы было что запрягать въ дорожные колесницы въ томъ случаѣ, если ему придетъ охота подражать Діонисію. Ихъ вели индусы и арабы на стальныхъ цѣпочкахъ, такъ обвитыхъ цвѣтами, что онѣ, казалось, были свиты изъ однихъ цвѣтовъ. Прирученные умѣлыми бестіаріями, звѣри глядѣли на толпу своими зелеными, какъ-бы сонными глазами, но иногда подымали свои громадныя головы, храпя втягивали въ себя испаренія тѣлъ человѣческихъ и облизывали пасти жесткимъ языкомъ.

Затѣмъ потянулись цезарскіе колесницы и носилки, большія и малыя, золотыя или пурпуровыя, украшеннныя слоновой костью, жемчугомъ, или сверкающіе блескомъ драгоцѣнныхъ камней; за ними снова шелъ небольшой отрядъ преторіанцевъ въ римскомъ вооруженіи, состоящій только изъ однихъ италійскихъ солдатъ-охотниковъ [1]); и снова толпы разряженныхъ прислугъ и мальчиковъ, и наконецъ самъ цезарь, приближеніе котораго возвѣщалось издалека криками толпы.

Въ толпѣ находился и Петръ апостолъ, который хотя разъ въ жизни хотѣлъ увидать цезаря. Его сопровождала Лигія, закутанная въ густое покрывало, и Урсъ, сила котораго была лучшей охраной для Лигіи среди безпорядочной и распущенной толпы. Лигіецъ поднялъ одинъ изъ камней, предназначенныхъ для постройки храма и принесъ его апостолу, чтобы тотъ, вставъ на него могъ видѣть лучше другихъ все, что происходило. Сначала толпа роптала, когда Урсъ сталъ расталкивать ее, какъ корабль, который разрѣзываетъ воду, но когда онъ одинъ поднялъ камень, котораго и четыремъ силачамъ не удалось-бы подвинуть, ропотъ смѣнился удивленіемъ и крики: «macte»! раздались кругомъ. Но въ это время приблизился цезарь. Онъ сидѣлъ на колесницѣ, въ которую были запряжены шесть бѣлыхъ идумейскихъ жеребцовъ, подкованныхъ золотомъ. Колесница имѣла видъ шатра, полы котораго были приподняты съ боковъ, для того, чтобы толпа могла видѣть цезаря. Въ колесницѣ могло помѣститься нѣсколько человѣкъ, но Неронъ, желая чтобы вниманіе всѣхъ было сосредоточено исключительно на немъ ѣхалъ по городу одинъ и только у ногъ его сидѣли двое карликовъ. Онъ былъ

[1]) Жители Италіи еще Августомъ были освобождены отъ военной службы, вслѣдствіе чего такъ называемая cohors italica, стоящая обыкновенно въ Азіи, составлялась изъ охотниковъ. Такъ точно и въ стражѣ преторіанской служили охотники, по скольку она не слагалась изъ чужеземцевъ.

одѣтъ въ бѣлую тунику и аметистовую тогу, которая бросала синеватый отблескъ на лицо его. На головѣ у него былъ лавровый вѣнокъ. Со времени отъѣзда въ Неаполь онъ сильно потолстѣлъ. Лицо его налилось, подъ нижней челюстью свѣшивался двойной подбородокъ, вслѣдствіе чего губы его, которыя и безъ того расположены слишкомъ близко къ носу, теперь казались вырѣзанными подъ самыми ноздрями. Его толстая шея была по обыкновенію обвернута шелковымъ платкомъ, который онъ поправлялъ каждую минуту бѣлой жирной рукой, поросшей на суставахъ рыжими волосами, похожими на кровавые пятна; эти волосы онъ не позволялъ выщипывать эпиляторамъ, послѣ того, что ему сказали, что это производитъ дрожанье въ пальцахъ и мѣшаетъ играть на лютнѣ. Безпредѣльное тщеславіе, какъ всегда, было написано на лицѣ его, вмѣстѣ съ утомленьемъ и скукой. Въ общемъ лицо это было и страшно и смѣшно. Онъ поворачивалъ голову то въ одну, то въ другую сторону, прищуривая глаза и внимательно прислушиваясь къ привѣтствіямъ. Его встрѣтила буря рукоплесканій и крики: «Да здравствуетъ божественный цезарь, императоръ! Да здравствуетъ побѣдитель! да здравствуетъ несравненный сынъ Аполлона, Аполлонъ! Слыша эти слова, Неронъ улыбался, но по временамъ лицо его какъ-бы омрачалось, римская толпа была насмѣшлива, увѣренная въ своей численности позволяла себѣ глумиться даже надъ тѣми великими тріумфаторами, которыхъ дѣйствительно любила и уважала. Вѣдь извѣстно было, что когда-то, при въѣздѣ въ Римъ Юлія цезаря, раздавались возгласы: «граждане, спрячьте женъ, потому что идетъ лысый негодяй»! Но чудовищное самолюбіе Нерона не выносило ни малѣйшихъ порицаній, ни остротъ, а между тѣмъ въ толпѣ, среди хвалебныхъ возгласовъ раздавались крики: «Мѣднобородый!.. мѣднобородый!.. Куда везешь свою огненную бороду? Развѣ боишься, чтобы Римъ отъ нея не сгорѣлъ?» И тѣ, которые кричали это—не сознавали, что шутка ихъ скрываетъ въ себѣ ужасное пророчество. Цезаря не особенно сердили такіе возгласы, тѣмъ болѣе, что бороды онъ не носилъ, такъ какъ давно въ золотомъ ящичкѣ принесъ ее въ жертву Юпитеру капитолійскому. Но другіе, скрытые за кучами камней и за стѣнами храмовъ кричали: «Matricida! Nero! Orestes! Alcmaeon»! другіе: «гдѣ Октавія?» «Отдай пурпуръ»! Навстрѣчу ѣдущей за ними Поппеѣ раздавалось: «Flava coma!»; что означало публичная женщина. Музыкальное ухо Нерона схватывало и эти возгласы и онъ сейчасъ-же подносилъ къ глазу свой полированный изумрудъ, какъ будто желалъ увидѣть и запомнить лица тѣхъ, кто издавалъ эти крики. Такимъ образомъ взглядъ его остановился на стоящемъ на камнѣ апостолѣ. Одно мгновеніе эти двое людей глядѣли другъ на друга, и никому изъ этой блестящей свиты и безчисленной массы не пришло въ голову, что въ эту минуту глядятъ другъ на друга два

властелина земли, изъ которыхъ одинъ скоро исчезнетъ, какъ кровавый сонъ, а другой—этотъ старецъ, одѣтый въ бѣдную лацерну, захватитъ въ вѣчное владѣніе городъ и весь міръ.

Тѣмъ временемъ цезарь проѣхалъ, а за нимъ восемь афровъ пронесли великолѣпныя носилки, въ которыхъ сидѣла ненавистная народу Поппея. Одѣтая какъ и Неронъ въ тунику аметистоваго цвѣта, съ толстымъ слоемъ косметиковъ на лицѣ, неподвижная, задумчивая и равнодушная, она казалась какимъ-то божествомъ, и прекраснымъ, и злымъ, которое несли, какъ на религіозной процессіи. За ней тянулась цѣлая свита женской и мужской прислуги и цѣлые отряды колесницъ съ принадлежностями удобствъ и нарядовъ. Солнце уже низко опустилось за полдень, когда начался проѣздъ приближенныхъ августа, блестящей, сверкающей свиты, извивающейся какъ змѣя и безконечной.

Лѣнивый Петроній, сочувственно привѣтствуемый толпой, велѣлъ нести себя въ носилкахъ вмѣстѣ со своей богоподобной рабыней. Тигеллинъ ѣхалъ въ каррукѣ, въ которую запряжены были небольшія лошадки, украшенныя бѣлыми и красными перьями. Видно было, какъ онъ вставалъ, вытягивалъ шею, высматривалъ, скоро-ли цезарь подастъ ему знакъ, чтобы онъ пересѣлъ къ нему. Толпа привѣтствовала рукоплесканіями Лициніана Пизона, смѣхомъ Вителія, свистомъ Ватинія. Лициній и Лекавій, консулы, были встрѣчены равнодушно, но Тулій Сенеціонъ, котораго любили неизвѣстно за что, такъ-же какъ и Вестиній, удостоились рукоплесканій толпы. Свита была неисчислима. Казалось, что все, что есть богатаго и блестящаго въ Римѣ эмигрируетъ въ Антій. Неронъ никогда иначе не путешествовалъ, какъ въ сопровожденіи тысячи колесницъ, а число спутниковъ его превышало число солдатъ въ легіонѣ [1]). Толпа обратила вниманье и на Домиція Афра и на престарѣлаго Люція Сатурнина; на Веспасіана, который еще не отправился въ свою экспедицію въ Іудею, откуда онъ только что возвратился для полученія царской короны, — и на его сыновей, и на молодого Нерву — и на Лукана, Аннія Галлона и Квинтіана, и на множество женщинъ, извѣстныхъ своимъ богатствомъ, красотой, роскошью и развратомъ. Глаза толпы переходили съ знакомыхъ лицъ на упряжь, на колесницы, на лошадей, на удивительныя одежды придворныхъ, состоящихъ изъ всѣхъ народовъ міра. Въ этомъ наводненіи роскоши и величія не знали на что глядѣть и не только глаза, но и мысли ослѣплялъ этотъ блескъ золота эти яркія пурпуровыя и фіолетовыя цвѣта, эта игра драгоцѣнныхъ камней, это сверканье бусъ, перламутра и слоновой кости. Казалось, даже солнечные лучи растапливались въ этомъ блестящемъ наводненіи.

[1]) Во время цезарей въ легіонѣ числилось почти 12,000 людей.

И хотя въ толпѣ не было недостатка въ бѣднякахъ съ пустыми животами и голодными глазами, но это зрѣлище не только зажигало ихъ желаньемъ и завистью, но вмѣстѣ съ тѣмъ наполняло ихъ восторгомъ и гордостью, давая имъ почувствовать ту силу и мощь Рима, передъ которыми преклонялся весь міръ. Дѣйствительно во всемъ мірѣ не было никого, который бы смѣлъ подумать, что сила эта не переживетъ всѣ вѣка и народы, и что на землѣ что-нибудь можетъ ей воспротивиться.

Виницій, ѣдущій въ концѣ процессіи, при видѣ Лигіи и апостола, которыхъ не надѣялся видѣть, выскочилъ изъ колесницы и, поздоровавшись съ нимъ съ сіящимъ лицомъ, сталъ торопливо говорить, какъ человѣкъ, которому некогда терять время.

— Ты пришла! Не знаю, какъ я долженъ благодарить тебя, о Лигія!.. Богъ не могъ послать мнѣ лучшаго предзнаменованія. Разставаясь съ тобой, привѣтствуя тебя еще разъ, но мы разстаемся не на долго. По дорогѣ я разставлю пароянскихъ лошадей и въ каждый свободный день я буду у тебя, пока не выхлопочу себѣ разрѣшенія возвратиться.—Будь здорова!

— Будь здоровъ, Маркъ!—отвѣчала Лигія и потомъ тише прибавила: да хранитъ тебя Христосъ и да откроетъ душу твою для рѣчей Павла.

А Виницій обрадовался, видя въ этихъ словахъ ея желанье, чтобы онъ сдѣлался скорѣе христіаниномъ и отвѣчалъ:

— Ocelli mi! пусть будетъ такъ, какъ ты говоришь! Павелъ захотѣлъ ѣхать съ людьми моими, но онъ со мной и будетъ моимъ учителемъ и товарищемъ... Приподними покрывало, радость моя, дай еще разъ взглянуть на тебя передъ дорогой. Зачѣмъ ты такъ закрылась?

Она рукой приподняла покрывало и показала ему свое ясное лицо и чудные смѣющіеся глаза, и спросила:

— Это не хорошо?

И въ улыбкѣ ея было что-то въ родѣ дѣтскаго задора, а Виницій, глядя на нее, съ усмѣшкой отвѣчалъ:

— Не хорошо для глазъ моихъ, которые до самой смерти хотѣли-бы глядѣть на одну тебя. — А потомъ онъ обратился къ Урсу и сказалъ:

— Урсъ, береги ее, какъ зеницу ока, потому что это не только твоя, но и моя—domina!

Сказавъ это, онъ схватилъ руку ее и прижалъ къ губамъ своимъ, къ величайшему изумленію черни, которая не могла понять такого проявленія уваженія со стороны блестящаго приближеннаго августа по отношенію къ дѣвушкѣ, одѣтой въ простой нарядъ, чуть-ли не рабыни.

— Будь здорова...

Потомъ Виницій быстро удалился, такъ какъ вся процессія цезаря уже значительно подвинулась впередъ. Апостолъ Петръ осѣнилъ его незамѣтнымъ крестнымъ знаменемъ, а добрый Урсъ сталъ сейчасъ расхваливать его, довольный тѣмъ, что молодая госпожа съ жадностью слушаетъ его и съ благодарностью глядитъ на него.

Процессія удалялась и скрывалась въ клубахъ золотистой пыли, но апостолъ Петръ и спутники его еще долго глядѣли ей вслѣдъ, пока къ нимъ не подошелъ Демасъ, мельникъ, тотъ самый, у котораго по ночамъ работалъ Урсъ.

Демасъ поцѣловалъ руку апостола и сталъ просить его, чтобы они зашли къ нему подкрѣпиться, говоря, что домъ его недалеко отъ Эмпорія, а они должно быть голодны и утомлены, такъ какъ провели большую часть дня у городскихъ воротъ.

Они пошли всѣ вмѣстѣ и отдохнувъ и подкрѣпивъ силы свои въ домѣ его, только подъ вечеръ возвратились за Тибръ. Для того чтобы пройти черезъ рѣку по мосту Эмилія, они пошли черезъ clivus Publicius, идущій по срединѣ Авентинскаго холма, между храмами Діаны и Меркурія. Апостолъ Петръ глядѣлъ съ высоты на окружающіе его зданія исчезающія въ отдаленіи и, погрузившись въ молчанье, отдался мыслямъ о величинѣ и власти этого города, въ который пришелъ проповѣдывать слово Божіе. До сихъ поръ онъ видѣлъ римское владычество и легіоны въ разныхъ краяхъ, по которымъ путешествовалъ, но то были какъ-бы отдѣльные члены этой силы, олицетвореніе которой онъ сегодня увидалъ въ первый разъ въ лицѣ цезаря. Этотъ городъ, неизмѣримый, хищный и жадный и вмѣстѣ съ тѣмъ разнузданный, сгнившій до мозга костей и вмѣстѣ съ тѣмъ непоколебимый въ своей нечеловѣческой силѣ,—этотъ цезарь, братоубійца, матереубійца и женоубійца, за которымъ тянулась цѣлая цѣпь кровавыхъ дѣяній, цѣпь столь-же длинная, какъ и цѣпь его придворныхъ; этотъ развратникъ и шутъ и вмѣстѣ съ тѣмъ властелинъ тридцати легіоновъ, а съ помощью ихъ и всей земли; эти придворные, покрытые золотомъ и пурпуромъ, неувѣренные въ своемъ завтрашнемъ днѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе могущественные, чѣмъ многіе цари—все это, вмѣстѣ взятое, казалось ему какимъ-то адскимъ царствомъ зла и несправедливости. И удивился онъ простымъ сердцемъ своимъ, какъ Богъ можетъ давать такое непонятное всемогущество сатанѣ,—какъ можетъ отдавать ему землю, чтобы онъ ее мѣсилъ, переворачивалъ, топталъ ее, выжималъ слезы и кровь, рвалъ ее какъ вихрь, ревѣлъ какъ буря, жегъ какъ пламя.—И отъ мыслей этихъ встревожилось сердце его апостольское и сталъ онъ мысленно говорить съ Учителемъ: «Господи, что могу я сдѣлать въ этомъ городѣ, въ который Ты послалъ меня? Ему принадлежатъ моря и суша, ему и звѣрь земной и тварь водная,—ему принадлежатъ и другія цар-

ства, грады и тридцать легіоновъ, которые стерегутъ ихъ, а я, Господинъ, простой рыбакъ съ озера! Что мнѣ дѣлать? и какъ превозмогу зло его?»

Онъ поднялъ свою сѣдую дрожащую голову къ небу, молился, изъ глубины сердца взывая къ своему Божественному Учителю, полный горя и тревоги.

Но голосъ Лигіи прервалъ его молитву, она говорила:

— Городъ весь, какъ въ огнѣ!..

Дѣйствительно, солнце какъ-то странно заходило въ этотъ день. Огромный дискъ его уже наполовину закатился за Яникульскій холмъ и весь небесный сводъ покрылся краснымъ цвѣтомъ. Они стояли на такомъ мѣстѣ, съ котораго взглядъ ихъ могъ охватить значительное пространство. Немного направо виднѣлись вытянувшіяся стѣны circus Maximus, надъ нимъ возвышались дворцы на Палатинскомъ холмѣ, а прямо передъ нимъ за Forum Boarium и Velabrum вершины Капитолія съ храмомъ Юпитера. Но стѣны, колонны и вершины храмовъ были какъ-бы погружены въ этотъ блескъ золота и пурпура. Издалека виднѣвшаяся рѣка текла точно кровавая,—и по мѣрѣ того какъ солнце все больше закатывалось за холмъ, цвѣтъ становился все болѣе багровымъ, все болѣе похожимъ на зарево пожара,—онъ росъ, расширялся, и наконецъ охватилъ всѣ семь холмовъ, съ которыхъ казалось струился на всю окрестность.

— Городъ весь, какъ въ огнѣ,—повторила Лигія.

А Петръ прикрылъ рукой глаза и сказалъ:

— Гнѣвъ Господень надъ городомъ этимъ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Виниціи писалъ Лигіи:

«Рабъ Флегонъ, черезъ котораго я посылаю тебѣ письмо,—христіанинъ и потому онъ будетъ однимъ изъ тѣхъ, которые получатъ свободу изъ рукъ твоихъ, моя дорогая. Это старый слуга дома нашего, а потому ты можешь писать черезъ него, не боясь, что письмо твое попадетъ въ другія руки. Я пишу тебѣ изъ Laurentum, гдѣ мы остановились по случаю зноя. Оттонъ владѣлъ здѣсь прекрасной виллой, которую въ свое время подарилъ Поппеѣ, и эта послѣдняя, хотя и разведенная съ нимъ, сочла нужнымъ удержать прекрасный подарокъ... Когда я подумаю объ этихъ женщинахъ, которыя теперь окружаютъ меня и о тебѣ, — мнѣ кажется, что изъ камня Девкаліона должны были произойти совершенно различные, другъ на друга непохожіе люди

и что ты принадлежишь къ тѣмъ, которые родились изъ кристалла. Любуюсь тобой и люблю тебя всей душой, такъ, что я хотѣлъ-бы говорить съ тобой только о тебѣ и я долженъ заставлять себя писать тебѣ о путешествіи, о томъ, что со мной дѣлается и о придворныхъ новостяхъ. И такъ цезарь былъ гостемъ Поппеи, которая потихоньку приготовила ему блестящій пріемъ. Впрочемъ, она пригласила немногихъ приближенныхъ августа, но я и Петроній получили приглашеніе. Послѣ prandium мы ѣхали въ золотыхъ лодкахъ по морю, которое было такъ тихо, какъ будто заснуло, и такое голубое, какъ глаза твои, божественная.—Мы сами гребли, потому что это очевидно льстило августѣ, что ее везутъ бывшіе консулы, или сыновья ихъ. Цезарь, стоя у руля въ пурпуровой тогѣ, пѣлъ гимнъ въ честь моря, который сочинилъ въ прошедшую ночь и для котораго написалъ музыку вмѣстѣ съ Діодоромъ. На другихъ лодкахъ вторили рабыни изъ Индіи, которыя умѣютъ играть на морскихъ раковинахъ, а кругомъ показывалось множество дельфиновъ, какъ будто дѣйствительно вызванныхъ музыкой изъ глубинъ Амфитриды. А я, — знаешь-ли ты что я дѣлалъ? Думалъ о тебѣ и тосковалъ по тебѣ, и хотѣлъ взять это море и эту ладью, и эту музыку, и все отдать тебѣ.—Хочешь, мы когда-нибудь поселимся на берегу морскомъ, августа моя, вдали отъ Рима? У меня въ Сициліи есть земля, на которой растетъ миндальный лѣсъ, а весной онъ цвѣтетъ розовымъ цвѣтомъ и спускается такъ низко надъ моремъ, что концы вѣтокъ касаются воды. Тамъ я буду любить тебя и прославлять то ученіе, которому меня Павелъ научилъ, потому что я ужъ знаю, что оно не противится любви и счастью. Хочешь!.. Но прежде чѣмъ я услышу отвѣтъ изъ твоихъ дорогихъ устъ, я пишу тебѣ дальше, что происходило на лодкѣ. Скоро берегъ остался далеко за нами и вдали мы увидали передъ собою парусъ и между нами поднялся споръ, простая-ли это лодка рыбацкая, или большой корабль изъ Остіи? Я первый различилъ его, а августа сказала, что отъ моихъ глазъ очевидно ничего не можетъ укрыться и, вдругъ, опустивъ покрывало на лицо, она спросила: узналъ-бы я ее даже такъ? Петроній сейчасъ-же отвѣчалъ, что изъ-за тучъ даже солнца разглядѣть нельзя, но она, какъ будто шутя, сказала, что такое зрѣніе можетъ затуманить только одна любовь и перечисляя различныхъ приближенныхъ августа стала разспрашивать и отгадывать, которую изъ нихъ я люблю. Я отвѣчалъ спокойно, но въ концѣ она назвала и твое имя. Говоря о тебѣ, она откинула покрывало и стала глядѣть на меня злыми и вмѣстѣ съ тѣмъ испытующими глазами. Я чувствую настоящую благодарность къ Петронію, который въ эту минуту нагнулъ лодку, вслѣдствіе чего общее вниманіе было отвлечено отъ меня; если-бы я услыхалъ о тебѣ недоброжелательныя или язвительныя слова, я-бы не сумѣлъ скрыть

гнѣва и долженъ былъ-бы бороться съ желаніемъ разбить весломъ голову этой злой и развратной женщины... Вѣдь ты помнишь, что я разсказывалъ тебѣ въ домѣ Линна, о томъ, что произошло на прудѣ Агриппы? Петроній боится за меня и еще сегодня умолялъ меня, чтобы я не раздразнилъ страсти самой августы. Но Петроній ужъ не понимаетъ меня и не знаетъ, что внѣ тебя нѣтъ для меня наслажденья, ни красоты, ни любви, и для Поппеи у меня есть только презрѣніе и отвращеніе. Ты слишкомъ ужъ измѣнила душу мою! настолько, что къ прежней жизни я-бы ужъ не могъ возвратиться. Но ты не бойся, что здѣсь со мной можетъ случиться что-нибудь нехорошее.—Поппея меня не любитъ, потому что любить она неспособна никого—и ея желанье происходитъ только отъ гнѣва на цезаря, который находится еще подъ ея вліяніемъ и который, можетъ быть, еще и любитъ ее,—хотя онъ ужъ не щадитъ ее и не скрываетъ передъ ней своего безстыдства и своихъ поступковъ. Скажу тебѣ въ концѣ и еще одну вещь, которая должна тебя успокоить: Петръ сказалъ мнѣ передъ отъѣздомъ, чтобы я не боялся цезаря, такъ какъ ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы моей,—и я вѣрю ему. Какой-то внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что каждое слово его должно исполниться, и такъ какъ онъ благословилъ любовь нашу, то ни цезарь, ни всѣ силы Гадеса, ни даже само провидѣнье не въ силахъ отнять тебя у меня, о Лигія! И когда я думаю объ этомъ, я счастливъ, какъ будто я—небо, которое одно счастливо и спокойно. Но тебя, христіанку, можетъ быть оскорбляетъ то, что я говорю о небѣ и провидѣньи? Въ такомъ случаѣ, прости меня, потому что я грѣшу невольно.

«Крещеніе еще не обмыло меня, но сердце мое, какъ пустая чаша, которую Павелъ изъ Тарса долженъ наполнить благодатнымъ ученіемъ вашимъ, которое для меня тѣмъ благодатнѣе, что оно твое. Ты, божественная, поставь мнѣ въ заслугу хоть то, что я изъ этой чаши вылилъ то, что въ ней было до сихъ поръ и что я не отказываюсь отъ нея, а медлю, какъ человѣкъ, который жаждетъ, но стоитъ у чистаго источника.—Пусть я найду милосердіе у тебя. Въ Антіи у меня дни и ночи будутъ собираться люди для того, чтобы слушать Павла изъ Тарса, который съ перваго-же дня путешествія сталъ такъ влiять на людей моихъ, что они постоянно окружаютъ его, видя въ немъ не только тевматурга, но чуть-ли не существо сверхъестественное. Вчера я видѣлъ радость на лицѣ его, а когда я спросилъ его, что онъ дѣлаетъ, онъ отвѣтилъ мнѣ: «сѣю». Петроній знаетъ, что онъ находится среди людей моихъ и хочетъ увидѣть его, также какъ и Сенека, который слыхалъ объ немъ отъ Галлона. Но звѣзды ужъ блѣднѣютъ, о Лигія, а утренній «Lucifer» свѣтитъ все сильнѣе. Скоро заря зарумянитъ море,—все спитъ вокругъ, только я думаю о тебѣ и люблю тебя. Привѣтствую тебя вмѣстѣ съ утренней зарей,—sponsaa mea!»

II.

Виницій писалъ Лигіи:

«Была-ли ты, дорогая, съ семьей Авла когда-нибудь въ Антіи? Если нѣтъ, то я буду счастливъ показать тебѣ его когда-нибудь. Уже отъ самаго Лаурента вдоль берега одна за другой тянутся виллы, а самъ Антій это—безконечная цѣпь дворцовъ и портиковъ, колонны которыхъ отражаются въ водѣ. У меня здѣсь есть пристанище у самаго моря, съ оливковымъ садомъ и лѣсомъ кипарисовъ за виллой; и когда я подумаю, что это жилище со временемъ станетъ твоимъ, мраморъ его кажется мнѣ бѣлѣе, сады тѣнистѣе, и море болѣе лазурнымъ. О Лигія! какъ хорошо жить и любить! Старый Меникдъ, управляющій этой виллы, посадилъ подъ миртами цѣлыя купы ирисовъ, и при видѣ ихъ мнѣ вспомнился домъ Авла, вашъ имплювіумъ и вашъ садъ, въ которомъ я сидѣлъ рядомъ съ тобой. И тебѣ эти ирисы напомнятъ родной домъ, потому я увѣренъ, что ты полюбишь Антій и эту виллу. Сейчасъ-же по пріѣздѣ мы долго разговаривали съ Павломъ за prandium. Мы говорили о тебѣ, а потомъ онъ сталъ учить—а я долго слушалъ его и скажу тебѣ только то, что, если-бы я умѣлъ писать, какъ Петроній, я-бы все-таки не сумѣлъ выразить все то, что происходило у меня въ душѣ и въ головѣ. Я и не подозрѣвалъ, что на свѣтѣ можетъ еще быть такое счастье, красота и покой, о которыхъ до сей поры люди не знали. Но все это я приберегаю для бесѣдъ съ тобой, когда я въ первую свободную минуту отправлюсь въ Римъ. Скажи мнѣ, какъ земля можетъ одновременно выносить такихъ людей, какъ Петръ апостолъ, Павелъ изъ Тарса и цезарь? Я спрашиваю потому, что вечеръ, послѣ поученій Павла, я провелъ у Нерона,—и знаешь-ли ты, что я тамъ слышалъ? Прежде всего онъ самъ читалъ свою поэму о разрушеніи Трои—и сталъ жаловаться, что онъ никогда не видалъ горящаго города. Онъ завидовалъ Пріаму и называлъ его счастливымъ человѣкомъ только потому, что онъ имѣлъ возможность видѣть пожаръ и погибель родного города. На это Тигеллинъ сказалъ: «Скажи одно слово, божественный, и я возьму факелъ и, раньше чѣмъ протечетъ ночь, ты увидишь горящій Антій?» Но цезарь назвалъ его дуракомъ. «Куда-жъ бы я—говоритъ—пріѣзжалъ дышать морскимъ воздухомъ и охранять голосъ, которымъ одарили меня боги и о которомъ, какъ говорятъ, я долженъ заботиться для пользы людей? Развѣ не Римъ вредитъ мнѣ? Развѣ не зловонныя испаренія Субуры и Эсквилина заставляютъ меня хрипѣть,—и развѣ горящій Римъ не представилъ-бы въ сто разъ болѣе величественнаго и трагичнаго зрѣлища, чѣмъ Антій?»—Тутъ сейчасъ-же стали говорить, какая неслыханная трагедія было-бы зрѣлище такого города, покорившаго весь міръ и превратившагося въ кучу сѣраго пепла!

Цезарь объявилъ, что тогда поэма его превзошла-бы пѣсни Гомера, а потомъ сталъ говорить, какъ онъ вновь построилъ-бы городъ и какъ будущіе вѣка должны были-бы удивляться его дѣлу, передъ которымъ померкли всѣ остальныя человѣческія дѣла. Сейчасъ-же пьяные собесѣдники стали кричать: «Сдѣлай это! сдѣлай!» и онъ отвѣчалъ: «Для этого нужно было-бы имѣть болѣе вѣрныхъ и болѣе преданныхъ мнѣ друзей!» Признаюсь, слыша это я сразу встревожился, такъ какъ ты вѣдь въ Римѣ, carissima. Теперь я самъ смѣюсь надъ этимъ испугомъ и думаю, что цезарь и его приближенные, какими-бы безумцами они ни были, на такое безуміе не рѣшились-бы,—а все-таки, подумай, какъ человѣкъ боится за то, что онъ любитъ,—а все-таки я хотѣлъ-бы, чтобы домъ Линна не стоялъ въ узкомъ переулкѣ зарѣчной части города и именно въ такой, которая населена иноплеменниками, на которыхъ въ такомъ случаѣ меньше обратили-бы вниманіе. Я считаю, что даже дворцы на Палатинскомъ холмѣ недостойны были-бы быть твоимъ жилищемъ, и я хотѣлъ-бы, чтобы ты не испытывала недостатокъ тѣхъ удобствъ, къ которымъ привыкла съ дѣтства. Переселись въ домъ Авла, моя Лигія! Я здѣсь много объ этомъ думалъ. Если-бы цезарь былъ въ Римѣ, вѣсть о твоемъ возвращеніи, дѣйствительно, могла-бы дойти до него черезъ рабовъ, обратить на тебя вниманіе и подвергнуть тебя преслѣдованію за то, что ты осмѣлилась поступить противно воли цезаря. Но онъ продолжительное время останется въ Антіи,—а когда возвратится,—и рабы ужъ давно перестанутъ говорить объ этомъ. Линнъ и Урсъ моглибы помѣститься съ тобой. Наконецъ, я живу надеждой, что прежде чѣмъ Палатинскій холмъ увидитъ цезаря, ты, моя божественная, будешь жить въ собственномъ домѣ въ Каринахъ. Да будутъ благословенны день, часъ и минута, въ которую ты переступишь порогъ мой, и если Христосъ, котораго я учусь познавать, сдѣлаетъ это,—пусть будетъ благословенно и Его имя. Я буду служить Ему и отдамъ за Него жизнь и кровь свою. Я говорю неправильно: мы будемъ оба служить Ему, пока не оборвется нить жизни нашей. Люблю тебя и привѣтствую тебя отъ всей души».

III.

Урсъ черпалъ воду изъ цистерны и вытягивая на веревкѣ двойныя амфоры, напѣвалъ вполголоса чудную лигійскую пѣсенку и бросалъ веселые взгляды на Лигію и Виниція, бѣлѣвшихъ, какъ статуи, среди кипарисовъ въ глубинѣ садика Линна. Желто-лиловые цвѣта кидалъ на нихъ сумрахъ заката, а они мирно бесѣдовали, держась за руки, въ тишинѣ наступавшаго вечера.

— А тебѣ, Маркъ, не достанется за то, что ты оставилъ Антій безъ вѣдома цезаря?—спрашивала Лигія.

— Нѣтъ, дорогая моя, — отвѣчалъ Виницій, — цезарь объявилъ, что запирается на два дня съ Терпносомъ и будетъ слагать новыя пѣсни. Онъ это часто дѣлаетъ и тогда ужъ ни о чемъ не думаетъ и ничего не знаетъ. Да что мнѣ цезарь, когда я наконецъ съ тобой и гляжу на тебя! Я такъ тосковалъ; въ послѣднее время, я потерялъ сонъ. Иногда, задремавъ отъ утомленія, я вдругъ просыпался съ мыслью, что тебѣ грозитъ опасность; по временамъ мнѣ снилось, что у меня увели лошадей, на которыхъ я долженъ былъ перенестись изъ Антія въ Римъ и на которыхъ дѣйствительно перелетѣлъ это пространство такъ быстро, какъ ни одинъ императорскій гонецъ. И больше быть безъ тебя я и не смогъ-бы. Я такъ тебя люблю, моя дорогая, самая дорогая для меня въ свѣтѣ!

— Я знала, что ты пріѣдешь. Два раза Урсъ по моей просьбѣ выбѣгалъ на Карину, распрашивалъ о тебѣ и въ твоемъ домѣ. Линнъ смѣялся надо мной, Урсъ тоже.

И въ самомъ дѣлѣ Лигія ожидала Виниція, это было видно изъ того, что вмѣсто обычной черной одежды на ней была бѣлая мягкая стола, и изъ ея изящныхъ складокъ голова и плечи гладѣли, какъ первые весенніе цвѣты изъ-подъ снѣга. Нѣсколько розовыхъ анемоновъ украшали ея волосы.

Виницій прижалъ ея руку къ своимъ устамъ, потомъ они сѣли на каменной скамейкѣ среди дикаго винограда и молча сидѣли, плечомъ къ плечу, глядя на звѣзды, которыхъ послѣдній отблескъ дрожалъ, исчезая въ ихъ очахъ.

Мало-по-малу ихъ охватило обаяніе этого чуднаго тихаго вечера.

— Какъ тихо здѣсь и какъ хорошъ міръ,—промолвилъ Виницій, сдерживая голосъ.—Какая чудная, тихая ночь наступаетъ. Я чувствую что я такъ счастливъ, какъ никогда въ жизни. Скажи мнѣ Лигія, что-же это такое? Я никогда не допускалъ, чтобы могла быть такая любовь. Я думалъ,—она просто огонь въ крови, страсть, и только теперь я вижу, что можно любить каждой каплей крови, всѣмъ своимъ существомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ испытывать такое сладостное, безконечное спокойствіе, какъ будто душу покоятъ разомъ и сонъ, и смерть. Это для меня ново. Я гляжу на эти застывшія деревья, и кажется, что спокойствіе ихъ вселилось въ меня. Теперь я только понялъ, что можетъ быть такое счастье, о которомъ до сихъ поръ никто и не вѣдалъ. Теперь я понимаю, почему и ты, и Помпонія Грецина такія свѣтлыя, тихо-радостныя... Сомнѣнья нѣтъ!.. Вамъ это даетъ Христосъ.

А Лигія, положивши въ эту минуту свою чудную головку къ нему на грудь, прошептала:

— Мой дорогой Маркъ...

И не могла продолжать. Чувство радости и благодарности, мысль,

что она теперь можетъ любить его, лишили ее голоса, глаза наполнились слезами. Виницій обнималъ ея маленькое тѣло своей рукой, прижималъ къ себѣ и затѣмъ сказалъ:

— Лигія! Да будетъ благословенна минута, когда я въ первый разъ услыхалъ Его имя.

Она тихо отвѣчала ему:

— Я люблю тебя, Маркъ.

Потомъ они, снова взволнованные, умолкли, не будучи въ силахъ продолжать разговоръ. Послѣднія лиловатыя тѣни на кипарисахъ исчезли, и молодая луна засеребрила деревья сада.

Немного спустя Виницій сталъ говорить:

— Я знаю... Не успѣлъ я прійти, не успѣлъ поцѣловать твои милыя руки, какъ тотчасъ прочиталъ въ твоихъ глазахъ вопросъ: постигъ-ли я божественное ученіе, въ которое увѣровалъ, крестился-ли я? Нѣтъ! Я еще не принялъ крещенія, но знаешь, цвѣтикъ мой, почему? Павелъ сказалъ мнѣ: «Я убѣдилъ тебя, что Богъ пришелъ въ міръ и пострадалъ въ немъ на крестѣ для спасенія нашего, но Петръ первый благословилъ тебя, первый простеръ надъ тобою свою руку; пусть-же онъ омоетъ тебя и въ живомъ источникѣ спасенія. А я кромѣ того хотѣлъ, чтобы ты, дорогая, видѣла мое крещеніе, и чтобы Помпонія была моей матерью крестной. Вотъ почему я до сихъ поръ не окрещенъ, хотя и вѣрю въ Спасителя и Его кроткое ученіе. Павелъ меня убѣдилъ, онъ меня обратилъ; да и могло-ли быть иначе? Какъ-же я могъ-бы не повѣрить, что Христосъ пришелъ въ міръ, разъ это говоритъ Петръ, Его ученикъ, и Павелъ, которому Онъ являлся. Какъ-же я могъ-бы не повѣрить, что Онъ Богъ, когда Онъ воскресъ изъ мертвыхъ? Его видѣли и въ городѣ, и на горѣ, и надъ озеромъ,—видѣли люди, уста которыхъ никогда не знали лжи. Я уже тогда этому вѣрилъ, когда слышалъ Петра въ Остраніи: я уже тогда сказалъ себѣ: на цѣломъ свѣтѣ могъ-бы солгать кто угодно другой, но только не онъ, сказавшій «я это видѣлъ». Но ученія вашего я боялся. Мнѣ казалось, что оно отниметъ тебя у меня. Я думалъ, что въ немъ нѣтъ ни мудрости, ни красоты, ни счастья. Теперь-же, когда я позналъ его, что-жъ-бы я былъ за человѣкъ, если-бы не хотѣлъ, чтобы на землѣ царила правда—а не ложь, любовь—а не ненависть, добро—а не насиліе и зло, вѣрность и преданность—а не вѣроломство, прощеніе—а не месть. Да кто-же-бы не хотѣлъ, не желалъ страстно всего этого? А вѣдь именно всему этому учитъ ваше ученіе. Другіе тоже хотятъ справедливости, но только оно одно дѣлаетъ справедливымъ сердце человѣка. И кромѣ того, оно дѣлаетъ сердце чистымъ, какъ твое, напримѣръ, или Помпоніи. Я былъ-бы слѣпъ, если-бы не видѣлъ всего этого. А если сверхъ того Богъ-Христосъ обѣщаетъ намъ жизнь вѣчную и вѣчное блаженство, какое

только можетъ дать Всемогущій Богъ, то чего-же еще больше можетъ желать человѣкъ? Если-бы я спросилъ Сенеку, почему онъ проповѣдуетъ добродѣтель, когда подлость приноситъ часто большее счастье, онъ не могъ-бы отвѣтить ничего путнаго. А я знаю теперь, зачѣмъ желанна добродѣтель. Потому что любовь и добро изливаетъ Христосъ, для того чтобы тогда, когда смерть смежитъ мнѣ очи, вновь обрѣсти и жизнь, и счастье, и себя самого, и тебя, моя дорогая... Какъ-же не полюбить и не принять ученія, которое возвѣщаетъ правду, уничтожаетъ смерть? Кто-бы не предпочелъ добра злу? Я думалъ, что ваше ученіе враждебно личному счастью, но Павелъ убѣдилъ меня, что оно не отнимаетъ, а увеличиваетъ его. Все это едва помѣщается въ моей головѣ, но я чувствую, что это такъ, потому что никогда не былъ такъ счастливъ, какъ теперь, да и не могъ-бы быть, хотя-бы и взялъ тебя силой въ свой домъ. Вотъ ты за минуту раньше сказала мнѣ: «люблю тебя», а вѣдь этихъ словъ я не извлекъ-бы изъ твоей груди даже всею силою римскаго могущества. О, Лигія! Умъ говоритъ, что это ученіе лучшее и божественное, сердце чуетъ это, а кто-же станетъ бороться съ такими двумя силами?

Лигія слушала Виниція, устремивъ на него свои голубые глаза, блестѣвшіе при свѣтѣ мѣсяца, словно какіе то чудные, таинственные цвѣты, покрытые росою.

— Правда, Маркъ, это такъ, — сказала она еще сильнѣе прижимая голову къ груди Виниція.

И въ эту минуту они чувствовали себя безконечно счастливыми, понимая, что помимо любви ихъ соединяетъ еще какая-то иная сила, непреодолимая и вмѣстѣ съ тѣмъ обаятельная, благодаря которой самая любовь становится чѣмъ-то вѣчнымъ, не подлежащимъ ни случаю, ни смерти, ни разрушенію. Сердца ихъ наполнены были убѣжденіемъ, что что-бы не случилось, они не перестанутъ любить другъ друга и принадлежать другъ другу. Ихъ душу охватывало какое-то невыразимое спокойствіе. Виницій чувствовалъ, что эта любовь не только чиста и глубока, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нова, такая, какой еще міръ не зналъ до того времени, да и не могъ знать. Она слагалась въ его душѣ изо всего разомъ: и Лигія, и Христово ученіе, и серебристый свѣтъ мѣсяца, почившій на кипарисахъ и эта чудная ночь — весь міръ, казалось, былъ наполненъ его любовью къ Лигіи.

Онъ снова заговорилъ, и его тихій голосъ дрожалъ отъ волненія:

— Ты есть душа души моей, ты для меня дороже всего на свѣтѣ. Разомъ будутъ биться сердца наши, молитвы наши будутъ общія и вмѣстѣ будемъ мы благодарить Христа. О! дорогая моя! Жить вмѣстѣ, вмѣстѣ почитать милосердаго Бога и знать, что когда придетъ смерть, наши очи снова откроются, какъ послѣ благого сна, для другого свѣта,—

чего можно желать лучшаго? Я удивляюсь только тому, что не понялъ этого раньше. И знаешь, что кажется мнѣ теперь? Что противъ этого ученія никто не устоитъ! Черезъ двѣсти или триста лѣтъ его признаетъ весь міръ; люди забудутъ объ Юпитерѣ—и не будетъ другихъ боговъ, кромѣ Христа, и другихъ храмовъ, кромѣ христіанскихъ. Кто-бы не захотѣлъ собственнаго счастья? Ахъ, да, я слышалъ бесѣду Павла съ Петроніемъ,—и знаешь, что въ концѣ-концовъ сказалъ Петроній? «Это не для меня», но ничего больше отвѣтить не сумѣлъ!

— Повтори мнѣ слова Павла,—сказала Лигія.

— Это было у меня, вечеромъ. Петроній сталъ небрежно говорить и шутить, какъ онъ это дѣлаетъ всегда, и тогда Павелъ сказалъ ему: «Какъ ты, мудрый Петроній, можешь отвергать, что Христосъ существовалъ и воскресъ изъ мертвыхъ, когда тебя тогда еще на свѣтѣ не было, а Петръ и Іоаннъ видѣли его,—и я видѣлъ по дорогѣ въ Дамаскъ? Поэтому, прежде всего, пусть мудрость твоя докажетъ, что мы—лжецы, а ужъ потомъ отрицай наши показанія». Петроній отвѣчалъ, что онъ и не думаетъ отвергать, такъ какъ знаетъ, что совершается много непонятныхъ вещей, которыя, тѣмъ не менѣе, подтверждаются людьми, достойными довѣрія. Но—прибавилъ онъ—открытіе какого-нибудь чужеземнаго Бога—это одно дѣло, и признаніе новаго ученія—другое. «Я не хочу,—сказалъ онъ,—знать ни о чемъ такомъ, что могло-бы испортить мнѣ жизнь и уничтожить красоту ея. Не въ томъ дѣло, истинны-ли наши боги, а въ томъ, что они прекрасны, — намъ съ ними весело, и мы можемъ жить съ ними безъ заботъ». — На это Павелъ отвѣчалъ: «Отбрасывать ученье любви, справедливости и милосердія изъ страха передъ жизненными заботами — ты подумай только, Петроній, развѣ жизнь ваша дѣйствительно беззаботна? Вотъ и ты, господинъ, и никто изъ самыхъ богатыхъ и могущественныхъ людей не знаетъ, засыпая вечеромъ, не разбудитъ-ли васъ смертный приговоръ? Но ты скажи мнѣ, если-бы цезарь призналъ это ученіе, которое проповѣдуетъ любовь и справедливость, развѣ твое счастье не было-бы полнѣе? Ты опасаешься за свои радости, но развѣ жизнь не была-бы веселѣе? А что касается услады жизни и красоты, если вы настроили столько красивыхъ храмовъ и статуй въ честь злыхъ, мстительныхъ, развратныхъ и неискреннихъ боговъ, то отчего-бы вы не сдѣлали этого изъ уваженія къ единому Богу любви и правды? Ты хвалишь свою судьбу потому, что ты богатъ и живешь въ роскоши, но ты могъ-бы быть и бѣднымъ и покинутымъ, хотя ты и происходишь изъ знатнаго дома, а тогда тебѣ по истинѣ было-бы лучше жить, если-бы люди признавали Христа. Въ вашемъ городѣ есть даже богатые родители, которые не желаютъ утруждаться воспитаніемъ дѣтей и часто выбрасываютъ ихъ изъ дому, — и эти дѣти называются алюм-

нами, и ты, господинъ, могъ-бы быть такимъ алюмномъ. Но если-бы родители твои жили согласно нашему ученію, то съ тобой не могло-бы этого случиться. Если-бы ты, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, женился на любимой женщинѣ, хотѣлъ-бы ты, чтобы она осталась тебѣ вѣрной до смерти? А между тѣмъ взгляни, что у васъ дѣлается: сколько срама, сколько позора, сколько измѣны вѣрности супружеской! Вѣдь вы сами удивляетесь, когда встрѣчаетесь съ женщиной, которую называете univera. Но я говорю тебѣ, что та, которая будетъ Христа носить въ сердцѣ своемъ, не нарушитъ вѣрность мужу и христіанскіе мужи сохранятъ вѣрность женамъ. Но вы не увѣрены ни въ владыкахъ вашихъ, ни въ отцахъ вашихъ, ни въ женахъ, ни въ дѣтяхъ, ни въ слугахъ. Передъ вами дрожитъ весь міръ, а вы дрожите передъ своими рабами, потому что вы знаете, что каждый часъ они могутъ пойти противъ вашего гнета страшной войной, какъ не разъ шли. Ты богатъ, но не знаешь, не прикажутъ-ли тебѣ завтра бросить твое богатство; ты молодъ, но, можетъ быть, завтра тебѣ придется умереть. Ты любишь, но тебя подстерегаетъ измѣна; ты наслаждаешься своими виллами и статуями, но, можетъ быть, завтра ты будешь изгнанъ на Пандатарію; у тебя тысячи слугъ, но завтра эти слуги могутъ выпустить тебѣ кровь. А если это такъ, то какъ-же ты можешь быть спокоенъ, счастливъ и жить въ радости? А я распространяю любовь и распространяю ученіе, которое повелѣваетъ владыкамъ любить подданныхъ, повелѣваетъ господамъ любить рабовъ, невольникамъ служить ради любви, распространяетъ справедливость и милосердіе, а въ концѣ концовъ обѣщаетъ счастье безконечное и безбрежное, какъ море. Какъ-же ты, Петроній, можешь говорить, что это ученіе портитъ жизнь, если оно направляетъ ее, и если ты самъ былъ-бы въ сто разъ счастливѣе и покойнѣе, когда-бы оно охватило міръ такъ, какъ охватило его ваше владычество римское».

— Такъ говорилъ Павелъ, о Лигія, а Петроній отвѣчалъ: «это не для меня», и притворившись, что ему хочется спать, вышелъ, а на прощанье прибавилъ: «Я предпочитаю свою Эвнику твоему ученію, іудей, но не хотѣлъ-бы спорить съ тобой публично». Но я всей душой прислушивался къ словамъ его, а когда онъ говорилъ о нашихъ женщинахъ, я всѣмъ сердцемъ восхвалялъ ученіе, въ которомъ ты выросла, какъ весной выростаютъ лиліи. И я думалъ: вотъ Поппея, бросившая двухъ мужей ради Нерона, вотъ Кальвія Криспинилла, вотъ Нигида, вотъ почти всѣ, которыхъ я знаю, кромѣ одной Помпоніи, торговали своей вѣрой и клятвами, — и только ты одна, только, ты моя Лигія, не измѣнишь, не обманешь меня и не погасишь очага, хоть-бы всѣ измѣнили мнѣ, всѣ на кого я возлагалъ надежду. Я въ душѣ моей говорилъ тебѣ: чѣмъ-же я отблагодарю тебя, если не любовью и уваженьемъ? Чувствовала-ли ты, что тамъ въ Антіи я говорилъ

съ тобой и говорилъ постоянно, безъ устали, какъ будто ты была при мнѣ? Я въ сто разъ больше люблю тебя за то, что ты бѣжала отъ меня изъ дома цезаря. И я ужъ не хочу его. Не хочу его роскоши и музыки,—хочу только тебя одну. Скажи только слово, и мы покинемъ Римъ, чтобы поселиться гдѣ-нибудь далеко.

А она, не поднимая головы съ плеча его, подняла задумчиво глаза свои на посеребренныя верхушки кипарисовъ и отвѣтила:

— Хорошо, Маркъ. Ты писалъ мнѣ о Сициліи, гдѣ и семья Авла хочетъ поселиться на старости лѣтъ...

А Виницій съ радостью прервалъ ее:

— Да, дорогая моя! Земли наши находятся по близости другъ отъ друга. Это чудный берегъ, гдѣ климатъ еще мягче, а ночи еще теплѣе римскихъ, благоухающія и свѣтлыя... Тамъ—жизнь и счастье—одно и то-же.

Потомъ онъ сталъ мечтать о будущемъ.

— Тамъ можно забыть о заботахъ. Въ лѣсахъ среди оливковыхъ деревьевъ будемъ мы гулять и отдыхать въ тѣни. О Лигія! Какая это жизнь!—Любить другъ друга, вмѣстѣ глядѣть на небо, на море, вмѣстѣ почитать молосердаго Бога, дѣлать вокругъ добро и отдавать справедливость—въ покоѣ.

Они замолчали, думая о будущемъ; онъ только все сильнѣе прижималъ ее къ себѣ, а на рукѣ его блестѣлъ при свѣтѣ луны золотой воинскій перстень. Въ кварталѣ, населенномъ бѣднымъ рабочимъ людомъ все ужъ спало, и ни одинъ звукъ не нарушалъ тишины.

— Ты позволишь мнѣ видѣть Помпонію?—спросила Лигія.

— Да, дорогая. Мы будемъ приглашать ихъ въ домъ нашъ, или сами поѣдемъ къ нимъ. Хочешь, мы возьмемъ съ собой Петра апостола? Онъ измученъ лѣтами и трудомъ. Павелъ также будетъ навѣщать насъ, онъ обратитъ Авла Плавція—и какъ солдаты образовываютъ колоніи въ далекихъ странахъ, такъ и мы образуемъ колонію христіанъ.

Лигія взяла руку Виниція и хотѣла прижать ее къ губамъ, но онъ заговорилъ шепотомъ какъ будто боялся спугнуть свое счастье:

— Нѣтъ, Лигія, нѣтъ! это я почитаю тебя и поклоняюсь тебѣ. Дай мнѣ руку.

— Я люблю тебя.

И онъ прильнулъ губами къ ея бѣлой, какъ цвѣтъ жасмина, рукѣ—и одну минуту они слышали только біенье собственныхъ сердецъ. Въ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго вѣтерка и кипарисы стояли неподвижно, какъ будто удерживали дыханье въ груди...

Но, вдругъ, тишина была прервана неожиданнымъ рычаньемъ, какъ бы выходящимъ изъ подъ земли. Дрожь пробѣжала по всему тѣлу Лигіи. А Виницій всталъ и сказалъ:

— Это львы рычатъ въ виваріяхъ.

И они оба стали прислушиваться. Тѣмъ временемъ первому реву отвѣтилъ другой, третій, десятый, со всѣхъ сторонъ.

Въ городѣ иногда бывало нѣсколько тысячъ львовъ, помѣщенныхъ рядомъ съ различными аренами, и часто ночью они приближались къ рѣшеткѣ и опираясь на нее своими огромными головами, оглашали воздухъ своей тоской по волѣ и пустынѣ. Такъ и теперь они затосковали — и подавая другъ другу голосъ въ ночной тиши они наполняли ревомъ своимъ весь городъ. Въ этомъ было что-то невыразимо грозное и печальное, но Лигія, которой ясныя и спокойныя мечты о будущемъ разсѣялись при звукѣ этихъ голосовъ, слушала ихъ сердцемъ стѣсненнымъ какой-то тревогой и грустью.

Виницій обнялъ ее рукой и сказалъ:

— Не бойся, дорогая. Игры приближаются, а потому всѣ виваріи переполнены.

И потомъ они оба вошли въ домъ Линна, сопровождаемые все болѣе усиливающимся львинымъ ревомъ.

VI.

Между тѣмъ Петроній одерживалъ каждый день новыя и новыя побѣды надъ приближенными августа, искавшими наперерывъ другъ передъ другомъ благоволенія цезаря. Вліяніе Тигеллина совершенно пало. Въ Римѣ, гдѣ нужно было кого-нибудь устранить, кого считали небезопаснымъ, когда нужно было конфисковать ихъ богатства, уладить какую-нибудь политическую исторію, давать зрѣлища, поражающія своимъ безвкусіемъ и роскошью въ угоду чудовищнымъ капризамъ цезаря, — Тигеллинъ, всегда на все готовый, усердный и расторопный, казался не безполезнымъ. Но въ Антіи, среди глядѣвшихъ въ лазурное море роскошныхъ дворцовъ, цезарь жилъ эллинской жизнью. Съ утра до вечера читались стихи, шли разсужденія о ихъ достоинствѣ и формѣ, восторгались счастливыми выраженіями, увлекались музыкой, театромъ, словомъ, всецѣло тѣмъ, что создалъ и чѣмъ украсилъ жизнь греческій геній. Конечно, въ такихъ условіяхъ Петроній, болѣе образованный, чѣмъ Тигеллинъ и другіе приближенные августа, краснорѣчивый, остроумный, съ своимъ тонкимъ вкусомъ и литературнымъ пониманіемъ, долженъ былъ получить всѣ преимущества. Цезарь искалъ его общества, справлялся о его мнѣніяхъ, спрашивалъ совѣтовъ, когда самъ писалъ, и вообще оказывалъ пріязнь болѣе глубокую, чѣмъ когда-либо въ другое время. Приближеннымъ казалось, что вліяніе Петронія одержало окончательную побѣду, и что дружба его съ цезаремъ упрочена и на много лѣтъ. Даже тѣ, которые оказывали прежде нерасположеніе старому эпи-

курейцу, стали искать его вниманія и милостей. Многіе были искренне въ глубинѣ души рады тому, что побѣду одержалъ въ сердцѣ цезаря человѣкъ, который по крайней мѣрѣ зналъ, что о комъ думать, и съ улыбкой скептика принималъ льстивыя рѣчи своихъ вчерашнихъ враговъ, но вслѣдствіе-ли лѣни или, быть можетъ, сознанія превосходства, не мстилъ никому и не обнаруживалъ своей силы на пагубу или во вредъ другимъ. Были даже минуты, когда онъ могъ погубить Тигеллина, но онъ предпочиталъ высмѣивать его, выставляя напоказъ его невѣжество и простоватость. Сенатъ въ Римѣ отдохнулъ, такъ какъ въ теченіе полутора мѣсяца не было дано ни одного смертнаго приговора. Правда, и въ Антіи, и въ Римѣ разсказывали по истинѣ чудеса объ утонченномъ развратѣ цезаря и его фаворита, но каждый, конечно, предпочиталъ утонченно-развращеннаго владыку — цезарю, озвѣрѣвшему въ рукахъ Тигеллина. Самъ Тигеллинъ потерялъ голову и колебался, не сознаться-ли въ своемъ полномъ пораженіи, разъ цезарь открыто заявлялъ, что во всемъ Римѣ, среди всѣхъ придворныхъ—только двѣ души, способныхъ къ взаимному пониманію, только два истинныхъ эллина— онъ и Петроній.

Удивительный тактъ этого послѣдняго утверждалъ всѣхъ въ глубокомъ убѣжденіи, что его вліяніе будетъ прочнѣе всѣхъ иныхъ. Не могли даже представить себѣ, какъ-бы это цезарь сумѣлъ обойтись безъ Петронія, съ кѣмъ-бы онъ могъ разговаривать о поэзіи, музыкѣ, ристалищахъ, въ чьи-бы глаза глядѣлъ онъ, желая убѣдиться въ истинномъ достоинствѣ и всего того, что онъ творитъ. А Петроній со своимъ обычнымъ видомъ равнодушнаго ко всему человѣка, казалось, не придавалъ никакого значенія своему положенію. Какъ всегда остроумный, лѣниво-медлительный, скептикъ, онъ часто производилъ на окружающихъ впечатлѣніе человѣка, который глумится надъ всѣми, надъ самимъ собой, надъ цезаремъ и надъ цѣлымъ міромъ. Временами онъ осмѣливался порицать цезаря, прямо въ глаза, и когда другіе думали, что онъ слишкомъ далеко заходитъ и просто готовитъ себѣ погибель, онъ ловкимъ оборотомъ рѣчи придавалъ порицанію такую окраску, что оно выходило только на пользу ему, вызывая въ присутствующихъ вмѣстѣ съ изумленіемъ и убѣжденіе, что нѣтъ такого труднаго положенія, изъ котораго-бы не вышелъ съ торжествомъ Петроній. Разъ какъ-то, недѣлю спустя послѣ возвращенія Виниція изъ Рима, цезарь читалъ въ небольшомъ кружкѣ отрывокъ изъ своей поэмы «Троя»; когда онъ кончилъ, раздались крики восторга, обычныя похвалы; Петроній, спрошенный взглядомъ цезаря, сказалъ:

— Плохіе стихи, достойные того, чтобы ихъ бросить въ огонь.

Присутствующіе замерли отъ изумленія: Неронъ съ дѣтскихъ лѣтъ не слыхалъ ни изъ чьихъ устъ подобныхъ приговоровъ,—только лицо

Тигеллина освѣтилось радостью. Виницій страшно поблѣднѣлъ, полагая, что Петроній, который никогда не пилъ, на этотъ разъ пьянъ.

А Неронъ уже спрашивалъ медовымъ голосомъ, который, однако, дрожалъ отъ глубоко-уязвленнаго самолюбія:

— Что-же дурного находишь ты въ нихъ?

— Не вѣрь имъ,—напалъ Петроній на цезаря, указывая рукою на присутствующихъ, — они ничего не понимаютъ. Ты спрашиваешь, что дурного въ твоихъ стихахъ? Вотъ что я тебѣ отвѣчу, если ты желаешь правды: они хороши для Виргилія, хороши для Овидія, даже для Гомера, но не для тебя. Тебѣ нельзя писать такихъ стиховъ. Пожаръ, который ты описываешь, недостаточно пылаетъ, твой огонь недостаточно горитъ. Не слушай льстивыхъ словъ Лукана. За такіе стихи я призналъ-бы геніемъ его, но не тебя. А почему? Потому что ты выше ихъ. Кому боги дали столько, сколько тебѣ,—отъ того больше можно и требовать. Но ты лѣнишься. Ты предпочитаешь спать до полудня, чѣмъ заниматься работой. Ты можешь создать произведеніе, о которомъ до сихъ поръ свѣтъ еще не слышалъ,—и потому я въ глаза тебѣ говорю—напиши лучше!

И онъ говорилъ это съ неохотой, какъ-бы шутя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и строго; а глаза цезаря отъ наслажденія заволоклись туманомъ и онъ сказалъ:

— Боги дали мнѣ немного таланта, но, кромѣ того, они дали мнѣ больше—хорошаго знатока и друга, который одинъ умѣетъ говорить правду въ глаза.

Сказавъ это, онъ протянулъ свою толстую, покрытую рыжими волосами руку къ золотому канделябру, похищенному въ Дельфахъ, чтобы сжечь стихи.

Но Петроній выхватилъ ихъ прежде, чѣмъ пламя коснулось папируса.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ онъ,—даже и такіе плохіе стихи принадлежатъ человѣчеству.—Оставь ихъ мнѣ.

— Позволь мнѣ, въ такомъ случаѣ, отослать ихъ въ ящичкѣ, сдѣланномъ по моему вкусу,—отвѣчалъ Неронъ, обнимая Петронія.

И черезъ минуту прибавилъ:

— Да! ты правъ! Мой пожаръ Трои недостаточно пылаетъ, мой огонь недостаточно жжетъ. Я думалъ, что если сравняюсь съ Гомеромъ, то этого будетъ достаточно; нѣкоторая неувѣренность и скромное понятіе о себѣ самомъ всегда вредили мнѣ. Ты открылъ мнѣ глаза. Но знаешь-ли ты, почему то, что ты говоришь, правда? Потому, что если скульпторъ хочетъ изваять изображеніе бога, то онъ ищетъ себѣ образецъ, а у меня не было образца. Я никогда не видалъ пылающаго города, и потому въ моемъ описаніи нѣтъ правды.

— А я скажу тебѣ, что надо быть великимъ артистомъ, чтобы понять это.

Неронъ задумался и черезъ минуту сказалъ:

— Отвѣть мнѣ, Петроній, на одинъ вопросъ: жалѣешь-ли ты, что Троя сгорѣла?

— Жалѣю-ли я?.. Клянусь хромымъ супругомъ Венеры—ничуть! И я скажу тебѣ почему! Троя не сгорѣла-бы, если-бы Прометей не даровалъ людямъ огня и если-бы греки не объявили Пріаму войны; а если-бы не было огня—Эсхилъ не написалъ-бы своего Прометея, точно также не будь войны—Гомеръ не написалъ-бы Иліады; а я лучше хочу, чтобы существовали Прометей и Иліада, чѣмъ чтобы сохранился городъ, вѣроятно, дрянной и грязный, въ которомъ теперь, въ крайнемъ случаѣ, сидѣлъ-бы какой-нибудь прокураторъ и надоѣдалъ-бы тебѣ распрями съ городскимъ ареопагомъ.

— Вотъ что называется умно говорить,—отвѣчалъ цезарь.—Ради поэзіи и искусства можно и должно всѣмъ жертвовать. Счастливы ахейцы, которые послужили темой для Иліады,—и счастливъ Пріамъ, которому удалось увидать гибель родины. А я?—я не видалъ горящаго города.

Наступила минута молчанья, которое Тигеллинъ, наконецъ, прервалъ.

— Вѣдь я ужъ говорилъ тебѣ, цезарь,—сказалъ онъ,—прикажи, я сожгу Антій. Или знаешь что? если тебѣ жаль этихъ виллъ и дворцовъ, прикажи сжечь корабли въ Остіи или вели выстроить на Албанскомъ холмѣ деревянный городъ, въ который ты самъ бросишь огонь. Хочешь?

Но Неронъ бросилъ на него взглядъ полный презрѣнья.

— Я буду глядѣть, какъ горятъ деревянные сараи? Твой умъ сдѣлался совершенно безплоднымъ, Тигеллинъ! И притомъ я вижу, что ты не очень-то цѣнишь мой талантъ и мою Трою, если думаешь, что какая-нибудь другая жертва была-бы слишкомъ велика для нея.

Тигеллинъ смутился, а Неронъ, какъ-бы желая перемѣнить разговоръ, черезъ минуту сказалъ:

— Лѣто приближается... Ахъ! какое зловонье, должно быть, въ этомъ Римѣ!.. А вѣдь на лѣтнія игры придется возвратиться туда.

Тогда Тигеллинъ сказалъ:

— Когда ты отпустишь приближенныхъ, позволь мнѣ на минуту остаться съ тобой...

Часъ спустя, Виницій, возвращаясь съ Петроніемъ изъ виллы цезаря, говорилъ:

— Я одну минуту испугался за тебя. Я рѣшилъ, что ты пьянъ и погубилъ себя безповоротно. Помни, что ты играешь смертью.

— Это моя арена,—небрежно отвѣтилъ Петроній,—и меня тѣшитъ мысль, что я лучшій гладіаторъ на этой аренѣ. Взгляни, какъ все окончилось. Вліяніе мое еще выросло за этотъ вечеръ. Онъ пришлетъ мнѣ свои стихи въ ящичкѣ, который (хочешь биться объ закладъ?) будетъ очень роскошный и совершенно безвкусный. Я прикажу моему лѣкарю хранить въ немъ слабительныя средства. Я сдѣлаю это и потому, что Тигеллинъ, видя, какъ удаются подобныя вещи, захочетъ, конечно, слѣдовать моему примѣру,—и воображаю, что будетъ, если онъ начнетъ остроумничать. То же самое, какъ если-бы пиринейскій медвѣдь захотѣлъ-бы пройтись по канату. Я буду смѣяться, какъ Демокритъ. Конечно, если-бы я хотѣлъ этого, я могъ-бы погубить Тигеллина и остаться на его мѣстѣ префектомъ преторіанцевъ. Тогда у меня въ рукахъ былъ-бы самъ Агенобарбъ. Но мнѣ лѣнь. Ради скуки, я предпочитаю такую жизнь, какую веду теперь,—и даже стихи цезаря.

— Но что за ловкость, которая даже порицанье можетъ обратить въ похвалу! Но дѣйствительно-ли такъ плохи эти стихи? Я вѣдь ничего въ этомъ не понимаю.

— Они не хуже другихъ. У Лукана въ одномъ пальцѣ больше таланта, но и у мѣднобородаго что-то есть. Прежде всего онъ чувствуетъ необыкновенную любовь къ поэзіи и музыкѣ. Черезъ два дня я долженъ быть у него, чтобы прослушать музыку къ гимну въ честь Афродиты; онъ кончитъ его не сегодня, такъ завтра. Мы будемъ въ тѣсномъ кружкѣ. Только ты, я, Тулій Сенеціонъ и молодой Нерва. А что касается стиховъ, такъ то, что я говорилъ тебѣ, что они служатъ мнѣ послѣ пира тѣмъ-же, чѣмъ служитъ Вителію перо фламинго,—такъ это неправда! Иногда они бываютъ краснорѣчивы. Слова Гекубы трогательны... Она жалуется на родовыя муки, и Неронъ умѣлъ найти удачныя выраженія, можетъ быть, потому, что онъ самъ въ мукахъ рождаетъ каждый стихъ... Мнѣ иногда жаль его. Клянусь Поллуксомъ! какое удивительное смѣшенье! У Калигулы не хватало пятой клепки, однако, онъ не былъ такимъ чудодѣемъ.

— Кто можетъ сказать, до чего можетъ дойти безуміе Агенобарба?—сказалъ Виниций.

— Рѣшительно никто. Могутъ еще произойти такія вещи, что спустя вѣка цѣлые у людей будутъ вставать волосы дыбомъ при воспоминаніи о нихъ. Но это-то собственно и интересно, это-то и занимательно,—и хотя я и скучаю иногда, какъ Юпитеръ Аммонскій въ пустынѣ, но я думаю, что при другомъ цезарѣ я скучалъ-бы еще сильнѣе. Твой іудей Павелъ—краснорѣчивъ,—я этого отъ него не отымаю,—а если такіе люди будутъ проповѣдывать это ученіе, наши боги должны будутъ не шутя остерегаться, какъ-бы не отправиться на чердакъ. Правда, что если-бы цезарь, напримѣръ, былъ христіаниномъ,

всѣ чувствовали-бы себя безопаснѣе, но твой пророкъ изъ Тарса, примѣняя ко мнѣ свои доводы, видишь, не подумалъ, что для меня эта неувѣренность составляетъ главную прелесть въ жизни. Кто не играетъ въ кости, тотъ не проигрываетъ состоянія, а однако люди играютъ въ кости. Въ этомъ есть какое-то наслажденье и какое-то забвенье. Я знавалъ сыновей воиновъ и сенаторовъ, которые по своей волѣ дѣлались гладіаторами. Ты говоришь — я играю жизнью, — это такъ, но я дѣлаю это потому, что это развлекаетъ меня, а ваши христіанскія добродѣтели надоѣли-бы мнѣ въ одинъ прекрасный день, какъ разсужденія Сенеки. Вотъ почему бесѣда Павла пропала даромъ. Онъ долженъ понимать, что такіе люди, какъ я, никогда не примутъ этого ученія. Ты — дѣло другое! Съ твоими наклонностями ты могъ-бы или возненавидѣть даже названіе христіанина, какъ заразу, или сдѣлаться имъ. Я признаю ихъ справедливость — и при этомъ зѣваю. Мы безумствуемъ, стоимъ надъ пропастью, что-то неизвѣстное приближается къ намъ изъ будущаго, — что-то подламывается подъ нами, что-то умираетъ рядомъ съ нами — согласенъ! но умереть мы сумѣемъ, а пока намъ зачѣмъ отягчать жизнь и служить смерти прежде, чѣмъ она возьметъ насъ. Жизнь существуетъ для самой себя, а не для смерти!

— А мнѣ жаль тебя, Петроній.

— Не жалѣй меня больше, чѣмъ я самъ жалѣю себя. Когда-то ты не чувствовалъ себя плохо межъ нами и, сражаясь въ Арменіи, ты тосковалъ по Римѣ.

— Я и теперь тоскую по немъ.

— Да! потому что полюбилъ христіанскую весталку, которая сидитъ за Тибромъ. Я не удивляюсь этому и не осуждаю тебя. Я только вотъ чему удивляюсь: несмотря на это ученіе, о которомъ ты говоришь, что оно есть море счастья, и несмотря на эту любовь, которая должна быть вскорѣ увѣнчана, печаль не сходитъ съ лица твоего. Помпонія Грецина всегда печальна, ты, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался христіаниномъ, пересталъ улыбаться. Не убѣждай-же меня, что это веселое ученіе. Изъ Рима ты возвратился еще болѣе грустнымъ. Если по христіански это значитъ любить, клянусь свѣтлыми кудрями Вакха! я не пойду по вашимъ слѣдамъ.

— Это совсѣмъ другое, — отвѣчалъ Виниций, — я тебѣ клянусь не кудрями Вакха, но душой отца моего, что никогда прежде я даже не представлялъ себѣ такого счастья, какое испытываю теперь. Но я страшно тоскую и что удивительно, когда я далеко отъ Лигіи, мнѣ кажется, что надъ ней виситъ какая-то опасность. Я не знаю — какая и не знаю, откуда она могла-бы прійти, но я предчувствую, какъ предчувствуется гроза.

— Черезъ два дня я надѣюсь получить для тебя разрѣшеніе

оставить Антій на столько, сколько захочешь. Поппея какъ будто спокойнѣе и сколько я знаю, отъ нея ничто не угрожаетъ ни тебѣ, ни Лигіи.

— Еще сегодня она спрашивала меня, что я дѣлалъ въ Римѣ, хотя мой отъѣздъ былъ тайной.

— Можетъ быть, она велѣла слѣдить за тобой. Но теперь и она должна считаться со мной.

Виниций остановился и сказалъ:

— Павелъ говорилъ, что Богъ иногда предостерегаетъ, но въ предчувствіе вѣрить не велѣлъ,—а потому я борюсь противъ этого предчувствія, но побороть себя не могу. Я скажу тебѣ, что случилось, для того, чтобы облегчить сердце свое. Мы сидѣли съ Лигіей въ такую-же чудную ночь, какъ теперь, и устраивали свою будущую жизнь. Я не сумѣю сказать тебѣ, какъ мы были счастливы и спокойны. И вдругъ начали рычать львы. Это вещь обыкновенная въ Римѣ, а однако съ этой минуты я лишился покоя. Мнѣ кажется, что въ этомъ была какая-то угроза, точно предвѣстникъ несчастья... Ты знаешь, что тревога не легко овладѣваетъ мной, но въ эту минуту со мной произошло что-то такое, что тревога затмила собой всю темноту ночи. Это случилось такъ странно и неожиданно, что и теперь въ ушахъ моихъ постоянно звучатъ эти голоса, а въ сердцѣ моемъ непрестанное безпокойство, какъ будто Лигія нуждается въ моей защитѣ отъ чего то страшнаго... Хотя-бы отъ этихъ самыхъ львовъ. И я мучусь. Выхлопочи-же мнѣ разрѣшеніе уѣхать, потому что иначе я уѣду безъ разрѣшенія. Я не могу сидѣть здѣсь,—повторяю тебѣ—не могу!

Петроній сталъ смѣяться.

— До этого еще не дошло,—сказалъ онъ,—чтобы сыновей бывшихъ консуловъ или женъ ихъ отдавали львамъ на разстерзанье. Васъ можетъ встрѣтить всякая другая смерть, но не эта. Наконецъ, кто знаетъ, были-ли это львы, потому что германскіе туры рычатъ совершенно также. Что касается меня, то я смѣюсь надъ судьбой и надъ предчувствіемъ. Вчера ночь была темная и я видѣлъ, что звѣзды падали, какъ дождь. Многимъ дѣлается не по себѣ при видѣ этого, но я подумалъ: если между ними находится и моя звѣзда, то, по крайней мѣрѣ, въ обществѣ мнѣ недостатка не будетъ!

И онъ замолчалъ на минуту и подумавъ сказалъ:

— Наконецъ, видишь-ли ты, если вашъ Христосъ возсталъ изъ мертвыхъ, то Онъ можетъ обоихъ васъ защитить отъ смерти.

— Можетъ,—отвѣчалъ Виниций, глядя на усѣянное звѣздами небо.

V.

Неронъ игралъ и пѣлъ гимнъ въ честь «владычицы Кипра», онъ самъ составилъ и текстъ и музыку. Въ этотъ день онъ былъ въ голосѣ и чувствовалъ, что его музыка дѣйствительно увлекаетъ присутствующихъ. Это сознаніе придавало силу звукамъ, которые онъ извлекалъ изъ груди, и такъ взволновало его душу, что онъ казался вдохновеннымъ свыше. Въ концѣ пѣнья онъ даже поблѣднѣлъ, искренно растроганный. И первый разъ въ жизни онъ не хотѣлъ слушать похвалъ присутствующихъ. Съ минуту сидѣлъ онъ съ поникшей головой, держа цитру въ рукахъ, потомъ вдругъ всталъ и сказалъ:

— Я утомленъ, мнѣ нуженъ воздухъ. Настройте покамѣстъ цитры. —Онъ повязалъ горло шелковымъ платкомъ и затѣмъ сказалъ, обращаясь къ Петронію и Виницію, сидѣвшимъ въ углу залы:—Вы пойдете со мною. Ты, Виницій, дай мнѣ руку, я чувствую себя слабымъ, а Петроній будетъ говорить мнѣ о музыкѣ.

Они вышли вмѣстѣ на террасу дворца, выложенную алебастромъ и посыпанную шафраномъ.

— Тутъ легче дышится,—сказалъ Неронъ: — Душа моя взволнована и грустна, хотя я и вижу, что могу выступить публично съ тѣмъ, что пропѣлъ вамъ теперь на пробу, это будетъ такой тріумфъ, какого еще не получалъ ни одинъ римлянинъ.

— Ты можешь выступать и здѣсь, въ Римѣ, и въ Ахайѣ. Я удивляюсь тебѣ всѣмъ сердцемъ и умомъ, божественный, — отвѣчалъ Петроній.

— Вѣрю. Ты слишкомъ лѣнивъ, чтобы припуждать себя къ похваламъ. И ты искрененъ, какъ Туллій Сенеціонъ, но больше него понимаешь. Скажи мнѣ, что ты думаешь о музыкѣ?

— Когда я слушаю стихи, когда я гляжу на колесницу, которою ты управляешь въ циркѣ, на прекрасную статую, храмъ или картину, я чувствую, что вполнѣ охватываю то, что вижу, и мой восторгъ заключаетъ въ себѣ все то, что могутъ дать эти вещи. Но когда я слушаю музыку, въ особенности твою, передо мною раскрываются все новыя и новыя красоты и восторги. Я устремляюсь за ними, хватаю ихъ, но не успѣваю воспринять ихъ, какъ наплываютъ новыя совершенно такъ, какъ волны морскія, которыя идутъ изъ безконечности. Музыка—тоже море. Мы стоимъ на одномъ берегу и видимъ даль, но другого берега невозможно увидѣть.

— Ахъ, какой ты глубокій знатокъ!—сказалъ Неронъ. Съ минуту они ходили въ молчаніи и только шафранъ тихо шелестѣлъ подъ ихъ ногами.

— Ты выразилъ именно мою мысль,—сказалъ наконецъ Неронъ,—и потому повторяю тебѣ, что говорилъ уже не разъ, во всемъ Римѣ ты одинъ способенъ понять меня. Да! То же думаю о музыкѣ и я. Когда я играю и пою, я вижу такія вещи, о которыхъ не вѣдалъ, что они существуютъ въ моемъ государствѣ или даже въ цѣломъ свѣтѣ. Вотъ я—цезарь,—міръ принадлежитъ мнѣ, я всемогущъ, а между тѣмъ музыка открываетъ мнѣ новыя царства, новыя моря и горы, новые восторги, которыхъ я не зналъ раньше. Часто я не могу ихъ ни назвать, ни понять умомъ, но я—чувствую ихъ. Я чувствую боговъ, вижу Олимпъ. Какой-то неземной вѣтеръ вѣетъ на меня; какъ въ туманѣ я различаю какія-то громады, неизмѣримыя и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойно ясныя, какъ восходъ солнца. Весь міръ сіяетъ вокругъ меня, и я скажу тебѣ (тутъ голосъ Нерона задрожалъ отъ неподдѣльнаго, истиннаго изумленія), что я цезарь и богъ, чувствую себя тогда такимъ ничтожно малымъ, какъ пылинка. Можешь-ли ты повѣрить этому?

— Да, только великіе артисты могутъ чувствовать свое ничтожество передъ искусствомъ...

— Сегодня ночь искреннихъ признаній, и я открываю передъ тобою всю душу, какъ другу, и скажу тебѣ даже больше... Ты думаешь, что я слѣпъ, или лишенъ разума. Ты думаешь, я не знаю, что въ Римѣ дѣлаютъ на стѣнахъ домовъ оскорбительныя для меня надписи, что называютъ меня матереубійцей и женоубійцей... Что считаютъ чудовищемъ, злодѣемъ потому только, что Тигеллинъ вырвалъ у меня нѣсколько смертныхъ приговоровъ противъ моихъ враговъ... Да, дорогой мой, меня считаютъ чудовищемъ, и я знаю объ этомъ... Приписали мнѣ такъ много жестокости, что я не разъ сомнѣвался, не жестокъ-ли я на самомъ дѣлѣ? Но они не понимаютъ, что дѣла человѣка могутъ быть жестоки, а самъ онъ можетъ быть вовсе не жестокимъ. Ахъ никто не повѣритъ, да, можетъ быть, и ты не повѣришь, дорогой мой, что минутами, когда музыка овладѣваетъ душою моею, я чувствую себя такимъ добрымъ, какъ дитя въ колыбели. Клянусь тебѣ этими звѣздами, которыя свѣтятъ надъ нами,—я говорю истинную правду. Люди не знаютъ, сколько доброты сокрыто въ этомъ сердцѣ и какія сокровища я самъ нахожу въ немъ, когда музыка откроетъ къ нимъ двери.

Петроній, который ни одной минуты не сомнѣвался, что Неронъ въ эту минуту говоритъ искренно, и что музыка дѣйствительно можетъ вызвать проявленіе самыхъ благородныхъ качествъ души его, придавленной цѣлыми горами эгоизма, разврата и преступленій, сказалъ:

— Тебя нужно знать такъ близко, какъ я знаю тебя. Римъ никогда не умѣлъ тебя оцѣнить.

А цезарь сильнѣе оперся на плечо Виниція, какъ-бы подавленный бременемъ несправедливости, и отвѣчалъ:

— Тигеллинъ сказалъ мнѣ, что въ сенатѣ говорятъ другъ другу на ухо, будто Діодоръ и Терпносъ играютъ лучше меня на цитрахъ. Мнѣ отказываютъ даже въ этомъ. Но ты, который всегда говоришь мнѣ правду, скажи мнѣ искренно: играютъ-ли они лучше меня, или одинаково хорошо?

— Ничуть! Твой ударъ мягче, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ больше силы. Въ тебѣ виденъ артистъ, въ нихъ—искусные ремесленники. Положительно! Когда слушаешь ихъ музыку, тогда только хорошо понимаешь тебя.

— Если это такъ, то пусть они себѣ живутъ. Ты не можешь себѣ представить, какую услугу ты оказалъ имъ въ эту минуту. И наконецъ, если-бы я приговорилъ ихъ, то долженъ былъ-бы взять на ихъ мѣсто другихъ.

— И вдобавокъ люди говорили-бы, что изъ любви къ музыкѣ ты губишь музыку въ государствѣ. Никогда не убивай искусства ради искусства, божественный.

— Какъ ты не похожъ на Тигеллина,—отвѣчалъ Неронъ.—Но, видишь, я, собственно говоря, артистъ во всемъ, и такъ какъ музыка открываетъ передо мной новые края, объ существованіи которыхъ я не догадывался, края, которыми я не владѣю, наслажденіе и счастье, которыхъ я не зналъ, то я и не могу жить обыденной жизнью. Музыка говоритъ мнѣ, что сверхъестественное существуетъ и вотъ я ищу его всей силой власти, которую боги отдали въ мои руки. Мнѣ иногда кажется, что для того, чтобы достигнуть этихъ олимпійскихъ высотъ, нужно сдѣлать что-нибудь такое, чего не дѣлалъ еще ни единый человѣкъ,— нужно возвыситься надъ человѣческимъ уровнемъ въ добрѣ или злѣ. Я знаю также, что люди говорятъ про меня, что я схожу съ ума. Но я не схожу съ ума, а только ищу!—А если и схожу съ ума, то отъ скуки и нетерпѣнія, что не могу найти. Я ищу! понимаешь меня,— и потому я хочу быть больше, чѣмъ человѣкъ, ибо только какъ артистъ я могу быть больше, чѣмъ человѣкъ.

Онъ понизилъ голосъ, чтобы Виницій не могъ его слышать и, приблизивъ губы къ уху Петронія, прошепталъ:

— Знаешь-ли ты, что я, главнымъ образомъ, поэтому и приговорилъ къ смерти мать и жену?—При входѣ въ неизвѣстный міръ, я хотѣлъ принести наибольшую жертву, какую только можетъ принести человѣкъ. Мнѣ казалось, что послѣ этого должно что-нибудь свершиться, что отворятся какія-то двери, за которыми я познаю что-то еще неизвѣданное. Пусть-бы то было нѣчто чудесное и страшное для человѣческаго пониманія, только-бы оно было необыкновенное и великое... Но этой жертвы было мало. Для того, чтобы разверзлись олимпійскія двери, нужна была очевидно большая жертва—и пусть будетъ такъ, какъ того требуетъ судьба.

— Что ты намѣренъ сдѣлать?

— Увидишь, увидишь скорѣе, чѣмъ ты думаешь. А пока знай, что существуютъ два Нерона: одинъ такой, какимъ его знаютъ люди,—а другой—артистъ, котораго знаешь ты одинъ,—и который если убиваетъ, какъ смерть, или безумствуетъ, какъ Вакхъ, то только потому, что его давитъ пошлость и ничтожество обыденной жизни,—и который хотѣлъ-бы уничтожить ихъ, хотя-бы ему пришлось прибѣгнуть къ огню и желѣзу!.. О! какъ будетъ пошлъ этотъ свѣтъ, когда не станетъ меня. Никто еще не догадывается, даже и ты, мой дорогой, какой я артистъ. Но я именно за это и страдаю—и я искренно говорю тебѣ, что душа моя по временамъ бываетъ такая печальная, какъ эти кипарисы, что чернѣютъ передъ нами. Тяжело человѣку влачить разомъ бремя наивысшей власти и величайшаго таланта...

— Я сочувствую тебѣ, цезарь, всѣмъ сердцемъ, а со мной земля и море, не считая Виниція, который въ душѣ боготворитъ тебя.

— И мнѣ онъ всегда былъ дорогъ,—сказалъ Неронъ,—хотя онъ служитъ Марсу, а не музамъ.

— Онъ прежде всего служитъ Афродитѣ,—отвѣчалъ Петроній.

И онъ вдругъ рѣшилъ сразу устроить дѣло племянника и вмѣстѣ съ тѣмъ устранить всякія опасности, которыя могли-бы грозить ему.

— Онъ влюбленъ, какъ Троилъ въ Крессидѣ,—сказалъ Петроній.—Позволь ему, господинъ, уѣхать въ Римъ, иначе онъ весь высохнетъ. Знаешь-ли ты, что та лигійская заложница, которую ты подарилъ ему—отыскалась—и Виницій, уѣзжая въ Антій, оставилъ ее подъ присмотромъ нѣкоего Линна? Я не говорилъ тебѣ объ этомъ, пока ты слагалъ свой гимнъ, такъ какъ это было важнѣе всего остального. Виницій хотѣлъ сдѣлать ее своей любовницей, но когда она оказалась добродѣтельной, какъ Лукреція, онъ плѣнился ея добродѣтелью и теперь хочетъ жениться на ней. Она царская дочь, а потому не умалитъ его, но онъ настоящій воинъ: вздыхаетъ, сохнетъ, стонетъ, но ждетъ позволенія императора своего.

— Императоръ не выбираетъ воинамъ женъ. На что ему мое позволеніе?

— Я говорилъ тебѣ, господинъ, что онъ боготворитъ тебя.

— Тѣмъ болѣе онъ можетъ быть увѣренъ въ позволеніи. Она красивая дѣвушка, но слишкомъ узкая въ бедрахъ. Августа Поппея жаловалась мнѣ на нее, что она околдовала нашего ребенка въ садахъ на Палатинскомъ холмѣ...

— Но я сказалъ Тигеллину, что божества не подчиняются злымъ вліяніямъ. Помнишь, божественный, какъ онъ смутился и какъ ты самъ крикнулъ: habet!

— Помню.

И Неронъ обратился къ Виницію:

— Ты любишь ее такъ, какъ говоритъ Петроній?

— Я люблю ее, господинъ,—отвѣчалъ Виницій.

— Такъ я приказываю тебѣ ѣхать завтра-же въ Римъ, жениться на ней, — и не показываться мнѣ на глаза безъ обручальнаго кольца.

— Благодарю тебя, господинъ, отъ всего сердца и отъ всей души.

— О, какъ пріятно осчастливливать людей,—сказалъ цезарь.—Я хотѣлъ-бы всю жизнь ничего другого не дѣлать.

— Окажи намъ еще одну милость, божественный,—сказалъ Петроній,—и объяви свою волю въ присутствіи августы. Виницій никогда не осмѣлился-бы жениться на существѣ, къ которому августа не расположена, но ты, господинъ, однимъ словомъ разсѣешь это нерасположеніе, если объявишь, что ты самъ повелѣлъ такъ.

— Хорошо, — сказалъ цезарь, — тебѣ и Виницію я ни въ чемъ не могу отказать.

И онъ повернулъ къ виллѣ, а они пошли вмѣстѣ съ нимъ, исполненные радости, вслѣдствіе одержанной побѣды.

Виницій долженъ былъ остановиться, чтобы не кинуться Петронію на шею. Теперь ему казалось, что всѣ опасности и препятствія были устранены.

Въ атріумѣ виллы молодой Нерва и Тулій Сенеціонъ занимали августу разговорами, а Терпносъ и Діодоръ настраивали цитры.

Неронъ, войдя, сѣлъ на выложенное черепахой кресло и, шепнувъ что-то стоящему рядомъ греческому мальчику, ждалъ.

Мальчикъ скоро возвратился съ золотымъ ящичкомъ,—Неронъ открылъ его и выбравъ ожерелье изъ крупныхъ опаловъ, сказалъ:

— Вотъ камни, достойные сегодняшняго вечера.

— Въ нихъ отражается заря,—отвѣчала Поппея, убѣжденная, что ожерелье предназначается ей.

Цезарь, то поднималъ, то опускалъ розовые камни, — и наконецъ сказалъ:

— Виницій, это ожерелье ты подаришь отъ меня молодой лигійской царевнѣ, на которой я повелѣваю тебѣ жениться.

Взглядъ Поппеи, полный гнѣва и изумленія, переходилъ съ цезаря на Виниція и наконецъ остановился на Петроніи. Но этотъ послѣдній, небрежно перегнувшись черезъ ручки кресла, водилъ рукой по грифу арфы, какъ будто хотѣлъ получше запомнить ея форму.

Тѣмъ временемъ Виницій, выразивъ свою благодарность за подарокъ, приблизился къ Петронію и сказалъ:

— Чѣмъ я отблагодарю тебя за то, что ты сегодня сдѣлалъ для меня.

— Принеси Эвтерпѣ пару лебедей, — отвѣчалъ Петроній, — хвали пѣснь цезаря и смѣйся надъ предчувствіями. Я думаю, что теперь ры-

чанье львовъ не будетъ прерывать ни твой сонъ, ни сонъ твоей лигiйской лилiи.

— Нѣтъ,—сказалъ Виницiй,—теперь я совершенно спокоенъ.

— Да будетъ-же Фортуна благосклонна къ вамъ. Но теперь будь внимателенъ, такъ какъ цезарь снова беретъ формингу. Задержи дыханье, слушай и роняй слезы.

Дѣйствительно цезарь взялъ формингу въ руки и поднялъ глаза кверху. Разговоры въ залѣ прекратились и люди сидѣли недвижимо, какъ окаменѣлые. Только Терпносъ и Дiодоръ, которые должны были акомпанировать цезарю, повертывая головы, взглядывали то другъ на друга, то на губы его, ожидая первыхъ звуковъ пѣсни.

Въ эту минуту въ сѣняхъ поднялось движенье и крикъ, и черезъ минуту изъ-за занавѣси показался вольноотпущенникъ императора Фаонъ, а вслѣдъ за нимъ и консулъ Леканiй.

Неронъ нахмурилъ брови.

— Прости, божественный императоръ,—сдавленнымъ голосомъ сказалъ Фаонъ,—въ Римѣ пожаръ! большая часть города объята пламенемъ!..

При этой вѣсти всѣ вскочили съ мѣстъ, а Неронъ положилъ формингу и сказалъ:

— Боги!.. я увижу горящiй городъ и докончу «Трою»!

И потомъ онъ обратился къ консулу:

— Если я немедленно выѣду, удастся-ли мнѣ увидѣть пожаръ?

— Господинъ! — отвѣчалъ блѣдный какъ стѣна консулъ, — надъ городомъ цѣлое море пламени, дымъ душитъ жителей и люди лишаются чувствъ или, обезумѣвшiе, бросаются въ огонь... Римъ гибнетъ, господинъ!

Наступила минутная тишина, которую нарушилъ крикъ Виницiя:

— Vae misero mihi!.. *).

И молодой человѣкъ, сбросивъ тогу, въ одной туникѣ выбѣжалъ изъ дворца.

А Неронъ воздѣлъ руки къ небу и воскликнулъ:

— Горе тебѣ, священный градъ Прiама!

(*Продолженiе слѣдуетъ*).

---

*) «Горе мнѣ несчастному!»...

Карьера Струкова.

Повѣсть.

III.

Перелыгины пріѣхали въ Англію черезъ Кале и Дувръ, но теперь Наташѣ очень хотѣлось увидѣть «настоящее» море и они выбрали болѣе длинный путь, на Ньюгевенъ и Діеппъ. Поѣздъ примчалъ ихъ въ англійскій портъ къ одиннадцати часамъ ночи. Въ дорогѣ Наташа была очень грустна и разсѣянна; по временамъ у нея даже навертывались слезы... А Петръ Евсѣичъ безпрестанно открывалъ окно, освѣдомляясь— есть-ли вѣтеръ. Вѣтеръ былъ, но это могло происходить и отъ неимовѣрной быстроты экспресса, какъ утѣшалъ Петра Евсѣича Струковъ. Однако въ Ньюгевенѣ окончательно выяснилось, что это не отъ экспресса: Ламаншъ шумѣлъ, и, стоя на пристани, нужно было придерживать шляпу. По небу торопливо бѣжали косматыя тучи; изъ-за нихъ мгновеніями свѣтила луна, разливая невѣрный, дрожащій свѣтъ. Петръ Евсѣичъ совершенно растерялся и бормоталъ, что нужно «переждать», что въ жизнь свою онъ не испытывалъ такой мерзости, какъ между Кале и Дувромъ, и не хочетъ повторенія. Наташа ждать не хотѣла, да по убѣжденію Струкова это было-бы и безсмысленно, но въ свою очередь впала въ угнетенное состояніе духа и едва не плакала отъ досады. Она больше всего боялась, что не увидитъ «океана», не будетъ въ состояніи послѣдній разъ взглянуть на берега Англіи, гдѣ подъ туманами и дождемъ свѣтило для нея ласковое солнце первой любви и возвышенныхъ мечтаній. Между тѣмъ въ колеблющемся полусумракѣ пароходъ быстро наполнялся народомъ. Нельзя было дозваться носильщика въ этой суетѣ, да и никто, казалось, не нуждался въ этомъ, кромѣ Петра Евсѣича, безпомощно стоявшаго передъ кучей щегольскихъ

своихъ саковъ, купленныхъ въ Лондонѣ и набитыхъ разными изящными пустяками лондонскаго-же производства.

— Окончательно выше пониманія, какой дурацкій порядокъ!—сердито твердилъ онъ и однажды сказалъ даже, что въ Россіи гораздо на счетъ этого превосходнѣе, при чемъ едва-ли не въ первый разъ выговорилъ «Россія», а не «Разсѣя». Струковъ невольно подумалъ про себя, что вотъ и внукъ саратовскаго мужика, а какъ усвоилъ барскія привычки, и, презрительно усмѣхнувшись, проворно сталъ забирать довольно-таки тяжелыя вещи. Петръ Евсѣичъ разсыпался въ учтивыхъ извиненіяхъ, и, угловато сгорбившись и неловко сѣменя ногами, въ свою очередь подхватилъ какой-то тюкъ. А какъ только взошелъ на пароходъ, тотчасъ-же затосковалъ, и съ великимъ трудомъ пробравшись съ помощью кроны въ переполненную каюту, съ видомъ мученика легъ на диванъ.

Алексѣй Васильевичъ не боялся качки. Морской воздухъ и этотъ рѣзкій вѣтеръ, насыщенный солью и запахомъ водорослей, какъ-то особенно приподымали его настроеніе... но и онъ былъ не въ духѣ. Онъ рѣшительно не понималъ, отчего Наташа съ такою грустью уѣзжала изъ Лондона, отчего всю дорогу не обращала вниманія на его влюбленные взгляды, на ласковыя слова, произносимыя украдкой, на пожатіе руки, отчего ея лицо сдѣлалось такимъ холоднымъ и непріятно озабоченнымъ, какъ только они очутились на пристани... То-есть онъ зналъ отчего, но оскорблялся, что его присутствіе не дѣлаетъ ее равнодушной къ разлукѣ съ Лондономъ, къ ожиданіямъ морской болѣзни, къ тому, что пришлось суетиться съ вещами и проталкиваться на пароходѣ съ помощью локтей. Въ сущности, какъ и вездѣ въ послѣднее время, но на этотъ разъ съ особенной раздражительностью, Струковъ ревновалъ Наташу къ тѣмъ мыслямъ и ощущеніямъ, о которыхъ она не считала нужнымъ говорить ему.

Сложивъ въ кучу вещи, они усѣлись около нихъ на скамьѣ, прислоненной къ борту. Это было наверху, на палубѣ перваго класса, и, такъ какъ тамъ было вѣтрено, а порою черезъ бортъ взлетали брызги, то вся публика ушла въ каюты и туда, гдѣ было затишье и тепло отъ трубы. Наташа молчала съ полузакрытыми глазами, точно прислушиваясь внутри себя; Алексѣй Васильевичъ ожесточенно курилъ... Снизу былъ слышенъ говоръ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ; вѣтеръ хлопалъ растянутой парусиной, отдѣлявшей палубу перваго класса, гдѣ-то стучало, откуда-то раздавались командные крики... пароходъ вышелъ на взморье.

— Миленькій мой!—вдругъ радостнымъ голосомъ воскликнула Наташа,—знаешь-ли, я совсѣмъ, совсѣмъ не чувствую качки.

— Да ее и не будетъ,—сухо сказалъ Струковъ.

— Но какъ-же такая буря?

— Ничего не значитъ: пароходъ перерѣзаетъ волны. И потомъ развѣ это буря? просто свѣжій вѣтеръ.

— Да, свѣжій... Ой, какъ насъ трепало тогда, а вѣтеръ былъ меньше. Совсѣмъ, совсѣмъ не чувствую!.. Ахъ, какъ хорошо. Дай мнѣ руку. Ты сердишься, глупый? Пойдемъ къ кормѣ. Держи меня крѣпче... Дружочекъ мой, смотри на эти берега... милая, милая Англія, никогда тебя не забуду! А ты, Алеша?

— Ты простудишься, Наташа. Вотъ сорвало твою шляпу... Хочешь достану макинтошъ? Надѣнь, пожалуйста.

— О, какой ты злой! Ну, давай скорѣе... И капюшонъ на голову?.. На кого я теперь похожа!.. Но еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ было больно разставаться съ Лондономъ.

— А помнишь ты все бранила его и хвалила Парижъ?

— Развѣ? Это должно быть, чтобы разсердить тебя... Боже мой, какъ мнѣ жалко, что мы уѣхали! Другъ мой, не воротится это, не повторится. Можетъ быть, лучше будетъ,—не хмурься,—но никогда, никогда не повторится... Ну, все равно. Вонъ берега... видишь? И луна, и тучи, и волны шумятъ... о, дорогой мой, какъ я теперь счастлива. Вѣдь это настоящій океанъ? Смотри вотъ въ этомъ направленіи—вѣдь тутъ все море и море до самой Америки?

— Я думаю въ этомъ направленіи островъ Уайтъ, не больше.

— Ну, все равно Уайтъ такъ Уайтъ,—ты это мнѣ на зло... желанный мой! А въ какую сторону Гернсей? Помнишь Les travailleurs de la mer?.. О, если тебѣ открыться по совѣсти, я была влюблена въ Жильята... Но разскажи, отчего ты такой нехорошій,—правда сердишься за что нибудь? правда?—и она приближала къ нему лицо свое, вкрадчиво заглядывала въ его глаза, проводила рукою по его щекѣ.

Дурное настроеніе Алексѣя Васильевича не сразу измѣнилось. Въ его умѣ мелькнула даже грубая, во вкусѣ Петра Евсѣича, мысль, что это у Наташи вліяніе морского воздуха, простора, неожиданныхъ впечатлѣній, и, главное, оттого, что нѣтъ качки... Но во всемъ ея существѣ было столько очаровательной силы, ея голосъ звучалъ такой нѣжностью, а лицо, обрамленное капюшономъ такъ прелестно выдѣлялось въ капризной игрѣ луннаго свѣта, заслоняемаго бѣгущими облаками, что онъ, если-бы и хотѣлъ, не могъ оставаться въ дурномъ настроеніи. Онъ страстно обнялъ Наташу, сталъ цѣловать эти милыя полураскрытыя губы, на которыхъ чувствовался осадокъ соли, это свѣжее, обвѣянное ароматомъ морскихъ испареній лицо... Тѣсно прижавшись другъ къ другу, они ходили вокругъ темныхъ, завѣшенныхъ извнутри каютъ, прислушивались къ разноязычному говору внизу, къ завываніямъ вѣтра въ снастяхъ, къ ритмическому стуку винта, къ грозной музыкѣ

Ламанша. Берега давно скрылись. По временамъ падали тяжелыя капли дождя... Въ странно мерцающемъ пространствѣ безъ конца клубились волны, мчались тучи. Порою виднѣлись звѣзды, маячилъ одинокій парусъ, отчетливо выступая въ лунномъ свѣтѣ, пѣна вспыхивала серебромъ, даль развертывалась широко... и снова падалъ сумракъ, и все смѣшивалось въ неразличимыхъ очертаніяхъ, въ торопливомъ движеніи какихъ-то тѣней, проблесковъ, бѣлыхъ пятенъ, въ чемъ-то таинственномъ, не похожемъ на дѣйствительность. И жутко было смотрѣть на огни, иногда мелькавшіе въ этомъ неопредѣленномъ пространствѣ, думать о томъ, что въ бурномъ морѣ плывутъ теперь корабли... можетъ быть далеко, далеко.

— Не правда-ли, мы какъ въ сказкѣ?—прошептала Наташа и, вдругъ, вскрикнула... и разсмѣялась. Двѣ фигуры шли навстрѣчу. Черныя крылья развѣвались у нихъ за плечами; въ колеблющейся полосѣ свѣта за ними, колеблясь, слѣдовали тѣни, похожія на какихъ-то огромныхъ птицъ.

— Какъ въ сказкѣ, моя дорогая,—нетвердымъ голосомъ повторилъ Струковъ и не сразу подалъ билеты, также какъ не сразу человѣкъ въ форменной фуражкѣ взялъ ихъ, взглянувши на освѣщенную фонаремъ Наташу. Этотъ человѣкъ, повидимому, хотѣлъ сказать какую-то любезность, даже выставилъ свои крѣпкіе зубы и осклабилъ красное, изрытое морскими вѣтрами лицо, но ограничился лишь тѣмъ, что на сквернѣйшемъ французскомъ языкѣ назвалъ погоду не вполнѣ пріятной для дамъ, приложилъ руку къ козырьку, и, кивнувъ своему товарищу, прослѣдовалъ дальше,—тѣни побѣжали впередъ, резиновые плащи, гремя, развѣвались точно крылья... и снова стало какъ въ сказкѣ, сдѣлалось не похоже на дѣйствительность.

Свѣжѣло. Вѣтеръ, казалось, хотѣлъ превратиться въ бурю; откуда-то раздался звонъ разбитой посуды; пароходъ тяжко вздыхалъ своими трубами и содрогался до основанія; воздухъ со стороны востока становился бѣлесоватымъ. Луна совсѣмъ исчезла... за всѣмъ тѣмъ бушующее море виднѣлось шире и яснѣе.

Мелкій, точно лихорадочный ознобъ начинался у Наташи,—оттого-ли, что похолоднѣло, или отъ странныхъ ощущеній этой фантастической ночи. Голова ея слегка кружилась, но не отъ качки, хотя теперь волненіе было достаточно, чтобы заболѣть. Струковъ усадилъ ее подъ защиту шумящаго полотна, окуталъ пледомъ, согрѣвалъ горячимъ дыханіемъ ея руки, шею, лицо, прижималъ ее къ себѣ съ такою силой, что она вскрикивала, и, вдругъ, сказала что ей жарко, и, порывисто откинувъ пледъ, прильнула устами къ его устамъ, съ неперестающимъ, неслышнымъ смѣхомъ отдавалась его ласкамъ, съ выраженіемъ какой-то блаженной радости ловила его страстные, безъ словъ умоляющіе взгляды,

и, замирая отъ наслажденія, отъ ужаса, отъ любопытства, подчинялась его волѣ...

Въ темныхъ тучахъ стало просвѣчивать опаломъ, янтаремъ, багрянцемъ. Волны синѣли, паруса обозначались вдали... Призракомъ выступилъ французскій берегъ.

Струковъ протянулъ руку къ востоку, и опьяненный до экстаза, красивый какъ никогда въ этомъ пурпуровомъ освѣщеніи, воскликнулъ растроганнымъ голосомъ:

Смотри, какъ заря тамъ алѣетъ!...—
Какъ эта заря, мое сердце
Любовью къ тебѣ пламенѣетъ...

Но Наташа едва улыбнулась, едва взглянула на него, прошептала:—«Ахъ, еслибъ ты зналъ, какъ я измучилась!»—и, опустивъ отяжелѣвшія рѣсницы, на которыхъ застыли крупныя слезы, въ изнеможеніи склонила голову на его плечо и задремала. Онъ бережно поддерживалъ эту драгоцѣнную ношу; съ умиленіемъ любовался поблѣднѣвшимъ личикомъ; съ особымъ чувствомъ снисходительности примѣчалъ на немъ слѣды какого-то недоумѣнія, какой-то невысказанной грусти—«это скоро пройдетъ!» думалось ему,—и вздрагивалъ отъ радости, когда въ молодомъ, упругомъ, красивомъ тѣлѣ, лежавшемъ на его рукахъ, внезапно пробѣгалъ трепетъ, точно послѣднія искры отъ миновавшаго пожара,—а вмѣсто тоскливаго выраженія на лицѣ вспыхивала и погасала очаровательная улыбка.

Тѣмъ временемъ въ небесахъ разгорался иной пожаръ. Солнце раскалило и разогнало тучи и вставало надъ моремъ въ блескѣ, въ золотѣ,—«въ славѣ», какъ выразился про себя Алексѣй Васильевичъ... И въ ладъ съ этимъ торжествующимъ блескомъ, съ радостной игрою солнечныхъ лучей въ синемъ морскомъ пространствѣ, складывались мечты Струкова, слагались его мысли о жизни, о счастьѣ, о будущей дѣятельности въ Россіи. Ему не только не хотѣлось спать, какъ Наташѣ, но хотѣлось-бы пѣть во весь голосъ, и непремѣнно что-нибудь побѣдное, какой-нибудь «Гимнъ къ радости» Шиллера, чтобы оповѣстить далеко, далеко о полнотѣ своего существованія, о томъ, что міръ прекрасенъ.

Въ Парижѣ произошло по желанію Петра Евсѣича: молодые люди стали жить вмѣстѣ, безъ вѣнчанія. Старику очень хотѣлось собрать знакомыхъ русскихъ и заявить о такомъ порядкѣ брака торжественно; онъ даже написалъ «черначекъ» застольной рѣчи, не безъ тайнаго умысла напечатать ее впослѣдствіи во французскихъ газетахъ; но Наташа возразила, что все равно въ Россіи придется «надѣвать вѣнцы», и, значитъ, нечего вводить людей въ заблужденіе. По ея мнѣнію, было достаточно, что они живутъ вмѣстѣ, а какъ объ этомъ станутъ судить

ихъ знакомые, это совсѣмъ не важно. Струковъ-же мало того, что возсталъ противъ «смѣшной демонстраціи», но даже смалодушничалъ, безъ всякой нужды сказавши своему парижскому пріятелю, что «заграницей вѣнчаніе обходится дорого». Вышло такъ, будто эту дороговизну онъ уже испыталъ, хотя съ другой стороны можно было понять и иначе эти вскользь брошенныя слова... Долго онъ не могъ простить себѣ такой уловки и, какъ ни странно, почти возненавидѣлъ за нее своего невиннаго пріятеля.

Впрочемъ, возненавидѣлъ отчасти и за другое. Пріятель,—звали его Левушка Верховцевъ, точно бѣсъ сѣменилъ передъ Наташей, и внушалъ ей, совершенно неподходящіе, по мнѣнію Струкова, интересы. Этотъ Левушка, кстати и наружностью похожій на бѣса: огненно-рыжій, хромой, проворный, былъ сынъ богатаго помѣщика изъ одной съ Струковымъ губерніи, кончилъ когда-то въ правовѣдѣніи. Въ Парижѣ онъ жилъ не то въ качествѣ эмигранта, не то туриста съ просроченнымъ паспортомъ и пробивался Богъ знаетъ какъ, потому что отецъ его, дѣйствительный статскій совѣтникъ и знаменитый губернскій сутяга, не присылалъ ему ни копейки. Левушка очень хотѣлъ и очень боялся возвратиться въ Россію, а пока говорилъ, говорилъ... и изучалъ революціонную исторію города Парижа,—для чего, и самъ-бы не могъ отвѣтить, но изучалъ прилежно, съ благоговѣніемъ первокурсника. Это онъ, случайно познакомившись съ Перелыгиными, далъ имъ письмо въ Лондонъ, теперь-же чуть не ежедневно бѣгалъ къ нимъ изъ Латинскаго квартала на avenue Victor Hugo и скоро сталъ у нихъ почти своимъ человѣкомъ. Кстати у Петра Евсѣича нашлась для него и работа: исправленіе слога въ переводѣ Courdaveaux... Но главнымъ его занятіемъ были разговоры съ Наташей. Наташа говорила мало, но слушала съ большимъ любопытствомъ. Она въ первый еще разъ встрѣчала человѣка столь близко стоявшаго къ тѣмъ людямъ и событіямъ, да и французской исторіей съ 89 года очень интересовалась... И все это было до крайности непріятно Алексѣю Васильевичу. Что говорить, когда-то онъ и самъ, какъ всѣ русскія «барскія дѣти», былъ воспитанъ на томъ, что называлъ теперь «героической легендой восемнадцатаго вѣка», и исторія Франціи была ему роднѣе и знакомѣе, нежели двадцать девять томовъ профессора Соловьева. Но въ Лондонѣ, за Марксомъ, за Энгельсомъ, за пристальнымъ изученіемъ экономическихъ силъ, законовъ и комбинацій, онъ совершенно охладѣлъ къ живописнымъ героямъ и переворотамъ, русскимъ или французскимъ—все равно, и то, что говорилъ Левушка, представлялось ему дѣтской болтовнею, а то, что Наташа съ увлеченіемъ слушала эту болтовню, повергало его въ необыкновенную досаду.

Да и вся ихъ жизнь въ Парижѣ раздражала Алексѣя Васильевича.

Все складывалось совсѣмъ не такъ, какъ въ Лондонѣ. начиная съ погоды. Днемъ въ безоблачномъ небѣ неутомимо сіяло солнце, ночью огни заливали веселый городъ; въ удивительно мягкомъ и тепломъ воздухѣ казалось вѣяло заразительнымъ дыханіемъ безпечальной жизни, вѣчной весны. Въ противоположность Лондону, «у очага» было скучно; улица тянула къ себѣ; ея впечатлѣнія и соблазны, радостный гулъ, стоявшій надъ нею, опьяняли, какъ вино. Кто-то и здѣсь работалъ, да еще какъ! Кто-то и здѣсь скрежеталъ зубами, проклиная жизнь; гдѣ-то, и здѣсь таилась нищета не хуже Уайтчапеля; но для туриста, не задававшагося спеціальными цѣлями, все было «шито и крыто», и торговля, трудъ, искусство, промышленность, политика, даже веселый и откровенный развратъ, даже моргъ съ своею выставкою превосходно замороженныхъ труповъ представлялись ему какимъ-то спектаклемъ en gala. И на каждомъ шагу восхищалъ такого туриста другой, каменный, историческій спектакль: церкви, дворцы, монументы. Какъ въ Лондонѣ нѣтъ ничего безвкуснѣе площадей и памятниковъ, а изъ старины несравнимы лишь парламентъ да аббатство, такъ въ Парижѣ всюду возможно встрѣтить изумительную красоту изваяній, архитектурныя грезы съ ихъ кружевомъ изъ потемнѣвшаго, похожаго на сѣрый бархатъ, камня, съ ихъ наивными символами и барельефами, съ утраченнымъ секретомъ чего-то таинственнаго и музыкальнаго. Правда, памятники на площадяхъ и въ Парижѣ не всегда красивы, или стоятъ неизвѣстно зачѣмъ, какъ обелискъ на Place de la Concorde, но опять-таки въ противоположность Лондону, туристъ не могъ не знать ихъ трагической исторіи, помнилъ о потокахъ крови, прикипѣвшей къ ихъ подножію, и эти воспоминанія придавали въ его глазахъ особый видъ даже Іюльской колоннѣ,—видъ какой-то зловѣщей, символической красоты... А вечеромъ, на большихъ бульварахъ, совершалось что-то сказочное. Въ заревѣ газовыхъ рожковъ и электрическаго свѣта фантастически обрисовывались деревья. По широкимъ тротуарамъ тихо двигалась нарядная толпа, собранная со всего свѣта. Газетчики, цвѣточницы, продавцы курьезовъ и ненужностей шныряли въ ней, какъ рыба въ водѣ, звонко, на разные голоса навязывая свой товаръ. По улицѣ стремительно неслась рѣка омнибусовъ и фіакровъ. Открытые настежь, ослѣпительные кафе не вмѣщали посѣтителей и захватывали тротуары своими мраморными столиками. Въ театры и казино, огненныя вывѣски которыхъ сверкали точно брилліанты, ломились зрители. За стекломъ неправдоподобно-огромныхъ витринъ въ художественномъ сочетаніи располагались соблазны — для всевозможныхъ средствъ, вкусовъ и вожделѣній... Нѣтъ, нѣтъ, въ Лондонѣ этого не можетъ быть, не было, и Алексѣй Васильевичъ называлъ это возмутительнымъ гипнозомъ и проклиналъ тотъ день, въ который они пріѣхали и поселились въ Парижѣ.

Что до того, что теперь онъ жилъ въ одной квартирѣ съ Наташей, спалъ съ нею въ одной комнатѣ. Но въ то время, когда онъ весь былъ охваченъ экстазомъ любви, когда все въ немъ радостно трепетало, не только при взглядѣ на жену, но отъ одного звука ея голоса, ея смѣха, отъ шороха ея платья въ сосѣдней комнатѣ, она неизмѣнно стремилась куда-то, если не въ дѣйствительности, такъ въ мысляхъ. И Струкову казалось, что въ этомъ виноватъ Парижъ.

И въ самомъ дѣлѣ, даже Петръ Евсѣичъ измѣнился здѣсь. Обыкновенно скромный въ своихъ привычкахъ, онъ теперь находилъ какое-то дѣтское удовольствіе сорить деньгами, цѣлыми днями пропадалъ на бульварахъ, глазѣлъ на витрины, покупалъ разныя вещички, или долго-долго просиживалъ за бутылкой шампанскаго въ какомъ-нибудь шикарномъ кафе, упиваясь не столько виномъ, сколько видомъ и шумомъ улицы.

— Ужъ очень пріятно мотать здѣсь,—говаривалъ онъ, точно оправдываясь. — Въ отечествѣ-то, вѣдь, ау! — и за свои деньги, исключая очертенѣлой скуки ничего не получишь. А тутъ подико-сь, шельмецы, чего достигли: смотришь, только смотришь на нихъ, и то селезенка играетъ... Ги! ги! ги!—И добавлялъ съ нѣкоторой грустью:—Охъ, надо ѣхать домой, а небольшая, признаться, охота. Чай на насѣстъ ѣдемъ садиться, ась? Сдается мнѣ, въ послѣдній разъ вижу я этотъ необузданный Вавилонъ.

По его настоянію обѣдали въ лучшихъ ресторанахъ, у дверей отеля съ утра появлялась «ремиза», запряженная парою въ дышлѣ, Наташа закупала себѣ приданое.

— Что ты раскутился, Петръ Евсѣичъ? Я тебя не узнаю, — говорила она иногда.

— Нѣтъ, ничего, Наташечка. Старость приходитъ, развернуться хочется... Небось вѣдь ты у меня одна. — Съ тѣхъ поръ, какъ она стала жить съ Струковымъ, Петръ Евсѣичъ иначе не называлъ ее какъ «Наташечка» и вообще относился къ ней гораздо нѣжнѣе и точно съ жалостью.

Наташу ни мало не привлекали магазины и покупки. Въ этомъ она только подчинялась отцу да видѣла способъ доставить удовольствіе двумъ-тремъ знакомымъ дамамъ, которыя, несмотря на всю серьезность ихъ убѣжденій, положительно пьянѣли въ какомъ-нибудь Луврѣ или Au bon marché. Но то же самое, что эти дамы въ магазинахъ, чувствовала она въ стремительномъ круговоротѣ публичной жизни; скоро сдѣлалось не только ея привычкою, но почти потребностью, каждый день находиться въ несравненной парижской толпѣ, схватывать на лету остроты, шутки, словечки, новости, покупать и прочитывать гдѣ-нибудь по дорогѣ свѣжій номеръ газеты, проникать на засѣданіе палаты или на сходку рабочихъ, вечеромъ ѣхать въ театръ, слушать въ казино улич-

ную знаменитость, смотрѣть на студенческій разгулъ въ какомъ-нибудь кафе-Гаркуръ, или просто сидѣть на бульварахъ и медленно цѣдить «гренадинъ» сквозь соломинку. Обыкновенно въ этихъ странствіяхъ,— иногда довольно рискованныхъ, если-бы ее не охраняло званіе «иностранки», — сопровождалъ ее Левушка и рѣдко Струковъ или Петръ Евсѣичъ. И обыкновенно она сама хотѣла, чтобы Левушка, потому что онъ отлично зналъ городъ, былъ неутомимъ, говорилъ какъ скворецъ и иногда говорилъ то, что ее очень интересовало, а Петръ Евсѣичъ быстро уставалъ и въ это время начиналъ брюзжать и жаловаться; что-же касается до мужа, то, увы, его присутствіе ей самой причиняло чувство усталости. Она уставала теперь отъ его влюбленныхъ взглядовъ, отъ страстныхъ словъ, которыя онъ нашептывалъ ей при всякомъ случаѣ, отъ его прикосновенія, когда они шли подъ руку, и даже отъ его разговоровъ о будущемъ, о Россіи, о преимуществахъ «закономѣрной» работы передъ тѣмъ, о чемъ болталъ Левушка... Все это было очень хорошо и умомъ своимъ Наташа понимала, что она счастлива, то-есть, что мужъ очень любитъ ее, что онъ умный и честный, и образованный, и что ихъ будущее — очень хорошее и оба они согласны, какъ его устроить, и что Левушка, дѣйствительно, нѣсколько болтливъ и легкомысленъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она или разсѣянно усмѣхалась въ отвѣтъ на ласки Алексѣя Васильевича, или машинально произносила:—«О, миленькій мой!»—а сама чувствовала, что деревенѣетъ съ ногъ до головы, что отъ сдерживаемой зѣвоты у нея ломитъ за ушами.

Впрочемъ, по временамъ, что-то въ родѣ угрызеній совѣсти возникало у Наташи; особенно послѣ того, какъ ей приходилось хитрить и украдкою убѣгать съ Верховцевымъ на улицу! Тогда она безцеремонно спроваживала Левушку къ отцу, или усаживала его за письменный столъ, гдѣ горою возвышались листы, исписанные угловатымъ почеркомъ Петра Евсѣича—переводъ Courdaveaux,—а сама предлагала мужу ѣхать съ нею куда-нибудь за городъ.

Но лондонскія настроенія и въ этихъ случаяхъ не возвращались... Правда, по внѣшности было похоже. Какъ и въ Лондонѣ они чувствовали себя точно на островѣ и всюду била ключемъ чуждая, пестро бѣгущая жизнь; какъ и гдѣ-нибудь въ Кью-Гарденѣ, они бродили одни въ версальскихъ паркахъ, въ Сенъ-Клу, въ Венсенѣ. Но то, что между ними не было теперь преграды, и что ихъ любовь всегда могла перейти отъ страстныхъ полупризнаній и взглядовъ къ супружескимъ ласкамъ, и что Алексѣй Васильевичъ желалъ этого, зажигая и ее своимъ желаніемъ,—это приводило Наташу почти въ истерическое состояніе, да и Струкову вмѣстѣ съ мимолетнымъ наслажденіемъ давало впечатлѣніе какой-то душевной неудовлетворенности. И оба возвращались домой унылые, утомленные, съ тяжестью въ сердцѣ, съ чѣмъ-то невысказаннымъ на душѣ.

И еще было хуже, когда пробовали высказаться. Съ первыхъ-же словъ оба замѣчали тогда, что въ сущности говорить нечего,—что все обстоитъ благополучно, какъ слѣдуетъ въ «медовомъ мѣсяцѣ», отчего не такъ, какъ въ Лондонѣ,—это для обоихъ было необъяснимо. И вотъ выходило такъ, что у обоихъ невольно поднимался и вздрагивалъ голосъ, и оба раздражались до слезъ, упрекая другъ друга въ совершенно фантастическихъ вещахъ,—однимъ словомъ происходили нехорошія размолвки. Такъ однажды Струковъ, не помня себя отъ досады, сказалъ женѣ, что отлично видитъ, какъ пошли ей въ прокъ теоріи Петра Евсѣича о свободной любви, и что, конечно, эти теоріи заставляютъ ее искать общества «г. Верховцева», а вовсе не его «революціонное вранье».

— Слушай, Алексѣй... И это разъ навсегда,—съ поблѣднѣвшимъ лицомъ отвѣтила Наташа:—если я полюблю другого, или просто захочу отдаться... ну, хоть Левушкѣ,—я скажу. Тебѣ первому скажу. Можешь быть спокоенъ.

— Просто захочу! — съ негодованіемъ подхватилъ Струковъ,— какъ ты не понимаешь, что говоришь мерзости...

— Нѣтъ, это ты видишь мерзости, гдѣ ихъ нѣту...

— Отдаться! отдаться! — кричалъ уже Алексѣй Васильевичъ,— слово-то одно какъ звучитъ въ устахъ порядочной женщины!..

— Какъ-же?—съ кривой усмѣшкою спрашивала Наташа.—И какъ оно звучитъ въ устахъ порядочнаго мужчины? Или у васъ ничего? Такъ надо? Или въ вашемъ лексиконѣ нѣтъ «отдаться», а есть — «обладать»? «владѣть»? И сколькими ты владѣлъ?

— Хорошій разговоръ!

— Такъ не трогай меня, если не нравится.

— То, въ чемъ ты упрекаешь, — скверно, но это физіологія. А когда мужъ отъ жены—или наоборотъ—это распутство.

— Слова, миленькій... «Скверно»—семь буквъ, «распутство»—не знаю сколько. И тебѣ нечѣмъ доказать, что это не простыя слова. Такъ-же, какъ и мнѣ. Но за-то я и не упрекаю, съ чего ты взялъ? Я только ненавижу насиліе и ваши претензіи надъ нами. Что такое жена? любовница? Это вы, все вы назвали. Я—человѣкъ, и моя воля надо мною, а не твоя... какъ ты тамъ ни называй меня. Правды можешь требовать и, будь спокоенъ, никогда, никогда не солгу. Но и только, Алексѣй Васильичъ, и только!

Спустя часъ или день послѣ такихъ препирательствъ и она, и онъ отлично сознавали, что много было сказано лишняго и ничего не сказано такого, что-бы объяснило и разсѣяло тяжесть, лежавшую на душѣ; но такъ-ли, иначе, ядъ преувеличенныхъ словъ оставался, и по-прежнему оставалась тяжесть на душѣ. И Алексѣй Васильевичъ жестоко негодовалъ внутри себя, злился—больше всего опять-таки на Парижъ,—

и страстно желалъ поскорѣе уѣхать, а Наташа день ото дня становилась молчаливѣе и блѣднѣе, и лицо ея становилось загадочнымъ для Струкова.

Впрочемъ, такъ она была еще красивѣе, и, въ промежуткахъ между размолвками, а иногда даже и въ то самое время, когда выговаривались обидныя слова, эта тонкая, изящно-страдальческая красота жены сводила съ ума Алексѣя Васильевича; и онъ бурно просилъ прощенія, цѣловалъ ноги Наташи, смотрѣлъ на нее съ вкрадчивой мольбою... до тѣхъ поръ, пока домогался объятій, и слезъ, и безсмысленно-ласковыхъ восклицаній, и того радостнаго, торжествующаго смѣха во всемъ ея прекрасномъ лицѣ, который ему казался «апоѳеозомъ любви». И на мгновеніе обоимъ казалось, что наступило, наконецъ, сліяніе ихъ душъ, сердецъ, стремленій... пока вновь не овладѣвали ею—усталость и тоска, имъ—чувство удовлетвореннаго восторга и прежняя досада на жену, на Парижъ, на Левушку, на всѣхъ.

Не повторялись въ Парижѣ и лондонскіе споры, хотя къ Перелыгинымъ и собирались по временамъ русскіе туристы и эмигранты. Уличное движеніе и погода были такъ соблазнительны, а Петръ Евсѣичъ и Наташа въ такомъ разсѣянномъ настроеніи, что чаще всего и въ этихъ случаяхъ дѣло кончалось обѣдомъ въ ресторанѣ, или прогулкой въ окрестности, при чемъ не о «принципахъ» говорили, а о разныхъ веселыхъ пустякахъ, или о текущихъ событіяхъ. Иногда пѣли. И однажды, во время такой загородной прогулки, Струковъ еще въ новомъ свѣтѣ увидѣлъ свою жену. Какой-то хмель ударилъ ей въ голову. Она дурачилась, хохотала до слезъ, декламировала стихи, затѣяла бѣгать въ горѣлки, до странности смѣло заигрывала съ мужчинами, особенно съ однимъ художникомъ изъ Костромы, красивымъ кудрявымъ малымъ чисто русскаго типа, и упорно избѣгала встрѣчаться взглядами съ мужемъ. Алексѣй Васильевичъ видѣлъ, что все это — простая шалость и, сначала, ему было очень весело и смѣшно смотрѣть на влюбленное лицо костромича, и весело было думать, что прелестная женщина, за которой такъ ухаживаютъ, принадлежитъ ему, Струкову. Но когда вызывающая смѣлость Наташи начала вызывать такую-же смѣлость и у мужчинъ, и, въ особенности, когда художникъ, догоняя Наташу упалъ вмѣстѣ съ нею, такъ что замелькали ея бѣлыя юбки, и, когда подсобляя другъ-другу подняться, Наташа взвизгивала съ какой-то неумѣстной игривостью, а въ распаленномъ лицѣ костромича проступило особое, знакомое Струкову, выраженіе грубой чувственности, онъ сразу утратилъ всю свою смѣшливость и веселость. Весь не свой отъ нестерпимой обиды, онъ хотѣлъ немедленно сказать Наташѣ, что она «неприлично ведетъ себя», и даже подошелъ къ ней за этимъ, когда она, приготовляясь «горѣть», прикалывала повыше юбку и оправляла

растрепанные волосы, но встрѣтившись съ ея тусклымъ, недобрымъ взглядомъ, растерянно улыбнулся и пробормоталъ вполголоса:

— Не устала-ли ты?

Она ничего не отвѣтила, однако вскорѣ оставила игру и всѣ усѣлись на травѣ. Тутъ кто-то сказалъ, что костромичъ превосходно иммитируетъ мужицкія пѣсни и стали просить его. Кокетливо рисуясь, онъ жестомъ, дѣйствительно похожимъ на мужицкій, сдвинулъ на бекрень шляпу, подперъ рукою щеку и уныло, немножко разбитымъ голосомъ, затянулъ что-то спеціально костромское. Это было въ сенъ-клудскомъ лѣсу въ виду великолѣпной понорамы Парижа... И было что-то необыкновенно жалкое въ разительномъ противорѣчіи этой заунывной пѣсни съ тѣмъ, что виднѣлось вдали въ золотѣ наступавшаго заката. За всхлипывающими стенаніями неподражаемо вылетавшими изъ груди художника, за однообразно-печальнымъ содержаніемъ пѣсни,—и за этими зданіями, башнями, памятниками великаго города передъ слушателями въ той или иной формѣ возникали воспоминанія и картины, надрывавшія ихъ русское сердце. И какъ это ни странно, но особую тоску отъ щемящаго противорѣчія двухъ исторій, двухъ народностей, двухъ цивилизацій первый выразилъ коротенькій, упитанный человѣкъ, эмигрантъ, еврей, особо-извѣстный своимъ космополитизмомъ и категорическимъ отрицаніемъ «фетишей, абсолютовъ и сантиментовъ».

— Ну, къ чорту эту костромскую дичь, будь она проклята! — крикнулъ онъ, тяжело посапывая носомъ отъ внезапно подступившихъ слезъ, и торопливо отошелъ къ краю обрыва, внизу котораго змѣилась Сена.

Костромичъ остановился, оглянувшись съ недоумѣвающей улыбкой. Всѣ молчали. Со стороны Парижа едва слышно достигалъ внушительный ропотъ.

— А дочь Ярослава, Анна, была за ихнимъ Генрихомъ первымъ,— неожиданно выговорилъ молодой магистрантъ изъ Москвы, махнувъ рукою по направленію къ Парижу.

— Ну, и что-же?

— Ну, и то-же...

— Монголы, батенька, задавили.

— Какіе къ чорту монголы. Своя же братья... Татаръ еще и въ поминѣ не было, а ужъ народъ претъ на сѣверъ, въ болота, въ лѣса...

— Нѣтъ, господа, раса, раса испортилась на сѣверѣ.

— Она еще въ Кіевѣ испортилась. Вы думаете печенѣги, половцы, хозары, и, какъ ихъ тамъ еще, редеди что-ли...

— Редедя—князь.

— Ну, чортъ съ нимъ. Развѣ думаете не впустили калмыцкой кровцы?

— А на сѣверѣ чудь бѣлоглазая. То есть, бездарность, проза... Хуже калмыцкой крови.

— Нѣтъ, тутъ дѣло еще въ томъ, что Владиміровы послы у святой Софіи обѣдню слушали.

— Это вы по Чаадаеву?

— Что-жъ что по Чаадаеву. Представьте, еслибы они послушали въ Римѣ... Исторія то вышла-бы, пожалуй, другая и этой костромской пѣсни, пожалуй, не было-бы.

— А отлично вы, батенька, иммитируете!

— Живой мужикъ.

— Ну-да, и были-бы у насъ и клерикалы, и чортъ знаетъ что... А теперь, вверху—академическая толерантность, а внизу то внизу— «матушка святая Аграда моли Бога о насъ»!..

— Что за «Аграда»?

— Просто церковную ограду освящали, а баба молилась. Фактъ.

Кое-кто еще разсказалъ о баснословномъ невѣжествѣ русскаго народа... Посмѣялись, но какъ-то невесело: костромская пѣсня все еще какъ будто стояла въ ушахъ вмѣстѣ съ отдаленнымъ гуломъ Парижа. Магистрантъ вздумалъ было перебить впечатлѣніе и затянулъ «Марсельезу». Два-три человѣка подхватили, выговаривая какъ всегда «аленъ» и «занфанъ», но гимнъ звучалъ вяло и нелѣпо, а тутъ еще космополитъ обернулся и сказалъ съ язвительной улыбкой:

— И здѣсь-то перестали воодушевляться этимъ старомоднымъ враньемъ, а вы... Лучше-бы ужъ «Ça ira» попробовали.

Но «Ça ira» никто не зналъ, кромѣ Левушки, который, однако, не рѣшился обнаружить козлиный свой голосъ и полное отсутствіе слуха.

А Струковъ давно уже съ безпокойствомъ наблюдалъ за женою. Какъ только костромичъ запѣлъ, у нея сразу исчезло то вакхическое оживленіе, которое подъ конецъ было такъ непріятно и страшно для Алексѣя Васильевича. Лицо ея перекрылось смертельной блѣдностью, въ широко раскрытыхъ глазахъ, устремленныхъ въ даль, появилось выраженіе неизъяснимой тоски, почти отчаянія. Молча она слушала и пѣсню, и разговоры послѣ нея и неудавшуюся «Марсельезу»—и кусала пересмягшія губы, какъ будто усиливаясь превозмочь внутреннюю боль... И вдругъ, не успѣлъ Алексѣй Васильевичъ подбѣжать къ ней, какъ схватила себя за голову и истерически зарыдала, выкрикивая что-то безсмысленное.—Заросла!.. Заросла... дорожка... частымъ ельничкомъ!..—можно было разобрать въ этихъ крикахъ.—И вы... еще смѣете!.. Анекдоты!.. Они... хоть въ ограду... Мы ни во что, ни во что... даже въ Марсельезу... не вѣримъ!..—Дамы суетились вокругъ нея; растерянный Алексѣй Васильевичъ лепеталъ какія-то утѣшенія, разстегивалъ ей лифъ, кричалъ «воды! ради Бога воды»!—Костромичъ, съ лицомъ, на кото-

ромъ сквозь искреннее сожалѣніе невольно проступало самодовольное торжество, въ свою очередь успокоивалъ Наташу, стараясь говорить шепотомъ, и простодушно увѣренный въ своемъ «правѣ», поглаживалъ ея руку... Онъ ничуть не сомнѣвался, что эфектъ произведенъ его пѣніемъ, его ухаживаніемъ, его наружностью, и что Наталья Петровна влюблена въ него. И когда она, нѣсколько прійдя въ себя, съ брезгливымъ выраженіемъ отдернула руку, онъ нисколько не разувѣрился, а почтительно вздохнулъ, какъ человѣкъ, сознающій необходимость подчиняться «конвенансамъ и, принявъ скромно-таинственный видъ, отошелъ къ сторонкѣ. И чтобы тутъ-же покончить съ этимъ, въ сущности добрымъ, честнымъ и талантливымъ человѣкомъ, надо прибавить, что онъ съ тѣхъ поръ всегда искалъ случая иммитировать костромскаго мужика въ присутствіи хорошенькихъ женщинъ, и многимъ разсказывалъ по секрету (конечно въ пьяномъ видѣ), что если-бы захотѣлъ, то Струкова... гм... гм...— такъ-же, впрочемъ, какъ и всякая другая «съ душой и темпераментомъ».

Возвратились въ Парижъ въ какомъ-то удрученномъ, отчасти даже въ сконфуженномъ настроеніи, и Наташа была сконфужена больше всѣхъ. И нѣсколько разъ въ тотъ вечеръ ласково и виновато шептала мужу:

— Не думай, не думай, миленькій! Это у меня оттого, что я выпила кофе съ киршемъ... только отъ этого!

Но въ другой разъ она уже безъ всякой причины огорчила Алексѣя Васильевича и очень больно. Это произошло утромъ. Въ своемъ прелестномъ персидскомъ халатикѣ она писала письма, онъ сидѣлъ около стола какъ будто за книгой, но на самомъ дѣлѣ не читалъ, а съ чувствомъ удовлетвореннаго восторга слѣдилъ за линіей склоненной шеи, затылка съ небрежно закрученною косою, смѣлаго профиля съ рѣсницами, бросающими тѣнь на золотисто-смуглую щеку... Въ это время она кончила страницу и мелькомъ взглянула на него, потомъ пристальнѣй... потомъ въ ея глазахъ пробѣжало что-то непріятное... и вдругъ сказала:

— Съ чего я находила, что у тебя печальные глаза? Совсѣмъ не печальные.

— И не глубокіе?—съ досадою спросилъ Струковъ.

Она легонько вздохнула и, не отвѣтивъ, снова стала писать.

— Вотъ ужъ именно башмаковъ не успѣла износить...—началъ было онъ, чувствуя что краснѣетъ до самыхъ ушей отъ стыда и злобы и напрасно стараясь говорить твердымъ голосомъ; но въ это время вошелъ Петръ Евсѣичъ и заявилъ, что пора одѣваться и куда-то ѣхать.

Такъ шли ихъ дни въ непрерывной смѣнѣ тревожныхъ настроеній, въ суетѣ, въ вѣчномъ предчувствіи новыхъ размолвокъ, въ томъ, что

между ними выростала отчужденность, все рѣже и рѣже скрываемая горячимъ туманомъ страсти, иллюзіей физическаго сближенія.

О, какъ хотѣлось уѣхать Алексѣю Васильевичу,—разрушить это недоброе очарованіе парижскихъ впечатлѣній, очарованіе темныхъ силъ, по его мнѣнію, овладѣвшихъ Наташей, разбить тотъ ледъ, въ которомъ она замкнулась, прогнать отъ нея всѣхъ этихъ Верховцевыхъ, костромичей, дамъ съ серьезными убѣжденіями, увезти ее отъ соблазновъ кипящей, какъ котелъ, улицы, историческихъ воспоминаній, политики, искусства, отъ соблазна жить ощущеніями, среди которыхъ не замѣчаешь, для чего живешь... И онъ напоминалъ объ отъѣздѣ. Но Петръ Евсѣичъ ссылался на неоконченный переводъ Courdaveaux, который было необходимо сдать въ типографію въ Женевѣ, а Наташа отмалчивалась. На самомъ дѣлѣ, и у отца, и у дочери были особыя причины медлить въ Парижѣ. Перелыгинъ съ нѣкоторыхъ поръ пропадалъ до утра, и, однажды, кто-то изъ общихъ знакомыхъ встрѣтилъ его выходящимъ изъ Moulin Rouge съ желтоволосой дѣвицей подъ ручку. Наташины причины заключались въ томъ, что увлекающая пестрота здѣшней жизни препятствовала ей оставаться въ одиночествѣ съ своими мыслями, которыхъ она теперь также безотчетно боялась, какъ дѣти боятся иногда темноты.

Въ концѣ концовъ Струковъ, съ чувствомъ близкимъ къ отчаянію, развернулъ свою лондонскую работу. И, мало по малу, интересъ къ теоретическимъ опредѣленіямъ, къ цифрамъ, къ логическимъ выводамъ началъ попрежнему овладѣвать имъ. Раза два онъ побесѣдовалъ съ эмигрантомъ-космополитомъ; убѣдился изъ этихъ бесѣдъ, что многое упустилъ за кропотливыми подробностями изслѣдованія, что надо обратить вниманіе на книжки, въ послѣднее время значительно развившія смутныя посылки Маркса. И въ одно яркое погожее утро завязавши въ ремень десятокъ этихъ новыхъ для него книгъ, объявилъ женѣ, что на недѣлю уѣзжаетъ въ Фонтенебло. Наташа слегка удивилась, но, конечно, не противорѣчила, и, въ первый день послѣ его отъѣзда, чувствовала себя, какъ на каникулахъ. Особенно ее радовало то, что въ спальнѣ она одна, что не раздается въ ушахъ странный шумъ чужаго дыханія, къ которому она до сихъ поръ не могла привыкнуть, и нѣтъ мужчины, имѣющаго какое-то право быть при ней раздѣтымъ. Это давало иллюзію дѣвичества, свободы, чистоты, и въ началѣ такъ подѣйствовало на Наташу, что она, ложась спать, въ порывѣ чрезвычайнаго умиленія перекрестила подушку, какъ это дѣлала въ далекомъ, далекомъ дѣтствѣ. Однако на третій, на четвертый день ее стало преслѣдовать ощущеніе какой-то пустоты и что-то въ родѣ обиды на Алексѣя Васильевича зашевелилось въ ея душѣ; чаще вспоминались лондонскіе дожди, скитанія, разговоры, планы...

Наступила сильная жара. Парижъ разъѣзжался. Петръ Евсѣичъ былъ въ отвратительномъ состояніи духа и однажды за обѣдомъ сказалъ Верховцеву:

— Скверно, милячекъ, дожить до того, что не ты отъ грѣха, а грѣхъ отъ тебя отступается... Ась? не понимаете? Поймете, какъ стукнетъ шестьдесятъ... Надо вотъ во-свояси собираться.

На шестой день изъ Фонтенебло пришла телеграмма: Vous ferierz bien de visiter votre anachorète. D'ailleurs je suis indisposé Первымъ движеніемъ Наташи была самолюбивая радость: о ней вспомнили! она нужна! — вторымъ — безпокойство... Въ тотъ-же вечеръ Левушка проводилъ ее на Ліонскій вокзалъ, а въ двѣнадцать часовъ лунной ночи она ѣхала одна одинешенька по той великолѣпной аллеѣ изъ платановъ, которую разъ увидавши нельзя забыть. Маленькій городокъ уже спалъ. Спали и въ томъ скромномъ отелѣ, гдѣ жилъ Алексѣй Васильевичъ. Но въ его комнатѣ свѣтился огонь.

Струковъ не ждалъ Наташу такъ скоро и въ глубинѣ души боялся, что она и вовсе не поѣдетъ. Онъ былъ, дѣйствительно, нездоровъ—въ жару и оттого съ ослабленными нервами, и, поднявшись на встрѣчу неожиданной гостьѣ, неожиданно расплакался. Наташа совсѣмъ испугалась, пока не убѣдилась, что болѣзнь—легкая простуда, но всетаки заставила Алексѣя Васильевича тотчасъ-же лечь въ постель, выпить горячаго вина, и до утра просидѣла у его изголовья безпрестанно ощупывая его лобъ, нѣжно унимая его нервическую говорливость. Онъ торопливо разсказывалъ, что успѣлъ прочитать въ эти дни, какъ подвинулась его работа, и какъ за «матеріалами британскаго музея» онъ дѣйствительно нѣсколько отсталъ отъ теоретическаго движенія мысли въ экономической наукѣ. Пытался онъ было говорить и объ ихъ супружескихъ размолвкахъ, о томъ, что онъ дрянной, себялюбивый человѣкъ и, конечно, во всемъ виноватъ, а она... Но она закрывала ему ротъ рукою и повелительно произносила:

— Объ этомъ совсѣмъ не смѣй... ни слова!

На утро онъ былъ почти здоровъ и нѣженъ, кротокъ, уступчивъ, а Наташа чувствовала необыкновенную усталость отъ безсонной ночи, и точно заразилась его вчерашней нервозностью. Онъ предложилъ ей поѣхать въ лѣсъ, посѣтить паркъ, осмотрѣть дворецъ, побыть еще денька два въ этомъ тихомъ, идиллическомъ городкѣ, но она сказала, что хорошо помнитъ Фонтенебло и, если можно, то лучше сегодня-же возвратиться.

— Ну, хорошо,—кротко согласился Струковъ, и связывая вещи, спросилъ:—А когда-же въ Россію, моя дорогая?

— Надо собираться,—отвѣтила она.—Моя портниха, кажется, скоро отдѣлается. Какъ вотъ Верховцевъ съ рукописью.

— Ну, хорошо. Пока соберетесь, я, можетъ быть, окончу статью. Это даже хорошо, что не очень скоро уѣдемъ. Спѣши медленно, сказалъ какой-то мудрецъ.

Но случилось такъ, что въ этотъ-же день медленные сборы превратились во что-то похожее на бѣгство. И случилось какъ будто отъ пустяковъ. Съ какой-то станціи, недалеко отъ Фонтенебло, открылся широкій видъ. Холмистая даль замыкалась лѣсомъ; въ глубинѣ долины извилисто протекала рѣка; на берегахъ и на склонахъ пестрѣли деревни... А въ другую сторону тянулась равнина, сплошь засѣянная рожью.

— Миленькій мой! Смотри... какъ въ Россіи!—воскликнула Наташа, высовываясь изъ окна. И, дѣйствительно, въ этомъ просторѣ, въ этихъ даляхъ съ синѣющимъ лѣсомъ, и, особенно, въ этихъ поляхъ съ золотистой рожью, по которымъ такъ и ходили, такъ и лоснились волны, поднятыя сильнымъ вѣтромъ, что-то напоминало Россію. Они долго смотрѣли въ окно... Смотрѣли до тѣхъ поръ, пока горизонтъ снова узился и пошли мелькать аккуратные особнячки, да изгороди, да высокая культура. А потомъ взглянули другъ на друга—въ глазахъ у Наташи стояли слезы—и, безъ словъ, крѣпко, по товарищески пожали другъ другу руки.

Спустя нѣсколько дней ихъ уже обыскивали въ Александровѣ и съ чрезвычайной отчетливостью. По отвычкѣ, нашимъ путешественникамъ было немножко стыдно смотрѣть другъ на друга послѣ такой операціи. Но станціи черезъ двѣ стыдъ пропалъ,—«не дымъ—глаза не ѣстъ!» утверждалъ Петръ Евсѣичъ, и... великая изобрѣтательница такихъ пословицъ, Русь, поглотила ихъ въ свои загадочныя нѣдра.

IV.

Струковы поселились на хуторѣ, въ семи верстахъ отъ Большого Апраксина и въ тридцати отъ города, расположеннаго на берегу Волги. Мѣсто на хуторѣ было хорошее. Недавно отстроенный домикъ изъ смолистыхъ бревенъ весело глядѣлъ съ пригорка на долину. Въ долинѣ протекалъ ручей, тамъ и сямъ перехваченный запрудами; у ручья, недалеко отъ хутора, широко расползлась большая деревня бывшихъ апраксинскихъ крѣпостныхъ, за нею виднѣлась другая деревня, поменьше. Въ ту и въ другую сторону отъ деревень тянулись холмистыя поля; за холмами, точно свѣча изъ желтаго воска, горѣла на солнцѣ своимъ вызолоченнымъ шпилемъ выкрашенная охрою колокольня села Излегощей, а на горизонтѣ, на возвышенности, синѣлъ лѣсъ, отдѣлявшій долину отъ Волги. Вокругъ хутора, вмѣсто сада, росла молодая роща; за рощею развертывалась нетронутая, ковыльная степь... Глубокіе овраги

пересѣкали ее въ разныхъ направленіяхъ. Въ оврагахъ гремѣли ключи, таился густой дубнякъ, въ невѣроятномъ изобиліи созрѣвала ежевика.

Возвращеніе въ Россію сначала нехорошо подѣйствовало на Наташу. Грустно ей было и по дорогѣ, когда мимо безъ конца мелькали сѣренькіе виды, чахлые лѣса, убогія деревушки и еще болѣе убогіе люди, копошившіеся на убогихъ нивахъ; грустно и въ Москвѣ, когда-то внушавшей особый восторгъ, а теперь поразившей ее безпорядочной грудою камней вмѣсто мостовыхъ, смрадомъ, пылью, варварской нелѣпостью красокъ и зданій... Ей все грезились иныя линіи, иныя краски, и, всматриваясь изъ оконъ гостинницы въ цвѣтной винигретъ безвкусной московской старины, въ разрозненные и скучные диссонансы стиснутаго музея, сдавленной городской думы, она чуть не со слезами вспоминала о каменныхъ красотахъ Рима, Парижа, Лондона, съ ихъ благороднымъ темносѣрымъ тономъ, съ ихъ стройной и внушительной музыкальностью, отъ которой чѣмъ-то мистическимъ, вѣчнымъ, зовущимъ въ высь, столько разъ переполнялась ея душа.

А въ Москвѣ пришлось прожить недѣлю, пока Петръ Евсѣичъ, съ помощью своихъ православныхъ знакомыхъ, не нашелъ за-триста рублей смѣлаго попа, обвѣнчавшаго Наташу съ Струковымъ безъ троекратнаго оглашенія и безъ особыхъ справокъ объ ихъ добрачномъ состояніи.

Но когда съ Ярославля поѣхали по Волгѣ, Наташа точно переродилась. Настоящей родиной повѣяло на нее съ этихъ холмистыхъ береговъ, — отъ привольно раскинутыхъ селъ съ старинными церквами, отъ тихихъ, оригинально построенныхъ городковъ, отъ монастырей, когда-то охранявшихъ великую простоту и вѣру, и самосознаніе русскаго народа, измученнаго татарщиной, развращеннаго смутами, закрѣпощеннаго хозяйственной, безпощадной Москвою.

И чѣмъ дальше «внизъ по Волгѣ», тѣмъ дѣлалось шире, свѣтлѣе, просторнѣе—такъ-же, какъ и въ душѣ Наташи... Оригинальность церквей и городовъ пропадала, старыя святыни встрѣчались все рѣже; но на смѣну возникали воспоминанія, мечты... И Наташѣ становилось отчего-то весело и страшно.

И особенно было весело, когда на Волгѣ поднималась «погода»,— сильный вѣтеръ билъ въ лицо, чайки тревожно носились надъ водою, волны роптали съ угрожающимъ шумомъ, даль курилась отъ пѣны и брызгъ, срываемыхъ вѣтромъ, и на горизонтѣ хмурились горы.

И въ зависимости отъ такого настроенія все болѣе тускнѣло передъ Наташей то, съ чѣмъ она такъ еще недавно сравнивала Москву и едва не плакала,—чужіе края расплывались въ какомъ-то туманѣ, не трогая и не волнуя сердце.

Что до того, что тамъ порядокъ, культура, красота и захватывающія перспективы теоретической мысли... Пусть! За то здѣсь свое,

родное, дразнящая неопредѣленность въ будущемъ, демоническая сила въ минувшемъ и, главное, запросы, запросы... безъ уступки и безъ отвѣта.

Алексѣй Васильевичъ былъ первый разъ на Волгѣ, если не считать зимняго пути въ Чердынь и обратно, и, въ противоположность Наташѣ, испытывалъ сначала какое-то недружелюбное чувство къ этой рѣкѣ. Она наводила на него не то уныніе, не то досаду. Слишкомъ пустынно и просторно, слишкомъ неуютно, — онъ не умѣлъ подобрать другого слова,—и невольно въ его памяти вставала иная Русь: тихія степныя рѣчки, свѣтлый прудокъ съ идиллически наклоненными ветлами, мирное спокойствіе гладкихъ, какъ скатерть, полей, курганъ въ отдаленьи, жаворонки въ небѣ, межа—заросшая полынью, пахарь за сохою... такое все смирное, кроткое, безъ кровавыхъ преданій и разбойничьей удали, — тамъ, гдѣ его Куриловка, гдѣ промелькнуло его дѣтство. Только образцово устроенные пароходы, да оживленіе на пристаняхъ, да видъ тамъ и сямъ возникающей промышленности съ настоящимъ европейскимъ пошибомъ нѣсколько примиряли его съ Волгой, — то-есть, то самое, что казалось Наташѣ едва-ли не оскверненіемъ, а ему — переходомъ къ капиталистичесвой формѣ труда и, слѣдовательно, къ прогрессу.

Впрочемъ, и Наташа, и Струковъ были здоровы, бодры, веселы и почти попрежнему влюблены другъ въ друга. Каждый вечеръ они устраивались гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, за чаемъ и хлѣбомъ съ огромнымъ количествомъ свѣжей икры, и, до поздней ночи, а иногда и до зари, говорили о томъ, въ чемъ были совершенно согласны—о предстоящей работѣ, о жизни на хуторѣ. И особенно хорошо было то, что некому было вставлять язвительныя замѣчанія: Петръ Евсѣичъ, еще больше захандрившій послѣ свадьбы, отправился прямо изъ Москвы по желѣзной дорогѣ.

Правда, Наташу подмывало иногда возражать. То, что она наслушалась въ Парижѣ отъ Верховцева, вдругъ смыкалось въ ея мысляхъ съ прошлымъ этой рѣки, однообразно шумящей за кормою, въ воображеніи невольно сопоставлялись типы и факты минувшаго съ тѣмъ, что совершалось такъ еще недавно,—и ей становилось скучно отъ скучной цѣлесообразности ихъ плановъ и предстоящей работы... Но это быстро проходило отъ ласковой улыбки Струкова, оттого, что онъ теперь не сердился и не называлъ Левушкины разсказы «враньемъ», а съ тѣмъ-же огнемъ въ глазахъ и убѣжденнымъ выраженіемъ голоса, какъ когда-то въ Лондонѣ, говорилъ объ эгоистической красотѣ «революціоннаго героизма» и о томъ, что народу отъ этого только хуже.

И еще очень нравилось Наташѣ, что съ каждымъ днемъ ихъ медленнаго путешествія Алексѣй Васильевичъ привыкалъ къ Волгѣ, начи-

налъ находить особое очарованіе въ ея видахъ, и часто, съ раскрытой книгой на колѣняхъ, не отрываясь смотрѣлъ въ ея даль и говорилъ:

— Правда твоя, Наташа... Въ ней что-то есть... Ее можно полюбить, какъ море.

За всѣмъ тѣмъ, когда ночью пріѣхали на хуторъ и когда рано утромъ Струковъ вышелъ на крыльцо, увидалъ ручей, пруды и долину, ощутилъ необыкновенную тишину, стоявшую въ воздухѣ и вдругъ прерванную пѣтушинымъ крикомъ и хлопотливымъ кудахтаньемъ куръ, все въ немъ такъ и задрожало отъ радости.

Почти то-же произошло и съ Наташей. Въ это ясное утро она сразу почувствовала, что ужасно устала отъ отелей, отъ желѣзныхъ дорогъ, отъ многолюдства, отъ «достопримѣчательностей», отъ разныхъ мыслей... и отъ любви, стремительно заполонившей ея душу—точно разливъ въ половодье, устала нервами, умомъ, воображеніемъ, и что эта глубокая тишина обнимаетъ ее, какъ теплая вода въ ваннѣ. Ей не хотѣлось ни думать, ни читать, ни разговаривать о тонкихъ и сложныхъ вещахъ, а просто хотѣлось дышать этимъ чистымъ степнымъ воздухомъ, непрерывно двигаться, говорить о пустякахъ, ощущать прелесть мелочей и хозяйственныхъ заботъ и радостно вслушиваться въ тишину. А мелочей и заботъ было много. То-есть все это было на рукахъ прикащика Олимпія и экономки Гертруды Афанасьевны—безподобныхъ рабовъ, воспитанныхъ еще бывшими помѣщиками, но Наташа такъ-же теперь сгорала желаніемъ растрачивать свою физическую энергію, какъ прежде сгорала въ мечтахъ и въ мысляхъ. Въ первый-же день она обѣжала весь хуторъ, осмотрѣла конюшню, каретный сарай, птичникъ, амбаръ, хлѣвы, кладовыя, избу для рабочихъ, «конторку» для прикащика. Все было обновлено и отстроено въ ея отсутствіе, отъ всего пахло свѣжимъ лѣсомъ, вездѣ уже было населено и наполнено: птицами, коровами, лошадьми, экипажами, съѣстными припасами... А въ домѣ кое-какъ стояла мебель,—ее надо было расположить, какъ слѣдуетъ; надо было распаковать ящики съ книгами, развѣсить платье по шкапамъ, устроить кабинетъ для мужа. Такъ нѣсколько дней подрядъ Наташа не давала никому покоя, носилась, гремя огромной связкой ключей, съ озабоченнымъ и разгоряченнымъ лицомъ, сбила съ ногъ экономку, прикащика, двухъ кухарокъ, двухъ горничныхъ, кучера, рабочихъ...

— Ну, огонь наша барыня!—говорили вечерами въ застольной; говорили, впрочемъ, съ удовольствіемъ, потому что работа кипѣла безъ строгости, съ шутками, съ разспросами о домашнихъ дѣлахъ, и, главное, всѣмъ было прибавлено жалованье, для всѣхъ улучшена пища и выдавался чай.

Алексѣй Васильевичъ чувствовалъ себя совершенно лишнимъ въ такой суетѣ и хотя не могъ не любоваться на жену въ этой новой для

нея полосѣ хозяйственной страстности, но въ глубинѣ души это ему несовсѣмъ нравилось.

— Не боишься ты... поглупѣть?—посмѣиваясь, спросилъ онъ Наташу, когда она однажды въ изнеможеніи упала на кресло въ его кабинетѣ и, машинально перебирая ключи, задумалась о чемъ-то.

— Ахъ, Создатель мой, да я ужъ чувствую, что глупа,—отвѣтила она съ разсѣянной улыбкой.—И какъ это хорошо, еслибъ ты зналъ!.. Что ты читаешь?

— Астырева, въ волостныхъ писаряхъ. Но надо-бы начинать и другое... Знакомиться съ крестьянами, узнать про школу...

— Хорошо—Астырева?

— Удивительно правдиво и интересно. Хочешь вмѣстѣ прочитаемъ?

— Отвратительная школа... тѣсно, угарно... Пять лѣтъ, а въ деревнѣ никто не умѣетъ написать письма! Учитель уходитъ въ писаря. Каковъ-то новый будетъ...

— Откуда ты успѣла узнать?

— Всѣ знаютъ. Работникъ Агафонъ отлично знаетъ. Подпасокъ Вася двѣ зимы ходилъ—не умѣетъ читать. Дѣвочекъ вовсе не пускаютъ.

— Такъ надо-бы поговорить съ крестьянами...

— Ахъ, погоди, миленькій, дай образумиться. Хорошо, хорошо, прочитаемъ вмѣстѣ... А теперь прощай, надо бѣжать, коровъ пригнали... Вотъ удовольствіе—доить, еслибъ ты зналъ! Отчего ты самъ не переговоришь съ крестьянами?

«Оттого, что я не хозяинъ здѣсь», хотѣлъ было сказать Струковъ, но промолчалъ, боясь обидѣть жену. Въ сущности, ему дѣйствительно было неловко въ роли ничего не дѣлающаго и ничего не имѣющаго «перелыгинскаго зятя». Противное это словечко онъ самъ подслушалъ въ разговорѣ кучера съ пріѣзжимъ мясникомъ, и еще слышалъ, какъ называли хуторъ—«затевымъ хуторомъ». И онъ предпочиталъ, никуда не показываясь, сидѣть въ кабинетѣ, читать, готовиться къ должности мирового судьи, въ которую надѣялся быть выбраннымъ.

Приходили мужики изъ ближней деревни, принесли хлѣбъ-соль и два вышитыхъ полотенца; просили сдать отаву подъ пастьбу, жаловались на «утѣсненье»,—они были на «даренкѣ». Струковы поили ихъ чаемъ и, неслыханное дѣло, за однимъ столомъ съ собой, но отаву, оказалось, сдать нельзя, потому что Олимпій отдалъ ее купцамъ подъ гурты. Алексѣй Васильевичъ, гораздо болѣе сконфуженный этимъ «общеніемъ», нежели сами мужики, невпопадъ спрашивалъ, некстати употреблялъ книжныя слова и плохо понималъ отвѣты,—и отчасти завидовалъ Наташѣ, которая, непринужденно разставивъ на столѣ локти, цѣдила чай съ блюдечка и все наводила разговоръ на училище, выражаясь точно и просто.

И крестьяне сразу замѣтили, что «сила въ самой», такъ что черезъ полчаса Струковъ свободно могъ уйти къ себѣ въ кабинетъ и засѣсть за книжку Неклюдова: къ нему никто не обращался; а когда вышелъ проститься, то узналъ, что Наташа на свой счетъ перестраиваетъ школу и дѣлается попечительницей, и что въ будущемъ году значительная часть покоса и отавы обѣщана крестьянамъ.

— Это, миленькіе, половина дѣла,—говорила Наташа, пожимая заскорузлыя руки депутатовъ,—вотъ поближе узнаемъ другъ дружку, да и хозяинъ мой осмотрится, можетъ быть, и еще что придумаемъ. Станемъ жить по-сосѣдски.

И «хозяинъ» въ свою очередь прикасался къ заскорузлымъ рукамъ и, напряженно улыбаясь, бормоталъ, что очень радъ, что въ слѣдующій разъ онъ подробно переговоритъ съ ними объ ихъ «экономическомъ положеніи», и злился на самого себя за эту улыбку и за то, что не говоритъ по-человѣчески, а бормочетъ.

— Погоди, Алеша, образуется! Это оттого, что ты «головастикъ» у меня, смотришь на людей сквозь книжку...—утѣшала его жена, когда мужики ушли, и, развеселившись, вскочила къ нему на колѣни, путала его волосы, звонко смѣялась, повторяя: «головастикъ! головастикъ!»

Не все, однако, сидѣли на хуторѣ. Иногда Струковъ отправлялся съ Петромъ Евсѣичемъ по уѣзду—къ предводителю, къ выдающимся земцамъ, къ вліятельнымъ помѣщикамъ. Иногда, въ сопровожденіи того-же Петра Евсѣича, или вдвоемъ съ Наташей, они ѣздили верхомъ по окрестности... И вотъ, когда ѣздили вдвоемъ, ихъ посѣщали чудныя настроенія. Этимъ настроеніямъ не мѣшало даже и то, что Алексѣй Васильевичъ верхомъ на лошади былъ труслив и неловокъ до смѣшного. Истинный горожанинъ по своимъ привычкамъ, да притомъ еще русскій либеральный горожанинъ, онъ былъ глубоко убѣжденъ, что если лошадь не въ сохѣ и вообще не кляча, такъ она затаенный врагъ человѣка, а всякаго рода спортъ—скучная и зазорная трата времени и денегъ. И за то Петръ Евсѣичъ, страстный спортсменъ и знатокъ лошадей, обливалъ его учтивымъ презрѣніемъ, Наташа жестоко подсмѣивалась надъ нимъ. Странно было смотрѣть на нихъ, когда гдѣ-нибудь на просторѣ она нарочно пускала во весь карьеръ горячаго и рѣзваго карабаха, а Струковъ летѣлъ за нею, угловато сгорбившись, взмахивая локтями, съ безсмысленно сосредоточеннымъ взглядомъ, устремленнымъ на поджатыя уши своего темнорыжаго меринка.

— Тише, тише, сумасшедшая!—кричалъ онъ,—увѣряю тебя, это хитрое животное собирается сбросить меня съ сѣдла.

Наташа оборачивала къ нему разгорѣвшееся лицо, весело хохотала восклицая:—О, трусъ! о, жалкое порожденіе цивилизаціи... Смирнѣе твоего Ваньки нѣтъ лошади въ свѣтѣ!—Но, наконецъ, сдерживала коня

и они ѣхали шагомъ. И какъ восхищался ею успокоенный въ своей безопасности Струковъ. Грудь ея волновалась, возбужденное лицо дышало какою-то юношескою отвагой, въ сіяющихъ глазахъ свѣтилась самоувѣренная удаль... А со стороны можно было подумать, что въ этой парѣ ей, а не ему принадлежитъ первенство, и что слова апостола: «жена да боится своего мужа» прозвучали надъ ними совсѣмъ напрасно.

Черезъ лѣсъ и холмы пробирались иногда къ Волгѣ, и вотъ гдѣ овладѣвало ими какое-то смѣшанное чувство восторга и печали. Оставивши лошадей въ ближней деревушкѣ, они садились гдѣ-нибудь на возвышенности и цѣлые часы проводили тамъ, упоенные видомъ захватывающей дали, сверкающимъ пространствомъ огромной рѣки. На той сторонѣ кудрявились лѣса, тамъ и сямъ стройно бѣлѣлись церкви, въ далекой излучинѣ берега пестрѣлъ своими крышами небольшой городъ. По рѣкѣ медленно двигались барки, плоты, едва примѣтныя лодки, иногда пробѣгалъ съ торопливымъ пыхтѣньемъ пассажирскій пароходъ... Порою доносилась заунывная пѣсня, свистокъ гудѣлъ, вызывая въ горахъ протяжный откликъ, плакала чайка, взрѣзая воду острымъ крыломъ... И, несмотря на эти звуки и на движеніе, стояла такая величавая тишина, что въ какомъ-бы шумномъ настроеніи ни приходили Струковы, они невольно умолкали, или говорили вполголоса. Алексѣй Васильевичъ сознавалъ теперь, что было что-то неизъяснимое въ картинѣ этой рѣки съ уходящими въ безконечную даль берегами, съ загадочнымъ туманомъ на горизонтѣ. Что-то въ ней звало и манило къ себѣ, какія-то крылья выростали отъ ея простора, слагались широкія, волнующія мечты... Но о чемъ мечты? Куда летѣть на тѣхъ крыльяхъ? Откуда слышенъ призывъ и къ чему?—Не было отвѣта.—«Точно Россія!» вырвалось однажды у Струкова съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ досады.

— Какое ты слово сказалъ...—задумчиво произнесла Наташа и, помолчавъ, глубоко, глубоко вздохнула.

И обыкновенно возвращаясь оттуда, они каждый разъ уносили съ собой впечатлѣніе какой-то силы, чего-то такого, что повергало ихъ въ серьезное раздумье, настраивало ихъ мечты на высокій, немножко грустный ладъ.

Возвращались обыкновенно къ вечеру. Косые лучи ложились на поля; пахло дымкомъ, полынью, спѣлымъ хлѣбомъ; стада подымали клубы румяной пыли; пастухъ игралъ на жилейкахъ, гдѣ-то въ лѣсу переливисто и звонко ржалъ жеребенокъ; телѣга стучала по дорогѣ, затерянной въ хлѣбахъ; колоколъ гудѣлъ къ вечернѣ... А дальше загорались звѣзды и тихая, теплая ночь мирно опускалась надъ окрестностью.

Въ половинѣ зимы Алексѣй Васильевичъ сталъ мировымъ судьею. Для утвержденія въ этой должности ему тотчасъ-же послѣ выборовъ пришлось съѣздить въ губернскій городъ и въ Петербургъ, и отдать

тамъ нѣкоторый отчетъ, а Петру Евсѣичу пустить въ дѣйствіе всѣ чары и связи своей «фирмы», дабы убѣдить кого слѣдуетъ, что это ничего, что судейскую цѣпь надѣнетъ человѣкъ, побывавшій въ Чердыни и Лондонѣ и женатый на бывшей «раскольницѣ»... Но въ концѣ концовъ дѣло уладилось, и Струковъ, въ предѣлахъ тогда уже заподозрѣнной компетенціи мировыхъ учрежденій, могъ безпрепятственно давать судъ и расправу тридцатитысячному населенію «пятаго участка».

Хлопоты по выборамъ и утвержденію, а потомъ по устройству камеры и канцеляріи такъ и помѣшали Алексѣю Васильевичу сблизиться съ деревнею и чувствовать себя съ мужиками, какъ съ равными людьми. Затѣмъ и то въ его глазахъ все болѣе не подлежало спору, что судьѣ неудобно очень-то сближаться, и достаточно отстаивать правду и справедливость въ камерѣ; что-же касается до экономическихъ предпріятій, онъ предполагалъ въ ближайшемъ будущемъ замѣнить Олимпія агрономомъ изъ саратовской школы, устроить общественную лавку, складъ сѣмянъ и сельско-хозяйственныхъ орудій, какое-нибудь кредитное учрежденіе,—однимъ словомъ, все то, что еще намѣчалось въ Лондонѣ... А пока хуторъ напоминалъ въ этомъ отношеніи усадьбу «хорошихъ господъ» при крѣпостномъ правѣ: мужики приходили просить «способьица» и получали деньги, лѣсъ, хлѣбъ... даже одежду, Впрочемъ, непремѣнно «взаймы» и съ записью въ особо заведенную книгу.

Наташу утвердили попечительницей школы гораздо скорѣе, нежели Алексѣя Васильевича судьею. Получивъ о томъ бумагу, та немедленно выписала изъ Москвы учебныя пособія, народныя книжки, волшебный фонарь съ картинами,—просила магазинъ отобрать по этой части все, что есть лучшаго, и пригласила къ себѣ вновь назначеннаго учителя и того изъ двухъ священниковъ села Излёгощей, который и прежде преподавалъ въ школѣ Законъ Божій. Ей хотѣлось поговорить съ ними о планѣ занятій, объ устройствѣ народныхъ чтеній, о воскресныхъ классахъ и вообще вывѣдать, какъ они смотрятъ на «народное образованіе».

Учитель оказался бѣлобровымъ и бѣлоусымъ пареньком изъ крестьянъ, съ затаеннымъ влеченіемъ къ цвѣтнымъ галстухамъ, цѣпочкамъ и ярко вычищеннымъ сапогамъ, съ большимъ презрѣніемъ къ «деревенскому невѣжеству», но добродушный и какъ-будто готовый усердно подражать «развитымъ» людямъ, не только въ образѣ ихъ жизни, а и въ идеальныхъ стремленіяхъ. Въ домѣ Струковыхъ его такъ поразили красивыя вещи,—мебель, гравюры на стѣнахъ, бронзовыя лампы и часы, рояль съ механическимъ таперомъ, серебрянная посуда въ буфетѣ, что онъ только посматривалъ вокругъ восхищенными глазами, и, когда достаточно осмѣлился, подходилъ на цыпочкахъ къ вещамъ и осторожно потрогивалъ ихъ пальцемъ, а когда еще больше осмѣлился, сталъ спрашивать Наташу о цѣнѣ вещей и благоговѣйно пока-

чивать головою. Говорилъ онъ курьезно. Такъ, вмѣсто того, чтобы сказать: «погода сегодня хорошая», онъ говорилъ: «сегодняшній день въ атмосферѣ замѣчается благораствореніе», и вмѣсто «согласенъ»—«солидаренъ», вмѣсто «надѣюсь» — «имѣю въ надеждѣ», или «имѣю въ идеалѣ»; лицо называлъ «физіогномія», прогрессъ—«прогрессивность», и до слабости любилъ вставлять слова; «абсолютно» и «раціонально». На Наташу онъ сначала и взглядывать не рѣшался: она его положительно ослѣпляла и красотою, и тѣмъ, что «роскошно одѣта» (она была въ своемъ персидскомъ халатикѣ), и что отъ нея пахнетъ какими-то «аристократическими духами», и что «очень образована». Но когда совсѣмъ осмѣлился, поощряемый любезностью и простотою обращенія, то подумалъ, что надо поддержать «собственное достоинство» и, подъ конецъ визита, засунулъ руки въ карманы штановъ, пытался закидывать ногу за ногу, бросалъ окурки на полъ, и такъ развалился на диванѣ, что между жилетомъ и штанами обозначилось бѣлье. Впрочемъ, во всемъ соглашался съ Наташей, искренно былъ готовъ дѣйствовать по ея планамъ.... Эти планы хотя и выходили изъ предѣловъ отлично имъ зазубренной школьной программы, но онъ наивно вѣрилъ, что такая «богачка» все можетъ.

Во всякомъ случаѣ Наташа въ тотъ-же день написала мужу, бывшему въ губернскомъ городѣ, что учитель—уморительный и наводитъ на грустныя размышленія о постановкѣ дѣла въ педагогическихъ семинаріяхъ, но, кажется, его возможно «обломать». Въ сущности, ее значительно подкупило то обстоятельство, что Золотушкинъ,—такъ звали учителя,—обѣщалъ быть вполнѣ послушнымъ и смотрѣлъ на нее, какъ на существо иной, высшей породы.

Гораздо хуже вышло съ отцомъ Демьяномъ. Тотъ, какъ пріѣхалъ, мгновенно наполнилъ всю комнату шумомъ своей новой шелковой рясы и какимъ-то язвительнымъ звукомъ голоса. И лицо его съ оплывшими чертами, съ шныряющими по сторонамъ глазами, съ обидчивымъ и недоброжелательнымъ выраженіемъ на тонкихъ губахъ, ужасно не понравилось Наташѣ. Пріѣхалъ онъ не одинъ, а въ сопровожденіи псаломщика, тонкаго, вихрястаго, длиннаго молодого человѣка въ отрепанномъ подрясникѣ, очевидно запуганнаго свыше всякой мѣры и бѣднаго до нищенства, но съ умнымъ и добрымъ лицомъ, пріятность котораго даже не портили необыкновенно красныя и густыя веснушки; подъ мышкой у псаломщика былъ узелокъ.

— Понимаю такъ, госпожа... Во имя Отца и Сына... что я приглашенъ отслужить молебенъ по случаю новоселья?—развязно объявилъ о. Демьянъ, благословляя Наташу,—хе, хе, хе, поздненько, поздненько хватились. Ну, да что съ вами дѣлать: не пріобыкли къ уставамъ нашей матери, православныя церкви... Да-съ.

Наташа скрѣпилась и кротко отвѣтила, что дѣйствительно еще не привыкла и что очень проситъ отслужить.

— Все, конечно, съ водосвятіемъ?—спросилъ о. Демьянъ и, съ грубостью поразившею Наташу, бросилъ въ сторону псаломщика:—Инокентій, валяй съ водосвятіемъ.

Послѣ молебна сѣли,—Инокентій въ отдаленіи на кончикѣ стула, и Наташа заговорила о школѣ. И о. Демьянъ сразу заявилъ, что «въ виду отлично-превосходныхъ статеекъ сіятельнаго вельможи, князя Мещерскаго и циркуляровъ епархіальнаго вѣдомства», лучше всего переименовать училище въ церковно-приходское, какъ ужъ это совершилось въ Излёгощахъ съ помощью благотворителя Михея Анкиндиновича Юнусова.

— Это кабатчикъ Юнусовъ? процентщикъ? ябедникъ? — сердито сдвигая брови спросила Наташа.

— Вотъ ужъ какія у васъ свѣдѣнія, госпожа... хе, хе, хе. Да-съ, лихву беретъ, ее-же бралъ и мытарь, и питейное заведеніе содержитъ, святой равноапостольный князь Владиміръ не даромъ провозгласилъ: «Руси есть веселіе пити». Но неизвѣстно—какъ новые прихожане, о Михеѣ-же Анкиндиновичѣ могу по совѣсти и по священству свидѣтельствовать: подлинный ревнитель церкви Божіей... Да-съ. А если вамъ что нибудь мужичишки наболтали—не вѣрьте: не только Юнусова, меня, пастыря своего, оболгутъ. Народъ закоснѣлый, весьма. Въ семи водахъ не вываришь... Да-съ.

— Это все равно. Школа—земская и будетъ земская. Я только хотѣла узнать...

Но о. Демьянъ не слушалъ и все болѣе и болѣе возвышалъ непріятно дребезжавшій голосокъ:

— Кумъ Михѣй, долженъ вамъ объяснить, госпожа, высшему, жандармскому начальству извѣстенъ за патріота... Да-съ. Подобно-же сему десять лѣтъ назадъ проявились въ нашей мѣстности соціалисты и корреспонденты... Да-съ. Будто-бы волостной писарь и будто-бы его гость изъ столицы... Да-съ. Я опороченъ ими, госпожа, въ журналахъ опороченъ... (о. Демьянъ взвизгнулъ на этихъ словахъ), полнымъ именемъ... Крестовоздвиженскій... Даміанъ... Да-съ. Ну, да ничего. Крамолу-то фю, фю... на курьерскихъ... Нужды нѣтъ—я, молъ, газетный сотрудникъ, пожалуйте! съ жандармомъ! А мы съ кумомъ Михеемъ, слава Создавшему намъ свѣтъ, вотъ они, живехоньки... хе, хе, хе!

— Ну, батюшка, этому времени не возвратиться,—стараясь сохранить измѣнявшее ей хладнокровіе сказала Наташа.

— Вотъ этакъ-то? Н-не знаю... Н-не думаю...

— На Волгѣ тогда дѣйствительно были революціонеры...

— Ага! и вамъ извѣстны...

— И очень понятно, что власть легко было ввести въ заблужденіе... разными Юнусовыми.

— Какъ-такъ въ заблужденіе, госпожа? Почему въ заблужденіе, ежели я вижу превратную пропаганду и по долгу присяги доношу?

— Въ чемъ-же заключалась пропаганда?

— Не смѣй пастыря духовнаго публиковать.

— Но за это можно въ судъ?

— Ах-ха, ха, ха... А въ судѣ кто? Они-же, сатанины дѣти? Воочію изслѣдовано патріотической прессой, кто въ судѣ. Матерь Митрофанію упекли... чего-же было ожидать? А почему, осмѣлюсь полюбопытствовать, вамъ какъ будто непріятенъ этотъ мой разговоръ?

— Нѣтъ, что-же, говорите...

— Нѣтъ, почему-же-съ? Я вашъ пастырь, духовный отецъ... желаете воспитаніемъ православныхъ отроковъ руководить... и вдругъ вамъ какъ будто непріятно? ась?

Наташа вспыхнула и готова была отвѣтить дерзостью, но въ это время Инокентій крякнулъ и странно громкимъ для своей приниженной позы голосомъ произнесъ:

— Не будетъ-ли милость ваша закусить, Наталья Петровна?

Какъ она была благодарна этому веснушчатому человѣку! Вмигъ ее негодованіе замѣнилось смѣшливостью, и, притворно входя въ роль любезной хозяйки, она обратилась къ о. Демьяну:

— Ну, что тамъ, батюшка, неисповѣдимое исповѣдывать, пожалуйте-ка въ столовую.

— Нѣтъ, однако-же?—настаивалъ о. Демьянъ слѣдуя за нею, но когда растворилась дверь и показалась разнообразно сервированная закуска съ рядомъ графинчиковъ и бутылокъ, онъ неожиданно преобразился и, разставивъ руки, отчего сдѣлался какъ будто крылатымъ, воскликнулъ:

— Что за яства! Что за напитки! По истинѣ, госпожа, Валтазарово пиршество намъ устроили... Похвально, похвально. (И съ прежней грубостью) Инокентій, садись.

Самъ-же, прежде чѣмъ сѣсть, ходилъ нѣсколько времени вокругъ стола, сладострастно причмокивая губами, низко наклоняясь, нюхая,—и указывая перстомъ на бутылки, спрашивалъ: — Номеръ сороковой?.. Горькая?.. На рябинѣ?.. Зубровка?..—Потомъ сѣлъ и сказалъ съ глубокимъ вздохомъ:—Недостижимо... Недостижимо сельскому священнослужителю. Бываючи у брата, консисторскаго секретаря, пробовалъ. Все пробовалъ... да-съ. Но и только, и только, госпожа. И не вѣрьте мужичишкамъ. Прикажете приступить? Сороковой номеръ, сороковой номеръ соблаговолите... Хе, хе, хе, слеза и кристаллъ! Во имя Отца и Сына...—Онъ методически отвернулъ рукавъ рясы и, поддерживая трясущуюся

руку другой рукою, медленно выпилъ. И вдругъ на его зажмуренномъ лицѣ изобразилось такое страданіе, что Наташа подумала не другое-ли что-нибудь въ графинѣ вмѣсто водки и испугалась, но лицо понемногу стало свѣтлѣть, глаза раскрывались, страдальческая гримаса погасала... и все озарилось блаженнѣйшей улыбкой.

— Пей, Инокентій, сороковой номеръ, — выговорилъ онъ нюхая корочку чернаго хлѣба,—превыше сего дерзали, да не достигли, ни госпожа вдова Попова, ни господинъ Штритеръ.

— А вамъ, отче, теперь иного сорту благословите? спросилъ Инокентій.

— Паки и паки сороковой, дурашка. За ваше здравіе, госпожа!

И долго продолжалось это «паки и паки» и «пей, Инокентій!» и «за ваше здравіе!», при чемъ о. Демьянъ только послѣ четвертой рюмки приступилъ къ «солененькому», Инокентій-же сразу навалился на пирогъ и на жаренаго гуся. Потомъ о. Демьянъ заговорилъ, и уже гораздо благосклоннѣе, нежели натощакъ, хотя до конца не оставлялъ своего ехидства.

— Гдѣ-же нынѣ супругъ вашъ, госпожа?—спрашивалъ онъ.—Почему ни разу не удостоилъ храмъ Божій посѣтить? Напрасно, напрасно. Да-съ. А родитель вашъ... Коснѣетъ? Все въ заблужденіи коснѣетъ? Съ такими-то можно сказать сокровищами... ах-ха, ха, ха.

— Отецъ съ уваженіемъ относится ко всякой вѣрѣ. На его-же счетъ я вотъ буду помогать школѣ. Стало быть и вамъ, православному законоучителю...

— Въ какихъ сіе смыслахъ?—съ оживленіемъ спросилъ о. Демьянъ.

— Буду приплачивать къ земскому жалованью, оно вѣдь такое ничтожное.

— Ага... Похвально, похвально. И велика-ли предвидится цифра надбавки, осмѣлюсь полюбопытствовать?

— Сто рублей я думаю...

— Гм... И сто-двадцать, напримѣръ, для легчайшаго исчисленія? Мужичишекъ, мужичишекъ-то не балуйте. Наслышанъ—щедрой рукою поощряете ихъ лѣность. Жалко, воистину жалко. Расточить легко... охъ, госпожа, сколь легко расточить, но собрать... Да-съ. И къ чему? Мужикъ прирожденъ работать... въ потѣ лица... Пей, Инокентій!.. А жертвы отъ васъ не видимъ. Вотъ колоколъ... ограда... утварь позолотить... Чья обязанность? ась? Обязанность взысканныхъ щедротами прихожанъ... наипаче вновѣ вступившихъ въ лоно церкви,—а вы, госпожа, уклоняетесь.

— Все современемъ, батюшка. Но какъ на счетъ школы...

— Согласенъ, за сто-двадцать рубликовъ согласенъ. Охъ, прозираю, куда клоните, хе, хе, хе!.. Буду, буду имѣть косвенное наблюденіе,

госпожа... А ежели угодно, чтобы въ полглаза наблюдать—этакъ вотъ, (о. Демьянъ лукаво прищурилъ одинъ глазъ)—этакъ смотря по вашему усердію. Ну, сѣнца тамъ, бревнышекъ, лошадку взять на прокормленіе... ась?

— Но и преподавать, кромѣ наблюденія?

— Хе, хе, хе, нужно-ли тебѣ сіе, госпожа!.. Ну да, все, конечно, и преподавать. По-прежнему. Но часто не могу, нѣтъ-съ, увольте... Что-же, ничего, учитель долженъ преподавать. Ты ему прибавь изъ сокровищъ родителя и ничего, и пусть себѣ.

— Вѣдь онъ не имѣетъ права?

— Хе, хе, что права, сударыня, какія права... За ваше вожделеннѣйшее!

— Однако, пріѣдетъ инспекторъ...

— И пускай его пріѣдетъ. Всѣ мы человѣки. Инспекторъ выше описанія какой господинъ. И взаймы, взаймы, шельмецъ... Охъ, любитъ брать взаймы. Я вамъ вотъ что доложу, госпожа... на ушко, на ушко... Кто сокровища пріумножилъ—у того и права... хе, хе, хе!.. Наливай, Инокентій.—Но не возносись, барыня, да-съ! Милліонщикъ былъ Кандалинцевъ... слыхала? А не поладилъ съ духовнымъ пастыремъ, и, тово... Училище на свой счетъ желаю содержать,—не надо! Двѣсти десятинъ даю на предметъ вѣчнаго обезпеченія,—не желаемъ! Туды-сюды, кинулся въ иное вѣдомство... Агрономическое желаю! пятьсотъ десятинъ!.. отваливай, не нуждаемся! Хе, хе, хе... А началось съ попа.

Наташа, дѣйствительно, слыхала объ этой неправдоподобной исторіи съ либеральнымъ золотопромышленникомъ Кандалинцевымъ, и въ общихъ чертахъ о. Демьянъ передавалъ вѣрно; но она тотчасъ-же подумала, что и это происходило давно, и не примѣръ, и нечего бояться этого несчастнаго алкоголика. Тѣмъ не менѣе ея настроеніе становилось хуже и хуже, и мелькала мысль попросить батюшку удалиться, и о томъ думала съ чувствомъ близкимъ къ отчаянію, что мечты о хорошей, о «настоящей» школѣ неосуществимы, что и сносную-то можно устроить лишь поддерживая отвратительныя связи. А о. Демьянъ продолжалъ все болѣе впадая въ фамильярный тонъ:

— Ты за пастыря держись, госпожа... И спасетъ и сохранитъ тя отъ всякія скверны. Не брезгуй... Не возносись... Паки рябиновой, Инокентій. — И передъ кумомъ не возносись... на ушко... на ушко: скотоподобенъ сей мужъ... каверзникъ... тать... прелюбодѣйца... по священству могу засвидѣтельствовать, но... патріотъ, понимаешь? А ты-бы вотъ какъ ежели ты не горда: пришли этакъ икорки, балычка, напитковъ, да и сама этакъ... А у меня кстати и попадья именинница... въ четвергъ... Въ рамсъ играешь?.. Напригласимъ гостей... всеконечно

и Михейку Юнусова... Ась? Вѣрно тѣ говорю: не только учитель—родитель твой пусть орудуетъ... по старинкѣ! по старинкѣ!.. и покроемъ, и сохранимъ тя отъ всякія напасти... хе, хе, хе! За ваше здравіе.

Совершенно обезкураженную этой перспективой рамса и именинъ, Наташу опять утѣшилъ, однако, Инокентій. И по своему обыкновенію неожиданно. Когда о. Демьянъ, пошатываясь, вышелъ изъ комнаты, онъ воровски глянулъ ему вслѣдъ и, быстро, сиплымъ шепотомъ забормоталъ:

— Не споетесь, Наталья Петровна. Натощакъ—сущій кляузникъ и злецъ, въ пьяномъ видѣ — одно слово скандальникъ. Вы маленько годя удалитесь... отъ грѣха: не уйдетъ покуда не свалится. И для дамскихъ ушей неудобенъ. Вотъ какой фруктъ—мы съ отцомъ Афанасіемъ третій на него доносъ анонимный посылаемъ. Замучилъ!

— Но какъ-же быть съ школой?—тоже шепотомъ спросила Наташа.

— Къ отцу Афанасію обратитесь. Препочтенный старикъ. И обремененъ многочисленнымъ семействомъ... Признаться я на его дочери женюсь (Инокентій скромно потупилъ глаза). А этого... Вотъ только дай Бога братца, секретаря, прогнали-бы... Этого мы ниспровергнемъ.

— Зачѣмъ-же все-таки анонимно-то?

— Эхъ, матушка Наталья Петровна, ничего вы въ нашемъ духовномъ положеніи не понимаете... Тсс... идетъ... Поговорите-же съ нарѣченнымъ тестемъ.—Потомъ крякнулъ и громко произнесъ: Н-да-съ, подлинно-съ, преавантажный у васъ домокъ...

Вскорѣ Наташа замѣтила, чтой ей дѣйствительно надо уйти и заперлась въ своей комнатѣ, отрядивши вмѣсто себя Гертруду Афанасьевну...

На другой день пріѣхалъ на косматой, мужицкой кляченкѣ отецъ Афанасій, другой Излегощинскій священникъ, и заставилъ Наташу забыть непріятное знакомство съ о. Демьяномъ. Это былъ сѣдой, густоволосый старикъ съ голубыми, младенчески наивными глазами, съ безконечно доброй и грустной улыбкой и робкими манерами. Сначала онъ все покашливалъ въ руку, да оправлялъ свою поношенную ряску и внимательно всматривался въ Наташу; но за чаемъ,—отъ водки и закуски онъ отказался, — если и не очень разговорился, то много разспрашивалъ. И потомъ сказалъ съ задумчивымъ видомъ;

— Дай Богъ, дай Богъ, хорошее дѣло. Темнота даже до избытка... По малодушію даже въ отчаянность приводитъ эта пуще языческой темнота. Только вотъ съ отцомъ-то Даміаномъ... Видите, это въ его приходѣ, не въ моемъ.

— Но мы хотимъ быть въ вашемъ.

— Вы-то такъ, положимъ; вы—землевладѣльцы. Но училище въ деревнѣ, мужички не имѣютъ правовъ самопроизвольно мѣнять приходъ.

— Тогда я напишу ему, что несогласна на прибавку къ земскому жалованью, онъ и откажется.

— Ну, нѣтъ, матушка, врядъ-ли откажется. Чтобы досадить не откажется.

— Но, вѣдь, онъ учитъ въ церковно-приходской?

— Онъ, онъ... Не допустилъ меня. Изъ-за камилавки землю роетъ.

— Ну, вотъ, такъ и подадимъ заявленіе, что о. Демьянъ занятъ, а вы свободны.

— Съѣстъ онъ меня, милуша, поѣдомъ съѣстъ. Семейка-то у меня велика... куда дѣться?... А иное дѣло, что-же это я, — онъ стыдливо покраснѣлъ и заторопился.—вы еще, пожалуй, подумаете: выторговываетъ старый попъ... Давайте-же листъ бумаги. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...—и вдругъ щегольнулъ латынью и по дѣтски разсмѣялся. Амикусъ Плато, седъ магисъ амика веритасъ!

— А мы все-таки и о вознагражденіи условимся...—начала-было Наташа, когда о. Афанасій, написавши заявленіе, сталъ прощаться.

— Ни, ни, ни,—заспѣшилъ онъ отмахиваясь и снова вспыхивая стыдливымъ румянцемъ,—это ужъ тамъ... это ужъ послѣ какъ нибудь...—и совершенно некстати опять щегольнулъ латынью и опять по дѣтски разсмѣялся:—нолите миттере маргаритасъ анте поркосъ!

Правда, спустя нѣсколько дней пріѣхалъ Инокентій съ нарѣченной тещею, много плакались на бездоходность прихода, лучшая часть котораго была у о. Демьяна, на то, что нечѣмъ воспитывать и не во что прилично одѣть дѣтей, и выпросили семьдесятъ-пять рублей впередъ, да три воза сѣна, да возъ муки, да чтобы два подтелка проходили лѣто на Струковской степи. Но Наташа была увѣрена, что о. Афанасій тутъ ни при чемъ, а что нужда, дѣйствительно, велика, и не только исполнила всѣ просьбы попадьи, но подарила еще шелковое платье для невѣсты Инокентія, за что попадья, внезапно сорвавшись съ мѣста, чмокнула ее въ руку... Долго горѣлъ этотъ раболѣпный поцѣлуй на рукѣ Наташи, и многое она простила за него русскому православному духовенству.

А о. Демьянъ какъ только узналъ о приглашеніи о. Афанасія, такъ сдѣлался лютѣйшимъ врагомъ новыхъ землевладѣльцевъ. Впрочемъ, явно не обнаруживалъ этой вражды, отчасти потому, что его поведеніе послѣ «сороковаго номера», рябиновой, горькой и иныхъ сортовъ было черезчуръ неосторожно, а отчасти потому, что Алексѣй Васильевичъ былъ избранъ и утвержденъ мировымъ судьею.

Перестройка школы нѣсколько запоздала, и занятія пришлось начать съ поздней осени. Въ просторное помѣщеніе, разсчитанное и на воскрес-

ные классы, и на народныя чтенія, оказалось возможнымъ принять много новенькихъ. Съ прежними почти весь школьный возрастъ деревень Большой и Малой Межуевой посѣщалъ теперь училище, разумѣется—считая этотъ возрастъ не по заграничному, а отъ 10 до 14 лѣтъ. То-есть, сначала-то не «посѣщалъ», а былъ только «записанъ», да и то по убѣдительной просьбѣ Наташи, которая лично уговаривала упрямившихся родителей, обѣщая, что теперь «учеба будетъ настоящая», что бумага, карандаши, перья, грифеля будутъ выдаваться безплатно, что ребятишки не станутъ, какъ прежде, «блевать» отъ угара и спертаго воздуха и «слѣпнуть» оттого, что темно. Потомъ пошли «манкировки», и въ ужасающемъ количествѣ, то потому, что «нѣтути одежи, обувка разбилась, тятька не пустилъ—овесъ молотили, мамка не велѣла—на рѣчкѣ была, за малыми ребятами некому присмотрѣть», то просто «такъ», безъ всякаго повода. И этотъ «самый страшный порокъ русской народной школы» продолжался до тѣхъ поръ, пока Наташа не устроила безплатную столовую, и не пріобрѣла для самыхъ бѣдныхъ валенки и теплую одежду. Обошлось это не дешево. По расчету Алексѣя Васильевича, каждая школа при такихъ условіяхъ должна-бы затрачивать за зиму, сверхъ обычнаго своего бюджета, до пяти рублей на ученика. Но за то эфектъ вышелъ поразительный. Вмѣсто 15%, а ближе къ веснѣ и до 50% отсутствующихъ, въ классы не являлось самое ничтожное число, а главное, ребята почти весь день находились въ школѣ, т. е. въ свѣтломъ, просторномъ и сухомъ помѣщеніи, и гораздо дружнѣе и внимательнѣе учились. Образовывалась привычка къ школѣ, какъ къ своему дому, вотъ что было самое главное. Алексѣй Васильевичъ торжествовалъ, доказывая Наташѣ на этомъ примѣрѣ преобладающее могущество «экономическихъ факторовъ».

Съ первыхъ-же уроковъ Наташа съ удовольствіемъ замѣтила, что Золотушкинъ отлично знакомъ съ техническими пріемами первоначальнаго обученія и что въ первомъ отдѣленіи онъ вообще очень полезенъ. Тѣмъ болѣе, что съ каждымъ визитомъ на хуторъ, убѣждался, что учительское дѣло очень уважается «богатыми» и «образованными» людьми и что, по мнѣнію тѣхъ-же людей, крестьяне не «мужичье», какъ онъ предполагалъ дотолѣ, а «народъ», нѣчто въ родѣ особаго и даже священнаго чина... Во второмъ и третьемъ отдѣленіи занятія шли гораздо хуже, да и немудрено: дѣти были страшно неразвиты, едва умѣли читать и писать, и такъ были сбиты съ толку механическимъ преподаваніемъ бывшаго учителя и запуганы грубымъ обращеніемъ, доходившимъ до пощечинъ, подзатыльниковъ, дранья за волосы и т. п., что туго поддавались новымъ пріемамъ. Сначала Наташѣ показалось, что, по крайней мѣрѣ, ариѳметика у нихъ удовлетворительна, да по «закону» они отчеканивали безъ запинки. Но вскорѣ и это объяснилось нехорошо:

то, что отчеканивалось, понималось ими либо въ самомъ превратномъ смыслѣ, либо совсѣмъ не понималось, а задачи рѣшались по первобытному, догадкой, съ помощью особой мужицкой «интуиціи», но безъ всякаго соображенія о томъ, почему такъ рѣшается и отчего нельзя иначе.

Вообще, присматриваясь къ прежнимъ ученикамъ, Наташа повѣрила въ то, что до сихъ поръ считала парадоксомъ: что плохая школа хуже, чѣмъ никакой. Когда нѣтъ никакой школы, умъ все-таки живетъ, вообраҗеніе работаетъ, личность опредѣляется,—чѣмъ живетъ, что работаетъ, во что опредѣляется, это уже другой вопросъ. Но вотъ точно какая-то механическая пасть вбираетъ въ себя умныхъ, впечатлительныхъ, любознательныхъ дѣтей, пережевываетъ ихъ съ бездушной неукоснительностью, и выбрасываетъ вонъ обезличенныхъ, какъ стереотипы. Свой прежній, неграмотный умъ словно обростаетъ корою, на этой корѣ въ безсмысленномъ сочетаніи вытиснены обрывки чуждыхъ понятій, стишки, басни, молитвы, «правила» изъ ариѳметики, «правила» изъ грамматики, и та особая, условная ложь, въ которой принято писать «одобренныя» книжки для народа, разсказывать для него исторію, преподавать ему мораль. Языкъ болтаетъ эти «клише», и такъ-какъ болтаетъ съ благоговѣніемъ и съ трудомъ, то самъ несчастный его хозяинъ привыкаетъ уважать трудную безсмыслицу, и презирать простое, пугаться оригинальнаго. Говорятъ о предразсудкахъ деревни, о невѣжественныхъ ея нравахъ. Спору нѣтъ, думалось Наташѣ, предразсудки велики, нравы жестоки, но все это не такъ уже страшно, потому что неустойчиво. Тѣ предразсудки и нравы, что могутъ воспитываться плохой школой, куда опаснѣе, куда прочнѣе... И ей казалось большимъ счастьемъ, что плохія школы такъ много даютъ «рецидивистовъ», а особенно плохія изъ нихъ, церковныя въ родѣ излегощенской, съ такимъ трудомъ влачатъ свое зловредное существованіе.

На такія-же мысли наводили Наташу «одобренные» учебники и «хрестоматіи», и старые, и присланные ей въ большомъ количествѣ изъ Москвы. Кромѣ превосходныхъ «книжекъ для чтенія» Л. Толстого и нѣкоторыхъ Тихоміроба, да отчасти азбуки Булгакова,—матеріалъ едва достаточный для двухъ зимъ,—все остальное было непригодно до странности. Казалось, писали ихъ сплошь чиновники, и писали либо благонамѣренно, съ небольшимъ оттѣнкомъ лжи, но бездушнымъ и варварскимъ слогомъ газетныхъ передовицъ, либо съ отвратительнымъ привкусомъ патріотическаго самохвальства, и тогда уже непремѣнно безграмотно, растрепанными фразами, на скверной бумагѣ, съ скверными рисунками. И тѣ и другіе авторы, очевидно, совершенно не знали для кого пишутъ, хотя до тонкости знали для чего... Въ томъ-же родѣ были и народныя книжки, если не считать только что появившихся изданій «Посредника» и непомѣрно дорогихъ Комитета грамотности.

— О, лучше, въ тысячу разъ лучше, — восклицала Наташа возражая несоглашавшемуся съ ней мужу, — чтобы народъ оставался въ своей дикой безграмотности, чѣмъ сразу сдѣлаться грамотнымъ дикаремъ... въ стилѣ старой Москвы, или той новой Франціи, что въ школахъ воюетъ съ Богомъ, внушаетъ звѣриный патріотизмъ, мѣщанское понятіе о морали.

— Какая-же школа тебѣ нужна?

— Свободная, миленькій, и... живая.

— Попробуй, попробуй, а мы «будемъ посмотрѣть», какъ говорятъ русскіе нѣмцы, — отшучивался Алексѣй Васильевичъ, — но только, дорогая моя, эта «дикая безграмотность» у меня вотъ гдѣ сидитъ! Побудь-ка денечка два въ камерѣ и полюбуйся.

— Не то, не то, Алеша... Право-же ты меня не хочешь понять. Ну, вотъ подожди, попробую.

И съ обычной своей стремительностью она приступила къ реформамъ. Оба старшихъ отдѣленія соединила въ одно. О. Афанасій и Золотушкинъ преподавали тамъ по два раза въ недѣлю, — Золотушкинъ только ариѳметику,—все остальное время Наташа занималась сама внѣ всякихъ правилъ и законовъ. Отбросивши всякія «хрестоматіи», диктанты, дисциплины, зубрежки, она стала добиваться лишь прочнаго навыка въ чтеніи и письмѣ, а больше вела съ ребятами разговоры, читала имъ, что находилось хорошаго подъ рукою, показывала туманныя картины и иллюстраціи, устраивала игры на школьномъ дворѣ. Бесѣды велись и въ классѣ, и на дворѣ и, обыкновенно, начинались по какому-нибудь случайному поводу, но потомъ Наташа стала правильно чередовать ихъ. Въ одинъ день это было о землѣ и о небѣ, о теплѣ, о воздухѣ, о томъ отчего происходитъ дождь и снѣгъ, о животныхъ, о растеніяхъ, объ устройствѣ человѣческаго тѣла. Въ другой — какъ возникло, разрослось и утвердилось русское царство, что такое волость, земство, судъ, полиція, уѣздный и губернскій городъ, сенатъ, синодъ, министры, и для чего собираютъ подати. Въ третій день дѣло шло о томъ, какъ живутъ люди въ чужихъ краяхъ, какіе у нихъ города, церкви, деревни, порядки, обычаи и т. д. Такая «энциклопедія» и по необходимости была очень схематична и потому, что Наташа того и хотѣла. Для заполненія схемъ служили картины въ волшебномъ фонарѣ, иллюстраціи въ «Нивѣ», біографическія справки, яркіе и характерные эпизоды... Въ будущемъ предполагалось дѣлать физическіе опыты: Наташа хотя и выписала приборы, даже электрическую машинку, но орудовать съ ними пока не рѣшалась, думала лѣтомъ подготовиться, какъ слѣдуетъ.

Въ праздники, по вечерамъ, въ школу собиралось почти все Межуево, слушать «чтенія» и смотрѣть волшебный фонарь. О. Афанасій

съ умиленіемъ въ старчески-дрожащемъ голосѣ читалъ особенно излюбленныя «житія»—о Тихонѣ Задонскомъ, объ Алексіи Божіемъ человѣкѣ, о Стефанѣ Пермскомъ, — или о «Страстяхъ Господнихъ»; Наташа разсказывала безъ книжки «естественно-историческое», Золотушкинъ, съ важностью жреца, дѣйствовалъ съ фонаремъ. Было нестерпимо душно; чрезъ какіе-нибудь полчаса отъ начала чтеній воздухъ становился зловоннымъ, кислымъ, прѣлымъ; не помогали открытыя печныя трубы, форточки, вентиляторы... Все равно; иная, душевная атмосфера была такъ чиста и свѣжа, что Наташа, возвращаясь съ головной болью на хуторъ, чувствовала себя счастливой, и съ безконечной благодарностью смотрѣла на эти пустынные снѣга, на черныя избушки, потонувшія въ сугробахъ, на всю эту глушь, и дичь, и бѣдность.

V.

Такъ продолжалось и вторую зиму. Алексѣй Васильевичъ, далеко не находившій такого удовлетворенія въ своей камерѣ, какъ Наташа въ школѣ, начиналъ уже ревновать ее къ этой школѣ и насмѣшливо говорить, что лучше-бы ей совсѣмъ перебраться въ Межуево. Но вдругъ... Впрочемъ, для объясненія послѣдующаго необходимо прибавить о самомъ Струковѣ. Въ теченіе года его судейская дѣятельность, его манера вступать въ пререканія съ товарищами и съ прокуроромъ на съѣздѣ, и то, что онъ не игралъ въ карты, и не участвовалъ въ коллегіальныхъ попойкахъ, по обычаю совершавшихся въ городскомъ клубѣ каждое 20-е число, и то, наконецъ, что неаккуратно дѣлалъ визиты, а его жена совсѣмъ не хотѣла знакомиться съ помѣщиками, все это вооружило противъ него многихъ вліятельныхъ людей.

Итакъ, вдругъ Наташа случайно узнала, что еще въ концѣ прошлой зимы, великимъ постомъ, въ Межуево пріѣзжалъ какой-то «странній» человѣкъ, «въ родѣ какъ офеня», останавливался у старосты, разспрашивалъ о «господахъ», объ училищѣ, о чтеніяхъ, о книжкахъ, которыя будто-бы раздаетъ «барыня». Этотъ-же таинственный человѣкъ посѣтилъ Межуево и во вторую зиму, опять останавливался у старосты, опять разспрашивалъ, и, какъ послѣ узнали, поѣхалъ въ Излегощи, гдѣ и заночевалъ у Юнусова. Затѣмъ стали ходить по деревнѣ какія-то загадочные слухи: о землѣ, которою будто-бы неправильно завладѣли Струковы, между тѣмъ какъ она должна-бы поступить «въ нарѣзку», о томъ, что объ этомъ кто-то провѣдалъ, что недаромъ «незаконные господа всячески обольщаютъ народъ», и что «надо держать ухо востро»... Наташа понемногу стала замѣчать, что крестьяне не такъ смотрятъ на нее, не такъ говорятъ съ нею, какъ прежде, и, мужчины, все въ меньшемъ количествѣ, приходятъ на чтеніе. Что-то

неуловимое, но несомнѣнно враждебное носилось въ воздухѣ. Одно время Наташѣ пришла въ голову довольно правдоподобная мысль,—это послѣ того, какъ нѣкоторые донесли ей о разговорахъ про землю,—что таинственный незнакомецъ, посѣтившій Межуево, былъ просто-на-просто «пропагандистъ». Но во-первыхъ, о такой «пропагандѣ» давно уже не было слышно въ тѣхъ мѣстахъ, а во-вторыхъ — зачѣмъ-же ему ночевать у Юнусова? Вскорѣ догадки осложнились еще тѣмъ, что о. Афанасія потребовали къ благочинному. Онъ не сказалъ Наташѣ, зачѣмъ именно потребовали, но съ тѣхъ поръ уже не удалялся изъ школы тотчасъ-же послѣ своего урока, или послѣ того, какъ прочитывалъ «житіе», а оставался до отъѣзда Наташи и все слушалъ, о чемъ она разсказывала ученикамъ или народу, слушалъ съ напряженіемъ, съ безпокойной улыбкой на своемъ добромъ и грустномъ лицѣ.

— Что это вы такъ интересуетесь, о. Афанасій?—спросила однажды Наташа, которую всѣ эти загадочности начинали приводить въ необыкновенное раздраженіе.

О. Афанасій сконфузился, некстати щегольнулъ латынью:—«Аурєсъ хабентъ этъ нонъ аудіентъ»,—но послѣ этого не засмѣялся, какъ обыкновенно своимъ чистымъ, дѣтскимъ смѣхомъ, а торопливо простился и уѣхалъ. А на другой день Наташа получила отъ него умилившую ее, но не успокоившую записку:—«Добрѣйшая наша и ретивѣйшая ко благу попечительница! Errare humanum est, — и, старый дурень въ свою очередь внялъ навѣтамъ, ergo — впалъ въ заблужденіе. Великодушно прости за сіе суесловіе, а я не нахалъ, и то, что слышалъ изъ вашихъ устъ, добро и красно, и такожде направлено къ просвѣтленію темныхъ умовъ, какъ ученіе Христа къ просвѣтленію сердцемъ омраченныхъ. А больше сего, ради Господа, не вопрошайте, ибо по волѣ начальства данъ бы обѣтъ молчанія, а за васъ я отнынѣ такой-же ходатай и богомолецъ, какъ и всегда. Dixi. Священникъ села Излегощей, Покровской церкви Афанасій Ключаревъ».

Одинъ Золотушкинъ ничего не опасался и презрительно фыркалъ, когда псаломщикъ Инокентій,—большой его другъ теперь,—предупреждалъ его по секрету, что противъ школы нѣчто затѣвается.

— Чудакъ ты человѣкъ!—съ гордостью говорилъ Золотушкинъ,—съ равными онъ изъяснялся почти удобопонятно, да и вообще подъ вліяніемъ Струковыхъ сталъ отставать отъ высокопарнаго языка.—Чудакъ ты... Да знаешь-ли сколько абсолютнаго доходу у Перелыгина? Какое у него знакомство? А Струковъ!.. Судія, братъ. Въ золотой цѣпи... И въ острогъ тебя можетъ затяпать, и бѣлѣй снѣгу оправить. Ха, ха, ха, да они въ порошокъ сотрутъ, ежели кто съ ними не солидаренъ... стоитъ только старичишкѣ въ Питеръ смахать, къ министрамъ.—И впадая въ честолюбивыя мечты, продолжалъ:—А я такъ имѣю въ идеалѣ,

братъ Кеша, медаль не медаль, но будетъ мнѣ ужо награда. Гдѣ найдешь такую постановку, а? Карты, атласы, глобусъ, теллурій, анатомическія пособія, физическія пособія... Не видалъ вотъ эту еще штучку, намедни изъ Москвы прислали? Шестьдесятъ цѣлковыхъ, братъ... Ха, ха, ха, вотъ выйдетъ эфектъ, ежели этакъ золотой какой-нибудь знакъ, за усердіе, за раціональную педагогику, на этакой какой-нибудь голубой лентѣ, а?—Тутъ Золотушкинъ въ порывѣ чувствъ колупалъ Инокентія въ бока и въ животъ, и оба съ громогласнымъ хохотомъ принимались возиться.

Но, увы, тотъ-же Золотушкинъ обомлѣлъ до совершенной утраты разсудка и малодушно предалъ Наташу, когда, въ ея отсутствіе, въ школу неожиданно явился инспекторъ. Вошедши въ классъ въ фуражкѣ и шубѣ, и, не обращая никакого вниманія на поклонъ Золотушкина, онъ по фельдфебельски сталъ кричать на учениковъ, недружно поднявшихся навстрѣчу, и растерявшагося сторожа, который не видалъ, какъ подъѣхала тройка, не отворилъ двери и не принялъ шубы. Потомъ грубо и безтолково сталъ вызывать ребятъ «къ доскѣ» и спрашивать, сопровождая сбивчивые отвѣты язвительной улыбкой и замѣчаніями:— «А, тому-то васъ учатъ!.. А, и этого не знаете!.. Такъ-съ, похвально-съ, безподобно-съ... Садись, болванъ!»—Потомъ долго рылся въ шкафахъ, фыркалъ, рычалъ, грозился на Золотушкина пальцемъ, отобралъ десятка полтора изданій «Посредника» и забытый Наташею томъ Тургенева съ «Записками Охотника», приказалъ при себѣ налить масла въ лампадки, обмести пыль съ царскаго портрета. Потомъ прослѣдовалъ въ комнату учителя и пересмотрѣлъ его книги, при чемъ указуя на принадлежавшій Струковымъ номеръ «Вѣстника Европы», на разрозненнаго Добролюбова, на томикъ Глѣба Успенскаго, какимъ-то шипящимъ голосомъ вопрошалъ: «Эт-та что? Эт-та что? Въ нигилисты, въ ссылку захотѣлъ?»—Золотушкинъ съ дрожаніемъ въ колѣнкахъ, съ выраженіемъ побитой собаки стоялъ передъ нимъ и бормоталъ:—«Это не я-съ. Это все попечительница-съ... Я человѣкъ маленькій-съ... Я протестовалъ-съ... абсолютно-съ...» Въ концѣ-концовъ такое поведеніе тронуло ревизора.

— На первый разъ я тебя извиняю,—сказалъ онъ, требуя ревизіонную книгу,—но заруби на носу: постороннихъ въ классы не допускать, будь она хоть распопечительница. Не гуманничать. Изъ программы не выходить. Чтеній—никакихъ. Ребятишки передъ начальствомъ чтобъ вскакивали: здравія желаемъ ваше-ство-о-о! понимаешь, по военному. Физическіе приборы и тому подобное, сегодня же отослать госпожѣ Струковой—неумѣстно для мужиковъ. Лучше-бы солдата наняла, для гимнастики. Батькѣ скажи, чтобы не осмѣливался взрослыхъ собирать: чтенія съ туманными картинами разрѣшаются въ установленномъ порядкѣ

и только религіозно-нравственныя, безъ штукъ. Чуть что, сейчасъ-же доноси мнѣ... срамникъ, особое вѣдомство дозналось, а твое непосредственное начальство вѣдать не вѣдаетъ. И съ удивительной безграмотностью нацарапалъ въ ревизіонной книгѣ, что «въ межуевскомъ училищѣ направленіе подозрительное по причинѣ незаконнаго и неумѣстнаго вмѣшательства попечительницы, хотя-же она и затрачиваетъ нѣкоторыя средства на содержаніе оннаго», что онъ имя рекъ, статскій совѣтникъ и кавалеръ, такого-то числа, февраля мѣсьца «сіе училище посѣтилъ и онное не одобрѣлъ». Дальше стояли три палочки и крючекъ, долженствовавшіе обозначать фамилію статскаго совѣтника, которая начиналась съ буквы Т.—Золотушкинъ, съ благоговѣніемъ изгибаясь, засыпалъ эти каракули песочкомъ и обѣщалъ исполнить въ точности приказъ «его высокородія».

И исполнилъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Наташа въ тотъ-же вечеръ получила отъ него приборы и витіеватое письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ ее о ревизіи, и о томъ, что «желая быть вполнѣ и всегда солидарнымъ съ распоряженіями своего непосредственнаго начальства, проситъ г-жу попечительницу въ классы болѣе не являться и вмѣшательства въ раціональный ходъ преподаванія, столь-же неумѣстнаго, сколько незаконнаго, абсолютно не оказывать». Наташа даже заплакала отъ злости. Напрасно Струковъ и, бывшій въ то время на хуторѣ, Петръ Евсѣичъ уговаривали ее успокоиться и до поры, до времени оставить это дѣло,—Петръ Евсѣичъ увѣрялъ, что «тутъ вся штука—поѣхать въ городъ и проиграть двѣ красненькихъ въ винтъ»... Она ничему не внимала и, приказавши подать лошадь, полетѣла въ школу. Бѣдный Золотушкинъ не ожидалъ ее и растерялся. Никогда онъ не видалъ у своей попечительницы такихъ грозныхъ глазъ, такого гнѣвнаго лица, не слыхалъ отъ нея столь презрительныхъ, колючихъ, жестокихъ словъ. Это стоило инспекторской ревизіи.

Но самое ужасное для Золотушкина случилось въ концѣ распеканія, когда Наташа нѣсколько остыла и потребовала, чтобы онъ показалъ ей ревизіонную книгу. Прочитавши то, что тамъ было написано, она съ злою улыбкою обмакнула перо въ чернильницу, провела густую черту подъ словами «онное не одобрѣлъ», и, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли три палочки съ крючкомъ явственно подписала «Пѣтръ Зудотѣшинъ».

На слѣдующій-же день, книга, старательно обернутая и запечатанная именной печатью Золотушкина, вмѣстѣ съ его доношеніемъ, была препровождена въ городъ, а ровно черезъ мѣсяцъ, подъ Пасху, Наташа получила офиціальную бумагу, въ которой ее увѣдомляли, что въ званіи попечительницы начальнаго межуевскаго училища она болѣе не состоитъ.

Сначала она не хотѣла уступить, собиралась бороться до конца и во всѣхъ инстанціяхъ; такъ ей казалась дика мысль о «неблагонадежности» ея поступковъ, о томъ, что восторжествуетъ «Зудотѣшинъ», а не она, отдававшая свои средства, свой трудъ, всю свою душу на развитіе настоящаго «народнаго просвѣщенія», безъ всякихъ тенденцій въ ту или другую сторону. Но вскорѣ послѣ Пасхи иныя мысли и иныя ощущенія ею овладѣли: она почувствовала, что беременна, и, отчасти, по настоянію мужа и отца, махнула рукою на школу, думая заняться этимъ впослѣдствіи.

Тутъ-же надо сказать, что и впослѣдствіи ей ничего не удалось сдѣлать, если не считать того, что она продолжала выдавать добавочное содержаніе о. Афанасію, но отняла у Золотушкина и прекратила столовую послѣ того, какъ узнала, что учитель завелъ двухъ борововъ, которыхъ и откармливалъ въ ущербъ дѣтскимъ желудкамъ. За всѣмъ тѣмъ ребята выучивались «въ предѣлахъ программы» и часть изъ нихъ получала «свидѣтельства» на раззолоченной бумагѣ, а Золотушкинъ находился у «Зудотѣшина» на отличномъ счету... Потомъ тонкій слой ремесленной, «заученной» науки исчезалъ у ребятъ съ неимовѣрной быстротою въ вѣчномъ недосугѣ труднаго, безпросвѣтнаго, почти проблематическаго существованія, и тѣ изъ нихъ, что получили раззолоченную бумагу, черезъ два-три года не могли разобрать, что въ ней написано...—Кводъ демострандумъ эстъ!—съ прискорбной усмѣшкой говаривалъ о. Афанасій, изрѣдка встрѣчаясь съ Наташей и излагая ей печальные результаты «зудотѣшинскаго» обученія. Но Наташѣ было уже тогда не до того...

Родился у Струковыхъ мальчикъ, названный въ честь дѣда Петромъ.—«Смотри, Наташечка, да не будетъ онъ Петръ Зудотѣшинъ—хихикая говорилъ Перелыгинъ, вспоминая эпизодъ съ ревизіонной книгой... И вотъ Наташа утѣшала себя тѣмъ, что для того, чтобы онъ, дѣйствительно, не оказался «Пѣтромъ», ей необходимо быть хорошей матерью, а не попечительницею школы. Въ жизни Струковыхъ наступила новая полоса. Въ ихъ домѣ возникло особое настроеніе, отъ котораго тепло и отрадно было Алексѣю Васильевичу, все болѣе и болѣе тяготившемуся дѣятельностью судьи и вообще всѣмъ, что металось въ глаза за стѣнами дома. Какъ восхитительно летѣли для него часы, когда въ зимній непогожій вечеръ съ веселымъ трескомъ горѣли дрова въ каминѣ, мягко свѣтила лампа, онъ просматривалъ дѣла, назначенныя къ очереди, Петръ Евсѣичъ читалъ, а молодая мать сидѣла около нихъ съ ребенкомъ у груди, и, съ такимъ умиротвореннымъ и кроткимъ лицомъ, какъ будто вполнѣ осуществились бурныя и неопредѣленныя домогательства ея юности. Иногда между мужемъ и отцомъ завязывался споръ,—не о Россіи, какъ въ Лондонѣ: Алексѣй Васильевичъ

избѣгалъ теперь спорить о Россіи,—а опять таки о жизни, о морали, о судьбахъ человѣчества. И надо было видѣть, съ какимъ чувствомъ спокойнаго превосходства Наташа слушала ихъ, съ какой лукавой и нѣжной улыбкой заглядывала въ дѣтскіе глазки, въ молочномъ туманѣ которыхъ уже начинало мелькать сознаніе... «Говорите, говорите, казалось, думала она,—вотъ мы съ Петрусемъ лучше знаемъ и о жизни, и о морали!»—А за стѣнами злилась вьюга, торжественно шумѣли деревья въ рощѣ.

Струковъ потому избѣгалъ спорить о Россіи съ Петромъ Евсѣичемъ, что почти соглашался теперь съ нимъ и не хотѣлъ обнаруживать этого при Наташѣ. Ея увлеченіе деревней, школой, чтеніями радовало его и только изрѣдка приводило въ досаду тѣмъ, что разстраивало ихъ домашній порядокъ, но радовало не за деревню и не за школу, а за жену, нашедшую то, о чемъ они вмѣстѣ мечтали заграницей. Въ своей камерѣ, въ своихъ наблюденіяхъ, гораздо болѣе широкихъ, чѣмъ у Наташи, надъ «обществомъ и народомъ», онъ далеко не нашелъ того, о чемъ они вмѣстѣ мечтали, но избѣгалъ говорить объ этомъ при женѣ изъ какой-то смутной боязни. Въ глубинѣ души ему казалось, что пропадутъ мечты и что-то оборвется между нимъ и Наташей, и что лучше молчать...

А какъ трудно, какъ было мучительно думать и отчаиваться въ одиночку!

Прежде всего мучило внутреннее раздвоеніе. Такъ, онъ давно уже составилъ себѣ убѣжденіе, что «праведность» и «преступность» опредѣляются экономическими нормами, и что чѣмъ болѣе равновѣсія въ этихъ нормахъ, тѣмъ рѣшительнѣе упраздняется «преступность». Дальше онъ былъ убѣжденъ, что самое понятіе «преступности» отнюдь не безусловно и только отражаетъ собою ту имущественную структуру, которая господствуетъ въ данное время и въ данномъ общежитіи. И такъ еще разительнѣе въ нарушеніяхъ гражданскаго права... А между тѣмъ являлся кабатчикъ Юнусовъ съ цѣлымъ ворохомъ несомнѣнно злодѣйскихъ, но юридически правильныхъ обязательствъ, и, на основаніи такихъ-то статей, просилъ подвергнуть немедленному ограбленію государственныхъ крестьянъ села Излегощей. Въ головѣ судьи соблазнительно мелькала такого рода резолюція: «По указу... приговорилъ: мѣщанина Юнусова за мошенническое приспособленіе къ законамъ и за превратныя мысли о томъ, что якобы на то въ морѣ и щука, чтобы карась не дремалъ, и за умышленную пропаганду таковыхъ превратныхъ мыслей—выселить изъ села Излегощей на островъ Сахалинъ; участокъ, арендуемый Юнусовымъ, передать крестьянамъ; устроить школы»... А на самомъ дѣлѣ приходилось писать совсѣмъ другое и, хотя въ «предварительномъ исполненіи» отказывалось, но все-же въ установленный срокъ въ

Излегощи пріѣзжалъ судебный приставъ и производилъ законный разгромъ.

Потомъ купецъ Ржановъ взыскивалъ за порубку въ лѣсу, купецъ Шехобаловъ за покражу солонины изъ амбара, помѣщикъ Кульневъ за «неотработки» и за потраву,—и было ясно какъ дважды-два, что и въ порубкѣ, и въ кражѣ, и тѣмъ болѣе въ «неотработкахъ» и потравѣ подсудимые кругомъ виноваты, и что надо ихъ штрафовать, сажать въ острогъ, подвергать неустойкамъ... Такихъ дѣлъ было слишкомъ много и нельзя достаточно выразить, какъ страдалъ отъ нихъ Алексѣй Васильевичъ.

Правда, было и нѣкоторое утѣшеніе. Недаромъ народъ предпочиталъ «мирового» не только старой ябедѣ и волокитѣ, но и своимъ волостнымъ судамъ. Вѣяніе духа, поколебавшее въ эпоху реформъ обомшѣлыя твердыни крѣпостничества, внесло и въ сферу юстиціи нѣчто отъ безусловной правды. Даже и по буквѣ новыхъ законовъ человѣкъ разсматривался—какъ человѣкъ, а не какъ мужикъ-Степка съ одной стороны, а многоуважаемый землевладѣлецъ Степанъ Ивановичъ съ другой. Нужды нѣтъ, что въ дѣйствительности послѣднему и теперь случалось колачивать перваго по зубамъ, ругать какъ вздумается и вообще обременять обидами. По крайней мѣрѣ, передъ лицомъ закона «Степка» могъ до нѣкоторой степени возчувствовать свое человѣческое естество и убѣдиться, что званіе смерда не есть его прирожденное отличіе. И Струковъ съ особой послѣдовательностью примѣнялъ здѣсь свои полномочія — съ особеннымъ удовольствіемъ приговаривалъ Юнусова подъ арестъ за избіеніе крестьянской бабы, купца Ржанова за расправу ногайкой съ порубщиками, и приказывалъ выводить изъ камеры помѣщика Кульнева, осмѣлившагося въ его присутствіи обругать непечатными словами своихъ неисправныхъ рабочихъ.

Въ сущности мировой судъ былъ однимъ изъ тѣхъ «компромиссовъ», которыми, по убѣжденію Струкова, только и могло двигаться впередъ какое-бы то ни было общежитіе. Такъ... Но, во-первыхъ, этотъ «компромиссъ» со дня на день обезсиливался тою опалою, въ которой находился, а, во-вторыхъ, то, что казалось благоразумнымъ и благодѣтельнымъ со стороны, было почти нестерпимо при личномъ участіи. Необходимо и хорошо ѣсть мясо, думалъ Алексѣй Васильевичъ, и исторія Ирландіи, конечно, не отъ того печальна, что тамъ католичество, а отъ того, что ирландцы питаются картофелемъ; но противно убивать животное, и, если нельзя не убивать самому, такъ не лучше-ли совсѣмъ отказаться отъ мяса? Другими словами, онъ попрежнему понималъ, что не только нельзя, но было-бы бѣдствіемъ внезапно отмѣнить тюрьмы, векселя, исполнительные листы, — всю эту арматуру дѣйствующаго права; но съ другой стороны, ему становилось

все больнѣе и противнѣе примѣнять эту арматуру, несмотря даже на то, что иногда она примѣнялась въ защиту униженныхъ и слабыхъ.

И онъ все чаще подумывалъ объ иныхъ «компромиссахъ», болѣе подходящихъ къ его характеру и симпатіямъ, чѣмъ судейство, но подумывалъ уже не съ прежней мечтательностью, а сомнѣваясь и робѣя... Дѣло въ томъ, что русская жизнь, какъ она есть, раскрывалась передъ нимъ совсѣмъ въ иномъ порядкѣ, нежели прежде, въ Лондонѣ, сквозь призму книгъ. теорій, студенческихъ воспоминаній, и, главное, сквозь призму любви къ Наташѣ. Чѣмъ онъ пристальнѣе всматривался теперь въ эту жизнь,—въ камерѣ, въ Межуевѣ, въ уѣздѣ, во всей Россіи,—тѣмъ страшнѣе ему становилось... Онъ начиналъ прозрѣвать. Уѣзжая за границу, онъ унесъ съ собой такое впечатлѣніе, что вмѣсто капризной весны съ зарницами, заморозками и грозою, въ отечествѣ наступаетъ лѣто,—страда, трезвая сухая работа,—быть можетъ, безъ иллюзій, но съ серьезнымъ содержаніемъ, съ дѣловымъ развитіемъ тѣхъ «весеннихъ» началъ, что уже доказали историческую свою необходимость. И онъ радовался этому. Искренно сердился на угрюмыхъ пророковъ; не могъ читать Щедрина; разошелся съ «крайними»; съ удовольствіемъ вспоминалъ, сколько оставилъ молодыхъ, искреннихъ, знающихъ людей, подобно ему утомленныхъ безплоднымъ нервическимъ возбужденіемъ, мечтающихъ о серьезной ученой карьерѣ, о культурной дѣятельности въ провинціи, о безкорыстной помощи всѣмъ начинаніямъ, направленнымъ ко благу и долгоденствію отечества.

Но когда, въ Z-мъ уѣздѣ, Алексѣй Васильевичъ прозрѣлъ, сердце его захолонуло. Дѣло было не въ либерализмѣ или консерватизмѣ: съ своей экономической точки зрѣнія онъ продолжалъ относиться къ этому довольно равнодушно; дѣло было и не въ отсутствіи начинаній: нѣкоторыя изъ нихъ осуществлялись, и къ нимъ, дѣйствительно, гдѣ-то въ департаментахъ и комиссіяхъ примкнули хорошіе люди тѣхъ-же убѣжденій, что и Струковъ... разумѣется, въ качествѣ весьма мелкихъ сошекъ. Но незамѣтно совершилось неслыханное паденіе умственныхъ интересовъ, какое-то эпидемическое помраченіе совѣсти, и, съ каждымъ днемъ, въ разговорахъ и въ печати, усиливалась постыдная игра словами и понятіями, которыя такъ еще недавно, казалось, были святы. То, что прежде изъ страха передъ общественнымъ мнѣніемъ могло произноситься и дѣлаться лишь въ опасливомъ уединеніи и развѣ гдѣ-нибудь на задворкахъ, теперь съ невѣроятнымъ бахвальствомъ само заявляло себя общественнымъ мнѣніемъ. Точно видѣніе Іезекіила сбывалось въ дѣйствительности. Подымались мертвыя кости, стягивались жилами, обростали мясомъ, и, за неимѣніемъ пророка, который вложилъ-бы въ ихъ уста нѣчто здравосмысленное, начинали бормотать кладбищенскія рѣчи, суесловить о святости кровопролитій и

ежовыхъ рукавицъ, объ идилліи крѣпостного права, о провиденціальномъ различіи бѣлой и черной кости. И что было самое страшное такъ это то, что повсюду зашевелились гады, казалось, еще вчера превращенные хотя и въ посредственныхъ, но въ порядочныхъ людей. Всякій кадыкъ, что шесть-семь лѣтъ тому назадъ извивался ужомъ, будто-бы пламенѣя въ огнѣ гражданскихъ чувствъ, и въ излишніе разговоры не вдавался, смиренно ссылаясь на свое круглое невѣжество, теперь высокомѣрно поднималъ носъ, объявлялъ себя знатокомъ стезей, по которымъ будто-бы надлежитъ идти отечеству. И какъ-же онъ фыркалъ, этотъ кадыкъ, какъ презрительно оттопыривалъ губы, когда при немъ упоминали о вчерашнемъ его усердіи, объ азбукѣ, которую онъ, казалось, такъ затвердилъ. о томъ, что есть на свѣтѣ истина, которую можно попирать ногами, но нельзя погасить.

Встрѣчалъ Струковъ людей и не забывшихъ «азбуки»... Иные изъ нихъ покорно, какъ водовозныя клячи, надрывались въ той запряжкѣ, которую наложила на нихъ служба, семья, профессія, а въ видѣ «освѣженія» винтили, выпивали, сплетничали, и, тихо, точно подмоченный порохъ, шипѣли, когда ужъ слишкомъ злорадствовалъ какой-нибудь кадыкъ. Иные съ усталымъ и брезгливымъ видомъ отворачивались отъ торжествующей скверны, но въ то-же время и отъ прошлаго, и, смотря по темпераменту, либо предавались наукѣ, «которую воспѣлъ Назонъ», либо занимались искусствами, спортомъ, хозяйствомъ. Всѣ были безсильны и безполезны.

На лѣто пріѣзжала молодежь изъ университетскихъ городовъ. Въ противоположность нѣкоторымъ утвержденіямъ, Струковъ находилъ въ ней много хорошаго,—много даже лучшаго противъ прежней. Однако, какъ ее было мало и изъ какой невліятельной среды она происходила! На весь уѣздъ, изъ потомственныхъ дворянъ, да и то изъ захудалыхъ, было только два студента, остальные шесть-семь человѣкъ принадлежали къ разночинцамъ. Очевидно, этой молодой поросли также не предвидѣлось мѣста, какъ и той, что въ большинствѣ была затоптана скотомъ, или заглушена чертополохомъ, потому что во истину оказывались правы возставшіе мертвецы, что наука ни къ чему.

И отовсюду, точно осенній туманъ, подымалась убійственная, воніющая, дремучая скука.

Всего курьезнѣе, что и торжествующимъ было скучно. Вдосталь налаявшись въ какомъ-нибудь публичномъ мѣстѣ на «пресловутые четверть вѣка», они возвращались въ свои берлоги съ такимъ ощущеніемъ, какъ-будто объѣлись кислаго и лѣниво вращали мозгами, обдумывая за что-бы приняться. Но за что?—Въ винтъ? — Не всегда есть партнеры; съ борзыми собаками? — давно исчезли борзыя собаки; за хозяйство? — имѣется отставной унтеръ-офицеръ изъ числа постигшихъ всѣ

науки, да и все равно пойдетъ съ молотка, коли не выйдетъ новой отсрочки лѣтъ на сто... Эхъ, шельмовство, въ столицы, въ Парижъ-бы удрать, къ подобострастнымъ союзникамъ, въ какой-нибудь этакій Moulin Rouge! Ахъ, какая тоска...

Народъ! Вотъ еще слово, къ которому Струковъ съ юности привыкъ обращаться въ часы унынія и малодушной тоски. Еще на гимназической скамьѣ статьи Добролюбова о повѣстяхъ Марко-Вовчка зажигали его сердце, и, какія онъ давалъ клятвы любить народъ, служить ему, болѣть его горемъ, радоваться успѣхами. Съ теченіемъ времени, многое въ его взглядахъ подверглось колебаніямъ, иное и совсѣмъ измѣнилось, лишь обаяніе народа не исчезло. Что такое было въ этомъ обаяніи? Потребность-ли вѣры? Потребность-ли жертвы, любви, почвы подъ ногами? Или влекущая къ себѣ таинственность, что-то неизвѣстное, какая-то даль и ширь, что зоветъ и дразнитъ возможностями, намеками, проблесками?.. Кто знаетъ, но во всякомъ случаѣ здѣсь не было и тѣни настоящаго, этнографическаго народа. Мужики Слѣпцова и Николая Успенскаго признавались, конечно, какъ не отрицался и тотъ живой мужикъ, съ которымъ изрѣдка приходилось встрѣчаться въ дѣйствительности... Все равно! Важность была не въ грубой дѣйствительности, а въ ея предполагаемомъ содержаніи, въ ея разумной красотѣ, случайно облеченной въ заскорузлую, историческую скорлупу,—въ томъ, «что сквозитъ и тайно свѣтитъ въ наготѣ ея смиренной», какъ сказалъ Тютчевъ!

И вотъ Алексѣй Васильевичъ всматривался въ своего загадочнаго незнакомца. Конечно, онъ понималъ, что въ качествѣ помѣщика, да еще судьи, возможно наблюдать только съ берега. Немного помогало въ этомъ отношеніи и то, что Наташа сближалась съ крестьянами легче и проще, нежели онъ... Но и то, что было видно съ берега, поразило его въ самое сердце. Положимъ, въ содержаніи «скорлупы» онъ не разувѣрился, отнюдь не пришелъ къ тому самоубійственному выводу, что тамъ одинъ лишь «гнилой орѣхъ». Межуевская школа слишкомъ доказала, что не «гнилой». Положимъ, тамъ и сямъ Струковъ читалъ и слышалъ, будто-бы происходитъ ростъ сознательности, какое-то движеніе религіозной мысли, какіе-то свѣтлые почины въ борьбѣ съ оскудѣвающей природой (клеверъ сѣютъ! агрономовъ слушаются! плужки и сортировки покупаютъ!) и что будто-бы земская школа въ свою очередь сдѣлала много хорошаго... Но, во-первыхъ, онъ этого не видѣлъ, а во-вторыхъ, онъ этому не вѣрилъ.

Онъ этому потому еще не вѣрилъ, что на досугѣ подсчиталъ, сколько-бы потребовало денегъ одно Межуево, чтобы получить настоящіе, а не поддѣльные способы для «роста сознательности», для «борьбы съ природой», для того, чтобы не вырождаться. Цифра, помноженная на одну только Европейскую Россію, равнялась бюджету военнаго мини-

стерства... Что-то было не слышно о такихъ ассигновкахъ. Но что-же дѣлать? Что-же дѣлать?

И мало-по-малу онъ привыкалъ не додумывать, скользить по поверхности, судить о вещахъ, какъ судитъ порядочная газета, т. е. благонамѣренно и честно, но, въ виду «независящихъ обстоятельствъ», скучно и съ обинягами. А мглистая туча мелочей, обывательскихъ привычекъ, прозы все надвигалась, да надвигалась на него, застилая горизонты и перспективы... Онъ, напримѣръ, отлично видѣлъ, что въ замѣнѣ Олимпія практикантомъ изъ саратовской школы, въ устройствѣ дешевой лавки, въ складахъ земледѣльческихъ орудій, въ перелыгинскихъ деньгахъ, раздаваемыхъ взаймы, въ томъ, наконецъ, что при первыхъ выборахъ, онъ, благодаря крестьянскимъ голосамъ, прошелъ въ гласные,—что во всемъ этомъ мало толку. Онъ отлично видѣлъ, что крестьянамъ не на чемъ подражать практиканту, не на что покупать въ дешевой лавкѣ, нечѣмъ отдавать взятыя взаймы деньги, а въ земствѣ та-же стихійная свѣтобоязнь и фраза, какъ и вездѣ, и что для того, чтобы все это измѣнилось, требуются коренныя перемѣны, въ томъ числѣ и въ образѣ его собственной жизни. Но тѣмъ не менѣе подробности этихъ дѣлъ, хлопоты, заботы, рѣчи въ земскомъ собраніи, самолюбивое ощущеніе власти и иниціативы, и, главное то, что въ «порядочномъ» обществѣ принято думать, будто-бы эти дѣла очень хороши и очень полезны даже по одному заглавію,—все это понемногу успокаивало Струкова, вносило въ его душу сначала притворное, а потомъ и настоящее равновѣсіе.

Такое-же равновѣсіе появилось и въ его чувствѣ къ Наташѣ. Оно не уменьшилось, это чувство, но незамѣтно утратило свою поэтическую окраску, свой характеръ новизны и мятежной влюбленности, превратилось въ глубокую, спокойную привычку. Рѣдко-рѣдко въ его душу закрадывалось прежнее безпокойство... То въ лицѣ жены замѣчалъ онъ что-то неуловимое, слѣды какого-то тоскливаго и одинокаго душевнаго процесса; то въ ея словахъ чудилась ему какая-то враждебная холодность, какъ нѣкогда въ Парижѣ; то наступала полоса мелочной раздражительности, пустяковъ, упрековъ, чего-то похожаго на физическое отвращеніе другъ къ другу, и ему становилось скверно и до слезъ дѣлалось жаль самого себя... Но, во-первыхъ, недосугъ было раздумывать о такихъ тонкостяхъ, и онъ обыкновенно мирился на томъ, что значитъ и бракъ «не храмъ, а мастерская», какъ сказалъ Базаровъ о природѣ, а во-вторыхъ, — это когда было особенно скверно, — онъ вспоминалъ стихи Некрасова: «Кто виноватъ — у судьбы не допросишься, да и не все-ли равно?»

Такъ шли годы.

А. Эртель.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

«Власть тьмы» на столичныхъ и провинціальныхъ сценахъ.—Стрепетова въ роли Матрены.—Отношеніе печати и публики къ драмѣ гр. Л. Толстого.—Л. Толстой о декадентствѣ.—Декадентство и символизмъ. —«Тайны души» М. Метерлинка.

I.

Литературнымъ событіемъ настоящаго сезона надо считать постановку «Власти Тьмы» Толстого на сценѣ столичныхъ и провинціальныхъ русскихъ театровъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ газеты были переполнены критическими замѣтками какъ о самой пьесѣ, такъ и объ ея исполненіи. Можетъ быть, впервые это произведеніе Толстого было изучено съ разныхъ сторонъ. Яркая по художественному замыслу, типичная въ воспроизведеніи чисто русскихъ характеровъ, скрывающая подъ внѣшнимъ картиннымъ сюжетомъ могучій реформаторскій порывъ, эта драма не могла не расшевелить нѣсколько вялыхъ нервовъ современнаго общества, утомленнаго суетливымъ однообразіемъ повседневной жизни. Столичная публика оживилась, приподнялась. Уже при первомъ извѣстіи о готовящейся постановкѣ «Власти Тьмы» въ обществѣ стали распространяться какіе-то трепетные токи, предшествующіе появленію каждаго произведенія Толстого. Газетные анонсы, волновавшіе публику, держали въ нѣкоторомъ напряженіи дѣятелей театральнаго міра, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль печать и общество съ нетерпѣніемъ ожидали перваго представленія давно извѣстной, но не вполнѣ еще оцѣненной пьесы. Наконецъ, 16-го октября драма Толстого въ первый разъ предстала предъ публикой, переполнившей сравнительно небольшую залу Малаго театра. Чувствовалась какая-то общая наэлектризованность, приподнятость настроенія, готовая одинаково перейти въ самый бурный восторгъ или въ открытое выраженіе неудовольствія и протеста. Пьеса, появившаяся въ печати девять лѣтъ тому

назадъ, была нѣсколько забыта, и впечатлѣніе отъ сценическаго знакомства съ нею было почти непосредственно и свѣжо. Но съ перваго-же момента вниманіе публики обратилось на внѣшнюю постановку. Старательно отысканные, но не вполнѣ правдиво и художественно сгруппированные, черезчуръ парадные бытовые аксессуары сразу заслонили неувѣренную игру актеровъ. Въ первыхъ діалогахъ не было ничего подкупающаго ни со стороны живой разговорной интонаціи и умѣлаго, свободнаго обращенія съ звучнымъ, полновѣснымъ, грубымъ и мѣткимъ народнымъ языкомъ, ни со стороны колоритнаго разнообразія въ манерахъ и пріемахъ исполнителей. Сильно нарумяненныя бабы, въ щеголеватыхъ и при томъ музейно-архаическихъ головныхъ уборахъ и ослѣпительно бѣлыхъ рубахахъ, неловко произносили затверженныя ругательныя слова, не передавая характернаго скрипучаго бабьяго говора, съ его тягучей слащавостью въ неторопливой бесѣдѣ и неудержимыми, надоѣдливо-неугомонными выкриками во время ссоры. Никита производилъ впечатлѣніе развязнаго трактирнаго полового. Петръ въ длинноволосомъ мужицкомъ парикѣ и черезчуръ широкой бѣлой рубахѣ съ кумачными ластовицами старательно и монотонно нылъ, чтобы дать почувствовать публикѣ свою болѣзненность. Все дѣлалось очень добросовѣстно, но нѣсколько натянуто, неловко, безъ надлежащаго одушевленія и поэтической непосредственности. Публика ощутила разочарованіе, сразу охладившее воображеніе и разсѣявшее готовность отдаться сценической иллюзіи. Въ зрителяхъ началась та критическая головная работа, которая лишаетъ ихъ живой впечатлительности, которая разрываетъ необходимую связь между сценой и публикой, предоставляя каждому самостоятельно справляться съ внѣшними художественными воспріятіями согласно съ своими тенденціями и предубѣжденіями.

Появленіе Стрепетовой въ роли Матрены — несмотря на законченность артистически созданнаго ею облика—уже не могло спасти начавшагося въ зрительной залѣ разлада. А между тѣмъ талантливая актриса, собравшая свои лучшія силы для воплощенія трудной роли, сдѣлала все, что можетъ сразу заставить чуткихъ къ искусству людей встрепенуться, насторожиться, открыть душу передъ художественнымъ созданіемъ автора. Актриса была въ ударѣ. Въ противоположность ненатурально пестрымъ костюмамъ другихъ женщинъ, Стрепетова одѣлась, какъ настоящая деревенская старуха: бурый войлочный зипунъ, старый темный платокъ на головѣ, низко надвинутый на лобъ и укутывающій лицо, подвязанное еще снизу другимъ сложеннымъ платкомъ,—какъ при зубной боли. На спинѣ, какъ у странницы, какая-то котомка или мѣшочекъ. Маленькая, сутуловатая фигура артистки, худое, болѣзненно-заостренное лицо, сдержанная нервозность въ движеніяхъ, большіе бѣлые верхніе зубы, какъ-то зловѣще сверкающіе при нѣсколько искусственной

слащавой улыбкѣ, тягучій вкрадчивый голосъ, то переходящій въ торопливый шепотокъ, то свѣтло звенящій увѣренными нотами, пригодными для выраженія тонкой житейской опытности и прозорливости — всѣ эти природныя свойства, какъ никогда еще, шли навстрѣчу трудной артистической задачѣ. И всѣми этими свойствами Стрепетова воспользовалась съ истиннымъ художественнымъ мастерствомъ и мѣрою, создавъ цѣльный, простой, чуждый всякой мелодраммы типъ—образъ житейски-мудрой, по кошачьи гибкой и хитрой женщины, всецѣло сосредоточенной на мысли устроить благополучіе своего сына, согласно циническимъ правиламъ мірской морали. Этотъ артистическій замыселъ, проведенный съ начала до конца съ необычайною рельефностью и твердостью, помогъ Стрепетовой найти то особенное выраженіе лица, ту трагическую маску, которая выдѣляетъ данную роль въ ея репертуарѣ, какъ что-то вполнѣ законченное и художественно-совершенное. Ея нѣсколько закинутая назадъ голова съ выставленной впередъ нижней челюстью, съ застывшей льстивой улыбкой вокругъ большого рта, съ тусклымъ загадочнымъ взглядомъ, устремленнымъ куда-то вдаль, черезъ головы другихъ людей—это были уже черты, сознательно внесенныя даровитой актрисой въ сценическое исполненіе трудной и глубокой роли, которую, какъ всѣ истинно художественные образы, можно истолковать и завершить въ разныхъ направленіяхъ. Отдѣльныя мѣста въ исполненіи актрисы должны быть признаны превосходнымъ коментаріемъ къ пьесѣ Толстого. Въ самые трагическіе моменты она дѣлается нервно-суетливою, торопливою во всѣхъ движеніяхъ, страстно-стремительною по отношенію къ поставленной себѣ ближайшей задачѣ. Озираясь во всѣ стороны—потому что она пуще смерти боится общественнаго мнѣнія—понижая до шепота неровный, волнующій, искушающій голосъ, она не теряетъ ясности разсудка, дальновиднаго пониманія настоящихъ и будущихъ обстоятельствъ. Не разбирая средствъ, она толкаетъ къ своей цѣли другихъ и, въ случаѣ надобности, сама не гнушается никакой «работой». И когда цѣль ея достигается, ея лицо принимаетъ на одну минуту, только на одну минуту, просвѣтленное, успокоенное выраженіе. Три отдѣльныя сцены, въ которыхъ роль Матрены по содержанію становится наиболѣе трагической, запечатлѣваются въ памяти съ особенною силою: сцена, когда Анисья выбѣгаетъ отъ умирающаго Петра съ нащупанными и похищенными съ его груди деньгами, которыя нужно какъ можно скорѣе спрятать, затѣмъ—сцена у погреба, гдѣ зарываютъ еще живого младенца и, наконецъ, предпослѣдняя сцена пьесы—на дворѣ, передъ избой, гдѣ идетъ свадебная гульба и гдѣ Никита, уже близкій къ полному отчаянію и раскаянію, мѣшкаетъ, упирается, не желая идти на благословеніе къ вѣнцу Акулины. Въ каждую изъ этихъ сценъ Стрепетова вноситъ истинно артистическій паѳосъ. Когда взвинченная ею Анисья, растерянная и обезумѣвшая отъ страха передъ собственнымъ

поступкомъ, шатаясь появляется на крыльцѣ, Матрена, какъ старый коршунъ, налетаетъ на нее, и потомъ, завертѣвшись на мѣстѣ, нетерпѣливо затопотавъ ногами, но не теряя ни на секунду яснаго разумѣнія окружающихъ обстоятельствъ, стремительнымъ нервнымъ движеніемъ привлекаетъ къ ней Никиту, передъ которымъ Анисья уже навѣрное не устоитъ. Никита взволнованно хватаетъ деньги, и въ ту-же минуту Матрена короткимъ, непроизвольнымъ, но сильнымъ движеніемъ выталкиваетъ его со сцены, куда сбѣжится сейчасъ народъ... Еще смѣлѣе и оригинальнѣе сцена у погреба. Въ лунную ночь поздней холодной осени, передъ освѣщенной избой, за которой слышны вздрагивающіе бубенцы разъѣзжающихся сватовъ и пьяныя пѣсни запоздалыхъ гостей, Матрена съ неумолимой житейской логикой, прикрытой заботливо-ласкающими увѣщевательными словами, убѣждаетъ сына схоронить концы совершеннаго имъ проступка. Она ластится къ нему, какъ кошка, скользитъ не то просящимъ, не то угрожающимъ взглядомъ по его глазамъ, и сдерживая свое нетерпѣніе, свое возрастающее безпокойство передъ угрожающимъ скандаломъ, суетъ ему въ руки лопату, забѣгаетъ передъ нимъ съ фонаремъ, тихонько, осторожно, но нервно подталкиваетъ его къ погребу. Приходъ взбудораженной Анисьи чуть было не испортилъ всего дѣла. Но Матрена во время затыкаетъ ей ротъ, даетъ властный окрикъ на Никиту и опять лихорадочно затопотавъ, засуетившись на мѣстѣ, съ трагическимъ смѣшкомъ, легонько вталкиваетъ его въ погребъ... Послѣдняя сцена, несмотря на краткость и отсутствіе видимаго содержанія въ этомъ моментѣ, достигаетъ у Стрепетовой удивительнаго художественнаго совершенства. Слегка на-веселѣ, она выходитъ изъ избы, отыскивая Никиту, завалившагося на дворѣ въ соломѣ. Весь ея разговоръ съ Никитой происходитъ подъ звуки свадебнаго пѣнія, которое широкими волнами вырывается на дворъ изъ избы каждый разъ, когда кто-нибудь, выходя или входя, пріоткрываетъ тяжелую дверь въ сѣни. Не добившись, несмотря на всѣ ухищренія, никакого толку отъ Никиты, она уступаетъ мѣсто пришедшей полупьяной Анисьѣ въ расчетѣ на то, что «ночная кукушка» перекукуетъ дневную. Пока Анисья тормошитъ и увлекаетъ Никиту, Матрена поджидаетъ на крылечкѣ, внимательно слѣдя за всѣмъ, что дѣлается на соломѣ, слегка приплясывая въ тактъ разгульной пѣснѣ—не отъ пьянаго веселья, отуманившаго Анисью и всѣхъ другихъ, а отъ напряженнаго нетерпѣнія, которое бьется въ ней какимъ-то лихорадочнымъ ритмомъ. Когда Никита обѣщаетъ придти къ гостямъ, она, сразу облегченная, съ плясомъ влетаетъ въ избу, распахнувъ дверь ударомъ кулака...

Но талантливое исполненіе роли Матрены не могло наполнить живымъ чувствомъ всю пьесу при заурядныхъ и даже безтолковыхъ исполнителяхъ другихъ ролей. Драматическое дѣйствіе находится почти всецѣло въ рукахъ Никиты, и грубое, однотонное исполненіе этой роли ни-

чѣмъ не выдающимся актеромъ должно было разстраивать всякую сценическую иллюзію. Сцена покаянія, которая, при серьезномъ талантѣ исполнителя, могла-бы явиться захватывающимъ моментомъ, совершенно пропала. Намѣченныя въ драмѣ отдѣльными, отрывочными, но сильными штрихами психологическія колебанія и страданія этого типичнаго русскаго человѣка—добродушнаго и привлекательнаго бабника, способнаго по безхарактерности дойти до негодяйства, и вдругъ вдохновенно, всенародно покаяться—стушевались въ аляповатомъ образѣ, представшемъ передъ публикой въ неудачномъ исполненіи. Томная и манерная Анисья, бѣлолицая Акулина, смахивающая болѣе на молодую разжирѣвшую купчиху, чѣмъ на тугоухую деревенскую дѣвку, Митричъ, съ недурнымъ гримомъ, но слабымъ, еле слышнымъ голосомъ, черезчуръ взрослая, расторопно шмыгающая по сценѣ Анютка, безъ малѣйшаго оттѣнка дѣтской простоты и непосредственности въ голосѣ и движеніяхъ, часто сбивающаяся на бойкую водевильную ingénue, стрѣляющую глазками въ публику — все это сливалось въ какую то заурядную сценическую картину, въ которой игра Стрепетовой составляла нѣчто самостоятельное, какъ-бы замкнутое и при этомъ постоянно нарушаемое неискусными, расхолаживающими репликами другихъ актеровъ. Среди этихъ актеровъ, взявшихъ на себя видныя и отвѣтственныя роли въ драмѣ Толстого, г. Михайловъ, исполнявшій роль Акима, выдѣлялся только какъ талантливый, серьезно настроенный любитель. При простомъ задушевномъ и вполнѣ толковомъ исполненіи, загорѣвшимся вдохновеніемъ въ третьемъ актѣ, въ моментъ протеста противъ безобразій Никиты, при выдержанности тона, г. Михайловъ не создалъ никакого типа, не придалъ образу Акима никакой внѣшней выпуклости, никакой самобытной индивидуальности. Этотъ заикающійся, грязнорабочій мужиченко, превозмогающій постоянно какія-то невѣроятныя трудности при выраженіи самыхъ любимыхъ своихъ мыслей, безтолково, надоѣдливо повторяющій сотни разъ одно и то-же слово, одну и ту-же фразу, таитъ въ своей душѣ все то лучшее, что только можетъ непосредственно подсказать человѣку его прирожденная совѣсть. Выдѣляя въ этой роли ея моральную тенденцію, г. Михайловъ не сумѣлъ, какъ сдѣлалъ-бы это истинный артистъ, влить эту тенденцію въ яркую внѣшнюю форму, которая передала-бы глубокій юморъ автора. По объясненію самого Толстого, переданному недавно газетнымъ корреспондентомъ, Акима нужно играть вертлявымъ, суетливымъ, краснымъ отъ волненія, безпомощно хлопающимъ себя руками, мужикомъ. Только при такомъ внѣшнемъ образѣ его внутренняя красота обрисуется во всей своей непритязательности. «Выходитъ на сцену Акимъ, объяснялъ Толстой своему собесѣднику. Что онъ ничего не стоющій мужиченко, видно даже изъ того, что его ни жена, ни сынъ въ грошъ не ставятъ. Публика добродушно

смѣется надъ его заиканіемъ. Но вотъ настаетъ моментъ и Акимъ раскрываетъ свою душу, обнаруживая въ ней такіе перлы, что каждому должно сдѣлаться жутко». Таковъ Акимъ, какимъ его представляетъ себѣ Толстой... Но всѣ эти типическія черты, проникновенно указанныя авторомъ въ личности Акима, совершенно пропали при тепломъ, слегка возвышенномъ, но монотонномъ исполненіи Михайлова. При степенной походкѣ, озабоченномъ, грустномъ, нѣсколько плоскомъ лицѣ съ малокровнымъ цвѣтомъ кожи, актеръ съ самаго начала взялъ черезчуръ вялый, медленный темпъ. При первомъ появленіи съ Петромъ онъ не возбуждаетъ въ зрителяхъ никакого нервнаго движенія. Сбивчивыя, отрывочныя объясненія съ Никитою по поводу Маринки не производятъ никакого впечатлѣнія. Въ тонѣ его дрожитъ какая-то плаксивая нота и, при однообразіи и скудости въ жестикуляціи, его постоянное заиканіе и повтореніе однѣхъ и тѣхъ-же фразъ обрисовываютъ унылую, безпомощно скорбную натуру, находящуюся въ сознательномъ разладѣ съ окружающей средой. Этотъ образъ, не сходящійся съ замысломъ Толстого, выдержанъ актеромъ до конца, и проповѣдь Акима въ третьемъ актѣ, вызывающая неожиданныя бурныя рукоплесканія публики, надо отнести не къ художественности и выпуклости сценическаго исполненія, а къ самому содержанію его обличительныхъ словъ, въ которыхъ съ такой силой и простотой вырывается протестантская натура автора.

Вотъ каково было въ общихъ чертахъ исполненіе «Власти Тьмы» въ театрѣ Литературно-Артистическаго кружка. При всѣхъ стараніяхъ, при выдающемся исполненіи роли Матрены, при обдуманной и теплой игрѣ Михайлова, драма въ общемъ не имѣла того успѣха, какого она заслуживала—по яркости художественно-бытовыхъ типовъ и цѣльности и трагичности идейнаго содержанія. Не побѣжденная полученными сценическими впечатлѣніями, публика расшаталась въ своихъ мнѣніяхъ о самой пьесѣ. Между авторомъ, вступающимъ въ борьбу со всякимъ житейскимъ міросозерцаніемъ, и обществомъ, спокойно уносящимъ изъ театра свои житейскія понятія и пристрастія, не произошло настоящаго живого общенія на художественной почвѣ. Драма Толстого не только не покорила, но даже не уязвила публики.

Актеры Александринскаго театра совершенно не справились съ своею задачею. Къ постановкѣ «Власти Тьмы» были привлечены почти всѣ лучшіе артисты труппы, но ни одинъ изъ нихъ не создалъ изъ своей роли ничего сколько-нибудь замѣтнаго и талантливаго въ сценическомъ отношеніи. Важная роль Матрены была поручена, по грубому недомыслію г. В. Крылова, г-жѣ Стрѣльской, — актрисѣ, играющей комическихъ старухъ, и самой своей фигурой, расторопной, приземистой и грузной, вызывающей при первомъ своемъ появленіи какой-то традиціонный смѣхъ райка. Ея вульгарный голосъ съ оттѣнкомъ расхлябистаго добродушія,

невозмутимое сонное лицо съ подслѣповатыми глазами и пухлыми щеками, вздрагивающими при каждой фразѣ, произносимой, вдобавокъ, неясно, съ кашей во рту, комическая походка маленькими шажками — такова была Толстовская Матрена на сценѣ Александринскаго театра. Въ передачѣ Стрѣльской она вышла дряблой старой кумушкой, которая только по своей дурости продѣлываетъ возмутительныя вещи, какъ-бы подсказываемыя ей кѣмъ-то другимъ. Г-жа Васильева въ роли Анисьи не давала цѣльнаго образа нерѣшительной, рабски влюбленной женщины, представленной въ пьесѣ Толтого. Савина, умно принарядившаяся для реалистическаго праздника въ грязнѣйшую паневу и натянувшая раскрашенное трико, создающее иллюзію измазанныхъ босыхъ ногъ, не пожалѣвшая — для полноты впечатлѣнія — грубыхъ красокъ для своего нервно-измученнаго, интеллигентнаго лица, создала въ роли Акулины недурное подобіе придурковатой деревенской дѣвки. Ея капризный, нѣсколько носовой голосъ звучалъ глуше и рѣзче обыкновеннаго. Нарочито-аляповатые, иногда цинически безобразные жесты кокетливо взывали къ веселой сочувственной улыбкѣ со стороны публики, которой предстояло оцѣнить великое самопожертвованіе избалованной актрисы. Никита, въ изображеніи Сазонова, опытнаго и одареннаго артиста съ подвижнымъ юморомъ и яркой бытовой экспрессіей, не вышелъ законченнымъ типомъ. Артисту не доставало непосредственнаго увлеченія, и его щеголеватая размашистость производила впечатлѣніе чего-то нѣсколько надуманнаго. Въ сценѣ раскаянія Сазонову не удалось, несмотря на подъемъ драматизма, захватить публику, увлечь ее съ собою, побороть въ ней невинное сочувствіе къ разстраивающемуся свадебному веселью, разыгранному, кстати сказать, на обѣихъ сценахъ съ мейнингенскимъ оживленіемъ. Роль Акима исполнялъ Давыдовъ. Жирный, звучный, подьячески резонерскій голосъ, старательно заглушаемый почему-то до степени хриплаго бормотанья, закругленная, почти шарообразная фигура, усиленно, но тщетно перетягиваемая кушакомъ, надоѣдливое подчеркиванье отчетливо произносимаго тае вмѣсто таё—все это не могло передать толстовскаго Акима. Весь свой изобрѣтательный талантъ Давыдовъ ухлопалъ на аксессуары, придавшіе его роли какую-то тяжеловѣсную прозаичность. Въ третьемъ дѣйствіи, садясь за ужинъ, онъ тщательно крестится, и потомъ медлительно, вкусно прожевываетъ поданную на столъ тюрю, жадно сгребая ее съ ложки оттянутой верхней губой. Небольшое разсужденіе Акима о банкахъ было произнесено съ хорошей резонерской дикціей—и только. Почти всю сцену безобразной ссоры въ избѣ Никиты, заканчивающуюся взрывомъ негодованія со стороны Акима, артистъ провозился со своею обувью, педантически закутывая ноги онучами и перекручивая ихъ веревкой отъ лаптей. Давыдовъ, повидимому, не нашелъ лучшаго выраженія для внутренней тревоги старика, покидающаго теплую

печь, чтобы уйти на холодъ отъ удушающаго пьянаго безобразія. Лучшимъ мѣстомъ во всей пьесѣ, въ исполненіи ея актерами Александринскаго театра, надо признать ночную сцену въ избѣ—между Митричемъ и Анюткою. Драма, достигающая здѣсь высокой, увлекательной поэзіи, захватила свѣжую, нервную организацію дѣвочки, игравшей Анютку. Варламовъ въ роли Митрича слишкомъ браво и сочно подавалъ свою реплику, но глубокомысленно-юмористическія слова, въ которыхъ свѣтло и ярко пробивался геній Толстого, разливали въ зрительной залѣ широкіе, свѣжіе токи. Трепетное возбужденіе Анютки, достигающее послѣ ухода изъ избы Никиты и Матрены паническаго ужаса, было передано даровитой дѣвочкой съ трогательной правдивостью. Съ прерывающимися, все возростающими криками она бросается на печь къ Митричу, лихорадочно хватаясь за выступы, какъ болѣзненный птенецъ, безпомощно взмахивающій и бьющійся слабыми крыльями... Но мы уже сказали, что это-единственная сцена, проведенная актерами Александринскаго театра съ полнымъ успѣхомъ. Главныя роли были исполнены либо совершенно неудовлетворительно,—какъ роль Матрены, Анисьи,—либо тускло, флегматично, безъ настоящаго драматическаго движенія и силы. Пьеса была прослушана со вниманіемъ, но и здѣсь—еще замѣтнѣе, чѣмъ въ Маломъ театрѣ,—публика, не возбужденная и не приподнятая актерами, разошлась послѣ спектакля съ чувствомъ неудовлетворенія, въ тягостномъ разладѣ съ авторомъ...

Въ Москвѣ, по сообщеніямъ газетъ, «Власть Тьмы» была поставлена еще менѣе удачно, чѣмъ въ Петербургѣ. По подробнымъ сообщеніямъ корреспондента «Новаго Времени» Амфитеатрова (Old Gentleman), драма прошла на сценѣ Московскаго Малаго театра безъ всякаго успѣха. Роли были распредѣлены неудачно. Въ публикѣ чувствовалась тоска, недоумѣніе, точно на любительскомъ спектаклѣ. Болѣе сносно «Власть Тьмы» была поставлена,—какъ это ни странно сказать—въ театрѣ «Скоморохъ». Потомъ, несмотря на обнаружившіяся трудности въ постановкѣ и исполненіи пьесы, она быстро обошла почти всѣ существующія въ Россіи провинціальныя сцены. Но даже въ такомъ, сравнительно интеллигентномъ, университетскомъ городѣ, какъ Кіевъ, гдѣ въ свое время играли лучшіе русскіе актеры, для драмы Толстого не нашлось маломальски сносныхъ исполнителей. По сообщенію «Кіевскаго Слова» (№ 2850), въ самыхъ трагическихъ мѣстахъ въ публикѣ гулялъ веселый гулкій смѣхъ. «Анютка, пишетъ рецензентъ, мучается боязнью, что ребеночка закопаютъ живьемъ—смѣхъ. Никита дрожитъ при воспоминаніи о томъ, какъ трещали подъ доской маленькія косточки—хохотъ. И это не разъ, и не два, а десятки разъ, до конца пьесы, вплоть до того, какъ Акимъ проситъ господина урядника погодить и дать сыну докончить передъ міромъ свою исповѣдь». Почти такая-же исторія произошла въ Орлѣ. Нигдѣ рѣши-

тельно драма Толстого не была разыграна съ надлежащимъ ансамблемъ. Петербургъ далъ только хорошую Матрену, провинція,—если довѣряться газетнымъ сообщеніямъ,—не выдвинула ни одного актера, способнаго проникнуться по-настоящему духомъ и содержаніемъ произведенія Толстого. Публика и артисты оказались недовольны другъ другомъ и, не понимая въ чемъ дѣло, перенесли свое разочарованіе и озлобленіе на автора, который и безъ того постоянно возбуждаетъ въ обществѣ неосмысленныя, враждебныя теченія. Печать, стоящая на одномъ уровнѣ съ читающей публикой и привыкшая угодливо откликаться на всякое низменное движеніе въ обществѣ, на все банальное, на всякій пошлый шумъ, поспѣшила дать ходъ жалкому критиканству заурядныхъ рецензентовъ. Пьесу Толстого вѣжливо, а иногда и совсѣмъ невѣжливо, грубо, нахально, разбранили, какъ произведеніе, не имѣющее серьезныхъ художественныхъ достоинствъ. На автора посыпались патріотическіе, безтолково-народническіе и недомысленно-эстетическіе упреки. Одна распространенная газета, особенно излюбленная посѣтителями дешевыхъ распивочныхъ («Петербургскій Листокъ»), не постѣснилась заявить, будто пьесу Толстого, во время ея представленія на Александринской сценѣ, «единодушно ошикали всѣмъ театромъ». «Новое Время», усердно покровительствующее антрепризѣ Малаго театра, не сумѣло сказать ни одного живого, яркаго слова ни по поводу самой драмы Толстого, ни по поводу ея постановки. «Новости», послѣ нѣсколькихъ совершенно безцвѣтныхъ репортерскихъ замѣтокъ, разразились противъ Толстого негодующимъ фельетономъ Серг. Печорина. Съ помпой, съ какою-то напускною докторальностью дешеваго публициста, авторъ распространяется въ назиданіе Толстому о задачахъ истиннаго искусства, повторяя заѣзженныя разсужденія о различіи между грубой дѣйствительностью и поэтическими образами, въ которыхъ эта дѣйствительность должна воплощаться. Во «Власти Тьмы» высоко-культурному Печорину почуялся какой-то «специфическій духъ». Онъ не видитъ въ этой драмѣ ничего выдающагося: «полное сознательное игнорированіе сценической мѣры, никакой уступки художественнымъ требованіямъ, какая-то жестокость по отношенію къ зрителю, преднамѣренная рѣзкость пріемовъ». Идя въ театръ, говоритъ Печоринъ, «я хочу видѣть ту жизнь, которая захватываетъ меня, точно такъ-же, какъ отъ живописца я требую трактовки такого сюжета, который можетъ меня интересовать. Изъ этого не слѣдуетъ, что интеллигентъ долженъ смотрѣть только пьесы изъ его быта... Отчего не посмотрѣть и «мужицкой» пьесы, если она вѣрно рисуетъ сельскіе нравы и глубоко, художественно, философски-правдиво ихъ освѣщаетъ, то-есть даетъ и интеллигентному зрителю пищу для ума. Если-же пьеса изъ народнаго быта не удовлетворяетъ этому требованію, если она для меня только изображеніе извѣстныхъ сторонъ жизни и, по внутреннему содержанію, не возвы-

шается надъ уровнемъ крестьянскаго пониманія и толкованія этой жизни, то, очевидно, она написана для народа, для тѣхъ мужиковъ, которыхъ выводитъ на сцену». Міросозерцаніе Толстого, какъ оно проявилось во «Власти Тьмы», кажется Печорину недостаточно интеллигентнымъ для петербургскаго фельетониста средней руки. «Биржевыя Вѣдомости» нашли возможнымъ поставить въ упрекъ Толстому неудачное олицетвореніе «чисто христіанской добродѣтели и тѣхъ мыслей, до которыхъ путемъ долгихъ вѣковъ додумывается человѣчество, въ какомъ-нибудь *косноязычномъ* Акимѣ, съ его первобытно-неразвитымъ *языкомъ*». Патріотическій «Гражданинъ», въ полуграмотныхъ фразахъ, подписанныхъ именемъ его постояннаго критика (М. Южный), выразилъ мнѣніе, что Толстой не далъ въ своей пьесѣ ничего типичнаго. Онъ употребилъ, по словамъ газеты, самые простые пріемы, и «вся его драма есть изображеніе одного случая, который случился съ одной мужицкой семьей. Само собой разумѣется, что огромный талантъ автора сказался и тутъ, и лица, такъ или иначе причастныя къ его случаю, изображены необыкновенно живо, ярко и рельефно, но это не мѣшаетъ тому, что все происшествіе остается все-же случайнымъ». Случайно случившійся случай, къ которому причастны всѣ лица толстовской драмы, не могъ, конечно, послужить подходящимъ матеріаломъ для критическаго изслѣдованія самодовольно-ограниченнаго и невѣжественно-ханжескаго критика. Мутно-сѣрая, предназначенная для престарѣлыхъ канцелярскихъ чиновниковъ, газета Добродѣева «Сынъ Отечества» оказалась недовольною самымъ названіемъ пьесы. «Что значитъ, спрашиваетъ какой-то Ратай, *Власть тьмы*? Какой именно *тьмы*?» Потомъ, на секунду призадумавшись, фельетонистъ даетъ такого рода рѣшительный отвѣтъ на свой собственный ядовитый вопросъ: «тьма олицетворяется въ образѣ *бабъ* и означаетъ — невѣжество, непониманіе того, что понятно каждому, мало-мальски просвѣщенному мужику». Слѣдомъ за столичными судьями Толстого пустились во всѣ тяжкіе разные провинціальные борзописцы. Въ одной кіевской газетѣ надъ драмой былъ изреченъ слѣдующій безпощадный приговоръ: «Власть Тьмы»,—писала газета,— не литературное, не художественное произведеніе, «а возмущающая душу невѣроятная и тенденціозная клевета на русское крестьянство и его жизнь, сборище нравственныхъ уродовъ, какіе если и встрѣчаются въ дѣйствительности, то лишь какъ исключенія, уродовъ, никому не интересныхъ и не вызывающихъ въ зрителѣ ничего, кромѣ отвращенія и скуки. Все въ этомъ произведеніи искусственно и фальшиво, и оно—въ общемъ—является, дѣйствительно, властью тьмы, той тьмы антихудожественной тенденціозности, которая покорила своей власти даже такой великій талантъ, какъ гр. Л. Н. Толстой».

Вотъ съ какими комичными, уродливыми сужденіями о произведеніи

Толстого выступила русская печать. Въ журналистикѣ и обществѣ началась кутерьма, свалка нелѣпыхъ, дикихъ мнѣній—съ похвалами художественному дарованію Толстого въ видѣ банальныхъ общихъ мѣстъ и ожесточенными порицаніями за еретическія стремленія автора. И эта журналистика, и это общество проявили въ данномъ случаѣ такую-же компетентность въ пониманіи духа и характера творчества Толстого, какъ одинъ отечественный педагогъ, который, по сообщенію провинціальной газеты, въ произнесенной недавно прекрасной рѣчи передъ многочисленной аудиторіей «горько скорбѣлъ о томъ, что послѣ такого образцоваго произведенія, какъ Князь Серебряный, Левъ Толстой написалъ столько чепухи»...

Художественное произведеніе Толстого, въ которое съ такою мятежною силою, съ такимъ напоромъ хлынули тогда еще новыя идеалистическія стремленія, оказалось въ общемъ не по средствамъ актерамъ и не по вкусу публикѣ. Оно упало, какъ тяжелый раскаленный метеоръ, въ грязное стоячее болото современной жизни, всколыхнуло на минуту его темную, смрадную воду и, произведя зловѣщее шипѣніе, стало опускаться на его илистое дно. Между буржуазнымъ обществомъ и писателемъ, отдавшимъ всѣ свои духовныя силы на служеніе протестантской морали, образовалась бездна, которая заполнится только въ будущемъ, когда умственныя и нравственныя силы общества, переживъ тяжелое броженіе современной эпохи, окончательно передѣлаютъ устарѣвшую догматику жизненнаго кодекса. Только въ новой исторической атмосферѣ публика и актеры пробились-бы сквозь густыя народно-бытовыя краски этой вдохновенной драмы къ ея глубокому общечеловѣческому смыслу.

Мы имѣемъ возможность подкрѣпить наши разсужденія словами самого Толстого, переданными намъ въ одномъ письмѣ изъ Москвы (отъ 8 дек. 1895 г.), которое мы печатаемъ, какъ это будетъ видно ниже, съ согласія его автора. Краткій отзывъ Толстого о собственномъ произведеніи съ достаточной силой подчеркиваетъ его замыселъ, оставшійся, повидимому, неяснымъ даже для той части публики, которая уносила изъ театра самое пріятное впечатлѣніе отъ художественно-бытовыхъ достоинствъ пьесы. Вотъ какъ записаны здѣсь слова Толстого:

> «Толстой недоволенъ постановкой «Власти тьмы» въ Маломъ театрѣ въ Москвѣ и—по слухамъ и отзывамъ — также въ Петербургѣ. Въ Москвѣ онъ смотрѣлъ постановку «Власти тьмы» на репетиціи. Даже исполненіе роли Анютки Егоровой, которую всѣ такъ хвалили, его не удовлетворило. «Было что-то раздирательное, сказалъ онъ. Это было слишкомъ реально, слишкомъ похоже на дѣйствительность. Она, видно, и сама перепугалась, когда кричала и это оставляло непріятное впечатлѣніе—слишкомъ сильно дѣйствовало на

чувство». Только Садовскую, игравшую роль Матрены, онъ хвалилъ безусловно,—за пониманіе настоящаго замысла автора. «Матрену вовсе не надо играть злодѣйкой, какой-то леди Макбетъ, какъ думаютъ многіе, сказалъ Толстой, это—обыкновенная старуха, умная, желающая по-своему добра сыну. Ея поступки не есть результатъ какихъ-нибудь особенныхъ злодѣйскихъ свойствъ ея характера, а просто выраженіе ея міросозерцанія. Она искренне думаетъ, что все то, что удобно и незазорно передъ другими людьми устраиваетъ жизненное благополучіе, вполнѣ возможно и позволительно. Темныя дѣла дѣлаются, по ея мнѣнію, всѣми—безъ этого невозможна жизнь, и она ихъ не боится». Вообще замыселъ драмы заключается не въ обличеніи народной жизни и какихъ-нибудь дурныхъ крестьянскихъ характеровъ, а въ изображеніи общаго всѣмъ классамъ житейскаго міросозерцанія, и то обстоятельство, что представители этого міросозерцанія смотрятъ драму съ легкимъ сердцемъ, какъ далекую отъ нихъ народную картину, кажется Толстому доказательствомъ того, что эта вещь не удалась ему...»

II.

Новая эпоха, которая ознаменуется въ своихъ лучшихъ выраженіяхъ полною побѣдою идеалистическихъ понятій, радикально передѣлаетъ и область искусства, и всю практическую область, всю жизнь людей. Никакія теоретическія идеи, зародившіяся въ сознаніи, не могутъ остаться безъ вліянія на производительную работу человѣческой души въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Раздвигая умственную сферу, озаряя ее болѣе яркимъ свѣтомъ, они открываютъ новые горизонты даже для простого чувственнаго воспріятія, съ котораго начинается, но которымъ никогда не завершается развитіе художественнаго процесса. Каждый новый оттѣнокъ въ міросозерцаніи отражается на всѣхъ ощущеніяхъ человѣка, порождаетъ новые эфекты въ чувственной сферѣ. Всякій знаетъ, что при искусственномъ вечернемъ освѣщеніи многіе цвѣта кажутся совершенно иными, чѣмъ при свѣтѣ солнца. Понятія идеалистическія являются именно яснымъ бѣлымъ свѣтомъ,—по сравненію съ реалистическими понятіями, односторонними, какъ каждый отдѣльный цвѣтъ солнечнаго спектра. Овладѣвъ душевной жизнью, въ качествѣ центральной силы, они создаютъ новые чувственные матеріалы, новыя представленія и настроенія, опредѣляющія всякую теоретическую и практическую дѣятельность. «Всѣ великія перемѣны въ жизни одного человѣка или всего человѣчества, говоритъ Толстой въ статьѣ *Не-дѣланіе*, начинаются и совершаются только въ мысли. Какія-бы ни происходили внѣшнія перемѣны въ жизни людей, какъ ни проповѣдывали-бы необходимость

измѣненія чувствъ и поступковъ, жизнь людей не измѣнится до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ перемѣна въ мысли. Но стоитъ произойти перемѣнѣ въ мысли, и рано или поздно, смотря по важности перемѣны, она произойдетъ въ чувствахъ и въ дѣйствіяхъ и въ жизни людей такъ-же неизбѣжно, какъ произойдетъ поворотъ корабля послѣ поворота руля». Само собою разумѣется, что измѣненіе въ сознательной сферѣ, о которомъ идетъ рѣчь, только въ томъ случаѣ отразится кореннымъ образомъ на всей жизни человѣка, если оно касается главныхъ принциповъ всякой духовной дѣятельности — религіозно-философскихъ, нравственныхъ и эстетическихъ идей. Эти именно идеи являются тою силою, которая связываетъ между собою всѣ явленія психической жизни, придавая имъ извѣстный характеръ. Внѣ идеи того или другого порядка душевная жизнь человѣка представляетъ безпорядочную картину слѣпыхъ стихійныхъ силъ, дѣйствующихъ во враждѣ между собою, взаимно уничтожающихъ или умаляющихъ другъ друга. Внѣ той или другой идеи внутренняя жизнь человѣка почти не существуетъ. Каждая изъ этихъ идей можетъ развиться въ цѣлое міросозерцаніе,—міросозерцаніе исключительно эстетическое, или міросозерцаніе утилитарно-нравственное или—при оторванности религіозныхъ представленій отъ живыхъ дѣятельныхъ стремленій—въ міросозерцаніе аскетическое. Но только при глубокомъ логическомъ сліяніи религіозныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ идей въ одну философскую систему міровоззрѣніе человѣка является тѣмъ яркимъ бѣлымъ свѣтомъ, въ которомъ съ полной ясностью и рѣзкостью, среди ветхихъ основъ жизни, обозначаются начала будущаго радикальнаго ренессанса.

Современное общество, при всемъ накопленіи идейныхъ силъ и запросовъ, отличающихъ его отъ общества еще недавней исторической эпохи, не выдвинуло изъ своей среды людей съ окончательно сложившимся философскимъ міровоззрѣніемъ новаго идеалистическаго типа. То, что замѣчается оригинальнаго въ жизни и литературѣ, въ большинствѣ случаевъ должно быть объяснено скорѣе безсознательной работой, инстинктивнымъ исканіемъ болѣе вѣрныхъ умственныхъ и эстетическихъ путей, чѣмъ яснымъ и смѣлымъ проникновеніемъ къ философскому источнику творческой дѣятельности. Въ области литературы, среди многочисленныхъ крупныхъ и малыхъ талантовъ, если не говорить объ исключеніяхъ, мы не видимъ людей съ полнымъ вдохновеннымъ міровоззрѣніемъ, сливающимъ въ себѣ идеи трехъ указанныхъ порядковъ. Однако, въ широкомъ броженіи современной эпохи, выбрасывающемъ на поверхность европейской литературы много странныхъ, болѣзненно-эксцентричныхъ, даже уродливыхъ явленій, намѣчаются факты, предвѣщающіе расцвѣтъ идеалистическаго искусства. Черезъ пеструю путаницу капризныхъ ощущеній и узкоэстетическихъ понятій, черезъ безсмысленную игру словъ, то мелоди-

чески ласкающихъ ухо, то грубо задѣвающихъ темные человѣческіе инстинкты, черезъ литературное декадентство пробиваются—подъ именемъ символизма—побѣги того настоящаго возвышеннаго искусства, которое будетъ органическимъ соединеніемъ религіозно-философскихъ, нравственныхъ и эстетическихъ идей на почвѣ поэтическаго творчества. Понятіе символическаго искусства еще не опредѣлилось въ современныхъ умахъ съ надлежащею ясностью и глубиною. Оно часто смѣшивается съ декадентствомъ, которое по существу своему есть типическое проявленіе односторонней эстетической реакціи. Сами декаденты охотно именуютъ себя символистами, думая, что говорить случайными намеками и туманными, хитросплетенными аллегоріями то-же самое, что выражать метафизическія идеи въ простыхъ, прозрачныхъ образахъ идеалистическаго искусства. Правда, на современныхъ символическихъ произведеніяхъ нѣкоторыхъ истинно талантливыхъ людей, какъ напр., Метерлинка, можно найти разлагающіеся, рыхлые пласты болѣзненнаго декадентства. При отсутствіи въ обществѣ и въ самыхъ дѣятеляхъ искусства стройныхъ, выдержанныхъ понятій критическаго идеализма, смѣшеніе символизма съ декадентствомъ является естественнымъ, въ данную переходную, подготовительную эпоху—почти неизбѣжнымъ. Но природа настоящаго символическаго искусства, съ его благороднымъ трагическимъ содержаніемъ, съ его безконечными религіозными перспективами, съ его рѣзкимъ протестантствомъ по отношенію ко всему пошлому, житейскому, буржуазному, окрѣпнетъ въ чистомъ, горномъ воздухѣ научно-философскаго идеализма. Свѣжимъ дуновеніемъ освобожденной мысли разсѣется манерность и напыщенность безплоднаго, развращеннаго декадентства.

Упомянутое выше, недавно полученное нами частное письмо передаетъ нѣсколько разсужденій Толстого на тему о декадентствѣ, представляющихъ высокій интересъ. Перепечатывая эту часть письма, мы не считаемъ возможнымъ выпустить и тѣ строки, которыя выражаютъ личныя впечатлѣнія автора объ отношеніи Толстого къ искусству вообще.

«Самымъ характернымъ, оригинальнымъ и цѣльнымъ изъ всего, что мнѣ пришлось сегодня слышать отъ Толстого, говорится въ письмѣ, было его разсужденіе о современной литературѣ въ связи съ декадентствомъ. Мнѣ не разъ приходилось слышать его сужденія объ искусствѣ и все, что онъ говорилъ, убѣждало меня въ томъ, что онъ отвергаетъ или «отрицаетъ» искусство только въ извѣстномъ смыслѣ, требуя для него внутренней реформы во имя того, что составляетъ душу всякаго настоящаго искусства и душу всего ученія Толстого. Разговоръ нашъ на эту тему начался по поводу нѣкоторыхъ беллетристическихъ вещей въ послѣднихъ книжкахъ журналовъ. Толстой, какъ вы знаете, читаетъ почти все,

что пишутъ современные беллетристы, и впечатлѣнія его на ихъ счетъ, конечно, такъ-же неутѣшительны, какъ впечатлѣнія всѣхъ свѣжихъ и живыхъ нашихъ современниковъ. «У меня составилась за послѣднее время своя теорія на этотъ счетъ, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. Я называю декадентами всѣхъ современныхъ писателей, потому что въ ихъ искусствѣ осталась только одна форма,—до того технически усовершенствованная, что она сама по себѣ производитъ впечатлѣніе на читателя, заставляя его забывать отсутствіе внутренняго содержанія. У нашихъ современныхъ беллетристовъ, даже не особенно талантливыхъ, способность дѣйствовать на воображеніе читателя развилась въ ущербъ всякому смыслу. Весь талантъ писателя, все его искусство сосредоточено только на томъ, какъ изобразить то или другое, какъ передать со всѣми мельчайшими подробностями тотъ или другой жизненный моментъ. И до того это хорошо удается имъ, что, читая въ какой-нибудь повѣсти А., какъ, напр., одѣвался господинъ къ торжественному обѣду, такъ и видишь передъ глазами его бѣлый галстухъ и жилетъ, и фракъ. Прежде всякія описанія давались съ трудомъ даже болѣе крупнымъ талантамъ, теперь—это стало легко всякому. И писатели, когда пишутъ, даже не разгорячаются, не разгораются въ процессѣ своей работы, и создаютъ эфекты, захватывающіе воображеніе читателя, ничего не имѣя въ душѣ, что стоило-бы высказать. То-же самое я вижу и въ современной музыкѣ, и во всѣхъ другихъ родахъ искусства. Ничего нѣтъ въ душѣ—и сочиняютъ, и пишутъ съ полнымъ успѣхомъ. Искусство перестало быть серьезнымъ дѣломъ, какимъ было оно прежде. Когда Софоклъ творилъ, это было для него дѣло божественное, онъ священнодѣйствовалъ, вкладывалъ въ свои драмы то, что у него въ душѣ было самаго лучшаго, самаго серьезнаго—и потому его понималъ весь народъ. Онъ говорилъ о вещахъ, имѣющихъ общее значеніе и высшій, религіозный смыслъ. Точно также, когда Бетховенъ творилъ, онъ весь загорался, все лучшее, самое серьезное, что было у него въ душѣ, выливалось въ его музыку. Онъ самъ загорался—и зажигаетъ всѣхъ насъ, когда мы его слушаемъ. А теперешнимъ художникамъ нечего сказать, и они все-таки говорятъ—должно быть для того, чтобы произвести впечатлѣніе на публику. И потому все, что теперь дѣлается въ искусствѣ,—мертвое, а не живое, пригодное и понятное только для извѣстныхъ классовъ общества, которымъ образы современныхъ художниковъ близки потому, что взяты изъ дѣйствительности. И это есть величайшая опасность для искусства. Тѣ, которыхъ всѣ называютъ декадентами, откровенно проповѣдуютъ, что все дѣло въ внѣшнихъ

впечатлѣніяхъ, въ игрѣ эфектовъ, не захватывающихъ сущности духовной жизни. Импрессіонизмъ тутъ откровененъ, тогда какъ у другихъ современныхъ писателей онъ скрытъ подъ такъ-называемымъ реализмомъ. Вы спросите меня, почему-же тогда—еще не особенно давно, во времена Пушкина и Гоголя, искусство стояло на такой высотѣ? Я думаю, что въ то время искусство еще вырабатывалось, нужно было выработать форму,—форма не давалась, какъ что-то готовое, что можно очень легко сдѣлать внѣшними средствами, затверженными и всѣмъ доступными техническими пріемами. Тогда форма была неотдѣлима отъ содержанія, именно потому, что ее нужно было создавать извѣстной, напряженной, внутренней работой, въ которой содержаніе пробивалось наружу. Оттого въ искусствѣ того времени все было такъ свѣжо... даже Гоголевскій Ноздревъ, сидящій на полу и хватающій за платье танцующихъ. Но искусство, начавшееся у насъ въ то время, уже выработало форму, сдѣлало ее доступной для всѣхъ и теперь разлагается... Попадаются, правда, вещи, въ которыхъ проглядываетъ мысль автора, то, что называется тенденціей. Но тогда эта тенденція торчитъ изъ произведенія, какъ какой-нибудь каркасъ—проволока, на которую нанизываются, положимъ, цвѣты въ искусственномъ вѣнкѣ. У однихъ мы видимъ какую-то разваливающуюся груду цвѣтовъ, ни на что не нанизанныхъ, у другихъ торчитъ голая пустая проволока. Такая тенденція вовсе не обнаруживаетъ глубокаго духовнаго содержанія, которое необходимо въ настоящемъ искусствѣ.

Сообщаю вамъ всѣ эти слова, кажется, точно мною записанныя во всѣхъ характерныхъ подробностяхъ. Дѣлаю это подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ. Считаю очень важнымъ все то, что Толстой говорилъ сегодня, по самой темѣ. Такъ какъ вы собираетесь писать о Толстомъ,—посылаю вамъ это письмо и думаю, что если оно въ какомъ-нибудь отношеніи пригодится для вашей статьи,—съ моей стороны не будетъ неделикатностью по отношенію къ Толстому предоставить вамъ мою запись—даже для напечатанія».

Въ этомъ разсужденіи Толстой, какъ мнѣ кажется, совершенно вѣрно указалъ на отличительную особенность современнаго декадентства, съ его холодною, виртуозною игрою эфектами внѣ какого либо глубокаго идейнаго содержанія. Форма въ искусствѣ достигла такой высоты, техника его получила такое широкое развитіе, что иногда подъ видомъ новыхъ поэтическихъ откровеній скрывается полное убожество внутренняго смысла. При всѣхъ своихъ новаторскихъ претензіяхъ декадентство постоянно сбивается на путь самой ординарной пошлости, замѣняя простоту и ясность настоящаго художественнаго вымысла нелѣпыми упо-

добленіями и аллегоріями. Отмѣчая эту сторону декадентства, Толстой затрогиваетъ самое больное мѣсто въ современномъ движеніи искусства. О символизмѣ онъ ничего не говоритъ. Но сочувственно вспоминая работу великихъ старыхъ художниковъ во всѣхъ областяхъ искусства, Толстой этимъ самымъ логически допускаетъ необходимость такого творчества, въ которомъ гармонически сочетались-бы лучшіе элементы духовной жизни—по какому-то новому закону, выработанному сознательнымъ отношеніемъ къ задачамъ поэтической дѣятельности. Это сознательное отношеніе къ цѣлямъ искусства должно внести въ произведенія художественнаго творчества все то, что составляетъ отличіе современнаго идеализма отъ наивнаго догматическаго идеализма прошедшихъ историческихъ эпохъ. Въ будущемъ искусствѣ, которое явится воплощеніемъ цѣльнаго и стройнаго міросозерцанія, при иномъ, болѣе протестантскомъ отношеніи къ жизни, ко всякой прозаической, буржуазной дѣйствительности, неизбѣжно возродится прежній артистическій экстазъ въ работѣ надъ содержаніемъ слитно съ подходящею для него формою. Искусство опять станетъ дѣломъ труднымъ и серьезнымъ.

Есть признаки того, что въ искусствѣ уже подготовляется эта коренная реформа,—обновленіе его внутренней идеи и внѣшней оболочки. Но то новое отношеніе къ искусству, которое еще слабо, неувѣренно пробивается въ самой литературѣ, бродитъ въ ней запутанными, иногда невѣрными дорогами, въ обществѣ почти совсѣмъ еще не опредѣлилось. Современные люди, не имѣя опоры въ широко разработанныхъ эстетическихъ и научно-философскихъ ученіяхъ, строятъ свои взгляды на литературныя произведенія новаго типа сообразно своимъ преобладающимъ индивидуальнымъ особенностямъ. Одни, какъ-бы примыкая къ реформаторскому движенію, берутъ изъ него только внѣшнюю эстетическую сторону и превозносятъ ея красоту въ диллетантскихъ выраженіяхъ, съ нервическимъ упоеніемъ разслабленныхъ наркотиковъ. При бездѣятельности высшаго нравственнаго инстинкта, имѣющаго глубокую мистическую природу, они видятъ въ красотѣ какую-то внѣшнюю силу, равнодушную къ существующему въ дѣйствительности злу и къ божественнымъ грезамъ о добрѣ и благѣ. Мистическое, сверхчувственное начало жизни совершенно не существуетъ для ихъ разума, и праздное, расплывчатое воображеніе ихъ, содрогающееся отъ всего яркаго, рѣзкаго, опредѣленнаго, плѣняется всѣмъ, что затуманиваетъ, сглаживаетъ рельефныя очертанія предметовъ. Люди другого типа ищутъ въ художественныхъ произведеніяхъ категорическаго отвѣта на вопросы моральнаго характера, на вопросы о томъ, какъ именно нужно поступать въ жизни для воплощенія альтруистической добродѣтели. Ихъ интересуетъ только жизненная тенденція автора, при чемъ одни понимаютъ эту тенденцію въ узко гражданскомъ смыслѣ, въ духѣ передовыхъ политическихъ стремленій даннаго историческаго

момента, другіе—въ смыслѣ личной практической морали. Произведенія, въ которыхъ заложены глубокія, вѣчныя идеи, не поддающіяся немедленной эксплоатаціи въ интересахъ жизненнаго благополучія, кажутся этимъ одностороннимъ поборникамъ морали произведеніями пустыми, аристократически праздными. Обѣ эти категоріи людей, образующія современное интеллигентное общество, находятся на низкой ступени философскаго развитія и потому не могутъ внести въ искусство нашихъ дней тѣхъ широкихъ, ясныхъ настроеній, въ которыхъ неразрывно соединились на идеалистической почвѣ эстетическіе и нравственные интересы. Тѣ рѣдкія, счастливыя созданія искусства, въ которыхъ творческій геній пробился сквозь всѣ препятствія данной переходной эпохи, возбуждаютъ очень мало сочувствія въ обществѣ, не умѣющемъ сочетать въ одно цѣлое сложныя идеи высшаго порядка.

Яркою иллюстраціею этого положенія вещей можетъ служить отношеніе публики не только къ драмѣ Толстого, но и къ одноактной трагедіи бельгійскаго писателя Метерлинка. Драма Толстого, въ которой содержаніе вылилось изъ глубокаго духовнаго источника, изъ новаго протестантскаго міровоззрѣнія, оставивъ въ безсмысленномъ недоумѣніи житейски настроенную толпу, въ людяхъ, имѣющихъ передъ этой толпой преимущество нѣкоторой интеллигентности, возбудило либо гримасы болѣзненно-эстетической брезгливости, либо узко-тенденціозное одобреніе оптимистической развязкѣ пьесы—съ чисто россійскимъ покаяніемъ Никиты передъ міромъ православныхъ людей. Во всемъ, что въ драмѣ есть глубокаго, новаго, трагическаго, она осталась непонятой. Маленькая, но полная тонкаго философскаго смысла пьеса Метерлинка «L'intérieur», названная въ русскомъ переводѣ «Тайны души», прошла при всеобщемъ истерическомъ смѣхѣ публики. Слышались какіе-то судорожные, отрывочные, одинокіе аплодисменты, но они заглушались увѣреннымъ шиканьемъ толпы, принимавшей произведеніе Метерлинка за явную безсмыслицу. А между тѣмъ эта странная, неожиданная по формѣ пьеса, отмѣченная яркою печатью выдающагося таланта, уже полна тѣхъ настроеній, которыя должны обновить современное искусство. Отвлеченная идея, составляющая душу этого произведенія, нашла себѣ выраженіе въ простомъ, реальномъ и трогательномъ сюжетѣ—безъ малѣйшаго бытового оттѣнка, въ образахъ, не имѣющихъ твердыхъ индивидуальныхъ очертаній, но близкихъ и понятныхъ каждому человѣку. При благородномъ, сдержанномъ, почти нѣмомъ ужасѣ немногочисленныхъ персонажей передъ разыгравшейся трагедіей—на сценѣ раздается одинъ только голосъ, слышатся нѣжныя и мудрыя слова, полныя возвышенной жалости къ судьбѣ страдающаго, объятаго фатальною тьмою человѣчества. Безъ романтическаго, все опошляющаго изступленія, безъ возгласовъ и криковъ, раздирающихъ нервы зрителей, проходитъ передъ глазами обыденная,

но многознаменательная драма. На темной сценѣ — небольшой домъ съ освѣщенными окнами, сквозь которыя видна семья мирныхъ обывателей. Старые отецъ и мать и двѣ взрослыя дочери сидятъ за вечернею работою въ ожиданіи отсутствующаго члена семьи—молодой дѣвушки, третьей дочери стариковъ. Но она не придетъ. Какая-то неизвѣстная, скрытая отъ всѣхъ, драматическая исторія довела ее до самоубійства. Семья еще ничего не знаетъ, и чужіе люди, находящіеся на сценѣ, должны разсказать о несчастіи роднымъ. Но это не такъ просто для людей, умѣющихъ понимать человѣческое горе, во всей его безпомощности, во всей его непоправимости. Объ этомъ и говоритъ мудрый старикъ, стоя у освѣщенныхъ оконъ маленькаго домика, окруженнаго—подобно каждому человѣку, подобно всему человѣческому міру — непроглядною тьмою. Но обстоятельства заставляютъ и самыхъ мягкихъ людей вторгаться въ чужую жизнь, въ качествѣ жестокихъ, безвольныхъ орудій судьбы. Старикъ долженъ нарушить мирную жизнь семьи своимъ извѣстіемъ. Черезъ нѣсколько мгновеній — при растерянномъ безмолвіи семьи, толпа, скованная торжественнымъ, уважительнымъ молчаніемъ, приноситъ трупъ молодой утопленницы...

Сквозь тяжелые мертвые пласты отживающаго натурализма, сквозь искусственную пестроту гнилого декадентства, прокладываетъ себѣ путь новое искусство, одушевленное глубокими нравственно-философскими идеями.

А. Волынскій.

Любовь.

Романъ въ четырехъ книгахъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Und wie viel ist noch geblieben!
Und wie Jchön ist noch die Welt!
Und mein Herz, was dir gefällt
Alles, Alles darfst du lieben!

Heinrich Heine.

Гости Клеопатры Павловны Ставлиной разъѣзжались. Губернаторъ уѣхалъ еще до ужина, послѣ трехъ роберовъ своей обычной партіи. Его превосходительство ссылался на спѣшныя дѣла и, къ огорченію барышень, увезъ съ собою дежурнаго чиновника, ихъ перваго танцора и общаго любимца. Правда, губернаторша остовалась до конца вечера— но это только могло отчасти смягчить огорченіе хозяйки.

Ужинъ представлялъ для нея сегодня особенный интересъ; единственно при помощи различныхъ хитростей, окольными путями, удалось вывѣдать у губернаторскаго повара секретъ любимаго раковаго соуса. Клеопатра Павловна заранѣе предвкушала свое торжество, видѣла милую улыбку генерала и безсильную ярость m-me Головкиной, ухаживаніе которой доходитъ наконецъ до неприличія. (Она буквально разоряется на завтраки и ужины, совершенно не по средствамъ несчастнаго мужа). И всѣ хлопоты пропали даромъ!..

Впрочемъ, кромѣ раковаго соуса, Клеопатру Павловну въ этотъ вечеръ постигла еще и другая досадная неудача; но, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, съ самообладаніемъ истинно свѣтской женщины,

она не только не обнаружила и тѣни досады, но какъ ни въ чемъ не бывало казалась въ этотъ вечеръ особенно любезной и разговорчивой со своими гостями.

Только встрѣчаясь отъ времени до времени съ неудомѣвающими взглядами Елены Ставлиной, Клеопатра Павловна чуть замѣтно поводила пышными плечами и сжимала иронически черезчуръ яркія губы, давая этимъ понять петербургской гостьѣ, что она ничуть не удивляется и все это заранѣе предвидѣла.

Елена скучаетъ, это очевидно. Она и пріѣхала-то на вечеръ единственно для того, чтобы встрѣтиться съ Безпаловыми; она не скрываетъ, что терпѣть не можетъ незнакомаго общества и совершенно не привыкла къ провинціальной жизни.

Клеопатра Павловна также прожила свою молодость въ Петербургѣ и потому отнеслась снисходительно къ такой откровенности. Да! къ провинціи надо привыкнуть и привыкнуть—надо изучить ее, для того чтобы войти во вкусъ и полюбить!

Вмѣстѣ съ губернаторшей послѣ ужина разъѣхалось большинство гостей. Но истинные друзья дома еще долго оживленно болтали въ опустѣвшихъ залахъ, уже безъ всякихъ стѣсненій обмѣниваясь впечатлѣніями и новостями.

Петербургская гостья нѣсколько разъ порывалась уѣхать, но ее не пускали. Одна въ маленькой гостиной, она зѣвала надъ альбомами, гдѣ розыскала карточки неявившихся на вечеръ супруговъ Безпаловыхъ. Хорошенькую Нину Ставлину она узнала безъ труда; она видала ее совсѣмъ молоденькой дѣвушкой, когда послѣ свадьбы пріѣхала съ мужемъ въ К*** знакомиться съ его многочисленной родней.

Романа Безпалова Елена никогда не встрѣчала; но она слыхала о немъ много любопытнаго въ Петербургѣ, отъ одного изъ его товарищей по университету, и здѣсь, отъ тетушки Клеопатры Павловны, и у нея явилось живѣйшее желаніе примирить какъ-нибудь странныя противорѣчія этихъ отзывовъ... Ей хотѣлось самой рѣшить—гдѣ-же правда?—Дѣйствительно-ли Романъ Безпаловъ замѣчательно одаренный человѣкъ, котораго ожидаетъ блестящая будущность или-же это только невоспитанный плебей и эгоистъ, загубившій жизнь красавицы Ниночки, имѣвшей безуміе влюбиться въ него и убѣжать съ нимъ изъ дому.

Во-первыхъ, кто въ наши дни убѣгаетъ изъ дому, чтобы обвѣнчаться со своимъ героемъ?! Одинъ такой романическій анахронизмъ способенъ былъ въ глазахъ Елены придать большой интересъ этому супружеству, являвшемуся источникомъ постоянныхъ уколовъ для самолюбія именитаго рода Ставлиныхъ.

Наконецъ-то въ далекой прихожей прозвучали послѣдніе поцѣлуи и прощальныя восклицанія. Хозяйка дома, шумя шелковымъ шлейфомъ,

быстро пронеслась по опустѣвшей анфиладѣ по направленію къ маленькой гостиной.

— А-а-а!.. Ты меня проклинаешь, je m'imagine..! Еще не такъ поздно, chère amie... Я тебя не стану задерживать—только два слова!—сыпала она быстрымъ говоромъ, слегка задыхаясь отъ спѣшной ходьбы. Самъ сановникъ вошелъ вслѣдъ за нею съ внезапно обрюзгшимъ видомъ усталаго человѣка, которому до смерти надоѣло цѣлый вечеръ улыбаться и строить всѣмъ любезныя мины.

— Ты совсѣмъ заморозила Елену Семеновну, душа моя—какъ будто вы видитесь сегодня въ послѣдній разъ! c'est ridicule tout bonnement. Неправда-ли, мы превратились въ совершеннѣйшихъ провинціаловъ? обратился онъ съ кислой улыбкой къ гостьѣ.—Мы не понимаемъ гостепріимства безъ того, чтобы не закормить до болѣзни и не заговорить до обморока своихъ гостей.

— Вы удивительно какъ остроумны сегодня,—но, Бога ради, не мѣшайте намъ и отправляйтесь спать, если вамъ такъ хочется!—обрѣзала нетерпѣливо супруга.

Елена поспѣшила вмѣшаться, чтобы скорѣе поставить разговоръ на надлежащую дорогу.

— Къ сожалѣнію, Клеопатра Павловна, ваши опасенія оправдались—Безпаловы не пріѣхали!

И ея мягкіе темные глаза на усталомъ продолговатомъ лицѣ дѣйствительно выражали сожалѣніе.

— Ну, вотъ, ты теперь сама можешь судить, была-ли я пристрастна! Я тебя спрашиваю—что могло случиться?

— Вы говорили, что Нина постоянно больна... Припадки? выговорила нерѣшительно Елена.

— Капризы-съ, ничего больше!—фыркнулъ изъ глубины комнаты хозяинъ, не пожелавшій воспользоваться разрѣшеніемъ отойти съ миромъ ко сну. У каждой женщины да имѣются какіе-нибудь свои припадки,—оружіе внутренней политики.

Жена снисходительно скривила губы въ его сторону и отвѣтила Еленѣ.

— Ты забываешь, что я видѣла ее сегодня утромъ — ce matin même! перевела она ради большей убѣдительности... Вчера я послала записку и получила отвѣтъ: «приказали кланяться и благодарить». Какъ это понимать? Они не знаютъ даже того, что и согласіе и отказъ порядочные люди выражаютъ въ подобныхъ случаяхъ письмомъ. Нарочно для вѣрности сама заѣхала сегодня изъ лавокъ и убѣдилась, что Нина совершенно здорова... et voilà! J'ai fait de mon mieux. Мнѣ хотѣлось исполнить твое желаніе.

— Ну, а Романъ? Почему-же Романъ одинъ не пришелъ, если она осталась подъ предлогомъ болѣзни?—проговорила въ раздумьи Елена.

— Одинъ!? Ха, ха, ха—ты наивна, chère amie! Она никуда, никуда рѣшительно не пускаетъ его безъ себя. Она выѣзжаетъ не иначе какъ вмѣстѣ. Une vraie idylle, je vous dis!

— Ну какъ это такъ не пускаетъ—что-же ты фантазируешь, Клеопатра Павловна!—вмѣшался нехотя Ставлинъ, какъ человѣкъ, которому все равно мѣшаютъ спать.—Кого это можно не пустить—просто Безпаловъ, какъ неглупый человѣкъ, не гонится за тѣмъ, чтобы толкаться въ чужомъ обществѣ. За это я положительно уважаю его. Да и скажи, что ему дѣлать на твоихъ вечерахъ? Въ карты онъ не играетъ, за барынями не волочится, ужинать не привыкъ. Вы, Елена Семеновна, не очень-то полагайтесь на декреты нашихъ барынь! На Безпалова всѣ взъѣлись.—Какъ-же! молодой, красивый малый, ученый—excusez du peu!—герой романа, и знать никого не хочетъ, не глядитъ на нашихъ красавицъ... преступленіе, само собой!

— Нѣтъ-съ—невѣжество и неблагодарность!—воскликнула блеснувъ глазами Клеопатра Павловна.—Я, конечно, не нуждаюсь въ томъ, чтобы господинъ Безпаловъ украшалъ мой салонъ, но для него-то самого очень и очень важно было-бы встрѣтиться съ Григоріемъ Николаевичемъ въ гостиной. Впрочемъ, въ такихъ случаяхъ я виню жену — que voulez vous?—онъ можетъ и не понимать такихъ вещей! Вѣдь не стану-же я разставлять точки на i, втолковывать г-ну Безпалову, насколько подобные пустяки на его взглядъ могутъ быть важны для его служебной карьеры. Нина должна-бы понимать такія вещи, еслибъ она не корчила изъ себя какого-то неземного ангела. Enfin—ça les regarde!

— A la bonheur, madame!—давно-бы такъ!—вставилъ съ ироніей мужъ.

— Ну вѣдь это только такъ говорится, загорячилась она сейчасъ-же:—живя въ одномъ городѣ, мы не можемъ быть равнодушны къ ихъ положенію—ça nous regarde, mon cher! Существуютъ службой... можешь представить, душа моя, что на его жалованье не раскутишься. Онъ могъ-бы получить повышеніе, въ скоромъ времени предвидится нѣкоторое движеніе. Но для этого надо самому что-нибудь сдѣлать, надо умѣть быть пріятнымъ людямъ! Независимая манера, благородная плебейская гордость—tout ça est bel et bon, когда есть еще какіе-нибудь другіе рессурсы.

Клеопатра Павловна принуждена была перевести духъ и Елена получила возможность замѣтить:

— А его книга, ma tante? Я слыхала, что это капитальное сочиненіе по біологіи, что она можетъ открыть ему дорогу къ профессурѣ. Онъ кажется магистрантъ?

Тетушка всплеснула руками.

— Hélène, chère! ты слишкомъ умна, чтобы повторять эту басню!

Интересно, чѣмъ-бы это господинъ Безпаловъ могъ удивить ученый міръ съ своего чердака... mais à la lettre, chérie! — лабораторія нашего знаменитаго ученаго помѣщается на чердакѣ! Ça vous plait?.. Это такая грязь и вонь — (pardon, душа моя!) — какія-то животныя — опыты, такая мерзость, однимъ словомъ, что, конечно, совершенно немыслимо въ ихъ конуркахъ. Наконецъ, и не одинъ хозяинъ не допуститъ этого въ своей квартирѣ. Наши купцы, можешь думать, какъ они къ этому относятся! Ихъ чуть не выгнали! Пришлось оказать давленіе черезъ полицію на этого лабазника, что-ли, у кого они нанимаютъ... Voilà! пріятности подобнаго родства.

На щекахъ Елены показался блѣдный румянецъ, и она вдругъ поднялась на ноги эластичнымъ движеніемъ.

— Ну, что касается чердака, Клеопатра Павловна, такъ это не помѣха, могу васъ увѣрить, и совсѣмъ не новость въ ученомъ мірѣ! — проговорила она звонкимъ голосомъ. — Величайшія открытія нерѣдко являлись на свѣтъ Божій изъ мансардъ и подваловъ. Отъ генія, слава Богу, не требуется родословнаго дерева!

Ставлинъ, прохаживавшійся тихими шажками въ глубинѣ комнаты, круто остановился и кинулъ на нее зоркій начальническій взоръ.

— Вы, я вижу, крѣпко вѣруете въ нашего семейнаго Дарвина?... — процѣдилъ онъ сквозь зубы. — Я что-то не слыхивалъ, чтобы попадали изъ мелкихъ чиновниковъ въ профессора, mais enfin! Готовъ согласиться съ вами, что для генія законъ не писанъ. Il se fait attendre, tout de même, votre homme de génie!

— Я никогда не говорила, что Безпаловъ геніальный человѣкъ и вовсе не приравнивала его къ Дарвину... — начала было Елена, но не договорила и съ внезапной улыбкой протянула руку теткѣ. — Впрочемъ, давнымъ давно пора спать, а не обсуждать чужія судьбы! Покойной ночи, tante. Merçi.

Онѣ поцѣловались.

— Жаль, жаль, что знакомство не состоялось... Кажется, онъ сильно интересуетъ насъ, m-r Дарвинъ? — подтрунилъ еще разъ добродушно генералъ.

— О, да! И я непремѣнно познакомлюсь. Я завтра же сама отправлюсь къ нимъ, — отвѣтила Елена весело.

— Вотъ и отлично! Въ такомъ случаѣ я заѣду за тобой и познакомлю васъ, — рѣшила сейчасъ-же Клеопатра Павловна. — Мнѣ кстати надо пожурить Нину. Всякому ребячеству должны быть границы!

Елена охотно попросила бы тетушку не безпокоиться и не сопровождать ее къ Безпаловымъ, но, услыхавъ конецъ фразы, она поняла всю безполезность такой попытки.

— Merci! — отвѣтила она только.

Когда Клеопатра Павловна, проводивъ запоздалую гостью, пришла въ супружескую спальню — генералъ, успѣвшій уже разоблачиться на половину, встрѣтилъ ее вопросомъ:

— Dites donc — она изъ нигилистокъ, эта твоя Елена?

Жена презрительно посмотрѣла на его слегка горбившуюся сухую спину.

— Не знаю, гдѣ ты теперь видишь нигилистокъ! Конечно, Елена съ этимъ направленіемъ — была на докторскихъ курсахъ, на войну ѣздила. Но ничего не могу сказать—вполнѣ благовоспитанная женщина и манеры прекрасныя. Я бы и не подумала.

— Да, но все-таки непонятно, что Serge нашелъ въ ней? Ни красива, ни дурна. Впрочемъ, она кажется сестрой милосердія была при немъ?... Ну, этимъ все и объясняется! Бѣдняги обыкновенно тѣмъ кончаютъ, что влюбляются въ своихъ спасительницъ.

— Да, ужъ надо сознаться, что Ставлинымъ особенное счастіе на мезальянсы!—не приминула уязвить Клеопатра Павловна, имѣвшая всѣ основанія считать, что сама она, рожденная Долгинъ-Вражская, легко могла бы сдѣлать и несравненно болѣе блестящую партію.

II.

Елена Семеновна Ставлина пріѣхала въ городъ К*** по дѣламъ. Богатый купецъ Коневъ женилъ старшаго сына и торговалъ для молодыхъ старинный ставлинскій домъ, пустовавшій уже нѣсколько лѣтъ послѣ смерти свекрови Елены. Сергѣй Ставлинъ умеръ отъ послѣдствій раны черезъ два года послѣ турецкой войны. Его единственный наслѣдникъ, пасынокъ Елены, заканчивалъ свое воспитаніе въ одномъ изъ высшихъ военныхъ училищъ и молодая мачиха управляла значительнымъ состояніемъ, оставленнымъ въ ея пожизненное владѣніе.

Елена сочла своею обязанностью лично убѣдиться въ выгодности предложеній, какія дѣлалъ купецъ Коневъ, и уже вторую недѣлю жила въ К***.

Она занимала только одинъ кабинетъ, большую комнату, выходящую окнами въ огромный запущенный садъ. Садъ спускался отлогимъ скатомъ къ рѣкѣ и здѣсь уже чувствовалось могучее дыханіе ранней весны. Солнце быстро съѣдало снѣгъ, осѣдавшій подъ его лучами, и сквозившій синими тѣнями. Куртины выбивались изъ подъ него своимъ бурымъ дерномъ и неряшливыми кустиками запущенныхъ цвѣтниковъ. Полусгнившія доски садовыхъ скамеекъ проглядывали тамъ и сямъ черными заплатами.

Ставлина велѣла выставить рамы и часами просиживала у открытаго окна, прислушиваясь къ смѣшаннымъ весеннимъ звукамъ и слѣдя

за быстрыми побѣдами солнца.—Вонъ и еще одна новая скамеечка намѣтилась въ боковой аллеѣ двумя круглыми пятнами—видно столбики одни отъ нея уцѣлѣли. А на косогорѣ, гдѣ вчера еще лежалъ сплошной снѣгъ, обозначилось сразу нѣсколько проталинъ. Почки замѣтно набухаютъ съ каждымъ днемъ. Воробьи и вороны стаями слетаются на голыя вершины деревьевъ и поднимаютъ такой гвалтъ, точно у нихъ идутъ озабоченныя совѣщанія и споры о близкихъ лѣтнихъ дѣлахъ.

На той сторонѣ рѣки, въ огородѣ, начались работы—парники набиваютъ. Верхушки грядъ обозначились правильными черными рядами. По вѣтру доносится запахъ навоза и голоса работниковъ. Гдѣ-то правѣе молодой баритонъ отлично поетъ старинныя русскія пѣсни. За деревьями не видишь, должно быть—тоже огородъ чей-нибудь, хозяинъ молодой распѣлся за привольной работой...

Пока окно открыто и свѣтитъ солнце—Елена не хочетъ думать о продажѣ стараго дома купцу Коневу. Ей нравится этотъ славный садъ и большая комната съ тяжелой старинной мебелью. Да и весь домъ хорошъ, но она не любитъ другихъ комнатъ — въ нихъ какой-то особенный «застоявшійся дворянскій запахъ», какъ выразилась она въ письмѣ къ Володѣ на другой день по пріѣздѣ въ К***.

Расположеніе и убранство комнатъ, вся обстановка — солидная и шаблонная, перешедшая отъ дѣдовъ и наполовину работы собственныхъ крѣпостныхъ мастеровъ — наводила на Елену безотчетную тоску. На всѣхъ этихъ нѣмыхъ свидѣтеляхъ минувшаго лежитъ характерная печать иного, прочно укоренившагося, вѣкового строя, безвозвратно смытаго жизненной волной... Боже мой, сколько разъ она читала описанія точь въ точь такихъ вотъ дворянскихъ залъ и гостиныхъ, гдѣ пировала сытая, своевольная, грубая и праздная помѣщичья Русь!..

Наверху, въ мезонинѣ есть еще двѣ небольшія комнатки съ чуднымъ видомъ на рѣку и на зарѣчье, и онѣ Еленѣ особенно нравились. Судя по убранству, въ нихъ должно быть жили барышни, но семидесятилѣтній Ефимъ, сторожившій домъ, не могъ ничего разъяснить барынѣ.

Елена отъ бездѣлья любила слушать отрывочныя воспоминанія дряхлаго Ефима о минувшемъ величіи Ставлиныхъ, когда самъ именитый Порфирій Даниловичъ состоялъ четверть вѣка губернскимъ предводителемъ и спускалъ съ трескомъ и блескомъ одно за другимъ родовыя помѣстья, лѣсныя дачи и степныя угодья. Но въ этомъ скромномъ домѣ, конечно, жилъ полновластный царекъ губерніи—его хоромы, биткомъ набитыя всякими заморскими затѣями и диковинками, давно пошли съ молотка.

...Наступалъ вечеръ. Закрывались ставни. Тихо догораетъ жарко истопленная печка, и при тускломъ свѣтѣ старомодной лампы воскресаютъ въ шамканьи беззубаго старика удивительные, почти невѣроятные

эпизоды старой были... Тогда Елена говоритъ себѣ, что завтра-же она непремѣнно кончитъ со своимъ покупателемъ. Пусть никогда Володя Ставлинъ не дышитъ этимъ отравленнымъ воздухомъ! пусть не коснутся юношескаго слуха грезы на яву, поражающія то дикой отвагой и незнающими препонъ вожделѣніями, то безграничнымъ самообожаніемъ и безсмысленнымъ самодурствомъ. Желѣзные характеры, безграничный произволъ, колоссальныя богатства—куда, на что ушло все это? Гдѣ-же они, дѣянія цѣлаго ряда поколѣній, принимавшихъ власть изъ рукъ въ руки надъ тысячами человѣческихъ существъ и надъ необъятными пространствами русской земли? Гдѣ плоды вѣкового дарового труда? На что-же могутъ указать Ставлины, кичащіеся древнимъ родомъ, какъ на заслугу свою въ исторіи культуры родной земли? Чему научили,—что учредили, — надъ чѣмъ потрудились они въ своемъ родномъ уѣздѣ? Что могутъ они сказать, обводя насколько взоръ хватаетъ эти вырубленные лѣса, выпаханныя поля, непроѣздныя дороги и убогія деревушки — что, кромѣ: все это было наше!

Клеопатра Павловна подъѣхала въ два часа къ ставлинскому дому въ щегольскомъ фаэтонѣ.

Она не пожелала выходить изъ экипажа, и послѣ напрасныхъ попытокъ дозвониться въ подъѣздѣ, кучеръ принужденъ былъ отправиться во дворъ разыскивать другіе ходы. Прошло довольно много времени, прежде чѣмъ онъ вернулся, ворча на запустѣнье...

— Вотъ продастъ Елена Семеновна домъ—заведетъ тутъ Коневъ купеческіе порядки!—замѣтила саркастически барыня.

— И то! что-жъ хорошаго и такъ-то—ни себѣ, ни людямъ. Какіе ни на есть, да порядки... Что-жъ, Коневъ хозяинъ исправный,—отстаивалъ кучеръ Парфенъ убѣжденнымъ тономъ.

Клеопатра Павловна только вздохнула.

Елена вышла оживленная и стала извиняться, что заставила ждать. Надо было отвѣтить Коневу. Одолѣваетъ онъ ее совсѣмъ — каждый день отъ него гонцы—объясняла она, усаживаясь рядомъ съ теткой.

— Что-же, вы съ нимъ въ цѣнѣ не сходитесь?—полюбопытствовала генеральша.

— Н-нѣтъ,—проговорила Елена нерѣшительно, щурясь на солнце.—Я Коневу написала—пусть подождетъ пока рѣка пройдетъ!

— Рѣка?.. повторила въ недоумѣніи тетка.—Что тебѣ рѣка?

— Хочу видѣть садъ съ рѣкой... Жалко продавать, Клеопатра Павловна... Вы не думаете?

— Разумѣется жалко, ma chère—старое, родовое гнѣздо! Вездѣ, куда ни погляди, мѣщанство водворяется. Кто нынче въ собственныхъ домахъ живетъ?—Одни купцы! Мы всѣ по наемнымъ квартирамъ тѣснимся.

Елена усмѣхнулась одними глазами.

— Нѣтъ, а потому что мѣсто очень ужъ красивое. Такой садъ въ городѣ рѣдкость. Вотъ рѣка пройдетъ—прелесть, должно быть!

— Далась ей рѣка!—разсмѣялась тетка. Или ты тутъ жить соблазняешься? A la bonne heure, chèrie!—Мы всѣ какъ рады будемъ,—что тебя въ Петербургѣ держитъ? Володенька?—такъ онъ все равно въ заведеніи, пріѣзжать будетъ на праздники. Право, ты подумай... Въ провинціи стоитъ только обжиться и скуки быть не можетъ... Съ твоими средствами! Какъ разъ опять замужъ выйдешь...

— Клеопатра Павловна!

— Что-жъ тутъ такого, ma chère?.. Тебѣ вѣдь тридцать, я думаю, самое большее. На видъ и того меньше? Всего два года съ мужемъ пожила, что это за жизнь!

Елена хмуро молчала.

— Ну, ну!—ne boudez pas—точно барышня... Я старуха, у меня внучкѣ скоро замужъ пора.

— Нѣтъ, я замужъ не пойду, сказала Елена задумчиво.—Вотъ еслибъ нашлось по душѣ дѣло какое-нибудь. Я пожалуй осталась-бы... вашъ К*** мнѣ нравится... Устала я отъ Петербурга.

— Какія-жъ такія дѣла для насъ?—филантропіей развѣ займешься... Губернаторша въ восторгѣ будетъ... Она все плачется, что ни въ комъ не находитъ истиннаго сочувствія! Но кому-же охота вѣчно играть подчиненную роль, хлопотать безо всякой самостоятельности. Я отказалась—j'en ai assez, moi! Отбыла повинность—и довольно.

— Это домъ Безпаловыхъ, не правда-ли?!—встрепенулась молодая женщина, когда фаэтонъ сталъ осторожно пробираться по отчаянно разгрязненному весенней распутицей немощеному переулку къ старому одноэтажному дому.

Дверь открылъ самъ Безпаловъ. Это было такъ неожиданно, что Елена покраснѣла, увидѣвъ внезапно передъ собой красивое лицо, смутно знакомое по карточкѣ.

— Хорошъ, хорошъ! И не стыдитесь мнѣ въ глаза смотрѣть?..—зачастила сейчасъ-же Клеопатра Павловна.—Ah, non, cette fois... лучше ужъ и не разсказывайте ничего!.. Я дѣйствительно сержусь... Vous tranchez tous mes plans—и самымъ, неудачнымъ образомъ!.. Вы совсѣмъ не заслуживаете, чтобы я привезла вамъ такую милую гостью.

Елена, улыбаясь, протянула руку хозяину.

— Мы старые незнакомцы. Вы не захотѣли познакомиться со мною вчера, и мнѣ осталось только самой придти къ вамъ...

— Романъ! Романъ! пошли скорѣе Душу! Нина, ты должна одѣться... Я такъ не позволяю! Романъ!—взывалъ гдѣ-то совсѣмъ близко взволнованный женскій голосъ изъ за отворенной двери.

— Вотъ, мы побезпокоили вашу жену! пожалуйста. пожалуйста ступайте—она зоветъ васъ. Мы и сами усядемся...—заволновалась Елена.

— Сейчасъ, сейчасъ! Нинѣ было очень дурно вчера... Это ничего, она выйдетъ. Ей полезны развлеченья... Клеопатра Павловна, ваше превосходительство, только пожалуйста не распекайте ее сегодня—она совсѣмъ больная!

Романъ метался между закрытой дверью, за которой слышался теперь дѣтскій плачъ, и диваномъ, съ плотно придвинутымъ столомъ, куда онъ желалъ непремѣнно затиснуть обѣихъ дамъ.

— Ну, вотъ сама видишь—онъ точно на угольяхъ!—усмѣхнулась злорадно тетушка, когда хозяинъ рѣшился, наконецъ, скрыться за дверью.

— Мы явились не во время...

— Ah, ça!—когда тутъ можетъ быть во-время?—На все, про все, одна кухарка, какого ты хочешь порядка...

— Сколько лѣтъ дѣвочкѣ?—спросила Елена, прислушиваясь.

— Шесть... пренесносное созданіе—избалована, точно принцесса!... Ну, слава Богу, слава Богу, ты все-таки на ногахъ!—пріѣхала узнать, что случилось... Bonjour, petite ange!—сказала безъ малѣйшей запинки Клеопатра Павловна, поднимаясь навстрѣчу входившей хозяйкѣ.

Маленькая Ниночка, прелестная миніатюрная куколка, съ разсыпанными по плечамъ свѣтлыми кудрями, перехваченными голубой лентой, очень непочтительно подставляла важной бабушкѣ наплаканную щечку и отворачивалась, чтобы взглянуть на незнакомую гостью.

Высокая, тоненькая дама въ нарядномъ капотѣ съ красиво свернутой косой на маленькой головкѣ и большими карими глазами на прозрачномъ лицѣ поразила Елену своимъ изяществомъ. Карточка, которую она такъ внимательно разглядывала вчера, не могла передать нѣжности красокъ и изнѣженной граціи движеній. Когда Нина заговорила слабымъ музыкальнымъ голосомъ, выражая свое удовольствіе возобновить знакомство съ кузиной,—Ставлиной захотѣлось поцѣловать ее и воскликнуть: какая вы прелесть!

— Знаю, какъ вы меня браните, знаю!—кивала грустно головой молодая женщина Клеопатрѣ Павловнѣ.—Право, мнѣ остается только послать за вами, когда это начинается... Чтобы, наконецъ, повѣрили, что я не притворяюсь!..

Она держала мужа подъ руку и прижималась къ нему, касаясь головою его волосъ—они были почти одного роста.

— Вамъ трудно стоять—не утомляйте себя!—сорвалось совсѣмъ непроизвольно съ устъ Елены.

Она поспѣшно придвинула кресло, чувствуя себя виноватой, что заставляетъ держаться на ногахъ эту нѣжную красавицу.

— Нѣтъ, merci, не безпокойтесь—у насъ свой тронъ есть!—Одну минуту, мой ангелъ...

Безпаловъ поблагодарилъ Елену взглядомъ и поднесъ къ своимъ губамъ тонкую ручку жены, какъ-бы извиняясь, что принужденъ на одинъ мигъ оставить ее.

У окна стоялъ прекрасный chaise-longue, обитый синимъ бархатомъ, съ двумя атласными подушками. Это дѣйствительно смотрѣло пышнымъ трономъ въ тѣсной комнатѣ съ очень скромной обстановкой.

Романъ подкатилъ кресло ближе къ дивану и усадилъ жену ловкими и осторожными движеніями человѣка, изучившаго дѣло до тонкости.

Она казалась еще изящнѣе и еще слабѣе, полулежа на атласныхъ подушкахъ, въ мягкихъ складкахъ свѣтлаго капота, отдѣланнаго кружевомъ.

— Неужели вы часто такъ больны?—Вы лѣчитесь? - спросила Елена, не въ силахъ оторвать отъ нея сострадательнаго взора.

— Нѣтъ, я рѣдко лѣчусь...—отвѣтила Нина съ печальной улыбкой.

— Отчего?..

— Это такъ мало помогаетъ мнѣ и такъ дорого стоитъ. Доктора ничего не знаютъ... какіе же доктора въ К**!

Она утомленно закрыла глаза.

Елена безпокойно взглянула на Клеопатру Павловну. Но лицо тетушки ничуть не смягчалось передъ трогательнымъ зрѣлищемъ.

— Что же дѣлать, душа моя, не ты вѣдь одна живешь въ К**! гдѣ здѣсь взять профессоровъ! и у насъ все-таки доктора, а не самозванцы какіе нибудь.

Она произнесла это такимъ тономъ, какъ будто сама была женой оскорбленнаго доктора.

— Мы заграницу поѣдемъ, тогда мама будетъ здорова!—раздался неожиданно звонкій голосокъ дѣвочки.

Она, точно котенокъ, свернулась граціозно въ ногахъ матери и выглядывала своими голубыми глазками.

— Вотъ это чудесно!—давно пора! закивала ей съ худо скрытымъ сарказмомъ Клеопатра Павловна.

По румянцу, появившемуся на щекахъ Нины, и по быстрому, тревожному взгляду Романа—Елена поняла, что коснулась больного мѣста. Конечно, несчастная женщина ждетъ чудесъ отъ заграничной поѣздки, а мужъ истерзанъ тѣмъ, что онъ не можетъ доставить ей этого. Все это такъ ясно—и такъ грустно.

Ея вниманіе до сихъ поръ было поглощено Ниной. Теперь она перевела глаза на Безпалова и вспомнила все, что она слышала противорѣчиваго объ этомъ человѣкѣ.

Онъ стоялъ облокотившись на спинку большого кресла, точно продолжая оберегать жену. Цвѣтущее лицо съ блестящими сѣрыми глазами подъ густой шапкой волнистыхъ волосъ дышало здоровой силой, и въ то-же время оно такъ мягко—столько доброты въ усмѣшкѣ крупныхъ губъ, широкій лобъ перерѣзала глубокая, неровная борозда, круто поднимаясь вверхъ надъ правой бровью. Ничего рѣзкаго, никакой печати «плебейства», о которомъ такъ усердно распространяется генеральша Ставлина,—но говоритъ онъ какъ будто неполнымъ, заглушеннымъ звукомъ, и въ движеніяхъ точно какая-то связанность. Почему ей кажется, что у него долженъ быть другой голосъ и не эти движенія?!..

Забывшись, Елена совершенно предалась своимъ наблюденіямъ, пока Безпаловъ не повернулъ внезапно голову. Онъ встрѣтился съ ея взглядомъ.

— Мы васъ должно быть задерживаемъ—вы, вѣроятно, были заняты?—проговорила она.

— Нѣтъ, нисколько—сегодня же праздникъ!—улыбнулся онъ привѣтливо.

— Ну, да, именно потому что сегодня праздникъ—вашъ свободный день!—пояснила она.—У васъ должно быть немного досуга для вашихъ занятій. Они требуютъ, конечно, свѣтлаго времени.

Безпаловъ смотрѣлъ ей въ лицо оживившимся взглядомъ.

— Ну, ужъ и свѣтлаго... гдѣ бы это я его взялъ!—усмѣхнулся онъ добродушно.—Ничего, приспособляемся всячески и при освѣщеніи, только бы вывернулся какой-нибудь часокъ.

— Да, да! и мы когда-нибудь славно сгоримъ изъ за твоего освѣщенія!—вмѣшалась неожиданно Нина, повидимому въ это самое время разговаривавшая оживленно съ тетушкой.

— Будь, будь спокойна—не сгоришь, дитя мое!—(его рука нѣжно пробралась изъ за подушки къ ея плечу). — Это положительно кошмаръ нашъ—пожаръ!

— Еще бы! когда знаешь, что надъ головой у тебя Богъ знаетъ что дѣлается!—обратилась Безпалова запальчиво къ Еленѣ:—подумайте только: тамъ у него спирты, кислоты, разныя опасныя вещи—и при этомъ какіе-то рефлекторы собственнаго изобрѣтенія.. Стоитъ только сорваться какой-нибудь лампѣ...

— Стоитъ только тебѣ хоть одинъ разъ подняться наверхъ и ты бы убѣдилась, что нѣтъ ни малѣйшей опасности!—перебилъ ее мужъ ласковой шуткой.

— Ахъ нѣтъ, ни за что! Я и видѣть-то этого не хочу! Только еще хуже бояться стану...

...«Ты не любопытна!» подумала Елена съ изумленіемъ въ своихъ внимательныхъ глазахъ.

— Посудите, ma tante,—ну какой можетъ быть чердакъ въ подобномъ домѣ?—обратилась Нина за сочувствіемъ въ другую сторону.—Щели вездѣ,—дырки!

Романъ смѣялся.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста!—раздражалась все сильнѣе Нина.—Отчего же въ такомъ случаѣ проходитъ запахъ? Я недавно цѣлую ночь спать не могла отъ противнаго запаха.

— Ахъ, Боже мой—больному человѣку!—да вѣдь это и для здороваго страшный вредъ! Вѣрно оттого и Ниночка у васъ такая блѣдненькая.

Клеопатра Павловна съ достоинствомъ выпрямилась на диванѣ и гнѣвно блистала глазами на Романа.

— Мама хотѣла уѣхать изъ нашего дома, оттого что на чердакѣ живутъ крысы и зайчики!... Папа приносилъ мнѣ сюда зайчика!—крикнула Ниночка.

Елена съ такимъ напряженіемъ ждала отвѣта Безпалова, что у нея даже въ вискахъ застучало.

Онъ ничего не сказалъ. Только отошелъ отъ кресла и безцѣльно покружился въ небольшомъ свободномъ пространствѣ въ глубинѣ комнаты.

Она поспѣшно встала и начала прощаться.

Хозяйка спохватилась, что и не поговорила ни о чемъ съ петербургской кузиной.

— Если позволите, я скоро опять приду къ вамъ—посидѣть, когда вы одна, пока Романъ Петровичъ на службѣ. Въ которомъ часу вы обѣдаете?—спрашивала заботливо Ставлина и бережно держала тонкую ручку, прикрытую широкимъ кружевомъ.

— Я буду вамъ такъ рада!... я такъ скучаю!..

Каріе глазки ласкали ее.

— Я увѣренъ, что это не пустая любезность—вы такъ сдѣлаете!—сказалъ Романъ, крѣпко до боли стиснувъ ей пальцы на прощанье.

Она быстро взглянула ему въ глаза, желая понять, точно-ли онъ хочетъ этого. Кто бываетъ у нихъ? Поможетъ-ли ему кто-нибудь развлекать темноглазую царевну на ея синемъ тронѣ?

Къ удивленію Клеопатры Павловны, Елена наотрѣзъ отказалась ѣхать обратно съ нею въ фаэтонѣ. Ей хотѣлось пройтись пѣшкомъ по весенней грязи глухого квартала, гдѣ жили Безпаловы.

III.

Съ промоченными ногами, перепачканнымъ платьемъ и съ разгоряченной головой Елена Ставлина добралась до своего дома.

Она позвала въ горницы стараго Ефима и, къ его величайшему изумленію, приказала сейчасъ-же, поскорѣе затопить въ домѣ всѣ печи. Старикъ, что называется, поднялся на дыбы и слышать не хотѣлъ о такомъ безразсудствѣ. Это на ночь-то глядя? Ничего нѣтъ мудренаго и домъ спалить такимъ манеромъ.

— Какая ночь еще — что вы грѣшите, Ефимъ! — посмѣивалась, чѣмъ-то очень довольная барыня.

— Да и что за причина вдругъ?—Не живетъ вѣдь она вовсе въ горницахъ, — выговаривалъ упрямый старикъ. — Въ кабинетѣ утромъ истоплена.

— Нѣтъ, Ефимъ—не въ кабинетѣ, а всѣ другія печи вы затопите пожалуйста,—упрашивала кротко барыня.—Въ чемъ дѣло?—дровъ развѣ у насъ нѣтъ?

— Какъ, чтобы дровъ не было въ такомъ домѣ! Несообразное затѣваете, сударыня. Угорите еще, храни Богъ, къ ночи.

— Не угоримъ, не угоримъ. Да мы вѣдь и трубъ вовсе закрывать не будемъ! Ну, шевелитесь-же, пожалуйста, старинушка, а я вамъ за такое безпокойство трубочку пѣнковую подарю.

И барыня убѣжала куда-то, весело побрякивая огромной связкой ключей. А никакъ и запѣла? Двѣ недѣли прожила степенно, а тутъ невѣсть что и попритчилось.

До поздняго вечера въ ставлинскомъ домѣ дымились всѣ трубы и въ окнахъ мелькали огни. Ворча и кряхтя, старый Ефимъ долженъ былъ отправиться на поиски бабъ, которыхъ ему приказали строго-настрого подрядить на завтра, чтобы съ ранняго утра начать мыть всюду окна и полы.

Елена, вооружившись кочергой, переходила изъ комнаты въ комнату и слѣдила за тѣмъ, какъ горятъ печи.

... Длинныя фантастическія тѣни ползутъ, прыгаютъ по стѣнамъ... въ трепетномъ, тепломъ свѣтѣ точно оживаетъ вся эта чуждая ей обстановка, будто проносится дыханіе отлетѣвшей жизни.

Какія рѣчи звучали подъ этими высокими, потемнѣвшими потолками? Чья воля билась здѣсь, скованная всѣмъ тѣмъ, до чего нѣтъ дѣла ей, чужой и свободной?.. Какія печали и надежды осаждали женскія головки, склонявшіяся надъ всѣми этими расшитыми подушками, салфетками, сонетками? Какія муки выплакивались въ тишинѣ ночей передъ огромными кіотами съ суровыми, почернѣвшими иконами?..

Въ каждомъ домѣ, по всей землѣ и во всѣ времена покорно томится или бьется мятежно женская вѣковая неволя... Въ стѣнахъ заперта женская судьба. Въ стѣнахъ нагрѣваетъ, расцвѣтаетъ и растрачивается женская сила, творя свое тихое, скрытое дѣло, не записанное на страницахъ исторіи человѣческаго рода, выращеннаго женской любовью.

... Дрова пылаютъ и трещатъ. Огненные языки вьются и уносятъ въ клубахъ жаркаго дыма возбужденныя думы молодой женщины.

— Я такъ сдѣлаю—что-же мнѣ мѣшаетъ?!—говорила себѣ Елена.— Я вольна поступать какъ хочу. Такъ это просто, такъ несущественно— отчего-же я волнуюсь?

Да, она волновалась. И въ этомъ волненіи было что-то особенное— что-то такое, чего она давно-давно уже не испытывала. Точно проблески радости... Точно предчувствіе чего-то свѣтлаго.

— Это право смѣшно... Я точно боюсь!—съ изумленіемъ слѣдила она за собой. — Непривычно сдѣлать что-нибудь смѣлое, невызванное прямой необходимостью... Жизнь можетъ быть пуста, какъ выѣденное яйцо—и все-таки боязно сдѣлать произвольный шагъ въ сторону. Правы мы только, когда насъ тащитъ какая-нибудь посторонняя сила. О, суевѣрный, рабскій страхъ... женскій—бабій страхъ!.. Развѣ его испытывалъ-бы мужчина? — Конечно, нѣтъ! Для него довольно желать, чтобы смѣть.

Кочерга озлобленно, изо всѣхъ силъ ударяла въ полѣно—и снопы искръ, красиво вспыхивая, разлетались во всѣ стороны.

Вдругъ какой-то стукъ донесся снизу. Елена выпрямилась и слушала.

«Должно быть Ефимъ вернулся. Вотъ онъ по лѣстницѣ поднимается доложить, что бабы явятся завтра чуть свѣтъ».

«И прекрасно—шагъ впередъ! А, впрочемъ... Можно вѣдь и для господина Конева вымыть полы и истопить печи. Небывалая любезность, и только!»

«Шагъ впередъ, но еще не безповоротный!»—сказала себѣ Елена съ насмѣшкой и, поднявъ голову, ждала.

«Нѣтъ, это не Ефимъ!» — мелькнуло вдругъ въ ея умѣ и она проворно вскочила на ноги.

Кто-то вошелъ въ прихожую. Всѣ двери до самой прихожей стояли раскрытыя.

— Елена Семеновна! вы еще не почиваете? — окликнулъ издали чей-то голосъ, но никто не показывался.

Елена пошла навстрѣчу, не отвѣчая.

— Примите гостя? Простите за поздній часъ.

Она ахнула.

— Романъ Петровичъ!—неужели вы? Голоса вашего не узнала.

— Я самъ. Простите, Бога ради! Вышелъ пройтись, да и добрелъ сюда... Гляжу—что за притча: трубы дымятся и освѣщеніе вездѣ. Подумалъ, ужъ не случилось-ли бѣды какой—одна вѣдь вы тутъ.

Безпаловъ, въ пальто и шапкѣ, переминался съ ноги на ногу на порогѣ прихожей, испещряя полъ мокрыми слѣдами.

— Вотъ спасибо за заботу. Входите-же скорѣе, снимайте ваше пальто. Ну—это судьба! вы не знаете! Вы въ судьбу, небось, не вѣрите?

— Въ судьбу? Не безпокойтесь, я найду вѣшалку—во, во! Судьба, вы говорите? Вѣрю-ли—самъ не знаю, не думалъ объ этомъ. Чувствовать ее матушку—чувствую!..

— Ну, а я повѣрю съ сегодняшняго дня. Здравствуйте!

Елена протянула ему обѣ руки. Она совершенно отчетливо чувствовала, какъ именно въ эту минуту въ ея душѣ разсѣевается послѣднее сомнѣніе. Ея глаза радостно блестѣли.

Безпаловъ снова началъ извиняться.

— Въ подъѣздѣ я не дозвонился—и пуще того струсилъ. Ей Богу, вообразилъ, что вы занемогли внезапно. Всяко вѣдь бываетъ!

— Вотъ все болѣзни мерещатся? Нѣтъ, у меня тутъ... видите что!..

Елена Семеновна развела руками и смѣшалась, не зная что сказать дальше.

Романъ оглянулся на печку.

— Озябли? Да вы развѣ весь домъ заняли?

Она молчала.

«Это ужъ будетъ безповоротно... Вотъ и случилось—какое счастье! Судьба...»

И навсегда ей запала въ душу эта минута. Странное, жуткое ощущеніе свершающейся судьбы,—поворотъ таинственнаго колеса...

Она рѣшительно тряхнула головой и повела Безпалова по всѣмъ комнатамъ.

— Вы здѣсь не были? Нравится вамъ? Смотрите, что за просторъ!

Гость разсѣянно оглядывался, улыбаясь на пылающія всюду печи.

— Вотъ вы чѣмъ тутъ забавляетесь... Странная вы женщина! Вѣдь, говорятъ, вы домъ продали?

Елена опять не отвѣтила.

«А что коли онъ разсердится? приметъ, чего добраго, въ личное оскорбленіе... вѣдь они сегодня только познакомились!» Ей вдругъ стало страшно.

Она остановилась и Безпалова поразилъ ея пронзительный, точно допытывающій взглядъ.

— Вы какъ будто встревожены чѣмъ-то?—спросилъ онъ.

— Я гадаю... Вы никогда не гадали—быть или не быть?.. Романъ Петровичъ, вы вѣдь простой человѣкъ, неправда-ли? Я не ошибаюсь?

Она чуть-чуть покраснѣла, но не отвела отъ него глазъ.

— Я-то?.. на что ужъ проще, Елена Семеновна!—засмѣялся онъ.— А у васъ вотъ все загадки какія-то... И всегда вы такая?

— А-а вы... Это хорошо еще коли спрашиваете—значитъ вы и

сами чувствуете, что не всегда!..— проговорила она не сразу, съ волненіемъ, удивившемъ его еще больше... Видите-ли, я тутъ затѣваю одну вещь... скоро черезчуръ ужъ, сама чувствую... что-жъ дѣлать, у меня всегда скоро!.. А судьба еще подгоняетъ...

Онъ ничего не понималъ. Утромъ Ставлина показалась ему такой разсудительной и спокойной; теперь имъ овладѣвало непріятное разочарованіе. Онъ вспомнилъ, что Нина навѣрное удивляется его долгому отсутствію.

— Я помѣшалъ вамъ,—отвѣтилъ онъ неопредѣленно.

Она понимала: если дать ему уйти теперь, онъ вынесетъ впечатлѣніе какой-то рисующейся фантазерки, говорящей загадками. Серьезный человѣкъ...

— Присядемъ тутъ, Романъ Петровичъ,—проговорила она дѣловымъ тономъ и повернула было къ окну, гдѣ стояли два стула по сторонамъ круглаго столика,—но гость удержалъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ—не могу, Елена Семеновна! Поздно, меня дома ждутъ. Я вышелъ только прогуляться на полчаса.

— И зашли куда-нибудь...

— Ну, нѣтъ—я никуда не захожу. Нина навѣрное уже волнуется.

— Тогда конечно... стало-быть не судьба!

Елена разсмѣялась и какъ будто развеселилась, послѣ этого ничуть ей не улыбалось теперь же объясняться съ Безпаловымъ.

— Вы, однако, не подумайте, что я сумасшедшая—все завтра-же объяснится!—крикнула она въ догонку гостю, стоя со свѣчей въ рукахъ наверху лѣстницы.

Безпаловъ оглянулся. Она держала подсвѣчникъ выше наклоненной головы, и свѣтъ падалъ сверху на бѣлый лобъ, обрамленный каштановыми волосами, съ тонкими, подвижными бровями. Темные глаза и не яркіе губы улыбались ему загадочно.

— «Какая-то она... и странная, и вмѣстѣ простая!»—подумалъ Романъ.

. . . .

...«Ну,—конечно! раздумывать больше нельзя. Худо-ли, хорошо-ли—назадъ уже нельзя. И чего трусить?.. худо—такъ себѣ. Имъ-то всячески лучше будетъ».

Елена принялась ходить взадъ и впередъ вдоль длинной анфилады комнатъ, но дѣловыя соображенія, которыми она хотѣла сейчасъ-же заняться, какъ-то сами собою ускользали отъ нея... Надо всѣми преобладало волнующее сознаніе рѣшительнаго шага—чего-то такого, отъ чего зависитъ дальнѣйшая судьба.

...Но откуда-же бралось это сознаніе? Почему у

ощущеніе, какъ будто не только свой домъ, но и душу свою она широко распахивала передъ этими чужими людьми!..

Елена уѣхала въ К*** вялая, утомленная петербургской зимой, ничего не принесшей, кромѣ новыхъ разочарованій и недовольства собою. Интересъ къ жизни падаетъ, но чувство неудовлетворенности ростетъ вмѣстѣ съ этимъ. Ждала-ли она слишкомъ многаго отъ жизни, или просто ея судьба не удалась, какъ бываютъ неудачныя вещи, картины, предпріятія или лица?

Но если разобрать хорошенько—не сама-ли она виновата? Ничего до конца не довела. Дѣло сознательно, горячо выбранное бросила. Къ чему отъ себя прятаться?—бросила изъ одного только состраданія: Чтобы скрасить чужую смерть... Вѣдь дни уже были сочтены для этой молодой жизни, брошенной въ пасть безсмысленному чудовищу... Она это знала. За короткій мигъ услады, за благодарный взглядъ умирающихъ глазъ, все отдала—и себя, и цѣлую будущность, такую ясную, разумную и любимую. Нѣтъ, конечно это не былъ дурной поступокъ, но такой, какихъ не слѣдуетъ дѣлать.

Всѣ попытки поправить это и выбраться на какую-нибудь дорогу ни къ чему не приводятъ. О, да! отдавать свое время, свой трудъ—это совсѣмъ легко, и такихъ дѣлъ искать не нужно. Шесть лѣтъ вдовства цѣликомъ убиты такимъ образомъ, но что-же они принесли ей кромѣ усталости и возростающаго равнодушія?

Нѣтъ, это еще не дѣло жизни!—Гдѣ-бы ее не могъ замѣнить никто другой—гдѣ нуженъ не просто добросовѣстный человѣкъ, а именно она нужна, Елена Ставлина; со всѣмъ, что есть въ ней хорошаго и дурного, со свойственными ей одной оттѣнками мысли и чувства. Жизнь должна имѣть такую цѣль или она становится нестерпимой . . . .

Елена до тѣхъ поръ ходила по комнатамъ, пока не явился Ефимъ съ докладомъ, что на завтра придутъ чуть свѣтъ четыре бабы.

У себя въ кабинетѣ Елена подошла къ окну.

Черныя деревья отчетливо вырисовывались на свѣтлѣвшемъ уже весеннемъ небѣ. Тишина царила теперь въ саду. Слабый шорохъ подтаивающаго снѣга, просачиваніе невидимымъ струекъ, мимолетные и неуловимые звуки ночи—дѣлали тишину чуткой и тревожной... А разсвѣтъ уже занимается. Весенняя жизнь, безпокойная и могучая, не ждетъ—она рвется впередъ.

— «И рѣка еще не прошла, а у меня уже все рѣшено!»—сказала себѣ Елена и закрыла окно.

День конченъ. Одинъ изъ тѣхъ дней, которые двигаютъ жизнь—къ бѣдѣ или къ счастію.

IV.

На другой день, часу во второмъ, Ставлина позвонила у невзрачнаго сѣраго домика. Она не сомнѣвалась, что Безпаловъ въ этотъ часъ на службѣ—и когда Романъ по вчерашнему самъ открылъ ей дверь. она безсознательно попятилась назадъ.

— Но вы-же на службѣ въ это время?.. какимъ образомъ вы дома?..

Она не входила и такъ растерянно смотрѣла, что Романъ расхохотался и взялъ ее за руку,

— Да, ужъ ничего теперь не подѣлаешь, Елена Семеновна—войти-то все-таки надо, коли пришли!..

Она заявила, что пришла къ Нинѣ Алексѣевнѣ по дѣлу. Не знала, что онъ не каждый день на службѣ.

— Скверная ночь была сегодня, я не рѣшился оставить ее. Милости просимъ!

Она украдкой вглядывалась: Романъ былъ блѣднѣе вчерашняго, глаза меньше блестѣли.

— Я очень радъ, что вы пришли — Нина много думаетъ о своей болѣзни. Пожалуйста, посидите здѣсь минутку.

Но Елена запротестовала. Она сейчасъ уйдетъ, если ее принимаютъ какъ церемонную гостью, если она не можетъ безъ всякихъ приготовленій видѣть Нину.

Безпаловъ, раздумывая, смотрѣлъ ей въ глаза.

— Н-не знаю, право... не любитъ она... ну, была не была—идемте!

Спальня была черезъ комнату—узкую, проходную столовую. Когда Безпаловъ раскрылъ дверь, Елену поразило одно впечатлѣніе—тѣсноты. Довольно большая комната была такъ заставлена, что она не сразу отыскала Нину въ дальнемъ углу на кушеткѣ. По дорогѣ стоялъ большой туалетъ, задрапированный бѣлой кисеей, съ розовыми атласными бантами. Такой-же кисейный пологъ и банты на дѣтской кроваткѣ.— Большой шкафъ, вѣшалки, столы съ картонками, составленными одна на другую, и всюду оборочки и подборы свѣтлыхъ кретоновыхъ драпировокъ. На полу были раскиданы дѣтскія игрушки, занявшія послѣднее свободное пространство и посреди нихъ сидѣла маленькая Ниночка, въ томъ-же самомъ нарядномъ платьицѣ съ голубой лентой, въ какомъ вчера ее выводили къ гостямъ.

Увидавъ гостью, Безпалова бросила игрушку, которую держала въ рукахъ и вся вспыхнула.

— Зачѣмъ, зачѣмъ сюда!.. Романъ, вѣдь ты знаешь! Зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ!..

Ставлиной показалось, что она сейчасъ заплачетъ. Сама не зная какъ, Елена очутилась на колѣняхъ около кушетки и начала уговаривать ее, точно ребенокъ. Она вовсе не можетъ ходить къ нимъ безпокоить больную, если на нее будутъ смотрѣть, какъ на чужую... Она хочетъ быть полезной, чѣмъ можетъ—вѣдь они родные и ей совсѣмъ нечего дѣлать!.. Не можетъ-ли она хоть погулять съ дѣвочкой?—Погода чудесная, а прислуга, вѣроятно, занята.

— Пошлите меня, пожалуйста!—просила ласково Елена. Я такъ люблю дѣтей... мнѣ это будетъ удовольствіе.

— Со мной всегда папа гуляетъ!—заявила Ниночка, успѣвшая уже перебраться на кушетку, въ ногахъ матери.

— Она васъ безпокоитъ! Развѣ она не можетъ играть въ другой комнатѣ?

«Ни покоя, ни простора—тутъ и у здороваго не выдержать нервы!»—наблюдала она мысленно.

— Я не буду играть въ другой комнатѣ!—надула губки дѣвочка.

— Нѣтъ, нѣтъ,—мы всегда вмѣстѣ! У меня вѣдь нѣтъ другихъ игрушекъ.

Безпалова опрокинула головку дочери себѣ въ колѣни, сорвала голубую ленту, спутала золотистые локоны.

— Смотрите—чистѣйшій шелкъ! а глазки—развѣ это не васильки? Она начала цѣловать живые, смѣющіеся васильки и Нинокъ, точно змѣйка, обвилась сейчасъ-же вокругъ ея тонкой шеи.

— Папка, папка! иди и ты сюда скорѣе! какъ вчера! иди-же... Куча мала... Куча мала!..

Дѣвочка кричала во весь голосъ, барахталась и старалась рученками захватить отца.

Елена думала: «что-же было ночью, если можно такъ возиться и выносить этотъ гвалтъ?..»

— Нина, ради Бога! ты утомишься! Нинокъ—довольно, довольно!—унималъ Романъ, нерѣшительно и нѣжно.

— Voilà... ступай теперь!.. А-а-а-й! я сейчасъ умру...

Нина опрокинулась на подушки и закрыла глаза съ блаженной улыбкой.

«Ну, ничего! Можно было, пожалуй, и на службу пойти»—сказала себѣ вдругъ жестко Ставлина.

Романъ подбиралъ игрушки, раскиданныя на полу. Нѣсколько минутъ Елена смотрѣла на него.

— Послушайте, Романъ Петровичъ,—заговорила она—вѣдь я нешутя разсчитывала не застать васъ дома. Вижу, что мои вчерашнія загадки ничуть не заинтересовали васъ?

Нина быстро открыла глаза.

Безпаловъ выпрямился и перевелъ на Елену разсѣянный взглядъ. Онъ о чемъ-то раздумался, занявшись уборкой.

Это цѣлый секретъ, и она должна сначала разсказать Нинѣ. Можетъ быть, ему теперь какъ разъ время идти гулять съ ихъ барышней?

Романъ вопросительно посмотрѣлъ на жену.

— Я не хочу гулять!—крикнула Ниночка.—У меня калоши разорваны... я простужусь!

— Ахъ, Боже мой—калоши! Ну, разумѣется—до сихъ поръ калоши такъ и не куплены!..—заволновалась Безпалова.

— Эхъ, чортъ возьми! сегодня-же куплю — непремѣнно сегодня, божусь тебѣ! Не понимаю, какъ я могъ опять забыть...

«Онъ покупаетъ калоши!»—отвѣчала мысленно гостья.

Безпаловъ шутливо обратился къ ней. Дѣлать нечего, такъ какъ Нинокъ не можетъ гулять, то у него найдется, пожалуй, и другое дѣло, если имъ онъ мѣшаетъ.

— Вотъ и прекрасно!—подхватила она живо.—Отправляйтесь туда, гдѣ «живутъ крысы и зайчики». Кстати, вѣдь вы мнѣ ихъ покажите, не правда-ли?

— Разумѣется. Я зналъ, что вы захотите ихъ видѣть.

— Почему?—вырвалось звонко у Нины, и Еленѣ показалось, что какая-то тѣнь промелькнула въ ея глазахъ.

— Еще-бы! Это такъ интересно!—проговорила она горячо.

— И я съ вами! и я!...

Нинокъ ухватилась за складки ея платья.

— И ты, и ты! но вѣдь это потомъ, когда-нибудь...

— Ну, нѣтъ-съ! ее-то ужъ я не пущу въ этотъ зараженный воздухъ!—заявила Нина такъ гнѣвно, что въ одинъ мигъ ея прелестное лицо совсѣмъ преобразилось.

Нинокъ расплакалась во весь голосъ и побѣжала къ двери.

— Я пойду! Я пойду!

Безпаловъ догналъ ее и на рукахъ вынесъ изъ комнаты.

Двѣ женщины остались однѣ.

Елена машинально начала продолжать уборку игрушекъ, стараясь побороть тягостное чувство; съ поразительной быстротой оно разгоралось въ сердцѣ, съ той минуты, какъ она вошла въ эту раздражающую, хаотическую комнату.

Было такъ весело дома утромъ обдумывать свой планъ... Отъ одного воспоминанія на нее опять пахнуло бодростью и она рѣшительно подошла къ кушеткѣ.

Прелестная въ своемъ бѣломъ вышитомъ пеньюарѣ, съ разбившимися волосами отъ возни съ ребенкомъ, Безпалова встрѣтила ее улыбкой.

— Ну, садитесь тутъ поближе, поболтаемъ немножко спокойно... Надѣюсь, что Романъ не утащилъ Нинку на свой чердакъ!

— Скажите мнѣ, Нина Алексѣевна, вы хотите чтобы больше не было этого чердака?—спросила Ставлина, и невольно ея голосъ сталъ тише.

Нина громко вздохнула.

— Боже мой... Это совершенно все равно! Здѣсь мои всѣ хотѣнья безсильны:

«Но ты хочешь—ты можешь этого хотѣть!».

Елена отвела свои глаза, боясь, чтобы въ нихъ не отразилось возмущеніе, какое подняла въ ней эта мысль.

— Я хотѣла только сказать, что крысамъ и зайчикамъ вашего мужа не обязательно-же жить на чердакѣ, гдѣ вы боитесь пожара... Все это легко устроить совсѣмъ иначе. Для васъ будетъ покой и просторъ, а у Романа Петровича полная возможность расширить, какъ онъ хочетъ, свою лабораторію... Все это совсѣмъ легко и просто—если только сами вы не мелочные люди, вотъ чего я боюсь! Я еще такъ мало знаю васъ.

Теперь она такъ испытующе смотрѣла прямо въ глаза Безпаловой, что та невольно приподнялась съ кушетки.

— Ахъ, вотъ онѣ загадки!.. Вы и Роману вчера тоже говорили? вотъ отчего онъ вчера пропалъ у васъ!..

— Онъ развѣ пропалъ?—удивилась Елена.—Онъ, напротивъ, не захотѣлъ остаться, такъ что я ничего не успѣла сказать ему... Но это и лучше!—въ мужчинахъ прежде всего говоритъ самолюбіе; намъ съ вами навѣрное будетъ легче столковаться.

Но, однакожъ, сама она поблѣднѣла отъ волненія, приступая къ изложенію своего внезапнаго плана—уступить весь ставлинскій домъ въ полное распоряженіе Безпаловыхъ, потому что ей слишкомъ жаль продавать его. Домъ все равно останется стоять пустой, безъ всякой пользы, вѣдь не въ наемъ-же его отдавать! Тетушка Клеопатра Павловна приняла-бы это въ личное оскорбленіе себѣ. А продавать жаль—она буквально влюбилась въ старый садъ надъ рѣкой.

— Что вы придумали! Что только вы придумали!..—повторяла Нина притихшимъ голосомъ.

Глаза ея безпокойно бѣгали, на губахъ была растерянная улыбка.

— Развѣ худо придумала? Сколько ужъ лѣтъ домъ стоитъ пустой. Я только удивляюсь, какъ сами вы давно этого не придумали!

— Можетъ быть и хорошо—да невозможно! Не будемъ больше говорить объ этомъ, Елена Семеновна,—нѣтъ, нѣтъ! прошу васъ, не будемъ говорить!

Нина въ волненіи спустила ноги съ кушетки, избѣгая взгляда Ставлиной.

— Почему-же? Отчего?!

Потому что положеніе ихъ достаточно тяжелое и безъ этого— не хватаетъ, чтобы стали говорить, что Ставлина даетъ имъ по бѣдности пріютъ въ своемъ домѣ... Чтобы этотъ мальчишка, ея пасынокъ, смѣлъ это сказать про нихъ!

Елена напрасно доказывала, что домомъ, какъ и всѣмъ имуществомъ покойнаго мужа, она распоряжается не какъ опекунша, а какъ пожизненная владѣлица и отдавать отчетовъ никому не обязана.

— Можетъ быть, можетъ быть... но это совершенно все равно! Это до меня вовсе не касается...

Нѣжный румянецъ горѣлъ на щекахъ Безпаловой, въ глазахъ появился сухой блескъ.

— Нина Алексѣевна? и неужели это не мелочность съ вашей стороны!—воскликнула Елена страстно.—Вы тѣснитесь здѣсь, больная... вашъ мужъ лишенъ всякихъ удобствъ для своихъ работъ, портитъ себѣ зрѣніе на какомъ-то чердакѣ—у васъ нѣтъ угла покойнаго, а рядомъ стоитъ пустой, никому ненужный домъ! Развѣ мы съ вами не родные?

Елена пересѣла на кушетку, завладѣла обѣими руками молодой женщины и принялась уговаривать.

Нина, не отнимая рукъ, отвернула отъ нея голову.

— Я вамъ всей душой сочувствую!—увлекалась все больше Елена.—Мнѣ, одинокой богачкѣ, просто думать стыдно объ этой лабораторіи на чердакѣ... Неужели вы меня не понимаете?

— Это просто безжалостно, такъ меня искушать!—вскрикнула Нина, вырвала руки и упала лицомъ въ подушки.

Елена въ волненіи встала.

— Я позову Романа Петровича! пусть онъ разсудитъ.

— А Романъ въ одну минуту согласится, его и спрашивать не стоитъ!

Глаза Ставлиной заблестѣли.

— Да? Правда? Ну, тогда все кончено—онъ васъ урезонитъ.

Нина выпрямилась на кушеткѣ.

Для Романа все пустяки въ сравненіи съ ея здоровьемъ, для ея удобства онъ все готовъ сдѣлать. Но она обязана беречь его самолюбіе и не допустить, чтобы онъ унижался ради нея. Весь городъ будетъ ихъ высмѣивать.

Елена протестовала, спорила, отказывалась вѣрить.

— Да, это очень легко не вѣрить на чужой счетъ!—усмѣхнулась Нина съ горечью.—Впрочемъ, васъ я могу понять—можетъ быть, на вашемъ мѣстѣ и я-бы сдѣлала то же самое... А вы на моемъ мѣстѣ тоже отказались-бы!

Елена такъ и вскипѣла.

— Никогда! Неужели Нина думаетъ, что она способна предложить ей что-нибудь такое, на что сама она не могла-бы согласиться?

— На вашемъ мѣстѣ, Нина, я-бы согласилась безъ всякихъ возраженій!—проговорила она съ силой,—согласилась, если-бъ даже это и было тяжело для моего самолюбія... Я-бы такъ сдѣлала изъ любви къ своему мужу—для того, чтобы облегчить его положеніе. Я-бы думала объ его работахъ, о его надеждахъ и ни о чемъ другомъ. Развѣ не ничтожный вздоръ передъ этимъ всѣ свѣтскіе предразсудки, изъ которыхъ люди создаютъ себѣ законъ!...

— Вы не имѣете права такъ говорить со мною!..—остановилъ ее неожиданно разобиженный окрикъ Безпаловой.

Елена съ изумленіемъ смѣрила ее глазами.

— Почему-же? развѣ то, что я говорю, несправедливо?

— Это ни до кого не касается—мое отношеніе къ мужу.

— Но и ваши отношенія со мною тоже ни до кого не касаются, однако васъ останавливаетъ именно то, какъ другіе будутъ говорить объ этомъ?..

— Потому что я люблю моего мужа и не хочу ставить его въ подобное положеніе!..

Она серьезно убѣждена въ этомъ!—думала Ставлина съ огорченіемъ.

— Нина Алексѣевна, голубушка, вдумайтесь въ это иначе, проще, въ жизни такъ многое, такъ многое важнѣе самолюбія!..

Она сказала это съ такимъ искреннимъ, горестнымъ сожалѣніемъ, что Нина невольно взглянула на нее мягче.

— Вы ужасно добрая, Елена Семеновна... и какъ это странно— мы съ вами точно давно уже, давно знакомы!

У Ставлиной вырвался быстрый неуловимый жестъ и она близко наклонилась къ Безпаловой.

— Да?.. да вы въ самомъ дѣлѣ такъ чувствуете? Ну, въ такомъ случаѣ я знаю, что мы могли-бы сдѣлать! Можетъ быть, вы найдете мое предложеніе болѣе удобнымъ для себя...

На секунду она остановилась, какъ передъ тѣмъ, чего нельзя уже будетъ взять назадъ:

Они могли-бы поселиться вмѣстѣ въ Ставлинскомъ домѣ—мѣста для всѣхъ хватитъ. Ей все равно гдѣ жить—она не прочь пожить въ К***.

— Что если мы и въ самомъ дѣлѣ такъ сдѣлаемъ, Нина? Какъ вы объ этомъ думаете?

— Романъ! поди скорѣе сюда, Романъ—послушай только, что эта женщина говоритъ мнѣ!—крикнула вдругъ Нина, протягивая обѣ руки къ двери.

Безпаловъ въ испугѣ кинулся къ ней, спрашивая, что случилось, чѣмъ она взволновалась до такой степени? Онъ цѣловалъ ея волосы, а она заплакала у него на плечѣ.

Ставлина опять принялась за игрушки, предоставляя Нинѣ разсказывать. Вся кровь ходила въ ней ходуномъ, мысли съ поразительной быстротой кружились въ головѣ.

Все кончено, хоть она вовсе не собиралась говорить о совмѣстной жизни. Она и сама еще не успѣла обдумать этого серьезно, ей казалось, что мысль только промелькнула въ ея умѣ. Она не знала, когда это стало серьезной цѣлью и ея горячимъ желаніемъ.

Она это почувствовала теперь—но не удивилась. Она ничему не удивлялась въ эти два дня.

Затѣмъ все совершилось съ поразительной быстротой: Нина сбивчиво передавала ихъ разговоръ, тутъ-же горячо возражая на всѣ «фантазіи» Елены и доказывая Роману, какъ это несбыточно, чудесно—да, конечно! но совѣмъ, совсѣмъ невозможно.

Романъ торопилъ ее короткими, дѣловыми вопросами и оглядывался, чтобы взглянуть на Ставлину.

— Ну, вотъ!.. я вѣдь говорила вамъ, что онъ сейчасъ-же согласится, его и спрашивать не стоитъ! — услыхала Елена внезапное восклицаніе Нины.

Съ своего мѣста она не могла видѣть радостной мимики, съ какою Безпаловъ слушалъ жену, цѣлуя отъ времени до времени ея руку,—точно благодарилъ ее за что-то.

Елена бросила куклу. «Разбилась»!—успѣла она только подумать, и Романъ уже стоялъ передъ нею съ сіяющимъ отъ смѣха лицомъ.

— Такъ вотъ какія ваши загадки, Елена Семеновна!—И печи!.. Хи, хи, хи!.. ахъ вы проказница! Нѣтъ, но какова-же рѣшительность?—да вѣдь это въ пору любому фельдмаршалу на полѣ сраженія, подъ огнемъ непріятельскимъ!.. Нина, ты не знаешь—вѣдь я засталъ вчера Елену Семеновну за топкой печей и ничего понять не могъ! ха, ха, ха!.. Она, голубушка, какъ пришла отъ насъ, такъ сейчасъ и всѣ печки затопила!

Онъ такъ хохоталъ, что долженъ былъ присѣсть на стулъ.

— Я, конечно, ничего не знаю, если ты мнѣ ничего не разсказываешь!—вставила колко Нина.

— А я-то, грѣшный человѣкъ, чудачкой васъ обозвалъ! Назовите меня идіотомъ, голубушка Елена Семеновна, и дайте мнѣ ваши руки пожать отъ всей глубины моей благодарности. Что тутъ еще разговаривать!—для насъ это находка сущая, а что какіе-нибудь болваны да сплетницы брехать начнутъ, такъ авось мы отъ этого аппетита не потеряемъ! Все хорошее въ жизни ужасно какъ просто. Хорошему че-

ловѣку приходятъ хорошія мысли, неужели-же глупыя мысли глупыхъ людей должны ихъ пересилить?

Будь они одни въ комнатѣ, Елена способна была-бы расцѣловать его за благородную простоту этихъ словъ, за открытое и довѣрчивое выраженіе красивыхъ глазъ, смотрѣвшихъ прямо въ ея глаза. Ей показалось, что она видитъ въ нихъ душу, такую-же ясную и благородную, какъ эти глаза.

Нина дѣлала еще слабыя попытки возражать, но и у нея все сильнѣе разгорались и щеки и глаза. Среди цитированія разныхъ щекотливыхъ пунктовъ свѣтскаго кодекса о непринятомъ и двусмысленномъ, она вдругъ совершенно непроизвольно начинала мечтать о томъ, какъ чудесно имѣть собственный садъ и балконъ. И не слыхать больше несноснаго кухоннаго чада! Отъ чада у нея раздражаются нервы еще хуже, чѣмъ отъ Ниночкина крика.

— Да, да, моя красавица,—вы, конечно, будете тамъ гораздо болѣе на мѣстѣ, чѣмъ въ этихъ лачугахъ!—говорилъ, любуясь и цѣлуя ее, Романъ.—Въ сказкахъ благодѣтельныя феи помогаютъ Иванушкѣ-дурачку жениться на царевнѣ. А наша фея вернетъ заблудившуюся царевну въ ея чертоги.

— А Иванушка-дурачекъ всегда вѣдь оказывается въ концѣ-концовъ настоящимъ царевичемъ!

— А феи? что бываетъ съ феями? я не помню!

— Феи устраиваютъ всеобщее благополучіе и имъ больше ничего не нужно. Такъ вѣдь, неправда-ли Елена Семеновна?

— О, что за гордость!

— Нѣтъ! феямъ надо, чтобы и ихъ немножко полюбили.

Нина бросилась ей на шею и шепнула въ ухо:

— Я ужъ и не помню, когда мы были такъ счастливы!..

V.

Вчера вечеромъ Романъ прошелся по ставлинскому дому безъ всякаго вниманія; но теперь онъ претендовалъ на то, что онъ какъ нельзя лучше помнитъ расположеніе комнатъ, и разсказывалъ Нинѣ, все путая и перевирая. Но и Нина также бывала въ дѣтствѣ въ «большомъ домѣ» и тоже что-то такое помнила. Елена поправляла, объясняла, спорила и удивлялась ихъ упрямству

Наконецъ, она предложила отправиться всѣмъ сейчасъ туда и на мѣстѣ порѣшить всѣ недоразумѣнія. Предложеніе было принято съ восторгомъ.

Переселеніе Елены въ К*** явилось первымъ условіемъ согласія Безпаловой: иначе Нина и разговаривать отказывалась о томъ, чтобы

жить въ чужомъ домѣ безъ хозяйки. Но изъ тѣсноты трехъ маленькихъ комнатъ, гдѣ они ютились, ей уже представлялось теперь сомнительнымъ, чтобы ставлинскій домъ оказался достаточно просторнымъ для общей жизни.

Особенно смущало ее заявленіе Елены, что она беретъ себѣ мезонинъ. Это невозможно, чтобы хозяйка жила въ мезонинѣ! Скажутъ, что они начали съ того, что выжили Елену на чердакъ.

— Но это вовсе не чердакъ, а прелестныя двѣ комнаты, для меня самыя симпатичныя во всемъ домѣ,—утѣшала ее Ставлина.

— Все равно, непремѣнно такъ будутъ говорить! И какъ вы будете принимать гостей въ мезонинѣ?

— Нѣтъ, въ гостиной. Гостиная и гости у насъ будутъ общіе. А моимъ друзьямъ,—если-бы у меня завелись въ К*** друзья—совершенно все равно, гдѣ ихъ принимаютъ. Мои друзья ровно ничего не понимаютъ въ подобныхъ соображеніяхъ.

— Она уже знаетъ, какіе у нея будутъ друзья!—смѣялась Безпалова.

— Разумѣется, я знаю, какіе у меня могутъ быть друзья.

— Ну, значитъ, я не могу быть вашимъ другомъ, потому что меня до глубины души огорчаетъ вашъ мезонинъ! — объявила горячо Безпалова.

Нина тоже непремѣнно хотѣла идти осматривать домъ и сердилась, когда Романъ умолялъ ее не дѣлать этого. Страшно возбужденная, съ румянцемъ во всю щеку и блестящими глазами, она была хороша, какъ картина, и казалась Еленѣ достаточно сильной.

Она въ нѣсколько минутъ распустила и снова артистически свернула свои пушистые черные волосы; разыскала съ большимъ трудомъ при помощи Романа въ какихъ-то корзинкахъ кожаные сапожки и теряла терпѣніе, пока мужъ недостаточно быстро застегивалъ ихъ; Луша также непозволительно долго чистила черное платье, оказавшееся запрятаннымъ въ какой-то уголъ въ самомъ невозможномъ видѣ.

Но когда Нина надѣла это простое черное платье, поразивъ Ставлину гибкостью своей высокой фигуры — оказалось, что Романъ былъ правъ, что вовсе не стоило и затѣвать всей этой возни.

— Нѣтъ!.. не могу... не могу!.. Голова кружится... Мнѣ не дойти туда!..

Она бросилась на кушетку и залилась слезами...

Прошло больше часа, пока Романъ уговаривалъ ее успокоиться, раздѣлъ, какъ ребенка и на рукахъ перенесъ на постель. Онъ далъ лѣкарство, самъ выскочилъ на улицу, чтобы закрыть ставни, и нѣсколько разъ уходилъ въ кухню объяснять Лушѣ, черезъ какіе промежутки она должна осторожно навѣдываться въ комнату барыни.

Впродолженіе этого часа нѣсколько разъ попеременно рѣшалось то, что Романъ остается дома, то, что онъ идетъ осматривать квартиру; Нина не хотѣла остаться одна, но и хотѣла поскорѣе имѣть планъ и знать размѣры комнатъ.

Ставлина вышла, наконецъ, на улицу съ отуманенной головой, усталая послѣ непривычныхъ сценъ.

«Неужели у васъ всегда такъ, и ты все выдерживаешь съ этимъ безмятежнымъ видомъ?»—думала она, поглядывая на Безпалова.

Да, безъ сомнѣнія, это имѣло самый обыденный видъ. Романъ, какъ ни въ чемъ не бывало, шагалъ около нея такъ скоро, что она съ трудомъ поспѣвала за нимъ. Онъ говорилъ довольнымъ тономъ:

— Это отлично, что мы теперь ушли. Нина уснетъ и отдохнетъ на славу. Подумайте только, сколько-же она кипятилась сегодня, и это послѣ вчерашней-то истерики!

Совершенно просто, какъ о чемъ-то самомъ обыкновенномъ, онъ говорилъ о безсонныхъ ночахъ, истерикахъ и волненіяхъ.

Ей очень хотѣлось-бы знать, отчего вчера приключилась истерика, но она не рѣшилась спросить и замѣтила только, что у него завидный характеръ.

Романъ слегка нахмурился.

— Н-ну, нѣтъ, знаете! Было время, дѣйствительно могъ числиться въ хорошихъ, а теперь частенько раздражаться начинаю,—отвѣчалъ онъ задумчиво.

На половинѣ дороги они встрѣтили извозчика и поѣхали.

— Однако, Романъ Петровичъ, я до сихъ поръ еще не слыхала отъ васъ самаго главнаго вопроса?—заговорила Елена, поглядывая на него сбоку.

— Вотъ ужъ не знаю, какой это вопросъ!

— Но вѣдь вамъ извѣстно, что вашъ чердакъ упраздняется? У насъ и разговоръ-то весь начался съ этого.

— Гм... Это, знаете-ли, нѣсколько необдуманно, Елена Семеновна. А впрочемъ въ такомъ большомъ домѣ... Вѣрно найдется какой-нибудь сарай, что-ли, который можно будетъ приспособить? Сараи намъ совершенно не нужны.

— Но вѣдь сараи бываютъ всегда холодные.

— Гм... Правда ваша!.. Придется поставить чугунную печку. Знаете, Елена Семеновна—было-бы только мѣсто, а ужъ все остальное «дѣло десятаго рода», говорилъ одинъ мой профессоръ.

Елена смотрѣла на него, и эта безмятежная ни передъ чѣмъ не смущающаяся бодрость восхищала ее.

— Вотъ вѣдь вы какой—васъ даже и подразнить не удается!—

разсмѣялась она ласково.—Но неужели вы въ самомъ дѣлѣ допускаете, что я могла не подумать о самомъ главномъ?..

— Да-съ чего-же вамъ-то, Елена Семеновна, считать это самымъ главнымъ? усмѣхнулся Безпаловъ добродушно.

— Вы, значитъ, ее допускаете у женщинъ здравыхъ понятій?.. Вѣдь для васъ это самое главное, не правда-ли?

Безпаловъ задумался на секунду.

— Самое главное—здоровье Нины.—А затѣмъ, конечно...

Зато онъ пришелъ въ настоящій восторгъ, когда Елена сказала, что именно для его біологической лабораторіи Ставлинскій домъ представляетъ особенныя удобства: въ его распоряженіи будетъ просторный, сухой подвалъ, съ каменнымъ поломъ и сводами, безусловно безопасный отъ пожара. Тамъ онъ можетъ выдумывать всевозможныя приспособленія, какія только придутъ въ голову.

— Ваше дѣло будетъ выдумывать, а мое, какъ хозяйки, исполнять,—закончила Елена весело.

Романъ едва не слетѣлъ съ дрожекъ отъ волненія и вышибъ у нея изъ рукъ дождевой зонтикъ.

Въ большомъ домѣ уборка была во всемъ разгарѣ. Рамы уже выставлены, половина стеколъ перемыта, и потоки солнца лились въ окна. Въ яркомъ свѣтѣ, на свѣжемъ сквозномъ вѣтру, разгуливавшемъ по комнатамъ, вся эта старинная обстановка, вчера еще такая таинственная, показалась сегодня Еленѣ тусклой и будничной.

Вчера Безпаловъ не обратилъ вниманія на большую, угловую залу—сегодня онъ такъ и ахнулъ отъ восхищенія: фонарь, настоящій фонарь!—съ окнами на двѣ стороны, съ дверью на чудесную широкую террасу.

— Это для Нины, сюда Нину помѣстить! Сколько солнца!..

Само собою понятно, что спальня должна быть рядомъ съ комнатой Нины.

Ни мало не задумываясь, Романъ отмѣтилъ на планѣ спальню на мѣстѣ парадной гостиной съ колоннами. Ну, со столовой по обыкновенію ничего ужъ больше не сдѣлаешь... а вотъ рядомъ можно пожалуй и гостиную устроить—для пріемовъ Клеопатры Павловны! Въ кабинетѣ будетъ Володина комната, для его пріѣздовъ...

Весь домъ перевертывался такимъ образомъ задомъ напередъ.

— Ну, а вамъ кабинетъ?.. напоминала нѣсколько разъ Ставлина.

— Да гдѣ-же, наконецъ, будетъ вашъ-то кабинетъ?.. повторила она, когда въ послѣдней комнатѣ предположено было устроить для Нины ванную.

— Какой-же мнѣ еще кабинетъ?—удивился Романъ.—Мнѣ вѣдь обѣщанъ цѣлый подвалъ съ каменнымъ поломъ и со сводами.

— Но гдѣ вы поставите вашъ письменный столъ?—не въ лабора-

торіи, надѣюсь! Вѣдь у васъ есть, кажется, также и служебныя занятія...

— Разумѣется, мой письменный столъ будетъ стоять въ большой комнатѣ.

— Да вѣдь это комната Нины.

— Я всегда занимаюсь въ комнатѣ Нины. Вы хотите, чтобы Нина весь день оставалась въ одиночествѣ?—отвѣтилъ онъ какъ-будто съ досадой.

Елена смѣшалась. Нѣтъ, она только не знала, что можно работать на людяхъ. Она-бы не могла.

— Я очень люблю такъ работать, улыбнулся Безпаловъ. — Служебныя бумаги всетаки становятся немного сноснѣе, когда тутъ-же щебечетъ Нинокъ.

Безпаловъ желалъ, чтобы всѣ эти перемѣны были сдѣланы до того, какъ Нина Алексѣевна будетъ осматривать домъ. Иначе она будетъ черезчуръ много волноваться, и это затянется безъ конца.

Собираясь подняться въ мезонинъ, Елена показала Безпалову подъ лѣстницей квадратъ большого люка.

— Смотрите сюда!—въ этомъ мѣстѣ я буду возноситься въ мою свѣтелку, а вы опускаться въ тайники науки, — пошутила она.—Это ходъ въ вашъ подвалъ, кромѣ наружнаго, конечно.

Всѣ удобства, какія только можно пожелать! Непостижимо просто, за какія заслуги судьба вдругъ надумала такъ баловать его...

— Судьба, быть можетъ, ждетъ отъ васъ многаго въ будущемъ?.. выговорила съ страннымъ выраженіемъ молодая женщина.

Она остановилась на половинѣ лѣстницы и держала его двумя ступеньками ниже себя.

— Н-ну!.. чѣмъ меньше ждать—тѣмъ оно вѣрнѣе... Изъ большихъ ожиданій всего чаще ничего не выходитъ.

— Однако... большія ожиданія не являются-же совсѣмъ ужъ безъ всякаго основанія?

Романъ безпокойно шевельнулся.

— Мнѣ сдается, Елена Семеновна, какъ будто у васъ на сей предметъ увеличительные очки надѣты... Кто-бы это такъ удружилъ мнѣ?.. Не Клеопатра Павловна, конечно, и не супругъ ея, мой досточтимый начальникъ...

Ставлина задумчиво водила рукою вверхъ и внизъ по гладкому поручню лѣстницы.

— Пойдемте въ свѣтелку, я разскажу вамъ, съ кѣмъ я часто бесѣдовала о васъ въ Петербургѣ.

— Вотъ это статья иная! Довольно найдется у меня пріятелей въ Петербургѣ.

— И вы ихъ всѣхъ забыли, никому даже не пишете?..

Безпаловъ только повелъ бровями и ничего не сказалъ.

Елена открыла дверь. Ну, развѣ-же это не настоящая свѣтелка?.. Тутъ навѣрное жили барышни, и ей это очень пріятно; нижнихъ комнатъ она совсѣмъ не хочетъ.

— Здѣсь витали чистыя дѣвичьи думы... Я люблю дѣвушекъ— такія они хорошія и... бѣдненькія! Велю принести сюда кое-что изъ мебели снизу, и сама помолодѣю въ моей свѣтелкѣ.

Она весело оглядывала маленькія уютныя комнаты съ крошечнымъ балкончикомъ и широкимъ видомъ на зарѣчье.

И Романъ залюбовался видомъ.

— Хорошо... А главное—отъ насъ подальше.

— Да, и это. Я не буду стѣснять васъ.

Безпаловъ вдругъ повернулся къ ней отъ окна.

— Послушайте, барыня... вѣдь теперь еще не поздно: взвѣсьте-ка вы еще разъ свои молніеносные поступки! Очень ужъ вы это стремительно затѣяли.

Лицо казалось ей холоднымъ, такъ оно вдругъ стало серьезно.

— Вотъ вы сегодня насъ поближе видѣли... Мы люди безпокойные—а вѣдь вы привыкли къ тишинѣ и порядку...

— Тишина, порядокъ и покой пустыни... не могу къ этому привыкнуть и не хочу привыкать!

И ея лицо тоже стало очень серьезно и очень печально.

— Я понимаю, что вы должны находить страннымъ... съ чего вдругъ человѣкъ навязывается? На все существуютъ опредѣленныя правила и узаконенія...

Она прошлась по комнатѣ и остановилась передъ Безпаловымъ, скрестивъ руки на груди.

— Съ какой стати затѣяла? — Не могу ничего вамъ сказать... Откуда берутся желанія?—Я не знаю! Просто, понадѣялась на широту вашихъ взглядовъ, потому что знаю васъ немного, хоть мы и только что познакомились... Подумала, что съ вами можно и перешагнуть черезъ что-нибудь, не убивать полгода на официальное знакомство и подходы. И вышло, что я не ошиблась.

На ея щекахъ выступилъ румянецъ, глаза точно затуманились.

— Скучно жить одной, Романъ Петровичъ, да и дѣлать нечего, говоря по совѣсти. А въ вашей жизни я, кажется, буду не лишняя— очень ужъ много на васъ одного дѣла всякаго сошлось! Отчего-бы мнѣ и не помочь вамъ? Ну, а коли я ошиблась, какая-же бѣда? Вѣдь мы ничѣмъ не связываемъ другъ друга. Вы останетесь жить въ этомъ домѣ и безъ меня, а я вернусь въ мое одиночество.

Романъ положилъ локоть на столъ, подперъ голову и не отрываясь смотрѣлъ въ ея лицо.

Елена отошла къ окну, распахнула раму и сѣла на подоконникъ:

— Отчего одиночество? какъ возможно, чтобы человѣку дѣлать было нечего? Есть силы, средства, свобода—все есть, и только дѣлать нечего?

— Нечего!—повторила Ставлина уныло, не поворачивая къ нему головы.—То дѣло, какое было по душѣ, не состоялось изъ-за моего замужества, а другого никакъ вотъ и нажить не могу, что ни пробую... Средствъ у меня нѣтъ, вы ошибаетесь, т. е. настоящихъ средствъ, чтобы можно было на нихъ что-нибудь самостоятельно дѣлать. Но, конечно, денегъ больше чѣмъ достаточно, чтобы избавить отъ необходимости работать... въ этомъ вѣрно и заключается вся пагуба! Кто для хлѣба работаетъ, тому не до философіи.

— Вотъ подите-же! а у насъ васъ считаютъ богачкой.

— Богатъ будетъ Владиміръ Сергѣевичъ. Я, пока жива, завѣдую его имуществомъ... и нельзя похвастаться, чтобы онъ былъ особенно доволенъ мною, или я имъ!

— Что-же вы надѣетесь найти здѣсь, Елена Семеновна?—спросилъ, помолчавъ точно въ раздумьи Романъ.

Ставлина долго не отвѣчала.

— Не знаю, право, что вамъ и сказать на это,—заговорила она тихо.—Стоитъ-ли говорить о надеждахъ, когда прошло всего три дня? Да и нужно-ли непремѣнно ставить такой вопросъ? Я не прочь отдохнуть отъ Петербурга, вотъ и все пока.

Но выраженіе ея лица и ея голоса не вязалось съ осторожной обдуманностью слова. Она порывисто встала съ своего подоконника.

— Отчего, скажите, мы не можемъ жить въ одномъ домѣ? Къ счастію, мы родственницы съ Ниной—для публики. Я не понимаю родственныхъ пристрастій и никогда ихъ не имѣла. Я презираю только родственныя души. Право, люди только и дѣлаютъ, что проводятъ границы и отгораживаются отъ себя подобныхъ!—оттого и жизнь такъ несносна. Чтобы симпатизировать человѣку, нуженъ цѣлый рядъ основаній—національныхъ, религіозныхъ, сословныхъ и семейныхъ. Помилосердуйте!—Но мнѣ ничто человѣческое не чуждо и я не хочу жить иначе! Я могу всей душой сочувствовать какому-нибудь негру и вовсе не хочу сочувствовать тетушкѣ Клеопатрѣ Павловнѣ съ ея генеральскимъ міровоззрѣніемъ!..

Романъ громко смѣялся.

— Но вѣдь вы и не негръ, а молодой ученый, подающій блестящія надежды. Отчего намъ не подружиться?—почему мнѣ не питать къ вашей семьѣ самой искренней симпатіи? Не забудьте, что я

несостоявшійся врачъ, но врачъ по призванію: всѣ больные и слабые близки моему сердцу.

Безпаловъ пересѣлъ на диванъ поудобнѣе, какъ человѣкъ, собирающійся долго еще наслаждаться разговоромъ.

— Кажется, я васъ понялъ, Елена Семеновна: вы большая либералка въ житейскихъ вопросахъ, и надо полагать, что у насъ въ К*** вамъ не поздоровится.

— Я буду жить не въ К***, а въ своемъ собственномъ домѣ, и заражу васъ также своимъ либерализмомъ! — отвѣтила ему въ тонъ Ставлина. Мнѣ почему-то сдается, что это будетъ не особенно трудно

Романъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, мы постараемся оказать вамъ самое добросовѣстное сопротивленіе. Мы добрые провинціалы, а не испорченные столичные верхогляды. Однако, Елена Семеновна, мнѣ пора уходить, а вы еще не сказали, съ кѣмъ это вы изволили перемывать мои косточки въ Петербургѣ?

Когда Елена назвала съ упрекомъ Дмитрія Дмитріевича Травина— Безпаловъ такъ и подскочилъ на своемъ диванѣ.

— Митька Травинъ—ну, плохи-же тогда его дѣла, совсѣмъ плохи! Ужъ если кто-нибудь способенъ добросовѣстнѣйшимъ образомъ ввести въ заблужденіе на его счетъ, такъ это именно Травинъ.

— Не знаю, заблужденіе-ли это, но Травинъ точно любитъ васъ и ставитъ высоко,—отвѣтила Ставлина очень серьезно.

— Матушка, Елена Степановна,—да вѣдь это-же студенческія воспоминанія!

— Такъ что-же изъ этого?

— Какъ, что изъ этого!?—Просто вы, я вижу, понятія настоящаго не имѣете о томъ, что такое студентъ и каково его могущество! ...Студентъ!..—вѣдь онъ можетъ сдѣлаться кѣмъ хотите, министромъ, фельдмаршаломъ, геніальнымъ писателемъ, великимъ ученымъ, реформаторомъ и благодѣтелемъ человѣчества—ad libitum—сколько душѣ угодно! Особенно-же легко сдѣлаться великимъ ученымъ и знаменитымъ профессоромъ. Гораздо легче, чѣмъ, напримѣръ, фельдмаршаломъ или генераломъ. Для ранговъ высокихъ все-таки требуются кое-какія детали; какія-то тамъ заслуги служебныя, связи, звучная фамилія. Ну, прилично-ли называться Безпаловымъ?—въ каждой деревнѣ непремѣнно есть свой Васька Безпаловъ! А главное—время нужно, и даже цѣлая пропасть времени. Геніальность-же уживается съ молодостью — вотъ въ чемъ ея соблазнительнѣйшее преимущество!

Елена слушала и смѣясь, и досадуя.

— А еще того легче—увѣровать въ чужую геніальность, что уже окончательно ни къ чему не обязываетъ. На каждомъ курсѣ имѣются

свои Дарвины, Пастеры и Лессепсы—и кучка славныхъ малыхъ, влюбленныхъ въ ихъ будущую славу. Ахъ, еслибъ вы знали, до чего это смѣшно и трогательно! Особенно, если подъ студенческой фуражкой шалая голова Митьки Травина, биткомъ набитая риѳмами... Вы вѣдь, конечно, хорошо знакомы съ безконечными поэмами изъ средневѣковой жизни?

Лицо Безпалова свѣтилось ласковой насмѣшкой.

— Глумитесь, глумитесь... Заодно ужъ надо всѣмъ!—проговорила грустно Ставлина.—Значитъ, писать стихи тоже смѣшно? Но я тѣмъ не менѣе самымъ серьезнымъ образомъ попрошу васъ дать мнѣ когда-нибудь прочесть ваши стихи.

Романъ вспыхнулъ до корней волосъ и вскочилъ на ноги.

— Ну, знаете! средневѣковыя поэмы еще можно, пожалуй, извинить, ради юныхъ лѣтъ, но сплетничанье на пріятеля въ зрѣломъ возрастѣ, это ужъ форменная низость!

Елена смотрѣла ему въ лицо.

— Хорошо, я теперь знаю: прошлое потоплено въ морѣ ироніи...

Безпалова поразило выраженіе, съ какимъ она произнесла эти слова.

VI.

Послѣдовавшія затѣмъ двѣ недѣли прошли въ сильнѣйшихъ хлопотахъ. Въ домѣ наскоро производился необходимый ремонтъ, но капитальныя работы понадобились только въ подвалѣ. Тамъ передѣлывались печи, устраивалась вентиляція вытяжными трубами и пробивались въ каменныхъ стѣнахъ добавочныя окна, такъ какъ маленькія подвальныя окошки не могли дать хорошаго освѣщенія.

Рѣка прошла; въ саду отъ дождей сошелъ послѣдній снѣгъ, и садъ тоже нужно будетъ скоро приводить въ порядокъ.

Купецъ Коневъ кричалъ по городу, что дуракъ онъ будетъ, ежели когда-нибудь еще свяжется съ бабой. Положился на бабье слово, и сколько времени даромъ упустилъ!

Крѣпко не хотѣлось его степенству отказаться отъ своихъ мечтаній распивать чаи у милаго зятюшки, сидя на барской террасѣ, подъ старыми развѣсистыми дубами.

Безпаловъ находилъ, что Елена черезчуръ ужъ увлекается, затѣваетъ много лишняго, и этимъ только отдаляетъ желанное переселеніе въ большой домъ.

Крупныя перемѣны имѣютъ волнующее свойство выбивать людей изъ налаженной колеи, задолго до того, когда настаетъ моментъ осуществленія. Жили, жили люди въ извѣстныхъ условіяхъ и такъ или иначе приспособились къ нимъ—какъ вдругъ простое видѣніе лучшаго буду-

щаго, пронесшееся въ воображеніи, дѣлаетъ настоящее сразу и безповоротно нестерпимымъ.

Нина Алексѣевна не могла больше выносить неудобствъ и тѣсноты старой квартиры; она серьезно утверждала, что непремѣнно зачахла-бы здѣсь окончательно, еслибъ самъ Богъ не послалъ въ К*** Елену Ставлину. Наряду съ естественнымъ нетерпѣніемъ скорѣе начать новую жизнь, Нину страшно волновали городскіе слухи и сплетни, и ничуть не было легче оттого, что все это она заранѣе предвидѣла.

Романъ безсильно бѣсился на Клеопатру Павловну. Генеральша теперь зачастила къ племянницѣ по случаю интересныхъ событій и умѣла съ самымъ безобиднымъ и необдуманнымъ видомъ доводить до свѣдѣнія Безпаловой все то, что должно задѣть ея ребячески впечатлительное самолюбіе. Мужу цѣлыми днями приходилось урезонивать, опровергать и утѣшать.

Клеопатра Павловна безпрестанно приглашала Елену къ себѣ обѣдать, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ домѣ теперь нельзя жить. Дѣйствительно Елена простудилась на сквознякахъ и сильно кашляла. Она успѣла загорѣть и посвѣжѣть на солнцѣ съ открытой головой, и была въ самомъ радостномъ возбужденіи. Каждый день она придумывала какую-нибудь новую подробность для всеобщаго удобства, но подъ особенно нѣжнымъ ея попеченіемъ состояла будущая лабораторія Безпалова.

Побывала Елена и на знаменитомъ чердакѣ Безпаловской квартиры и спустилась оттуда вмѣстѣ и удовлетворенная, и разочарованная. Сколько-бы ни глумился Романъ надъ собственной ученостью, его домашняя лабораторія производила внушительное впечатлѣніе. Но только Ставлина никакъ не ожидала увидѣть ее въ такой степени заброшенной. Отставленные по угламъ дорогіе приборы, кучи пустыхъ клѣтокъ для животныхъ, груды ретортъ и стклянокъ, задернутыхъ густой пылью,—все это говорило о лучшемъ прошломъ и о равнодушіи или безсиліи настоящаго... Въ нѣсколькихъ только клѣткахъ сидѣли крысы и два кролика и вокругъ нихъ, повидимому, сосредоточивалась вся работа.

Елена невольно подумала о томъ, что всѣ эти сложныя ученыя приспособленія должны были стоить немалыхъ денегъ для скромнаго бюджета Безпаловыхъ. Этотъ пунктъ ей не преминула выяснить Клеопатра Павловна.

Боже-мой! Когда Нина убѣжала изъ дому, это едва не свело въ могилу несчастную мать, но кто-же можетъ оставить на произволъ судьбы собственную дочь, послѣ того какъ все кончено?.. Нинѣ была выдѣлена ея доля une misère, положимъ, такъ-какъ послѣ дѣдушки Порфирія Даниловича ничего не осталось кромѣ долговъ. Но только подумать, что эта самая Нина могла-бы быть теперь дивизіонной командиршей!

Генералъ Плутасовъ былъ безъ ума влюбленъ... Вотъ отъ какихъ пустыхъ случайностей зависитъ иногда вся наша судьба! Еслибъ тогда Парфиша не провалился на экзаменѣ, и бѣдная Lise не была принуждена выписать для него репетитора—какая разница! Танцовала-бы теперь вся губернія на балахъ молодой красавицы-генеральши. И, конечно, Нина была-бы здорова, вмѣсто того, чтобы чахнуть отъ лишеній и скуки.

— Но вѣдь этому Плутасову, вѣроятно, лѣтъ шестьдесятъ, Клеопатра Павловна!—воскликнула Елена.

— Съ чего ты это взяла, ma chère? И кто-же будетъ считать года! Совершенно свѣжій еще человѣкъ. Посмотрѣла-бы ты, какъ онъ прошелся съ Ниной мазурку на ея первомъ балу! Съ этого бала и началось.

Передъ Еленой промелькнула энергичная голова Романа, съ его блестящими глазами, внезапно темнѣющими отъ волненія, съ неровнымъ голосомъ, прерывающимся звенящими, металлическими нотами.

«Бѣдняжка влюбилась въ красиваго краснобая. Какъ на грѣхъ, Безпаловъ былъ un beau garçon, этого нельзя отъ него отнять. Клеопатра Павловна презираетъ сплетни, но пусть Богъ ее накажетъ, если она клевещетъ; попросту молодецъ въ расчетахъ ошибся. Надѣялся получить цѣлое состояніе и на него сдѣлать карьеру... Человѣкъ своего общества разумѣется сейчасъ смекнулъ-бы чего можно ждать—ну, а такому студентику изъ мѣщанъ гдѣ-же было разобрать! Попалъ въ хоромы... Figure-toi, seulement—видъ изъ мѣщанъ! Конечно, теперь у него ученая степень, можетъ быть, какъ-нибудь еще и дослужится... Однако, все-таки это большое счастье, что у нихъ дочь, а не сынъ—хоть фамилія эта ужасная въ семьѣ не останется!...

Елена приходила обѣдать и слушала разсказы Клеопатры Павловны.

Она соглашалась съ теткой, что со стороны молодой четы было сущимъ безразсудствомъ въ первый-же годъ уѣхать за-границу, вмѣсто того, чтобы беречь, какъ зеницу ока, эти нѣсколько тысченокъ. Прожили зиму въ Италіи, лѣто въ Германіи, и навезли оттуда весь этотъ ученый хламъ, когда въ домѣ не было, какъ говорится, ни ложки, ни плошки.

Хорошо еще, что Валеріанъ Валеріановичъ, ради матери, взялъ Безпалова къ себѣ на службу. Но ничего не можетъ быть непріятнѣе, какъ имѣть у себя подъ начальствомъ родню! И еслибъ самъ Безпаловъ это чувствовалъ и старался... Allez donc!—самый небрежный чиновникъ, какого только можно себѣ вообразить. Положимъ, онъ очень уменъ и толковъ, когда захочетъ, но голова у него совсѣмъ не тѣмъ занята, онъ все это ниже себя считаетъ. Манкируетъ безпрестанно... Никто-же не виноватъ, наконецъ, что у него жена больная. А самолюбіе! Въ прошломъ году до того дошло, что онъ въ одинъ прекрасный день въ отставку подалъ—это въ ихъ-то положеніи!

Разумѣется, Клеопатра Павловна въ тотъ-же часъ отвезла его отставку обратно Нинѣ, что ужъ у нихъ тамъ происходило послѣ этого, легко себѣ вообразить! Надо надѣяться, что у Романа Петровича навсегда пропала охота куражиться. Ни выдержки, ни воспитанія, ни скромности... Что ни говорите, а порода всегда скажется.

Клеопатра Павловна пришла въ высочайшее негодованіе, когда Елена замѣтила, что отъ неравнаго брака пострадала не одна Нина Алексѣевна, ранняя женитьба затормозила ученую карьеру Безпалова, а, можетъ быть, и навсегда сбросила его съ его истинной дороги.

Вотъ этого только не доставало, чтобы господинъ Безпаловъ еще и на свою судьбу жаловался, женившись на родной внучкѣ Порфирія Даниловича Ставлина!.. Неужели въ глазахъ Елены вся эта пачкотня окружена серьезнымъ ученымъ престижемъ? О, она всегда говорила, что Безпаловъ хитеръ; ça lui fait une position après tout, вотъ почему онъ и не хочетъ разстаться.

Клеопатра Павловна очень благоволила къ Еленѣ и одобряла то, что дѣлала.

— Доброе дѣло, ma chère, и ты счастлива, что можешь позволить себѣ это. Нельзя намъ не пожалѣть этого бѣднаго ребенка,—говорила она голосомъ, проникнутымъ благоволеніемъ.

Собственно говоря, Елена не знала, почему нужно жалѣть «бѣднаго ребенка?..» Чего-же лишилъ Романъ Ниночку Ставлину, кромѣ ухаживаній старика Плутасова? Но... хорошенькая дѣвушка! Вѣдь это не одна какая-нибудь будущность, всѣ комбинаціи, всѣ возможности, и при томъ съ нѣсколько большимъ вѣроятіемъ, нежели въ тѣхъ студентческихъ мечтаніяхъ, о которыхъ говорилъ такъ краснорѣчиво Романъ. До конца дней своихъ, Нина Алексѣевна будетъ увѣрена, что выйдя за любимаго человѣка, она пожертвовала ему чѣмъ-то несравненно болѣе блестящимъ и заманчивымъ, чего она хоть и не можетъ назвать, однако, въ чемъ никогда не усумнится.

Тѣмъ временемъ въ монотонной жизни Безпаловыхъ переселеніе въ ставлинскій домъ являлось цѣлымъ событіемъ. Но подобнаго рода событія почти никогда не обходятся безъ напрасныхъ или преувеличенныхъ тревогъ, безъ несносныхъ столкновеній изъ-за сущихъ пустяковъ и безъ неожиданныхъ осложненій и невзгодъ, обрушивающихся именно въ самую неподходящую минуту.

Въ довершеніе суматохи, длившейся вторую недѣлю, маленькая Ниночка въ одинъ прекрасный день простудилась въ большомъ домѣ, куда они съ отцомъ заходили каждый день во время своей прогулки.

На другой день Романъ пришелъ передъ вечеромъ одинъ и очень сумрачный.

— Елена Семеновна, нельзя-ли поспѣшить съ работами?—Это должно, наконецъ, кончиться! Зачѣмъ собственно дѣло стало?

Елена бросила на него короткій, пытливый взглядъ и отвѣтила, не задумавшись:

— Ни за чѣмъ, Романъ Петровичъ. Завтра еще приберемъ коечто... Перебирайтесь послѣ завтра. Мнѣ не придти-ли помочь укладываться.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста не надо!—Справимся.

Ей показалось точно, что онъ на нее сердится за промедленія и за болѣзнь дѣвочки.

Выслушавъ то, что Елена разсказывала о послѣднихъ работахъ въ подвалѣ, Безпаловъ неожиданно перервалъ ея увлеченіе.

Все, все безподобно? Однако, онъ долженъ сказать, что было-бы весьма желательно впослѣдствіи не распространяться о томъ районѣ такъ много—и даже какъ можно меньше. Это вѣдь только очень интересно, всѣ удивительныя превращенія, какія совершились! Надо оставить профановъ заниматься болѣе подобающимъ имъ—напримѣръ, альковомъ XVIII столѣтія, который она съ такимъ искусствомъ воздвигала за колоннами.

— Вы удивлены? Знаю, знаю. Нельзя конечно сказать, чтобы это было деликатное съ моей стороны желаніе, покрыть молчаніемъ самые достопримѣчательные изъ вашихъ подвиговъ. Но я полагаю, для васъ вѣдь это совершенно безразлично? Подвалъ, такъ сказать, подаренъ лично мнѣ? Заглянуть туда добровольно едва-ли соберутся.

Елена стояла передъ нимъ, опустивъ рѣсницы, и только молча наклоняла голову въ знакъ согласія.

Чего-то онъ опять боится?..

Ей тяжело было взглянуть на него, хоть она знала ужъ, что при этомъ у него самое обыкновенное лицо, только особенно серьезное. Никакого смущенія она не подмѣчала въ немъ въ подобныхъ случаяхъ.

Романъ заторопился уходить.

— Такъ до послѣ завтра, стало быть? Ну, однако, и устали-же вы! и кашель вотъ никакъ кончиться не можетъ... Способенъ-же человѣкъ увлекаться до такой степени!

Она встрепенулась на задушевный звукъ его голоса.

— Еще какъ способенъ-то—тряхнула она весело головой.—Дѣйствительно, давно ужъ я такъ славно не увлекалась...

— А барыши, вы знаете, по осени считаютъ,—вставилъ онъ иронически.

— Нѣтъ, я свои барыши впередъ получила. Неужели-же вы увлеченіе ни во что не ставите?.. Богачъ-же вы въ такомъ случаѣ!

— Нѣтъ—бѣднякъ-же вы, остается мнѣ только сказать!

— Я-то? Нищій—совсѣмъ банкротъ—была, была! Теперь разживаться собираюсь.

Глаза, улыбаясь, смотрѣли на него.

— Была-бы способность увлечься, Елена Семеновна, а спросъ на нее всегда найдется, сказалъ серьезно Романъ.

— Да, конечно.—У меня самой должно быть такая ужъ натуришка мелкая. Мнѣ необходимо хоть самое маленькое, но живое, непосредственно близкое дѣло, отъ котораго-бы мнѣ тепломъ въ душу вѣяло... Большія далекія дѣла не согрѣваютъ меня. Приступить ни къ чему не умѣю хладнокровно. Разлечусь съ размаху въ пустое пространство... и простыну!...

Она помолчала.

— Горе, что медицина моя не состоялась: въ паціентовъ такъ удобно душу вкладывать... на законномъ основаніи!

— Ну, теперь будетъ у васъ паціентка, Елена Семеновна—и трудная, такъ вы это напередъ и знайте.

Онъ не замѣтилъ, какъ выразительно у него это вырвалось, какимъ усталымъ движеніемъ онъ опустился на стулъ, когда ему давно уже пора уходить. Онъ медленно нѣсколько разъ провелъ рукою по волосамъ.

— Вы замучились... Это я виновата съ моими выдумками,—почти прошептала рядомъ съ нимъ Ставлина.

— Все едино! Что ни попъ, то батька. Ну-съ, такъ до послѣзавтрева, стало быть... Нужно-ли благодарить васъ? Сами лучше знаете, какъ вы все это дѣлаете... А глаза у меня зрячіе, къ микроскопу привычные...

Онъ взялъ ея руку и не мѣняя позы, не наклоняясь, притянулъ къ своимъ губамъ, не отводя отъ нея глазъ, ласковыхъ и невеселыхъ.

У нея дрогнули рѣсницы. Она улыбнулась и тряхнула головой.

— Пора, пора вамъ теперь во-свояси, Романъ Петровичъ! Давно вы здѣсь—Нина вѣрно волнуется.

Онъ сейчасъ-же выпустилъ ея руку и безпокойно поднялся на ноги.

— Правда, правда, мнѣ въ аптеку еще надо. Ну, спите-же спокойно!

Елена и не помнила, спала-ли она такъ когда-нибудь? Короткимъ, глубокимъ и живительнымъ сномъ, когда засыпаешь отъ усталости, съ сожалѣніемъ, что не въ силахъ додумать всѣхъ интересныхъ и нужныхъ мыслей, а утромъ вскакиваешь въ испугѣ, не укоротилъ-ли наступающаго дня...

VII.

Какъ только Безпаловы перебрались въ большой домъ, Елена уѣхала въ Петербургъ, чтобы покончить тамъ свои дѣла и перевезти вещи.

Ей хотѣлось справиться со всѣмъ этимъ въ нѣсколько дней, но дѣла не вещи, и въ сундукъ ихъ не запихаешь по своему желанію. Она жила въ Петербургѣ вторую недѣлю и поглядывала съ тоской на ясное весеннее небо и на начинающіе зеленѣть городскіе скверы.

Друзья и знакомые были очень изумлены такимъ внезапнымъ переселеніемъ Ставлиной въ провинцію. Они проявляли самую досадную непонятливость, недоумѣвая, что станетъ она дѣлать въ К***, когда и въ Петербургѣ-то она мечется отъ одного дѣла къ другому и ничѣмъ не можетъ удовлетвориться. Смѣясь предсказывали, что она отживетъ въ К*** дачный сезонъ, а къ осени, Богъ дастъ, вернется; жаль вотъ только, что квартирку свою сгоряча разоряетъ.

— Теперь все понятно—такъ-бы вы сразу и говорили!—воскликнула одна молоденькая пріятельница.—Что-же вы давно не сказали, что тамъ имѣется больная дама и маленькія дѣти?—Вдовѣ полковника Ставлина конечно неприлично идти въ профессіональныя сестры милосердія. Только, Бога ради, не поступите сейчасъ-же въ крѣпостную зависимость, оставьте себѣ какой-нибудь путь къ отступленію!

Елена какъ-то странно страдала отъ каждой шутки... Она не была изобрѣтательна на извороты, она не догадалась припрятать во время такую крупную подробность, какъ переселеніе въ ея домъ семьи Безпаловыхъ... Травину довольно было подхватить имя Романа, и на нее посыпались разспросы, соображенія и догадки.

Травинъ съ увлеченіемъ распространялся объ удивительной талантливости Безпалова. Это голова, въ которой кишатъ идеи!—и способность проработать нѣсколько сутокъ, не вставая съ мѣста, а потомъ какъ ни въ чемъ не бывало отправиться на пирушку, или прокатиться на конькахъ въ Кронштадтъ.—А-а! такъ онъ изволитъ, стало быть, издѣваться надъ стихами? Ладно-же! Надо порыться въ старыхъ чемоданахъ, авось либо уцѣлѣло ненарокомъ письмецо одно любопытное, гдѣ Безпаловъ излагалъ въ стихахъ теорію вырожденія видовыхъ признаковъ. Вечеромъ кучка естественниковъ спорила до хрипоты, а на утро онъ ужъ прислалъ цидулку длиннѣйшую риѳмованную. Вотъ какъ ему стихи-то давались! Какая-то силища такъ и выпирала во всемъ. Можетъ-же человѣкъ такъ обабиться въ нѣсколько лѣтъ!

— Пристыдите хоть вы его, Елена Семеновна, не щадя живота! Коли да онъ и теперь не опомятуется—тогда ужъ, видно, всему конецъ. Студентами-то мы, добрые люди говорятъ, безъ малаго десять лѣтъ тому назадъ числились—шутка сказать! И все еще, говорите, на подготовительныхъ опытахъ корпитъ?—Хоть-бы городъ-то былъ университетскій, а не такая глушь—много-ли въ одиночку надѣлаешь, да еще со службой на шеѣ!

Травина Елена начала, наконецъ, избѣгать; ей не хотѣлось говорить

о семейной жизни Безпалова, не хотѣлось ничего разсказывать, а удержаться было трудно, такъ ее самое тянуло къ этимъ воспоминаніямъ о безпечальномъ студенческомъ житьѣ. . . . .

Только съ однимъ человѣкомъ въ Петербургѣ ей больно было разставаться. Каждую свободную минуту она ѣхала въ Колокольную и засиживалась до той минуты, когда хозяйкѣ пора ложиться спать.

Наканунѣ отъѣзда Еленѣ не удалось освободиться раньше девяти часовъ. Запыхавшись отъ торопливаго подъема на лѣстницу и на ходу снимая съ головы шляпку, чтобы и лишней минуты не потерять въ прихожей, Ставлина вошла въ небольшую рабочую комнату Аглаи Львовны Кобяковой.

У круглаго стола, подъ лампой съ огромнымъ зеленымъ абажуромъ, сидѣла въ креслѣ маленькая, сухенькая старушка въ старомодномъ бѣломъ чепчикѣ, обрамлявшемъ ея желтое лицо безчисленными рядами искусно сплоенныхъ, узенькихъ кружевъ. Она вязала что-то изъ сѣрой шерсти на толстыхъ деревянныхъ спицахъ, глядя черезъ очки не на свою работу, а куда-то въ дальній уголъ отуманеннымъ взглядомъ.

— Ну, родная, я ужъ думала, что вы сегодня и не будете!— встрѣтила она радостно гостью и заспѣшила отложить на столъ свое вязанье, путаясь въ шерсти.

— А я-то какъ этого боялась!—вѣдь завтра у меня каждый часъ росписанъ—вечеромъ хочу выѣхать. Здравствуйте, голубушка!

Елена нѣсколько разъ поцѣловала ея руки въ ладонь, чувствуя на своемъ лицѣ нѣжное щекотанье батистовыхъ оборочекъ, въ которыхъ прятался до самыхъ пальцевъ высохшій остовъ человѣческой руки.

— Пора вамъ ѣхать... Затормошились вы здѣсь совсѣмъ!—проговорила ласково старуха, отклоняясь назадъ чтобы лучше разглядѣть ее черезъ очки.

— И тамъ меня ждутъ. Въ саду работы есть кое-какія, а я не велѣла безъ себя... Думала, что живо тутъ управлюсь, а вотъ сколько продержалъ меня Василій Ивановичъ!.. Ни у кого такъ время не дешево, какъ у этихъ дѣловыхъ людей: тянутъ—конца нѣтъ!..

— Это вамъ, милая, такъ кажется. У него сотни дѣлъ на рукахъ, какъ тутъ не заторопишься. Я по себѣ, въ своемъ маленькомъ дѣлѣ это знаю.

Но Елена вся полна была досады на дѣловыя проволочки, державшія ее здѣсь съ уложенными сундуками.

— Нѣтъ, право-же, рутина у нихъ безбожная! Съ одного стола на другой бумаги перекладываютъ узаконенное число разъ, а и всего-то въ концѣ концовъ справка нужна въ нѣсколько словъ! Надо быть

мужчиной, чтобы продѣлывать все это съ видомъ первостепенной государственной важности!

— Кипятокъ вы мой неисправимый! — дотронулась любовно до ея руки Кобякова. — Имъ эти дѣла цѣлую жизнь дѣлать, изо дня въ день, а сколько дѣлъ, столько и нетерпѣнія человѣческаго. Надо тоже и въ ихъ положеніе войти...

— Вы, извѣстно, заступница всесвѣтная, и терпѣнію вашему нѣсть границъ!

— Поживите съ мое — научитесь!—покачала грустно головой Аглая Львовна.—Нетерпѣніемъ ничего не возьмешь, самое крохотное, немудрое дѣло и то испортишь только. Моя нянька старая когда-то говаривала: «Эхъ, барышня—молоку скиснуть, такъ и то время надобно!» Да и что вы на себя попусту клевещете, родная—сама вы терпѣливая.

— Нѣтъ, нѣтъ, только не въ пустякахъ! Да, правда—терпѣливая и вытерплю все безропотно, когда надо... А такъ вотъ, попусту, мнѣ всего жаль... дней весеннихъ жаль!.

Аглая Львовна потянула со стола свое вязанье и мимоходомъ опять вглядѣлась въ задумчиво поникшее лицо молодой женщины.

Давно уже она не видала свою любимицу такой доброй и радостной... Не будь этого, и еще ей грустнѣе было-бы разставаться со Ставлиной. Точно снѣгъ на голову этотъ отъѣздъ. Впрочемъ, внезапностью своихъ рѣшеній Елена Семеновна никого удивить не могла; всѣ близкіе привыкли къ ея быстрымъ сужденіямъ и горячимъ желаніямъ, къ открытой рѣшимости ея поступковъ.

Съ зоркостью стараго опыта и съ чуткостью нѣжнаго сердца, Аглая Львовна сейчасъ-же подмѣтила, что ея молодая пріятельница вся охвачена горячимъ интересомъ къ предстоящей жизни въ К***, хоть и говоритъ о ней съ вовсе не свойственной ей уклончивостью. Ну, что-жъ, коли не тянетъ высказываться, такъ ей не допрашивать-же ее. Время, стало-быть, не пришло.

— А вы, дорогая, и моихъ дѣлъ тамъ не позабудьте,—заговорила она, принимаясь за свое вязанье.—Приглядитесь, можетъ быть и подвернется что-нибудь для насъ подходящее. Я съ каждымъ днемъ все больше за провинцію стою, да вамъ только связи завязать мудрено.

— Ни васъ, ни вашихъ дѣлъ я нигдѣ не забуду, отвѣтила съ волненіемъ Елена.—Ѣду я—зачѣмъ душой кривить?—съ радостью. Ничего мнѣ здѣсь не жаль—только васъ одну и жаль, моя голубушка!.. Кому вы записки свои зимой диктовать станете?.. Развѣ Соня Павлова...

— Ну, гдѣ Сонюшкѣ! терпѣнія у нея не хватитъ, молода. Найдется кто-нибудь, не тужите... Очередь заведемъ. Вы моя безсмѣнная старательница были...

— Только всего и барыша вамъ отъ меня!—усмѣхнулась горько

растроганная Елена.—Всѣ ваши надежды обманула... Не гожусь я въ общественныя дѣятельницы, даже и ваша наука не помогла.

— Не уходились, повремените... Свою жизнь еще не изжили.

Елена нетерпѣливо качала головой.

— Нѣтъ, и лгать не стану—въ этомъ я, вы знаете, не грѣшна!

Старуха нѣжно положила руку на ея колѣно.

— А я всегда вамъ одно твержу, дорогая: простыть надо немножечко, не кипѣть такъ по вашему... Дѣло хочетъ выдержки и терпѣнія. И ждать отъ него не слѣдуетъ того, чего оно дать не можетъ. Нѣтъ возможности, да и надобности нѣтъ никакой непремѣнно любить пламенно всю полсотню чужихъ ребятишекъ, и отъ нихъ горячихъ чувствъ ожидать. Нельзя къ сердцу принимать всѣ непріятности мелкія, неудачи... Безъ того въ жизни не бываетъ, люди не ангелы, и требовать несправедливо больше, чѣмъ они могутъ.

Какъ любила Елена кроткій, журчащій звукъ этого старческаго говора, не совсѣмъ внятнаго отъ недочета переднихъ зубовъ.

— Я же никого и не виню, Аглая Львовна, только и говорю, что сама я не гожусь,—отвѣтила она смиренно.

— И говорите не дѣло, дорогая. Хорошій человѣкъ на все годится—кому-же и дѣлать дѣло, если не такимъ горячимъ душамъ? Ну, да теперь, что объ этомъ толковать... ѣдете вы, и съ Богомъ! И тамъ тоже люди нужны, пожалуй, еще нужнѣе здѣшняго. Мнѣ васъ провожать не сладко — такъ вы и тамъ меня любить не перестанете. Сюда пріѣзжать будете. Свидимся. Когда и напишите. Разстояніе пустое дѣло, люди и бокъ о бокъ дальше бываютъ чѣмъ за сотни верстъ. Я никогда ни съ кѣмъ не прощаюсь, мои друзья вездѣ мнѣ близки.

Елена полными слезъ глазами слѣдила, какъ сморщенные пальцы шевелили деревянными спицами, быстро накидывая петли сѣрой шерсти.

— Я пріѣхать всегда могу, вы это знаете, голубушка,—проговорила она, глотая слезы.—Писать буду. Только на письма я не большая мастерица, ничего обстоятельно разсказывать не умѣю.

— И ничего-то вы, какъ я погляжу, не умѣете!—пошутила любовно Кобякова.—Мнѣ вѣдь только и надо знать, что вамъ живется не худо, что не обманули васъ ваши надежды. Охъ, знаю, родная моя, что надежды у васъ всегда большія!..

— Надежды!—вылетѣло вмѣстѣ со вздохомъ изъ груди Елены и она ничего больше не прибавила.

Что могла она сказать о своихъ надеждахъ? О, нѣтъ, большими на этотъ разъ не назвала-бы ихъ Аглая Львовна.

Собственныя надежды Кобяковой всегда были удивительно какъ скромны и осторожны, при томъ мечты ея раскидывались все шире, все глубже захватывали толстый слой столичной нищеты и невѣжества.

Все крупное состояніе свое она употребила на дѣтскій пріютъ и на убѣжище для молодыхъ женщинъ, нуждающихся во временной поддержкѣ. Года три тому назадъ къ убѣжищу прибавилось и отдѣленіе для юношей. когда Кобяковой удалось привлечь щедрое пожертвованіе одной богатой женщины, потерявшей трагически своего единственнаго сына. Несчастная мать готова была наложить на себя руки, пока тихія рѣчи Аглаи Львовны не открыли передъ нею неисчерпаемое море общей людской немощи, гдѣ довольно простора для всякаго личнаго отчаянія.

Такое убѣжище не имѣло строго опредѣленныхъ рамокъ, допускало самыя различныя комбинаціи. Оно поглощало всѣ помыслы Аглаи Львовны, требуя самыхъ разнообразныхъ заботъ и хлопотъ.

Закидывая машинально на деревянныя спицы петли сѣрой шерсти, въ умѣ она всегда занята была изыскиваніемъ новыхъ способовъ залѣчивать роковые слѣды молодыхъ ошибокъ или случайныхъ несчастій. Для Аглаи Львовны не существовало ничего слишкомъ мелкаго, не заслуживающаго сострадательнаго вниманія, какъ не существовало и ничего безнадежнаго, къ чему не стоило-бы приложить рукъ. Во всѣхъ случаяхъ ея взоръ проникалъ далеко впередъ.

— Къ старости самые близорукіе глаза становятся дальнозоркими— проживите съ мое!—утѣшала она своихъ нетерпѣливыхъ помощницъ.

Когда Елена познакомилась съ Кобяковой, ей казалось она нашла наконецъ надежную пристань въ своихъ одинокихъ, тревожныхъ скитаніяхъ. Если-бъ кто-нибудь сказалъ ей, что она отступится добровольно отъ убѣжища Аглаи Львовны — она-бы почувствовала личное оскорбленіе.

Съ щемящимъ чувствомъ раскаянія приступила она къ объясненію. «И ты, Брутъ?!»—готовилась она прочесть на кроткомъ лицѣ старухи. И еще лишній разъ ее поразила глубокая терпимость этой ясной души, давно восторжествовавшей надъ всѣми личными побужденіями.

— Нѣтъ, родная, чему-же удивляться тутъ? Не ожидала, вы думаете... Охъ, дитя мое, много народу вокругъ меня смѣнилось, я, старая, всѣхъ перестояла! Жизнь и должна двигаться. Я ничему не удивляюсь. Развѣ вотъ такой человѣкъ, какъ вы, дурное-бы что-нибудь сдѣлалъ, жестокое—этому я точно подивилась-бы. Успокойтесь, дорогая моя. Ничего вы не бросаете—вы только на новое мѣсто переходите.

— И куда никто не пойдетъ, кромѣ меня! — вырвалось непроизвольно у Ставлиной.

Кобякова, улыбаясь, закачала своей аккуратно прибранной головкой.

— Не была я тамъ, ничего не знаю... а все равно какъ и побывала! Здѣсь-ли, тамъ-ли—вамъ душу свою горячую къ чему-нибудь пристроить надобно... Гдѣ съ васъ больше возьмется, тамъ и будетъ ваше мѣсто... Ступайте съ Богомъ, дитя мое! Добро всегда одно, а

формы его безконечно разнообразны? Люди близоруки, люди не понимают этого. Онѣ каждаго въ тѣсную борозду загнать хотятъ, оттого и дѣло не спорится, и человѣкъ томится... Силы не равны и сковывать ихъ безумно: на волѣ каждый легко свое найдетъ... Всѣмъ хватитъ...

— Какъ все прекрасно съ той высоты, на которой вы стоите!— прошептала съ умиленіемъ молодая женщина.

— Какая моя высота, родная! Жизнь въ гору идетъ... Карабкаешься шагъ за шагомъ десятки лѣтъ—вотъ и оглянешься съ высоты пройденнаго пути. На такую-то высоту каждый попадетъ. По пути уложены силы молодыя и надежды и бываетъ, что и все уложено, чѣмъ только жизнь красна—такъ неужто-же такой цѣной не купить простого разумѣнія, не освободиться отъ запальчивости мелкаго эгоизма?.. Да за что-же тогда мы подобіемъ Божіимъ зовемся! Такая высота каждому обязательна...

Долго и нѣжно прощалась Елена съ Аглаей Львовной.

— Господь васъ храни, родная! Найдете вы тамъ то, чего ищете, значитъ,—и я буду счастлива за васъ. А коли не найдете, такъ все равно къ намъ-же назадъ вернетесь. Уважаю я въ васъ эту рѣшимость и неуступчивость... Ищите—и обрящете.

«Не умри только ты тутъ безъ меня, мое прибѣжище!»—думала суевѣрно Ставлина, глядя съ жалостью на маленькое изнеможенное тѣло, вмѣщавшее въ себѣ такой стойкій и широкій духъ.

. . . .

На завтра Ставлиной предстояло еще одно прощаньс, совсѣмъ на иной ладъ волновавшее ее.

Володенька Ставлинъ не сразу освоился съ тѣмъ, что мачиха не шутитъ и не пугаетъ его «съ педагогическими цѣлями», а самымъ-таки серьезнымъ образомъ переселяется на житье въ провинцію.

Володенька самъ уговаривалъ maman съѣздить въ К***, чтобы не допустить купца Конева получить домъ за безцѣнокъ. Понятно, что отъ такой непроизводительной собственности, какъ пустующій домъ въ провинціи, надо желать поскорѣе избавиться. Будущій кавалеристъ съ такой-же готовностью согласился-бы продать хоть сейчасъ и родовое имѣніе, такъ какъ заранѣе заявлялъ, что онъ жить въ деревнѣ никогда не будетъ.

Внезапную «перемѣну фронта» maman Володенька не зналъ какъ понять.

— Могу васъ увѣрить, что провинція окажется вамъ совсѣмъ не по характеру!—заявлялъ онъ докторальнымъ тономъ опытнаго человѣка.

Елена сидѣла въ креслѣ, между двухъ свѣчей, горѣвшихъ на столѣ за отсутствіемъ лампы, и кутала шею въ бѣлый шелковый платокъ.

На полу стояли увязанные чемоданы и сундуки; остатки проданной мебели уныло группировались по угламъ.

— Что такое провинція? надо любить всѣ эти сплетни и интриги, а у васъ характеръ черезчуръ... откровенный!—философствовалъ юнкеръ, расхаживая между сундуками.

Мысленно онъ употребилъ эпитетъ болѣе выразительный.

— Провинціальная жизнь ушла далеко впередъ отъ тѣхъ старыхъ романовъ, изъ которыхъ ты почерпнулъ свои свѣдѣнія,—возразила нехотя Елена.—Тамъ, какъ и здѣсь, я буду жить, какъ мнѣ нравится. Я вѣдь не чиновникъ и ни съ кѣмъ ладить не обязана.

— Но вы любите все то, чего тамъ нѣтъ,—снисходительно пожалъ плечами юноша. — Конечно, за исключеніемъ оборванцевъ, которыхъ вездѣ много.

«Я ничего не люблю»—отвѣтила бы Елена, если-бъ съ нею говорилъ кто-нибудь другой, а не Володенька.

— Скажи, къ кому ты желаешь ходить въ отпускъ,—перемѣнила она разговоръ,—къ генералу Матвѣеву или къ дядѣ Сашѣ.

Володенька отвѣчалъ не сразу.

Въ семнадцатилѣтней душѣ проскользнуло смутное представленіе чужого дома, куда отнынѣ онъ будетъ являться гостемъ.—Но вѣдь и здѣсь, куда онъ являлся къ себѣ домой и куда онъ не придетъ больше—здѣсь ему рѣшительно ничто не нравилось, и начиная отъ пятаго этажа, куда maman вѣчно собирается неизвѣстно съ какой стати—и кончая платьемъ, въ какомъ Елена ѣхала съ нимъ въ таатръ по праздникамъ. Не нравилась обстановка, прислуга, обѣды, гости, книги и разговоры. Но всего пуще не нравились Володенькѣ обстоятельные разспросы, контролирующіе его каждый шагъ и тѣ несносные разговоры, которые, очевидно, предпринимаются для развѣнчиванія его собственныхъ, ясно установившихся кумировъ. Володенька прозвалъ эти разговоры «штурмомъ крѣпости» и велъ имъ счетъ: третій, четвертый штурмъ и... отбитъ съ нѣкоторымъ урономъ или съ блестящей побѣдой.

— Ты такъ тяготишься моей опекой, что, вѣроятно, будешь радъ избавиться отъ нея, сказала Елена, сообщая ему о своемъ рѣшеніи.

Первые дни Володенька дѣйствительно радовался и мечталъ о наступающей свободѣ. Но вотъ—глядя на дорожные сундуки въ этотъ послѣдній свой вечеръ дома, онъ началъ испытывать какую-то безформенную тревогу.

О томъ, что заканчивается внезапнымъ отъѣздомъ, жалѣть рѣшительно не стоитъ, по его мнѣнію. Но онъ какъ будто жалѣетъ обо всемъ, чего не было, но что могло бы быть... По своимъ средствамъ maman могла бы жить въ бель-этажѣ, имѣть абонементъ въ оперѣ и приглашать хорошенькихъ барышень и веселыхъ молодыхъ людей.—Она

могла-бы давать пасынку гораздо больше карманных денегъ и не спрашивать въ нихъ отчета, заставляя его лгать и дѣлать долги. Или еще короче: отецъ могъ жениться на свѣтской женщинѣ, а не на Еленѣ Семеновнѣ Перевозовой, фельдшерицѣ военнаго госпиталя!

Впрочемъ, одно преимущество Володенька весьма цѣнилъ въ бывшей фельдшерицѣ: свѣтская женщина едва ли отказалась бы отъ завѣщаннаго лично ей капитала, въ шестьдесятъ тысячъ, и не присоединила бы его добровольно къ пожизненному имуществу. Но это—изъ тѣхъ крупныхъ вещей, которыя необыкновенно отрадно узнать и усвоить разъ навсегда, но никто не будетъ вспоминать о нихъ постоянно. Досадныя-же привычки и «дикіе взгляды» maman портили жизнь.

Володенька рѣшительно отказался пріѣхать въ К*** послѣ лагерей, когда узналъ, что въ домѣ поселяется какая-то родственница отца. Дядя Александръ давно приглашаетъ его въ свое подмосковное имѣніе, и хоть онъ не любитъ деревни, но все-же предпочитаетъ «родственной идилліи» въ провинціи.

— Ну-съ, теперь мы можемъ проститься съ нашимъ домикомъ!— рѣшилъ саркастически Володенька, какъ только узналъ, что не состоялась продажа.

И онъ сейчасъ же пожелалъ узнать, какое именно служебное мѣсто занимаетъ Безпаловъ и какъ велико можетъ быть его жалованье.

Елена читала въ его умѣ озабочившіе его расчеты и опасенія...

Въ ней поднималось радостное чувство отъ сознанія, что она уходитъ, уходитъ отъ этого! Отъ всего, что такъ давно заставляло ее страдать безплодно и тратить силы въ напрасныхъ усиліяхъ. Систематическія неудачи не пощадятъ никакого авторитета. Мачиха уже дошла до того, что выслушивала безъ всякихъ возраженій самодовольныя разсужденія Володеньки.

Въ безмолвномъ протестѣ больше достоинства, чѣмъ въ напрасныхъ спорахъ, выводившихъ ее изъ себя, сколько-бы ни обѣщала она себѣ оставаться хладнокровной... «Штурмы крѣпости» повторялись все рѣже и рѣже; непріятель считалъ себя отбитымъ по всей линіи...

Но что-же сталось съ ея собственной привязанностью къ хорошенькому мальчику, въ комъ въ минуты остраго горя она видѣла единственную цѣль своей жизни?..

Много жгучаго раскаянія испытала Елена, сознавая, что ея нѣжность колеблется, уносится взрывами возмущеннаго чувства — убѣждаясь, что дурного и ничтожнаго она любить не можетъ... Горячей радостью привѣтствовала она въ себѣ каждый новый приливъ нѣжности и надежды. Надежда не покидала ее и теперь—она вѣрила въ молодость. Себя она могла винить въ одномъ: въ томъ, что исполняя волю покойнаго, помѣстила пасынка въ избранное имъ заведеніе.

Елена сказала, что будетъ довольна если Володенька погоститъ у дяди Александра.

— Это такая славная, дружная семья, замѣтила она.

Володенька расхаживалъ по комнатѣ и по своему думалъ на ту-же тему. Онъ иронически повелъ губами.

— Типичные старосвѣтскіе помѣщики...—До сѣдыхъ волосъ называютъ другъ друга «мой котикъ» и прикладываются къ ручкѣ. Такихъ антиковъ я думаю немного ужъ уцѣлѣло теперь...

— Митя отличный мальчикъ...

— Кисляй! вѣчно около мамашиныхъ юбокъ... Навѣрное то-же будетъ звать свою жену котикомъ и таскать за ней мантильи...

На щекахъ Елены разгоралась краска.

— Что-же это, Володя?.. вѣдь я считала, что вы дружны — зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ ты поѣдешь къ нимъ?..

Онъ пріостановился передъ нею въ торжествующей позѣ.

— Но куда-же вамъ угодно, чтобы я поѣхалъ?.. Не могу-же я ѣхать къ барону Вагену, хоть съ нимъ мы дѣйствительно дружны, пока я не получу приглашенія отъ его родителей! Эти нѣмцы чертовски скупы, должно быть...

— Конечно на твоемъ мѣстѣ я предпочла-бы проскучать нѣсколько недѣль въ К***, нежели явиться подъ видомъ друга къ людямъ, о которыхъ ты отзываешься такимъ образомъ!—выговорила съ негодованіемъ Ставлина.

Володенька хладнокровно пожалъ плечами.

— Что имъ за дѣло до моихъ мнѣній! Митю вашего я въ глаза зову кисляемъ... Вы кажется забываете, что это мой дядюшка и я имѣю нѣкоторое право явиться въ его домъ. Вѣдь я не виноватъ, что нашъ собственный домъ понадобился невѣдомымъ родственникамъ, а вы вдругъ восхитились городомъ К***.

— Кабинетъ отца всегда къ твоимъ услугамъ, и не угодно-ли тебѣ не игнорировать этого!—воскликнула Елена гнѣвно.

— Grand merci! предпочитаю быть гостемъ, нежели хозяиномъ, загнаннымъ въ одну комнату!.. Могу только пожелать, чтобы и самихъ-то васъ вонъ не выжили оттуда... Бѣдные родственники обыкновенно кончаютъ этимъ!

Ставлина поднялась на ноги.

— О, какъ я жалѣю тебя!.. Я бы предпочла лучше вовсе не жить на свѣтѣ, чѣмъ вступать въ жизнь съ подобнымъ представленіемъ о людяхъ—съ такимъ отношеніемъ къ лучшимъ чувствамъ!

Володенька съ беззаботнымъ смѣхомъ выразилъ увѣренность, что на свѣтѣ всякихъ людей много,—и онъ не теряетъ надежды отлично прожить свой вѣкъ.

Конецъ первой книги.

На Западѣ.

Въ Константинополѣ турки посмѣиваются. Султанъ сталъ духомъ бодръ и убѣдился въ томъ, что окружающіе его совѣтники не лишены здраваго смысла. Теченіе событій доказало, что они знаютъ Европу. Они убѣждали султана, чтобы онъ обѣщалъ Европѣ много, дѣлалъ мало и тянулъ безъ конца: время разъединитъ благородную солидарность Европы. Она броситъ Турцію и займется своими личными счетами. Вѣдь такъ заканчивались почти всѣ попытки Европы, направленныя къ «безкорыстной» защитѣ гуманныхъ идей на Балканскомъ полуостровѣ. Такъ закончится и новый взрывъ благородства Европы. Теперь онъ уже закончился. Европа «выросла» въ глазахъ турокъ, а турки не пали въ своихъ собственныхъ глазахъ...

Броненосцы, собравшіеся для «братской» защиты гуманныхъ идей, теперь уже не знаютъ, что имъ дѣлать. Турки ждутъ, что имъ предстоитъ насладиться зрѣлищемъ взаимной братской перестрѣлки... Англія, такъ энергично выступившая противъ взаимной рѣзни между подданными султана, теперь энергично готовится къ защитѣ своихъ «правъ и чести» и благородно заявляетъ, что съ «братьями по крови» она готова устроить братскую рѣзню изъ-за куска венецуэльской земли. Съ ничтожнымъ кускомъ венецуэльской земли связанъ вопросъ о той чести, которую Англія и Соединенные Штаты готовы омыть «братской кровью»!.. Странное понятіе о чести—и васъ, навѣрно, интересуетъ этотъ опасный для чести двухъ братскихъ народовъ кусокъ венецуэльской земли. Почему этотъ кусокъ венецуэльской земли такъ тѣсно связанъ съ національной честью Англіи и Соединенныхъ Штатовъ?

Въ англо-американскомъ конфликтѣ къ принципамъ присоединилась масса вздора и пустяковъ, но пустяковъ, характерныхъ для всякаго, кто интересуется вопросомъ о томъ, какъ иногда двѣ вполнѣ здравомыслящія націи заставляютъ искать разумнаго разрѣшенія спора у пушекъ и шты-

ковъ. Изъ телеграммъ вы знаете, что въ этомъ спорѣ важную роль играетъ доктрина Монрое. Здѣсь мы должны сказать нѣсколько словъ объ этой доктринѣ въ тѣхъ видахъ, чтобы читатели въ послѣдующемъ изложеніи могли сознательно слѣдить за развитіемъ англо-американскаго конфликта. Доктрина Монрое относится къ первой четверти текущаго столѣтія. Южно-американскія колоніи Испаніи возставали противъ своей метрополіи и стремились къ образованію самостоятельныхъ государствъ. Этому освободительному движенію угрожало вмѣшательство «священнаго союза». Президентъ Соединенныхъ Штатовъ Монрое, предвидя возможность такого вмѣшательства, въ 1823 году обратился къ конгрессу съ особымъ посланіемъ. Въ этомъ посланіи онъ провозгласилъ тѣ принципы, которые съ тѣхъ поръ стали извѣстны подъ общимъ названіемъ—*«доктрина Монрое»*. Все посланіе Монрое для нашей цѣли не имѣетъ особаго значенія, а потому мы приведемъ лишь тѣ его части, въ которыхъ именно и содержится доктрина Монрое.

«Стеченіе обстоятельствъ, — говоритъ Монрое въ своемъ посланіи 1823 г.—признано подходящимъ для того, чтобы объявить, какъ принципъ, необходимый для интересовъ и правъ Соединенныхъ Штатовъ, что американскіе континенты, вслѣдствіе свободнаго положенія, которое они завоевали и которое они поддерживаютъ, не должны быть разсматриваемы европейскими государствами, какъ территорія для будущей колонизаціи. Мы никогда не вмѣшивались ни въ войны Европы, ни въ европейскія дѣла. Это не относится къ нашей политикѣ... Но, во имя справедливости и во имя дружественныхъ отношеній между Соединенными Штатами и государствами Европы, мы должны объявить, что мы будемъ признавать всякую попытку съ ихъ стороны къ расширенію ихъ владѣній въ какой бы то ни было части американскаго континента угрожающей нашему миру и нашей безопасности. Мы не касались и не будемъ касаться колоній и настоящихъ владѣній европейскихъ государствъ. Но что касается правительствъ, которыя объявили и поддержали свою независимость и независимость которыхъ нами признана послѣ долгихъ и справедливыхъ соображеній, то мы будемъ признавать всякое вмѣшательство со стороны европейской державы съ цѣлью ихъ притѣснять или тѣмъ или инымъ образомъ вліять на ихъ судьбы—проявленіемъ далеко не дружественныхъ чувствъ къ Соединеннымъ Штатамъ».

Въ этомъ состоитъ сущность той доктрины, на которую опираются Соединенные Штаты въ своемъ спорѣ съ Англіей. Что-же касается фактической подкладки спора, то она скрывается въ дѣлахъ давно минувшихъ дней. Англійскія владѣнія въ Гвіанѣ граничатъ съ территоріей венецуэльской республики и Англія и Венецуэла въ теченіе почти 60-ти лѣтъ никакъ не могутъ покончить своихъ пограничныхъ споровъ. Начало этого спора относится еще къ прошлому столѣтію, когда не было вене-

цуэльской республики и Англія не имѣла владѣній въ Гвіанѣ. Нынѣшнія англійскія владѣнія въ Гвіанѣ принадлежали голландцамъ, а территорія нынѣшней венецуэльской республики принадлежала Испаніи. Голландцы подняли вопросъ о своихъ правахъ на всю спорную область Эссекибо́. Въ 1814 г. голландскія владѣнія въ Гвіанѣ перешли къ Англіи, и Англія, такимъ образомъ, унаслѣдовала отъ голландцевъ пограничный споръ съ Испаніей. Венецуэла отпала отъ Испаніи, и въ качествѣ самостоятельнаго государства, унаслѣдовала отъ Испаніи пограничный споръ съ Англіей и настаивала на своихъ правахъ на всю ту часть спорной территоріи, которая лежитъ на западъ отъ Эссекибо. Въ 1840 г, Англія рѣшила покончить споръ взаимнымъ уравненіемъ притязаній на спорную территорію. Англійскій чиновникъ, сэръ Робертъ Шомбюргкъ, отправился для изученія спорной территоріи и установилъ границу, которая эту спорную территорію дѣлитъ почти пополамъ между англійской Гвіаной и венецуэльской республикой. Эта пограничная линія, носящая теперь названіе шомбюргкской, не была признана Венецуэлой. Англія предложила обратиться къ третейскому суду и назначить особую комиссію, которая, на основаніи историческихъ документовъ и данныхъ, изучила-бы вопросъ о томъ, гдѣ собственно проходила граница во времена голландцевъ (въ Гвіанѣ) и испанцевъ (въ Венецуэлѣ). Венецуэла не приняла этого предложенія. Время проходило въ перепискѣ. Спорная часть территоріи считалась ничьей, а фактически англичане ее заняли и заселяли. Отъ времени до времени этотъ пограничный споръ между Англіей и Венецуэлой обострялся и снова замиралъ. Въ истекшемъ году на спорной территоріи венецуэльскіе чиновники поколотили англійскаго чиновника. Пограничный споръ былъ снова возбужденъ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ рекомендовало Англіи обратиться къ третейскому суду. Лордъ Сольсбери формально не отклонилъ предложенія правительства Соединенныхъ Штатовъ, но рѣшилъ отдѣлаться отъ него шуткой. Онъ заявилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ третейскаго суда, если этотъ судъ не будетъ простираться на три четверти спорной территоріи, принадлежащей Англіи (!), согласно съ шомбюргкской границей. Правительство Соединенныхъ Штатов признало эту шутку неумѣстной. Въ это время статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ сталъ Ольней, мало расположенный къ Англіи. Ольней чрезъ американскаго посла въ Лондонѣ Баярда 7 августа н. с. 1895 г. передалъ Сольсбери ноту, редактированную далеко не въ шуточномъ тонѣ. Ольней, изложивъ исторію пограничнаго спора, заявилъ, что англійскій отвѣтъ есть ничто иное, какъ формальное отклоненіе предложенія Соединенныхъ Штатовъ, а потому правительству Штатовъ, въ силу того принципа, который называется доктриной Монрое, остается только заявить свой энергичный протестъ и сосредоточить свое вниманіе на принятіи всѣхъ необходимыхъ мѣръ... Сольсбери задумался

и такъ долго думалъ, что президентъ въ своемъ годичномъ посланіи конгрессу отъ 3 дек. н. с. 1895 г. долженъ былъ заявить, что отъ Англіи и до сихъ поръ не получено никакого отвѣта по вопросу о пограничномъ спорѣ съ Венецуэлой. Отмѣчая эту медлительность Англіи, президентъ въ своемъ посланіи категорически заявилъ, что традиціонная политика Штатовъ не можетъ мириться съ увеличеніемъ владѣній европейской державы на американскомъ материкѣ и что отвѣтъ Англіи ожидается въ скоромъ времени и будетъ сообщенъ конгрессу.

Дѣйствительно, отвѣтъ Англіи скоро былъ полученъ. Сольсбери редактировалъ его въ двухъ нотахъ Въ первой изъ этихъ нотъ онъ доказывалъ, что пограничный споръ съ Венецуэлой не долженъ подлежать третейскому суду, какъ того желаетъ правительство Соединенныхъ Штатовъ. Опровергая во многихъ пунктахъ историческое обозрѣніе спора, представленное въ нотѣ Ольнея, Сольсбери по своему изложилъ исторію этого спора и заявилъ, что онъ отказывается передать на разрѣшеніе какого-бы то ни было третейскаго суда «требованія, основанныя на экстравагантныхъ притязаніяхъ испанцевъ прошлаго столѣтія и настаивающія на передачѣ громаднаго числа англійскихъ подданныхъ, которые въ теченіе многихъ лѣтъ благоденствовали подъ защитой регулярнаго правительства британской колоніи, націи, отличной по расѣ и языку и которой политическая система испытываетъ весьма частыя потрясенія и въ тоже самое время ея учрежденія весьма часто оказываются недостаточными для защиты жизни и собственности». Вторая депеша Сольсбери посвящена доктринѣ Монрое. Тутъ Сольсбери доказываетъ три слѣдующихъ положенія: 1) третья нація, прямо не задѣтая въ какой-либо контроверсѣ, не имѣетъ права спорящимъ сторонамъ навязывать тотъ или другой способъ разрѣшенія спора; 2) правительство Соединенныхъ Штатовъ не имѣетъ права устанавливать такое общее предположеніе, что его интересы обязательно связаны съ интересами извѣстнаго числа независимыхъ государствъ, за поведеніе которыхъ правительство Штатовъ не отвѣчаетъ, а свои интересы считаетъ обязательно связанными съ интересами этихъ странъ только потому, что онѣ находятся въ западномъ полушаріи; 3) Ольней ошибается, утверждая, будто унія между европейскимъ и американскимъ государствомъ является гибельной и противоестественной; и Великобританія съ ея территоріями западнаго полушарія является необходимой и естественной.

Такой отвѣтъ являлся своего рода вызовомъ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ рѣшило, что депеши Сольсбери должны быть сообщены конгрессу при особомъ посланіи президента. 17 декабря н. с. 1895 года историческое посланіе Клевеланда было сообщено конгрессу. Текстъ этого историческаго посланія заслуживаетъ особаго вниманія.

«Въ своемъ посланіи конгрессу отъ 3 декабря, говоритъ Клевелэндъ, я

уже обращалъ вниманіе на тянущіеся пограничные споры между Англіей и Венецуэлой и я изложилъ сущность тѣхъ представленій, которыя были сдѣланы со стороны нашего правительства правительству ея британскаго величества,—представленій, въ которыхъ излагались тѣ основанія, въ силу которыхъ данный спорный вопросъ долженъ подлежать разрѣшенію третейскаго суда, и въ то-же время спрашивался отвѣтъ, дѣйствительно ли въ такомъ порядкѣ послѣдуетъ разрѣшеніе спора. Отвѣтъ англійскаго правительства, который тогда ожидался, теперь уже полученъ... Онъ состоитъ изъ двухъ сообщеній британскаго премьера здѣшнему британскому посланнику. Одно изъ этихъ сообщеній посвящено исключительно замѣчаніямъ относительно доктрины Монрое. Въ этомъ сообщеніи доказывается, что мы въ данномъ случаѣ придаемъ этой доктринѣ новое, странное распространеніе и расширеніе, и что основанія, которыя оправдаютъ ссылку на доктрину, какъ они объявлены были президентомъ Монрое,— къ тому положенію вещей, при которомъ мы живемъ, вообще не примѣнимы и въ особенности не примѣнимы къ разногласіямъ, возникшимъ между Венецуэлой и Англіей по вопросу о пограничной линіи. Не входя въ подробное обсужденіе этихъ обоихъ пунктовъ отвѣта, все-таки не будетъ лишнимъ напомнить, что та доктрина, на которую мы ссылаемся, доктрина сильная и здоровая, такъ какъ ея необходимость является существенно важной для нашего мира и безопасности, и такъ какъ она необходима для ненарушимости нашихъ свободныхъ учрежденій и для вполнѣ обезпеченнаго охраненія нашей особенной формы правленія. Эта доктрина объявлялась въ тѣхъ видахъ, чтобы она имѣла примѣненіе на каждой стадіи нашей національной жизни, и до тѣхъ поръ, пока существуетъ наша республика, она не можетъ быть отмѣнена. Если равновѣсіе силъ является предметомъ усиленнаго соревнованія между правительствами стараго свѣта, то удержаніе доктрины Монрое есть жизненный вопросъ для нашего народа и нашего правительства... Если какая-нибудь европейская держава, отодвигая пограничную линію, отъ территоріи одной изъ сосѣднихъ съ нами республикъ, беретъ часть въ свое владѣніе, то трудно уразумѣть, какимъ образомъ въ подобномъ случаѣ эта европейская держава расширеніемъ своего владѣнія не пытается распространить свою систему правленія на ту часть этого континента, которую она беретъ въ свое владѣніе. Это и есть именно тотъ инцидентъ, относительно котораго президентъ Монрое высказался, что онъ, представляетъ собою угрозу для нашего мира и безопасности и нельзя усматривать особаго различія въ томъ, распространяется-ли эта европейская система чрезъ расширеніе границъ или какимъ-нибудь другимъ способомъ».

Предполагая, что приведенные доводы окажутся мало убѣдительными, Клевелэндъ разбираетъ особо каждое возраженіе Сольсбери противъ док-

трины Монрое. Находя ихъ всѣ ни на чемъ неоснованными Клевелэндъ перешелъ къ тому, что Венецуэла никогда добровольно не подчинится Англіи и не признастъ ея притязаній на спорную территорію. «Предполагая, продолжаетъ Клевелэндъ, что образъ дѣйствій Венецуэлы не измѣнится, нельзя не признать, что споръ дошелъ до такой степени, когда Соединенные Штаты обязаны со всяческой предосторожностью юридически точно установить, что собственно слѣдуетъ признавать пограничной линіей между Венецуэлой и британской Гвіаной. Къ такому результату можетъ привести лишь тщательное и документальное разслѣдованіе дѣла. Должны быть подвергнуты самой тщательной оцѣнкѣ всѣ свидѣтельства, документы и факты, подтверждающіе притязанія каждой изъ спорящихъ сторонъ. Въ тѣхъ видахъ, чтобы это разслѣдованіе могло быть ведено всесторонне и обстоятельно я предлагаю конгрессу назначить средства для образованія правительствомъ особой коммисіи, которая должна, какъ можно скорѣе, приступить къ разслѣдованію и представить докладъ. Если этотъ докладъ будетъ признанъ обстоятельнымъ и будетъ одобренъ, то, по моему мнѣнію, обязанность Соединенныхъ Штатовъ будетъ состоять въ томъ, чтобы они всѣми имѣющимися въ ихъ распоряженіи средствами сопротивлялись какъ умышленному посягательству на ихъ права и интересы присвоенію какой-бы то ни было части земли Англіей или отправленію Англіей правительственныхъ функцій на какой-бы то ни было части земли, которая, по нашимъ юридическимъ воззрѣніямъ, должна принадлежать Венецуэлѣ».

Посланіе Клевелэнда было принято конгрессомъ и вызвало взрывъ энтузіазма въ Соединенныхъ Штатахъ. Всѣ европейскія государства пришли въ недоумѣніе. Телеграммы приносили извѣстія о самыхъ экстренныхъ рѣшеніяхъ, принятыхъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ въ интересахъ полной готовности къ войнѣ съ Англіей. Въ Англіи посланіе президента произвело ошеломляющее впечатлѣніе. Англійскія газеты ругали необдуманный шагъ Клевелэнда и не находили выхода изъ положенія, созданнаго этимъ посланіемъ. Особенно опаснымъ казалось поведеніе Венецуэлы. Когда тамъ было получено извѣстіе о содержаніи президентскаго посланія, вся страна буквально цѣлый день провела въ воинственныхъ кликахъ. Боялись, чтобы преувеличенныя надежды на помощь Соединенныхъ Штатовъ не побудили Венецуэлу въ моментъ общаго энтузіазма къ какому-либо необдуманному шагу. Правительство Соединенныхъ Штатовъ предупредило правительство Венецуэлы, что за всякій необдуманный шагъ, сдѣланный имъ по отношенію къ Англіи, придется отвѣчать ему самому, не разсчитывая на поддержку Соединенныхъ Штатовъ. Энтузіазмъ въ Венецуэлѣ ослабѣлъ. Въ нѣсколько дней отрезвѣли умы и въ Соединенныхъ Штатахъ. Опасность предстоящей войны вызвала панику на биржахъ. Крахи и разные убытки въ три дня

достигли чуть-ли не милліарда долларовъ. Это результатъ только одной возможности вступить въ войну съ Англіей. Что же будетъ, если война на самомъ дѣлѣ будетъ объявлена? Въ финансовомъ мірѣ стали предавать Клевелэнда всяческимъ проклятіямъ. Въ воскресенье наканунѣ Рождества и въ Рождество во всѣхъ церквяхъ духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій произнесло проповѣди въ пользу мира и порицало войну. Измѣнили свой тонъ и самыя вліятельныя американскія газеты.

Органъ республиканской партіи «Трибуна» въ номерѣ отъ 20 дек. напоминаетъ республиканцамъ, что, доказавъ свой патріотизмъ, необходимо подумать объ интересахъ партіи и наблюдать за составомъ комиссіи по дѣламъ Венецуэлы. «Намъ не нужна, говоритъ «Трибуна», комиссія президента Клевелэнда, а намъ нужна комиссія правительства въ широкомъ смыслѣ этого слова, одобренная сенатомъ и получающая въ извѣстной степени отъ него инструкціи. Самое образованіе этой комиссіи въ данное время не представляется особенно счастливой идеей. Вѣдь дѣло идетъ объ образованіи какой-то комиссіи третьимъ лицомъ, безъ всякаго на то согласія или просьбы о томъ со стороны того или другого противника. Слѣдовательно, на нее нельзя смотрѣть какъ на компетентный трибуналъ для полюбовнаго (посредническаго) соглашенія. Комиссія не имѣетъ перваго существеннаго признака свойственнаго такому трибуналу. Проектъ президента является крайне оскорбительнымъ для Англіи и возбуждаетъ въ ней вполнѣ основательное чувство негодованія».

New-York Herald, защищая доктрину Монроэ, спрашиваетъ, почему и какимъ образомъ эта доктрина можетъ быть примѣнима къ данному конфликту между Англіей и Венецуэлой. «Какою опасностью угрожаетъ этотъ конфликтъ нашей безопасности? Чѣмъ онъ нарушаетъ права и интересы Соединенныхъ Штатовъ. Только при произвольномъ и злонамѣренномъ расширеніи доктрины Монрое можно примѣнять ее къ контраверсѣ, возникшей по поводу пограничнаго спора въ Южной Америкѣ,—контроверсѣ, зачатки которой предшествовали провозглашенію доктрины и которая къ тому-же никогда не угрожала существенному ея принципу. Если доктрина Монрое будетъ примѣняема ко всякому пограничному спору относительно нѣсколькихъ миль территоріи между той или другой европейской націей и одной изъ республикъ Южной Америки, то она утратитъ характеръ великаго національнаго принципа, охраняющаго славу Соединенныхъ Штатовъ. Наоборотъ, она явится въ постоянной угрозой для мира и благосостоянія страны, такъ какъ она превратится въ самое вѣрное средство для втягиванія страны въ разныя осложненія въ дѣлахъ внѣшней политики, относительно которыхъ Вашингтонъ умолялъ страну всегда оставаться спокойной. Эта доктрина, такъ понимаемая, направится противъ своей собственной цѣли и станетъ болѣе

опасной для нашей безопасности, чѣмъ тѣ иностранныя вмѣшательства, противъ которыхъ она должна насъ охранять. Посланіе американской комиссіи, для опредѣленія, по ея усмотрѣнію, границъ между Венецуэлой и англійской Гвіаной, и затѣмъ отправленіе Англіи ноты, приглашающей ее или принять произвольно установленную границу или объявить войну,—это такой способъ дѣйствій, который обязываетъ какую-бы то ни было страну, себя уважающую, объявить войну. Конечно, Соединенные Штаты всегда готовы возстать противъ такого образа дѣйствій, если-бы онъ былъ къ нимъ примѣненъ».

Такіе отзывы печати не могли остановить теченія событій. Посланіе президента было одобрено конгрессомъ. Слѣдовательно, образованіе комиссіи, предложенной въ посланіи Клевелэнда, должно было состояться. Въ комиссію назначены два бывшихъ посланника въ Англіи: Пельсъ и Робертъ Линкольнъ. Пельсъ—выдающійся юристъ и противникъ шовинизма, Линкольнъ, сынъ знаменитаго Линкольна, пользуется такой репутаціей, которая, по всей вѣроятности, скоро увѣнчается президентскимъ кресломъ. Комиссія, какъ полагаютъ, не скоро справится со всѣмъ архивнымъ матеріаломъ, при помощи котораго можно было-бы точно установить исторически вѣрную границу между Венецуэлой и англійской Гвіаной. Членамъ комиссіи придется побывать въ Гагѣ и Мадридѣ для обозрѣнія относящихся къ спору архивныхъ матеріаловъ, документовъ, картъ и т. п. До этого времени Венецуэла можетъ мирно покончить свой споръ съ Англіей. Можно думать, что Англія всѣми силами будетъ стараться обезличить комиссію и сама найдетъ способъ къ открытію той исторической границы, которую будутъ розыскивать Пельсъ и Линкольнъ.

Однако, едва-ли можно доказать, что *народъ* Соединенныхъ Штатовъ желаетъ, чтобы вопросъ тѣмъ или инымъ путемъ былъ приведенъ къ мирному разрѣшенію. Богатые классы, напуганные кризисомъ, дѣйствительно не хотятъ войны, но масса народа питаетъ давнюю историческую ненависть къ Англіи и желаетъ, чтобы она была проучена... Къ счастію, печать въ Соединенныхъ Штатахъ великая сила и она, навѣрно, успѣетъ успокоить толпу. Но во всемъ этомъ спорѣ есть одинъ пунктъ, въ которомъ солидарны и печать и всѣ классы населенія Соединенныхъ Штатовъ. Это — доктрина Монрое. На одномъ изъ митинговъ, посвященныхъ обсужденію президентскаго посланія, въ понедѣльникъ 23-го декабря н. с. предсѣдатель митинга, извѣстный Эрнестъ Кросби, въ своей рѣчи, между прочимъ, сказалъ, что доктрина Монрое— это «запрещеніе воровать всѣмъ націямъ, кромѣ Соединенныхъ Штатовъ». Это заявленіе вызвало такую бурю негодованія, что въ дѣло пришлось вмѣшаться полиціи. Такъ за доктрину Монрое готовъ стоять всякій американецъ.

Мы дали въ распоряженіе читателей документальныя данныя, на основаніи которыхъ они могли-бы составить себѣ ясное представленіе о томъ, въ чемъ собственно состоитъ доктрина Монрое и какое отношеніе она имѣетъ къ пограничному спору между Венецуэлой и Англіей. По нашему мнѣнію, она имѣетъ самое ближайшее отношеніе къ спору между Англіей и Венецуэлой. Англія притязаетъ на расширеніе своихъ владѣній на американскомъ материкѣ и на распространеніе англійской системы управленія на часть территоріи, которая ей не принадлежитъ. Вѣдь если Англія глубоко увѣрена въ томъ, что она завладѣла извѣстной частью территоріи по праву, то почему-же она не желаетъ передать свой споръ съ Венецуэлой на разрѣшеніе третейскаго суда? Третейскій судъ, при безспорности правъ Англіи, никогда ее не обидитъ. Тотъ фактъ, что Англія по праву сильнаго завладѣтеля территоріей Венецуэлы нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, не можетъ превратить этотъ давнишній захватъ въ полную и безспорную собственность. Вопросъ состоитъ только въ томъ, какое значеніе доктрина Монрое можетъ имѣть для Англіи и вообще всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ. Доктрина Монрое, говорятъ, не имѣетъ международнаго значенія. Это не есть международный договоръ, принятый всѣми государствами для ихъ сношеній съ Америкой. Лордъ Сольсбери въ своей нотѣ, между прочимъ, указывалъ и на то, что Англія въ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ не обязана считаться съ доктриной Монрое, которая вовсе не санкціонирована международнымъ признаніемъ. Клевелэндъ въ своемъ посланіи отъ 17 дек. доказывалъ, что Сольсбери глубоко заблуждается, предполагая, что доктрина Монрое не имѣетъ международнаго значенія и что Соединенные Штаты не могутъ пригласить Англію относиться къ ней съ полнымъ уваженіемъ. Доктрина Монрое, по мнѣнію Клевелэнда, санкціонирована въ томъ основномъ положеніи международнаго права, которое признаетъ за каждой націей право отстаивать свои справедливыя требованія. Но вотъ тутъ и начинается загадка. Вѣдь, каждая нація всегда признаетъ свои требованія самыми справедливыми. Англія тоже признаетъ свои притязанія весьма справедливыми. Тутъ вы видите лишнее доказательство того, что такъ называемое практическое разрѣшеніе сложныхъ вопросовъ ведетъ только къ большему ихъ запутыванію. Въ принципіальномъ отношеніи вопросъ стоитъ ясно: никто не долженъ пользоваться правомъ сильнаго и душить своей властью болѣе слабаго. Кто посягаетъ, тотъ и заслуживаетъ, чтобы его остановили. Если всѣ государства Америки по доброй волѣ желаютъ снять раздѣляющія ихъ границы и желаютъ слиться въ одно великое цѣлое, то никто не имѣетъ права посягать на ихъ добрую волю и задерживать ея осуществленіе и выраженіе. Однако, и Соединенные Штаты не имѣютъ права форсировать ходъ событій и побуждать всѣ государства Америки къ слитію въ одно великое

цѣлое. Хотя объявленіе войны Англіей ускорило-бы это слитіе всѣхъ государствъ Америки, но мы все-таки не думаемъ, чтобы война въ данномъ случаѣ могла имѣть какое-либо оправданіе. Право, честь и величіе Англіи нисколько не пострадаютъ отъ того, что она уступитъ нѣсколько миль спорной территоріи въ пользу Венецуэлы. Наоборотъ, Англія себя унизитъ, допустивъ «братское» кровопусканіе изъ за какого-то ничтожнаго клочка земли. Должна-же Англія принять во вниманіе ея громадныя владѣнія во всѣхъ частяхъ свѣта и скромную территорію маленькой Венецуэлы. Правда, практическіе политики возражаютъ противъ такого рѣшенія. По ихъ мнѣнію, уступка Англіи разбалуетъ всѣ безпокойныя государства южной Америки. Они будутъ требовать, чтобы европейскія государства, имѣющія владѣнія въ Южной Америкѣ, убирались съ американскаго материка. Мы не знаемъ, почему такой шагъ, сдѣланный добровольно, могъ-бы унижать какое-либо европейское государство. Остается еще одинъ пунктъ. Говорятъ, что если Англія въ своемъ спорѣ съ Венецуэлой уступитъ требованіямъ Соединенныхъ Штатовъ, то всѣ государства Америки будутъ безчинствовать въ международныхъ отношеніяхъ и при всякой попыткѣ оскорбленной націи отстоять свою честь, будутъ скрываться за Соединенные Штаты. По нашему мнѣнію, и пусть они скрываются за Соединенными Штатами, а Соединенные Штаты пусть примутъ на себя освѣтственность за внѣшнія сношенія и международную политику Америки.

* *
*

Библіографическія замѣтки.

(Изъ газетъ и журналовъ).

I. А. С. Пушкинъ.

161) Англ. перев. «Капитанской дочки» Пушкина вышелъ въ Лондонѣ въ 1853. («*Нов. Вр.*» 1890, № 5066).

162) Niva. Sbirka bàsni Feta, Kolcova, Meje, Minajeva, Nekrasowa, Nikitina, *A· Puskina*, Sevcenky a Tolstého. Pzelozie Fr. Chalupa-Illustrovel N. Karazin. S. 95. sxvastnéjmi illustracemi. 92 str. 8⁰ (въ 80-хъ гг.).

163) Kviti z ruskych luhu. Sbirka bàsni Aksakowa, Baratynskàho, Feta, Kolcowa Kozlova, Lermantova, Majkova, Nekrasova, Nikitina, Plescejeva, *Puskina,* Tjutceva, Žadovské, a Žukovského. Przelozie Fr. Chalupa. Illustroval I. Panen s 97 skvostnymi illustracemi 8⁰ 155 стр, (въ 80-хъ гг.).

164) Drei Gedichte *des Alex. Puschkin* und Wassil. Schoukowski. Aus dem russischen übersetzt von. L. Schneider. 8⁰ 14 нен. стр. (Безъ означ. года и мѣста печ.).

165) Выбранныя лирическія стихотворенія *А. С. Пушкина* съ переводомъ на польск. яз. въ стихахъ Ю О. Солтыка-Романскаго. Въ сборникѣ: «Вѣнецъ славянскихъ поэтовъ», т. Ш.

166) Болгарскій поэтъ Пенчо Славейковъ перевелъ на болгарск. яз стихотв. *Пушкина*: «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ».

В. Пушкинъ въ произведеніяхъ живописи и скульптуры.

167) Сѣверный музыкальный альбомъ на 1832 годъ, для фортепьяно, содержащій въ себѣ 12 отборныхъ русскихъ романсовъ и пѣсенъ, 6 народн. русск. пѣсенъ съ варіаціями, съ портретами *Пушкина* и Гафиза и съ 4 карт. народн. русскихъ пѣсенъ и плясокъ.

168) Портретъ Александра Сергѣевича *Пушкина*, первоклассннаго поэта, писанный съ натуры Кипракскимъ и литографиров. Сандомури. Цѣна 3 руб. Продавался въ 1832 г. въ книжн. лавк. А. В. Глазунова. („*Рус. Инв.*“ 1832, № 25, янв. 29. стр. 99).

169) Мясоѣдовъ, Гр. Гр. (учен. акад.). Побѣгъ Григорія Отрепьева изъ корчмы (изъ драмы *Пушкина* «Борисъ Годуновъ»). Получилъ 1-ю золот. мед. (Указатель годичн: выставки ак.-худ. за 1861—62 г., стр. 26).

170) Алексѣева, Н. М., академ. Алеко (изъ поэмы *Пушкина* «Цыгане»). (Указатель годичн. выст. ак. худ. 1861—62, стр. 31).

171) Зичи, М. А. „Кавказскій плѣнникъ". „Бахчисарайскій фонтанъ". «Русалка». (Нѣсколько словъ о художн. *М. А. Зичи*, Спб. 1869, стр. 49).

172) Въ 1870—71 гг. скульпторъ П. П. Забѣлло окончилъ и привезъ изъ Флоренціи въ Спб-гъ статую *А. С. Пушкина*. Поэтъ изображенъ стоящимъ на скалѣ, Временно находится въ театрѣ, въ гор. Павловскѣ. (*«Рус. Стар.»* 1884, т. XLII· № 5, стр. 435).

173) И. К. Айвазовскій, профес. „Буря у Крымскихъ скалъ". (Памяти *А. С. Пушкина*). (Указатель выставки «Общ-ва выставокъ» въ 1877, стр. 5).

174) И. К. Айвазовскій. *Пушкинъ* у Гурзуфскихъ скалъ въ Крыму. (Каталогъ его выставки 1880, 26 нояб.).

175) «*Татьяна*» изъ Евг. Онѣг. изваянная П. П. Забѣлло по заказу Наслѣдника Цесаревича, находится въ кабинетѣ Государыни Императрицы. Въ 1867 г. она вызвала всеобщее одобреніе на Парижской выставкѣ, а въ 1868 г. Забѣлло получилъ за нее отъ нашей акад. худ. званіе академика. (*«Рус. Стар.»* 1884, т. XLII, № 5, стр. 435).

176) Художнику И. Н. Крамскому принадлежатъ слѣдующія картины на сюжеты изъ произведеній *Пушкина*:

Смертельно раненый Ленскій, изъ «Евг. Онѣг.» Первый опытъ собствен. сочиненія Крамскаго, въ 1860 г., за который онъ получилъ отъ акад. 2-ю серебр. мед.

Три рис. изъ „Руслана и Людмилы". Съ нихъ помѣщены: гравюра Скржимовскаго въ „Живоп. Обозр." 1879, № 21 и гравюра А. Шлиппера въ „Жив. Обозр." 1880, № 21.

(Н. Сабко: Подробн. катал. карт., рис. и грав. И. Н. Крамскаго, Спб. 1887, стр. 9, 15, 22).

177) Р. Р. Бахъ, класс. худ. Бронзовый бюстъ *А. С. Пушкина*. (Указатель выст. Имп. акад. худ. въ 1887, стр. 31).

178) И. К. Айвазовскій. *Пушкинъ* на берегу близъ Одессы. (Указат. выст. Имп. ак. худ. 1888, стр. 3).

179) П. Г. Стадницкій, кл. худ. 3 степ. „Полтава" (изъ поэмы *Пушкина*). Барельефъ изъ воска. (Указат. выст. Имп. ак. худ 1889, стр. 34).

180) К. Изенбергъ. Рисунки къ «Руслану и Людмилѣ»: Свадебный пиръ. Русланъ въ пещерѣ Финна. Людмила въ замкѣ Черномора (силуэты). Русланъ и голова, Фарлафъ и Наина (силуэты). (Указат. первой выст. рис. рус. худ. blanc et noir. 1890, стр. 14).

181) М. В. Брянскій Портретъ внучки *А. С. Пушкина* (Катал выстав 1891, въ Имп. ак. худ. стр. 18).

182) И. Волковъ Русалки на пути Руслана (Указат. второй выст. рис blanc et noir 1892, стр 14)

183) Е П Судковская-Самокишъ. *Евгеній Онѣгинъ* за туалетомъ. *Татьяна* съ ношей. (Указат второй выст. рис blanc. et noir. 1892, стр 13).

184) Новый портретъ *Пушкина* «*Жив. Обозр*» 1883, №46, стр. 305; объясненіе на стр 319)

Г. Пушкинъ—въ произведеніяхъ музыки

Ф. Витбергъ.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

Земельные порядки у зырянъ [1]).

Зырянъ и до сихъ поръ считаютъ народомъ охотничьимъ, какими-то полудикими дѣтьми лѣсовъ, которыхъ природа въ изобиліи снабдила цѣннымъ пушнымъ звѣремъ, дичью и рыбой. Дѣйствительно, еще не такъ давно зырянинъ жилъ вполнѣ лѣсовикомъ и занимался двѣ трети года исключительно охотой за звѣремъ и птицей. Въ теченіе всей длинной зимы зырянинъ недѣли на три — на четыре выходилъ въ волость, чтобы сбыть настрѣленныхъ бѣлокъ и рябчиковъ и уплатить подати, а затѣмъ онъ опять удалялся въ свои заповѣдные лѣса, гдѣ оставался сплошь до поздней весны. Въ эти счастливыя времена иной зырянинъ всю жизнь свою изживалъ, не видѣвши въ глаза не только «окружного» или исправника, но и «становаго». Хорошо жилось тогда зырянину: полнымъ хозяиномъ разгуливалъ онъ по обширному простору своихъ излюбленныхъ лѣсовъ, безъ всякихъ стѣсненій, не вѣдая посѣщеній начальства. Его окружали лишь безпредѣльная ширь и величественная таинственность дѣвственнаго, нетронутаго лѣса. Но эти счастливыя времена уже миновали. Лѣса порѣдѣли и измельчали; дичи и звѣря въ нихъ поубавилось; лѣсные промыслы годъ-отъ-году падаютъ и истощаются. Дѣти лѣсовъ сѣвера отошли въ область преданій. Зырянину дарованы земское и крестьянское самоуправленіе; его часто требуютъ «въ волость»; онъ дѣлается членомъ государства и на него налагаются извѣстныя обязанности: тянутъ его на службу, въ школу, въ судьи, въ гласные, толкуютъ ему о властяхъ и законахъ. Зырянинъ упорно пятится отъ всѣхъ этихъ правъ и обязанностей, но бѣжать ему теперь некуда: былого простора лѣсовъ уже нѣтъ.

---

[1]) Нашъ очеркъ касается зырянъ, обитающихъ въ Вологодской губерніи. Зыряне Архангельской губерніи—оленеводы—имѣютъ отличныя отъ первыхъ бытовыя особенности и земледѣліемъ занимаются очень мало.

Зырянамъ пришлось переживать неизбѣжный и естественный переходъ отъ охотническаго образа жизни къ земледѣльческому. Но страна, предоставлявшая просторъ и изобиліе охотнику-лѣсовику, оказалась мало подходящей для земледѣльца. Сырыя, кочковатыя болота—торфяники и сухіе песчаные боры, дававшіе отличную почву для живучей сѣверной ели и неприхотливой сосны, оказались мало удобными для культуры хлѣбныхъ растеній; суровый и холодный климатъ годами не даетъ дозрѣть даже всевыносящему сѣверному ячменю. Это переходное состояніе застало зырянина въ тотъ моментъ, когда обработываваемая имъ подъ культуру хлѣбныхъ растеній маленькая площадь успѣла уже окончательно истощиться и потерять почти всякую производительность. Зырянинъ сталъ мало-по-малу увеличивать площадь посѣва. Для достиженія этой цѣли ему пришлось: 1) расчищать, или инымъ образомъ подготовлять, новые участки земель для посѣва, 2) производить луговыя росчисти, чтобы имѣть возможность расширить скотоводство въ видахъ увеличенія количества навоза для вновь разработанныхъ полей. Въ обоихъ случаяхъ онъ никакихъ ограниченій и стѣсненій не зналъ, расчищалъ землю и рубилъ лѣсъ, гдѣ хотѣлъ: мѣста было довольно для всѣхъ, и никто на чужое не зарился. Захватный способъ землепользованія свободно практиковался тогда въ своемъ чистомъ, первобытномъ видѣ какъ въ полевой, такъ и въ луговой культурѣ. Но что годъ, то населеніе росло, промыслы падали, малопроизводительная почва полей истощалась и требовались или лучшая обработка или обильное удобреніе. О томъ и другомъ зырянинъ не смѣлъ и мечтать и вынужденъ былъ расчищать подъ посѣвъ все новыя и новыя мѣста. Участки для посѣва все болѣе и болѣе отдалялись отъ деревень и поселеній, и въ концѣ-концовъ, по крайней отдаленности, какое-бы то ни было ихъ удобреніе стало невозможнымъ, не говоря уже о недостаткѣ навоза. Такимъ путемъ возникло подсѣчное хозяйство, или огневая система земледѣлія, при захватномъ способѣ первоначальнаго завладѣнія. Однако, слѣдуетъ помнить, что, при захватномъ способѣ землепользованія, у зырянъ *господствуетъ общинное землевладѣніе*. Предметомъ переделовъ и разверстокъ служитъ только земля, внесенная въ поземельно-разверсточныя книги и обложенная податными сборами; время отъ времени въ этотъ разрядъ попадаютъ и льготныя земли—росчисти, когда кончаются сроки безраздѣльнаго пользованія ими, или-же когда они становятся выморочными. За исключеніемъ установленія предѣльныхъ сроковъ пользованія, община не проявляетъ никакого прямого воздѣйствія на порядки владѣнія льготными землями — росчистями; послѣднія за весь періодъ льготнаго пользованія ими какъ-бы и не считаются общинною землею. Эти льготныя земли-росчисти образуются двоякимъ путемъ, вслѣдствіе чего и само подсѣчное хозяйство раздѣляется на два вида. Подсѣчное хозяйство «ближнее» — по удобнымъ участкамъ своихъ крестьянскихъ дачъ, около коренныхъ общественныхъ полей, и «даль-

нее», большею частью перешедшее уже за предѣлы казенныхъ лѣсныхъ дачъ.

«Ближнее» подсѣчное хозяйство свободно отъ всякихъ ограниченій со стороны деревни или общества. Семейство, имѣющее свободныя рабочія руки, можетъ расчистить участокъ для посѣва въ любомъ мѣстѣ крестьянской дачи и какой угодно величины. Если домохозяинъ гдѣ-либо высмотрѣлъ и выбралъ такой участокъ, то не требуется никакихъ заявокъ, ни письменныхъ данныхъ для укрѣпленія за нимъ облюбованнаго мѣста; онъ долженъ сдѣлать вокругъ этого участка «просѣку», т. е. вырубить нѣсколько десятковъ деревъ, и мѣсто съ этого времени считается уже состоящимъ въ неотъемлемомъ его пользованіи. Въ предѣлахъ просѣки никакія постороннія расчистки уже не допускаются, и расчистившій можетъ быть вполнѣ увѣреннымъ, что въ случаѣ чего-либо подобнаго онъ найдетъ поддержку своихъ вновь пріобрѣтенныхъ правъ даже на судѣ, конечно, на волостномъ, обычномъ. Общество при этомъ никакихъ лишнихъ обязанностей на расчистившаго не накладываетъ, а напротивъ облегчаетъ ему пользованіе участкомъ тѣмъ, что никакихъ сборовъ и повинностей на такіе участки за все время пользованія не присчитываетъ. Обыкновенно эти росчисти не удобряются навозомъ, а засѣваются сначала подрядъ года два, много три, а потомъ оставляются безъ посѣва годовъ пять, шесть, во все время числясь за расчистившимъ. Такіе участки зыряне обыкновенно зовутъ «пашнями» и «пустышами», въ отличіе отъ полей, поступающихъ въ передѣлы и разверстки. Послѣ пяти, шести лѣтъ, когда почва немного соберется съ силами, зырянинъ подновляетъ развалившуюся около пашни изгородь, распахиваетъ отдыхавшій участокъ и засѣваетъ его, большею частью, уже яровымъ хлѣбомъ. Такое пользованіе пашней продолжается до тѣхъ поръ, пока она какъ-нибудь не попадетъ въ передѣлы разверстываемыхъ участковъ, или домохозяинъ, высосавши съ участка всѣ производительныя силы, не найдетъ лучшимъ забросить его совсѣмъ. Мало-по-малу пашня заростаетъ мелкимъ сосникомъ и березнякомъ и дѣлается ни на что негоднымъ участкомъ, совершенно обезцѣниваясь.

Права на разработанную пашню, несмотря на исключительно общинный способъ землевладѣнія у зырянъ, такъ велики, что домохозяинъ можетъ ее заложить, продать, пропить, отдать въ приданое за дочерью, при чемъ къ новому владѣльцу пашни переходятъ цѣликомъ и всѣ права первоначально ее расчистившаго. Чаще эта передача бываетъ словесная и свободна отъ всякихъ бумажныхъ формальностей, но въ послѣднее время не диво встрѣтить по такимъ куплямъ-продажамъ и писаныя домашнія условія, на которыхъ для крѣпости красуется копченая печать сельскаго старосты, если волостное правленіе не нашло возможнымъ оформить ихъ съ занесеніемъ въ книгу сдѣлокъ и договоровъ. Но не рѣдки и послѣдніе случаи.

Въ «ближнемъ» подсѣчномъ хозяйствѣ право на владѣніе участкомъ

земли даетъ трудъ, затраченный на расчистку этого участка. Этотъ трудъ, при захватномъ способѣ первоначальнаго завладѣнія, обусловливаетъ и право наслѣдованія. Зырянскому духовенству трудъ, употребленный на разработку росчистей, далъ даже вѣчное сословное право на владѣніе ими [1]).

Что касается сѣнокосныхъ угодій, то росчисти подъ луга или пожни закрѣплялись такимъ-же путемъ, какъ и участки для посѣва. Достаточно было вырубить нѣсколько деревъ вокругъ облюбованнаго участка, и онъ поступалъ въ пользованіе вырубившаго. Но пожня требуетъ для своей расчистки многолѣтнихъ трудовъ и имѣетъ для зырянина неизмѣримо большую цѣну, чѣмъ поле или пашня. Зырянинъ давно уже понялъ, что судьба его землепашества цѣликомъ зависитъ отъ лугового хозяйства: чѣмъ больше у него луговъ, тѣмъ больше скота, а слѣдовательно и удобренія, безъ котораго немыслима продолжительная культура почвы. Въ виду такой роли лугового хозяйства, право пользованія росчистями подъ покосы обставлено извѣстными ограниченіями. Деревня или общество не остаются уже безучастными зрителями разработки и пользованія ихъ общимъ достояніемъ. Прежде всего право пользованія расчищенными лугами обусловливается извѣстнымъ срокомъ. Въ прежнее время (въ 40—50 годахъ) срокъ этотъ былъ сорокалѣтній, по примѣру лѣсного вѣдомства, которое отводило такія земли на срокъ лѣтъ. Но въ послѣднее время срокъ этотъ сокращенъ; нѣкоторыя зырянскія общества ограничили его 25—30 годами, и намъ извѣстенъ одинъ случай уменьшенія срока даже до 12 лѣтъ [2]). Прежде право пользованія расчищеннымъ мѣстомъ въ теченіе извѣстнаго времени гарантировалось обычаемъ, т. е. само собою подразумѣвалось, а теперь во всѣхъ обществахъ, гдѣ уменьшены сроки пользованія, послѣдніе установлены писанымъ приговоромъ, копіей съ котораго и ста-

---

[1]) Въ рѣдкомъ зырянскомъ приходѣ нѣтъ луговъ и полей, носящихъ названіе «попъ-видзь» и «попъ-му», т. е. попова пожня и попово поле. Эти земельные участки были расчищены прежнимъ зырянскимъ духовенствомъ, не чуждавшимся физической работы, хотя, конечно, дѣло не могло обойтись тутъ и безъ «помочей». Еще на памяти живущаго поколѣнія стариковъ были такіе батюшки, которые, на ряду съ простыми мужиками, корчевали пни на новинахъ, рубили и жгли лѣсъ для луговыхъ росчистей и этимъ создали для своихъ замѣстителей вѣковое право на владѣніе разработанными участками. Дѣйствительно, всѣ таковыя поля и пожни находятся такъ сказать въ заповѣдномъ и преемственномъ владѣніи духовенства, переходя въ каждомъ приходѣ во владѣніе личнаго состава причта по мѣрѣ смерти или ухода членовъ послѣдняго. Эти «заповѣдныя земли» свободны отъ всякаго вмѣшательства крестьянскихъ обществъ и, въ силу мѣстныхъ обычаевъ, духовенство пользуется ими не взачетъ относительно другихъ доходныхъ статей, обычныхъ въ кругу прихода. Особенно крѣпко держится это оригинальное сословное право собственности по отношенію къ луговымъ росчистямъ, какъ представляющимъ болѣе цѣнное достояніе.

[2]) Въ такой періодъ времени луговая росчисть не можетъ быть приведена въ окончательно-удобный видъ и даетъ плохое сѣно; поэтому, 12-лѣтній срокъ пользованія черезъ годъ былъ уже найденъ неподходящимъ и удлиненъ до 24 лѣтъ.

раются заручиться домохозяева, намѣревающіеся разработать луговую росчисть. Въ этой копіи обозначается рѣчкой, оврагомъ или озеромъ мѣсто, которое выбрано для луговой расчистки; изрѣдка указывается и пространство, какое предполагается занять подъ расчистку. Такимъ образомъ, форма и писаное право замѣтной струей начинаютъ врываться въ обиходъ зырянина; онъ уже не довольствуется подразумѣваемымъ правомъ, словесной гарантіей, а старается раздобыть письменный приговоръ, закрѣпляющій ему на извѣстный срокъ разработанное мѣсто. Но роль чуждыхъ обиходу зырянина письменныхъ актовъ этимъ пока и ограничивается. Мы думаемъ, что предъявленіе ихъ для доказательства права владѣнія никогда не потребуется, и «скопіи» благополучно будутъ лежать гдѣ-нибудь на днѣ ящика непотревоженными до окончанія сроковъ владѣнія. Трудовое начало всякаго пользованія и владѣнія слишкомъ уважается зыряниномъ и онъ, конечно, никогда не рѣшится нарушить создаваемыя имъ права. Да и самыя ограниченія во времени пользованія росчистями наблюдаются лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крайне мало земли, удобной для разработки покосовъ.

Во всякомъ случаѣ, захватный способъ вездѣ и всюду остался неприкосновеннымъ; никто не мѣшаетъ зырянину облюбовать, вырубить и выкорчевать гдѣ и какой угодно величины участокъ для луговой росчисти или новины-пашни. Каждое семейство, имѣющее достаточное число взрослыхъ членовъ, работаетъ отдѣльно и независимо отъ другихъ. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что семейства малосильныя должны оставаться ни при чемъ—глядѣть только, какъ другіе распоряжаются свободными участками земли для своихъ выгодъ. Рѣдкое зырянское семейство не владѣетъ росчистями луговъ и пашенъ, хотя далеко не всѣ изъ нихъ имѣютъ свободныя и сильныя рабочія руки. Достигается это при посредствѣ «помочей», которыя у зырянъ имѣютъ чрезвычайно широкое распространеніе, захватывая собою почти всѣ стороны жизни. Могла-бы только семья прокормить день-другой созванный народъ, а за рабочими дѣло не станетъ. Удивительно обязателенъ въ этомъ случаѣ зырянинъ: онъ идетъ на «помочи», несмотря ни на какія срочныя и экстренныя работы въ своемъ хозяйствѣ, идетъ не въ расчетѣ на отработку, не ради выгодъ и благодарности, а просто потому, что нельзя, по его мнѣнію, не идти. Такимъ ужъ создала его суровая мать-природа, такимъ воспитали многотрудныя условія быта, борьба съ которыми безъ дружныхъ, коллективныхъ усилій была-бы невозможна.

Трудовое начало пользованія, дающее право наслѣдственнаго владѣнія, особенно ярко и полно выступаетъ въ порядкахъ, которые примѣняются зырянами относительно такъ называемыхъ «лѣсныхъ полянъ», т. е. казенныхъ оброчныхъ статей лѣсного вѣдомства. Эти статьи образовались изъ луговыхъ росчистей около рѣкъ и рѣчекъ, разработанныхъ самовольно въ чертѣ казенныхъ дачъ дѣдами и прадѣдами нынѣ живущаго поколѣнія и сдаются теперь съ торговъ, назначаемыхъ лѣснымъ

вѣдомствомъ въ волостныхъ правленіяхъ. Въ волость пріѣзжаетъ лѣсничій и открываетъ заранѣе объявленные торги на оброчныя статьи такія-то и такія-то. Обыкновенно статьи эти пространствомъ отъ 5 до 10 дес. Торгуются три, четыре человѣка, видимо раньше сговорившіеся, и торги въ полчаса-часъ кончаются. Лѣсничій пишетъ условіе, волостное правленіе заявляетъ его, арендаторъ подписываетъ, выдаетъ деньги, получаетъ росписку. Вы подумаете, что онъ пріобрѣтаетъ право снять урожай сѣна со всѣхъ пяти или шести десятинъ, заарендованныхъ формальнымъ договоромъ, при формальныхъ законныхъ торгахъ. Ничуть не бывало. Онъ былъ только обычнымъ представителемъ на торгахъ отъ нѣсколькихъ «владѣльцевъ» этой казенной оброчной статьи, образованной изъ участковъ, расчищенныхъ прадѣдами ихъ. Владѣльцы—каждый за свой дѣдовскій участокъ—уплачиваютъ арендатору выданныя имъ лѣсничему деньги, разверстывая ихъ по величинѣ владѣемыхъ участковъ и безпрепятственно снимаютъ сѣно со своихъ наслѣдственныхъ луговъ. Арендатору даже въ умъ не приходитъ поживиться лишнѣй противъ затраченной суммы копѣйкой, не говоря уже о претензіи на всю снятую у казны статью. Вся его корысть вполнѣ удовлетворяется, если въ праздникъ сосѣдъ, для котораго онъ рисковалъ своими деньгами и гулялъ въ волость къ «начальству», подастъ «линдатору» лишнюю рюмку и лишній разъ назоветъ его «настоящимъ мужикомъ». Арендаторомъ въ деревнѣ изъ года въ годъ бываетъ, обыкновенно, одно лицо, владѣющее во всякое время 40—50 рублями и часто даже не имѣющее своего «наслѣдственнаго» участка въ арендуемой статьѣ. Такимъ путемъ—какъ мы видимъ—охраняется обычное право труда даже при прямомъ столкновеніи его съ писанымъ правомъ.

Намъ лично извѣстенъ одинъ случай, рельефно характеризующій воззрѣнія зырянъ въ области описаннаго нами обычнаго права наслѣдованія. Владѣлецъ самаго крупнаго участка арендованной статьи, обязанный внести арендатору около 12 руб., ко времени сѣнокоса не могъ собраться съ деньгами и затянулъ уплату. Еще въ прежніе годы—какъ объяснялъ «арендаторъ»—этотъ владѣлецъ «лукавилъ», т. е. не додавалъ когда десять, когда двадцать копѣекъ, а когда и полтину, и теперь «арендаторъ» до полной уплаты не допускалъ владѣльца къ покосу принадлежащаго ему участка. Тотъ думалъ было сперва уломать несговорчиваго «линдатора», просилъ подождать, предлагалъ пока часть слѣдовавшей съ него суммы, но видя, что ничто не беретъ, взялъ да и скосилъ сѣно безъ вѣдома арендатора. «Арендаторъ» обратился въ волостной судъ, но уже не какъ истецъ по дѣлу о 12 рубляхъ, уплаченныхъ имъ лѣсничему, а, именно, какъ *арендаторъ казенной оброчной статьи*, которую у него самовольно выкосили; въ подкрѣпленіе своей претензіи, онъ предъявилъ копію съ условія и квитанцію во взносѣ арендной платы и просилъ возстановить свои права полностью, «по закону». Судъ, не внимая всѣмъ документальнымъ даннымъ, рѣшилъ такъ: выкошенное сѣно пре-

доставить владѣльцу участка (самовольно скосившему), взыскавъ съ него для удовлетворенія «арендатора 12 рублей, уплаченныхъ послѣднимъ лѣсничему». «Арендаторъ» обжаловалъ рѣшеніе въ крестьянское присутствіе. Тамъ уже пересилили «документы», писаное право, и рѣшеніе волостнаго суда было отмѣнено съ предложеніемъ вновь разсмотрѣть дѣло. Но до новаго разбора не дошло дѣло, такъ какъ арендаторъ получилъ 12 рублей (одну часть деньгами, а другую—роспиской) и успокоился.

Будутъ-ли возстановлены права зырянъ на арендуемыя ими участки—сказать трудно. Мы должны отмѣтить лишь тотъ фактъ, что «ближнее» подсѣчное хозяйство зырянъ постепенно падаетъ и сокращается, и ему можно предсказать скорый конецъ. Большая часть удобныхъ для земледѣлія мѣстъ уже разработана въ пашни, и въ чертѣ крестьянскихъ дачъ ихъ остается совсѣмъ мало; добрая половина пашенныхъ росчистей съ истощенной почвой пустуетъ безъ всякой пользы. Поэтому, какъ мы упоминали выше, подсѣчное хозяйство зырянина въ силу необходимости зашло за предѣлы казенныхъ земель, и создалось особое явленіе сѣверной земледѣльческой культуры, т. е. «дальнее» подсѣчное хозяйство.

Для дальняго подсѣчнаго хозяйства разработка «новинъ» производится семейно-сосѣдственнымъ образомъ. Новины разрабатываютъ артелью три-четыре семьи, имѣющія взрослыхъ работниковъ и находящіяся или въ родствѣ, или просто въ сосѣдственно-дружескихъ отношеніяхъ. Весной такая артель отправляется на высмотрѣнное при охотничьихъ скитаньяхъ мѣсто и рубитъ растущій тамъ лѣсъ. На слѣдующую весну высохшій лѣсъ палятъ, корчеваніемъ счищаютъ мѣсто отъ слишкомъ частыхъ пней, и оригинальное поле, обильно удобренное пепломъ, готово для засѣва. Если время дозволяетъ, то въ ту-же осень новину засѣваютъ озимовой рожью, а за неимѣніемъ времени, и если новина съ сильной почвой, сѣютъ на слѣдующую весну яровую рожь. «Дальнее» подсѣчное хозяйство зыряне зачастую ведутъ въ верстахъ 40—50 и даже въ 70—80 отъ своихъ селеній и дачъ. Такъ, напримѣръ, зыряне изъ волостей, лежащихъ по рѣкѣ Сысолѣ, работаютъ новины смежно съ русскимъ населеніемъ вилегодскаго края, расположеннаго по р. Виледи, впадающей въ Вычегду не далеко отъ ея устья. Здѣсь вилежане сѣютъ ленъ, а зыряне—рожь. Въ эти трущобы забираются почти безъ всякихъ тропинокъ, руководствуясь недоступнымъ для обыкновеннаго смертнаго чутьемъ обитателей лѣсовъ. Надо родиться и жить зырянином-лѣсовикомъ, чтобы бродить по безконечнымъ тайгамъ зырянскихъ лѣсовъ, безъ боязни затеряться и сгинуть въ нихъ безъ вѣсти.

Лѣтъ 25—30 тому назадъ на разработку подсѣкъ лѣсное вѣдомство не обращало почти никакого вниманія, и зырянинъ широко и свободно пользовался обширнымъ привольемъ казенныхъ земель. Онъ рубилъ и жегъ лѣсъ, гдѣ хотѣлъ, выбирая самыя тучныя мѣста, съ которыхъ получалъ баснословные урожаи. По словамъ нѣкоторыхъ зырянскихъ старожиловъ, урожаи бывали самъ 80—100, и разработка новинъ была

весьма прибыльнымъ занятіемъ для многосильныхъ семействъ. Но этому наступилъ конецъ. Подсѣчное хозяйство обратило на себя вниманіе казеннаго вѣдомства частыми опустошительными пожарами, являвшимися прямымъ послѣдствіемъ небрежнаго обращенія съ огнемъ при закладкѣ подсѣкъ. Пожары эти были настолько велики, что въ лѣтнее безвѣтренное время на сотню верстъ кругомъ разстилался сѣрый, горьковатый дымъ, въ которомъ съ трудомъ дышало все живущее; въ этомъ горячемъ туманѣ меркнулъ свѣтъ солнца. Казна признала необходимымъ вмѣшаться въ порядки «дальняго» подсѣчнаго хозяйства. Это вмѣшательство казны выяснило и значеніе «дальняго» подсѣчнаго хозяйства для зырянъ. Было выяснено, что надѣлы крестьянъ сѣверо-восточныхъ окраинъ совсѣмъ истощились; урожаи годъ отъ году становятся хуже; способы обработки земли самые примитивные и улучшенія ихъ ждать неоткуда; удобныя для подсѣчнаго хозяйства мѣста въ крестьянскихъ дачахъ исчезаютъ; удобренія не хватаетъ; лѣса рѣдѣютъ, охота и промыслы падаютъ, и вообще всѣ жизненные рессурсы одинъ за другимъ постепенно теряются. Прибывающее-же населеніе, не находя средствъ къ жизни на мѣстѣ, стремится къ переселенію и, въ послѣднемъ случаѣ, чаще попадаетъ еще въ худшее положеніе. Особенно много насиженныхъ гнѣздъ разорилъ 1864 годъ. Этотъ неурожайный годъ гналъ зырянъ изъ ихъ излюбленныхъ лѣсовъ сотнями семействъ, которыя большею частью разбрелись и растерялись въ обширныхъ степяхъ Томской и Оренбургской губерній.

Эти обстоятельства заставили обратить вниманіе на подсѣчное хозяйство и признать за нимъ нѣкоторое право гражданства. Въ послѣднее десятилѣтіе послѣдовалъ рядъ распоряженій, имѣвшихъ цѣлью упорядочить веденіе этого хозяйства съ соблюденіемъ интересовъ казны, при чемъ крестьянамъ на извѣстныхъ условіяхъ дозволялась разработка подсѣкъ въ казенныхъ дачахъ. Въ 1884 г. былъ изданъ даже особый законъ, который, по массѣ установленныхъ имъ формальностей, не подошелъ къ характеру населенія и къ мѣстнымъ земельнымъ порядкамъ. Законъ 1884 г. не дозволялъ производить росчистей далѣе чѣмъ въ двадцати верстахъ отъ границъ крестьянскихъ дачъ. На самомъ дѣлѣ «дальнее» подсѣчное хозяйство часто велось уже въ верстахъ 40—50 и далѣе, такъ-какъ вблизи всѣ подходящія мѣста уже были разработаны. Кромѣ того, по закону 1884 г. площади для подсѣчнаго хозяйства могли отводиться не иначе, какъ въ удовлетвореніе ходатайства цѣлаго общества на основаніи составленныхъ имъ приговоровъ. Между тѣмъ разработка дальнихъ подсѣкъ, какъ мы уже говорили, дѣло чисто семейно-сосѣдственное и не можетъ быть ведено цѣлымъ обществомъ въ силу установившихся уже обычаевъ.

Въ устраненіе этихъ явныхъ неудобствъ, въ 1890 году лѣснымъ департаментомъ были утверждены правила сдачи крестьянамъ вологодской губерніи лѣсныхъ участковъ изъ казенныхъ дачъ для производства ржаныхъ и льняныхъ посѣвовъ. Этими правилами дѣло значительно упро-

щалось. Отводъ участковъ не обусловливался разстояніемъ ихъ отъ крестьянскихъ дачъ, а, главное, каждый крестьянинъ единолично могъ просить объ отводѣ избранной имъ площади. Насколько удачно дѣйствуютъ эти правила и какъ относятся къ нимъ зыряне, намъ лично не пришлось наблюдать, но, повидимому, большого распространенія они еще не имѣютъ. Такъ по Устьсысольскому лѣсничеству, обнимающему 11 волостей, болѣе чѣмъ съ 35-тысячнымъ населеніемъ, выдано билетовъ на разработку подсѣкъ за 1892 годъ всего 67 на 49 десятинъ, въ 1893 году—43 на 59 десятинъ. По другому обширному Вычегодскому лѣсничеству за тѣ-же годы билетовъ дано 93 на 130 десятинъ. Это, конечно, капля въ морѣ, тѣмъ болѣе, что эти лѣсничества самыя населенныя въ зырянскомъ краѣ, и подсѣчное хозяйство, какъ вообще и землепашество, имѣетъ въ нихъ наибольшее развитіе. Объясняется-ли эта неудача новизной дѣла или иными причинами, имѣющими болѣе серьезное значеніе—рѣшать не беремся, такъ какъ, повторяемъ, намъ лично не пришлось производить по этому поводу мѣстнаго изслѣдованія. Но если правила 1890 г. окажутся мало-пригодными, главную роль въ этомъ фіаско надо будетъ приписать подесятинной платѣ за отводимые участки. Въ первомъ-же пунктѣ правилъ сказано: «Закладка подсѣкъ допускается лишь въ такихъ участкахъ, въ коихъ деревья, по роду и качеству ихъ, *или вовсе не имѣютъ въ той мѣстности сбыта, или негодны для другого, болѣе выгоднаго употребленія*». А между тѣмъ, за эти ни къ чему «негодные» участки установлена плата довольно высокая; въ среднемъ, по устьсысольскому уѣзду она равняется 3 руб. 60 коп. за десятину, по устьсысольскому лѣсничеству—4 р. 80 к., по Вычегодскому—4 р. 80 к., а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вологодской губерніи доходитъ до 8 рублей. Повидимому, при составленіи правилъ соблюдались выгоды казны и игнорировались каторжный трудъ по разработкѣ подсѣкъ, неурожаи, неудачный выборъ мѣста и опасность самого дѣла (отвѣтственность за пожары сосѣднихъ лѣсонасажденій). Опущено изъ виду и то обстоятельство, что на десятину подсѣки можетъ быть посѣяно не болѣе $^2/_3$ тѣхъ сѣмянъ, которыя потребовались-бы для засѣва десятины хорошо разработанной пашни. Тутъ каждый пень, каждый корешокъ, каждая ямка и моховина уменьшаютъ эксплоатируемую площадь десятины, не измѣняя казенной мѣры ея, обложенной платой. Кромѣ того, для закладки подсѣкъ наиболѣе удобными являются именно тѣ мѣста, на которыхъ лѣсонасажденіе для казны (на сѣверѣ) не имѣетъ почти никакой цѣнности. Сюда относятся участки мелкаго березняка съ примѣсью осины, пихты и рѣдкой ели, мелкой и вѣтвистой, какая ростетъ на тучныхъ почвахъ, образовавшихся отъ перегниванія падающей листвы.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что, при такихъ условіяхъ, цифры выданныхъ лѣсничими билетовъ на разработку подсѣкъ далеко не даютъ вѣрнаго представленія о степени развитія «дальняго» подсѣчнаго хо-

зяйства у зырянъ. На ряду съ разработкой новинъ по билетамъ идетъ разработка тайная въ размѣрахъ, нѣсколько разъ превышающихъ разрѣшенную. Можно безошибочно утверждать, что зырянскія волости, считающіяся хлѣбными, по меньшей мѣрѣ треть хлѣба вывозятъ съ подсѣкъ, разработанныхъ «тайно» въ казенныхъ дачахъ. Но не надо думать, что эта «тайная» работа неизвѣстна мѣстной лѣсной администраціи. Въ лучшемъ случаѣ она старается ничего не замѣчать; да и замѣчать-то ей при существующихъ условіяхъ весьма мудрено. Лѣсничества въ сѣверномъ краѣ простираются обыкновенно верстъ на 300—400 въ длину и ширину. При лѣсничемъ состоитъ иногда одинъ помощникъ-кондукторъ, а чаще не бываетъ никого. Ближайшее наблюденіе за порядками лѣсного хозяйства принадлежитъ объѣздчикамъ и лѣсникамъ. Это—все свой братъ зырянину. Это—тотъ-же мужичекъ—иногда запасной или отставной солдатъ, только чуть-чуть грамотный. Наравнѣ съ другими онъ втихомолку и самъ не прочь разработать новину въ томъже казенномъ участкѣ, блюстителемъ котораго онъ состоитъ. Огромное большинство этихъ охранителей «казеннаго» имущества, поломавшись при началѣ службы съ мѣсяцъ, другой, мирится съ существующимъ порядкомъ вещей, не видя никакой возможности измѣнить его и понявъ выгоду его для собственнаго кармана. Дѣйствительно, доходы его удвоиваются; угощеніе, водка, всякая снѣдь и деньги предлагаются ему съ навязчивостью, при извѣстной долѣ уваженія къ его чину и власти; мужикъ перестаетъ чуждаться его и откровенно заявляетъ, что онъ «хорошій парень». Противъ такой благодати не устоять и болѣе образованному и нравственно-чуткому человѣку, а не этому случайному баловню своего положенія. Въ результатѣ благодатное положеніе оправдывается такими соображеніями: «какой-же тутъ грѣхъ, что получилъ гостинецъ отъ человѣка, котораго я уважилъ. Вѣдь лѣсъ не мой—пусть рубитъ; благо хватитъ его на нашъ вѣкъ. Да и не онъ одинъ рубитъ, и не здѣсь только это дѣлается»... Когда-же дѣянія лѣсника или объѣздчика становятся уже черезчуръ явными и безцеремонными, онъ обыкновенно увольняется. Назначается новый. Онъ въ два, три мѣсяца приглядится ко всѣмъ этимъ нехитрымъ порядкамъ, пойметъ свое «выгодное положеніе», и потянется опять та-же исторія. Широко практикуется при этомъ и вымогательство. Мы лично знали примѣры, когда объѣздчики и лѣсники собирали своего рода ругу, объѣзжая селенія ввѣреннаго имъ участка. Лѣсные чины, какъ мы сказали выше, ничего не «замѣчаютъ» и трудно ихъ обвинять за это. Мы уже говорили, что «дальнее» подсѣчное хозяйство—явленіе, порожденное неумолимыми запросами жизни, и зашло за предѣлы казенныхъ дачъ въ силу необходимости. Крестьянскіе надѣлы истощились, и мѣстъ, удобныхъ для закладки подсѣкъ, въ нихъ не осталось. Сознало это и само правительство, признавая за подсѣчнымъ хозяйствомъ право на дальнѣйшее существованіе. Запретительныя мѣры, суды и тяжбы дѣлу не помогутъ. Лѣсная администрація, поставленная въ без-

выходное положеніе, выбираетъ изъ всѣхъ золъ меньшее,—мирится съ тѣмъ порядкомъ вещей, измѣнить который она не въ силахъ, какъ вызванный къ жизни неумолимой логикой вопроса «быть или не быть» зырянину. Зырянинъ тоже человѣкъ и ему ѣсть надо...

П. Ф. В—й.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Отношеніе между провинціею и столицами за 30-лѣтіе.—Черниговское земство о малорусскомъ языкѣ.—Харьковскій университетъ.—Медицинскій факультетъ въ Одессѣ.—Еще о высшихъ женскихъ курсахъ въ Казани.—Народныя школы въ Ялуторовскомъ округѣ.—Ростовская и тифлисская газеты за армянъ.—„Приазовскій Край“ о „вы“ и „ты“.—Два дознанія въ Яранскомъ и Рѣжицкомъ уѣздахъ.—Циркуляръ орловскаго губернатора.—Статистика розогъ въ Нижегородской губерніи.—Вознагражденіе невинно осужденныхъ. — „Минскій Листокъ“ о работѣ малолѣтнихъ.—Излишнія буквы.

Минувшій годъ завершилъ собою тридцатилѣтіе, которое можно назвать періодомъ относительнаго упадка значенія Петербурга и огромнаго возрастанія городовъ провинціальныхъ. Передъ тѣмъ даже и крупнѣйшіе изъ этихъ городовъ, кромѣ Одессы, можно сказать, «влачили жалкое существованіе». Фамусовъ называлъ глушью Саратовъ, который теперь имѣетъ пожалуй 150-тысячное населеніе и освѣщаетъ городской театръ электричествомъ. Даже университетскіе города лѣтъ сорокъ тому назадъ были совсѣмъ скромною провинціею съ замкнутыми малочисленными интеллигентными кружками. Провинціальная печать, за немногими исключеніями, представлялась губернскими вѣдомостями съ чисто офиціальнымъ содержаніемъ. Весь свѣтъ шелъ изъ столицъ и однѣ онѣ имѣли голосъ. Дворянство сидѣло въ деревняхъ, но и тѣ дворяне, которые служили въ губернскомъ городѣ, смотрѣли на столицы и, главнымъ образомъ, на Петербургъ, конечно, какъ на источникъ не только всякой милости, но и всякаго знанія, всѣхъ новостей и всякаго комфорта.

А въ ту пору, когда тронулся ледъ, дотолѣ сковывавшій нашу жизнь общественную и не пропускавшій наверхъ, на Божій свѣтъ, никакихъ извѣстій о томъ, что творилось въ бытѣ народномъ, въ ту пору Петербургъ получилъ новое значеніе: отсюда шли преобразованія, въ обѣихъ столицахъ съ небывалымъ оживленіемъ заговорила печать, онѣ сдѣлались настоящими очагами, въ которыхъ закипѣла выработка общерусской мысли.

Такое отношеніе между столицами, а въ особенности Петербургомъ и провинціею въ послѣднее тридцатилѣтіе во многомъ измѣнилось.

Съ 1864 года началась усиленная постройка желѣзнодорожной сѣти и въ теченіе какихъ-нибудь лѣтъ одиннадцати по провинціи разлилось денегъ не менѣе милліарда рублей изъ тѣхъ трехъ милліардовъ, которые

за то время были израсходованы на постройку и снаряженіе дорогъ. Сверхъ того, самыя реформы создали въ провинціи много новыхъ учрежденій: земскія управы, суды, разныя окружныя управленія, банки, съ невиданными дотолѣ цифрами окладовъ. Въ губернскихъ городахъ вдругъ оказался рѣшительный недостатокъ квартиръ и все стало дорожать, такъ какъ увеличился спросъ на всѣ предметы даже и первостепенной потребности, не говоря уже о роскоши. Кореннымъ, скромнымъ обывателямъ губернскихъ городовъ пришлось отказываться отъ сколько-нибудь просторныхъ помѣщеній и какой-либо изысканной пищи. За все переплачивали инженеры, желѣзнодорожные агенты, лица, служившія въ новыхъ учрежденіяхъ и получавшія такое содержаніе, какого прежде не имѣлъ и вице-губернаторъ.

При этихъ условіяхъ въ губернскихъ городахъ все стало дорожать, а желѣзныя дороги, которыя содѣйствуютъ уравненію цѣнъ, совершенно изгнали патріархальную простоту быта, дешевизну жизненныхъ припасовъ и простыхъ ремесленныхъ издѣлій. Такъ какъ провинціальный городъ, хотя-бы большой, всетаки сохранилъ ту особенность, что въ тамошнемъ «обществѣ» всѣ не только знаютъ другъ друга въ лицо, но и живутъ, главнымъ образомъ, подробностями о томъ, какую кто завелъ мебель, какъ одѣвается предсѣдательница, а какъ прокурорша и окружная начальница, и даже что подавали на званомъ обѣдѣ у такихъ-то и такихъ, то отсюда, при всей дороговизнѣ, пошло еще соревнованіе, выписываніе нарядовъ, даже мебели, винъ и проч. изъ столицъ и всѣ «уважающіе себя» люди въ губернскихъ городахъ стали жить выше средствъ. Отставать отъ своей среды можно въ Петербургѣ, гораздо уже менѣе въ Москвѣ, а въ провинціи, говорятъ, рѣшительно нельзя.

Но то, на что есть спросъ, недолго заставляетъ себя ждать. Стали воздвигаться въ губернскихъ городахъ хоромы, умножились магазины, въ ряду которыхъ послѣдними появились и книжные. Развитіе—гдѣ фабричной промышленности, гдѣ горнозаводства, дальнѣйшая постройка желѣзныхъ дорогъ, пароходство и т. д. все это совершенно измѣнило внѣшній обликъ губернскихъ городовъ. Наконецъ, и новостей не надо было болѣе ждать изъ столицъ: возникла провинціальная печать и теперь въ нѣсколькихъ городахъ уже выходитъ по двѣ, по три газеты. И нѣкоторыя изъ нихъ издаются такъ, что оставляютъ желать уже немногаго: только побольше простора.

А столицы? Правда и онѣ росли. Населеніе ихъ удвоилось и въ нихъ навѣрное больше чѣмъ удесятерились коммерческіе и банковскіе обороты. Но отношеніе сравнительно съ провинціею все-таки сильно измѣнилось. Самое освобожденіе крестьянъ и спросъ на трудъ въ городахъ, развивавшихся въ силу новыхъ экономическихъ условій, создали вновь огромныя городскія поселенія. Есть не мало провинціальныхъ городовъ, которые стали богатыми, провинція освободилась отъ прежней забитости и зависимости отъ столицъ. И какъ разъ это время огромнаго воз-

растанія половины всего числа губернскихъ городовъ совпало съ нѣкоторой пріостановкой въ преобразовательной дѣятельности Петербурга и съ рѣшительнымъ ослабленіемъ умственно-жизненнаго импульса въ столицахъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ стало вмѣстѣ и тѣсно, и скучно, въ то время, какъ какіе-нибудь Ростовъ на Дону и Баку создавались вновь. жирѣли, излишествовали и веселились. Положимъ, веселье ихъ было грубое, физическое, но все-таки въ немъ было чувство подъема, сознаніе новой силы. А въ Петергургѣ и Москвѣ за то-же время хотя и произошло увеличеніе населенія и числа домовъ, но такъ какъ и до того эти города имѣли много домовъ и населенія, то въ этомъ не было ничего новаго, это не внушало никакого сознанія развитія, не вносило само по себѣ элементъ жизнерадостности, хотя-бы только физической. Очагами, гдѣ кипѣла и вырабатывалась мысль общерусская общественная, Петербургъ и Москва, пожалуй, не перестали быть. Но очаги эти, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, весьма замѣтно остыли.

Не считая столицъ, 13 городовъ въ имперіи имѣютъ нынѣ населеніе свыше 100 т. душъ, изъ нихъ Харьковъ и Кіевъ вдвое, а Одесса втрое больше. Вотъ какъ отзывается о Кіевѣ авторъ цѣлаго ряда «путевыхъ замѣтокъ» въ «Виленскомъ Вѣстникѣ»: «между Кіевомъ и Одессой вѣчный споръ и сосѣдская зависть; кіевляне готовы поставить въ счетъ каждый сучекъ Одессѣ, одесситы—Кіеву... Было время, когда Кіевъ поотсталъ отъ Одессы, но теперь онъ обогналъ ее, обогналъ кое въ чемъ и Москву, напримѣръ, электрической конкой и канализаціей... Кажется у насъ нѣтъ другого города, въ которомъ относительно было-бы такъ много красивыхъ зданій; въ этомъ Кіевъ оставляетъ за собой Одессу... На Крещатикѣ совсѣмъ столица: «громадные, великолѣпные дворцы» и т. д. «Въ натурѣ кіевлянина, несмотря на смѣсь съ великороссомъ, все-таки преобладаетъ малорусскій элементъ и это налагаетъ совсѣмъ своеобразный отпечатокъ на общественный темпераментъ». Но указавъ на эту особенность Кіева, корреспондентъ разсуждаетъ далѣе какъ-бы оставляя ее совсѣмъ въ сторонѣ. «Кіевъ—городъ не только русскій, но и народный, такой-же народный, какъ и Москва». Далѣе корреспондентъ приводитъ болѣе остроумную, чѣмъ вѣрную параллель между Петербургомъ и Москвой, Одессой и Кіевомъ съ другой стороны. «Будто нарочно, для симметріи, на югѣ Россіи, какъ и на сѣверѣ, создалось это соперничество между двумя городами. Народъ знаетъ Петербургъ, знаетъ и Одессу... Но народъ любитъ Москву, любитъ Кіевъ; какъ прошлое націи, оба они органически приросли къ народной душѣ. Вся исторія, вся героическая эпоха въ жизни русскаго народа, его былины, легенды, богатыри, его подвиги, вѣра, національное самосознаніе, все это тѣсно связано съ Кіевомъ и Москвой. Народъ идетъ и въ Петербургъ, и въ Москву, потому что его соблазняетъ жизнь большого города и заработки; въ Москву и Кіевъ не только поэтому, но и потому, что любитъ ихъ. Они манятъ его какъ мѣста, куда стремились грёзы дѣтства и юности,

какъ колыбель русской души... Русскій народъ идетъ въ Москву и Кіевъ изъ-за тысячъ верстъ выполнить священный обѣтъ, идетъ безъ гроша за душой» и пр. Что православный народъ стекается въ Кіевъ на богомолье—это несомнѣнно. Но все остальное, сказанное корреспондентомъ, болѣе согласно съ учебниками, чѣмъ съ дѣйствительностью.

Подвиги кіевскихъ богатырей остались только въ сказкахъ и нынѣ составляютъ достояніе уже только «господскихъ» дѣтей, зубрящихъ порядочно-таки произвольную классификацію былинъ въ гимназіяхъ. Если-же говорить о «народной душѣ», то нельзя не согласиться съ авторомъ въ томъ, что собственно Москва болѣе «органически приросла» къ душѣ великорусса, какъ «прошлое націи», что «вся его исторія и національное самосознаніе тѣсно связаны» съ Москвой. Такое преимущественное передъ Петербургомъ значеніе Москвы для великорусскаго народа зависитъ отъ того, что Москва была головой государства въ тѣ вѣка, когда создавалось самое это государство и возникало національное самосознаніе. Но по той-же самой причинѣ Кіевъ и не можетъ идти ни въ какое сравненіе въ этомъ отношеніи съ Москвой.

Отмѣчу еще нѣсколько странныхъ предположеній того-же корреспондента. Описавъ огромный успѣхъ, какимъ пользуются въ Кіевѣ представленія малорусской труппы, онъ говоритъ («Вил. Вѣстникъ», 6 декабря): «надо думать, что если въ Кіевѣ и запрещаютъ играть постоянной труппѣ малоруссовъ, то это отнюдь не вызывается опасеніемъ какихъ-нибудь сепаратистскихъ тенденцій, которыя могли-бы скрываться въ малорусской драмѣ, а главнымъ образомъ—желаніемъ избѣжать этого экстаза и напряженья, не обходящихся безъ инцедентовъ прискорбнаго свойства». Скорѣе-же можно допустить, что если-бы въ Кіевѣ была постоянная малорусская труппа, то представленія ея сдѣлались-бы явленіемъ обычнымъ и уже не приводили-бы зрителей въ такой «экстазъ», который вызывается именно рѣдкимъ ея появленіемъ.

Вообще весьма сомнительна польза преданія остракизму какого-либо языка. Въ «Смоленскомъ Вѣстникѣ» (17 ноября) нахожу свѣдѣніе изъ доклада черниговской земской управы, что по отчету библейскаго общества за 1889 годъ священное писаніе распространено въ Россіи на 70 языкахъ и нарѣчіяхъ и что оно не переведено только на малорусскій языкъ. При этомъ управа въ томъ-же докладѣ собранію, заявляя, во избѣжаніе недоразумѣній, что она желаетъ вполнѣ сохранить за народною школой ея главную цѣль—обученіе русскому литературному языку, предлагаетъ собранію ходатайствовать о допущеніи мѣстнаго народнаго языка въ школьное преподаваніе, какъ вспомогательнаго предмета для изученія литературнаго языка. Предложеніе это было внесено гласнымъ Шрагомъ и формулировано имъ въ видѣ ходатайства: «о допущеніи мѣстнаго народнаго языка въ преподаваніе, о разрѣшеніи изданія учебниковъ и книгъ на народномъ языкѣ и о допущеніи такихъ книгъ въ школьныя библіотеки». Замѣчу, что научная терминологія на малорусскомъ языкѣ уже суще-

ствуетъ; она была выработана въ Галиціи, и если-бы встрѣтились затрудненія къ допущенію въ обращеніе тѣхъ малорусскихъ учебниковъ, которые употребляются въ галиційскихъ школахъ, хотя-бы въ томъ, что есть небольшое различіе въ нарѣчіяхъ, то легко было-бы составить въ Россіи краткіе малорусскіе учебники по тѣмъ, болѣе пространнымъ, которые введены въ двухъ малорусскихъ гимназіяхъ въ Галиціи. При помощи такихъ необязательныхъ учебниковъ малорусскимъ дѣтямъ стало-бы легче усвоивать себѣ предметы, преподаваемые въ школѣ на русскомъ языкѣ. А то ребенокъ сперва въ школѣ—какъ въ лѣсу: о предметахъ понятія не имѣетъ, а объясненія на одномъ русскомъ языкѣ понимаетъ только съ большимъ трудомъ.

Но возвратимся къ крупнѣйшимъ нашимъ провинціальнымъ городамъ, пріобрѣвшимъ столь замѣтное внѣшнее развитіе въ тотъ послѣдній періодъ, когда Петербургъ какъ-то притихъ и пригорюнился. Я уже прежде упоминалъ объ одесскихъ выставкахъ, харьковскомъ музеѣ и т. п. Но вотъ, недавно жаловались, что провинціальные университеты пустуютъ и даже возникала мысль о лишеніи абитуріентовъ гимназій одного учебнаго округа права на поступленіе въ университетъ, находящійся въ другомъ округѣ. Недавно новороссійскій университетъ высказался противъ пользы такого ограниченія. Между тѣмъ въ «Южномъ Краѣ» я нахожу слѣдующую цифру студентовъ харьковскаго университета: 1.275 чел., при населеніи въ 196.200 душъ (по харьковскому календарю). Это предполагало-бы для петербургскаго университета—при равномъ отношеніи къ населенности—цифру болѣе, чѣмъ 6.375 университетскихъ студентовъ. Стало быть, отъ Харькова, по крайней мѣрѣ, столичные университеты студентовъ не оттягиваютъ.

Но только половина всего числа студентовъ въ харьковскомъ университетѣ поступили изъ гимназій мѣстнаго округа, а изъ другой половины большая часть—изъ округовъ одесскаго, кавказскаго и кіевскаго. Изъ одного одесскаго ихъ въ Харьковѣ болѣе 200 чел. и это зависитъ, полагаю, отъ того, что новороссійскій университетъ не имѣетъ медицинскаго факультета. Но въ ноябрѣ одесская дума, которая уже раньше ходатайствовала объ учрежденіи такого факультета, но предлагала для этого изъ городскихъ средствъ только 250 т. р., постановила ассигновать на это дѣло 500 т. р., сверхъ уступки участка городской земли въ 11½ десятинъ, стоимостью въ 600 т. р. Дѣло благое, какъ всякое пожертвованіе на образованіе, и нельзя-же думать, что Одесса жертвуетъ 1 м. 100 т. рублей только для того, чтобы имѣть врачей собственнаго, а не харьковскаго приготовленія. Въ одесскихъ газетахъ было напечатано письмо министра народнаго просвѣщенія къ одесскому городскому головѣ, проф. Лигину. Въ этомъ письмѣ сообщалось, что, въ виду столь цѣннаго пожертвованія города Одессы и участія, принятаго въ этомъ дѣлѣ городскимъ головой, министерствомъ нар. просв. имѣло быть внесено не позже 15 декабря представленіе въ государственный совѣтъ объ ассигнованіи

400 т. р. на сооруженіе зданія медицинскаго факультета при новороссійскомъ университетѣ.

Но возвращусь къ университету харьковскому. Тамошній медицинскій факультетъ заключаетъ въ себѣ 60 проц. всего числа студентовъ. Отмѣчу фактъ, что сыновья дворянъ и чиновниковъ, которыхъ числится 472 чел., составляютъ уже гораздо менѣе половины того-же общаго числа. Однихъ мѣщанъ и разночинцевъ—448, т. е. не много меньше; затѣмъ сыновей купцовъ—170. Совсѣмъ незначительно число студентовъ на факультетѣ историко-филологическомъ, всего 43, то-есть втрое меньше самой преподавательской коллегіи, состоящей изъ 128 чел. Практическій періодъ! Я какъ-то говорилъ, что если примѣнить принципъ протекціонистскихъ ограниченій къ поступленію студентовъ въ разные университеты, то по справедливости тотъ-же принципъ пришлось-бы примѣнить и къ распредѣленію студентовъ по различнымъ факультетамъ. Такъ, въ Харьковѣ, гдѣ медиковъ 770, а филологовъ только 43, оказалось-бы нужнымъ устранить 370 чел. отъ медицины и перевесть изъ нихъ 257 на филологію, такъ чтобы ни одинъ факультетъ не былъ обиженъ и на каждомъ состояло примѣрно 300 душъ, по справедливости. Если-же такой внезапный переходъ показался-бы рѣзкимъ, то той-же цѣли можно-бы достигнуть мѣрами поощрительными, напр. предоставивъ историко-филологамъ преимущество передъ другими лицами съ высшимъ образованіемъ.

Не устаю сегодня воспѣвать успѣхи, осуществленные нашими большими провинціальными городами. Въ Кіевѣ электрическій трамвай, а харьковская дума уже рѣшила освѣщать городъ электричествомъ, на что ассигновала 200 т. р. Пожалуй, есть вещи и понужнѣе. Но тѣ не видны, а электрическое освѣщеніе бросается въ глаза; оно «современно», все равно какъ духи Royal и Peau d'Espagne, какъ велосипедъ и тому подобныя «послѣднія слова науки». Отъ другихъ отставать нельзя. Но вотъ бѣда, когда Харьковъ озарится электрическимъ свѣтомъ, то нѣкоторыя изъ тѣхъ, пренебреженныхъ, невидныхъ вещей сдѣлаются виднѣе. «Представьте себѣ,—пишетъ фельетонистъ «Харьковскихъ Вѣдомостей»,—при электрическомъ освѣщеніи всѣ эти темные досчатые заборы, проникнутые амміачнымъ запахомъ, занавоженные и залитые помоями дворы, подворотни съ подозрительными потоками изъ нихъ на самыя улицы» и т. д. Во всѣхъ большихъ городахъ есть постоянные театры, а въ нѣкоторыхъ и опера. Въ Одессѣ недавно былъ поставленъ «Лагорскій король» Массенè съ такимъ великолѣпіемъ, что мѣстные фельетонисты не считаютъ возможнымъ подобнаго на какомъ-либо иномъ частномъ театрѣ. Опера Массенè имѣла большой успѣхъ. Впрочемъ, Одесса завела себѣ итальянскую оперу съ самаго своего основанія. А въ Харьковѣ недавно шли «Гугеноты», вызывая столь громкіе восторги «горячей харьковской публики», что мѣстный фельетонистъ посовѣтовалъ ей «кричать потише».

Въ одной изъ казанскихъ газетъ (кажется въ «Волж. Вѣстникѣ»)

появилось въ октябрѣ краткое извѣстіе, что ходатайство мѣстныхъ профессоровъ объ открытіи въ Казани высшихъ женскихъ курсовъ, съ которымъ пріѣзжалъ въ Петербургъ проф. Осокинъ, не увѣнчалось успѣхомъ. Но во второй половинѣ ноября въ «Казанскомъ Телеграфѣ» было напечатано слѣдующее: «положительно извѣстно, что правительство не воспрепятствуетъ открытію курсовъ, если только они будутъ обставлены такъ, какъ требуетъ министерство; въ основѣ этихъ требованій лежитъ матеріальное обезпеченіе учрежденія капиталомъ, достаточнымъ для покрытія необходимыхъ расходовъ; затѣмъ—устройство интерната». Газета прибавляетъ, что профессора Осокина засыпаютъ письмами желающія поступить на курсы: «пишутъ иркутскія женщины, пишутъ варшавскія, архангельскія, кавказскія и прибалтійскія»; однѣ просятъ свѣдѣній, другія прямо о пріемѣ, третьи—о льготахъ. Что въ этомъ спискѣ не упоминается о письмахъ изъ Казанской и ближайшихъ къ ней губерній надо объяснить тѣмъ, что тамъ прочли извѣстіе «Волж. Вѣстника». Авторъ статьи въ «Каз. Телегр», предлагаетъ мысль объ открытіи въ Казани сбора пожертвованій на курсы; онъ напоминаетъ, что не такъ давно одна изъ гражданокъ Казани пожертвовала сотни тысячъ рублей на разныя потребности города, и выражаетъ надежду, что могутъ явиться крупныя пожертвованія и на основаніе курсовъ. А что если-бы въ Казани въ самомъ дѣлѣ осуществились высшіе курсы на частныя пожертвованія, съ уступкой отъ города зданія или участка земли, какъ Одесса уступаетъ его подъ медицинскій факультетъ, кто тогда былъ-бы впереди—Казань или Харьковъ, ассигновавшій 200 т. рублей на электрическое освѣщеніе?

Отъ университетовъ и высшихъ курсовъ перейдемъ къ школѣ народной. Существуетъ такой взглядъ на народное образованіе, что лишь-бы были школы, а хороши онѣ или плохи—это, будто-бы, вопросъ второстепенный. Взглядъ этотъ совершенно невѣренъ, такъ какъ плохая школа прямо вредна. Она не даетъ умственнаго развитія, а наоборотъ, притупляетъ природныя способности. Въ ней дѣти страдаютъ отъ зубренья необъясненныхъ имъ вещей, а часто и отъ грубаго, даже жестокаго обращенія. И взглядъ, будто школы должны быть «числомъ поболѣе, цѣною подешевле» вреденъ тѣмъ, что подъ вліяніемъ его заслоняется однимъ списочнымъ числомъ школъ дѣйствительная потребность народа въ образованіи. Порядочная школа легче возникаетъ тамъ, гдѣ нѣтъ никакой школы, нежели тамъ, гдѣ есть школа плохая... Нѣтъ, для распространенія въ народѣ образованія необходима не одна численность школъ, но и нѣкоторый хотя-бы минимумъ осмысленности и человѣчности преподаванія. Это мостовыя или шоссе можно измѣрять одними числами; каковы-бы они ни были, всетаки лучше, чѣмъ грязь по ось. А успѣхи народнаго образованія еще нельзя мѣрить одной численностью школьныхъ избъ. Иначе школа можетъ быть и такова, что лучше если-бы ея вовсе не было; тогда, по крайней мѣрѣ, знали-бы, что

въ такомъ-то округѣ совсѣмъ нѣтъ школъ и не утѣшались-бы тѣмъ, что въ спискахъ онѣ значатся.

Нашъ читатель любитъ «обличеніе», хотя-бы даже обличали кого-нибудь мелкаго и за дѣло мелкое, къ тому-же происшедшее въ разстояніи двухъ тысячъ верстъ отъ читателя. Но печать не всегда одинаково могла ему угождать въ этомъ отношеніи. Было такое время, когда представлялось небезопаснымъ даже обличать актера казенной труппы въ незнаніи роли. Затѣмъ наступило другое время, когда обличеніе—не выше извѣстныхъ ранговъ—стало возможнымъ и дѣйствительно процвѣло. Обличались даже исправники, а въ одномъ исключительномъ случаѣ (по поводу временнаго задержанія литератора Якушкина въ 1860 году или около того) былъ даже обличенъ самъ псковскій полицмейстеръ. Еще позднѣе условія опять измѣнились и хотя обличеніе осталось, но оно пріобрѣло совсѣмъ иной характеръ, пошло такъ сказать заднимъ ходомъ. Стали обличаться въ печати уже не городовые, квартальные, становые и т. д. вплоть до исправниковъ, однимъ словомъ—скромные, низшіе представители власти, но, наоборотъ, необлеченные никакой властью: литераторы—въ вольнодумствѣ и цѣлыя національности—въ сепаратизмѣ. Поле для этого обличенія новаго рода открылось широкое, ибо на кого-же нельзя взвесть обвиненіе въ вольнодумствѣ? Какъ извѣстно городничій обвинялъ Ляпкина-Тяпкина, что онъ въ Бога не вѣруетъ только за то, что тотъ не бралъ взятокъ. И какихъ инородцевъ невозможно подвергнуть обвиненію въ «стремленіи» къ сепаратизму? Почему, напр., русскій подданный, а называется Вильгельмъ Ѳедоровичъ? Почему не—Семенъ Андреевичъ, что гораздо проще? Да если еще разсмотрѣть, что значитъ Ѳедоровичъ, то на повѣрку окажется, что это замаскированный Фридриховичъ. А русскій подданный, носящій имя-отчество Вильгельма Фридриховича, это —разсуждая въ родѣ тѣхъ газетъ—явный выразитель тяготѣнія русскихъ нѣмцевъ къ Германской имперіи.

«Обличеніе» этого особаго рода недавно обратилось на армянъ. Армянъ вырѣзали тысячами въ Малой Азіи, армяне возстали въ Зейтунѣ и сами перебили сотни турокъ. Такой поводъ показался нѣкоторымъ—не турецкимъ, а русскимъ газетамъ самымъ подходящимъ для того, чтобы обличать русскихъ армянъ въ сепаратистическихъ стремленіяхъ, а всѣхъ армянъ вообще въ торгашествѣ, недобросовѣстности, захватѣ и т. п. Пошли въ ходъ презрительныя слова: «армяшки», «у всякаго армянина, будь онъ генераломъ, гдѣ-нибудь да непремѣнно есть лавочка» и т. п. Особенно отличилось столичное «Новое Время». Оно напало на армянъ съ большей энергіею, чѣмъ сколько ея выказали доселѣ турецкіе паши, которые пока все еще только созываютъ редифовъ, распускаютъ редифовъ и не платятъ жалованья редифамъ. «Новое Время» заговорило о стремленіи армянъ къ образованію Великой Арменіи до Ростова на Дону.

И вотъ, изъ этого-же, предполагаемаго будущаго нашего сопредѣльнаго

съ Великой Арменіей, города раздался протестъ противъ фельетона «Новаго Времени», подписаннаго Антикваріемъ. «Приазовскій Край» сопоставляетъ разсказы англійскихъ корреспондентовъ съ мѣстъ рѣзни съ выдумками и прибаутками сидящихъ въ Эртелевомъ переулкѣ Антикваріевъ. «Прилично-ли, согласно-ли съ элементарными требованіями христіанской морали—спрашиваетъ ростовская газета—въ такое время и въ виду такого вопіющаго трагизма положенія, создавать всякаго рода буффонады, имѣющія единственной цѣлью—затемнить дѣло и отвесть отъ него вниманіе общества въ сторону какихъ-то безплотныхъ призраковъ?»

Тифлисское «Новое Обозрѣніе» по тому-же предмету выступило съ опроверженіемъ по пунктамъ. «Новому Обозрѣнію» представляется страннымъ утвержденіе нѣкоторыхъ нашихъ газетъ, что весь армянскій вопросъ въ Турціи есть исключительно дѣло англичанъ. «Новое Обозрѣніе» разсуждаетъ такъ, что всѣ христіанскія народности Турціи постепенно завоевывали себѣ равноправность съ турками, а одни турецкіе армяне доселѣ «не заявляли серьезно своихъ правъ на гражданственность; но пришла очередь и за ними; и вотъ, англичане прекрасно поняли значеніе этого момента, чтобы воспользоваться имъ и разыграть роль передового защитника армянской націи». Въ статьѣ говорится еще, что, поддерживая армянское движеніе въ Турціи, «англичане менѣе всего руководствуются *сентиментализмомъ*, что въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія и въ данномъ случаѣ имъ есть *расчетъ* дѣйствовать такимъ образомъ»; газета признаетъ даже, что армянъ «желаютъ безжалостно эксплоатировать въ свою пользу Англія, Австрія и Италія». Только послѣ такихъ оговорокъ тифлисская газета приступаетъ къ опроверженію голословныхъ и несправедливыхъ обвиненій противъ армянъ, высказанныхъ въ «Новомъ Времени».

Не буду вдаваться въ политику. Скажу только, что всѣмъ извѣстна всегдашняя заботливость Англіи о сохраненіи цѣлости Турецкой имперіи, а тѣ планы, какіе приписываются Англіи въ данномъ случаѣ нашими, да отчасти и германскими газетами, кажутся слишкомъ фантастичными. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакого доказательства, что они существуютъ, а не просто выдуманы газетами для того, чтобы прикрыть нежеланіе серьезно поставить вопросъ, изъ-за котораго могли-бы произойти международныя затрудненія и паденіе цѣнъ на биржахъ. Но каковы-бы ни были виды британскаго правительства, съ ними не всегда можно смѣшивать—въ Англіи—голосъ общественнаго мнѣнія. Въ Англіи нѣтъ зависимой отъ правительства и внушаемой имъ печати, какъ напр. въ Германіи, и фальсифицировать общественное мнѣніе въ Англіи не такъ легко. Правда, при обыкновенномъ теченіи дѣлъ, англичанинъ вообще поддерживаетъ внѣшнюю политику своего правительства, считая себя обязаннымъ къ тому своей политической полноправностью, тѣмъ вліяніемъ, какое его частный голосъ можетъ имѣть на дѣла. Но бываютъ случаи, когда въ Англіи происходитъ настоящій взрывъ общественнаго мнѣнія,

совершенно независимо отъ видовъ правительства и передъ такимъ взрывомъ англійское правительство бываетъ принуждено уступать.

Такъ было во время рѣзни въ Болгаріи. Англійскія газеты первыя сообщили о нихъ и общественное мнѣніе въ Англіи заволновалось ранѣе, чѣмъ въ какой-либо странѣ; собирались митинги, учреждались комитеты, и правительство, ужъ, конечно, не желавшее раздувать дѣло, которое могло вызвать вмѣшательство Сербіи, и затѣмъ Россіи, принуждено было, однако, принять участіе въ представленіяхъ другихъ державъ. Во время крымской кампаніи англійскія газеты, совершенно вопреки желанію военнаго министерства, раскрыли неустройства госпитальной части въ англійской десантной арміи, и именно взрывъ общественнаго негодованія принудилъ правительство смѣнить разныхъ начальниковъ и вообще принять мѣры противъ безпорядка и злоупотребленій. Замѣтьте, я говорю не о политикѣ сентъ-джемскаго кабинета, но объ общественномъ мнѣніи въ Англіи. Совершенно несправедливо, будто оно всегда и во всемъ руководствовалось только расчетомъ и неспособно увлечься иногда и прямо мотивомъ человѣчности. Подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія въ англійскихъ колоніяхъ послѣдовала въ тридцатыхъ годахъ отмѣна невольничества, которое въ Соед. Штатахъ существовало еще при началѣ шестидесятыхъ годовъ. Подъ тѣмъ-же вліяніемъ принадлежавшие Англіи Іоническіе острова были присоединены къ греческому королевству. Развѣ и въ этихъ случаяхъ англичане, то-есть англійское общественное мнѣніе руководствовалось эгоистическимъ расчетомъ, а не интересомъ справедливости и человѣчности? Нѣкоторыя наши столичныя газеты совсѣмъ напрасно игнорируютъ правду въ вопросахъ иностранной политики, представляясь какъ будто онѣ вліяютъ на ходъ дѣлъ, словомъ—разыгрывая несуществующую роль русскихъ «Таймсовъ». Никакого вліянія онѣ имѣть не могутъ, и дипломатическая ихъ тенденціозность въ освѣщеніи фактовъ совершенно напрасна.

Кстати о «Приазовск. Краѣ», котораго мнѣніе по армянскому вопросу я привелъ. Въ одной изъ своихъ статей ростовская газета относится разумно къ вопросу справедливости уже не международной, а нашей внутренней, повседневной. Она указываетъ на остатки въ нашей административной практикѣ преданій эпохи дореформенной. Они проявляются, между прочимъ, въ разницѣ обращенія съ людьми разныхъ сословій. Въ противность судьямъ, которые всѣмъ говорятъ «вы», низшіе администраторы употребляютъ формы то прямо «пресмыкательныя», то пренебрежительныя, смотря по тому, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, хотя въ нашихъ законахъ не осталось никакой разницы въ правахъ по сословіямъ. «Ваше пр-во, сдѣлайте одолженіе, прошу присѣсть», такъ обращаются къ одному, а къ другому: «тебѣ что? куда лѣзешь? подожди, не суйся, я тебѣ сказалъ». «Выбирая *ты* или *вы* для сношенія съ просителями—говоритъ газета—чиновники руководствуются исключительно наружностью даннаго лица и настроеніемъ своего духа... Нормально-ли

такое явленіе? Вѣдь всякій человѣкъ, надѣнетъ-ли онъ праздничный костюмъ, или рабочій, одинаково дорожитъ своимъ достоинствомъ, какъ равно одинаково оскорбляется грубымъ съ нимъ обращеніемъ на почтѣ, въ полицейскомъ управленіи или въ конторѣ государственнаго банка». По мнѣнію ростовской газеты, «воспрещеніе всѣмъ должностнымъ лицамъ говорить кому-бы то ни было *ты* освободило-бы отъ незаслуженнаго оскорбленія множество нашихъ гражданъ». Можетъ быть, и было-бы полезно прямое въ такомъ смыслѣ указаніе. Если-бы низшіе агенты узнали, что даже «ты» говорить не слѣдуетъ людямъ въ бѣдной одеждѣ, то сколько-нибудь очеловѣчились-бы и другіе пріемы.

Извѣстно, напр., что «пріемы» съ простыми людьми при «препровожденіи» въ участокъ, а въ особенности въ ночное время, при уличныхъ разборахъ разнаго рода съ извозчиками, падшими женщинами, съ пьяными, еще и въ столицахъ оставляютъ желать многаго. Затѣмъ изъ судебныхъ дѣлъ видно, что иные низшіе полицейскіе чины при дознаніяхъ прибѣгаютъ прямо къ побоямъ въ видѣ пытки и даже къ истязаніямъ, которыя одни только и могутъ въ такихъ случаяхъ доходить до судовъ. Таково, напр., разбиравшееся недавно въ казанской судебной палатѣ дѣло урядника, Яранскаго уѣзда, Луппова, которое привожу по «Нижегородскому Листку» 21 ноября. Крестьянинъ Прохоровъ былъ заподозрѣнъ въ кражѣ 25 р. Призванный урядникъ Лупповъ началъ дознаніе съ двухъ заданныхъ Прохорову пощечинъ, потомъ схватилъ его за волосы и билъ головой о печку, приговаривая «отдавай деньги». Прохоровъ утверждалъ, что не кралъ денегъ. Тогда урядникъ велѣлъ раздѣть его до нага, поставилъ колѣнями на горохъ и стегалъ его шерстобитной струной, потомъ раздѣли и жену Прохорова и, подвѣсивъ ихъ подъ потолокъ, били нагайкой и палками по пятамъ. Когда несчастные, не выдержавъ пытки, объявили, что деньги спрятаны на дворѣ, ихъ голыхъ вывели на дворъ—искать похищенное. Тогда собралась толпа и отняла у Луппову жену Прохорова, а этого послѣдняго урядникъ продолжалъ истязать до того, что тотъ наконецъ, вырвавшись, бросился въ колодецъ, откуда его вытащили крестьяне. Лупповъ призналъ себя виновнымъ, но дѣло было отложено, такъ какъ на судѣ оказалось, что Прохоровъ, вслѣдствіе причиненныхъ ему истязаній, сталъ калѣкой, о чемъ не было упомянуто въ слѣдственномъ производствѣ.

Сходное, только еще болѣе печальное по своимъ послѣдствіямъ дѣло разсматривалось недавно въ петербургской судебной палатѣ («Гражданинъ» № 311). Крестьянинъ Рѣжицкаго уѣзда Брокъ былъ заподозрѣнъ въ кражѣ куска холста. Урядникъ Адамовъ началъ допросъ съ битья по лицу, а затѣмъ съ помощью сотскаго и десятскихъ билъ Брока по чему попало нагайкой, привязалъ ему руки къ пяткамъ, а подъ колѣни привязалъ колъ и въ такомъ видѣ велѣлъ бросать его кверху. «Проработавъ» надъ жертвою до вечера, урядникъ ушелъ, поручивъ другимъ продолжать истязаніе. На другой день урядникъ началъ опять самъ дозна-

ніе, при чемъ Брока колотили полѣномъ по головѣ и т. д. Подъ побоями онъ и умеръ. Тогда Адамовъ велѣлъ его повѣсить въ амбарѣ и донесъ становому о нахожденіи трупа неизвѣстнаго самоубійцы. Пріѣхали становой приставъ Пьянковъ и уѣздный врачъ Елизаровъ и, несмотря на то, что трупъ былъ покрытъ множествомъ шрамовъ, кровоподтековъ и ссадинъ, составили актъ о самоубійствѣ. Врачъ произвелъ вскрытіе и ничего не нашелъ, а становой не догадался у кого разузнать о покойномъ. Между тѣмъ, когда уже послѣ нѣкотораго времени для новаго дознанія, вслѣдствіе доноса, пріѣхалъ жандармскій офицеръ, то и на сильно уже разложившемся трупѣ были найдены слѣды истязаній, а на судъ были вызваны 47 свидѣтелей, которые удостовѣрили какъ пытку, такъ и повѣшеніе трупа и еще «разсказывали о разнаго рода подобныхъ пыткахъ». Оказалось, что холстъ былъ украденъ инымъ лицомъ и Брокъ погибъ невинно. Палата приговорила урядника Адамова, сотскаго и десятскихъ къ лишенію всѣхъ правъ и арестантскимъ ротамъ на 2 года и 8 мѣсяцевъ. Становой и уѣздный врачъ суду не подвергались.

Понятно, что о насильственныхъ дѣйствіяхъ при дознаніи можетъ доходить до суда лишь въ тѣхъ относительно рѣдкихъ случаяхъ, когда дѣло происходило при многихъ свидѣтеляхъ и окончилось изувѣченіемъ или смертью. А побои? Едва-ли не каждое дознаніе надъ простыми людьми начинается урядниками съ пощечинъ. Теперь, когда многія земства стали ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній по суду, необходимо напомнить, что бываютъ, удостовѣряемые судебными дѣлами, случаи жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, производимыхъ совершенно самовольно, до суда, которымъ подвергаются и невинные. У насъ въ такихъ случаяхъ готово возраженіе: таковы нравы, противъ нравовъ ничего не подѣлаешь, надо чтобы прежде измѣнились нравы. Но почему-же «нравами» объяснять только истязанія и вообще насиліе? Вѣдь и воровство настолько-же въ нравахъ, однако принимаются-же противъ него предупредительныя мѣры: ставятъ сторожей, дѣлаютъ обходы.

Здѣсь кстати будетъ помѣстить выписку изъ циркуляра, разосланнаго чинамъ городской и уѣздной полиціи орловскимъ губернаторомъ и напечатаннаго въ № 312 «Орловскаго Вѣстника». «Нѣкоторые полицейскіе чины, удаливъ отъ себя своихъ законныхъ женъ, оставивъ на произволъ судьбы дѣтей, сами къ явному соблазну населенія живутъ съ наложницами на правахъ мужей; другіе чины предаются распутству и пьянству въ гостинницахъ и меблированныхъ комнатахъ; иные, ведя развратную жизнь, недозволенными поборами и приношеніями покрываютъ свои чрезмѣрные расходы и нѣкоторые покушались на присвоеніе и растрату ввѣренныхъ имъ по службѣ денегъ». Удаливъ отъ службы болѣе виновныхъ, а съ менѣе виновныхъ взыскавъ иначе, начальникъ Орловской губерніи объявляетъ, что «ни одинъ изъ чиновъ полиціи, замѣченныхъ въ мотовствѣ, пьянствѣ, взяточничествѣ, развратѣ или плохой семейной жизни не только не можетъ разсчитывать на какое-либо

повышеніе или награду, но при первой законной жалобѣ или сообщеніи будетъ уволенъ отъ службы». Нельзя не пожелать, чтобы и въ болѣе значительныхъ чѣмъ Орелъ городахъ не существовало ничего похожаго на то, что тамъ прямо обнаружено начальникомъ губерніи.

«Волгарь» приноситъ печальное для «Гражданина» извѣстіе: практика розги ослабѣваетъ. Изъ данныхъ нижегородскаго губернскаго присутствія видно, что со времени введенія учрежденія земскихъ начальниковъ, волостными судами было постановлено приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи: въ концѣ 1890 и въ 1891 годахъ 1,899, въ 1892 г. 979, въ 1893 г. 553, а въ 1894 г. 540. Въ дѣйствительности-же приведено было такихъ приговоровъ въ исполненіе за тѣ-же годы: 873, 403, 208 и 154. Остальные или не были утверждены земскими начальниками, или не были исполнены по другимъ причинамъ. Крестьянамъ менѣе больно, но за то больно «Гражданину». Дѣло столь блестяще начатое съ сентября 1890 по 1 января 1892 года, когда были постановлены въ Нижегородской губерніи 1,899 экзекуцій, сошло въ дѣйствительности въ прошломъ году всего на 154! Не оттого-ли «Гражданинъ» уменьшаетъ и число дней своего выхода въ году?

Извѣстно, что англійское законодательство не допускаетъ отмѣны уголовнаго приговора и возстановленія добраго имени осужденнаго, хотя-бы впослѣдствіи невинность его и стала очевидною. Наши законы допускаютъ пересмотръ дѣла въ случаѣ если обстоятельства раскроютъ невинность или укажутъ на иного виновнаго, съ возстановленіемъ невинно-осужденнаго въ правахъ. Но и у насъ не установлено закономъ, чтобы въ такомъ случаѣ для невинно пострадавшаго испрашивалось какое-либо вознагражденіе. Тотъ-же «Волгарь» объявилъ о сборѣ пожертвованій въ пользу старика крестьянина Сутина, который прибылъ въ Нижній изъ Сибири, гдѣ онъ безвинно отбылъ 6 лѣтъ каторжныхъ работъ и 24 года ссылки. Въ 1865 году въ одной деревнѣ Княгининскаго уѣзда сгорѣла у старосты клѣть. Сутина нашли на мѣстѣ и судили военнымъ судомъ, такъ какъ въ это время ходили остроумныя подозрѣнія, что въ Нижегородской губерніи деревни жгли поляки. Сутина приговорили къ разстрѣлянію, но генералъ-губернаторъ замѣнилъ казнь каторжною работой. Минувшимъ лѣтомъ, односельчанинъ этого несчастнаго покаялся передъ смертью, что клѣть была сожжена имъ, умирающимъ, и что Сутинъ пострадалъ безвинно. Получивъ извѣщеніе объ этомъ, онъ подалъ просьбу и ему были возращены свобода и всѣ права. Тридцати ссыльныхъ лѣтъ возвратить невозможно, но Сутину не дали никакихъ средствъ къ жизни и онъ въ Нижній притащился пѣшкомъ. Едва-ли кто станетъ оспаривать, что въ такихъ, во всякомъ случаѣ рѣдкихъ случаяхъ, когда все-равно нельзя вполнѣ вознаградить человѣка безвинно пострадавшаго, слѣдовало-бы сдѣлать для него на счетъ государства что-нибудь серьезное, дать ему пенсію или сколько-нибудь значительную сумму, которую онъ могъ-бы оставить своимъ близкимъ. Когда по винѣ частнаго желѣзнодорож-

наго или фабричнаго управленія человѣкъ лишается ноги или теряетъ здоровье, то суды, которые не могутъ возвратить ему ногу или здоровье, присуждаютъ ему, однако, вознагражденіе въ видѣ пожизненной пенсіи на счетъ виновныхъ въ неосторожности. Совершенно на томъ-же основаніи и въ томъ случаѣ, когда виновной въ неосторожности, которая разбила жизнь человѣка, оказывается сама юстиція (такъ какъ ошибки всегда возможны), передъ государствомъ является обязанность обезпечить его на остальную жизнь, замѣнить изъ своихъ средствъ то, что невинно-осужденный могъ заработать для своей семьи. Вѣдь 6 лѣтъ каторжной работы и 24 года ссылки, по меньшей мѣрѣ, стоютъ потери ноги.

Болѣе человѣчности—вотъ о чемъ прежде всего надо заботиться. Не разъ мнѣ уже случалось напоминать, что законъ, воспрещающій малолѣтнимъ ночную работу на фабрикахъ и ограничивающій часы ея днемъ, нисколько не примѣняется къ работѣ учениковъ и ученицъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ. «Минскій Листокъ» указываетъ прямо на ремесленныя заведенія въ Минскѣ, въ которыхъ работа производится подмастерьями и учениками въ два часа ночи и позже, прибавляя, что у портныхъ работа производится по цѣлымъ днямъ и ночамъ, большей частью малолѣтними, начиная отъ 8 лѣтъ. При этомъ газета напоминаетъ и о жестокомъ обращеніи хозяевъ съ этими дѣтьми, которыхъ непосильный трудъ запроданъ хозяевамъ родителями и для которыхъ нѣтъ спасенія ни откуда, что-бы съ нимъ ни дѣлали. А въ Петербургѣ и Москвѣ что происходитъ въ модныхъ мастерскихъ и бѣлошвейныхъ особенно передъ праздниками? Полиція зорко наблюдаетъ за соблюденіемъ часовъ закрытія трактирныхъ заведеній и портерныхъ. Обнаруженіе торговли въ нихъ хотя-бы получасомъ послѣ установленнаго времени, при закрытыхъ дверяхъ и окнахъ, непремѣнно ведетъ къ закрытію самыхъ заведеній. Но никто не интересуется провѣркою, соблюдается-ли у портнихъ и въ другихъ мастерскихъ законъ, запрещающій работу малолѣтнихъ свыше 12 часовъ и въ ночное время. Для этого необходимо было-бы собирать свѣдѣнія и по временамъ посѣщать мастерскія ночью, особенно если является сомнѣніе. Что важнѣе: будутъ-ли выпиты въ трактирахъ лишняя тысяча рюмокъ водки послѣ полуночи, или лишняя тысяча дѣтей, обремененныхъ непосильнымъ трудомъ, будутъ вогнаны въ чахотку? Послѣднее составляетъ бѣдствіе и допущеніе жестокости съ дѣтьми есть явленіе постыдное для общества. Въ нынѣшнюю осень были въ Петербургѣ два совершенно одинаковыхъ случая: дѣвочки, получившія нѣкоторое образованіе, были потомъ отданы—по нуждѣ или по нелюбви родственниковъ—въ ученье въ модные магазины и обѣ, вслѣдствіе грубаго и жестокаго обращенія, выбросились изъ оконъ.

Но трактиры и водка—это ужъ такіе интересные въ разныхъ отношеніяхъ предметы, что на нихъ обращается особое вниманіе. Дѣло денежное, стало быть любопытное и для того, кто не пьетъ. Любопытно хотя-бы и то, что по показаніямъ статистики общее по-

требленіе спиртныхъ напитковъ за послѣднее десятилѣтіе у насъ уменьшилось, а повсемѣстное бытописаніе удостовѣряетъ, что пьяныхъ ничуть не стало меньше. По офиціальнымъ цифрамъ, приведеннымъ въ «Вѣстникѣ Трезвости», средній размѣръ потребленія водки для Европейской Россіи уменьшился съ 1883 по 1894 г.г. на 1,04 ведра и составляетъ 2,34 ведра на душу. Однако, если исключить дѣтей и большинство женщинъ, то и это—размѣръ весьма почтенный. По расчету статьи, населеніе въ 1893 году издержало на водку 562 милл. рублей. Если эту сумму раздѣлить на четверть населенія, представляющую мужчинъ въ молодомъ и среднемъ возрастѣ, то на каждаго человѣка придется въ среднемъ болѣе 20 рублей расхода на водку. Но это еще ничего. Извѣстно, что среднее потребленіе спиртныхъ напитковъ на душу въ другихъ странахъ выше, чѣмъ въ Россіи. Особенность нашего потребленія заключается въ его неравномѣрности. Наши 2,34 ведра на душу представляютъ собой не ежедневную рюмку вина съ пищей, а почти цѣликомъ именно — пьянство. Для борьбы съ пьянствомъ основательно разсчитываютъ на школу. Но и въ этомъ отношеніи, повторю, можно разсчитывать только на такую школу, которая даетъ нѣкоторое умственное развитіе, а не одно механическое усвоеніе чтенія и письма. Одна грамотность, по всѣмъ наблюденіямъ, нисколько не отвращаетъ отъ пьянства.

Кстати, по поводу обученія грамотѣ, упомяну о письмѣ калужскихъ учителей въ «Недѣлю» о необходимости, въ интересахъ распространенія грамотности, изгнанія изъ русскаго алфавита буквъ *ѣ*, *і*, *ѳ*, *ѵ* и *ъ*. «Въ начальныхъ школахъ—писали учителя—болѣе половины всего времени, отводимаго на обученіе правописанію, тратится на пріобрѣтеніе навыка правильнаго употребленія буквы ѣ... Не лучше-ли дать ученикамъ навыкъ дѣйствительно необходимый—ясно излагать свои мысли, такъ какъ кончившіе курсъ народной школы нерѣдко не могутъ толково написать письма?» А между тѣмъ, объясняется далѣе, и тотъ учитель, который понимаетъ это, не можетъ не тратить много времени на пріученіе къ употребленію той, совершенно лишней буквы, такъ какъ если ученикъ при экзаменѣ напишетъ напр. «белый», то онъ окажется недостойнымъ свидѣтельства объ окончаніи курса.

Совершенно справедливо. Бѣдныя дѣти долбятъ слова съ буквой *ѣ*, а у насъ на нихъ еще мода мѣняется, точно курсъ кредитнаго рубля. То пишутъ «лекарь, изреченіе», то «лѣкарь, изрѣченіе», то снова попрежнему. Не мѣшало-бы изгнать еще и буквы *э* и *щ*. Если мы произносимъ «Лёвъ», а пишемъ «Левъ», то точно также можемъ произносить «этотъ», а писать «етотъ». Вѣдь все равно мы пишемъ гласныя не точно по произношенію, не пишемъ «галава», «звёздъ» и т. д. Стало быть, рѣдко употребляемое *э* совсѣмъ излишне и только обременяетъ учениковъ. Излишне и *щ*. Если можно писать «счастье», то совершенно стольже удобно писать «шчавель». Присоединивъ эти двѣ буквы къ проск-

рипціонному списку, составленному калужскими учителями, мы значительно и безъ всякаго неудобства для ясности письма облегчили-бы изученіе русскаго алфавита. Скажутъ, пожалуй, что *э* необходнмо для чистоты произношенія словъ иностранныхъ. Но вѣдь мы-же не пишемъ «тэрминологія», «Рэйнъ», даже и въ началѣ словъ не всегда употребляемъ *э*; напр. «Елисейскій дворецъ». Вообще гоняться за близкимъ къ произношенію правописаніемъ словъ иностранныхъ напрасно, такъ какъ цѣль эта все равно не можетъ быть достигнута. Зато необходимо было-бы условиться окончательно относительно писанія прилагательныхъ географическихъ заглавными или обыкновенными буквами. Какой смыслъ писать «Новгородская губернія» или «Новгородскій уѣздъ», когда рядомъ пишется «русская имперія», «французская республика?» Пишутъ: «Новгородская» губернія, но смѣшны были-бы «Новгородскія кружева». А между тѣмъ, слово-то во всякомъ случаѣ означаетъ мѣстность. Встрѣчается еще и такой варіантъ: «московской губерніи Можайскаго уѣзда». Положимъ, бѣды отъ этого нѣтъ, но всетаки путаница, затрудняющая ученье.

Л. Прозоровъ.

Земское и городское самоуправленіе.

I.

Наступившій годъ, судя по разнымъ сообщеніямъ газетъ, можетъ оказаться болѣе благопріятнымъ для развитія земскаго и городского самоуправленія, чѣмъ тѣ предшествовавшіе ему годы, которые установили рѣзкое различіе между «старымъ» и «новымъ» земствомъ. Это различіе неоднократно выяснялось на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника» по разнымъ поводамъ и обстоятельствамъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что все различіе въ данномъ случаѣ должно быть сведено къ благопріятному положенію «стараго» земства и менѣе благопріятному положенію «новаго» земства. По части неблагопріятныхъ условій между старымъ и новымъ земствомъ имѣется въ одномъ существенномъ пунктѣ близкая родственная связь. Какъ прежде, такъ и теперь земское и городское самоуправленіе является исключеніемъ, допускаемымъ только на опредѣленной части территоріи. Въ этомъ отношеніи между земскимъ и городскимъ самоуправленіемъ различіе состоитъ лишь въ томъ, что первое дѣйствуетъ на меньшей территоріи, второе—на большей, но то и другое самоуправленіе одинаково являются исключеніемъ, допускаемымъ только для извѣстной, хотя-бы то громадной, части территоріи. Такой густо населенный и весьма культурный районъ, какъ привислянскій край, и до сихъ поръ лишенъ городского самоуправленія, не говоря уже о земскихъ учрежденіяхъ. На всемъ громадномъ пространствѣ отъ Днѣпра до западной границы до сихъ поръ еще дѣйствуетъ та система мѣстнаго управленія, которая въ принципѣ по меньшей мѣрѣ не одобрена офиціально уже въ одномъ простомъ фактѣ изданія положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Тѣмъ не менѣе Кіевъ и тотъ до сихъ поръ остается въ числѣ неземскихъ городовъ. Затѣмъ на востокѣ Кавказъ и Сибирь ждутъ, что и на нихъ будетъ распространена та система мѣстнаго самоуправленія, которая офиціально въ принципѣ признана болѣе практичной и болѣе совершенной, разъ она введена въ русскихъ губерніяхъ.

Эти далеко не безосновательныя надежды обывателей Сибири и Кавказа, повидимому, не стоятъ на первой очереди, несмотря на едва-ли оспариваемую ихъ неотложность. Судя по разнымъ газетнымъ извѣстіямъ, можно предполагать, что на первую очередь поставленъ весь громадный районъ, расположенный по ту сторону Днѣпра по берегу Балтійскаго моря вплоть до западной границы. Представимъ себѣ, что, вопреки отраднымъ газетнымъ извѣстіямъ, именно на этотъ районъ не будетъ распространено земское и городское самоуправленіе. Въ такомъ случаѣ земское и городское самоуправленіе всетаки будетъ оставаться исключеніемъ, допускаемымъ только для извѣстной части территоріи. Повидимому, ничто не мѣшаетъ бросить нѣсколько примитивную точку зрѣнія чисто ариѳметическаго подсчета, примѣняемаго тамъ, гдѣ онъ не долженъ имѣть мѣста. Какое-нибудь «Русское Обозрѣніе» путемъ ариѳметическаго подсчета можетъ придти къ тому «грустному» для него выводу, что земское и городское самоуправленіе на территоріи Европейской Россіи является общимъ правиломъ, а отсутствіе того и другого самоуправленія—исключеніемъ. Но вѣдь никто не мѣшаетъ «журналу» (будь такъ сказано) утѣшиться и перемѣнить точку зрѣнія. Вмѣсто простого подсчета тѣхъ губерній, гдѣ дѣйствуетъ земское и городское самоуправленіе, и тѣхъ, гдѣ оно не дѣйствуетъ, можно остановить свое вниманіе на той мысли, что общимъ, нормальнымъ порядкомъ можно признать лишь такой порядокъ, который составляетъ неотъемлемое достояніе всего населенія. Тотъ-же порядокъ, изъ котораго вообще допускаются изъятія, уже въ силу допущенія этихъ изъятій, теряетъ характеръ общаго порядка и становится исключеніемъ. Въ принципіальномъ отношеніи для признанія того или иного порядка нормальнымъ или исключительнымъ важенъ самый фактъ допущенія изъятій, а не количество населенія и не размѣръ территоріи, на которыя распространяются изъятія. Юристъ-буквоѣдъ, конечно, увидитъ тутъ доказательство полнаго незнакомства съ той юридической азбукой, для которой нерѣдко «право» стоитъ впереди всего, а человѣкъ съ своей живой душой — послѣ всего. Всѣ «элементарныя истины» юридической азбуки, служащія опорой для изъятій и исключеній, могутъ оставаться достояніемъ юристовъ, а обычный смертный можетъ лишь пожелать, чтобы юристы не горѣли желаніемъ подѣлиться своимъ достояніемъ съ общественной жизнью. Обычный смертный не пойметъ, по какимъ соображеніямъ, въ интересахъ законности и порядка, на извѣстныхъ частяхъ территоріи должно быть устраняемо мѣстное самоуправленіе. Обычному смертному доступна та простая истина, что мѣстное самоуправленіе служитъ лучшей школой для воспитанія населенія «въ духѣ порядка и законности». Нежеланіе допустить населеніе въ эту школу является совершенно непонятнымъ именно со стороны тѣхъ органовъ печати, которые выше всего ставятъ дисциплинированіе населенія въ духѣ «порядка и законности». Уловляя враговъ порядка и законности, эти органы печати прежде всего должны выдать головой самихъ

себя. На такое благородство у нихъ, конечно, не хватитъ храбрости. Наоборотъ, подъ предлогомъ служенія порядку и законности, они всячески одобряютъ дѣйствія, прямо направленныя противъ порядка и законности.

Для такой провокаторской печати сессіи земскихъ собраній стали давать поводъ къ особенной плодовитости на разныя вызывающія статьи. Въ данный моментъ предъ нами лежитъ цѣлая серія номеровъ московской газеты, стоящей за порядокъ и законъ, и всѣ эти номера наполнены статьями, въ которыхъ предсѣдатели земскихъ собраній приглашаются къ нарушенію порядка и законности на земскихъ собраніяхъ. Любое уклоненіе предсѣдателя отъ безпристрастнаго и законнаго исполненія имъ своихъ обязанностей вызываетъ на столбцахъ газеты массу одобреній и похвалъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы поводы къ такимъ похваламъ и одобреніямъ представлялись для газеты въ видѣ какихъ-либо единичныхъ исключеній. Предсѣдатели, забывающіе о своихъ законныхъ обязанностяхъ, повидимому, входятъ въ моду.

Предсѣдатель въ какомъ-либо собраніи имѣетъ свое весьма опредѣленное назначеніе и къ числу его функцій не относится сокращеніе правъ и предѣловъ компетенціи того самаго собранія, въ которомъ онъ предсѣдательствуетъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы случаи обратнаго отношенія предсѣдателей земскихъ собраній къ своей роли и назначенію въ послѣднее время не поселяли многихъ недоразумѣній. На послѣднемъ полтавскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи было затрачено не мало времени на установленіе соглашенія между земскимъ собраніемъ и его предсѣдателемъ. Собраніе слушало докладъ ревизіонной комиссіи и всѣ предложенія комиссіи принимались единогласно. Очередь дошла до того предложенія комиссіи, въ которомъ она совѣтуетъ уѣздному земскому собранію возбудить ходатайство объ освобожденіи отъ тѣлесныхъ наказаній всѣхъ окончившихъ курсъ народной школы. Предсѣдатель собранія уѣздный предводитель дворянства, князь М. А. Эристовъ, призналъ это предложеніе комиссіи неподлежащемъ обсужденію земскаго собранія, такъ какъ оно затрогиваетъ вопросъ общегосударственнаго характера, а вопросы общегосударственнаго характера, по мнѣнію М. А. Эристова, выходятъ за предѣлы компетенціи земскихъ собраній. Члены комиссіи доказываютъ, что ихъ предложеніе вызывается соображеніями и заботами о «мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ». Предсѣдатель управы г. Старицкій обращаетъ вниманіе предсѣдателя собранія на тотъ фактъ, что тотъ-же самый вопросъ надняхъ обсуждался въ другихъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ и рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Предсѣдатель собранія всѣ эти доводы признаетъ для себя неубѣдительными. Наконецъ, одинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, контръ-адмиралъ К. С. Старицкій, предложилъ мотивировать ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній слѣдующимъ образомъ: «полтавское земство, находя, что народное образованіе въ Полтавскомъ уѣздѣ, благодаря заботамъ мѣстнаго земства, достигло въ настоящее время такого высокаго

уровня, что примѣненіе тѣлеснаго наказанія къ населенію, прошедшему школу, не соотвѣтствуетъ этому уровню, ходатайствуетъ объ освобожденіи отъ тѣлесныхъ наказаній лицъ, окончившихъ начальную школу въ Полтавскомъ уѣздѣ».

Такая редакція ходатайства, а, быть можетъ, и чинъ ея автора, подѣйствовали на предсѣдателя и онъ согласился, что въ такой формѣ ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній не нарушаетъ предѣловъ компетенціи земскаго собранія. Такимъ образомъ инцидентъ благополучно закончился въ пользу ходатайства, но онъ могъ закончиться и не въ пользу ходатайства, вопреки желанію земскаго собранія. Простая игра словами спасла ходатайство и помогла земскому собранію устоять на высотѣ тѣхъ обязанностей, которыя возлагаются на него закономъ. Грозное ходатайство «общегосударственнаго» характера сразу-же оказалось ходатайствомъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ только благодаря тому, что оно было редактировано съ частымъ повтореніемъ слова «полтавскій». Значитъ, при редактированіи любого ходатайства, заподозрѣннаго въ общегосударственномъ его значеніи, достаточно послѣ каждаго слова добавлять прилагательныя «полтавскій», «черниговскій», «пошехонскій» въ разныхъ родахъ и падежахъ, чтобы избавить земство отъ подозрѣній въ покушеніи на нарушеніе отмежеванныхъ ему предѣловъ компетенціи. Конечно, отъ той или иной формы смыслъ изложенія самого ходатайства не измѣняется и оно должно быть признаваемо подлежащимъ обсужденію земскаго собранія именно по своему содержанію, а не по той формѣ, въ которой это содержаніе изложено. Въ противномъ случаѣ, любой предсѣдатель земскаго собранія можетъ заявить, что въ данной редакціи ходатайство не можетъ быть допущено до обсужденія его земскимъ собраніемъ, и земское собраніе, вмѣсто исполненія возложенныхъ на него обязанностей, будетъ проводить время въ подысканіи такой редакціи для ходатайства, въ которой оно понравилось-бы г. предсѣдателю собранія. Земство обязано посылать ходатайства о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ населенія и заинтересовано редактировать свои ходатайства ясно и убѣдительно. Земство, обязанное заботиться о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, возбуждая то или иное ходатайство во имя своихъ законныхъ обязанностей, не должно стѣсняться тѣмъ, что данное ходатайство можетъ имѣть общегосударственное значеніе.

Въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» подробно разбирался вопросъ о правѣ земскихъ собраній посылать ходатайства, имѣющія общегосударственное значеніе. Законъ не запрещаетъ земству посылать такія ходатайства, и сенатъ не разъ уже разъяснялъ, что земство, по дѣйствующему законодательству, имѣетъ право возбуждать ходатайства, имѣющія общегосударственное значеніе. Мало того, сенатъ въ своемъ рѣшеніи по протесту полтавскаго губернатора прямо заявляетъ, что земство имѣетъ право возбуждать ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ [1]). Это

[1]) См. статью „Земскія дѣла“ въ „Сѣв. Вѣстн.“, іюль 1895 г.

рѣшеніе сената было опубликовано въ «Собраніи узаконеній» для «всеобщаго свѣдѣнія и руководства» и съ нимъ должно сообразоваться чье-бы то ни было личное усмотрѣніе, а въ томъ числѣ и усмотрѣніе любого предсѣдателя любого земскаго собранія.

Конечно, рѣшенія Сената и дѣйствующее законодательство могли и не дойти до свѣдѣнія предсѣдателя полтавскаго уѣздн. земскаго собранія. Но предсѣдатель земскаго собранія, незнакомый съ законами, опредѣляющими права и обязанности земскихъ собраній, едва-ли можетъ быть признанъ особенно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для земскаго собранія. Предсѣдательствующій на собраніи земскихъ людей и незнакомый съ правами и обязанностями этого собранія и этихъ людей не можетъ быть признанъ земскимъ человѣкомъ. Судьба любаго изъ тѣхъ постановленій, которыя были-бы желательны для земскаго собранія, становится весьма капризной и до того капризной, что постановленія, признаваемыя необходимыми большинствомъ гласныхъ, могутъ быть не допущены единолично однимъ предсѣдателемъ собранія. Само-собою понятно, что предсѣдатель, не знакомый съ законами, опредѣляющими права и обязанности земскихъ собраній и съ рѣшеніями Сената, разъясняющими смыслъ этихъ законовъ, не можетъ руководить преніями по закону, а будетъ руководствоваться своимъ усмотрѣніемъ, своими тенденціями, слухами и т. д. Тенденціозность предсѣдателя полтавскаго уѣзднаго земскаго собранія не нуждается въ поясненіи. Въ этомъ-же полтавскомъ инциндентѣ обрисовывается и основная причина тенденціознаго отношенія предсѣдателей собранія къ правамъ земскаго собранія.

Предсѣдателемъ земскаго собранія ex oficio является предводитель дворянства. Лицо, избранное предводителемъ дворянства, eo ipso становится и предсѣдателемъ земскаго собранія. Такимъ образомъ, предсѣдатель земскаго собранія избирается не земскимъ, а дворянскимъ собраніемъ. При выборѣ въ предводители дворянства принимаются во вниманіе такія соображенія (главнымъ образомъ богатство), которыя еще ровно ничего не говорятъ о пригодности даннаго лица быть предсѣдателемъ земскаго собранія. Можно безошибочно утверждать, что дворяне, выбравшіе данное лицо въ предводители, при выборѣ предсѣдателя земскаго собранія избрали-бы другое лицо. И этотъ вопросъ о земскомъ предсѣдателѣ земскаго собранія, избираемомъ самимъ-же земскимъ собраніемъ, теперь уже является необходимымъ разрѣшить въ утвердительномъ смыслѣ. Если дворяне признаются способными избрать себѣ предводителя, то тѣ же самые дворяне, изъ которыхъ почти исключительно подбирается составъ земскихъ гласныхъ, могутъ быть признаны способными избрать и предсѣдателя земскаго собранія. И это освобожденіе предводителей дворянства отъ обязанностей предсѣдателя въ земскомъ собраніи является для многихъ изъ нихъ весьма желательнымъ.

Мы лично знаемъ такихъ предводителей дворянства, которые признаютъ для себя стѣснительнымъ исполнять обязанности предсѣдателя зем-

скаго собранія именно по званію предводителя дворянства. Предсѣдатель земскаго собранія, долженъ признавать себя не столько земскимъ человѣкомъ, призваннымъ отстаивать права земскаго собранія, сколько предводителемъ дворянства, пользующимся правами предсѣдателя независимо отъ воли земства. Вотъ почему нѣкоторые предводители дворянства болѣе охотнѣе выступаютъ въ роли земскаго гласнаго, которая не стѣсняетъ ихъ въ отстаиваніи земскихъ точекъ зрѣнія при обсужденіи тѣхъ или другихъ вопросовъ. Губернскій предводитель дворянства является предсѣдателемъ губернскаго земскаго собранія и въ то-же самое время онъ можетъ быть уѣзднымъ гласнымъ. Въ роли уѣзднаго гласнаго на уѣздномъ земскомъ собраніи губернскій предводитель чувствуетъ себя сравнительно свободнымъ отъ своего важнаго офиціальнаго положенія и иногда стойко защищаетъ обще-земскіе интересы. Но тотъ-же предводитель, исполняя по обязанности функціи предсѣдателя губернскаго земскаго собранія, чувствуетъ себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ и призваннымъ не къ выясненію земскихъ нуждъ и вопросовъ, а къ наблюденію и надзору за тѣмъ, чтобы земскія точки зрѣнія не выходили изъ «предѣловъ.» Въ то-же самое время, тотъ-же предводитель дворянства на дворянскомъ собраніи не призванъ ставить въ извѣстные предѣлы дворянскія и явно не земскія точки зрѣнія, а наоборотъ, долженъ самъ открывать широкій просторъ этимъ явно не земскимъ точкамъ зрѣнія. Если на дворянскомъ собраніи поднимается разговоръ объ облегченіи сборовъ, падающихъ на дворянъ, то предводителю всего естественнѣе поставить на обсужденіе вопросъ о томъ, не слѣдуетъ-ли вообще дворянъ освободить отъ всякихъ сборовъ и налоговъ. Очевидно, лицо, призванное охранять интересы одного сословія, не можетъ быть въ то-же самое время и защитникомъ земскихъ интересовъ. Эти трудно сочетаемыя обязанности сплошь и рядомъ ставятъ предводителя въ безвыходное положеніе: онъ бываетъ вынужденъ забывать или о своей роли предводителя дворянства, или о своей роли предсѣдателя земскаго собранія. Быть можетъ, изъ такого положенія нашелся-бы вполнѣ свободный выходъ при упраздненіи сословнаго дворянскаго самоуправленія, но онъ можетъ быть найденъ и при избраніи земскаго предсѣдателя самимъ-же земскимъ собраніемъ. Въ такомъ случаѣ былъ-бы сдѣланъ серьезный шагъ къ достиженію той важной цѣли, чтобы предсѣдатель земскаго собранія, при исполненіи своихъ обязанностей, руководствовался-бы больше законами и меньше своими тенденціями.

Существованіе на практикѣ обратнаго порядка не должно казаться удивительнымъ, такъ какъ полномочія предсѣдателя собранія превышаютъ права не только губернатора, *но даже и министра внутреннихъ дѣлъ.* Предсѣдатель земскаго собранія не знаетъ тѣхъ границъ, гдѣ кончаются его права. Тенденціозность предсѣдателя земскаго собранія, при руководствѣ преніями и при ихъ направленіи, является особенно печальной потому, что противъ нее земское собраніе оказывается почти беззащитнымъ.

Въ этомъ отношеніи правила «о порядкѣ производства дѣлъ въ земскихъ, дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ», основанныя на законѣ 13 іюня 1867 г., оставили такихъ массу пробѣловъ, которые позволяютъ предсѣдателю ставить свое усмотрѣніе впереди и выше закона. По ст. 185-й этихъ правилъ «предложеніе одного или нѣсколькихъ членовъ, которое предсѣдатель признаетъ несогласнымъ съ законами или выходящимъ изъ круга предметовъ вѣдомства собранія, не подлежитъ дальнѣйшему обсужденію». Такое заключеніе является, до извѣстной степени, неожиданнымъ. Конечно, на любомъ собраніи одинъ или нѣсколько членовъ могутъ вносить предложенія, несогласныя съ законами или выходящія изъ предѣловъ компетенціи даннаго собранія, но отсюда не слѣдуетъ, что предсѣдатель, по своему собственному усмотрѣнію, единолично долженъ разрѣшать вопросъ о томъ, согласно-ли данное предложеніе съ законами и не выходитъ-ли оно изъ предѣловъ компетенціи даннаго собранія? Предсѣдатель, награжденный такими широкими правами, стремясь къ охраненію законности въ собраніи, самъ можетъ нарушать законъ на каждомъ шагу, ограничивая или расширяя компетенцію даннаго собранія по своему усмотрѣнію. Все собраніе въ полномъ составѣ ближе знакомо съ предѣлами своей компетенціи и можетъ быть болѣе авторитетнымъ и безпристрастнымъ судьею при разрѣшеніи вопроса о томъ, согласно-ли данное предложеніе съ законами или не согласно. Теперь-же предсѣдатель, разрѣшая всѣ эти вопросы единолично, по своему усмотрѣнію, любой животрепещущій, насущный для нуждъ населенія вопросъ можетъ снять съ очереди и прекратить дальнѣйшее его обсужденіе единственно только потому, что онъ ему показался выходящимъ изъ предѣловъ компетенціи собранія или несогласнымъ съ закономъ. Предсѣдатель съ такими правами, странными по своей неопредѣленности и неограниченности, изъ предсѣдателя собранія превращается въ полнаго господина надъ собраніемъ. Метаморфоза, явно противорѣчащая даже и духу новаго земскаго положенія. Отвѣтственность такого по неопредѣленности и неограниченности своихъ правъ безотвѣтственнаго предсѣдателя, само собою понятно, не поддается никакому точному опредѣленію. Предсѣдатель, имѣющій право по своему усмотрѣнію пріостановить обсужденіе любого вопроса, признать любой вопросъ не согласнымъ съ закономъ или выходящимъ изъ предѣловъ компетенціи собранія и т. д.—такой предсѣдатель не можетъ подлежать отвѣтственности за пользованіе предоставленнымъ ему правомъ личнаго усмотрѣнія. Все охраненіе правъ отдѣльныхъ гласныхъ могло выразиться лишь въ ст. 186 названныхъ правилъ, въ которой сказано: «члены собранія, недовольные рѣшеніемъ предсѣдателя по указанному въ предшествующей 185-й статьѣ предмету, имѣютъ право изложить свое мнѣніе письменно и пріобщить его къ журналу засѣданія». Конечно, ни одинъ предсѣдатель собранія не можетъ имѣть ничего особеннаго противъ того, чтобы журналы засѣданія земскаго собранія утолщались отъ приложенія къ нимъ письмен-

ныхъ мнѣній недовольныхъ его распоряженіями гласныхъ, но каждый изъ такихъ гласныхъ могъ-бы привести не мало соображеній въ пользу того, чтобы распоряженія предсѣдателя, признаваемыя тѣмъ или другимъ гласнымъ незаконными, вызывали какія-либо другія послѣдствія, кромѣ утолщенія журналовъ. Все земское собраніе, убѣжденное, что предсѣдатель прекратилъ пренія по данному вопросу, признавая его несогласнымъ съ законами или выходящимъ изъ предѣловъ компетенціи земскаго собранія безъ достаточныхъ къ тому основаній—безсильно отстоять свои права, предоставленныя ему по закону. Въ то-же самое время и предсѣдатель, лишающій земское собраніе принадлежащихъ ему правъ и обязанностей по возбужденію и обсужденію тѣхъ или иныхъ вопросовъ, является формально правымъ, такъ какъ онъ поступилъ по своему собственному усмотрѣнію,— согласно съ 185-й статьей.

Такія права и обязанности предсѣдателя земскаго собранія, очевидно, могутъ служить лишь излишнимъ подтвержденіемъ той истины, что сила законовъ, поставленная подъ охрану только одного личнаго усмотрѣнія, утрачивается и уступаетъ мѣсто личному усмотрѣнію. Опасность такого порядка именно для порядка и законности, въ принципѣ, признана и дѣйствующимъ земскимъ положеніемъ. Новое земское положеніе, въ принципѣ, весьма заботливо охраняетъ состоявшіяся постановленія земскихъ собраній отъ усмотрѣнія администраціи. Губернаторъ не можетъ собственной единоличной властью и по своему собственному усмотрѣнію анулировать состоявшееся постановленіе земскаго собранія, признаваемое имъ несогласнымъ съ законами или выходящихъ за предѣлы компетенціи земскихъ учрежденій. Тутъ установленъ весьма сложный порядокъ въ интересахъ защиты земскихъ учрежденій отъ личнаго усмотрѣнія. По ст. 88-й новаго земскаго положенія, «постановленіе земскаго собранія, которое губернаторъ остановитъ, какъ несогласное съ закономъ или состоявшееся съ нарушеніемъ круга вѣдомства и предѣловъ власти или порядка дѣйствій земскихъ учрежденій, передается имъ въ мѣсячный со дня полученія постановленія срокъ, на разрѣшеніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія». Рѣшенію губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія губернаторъ обязанъ подчиниться, а если того не пожелаетъ, то дѣло объ его личномъ усмотрѣніи, выразившемся въ пріостановленіи постановленія земскаго собранія, переходитъ на разрѣшеніе высшихъ инстанцій. По ст. 12-й новаго земскаго положенія «губернаторъ, если не признаетъ возможности согласиться съ рѣшеніемъ большинства членовъ присутствія, пріостанавливаетъ исполненіе означеннаго рѣшенія и *безотлагательно* представляетъ дѣло министру внутреннихъ дѣлъ, который или предлагаетъ губернатору о приведеніи рѣшенія въ исполненіе или входитъ въ правительствующій сенатъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ онаго». Сенатъ, конечно, можетъ согласиться съ представленіемъ, но можетъ и не согласиться. Такимъ образомъ, даже самъ министръ внутреннихъ дѣлъ не можетъ, по своему усмотрѣнію, *отмѣнить*

состоявшееся постановленіе земскаго собранія, а предсѣдатель земскаго собранія могъ по своему усмотрѣнію не допустить, чтобы то же самое постановленіе собранія состоялось... Это различіе въ предѣлахъ власти министра и предсѣдателя земскаго собранія ясно говоритъ о томъ, что личное усмотрѣніе предсѣдателя можетъ вредить порядку и законности на засѣданіяхъ земскаго собранія и правамъ и обязанностямъ земскаго собранія. Въ противномъ случаѣ, пришлось-бы признать, что тѣ гарантіи, которыми обставлена отмѣна уже состоявшихся постановленій земскаго собранія, не вызываются какими-либо весьма серьезными соображеніями. На самомъже дѣлѣ одинъ простой фактъ установленія этихъ гарантій именно въ новомъ земскомъ положеніи ясно свидѣтельствуетъ объ ихъ неустранимой, положительной необходимости, такъ какъ это положеніе никоимъ образомъ не можетъ быть заподозрѣно въ особо внимательномъ отношеніи къ правамъ земскихъ собраній. Спрашивается, однако, какое-же значеніе могутъ имѣть самыя сложныя гарантіи, которыми обставляется отмѣна состоявшихся постановленій земскаго собранія, если обсужденіе и вотированіе этихъ постановленій находится въ полной зависимости отъ личнаго усмотрѣнія предсѣдателя земскаго собранія? Конечно, онѣ прежде всего анулируются этимъ усмотрѣніемъ предсѣдателя. Всѣ сложныя гарантіи, устанавливаемыя для правильнаго рѣшенія вопроса объ отмѣнѣ состоявшихся постановленій, могутъ имѣть лишь весьма слабое значеніе, разъ самое обсужденіе и вотированіе постановленій не гарантировано отъ усмотрѣнія одного человѣка. Для управомоченнаго гарантіи, устанавливаемыя на тотъ случай, если ему *удастся* осуществить свои права, не имѣютъ никакого значенія, разъ въ самый моментъ ихъ осуществленія онъ всегда можетъ быть остановленъ.

Такое крупное различіе между состоявшимся постановленіемъ земскаго собранія и постановленіемъ, намѣченнымъ большинствомъ собранія къ тому, чтобы оно состоялось, всегда будетъ тормозить дѣятельность тѣхъ высшихъ инстанцій, которымъ поручена защита постановленій земскаго собранія отъ личнаго усмотрѣнія. При своемъ въ высшей степени серьезномъ призваніи они прямо обезличиваются единоличнымъ усмотрѣніемъ предсѣдателя земскаго собранія. При такомъ весьма неопредѣленномъ положеніи трудно ожидать, чтобы личное усмотрѣніе не прокралось и въ тѣ учрежденія, которымъ поручена защита состоявшихся постановленій земскаго собранія отъ проявленій все того-же личнаго усмотрѣнія. Первое-же изъ этихъ учрежденій, т. е. губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе, по самому своему составу, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ проявлять свою самостоятельность при обсужденіи предложеній губернатора о пріостановленіи состоявшихся постановленій земскаго собранія (87—88 ст. полож. о зем. уч, 1890 г.). Д статочно припомнить, что губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе состоитъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, управляющаго казенною па-

латою, прокурора окружного суда, предсѣдателя губернской земской управы, городского головы губернскаго города и одного члена отъ губернскаго земскаго собранія. Такимъ образомъ, въ присутствіи всегда имѣется готовое большинство изъ 5 голосовъ противъ 3 голосовъ, а въ крайнемъ случаѣ, если-бы большинство почему-либо раздѣлилось, то при равенствѣ голосовъ «предсѣдатель даетъ перевѣсъ тому мнѣнію, къ коему онъ присоединяется» (ст. 11-я). Губернаторъ, какъ и указанное большинство, можетъ присоединиться только къ предложенію, внесенному самимъ-же губернаторомъ. Нѣтъ спора, благодаря такому составу присутствій, ихъ рѣшенія отличаются рѣдкимъ постоянствомъ въ томъ смыслѣ, что вносимыя на ихъ разсмотрѣніе предложенія всегда одобряются. Насколько-же такое постоянство можетъ служить прочной гарантіей правъ, предоставленныхъ земству, и насколько оно отвѣчаетъ безпрепятственному развитію земской дѣятельности, — объ этомъ, кажется, не можетъ быть двухъ разныхъ сужденій. Нуженъ какой-либо особый подъемъ духа въ какомъ-либо присутствіи, чтобы оно высказалось въ пользу пріостановленнаго постановленія земскаго собранія. Мы лично только недавно встрѣтили одинъ такой случай въ практикѣ губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствій. «Саратовская Земская Недѣля» (№ 45) сообщаетъ, что костромское уѣздное земское собраніе постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для окончившихъ курсъ въ народной школѣ. Постановленіе собранія было остановлено губернаторомъ на томъ основаніи, что «означенный вопросъ имѣетъ общегосударственное значеніе». Дѣло перешло на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. Присутствіе большинствомъ голосовъ недавно признало, что «уѣздное земство имѣло право на подобное ходатайство и что ходатайства передъ правительствомъ, на основаніи рѣшеній правительствующаго сената, должны быть представляемы установленнымъ порядкомъ». Это рѣшеніе является, какъ мы сказали, чуть-ли не единичнымъ въ практикѣ присутствій по земскимъ и городскимъ дѣламъ, но въ то-же самое время оно является и однимъ изъ тѣхъ весьма немногихъ рѣшеній, за все время существованія присутствій, которыя отвѣчаютъ смыслу дѣйствующихъ узаконеній и успѣшному исполненію земствомъ обязанностей, возложенныхъ на него по закону.

Можно сожалѣть лишь о томъ, что костромское уѣздное земство редактировало свое ходатайство въ томъ смыслѣ, что освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній должно быть привилегіей однихъ грамотныхъ. Это можно объяснить себѣ лишь тѣмъ, что земскія собранія послѣдней очередной сессіи при обсужденіи вопросовъ о народномъ образованіи сосредоточивали все свое вниманіе на тѣхъ средствахъ, которыя могли-бы вести къ наискорѣйшему достиженію всеобщей грамотности. Конечно, къ самой благой цѣли нужно идти прямыми путями, не прибѣгая къ разнымъ косвеннымъ средствамъ. Вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній долженъ быть поставленъ прямо и независимо отъ вопроса о всеобщей гра-

мотности. Тѣлесныя наказанія вредны не для грамотнаго человѣка, а вообще для человѣка. Для увеличенія-же числа грамотныхъ существуютъ прямые пути, помимо льготы отъ тѣлеснаго наказанія. Земство на этихъ прямыхъ путяхъ встрѣчаетъ такъ много разныхъ препятствій, что въ дальнѣйшемъ ихъ загроможденіи разными косвенными соображеніями со стороны самого земства не встрѣчается никакой особой надобности. Можно сожалѣть о томъ, что уѣздныя земскія собранія не могли обратить вниманія на рѣшеніе сената отъ 19 сентября 1895 г. Ко времени опубликованія этого рѣшенія въ «Прав. Вѣстн.» (№ 228, 1895 г.) почти всѣ уѣздныя земскія собранія были уже закрыты. Открывшіяся губернскія земскія собранія должны обратить свое особое вниманіе на вопросъ, затронутый въ сенатскомъ рѣшеніи, и возбудить соотвѣтствующія ходатайства.

Это сенатское рѣшеніе вызвано жалобами, поданными въ сенатъ двумя сельскими старостами кувыкинскаго общества Саратовской губерніи. Николаевское и кувыкинское сельскія общества Саратовской губ. въ 1890 г. составили приговоры и постановили «находящіяся въ ихъ селеніяхъ земскія школы закрыть, и сборы на ихъ содержаніе и жалованье учителямъ прекратить, помѣщенія-же школъ передать въ распоряженіе мѣстнаго священника для церковно-приходской школы». Въ рѣшеніи сената сказано, что «приговоры эти были мотивированы, какъ затруднительностью для крестьянъ, въ виду неурожайныхъ лѣтъ, содержать дорогія земскія школы, такъ и главнымъ образомъ — тѣмъ, что открытая мѣстнымъ священникомъ о. Р. церковно-приходская школа крестьянамъ ровно ничего не стоитъ, да и по характеру обученія болѣе подходитъ къ требованіямъ крестьянъ, чѣмъ земская, ибо въ церковно-приходской школѣ обученіе идетъ успѣшно, обращается преимущественно вниманіе на духовно-нравственную сторону воспитанія и учатъ по такимъ книгамъ, которыя соотвѣтствуютъ исконной наклонности русскаго человѣка ко всему церковному». Приговоры сельскихъ обществъ саратовскимъ земскимъ собраніемъ были препровождены въ мѣстное уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Уѣздное присутствіе, «*по провѣркѣ приговоровъ на мѣстѣ и по допросѣ должностныхъ лицъ крестьянскихъ обществъ, постановившихъ приговоры, признало оные незаконными*». Крестьянъ, участвовавшихъ на сходѣ, присутствіе подвергло каждаго денежному штрафу, а волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, допустившихъ составленіе незаконныхъ приговоровъ, приговорило каждаго къ аресту на 7 дней. Такое постановленіе уѣзднаго присутствія было признано правильнымъ и утверждено саратовскимъ губернскимъ присутствіемъ. На это рѣшеніе губернскаго присутствія оштрафованные старосты и принесли жалобу въ правительствующій сенатъ. Въ своей жалобѣ старосты объясняли, что «ихъ общество постановило упомянутый приговоръ въ виду того, что церковно-приходская школа болѣе соотвѣтствуетъ ихъ нуждамъ и потребностямъ, нежели земское начальное учи-

лише». Сенатъ уважилъ просьбу старостъ кувыкинскаго общества и призналъ, что «саратовское губернское присутствіе, подвергнувъ просителей взысканію, за составленіе кувыкинскимъ сельскимъ обществомъ правильнаго, *съ формальной стороны*, приговора по дѣлу, предоставленному закономъ вѣдѣнію сельскаго схода, поступило *неправильно*».

Позволительно думать, что отмѣна приговора, правильнаго только съ формальной стороны, можетъ быть вполнѣ правильнымъ поступкомъ со стороны губернскаго присутствія. Всякому извѣстно, что органы, контролирующіе дѣятельность сельскаго управленія, весьма часто встрѣчаются съ добытыми у сельскихъ и волостныхъ обществъ *формально* правильными приговорами, по существу дѣла весьма неправильными. Разслѣдованіе дѣла на мѣстѣ весьма часто обнаруживаетъ только одну формальную правильность приговоровъ. Саратовское уѣздное присутствіе, получивъ упомянутые приговоры, заподозрило ихъ въ формальной правильности и, какъ сказано въ сенатскомъ рѣшеніи, послѣ разслѣдованія дѣла на мѣстѣ, признало ихъ только формально правильными и неправильными по существу. На этомъ мѣстномъ разслѣдованіи основывалось въ своемъ рѣшеніи и саратовское губернское присутствіе. Однако, въ рѣшеніи сената ничего не говорится о признанной при мѣстномъ разслѣдованіи неправильности приговоровъ по существу, а прямо говорится лишь объ отмѣнѣ присутствіемъ приговора, правильнаго съ *формальной* стороны. Послѣ этого, пріобрѣтаетъ особое значеніе редакція заключительнаго опредѣленія сената. Сенатъ опредѣлилъ: «обжалованное сельскими старостами постановленіе саратовскаго губернскаго присутствія отмѣнить, во всемъ его объемѣ, поручивъ сему присутствію постановить по сему дѣлу *новое, не стѣсняясь прежнимъ, постановленіе*». Въ такомъ не стѣснительномъ положеніи саратовскому губернскому присутствію не легко найти выходъ. Конечно, саратовское губернское присутствіе можетъ снова назначить дѣло къ самому детальному мѣстному разслѣдованію и если это мѣстное разслѣдованіе снова дастъ прежніе результаты, то присутствіе, «стѣсняясь прежнимъ» рѣшеніемъ, можетъ и не постановить иного новаго рѣшенія. Кромѣ того, саратовское губернское присутствіе, конечно, знаетъ, что низшія инстанціи и чины по закону *обязаны* не исполнять такихъ постановленій высшихъ инстанцій и чиновъ, которыя явно противорѣчатъ смыслу дѣйствующихъ узаконеній. По смыслу-же и буквѣ дѣйствующихъ узаконеній, присутствіе обязано отмѣнить приговоръ, правильный съ формальной стороны и неправильный по существу дѣла. Учрежденіе, пересматривающее рѣшеніе присутствія, можетъ лишь подтверждать его указаніемъ на отмѣну «правильнаго, *съ формальной стороны*, приговора».

Это послѣднее указаніе сената возбуждаетъ особое любопытство и къ тѣмъ мотивамъ, которые, при признаніи отмѣненнаго приговора правильнымъ, *съ формальной стороны*, все-таки побудили сенатъ уважить жалобу старостъ на рѣшеніе саратовскаго губернскаго присутствія. Сенатъ уважилъ жалобу старостъ, «принимая во вниманіе: 1) что на осно-

ваніи п. 8 ст. 51 общ. полож. о крес., вѣдѣнію сельскаго схода, между прочимъ, подлежатъ совѣщанія и ходатайства объ обученіи грамотѣ, изъ чего, несомнѣнно, слѣдуетъ, что кувыкинское сельское общество имѣло законное право обсуждать на сельскомъ сходѣ вопросъ о цѣлесообразности открытія церковно-приходской школы, вмѣсто земскаго начальнаго училища, и 2) что рѣшеніемъ правительствующаго сената 11 янв. 1891 г., за № 148, разъяснено, что сельское общество, по измѣнившимся обстоятельствамъ, имѣетъ право прекращать назначенный сборъ на содержаніе школъ, въ виду чего кувыкинское сельское общество въ правѣ было признать, что церковно-приходская школа болѣе соотвѣтствуетъ ихъ нуждамъ и потребностямъ»...

Мотивы любого сенатскаго рѣшенія всегда могутъ подлежать обсужденію съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія истинной волѣ законодателя. Въ приведенныхъ мотивахъ при разрѣшеніи вопроса о типѣ народной школы, наиболѣе компетентнымъ судьею признается сельское общество. Всѣ сельскія общества признаются имѣющими право на сходахъ постановлять приговоры о томъ, какая нужна имъ школа. Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ мотивовъ, во всей Россіи путемъ своеобразнаго народнаго плебесцита можетъ быть разрѣшенъ вопросъ о томъ, нужна-ли въ деревнѣ земская или какая-нибудь другая школа. Предоставленіе сельскимъ обществамъ такихъ правъ, при извѣстныхъ условіяхъ, быть можетъ и было-бы весьма желательно, но при данныхъ условіяхъ все-таки оно оказывается въ прямомъ противорѣчіи съ ясно выраженной волей законодателя. Согласно п. 8-му ст. 51. Общ. полож., «вѣдѣнію сельскихъ сходовъ подлежатъ совѣщанія и ходатайства объ общественныхъ нуждахъ, благоустройствѣ, призрѣніи и обученіи грамотѣ». Очевидно, сельскіе сходы могутъ только *совѣщаться и ходатайствовать объ обученіи грамотѣ*. Слова «объ обученіи грамотѣ» никоимъ образомъ не могутъ быть признаны ровнозначущими со словами о «типѣ школы, нужной для деревни». Однако, допуская, что слова «объ обученіи грамотѣ» ровнозначущи съ словами «о типѣ школы, нужной для деревни», въ то-же самое время слова «совѣщанія и ходатайства» едва-ли можно истолковать въ томъ смыслѣ, что сельскіе сходы могутъ не только совѣщаться и ходатайствовать, но и собственной властью постановлять окончательные приговоры о типѣ нужной имъ школы. Далѣе, допуская такое толкованіе п. 8-го ст. 51 общ. полож. о крес., нельзя одновременно не вспомнить конкурирующаго съ нимъ п. 10-го ст. 2-й новаго земскаго положенія. Согласно п. 10-му, ст. 2-й полож. о зем. уч. 1890 г., къ предметамъ вѣдомства земскихъ учрежденій относится «попеченіе о развитіи *средствъ народнаго образованія* и установленное закономъ участіе въ завѣдываніи содержимыми на счетъ земства школами и другими учебными заведеніями». Слова «о развитіи *средствъ* народнаго образованія» даютъ полное основаніе утверждать, что подъ средствами здѣсь разумѣются не деньги или, по крайней мѣрѣ, не однѣ деньги. Заботы о развитіи средствъ народ-

наго образованія, прежде всего, могутъ выразиться лишь въ открытіи школъ, пригодныхъ для народнаго образованія. Въ виду этого, въ п. 10-мъ ст. 2-й пол. о зем. уч. 1890 подъ словами «средства народнаго образованія» слѣдуетъ разумѣть школы, пригодныя для народнаго образованія, а затѣмъ библіотеки, читальни и т. д. При конкурирующей-же компетенціи земства и сельскихъ обществъ въ разрѣшеніи любого вопроса, кажется, не можетъ быть выбора между двумя учрежденіями. Такимъ образомъ, даже допуская такое предположеніе, что п. 8-й, ст. 51-й общ. полож. о крес. установленъ, по какимъ либо соображеніямъ, въ интересахъ конкурренціи съ п. 10-мъ ст. 2-й полож. о зем. уч.,—все-таки оставалось-бы придти лишь къ тому заключенію, что конкурсъ допущенъ по разбираемому вопросу между двумя силами, болѣе чѣмъ неравными въ степени своей компетентности.

Въ виду этого и принимая во вниманіе послѣднія Высочайшія отмѣтки на губернаторскихъ отчетахъ по поводу заботъ земства о народномъ образованіи, можно думать, что земству въ этомъ отношеніи будутъ открыты болѣе широкія пути и предоставлены необходимыя для того денежныя средства. Читатели помнятъ, что съ 1 янв. наступившаго 1896 г. съ земства будутъ сняты расходы по содержанію судебно-административныхъ учрежденій и губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Освобождается сумма въ 5.804,935 р. Сумма для скуднаго земскаго бюджета весьма крупная, но она предназначена на улучшеніе путей сообщенія. «Въ законѣ, говорили мы,—допущены ходатайства губернскихъ земствъ о разрѣшеніи производить расходы изъ этихъ 5.804,935 р. и на другія цѣли, помимо путей сообщенія, но такой порядокъ является уже только исключеніемъ изъ общаго правила. Навѣрно, разрѣшенія будутъ даваться въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, разъ необходимость сдѣлать страну «проѣзжею» признана болѣе важной государственной потребностью, чѣмъ потребность въ распространеніи народнаго образованія» [1]). Земство, ободренное послѣдними Высочайшими отмѣтками, повидимому, возлагаетъ большія надежды на то, что указанныя потребности помѣняются мѣстами и освобождающіяся деньги пойдутъ на нужды народнаго образованія. Александрійское и тамбовское уѣздныя земства даже не допускаютъ мысли о томъ, чтобы эти деньги уходили на какую-нибудь другую потребность, кромѣ народнаго образованія. Смоленская губернская земская управа, въ предупрежденіе того, чтобы уѣздныя земства почему-либо не пропустили этого серьезнаго вопроса, предложила на обсужденіе уѣздныхъ земскихъ собраній слѣдующій вопросъ: «не цѣлесообразнѣе-ли обратить освобождающіяся суммы на удовлетвореніе наиболѣе настоятельной изъ современныхъ потребностей—на распространеніе народнаго образованія?» Предлагая такой вопросъ вниманію уѣздныхъ земскихъ собраній, губернская земская управа указывала, что освобождающіяся деньги

[1]) См. «Сѣверн. Вѣстникъ», октябрь 1895 г. статью «Земскія дѣла», стр. 38.

могутъ быть затрачены или на увеличеніе числа первоначальныхъ народныхъ школъ, или же на устройство нѣсколькихъ школъ съ высшимъ курсомъ. При обсужденіи этого вопроса, одно изъ смоленскихъ уѣздныхъ земствъ (юхновское) признало безусловно необходимымъ ходатайствовать, чтобы земству было предоставлено право расходовать освобождающіяся суммы именно на нужды народнаго образованія. Въ случаѣ удовлетворенія этого ходатайства расходы земства на народное образованіе увеличились-бы на крупную сумму въ 156.000 руб. Всѣ эти 156,000 руб. по мнѣнію юхновскаго земства, должны быть затрачены на устройство народныхъ школъ, а не на школы высшаго типа, такъ какъ для массъ деревенскаго населенія существующее число первоначальныхъ школъ оказывается далеко недостаточнымъ. Всѣ эти сужденія юхновскаго земства заслуживаютъ поддержки и вниманія. Открывающіяся губернскія земскія собранія могутъ единодушно ходатайствовать о томъ, чтобы суммы, освобождающія отъ снятія съ земства расходовъ по содержанію административныхъ учрежденій, затрачивались полностью на нужды народнаго образованія. Теперь эти суммы рѣшено обратить на улучшеніе путей сообщенія въ интересахъ борьбы съ сельско-хозяйственнымъ кризисомъ Земскія собранія, какъ уже было сказано въ предшествующихъ статьяхъ, посвященныхъ земскимъ дѣламъ, категорически настаиваютъ на томъ, что, въ интересахъ болѣе раціональной борьбы съ сельско-хозяйственнымъ кризисомъ, наибольшее вниманіе должно быть посвящено именно заботамъ о широкомъ распространеніи народнаго образованія. На это широкое распространеніе народнаго образованія земство и смотритъ съ широкой точки зрѣнія и не признаетъ возможнымъ подчинять его интересы какимъ-бы то ни было постороннимъ соображеніямъ. Читателямъ уже извѣстно, что елизаветградское уѣздн. зем. собраніе послало г. министру земледѣлія,—въ видѣ отвѣта на его запросъ о мѣстныхъ нуждахъ сельскаго хозяйства и способахъ ихъ удовлетворенія,—весьма обстоятельный докладъ г. Зеленаго. Въ этомъ докладѣ г. Зеленый, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «о народномъ образованіи столько говорилось и писалось въ земской средѣ, столько было заявлено ходатайствъ, что распространяться здѣсь я нахожу излишнимъ. Но не могу не напомнить объ одномъ важномъ обстоятельствѣ, препятствующемъ, по моему глубокому убѣжденію, наибольшему успѣху народной школы. Я разумѣю полнѣйшее игнорированіе мѣстныхъ языковъ и нарѣчій. Ребенка, который не совсѣмъ еще усвоилъ свой врожденный языкъ, сразу начинаютъ обучать на великорусскомъ литературномъ языкѣ. Между тѣмъ, если-бы первоначальное обученіе шло на языкѣ мѣстномъ, наравнѣ и одновременно, конечно, съ рускимъ языкомъ, успѣхъ народной школы сталъ-бы быстрѣе и прочнѣе. И чего здѣсь опасаются? Вѣдь изъ-за того, что обученіе прямо начинается на русскомъ литературномъ языкѣ,—никто и никогда не забываетъ своего прирожденнаго языка, доказательствомъ чему могутъ служитъ наши нѣкоторые,—и ихъ не мало,—высшіе чиновники и санов-

ники. И знаніе мѣстнаго языка не помѣшало ихъ дѣятельности и занятію соотвѣтствующихъ постовъ. Пора-бы, кажется, смотрѣть на народную школу, какъ на таковую, т. е. на школу и не болѣе» [1]).

II.

Города,—какъ говорятъ,—центры общественной жизни, но у насъ они сильно отстаютъ отъ земства въ удовлетвореніи основныхъ запросовъ общественной жизни. Заботамъ о томъ-же народномъ образованіи, которому земство отдаетъ чуть-ли не всѣ свои силы, въ городахъ лишь, въ видѣ исключенія, отводится должное мѣсто въ ряду другихъ городскихъ «общественныхъ дѣлъ». Ежегодно въ началѣ осени чуть-ли не во всѣхъ городахъ земли русской (въ точномъ смыслѣ этого слова) вы встрѣчаете одну и ту-же странную процессію. Посрединѣ улицы идетъ толпа плачущихъ дѣтей, окруженныхъ взрослыми мужчинами и женщинами съ озлобленнымъ выраженіемъ лица, ведущихъ о чемъ-то весьма возбужденный разговоръ, пересыпаемый открытой бранью. Это—дѣти, непринятыя въ начальныя городскія училища, и ихъ родители. Въ первый день открытія школъ послѣ лѣтнихъ каникулъ они тоже постучались въ завѣтныя двери, но имъ отказали: нѣтъ свободныхъ мѣстъ!.. Такъ сказалъ сторожъ, такъ сказалъ и учитель, появившись предъ толпой осаждавшихъ школу дѣтей и родителей.

Нѣтъ мѣстъ!.. Эти бѣдные дѣти и ихъ родители уже не первый годъ регулярно появляются предъ дверями городскихъ начальныхъ училищъ и ежегодно имъ повторяютъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ: нѣтъ мѣстъ!.. Ежегодно возвращаются они печальной процессіей по домамъ, ломая себѣ голову надъ вопросомъ о томъ, почему это «отцы города» не устраиваютъ новыхъ школъ? «Отцы города» прекрасно знаютъ, что этотъ вопросъ занимаетъ низшую братію, но вѣдь они по своей степенности не могутъ считаться со всякой блажью, приходящей въ голову «черному люду». Вѣдь это чистая глупость и настоящее баловство отдавать подростковъ въ школу, когда ихъ нужно отдавать въ обученіе мастерству или въ мальчики въ лавку и т. п. Что «отцы» города будутъ дѣлать съ своими лавками и мастерскими, если будетъ построено столько школъ, что туда будутъ попадать всѣ мальчики? Положимъ, родители недовольны, но вѣдь они ничего не могутъ подѣлать съ своимъ недовольствомъ. Изъ своей среды, по условіямъ ценза, они не могутъ избирать гласныхъ въ думу. Какъ-бы тамъ они не кипятились, а по требованіямъ ценза они могутъ избирать въ думу только все тѣхъ-же «отцовъ города». Эти патриціи отъ лабаза прекрасно понимаютъ, что они являются монополи-

[1]) Журналы засѣданій очеред. Елисаветградскаго уѣздн. земск. собранія въ сентябрѣ 1895 г., стр. 71.

стами въ городскихъ «общественныхъ дѣлахъ», а потому, значитъ, они и могутъ заниматься ими какъ «свои люди», безъ «партіевъ», спокойно, трезво и увѣренно. Они трезво судятъ и полагаютъ, что школы для «чернаго люда» излишнее баловство, а вотъ дѣла, касающіяся нуждъ торговли и промышленности—это доподлинно городскія «общественныя» дѣла. Для этихъ общественныхъ дѣлъ имѣются и тѣ самыя деньги, которыхъ для школъ не имѣется. Возьмемъ, напр., дорого стоющее изысканіе полезной для города желѣзной дороги или недешево стоящую посылку депутатовъ и делегацій въ Петербургъ для представленія и поддержанія ходатайствъ о проведеніи желѣзныхъ дорогъ, полезныхъ для торговли города. На всѣ такія и подобныя «общественныя» нужды деньги сейчасъ-же находятся.

Мы, конечно, не думаемъ утверждать, что органы мѣстнаго самоуправленія должны быть «отставлены» отъ желѣзнодорожнаго хозяйства страны, но полагаемъ, что проявляемый теперь разными городами интересъ къ направленію и сооруженію желѣзныхъ дорогъ покоится не на здоровыхъ общественныхъ инстинктахъ. Города, въ которыхъ сотни дѣтей, какъ нищіе, просятъ мѣста въ школѣ, скорѣе должны подумать объ этихъ нищихъ просителяхъ, чѣмъ о желѣзнодорожной депутаціи. Кромѣ того, при настоящемъ составѣ городскихъ думъ, городскія желѣзнодорожныя депутаціи и делегаціи мало приносятъ пользы желѣзнодорожному хозяйству страны, такъ какъ эти депутаціи являются представителями не общественныхъ, а коммерческихъ интересовъ. Коммерческіе-же интересы, быть можетъ, являются и очень важными интересами, но отождествить ихъ съ общественными интересами всетаки весьма трудно. Желѣзнодорожное хозяйство страны должно удовлетворять общественнымъ интересамъ и съ ними должно сообразоваться, а не съ коммерческими интересами минуты и той слишкомъ малочисленной, грубо эгоистической группы людей, которая присвоила себѣ кличку «всероссійскаго купечества». Городскія желѣзнодорожныя депутаціи, являясь въ Петербургъ, изъ силъ выбиваются, стремясь дать перевѣсъ именно голосу «всероссійскаго купечества». Поэтому, признавая участіе органовъ самоуправленія въ обсужденіи вопросовъ желѣзнодорожнаго хозяйства вообще необходимымъ, мы не придаемъ особаго положительнаго значенія съѣзду городскихъ представителей, собравшихся въ Петербургѣ для обсужденія вопроса о сѣверныхъ желѣзныхъ дорогахъ.

Читатели знаютъ, что вопросъ объ этихъ дорогахъ взволновалъ всѣ города, расположенные близко къ сѣверу по всей линіи отъ Петербурга до Екатеринбурга. Это лихорадочное волненіе стоило не мало денегъ и тому самому черному люду, для дѣтей котораго школъ не имѣется, но на деньги котораго въ Петербургъ отправляются депутаціи, делегаціи, уполномоченные и т. п. Петербургская дума образовала даже особую «комиссію о сѣверныхъ желѣзныхъ дорогахъ», которая вела свое особое хозяйство и не желала управѣ давать никакихъ отче-

товъ о производимыхъ ею расходахъ. Комиссія, повидимому, пришла къ тому заключенію, что если сѣверныя дороги будутъ сооружаться не по ея планамъ, то Петербургъ погибнетъ и Россія поставитъ точку надъ своей исторіей. Такъ приблизительно разсуждали и всѣ городскіе делегаты, приглашенные въ Петербургъ для обсужденія вопроса о сѣверныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Каждый изъ нихъ убѣдительно доказывалъ, что если дорога пройдетъ въ такомъ-то направленіи, то отечество пойдетъ быстрыми шагами по пути къ преуспѣянію. Всѣхъ городскихъ делегатовъ было, должно быть, болѣе 30, и, такимъ образомъ, сразу было найдено 30 направленій, съ одинаковымъ успѣхомъ ведущихъ отечество по пути къ преуспѣянію! Въ самомъ счастливомъ положеніи оказался казанскій городской голова г. Дьяченко. «Волжскій Вѣстникъ» сообщаетъ, что «для личной поддержки ходатайства о соединеніи Казани съ сѣверными рельсовыми путями отъ думы и отъ казанскаго уѣзднаго земскаго собранія избрано одно и то-же лицо — С. В. Дьяченко. При этомъ вышелъ такой курьезъ: дума поручила ему ходатайствовать о соединеніи Казани черезъ слободу Кукарку съ пермско-костромской дорогой, а уѣздное земское собраніе уполномочило отстаивать *противоположное* направленіе, т. е. соединеніе на ст. Уни вятско-пермской линіи». Г. Дьяченко не отклонилъ ни одного изъ этихъ порученій и спокойно отправился въ Петербургъ отстаивать два противоположныхъ направленія. Курьезное представительство общественныхъ интересовъ г. Дьяченко, объединяющимъ въ своей особѣ два противоположныхъ направленія, въ сущности представляетъ въ миніатюрѣ точную фотографію всего представительства общественныхъ интересовъ со стороны съѣхавшихся въ Петербургъ городскихъ делегатовъ для обсужденія вопроса о сѣверныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Съ истинной грустью приходится сознаться, что городскіе делегаты,—при иномъ составѣ городскихъ думъ, незамѣнимые помощники правительства,—теперь принесли мало пользы правительству въ разрѣшеніи вопроса о сѣверныхъ дорогахъ, на сооруженіе которыхъ пойдутъ сотни милліоновъ изъ народнаго кармана. Вызовъ городскихъ делегатовъ для разрѣшенія этого серьезнаго вопроса лишній разъ доказалъ ту очевидную для всѣхъ истину, что настоящій составъ городскихъ гласныхъ приноситъ мало пользы какъ обществу, такъ и правительству. Правительство вызвало ихъ на совѣщаніе и убѣдилось, что отъ такого совѣщанія пользы ждать нельзя. Въ самомъ же фактѣ вызова городскихъ делегатовъ на совѣщаніе офиціально признана необходимость совѣщаній съ представителями мѣстнаго самоуправленія вообще и на будущее время въ частности. Теперь обсуждался вопросъ о сѣверныхъ желѣзныхъ дорогахъ, а черезъ 2—3 мѣсяца можетъ стоять на очереди другой вопросъ, по которому правительству окажется нужной, въ принципѣ, всегда необходимая помощь представителей мѣстнаго самоуправленія. Правительство опять ихъ вызоветъ на совѣщаніе и опять они окажутъ ему весьма слабую помощь. Очевидно, правительство прямо

заинтересовано укрѣпить эту помощь, улучшивъ ее въ качественномъ отношеніи. Достиженіе-же этой цѣли возможно только въ томъ случаѣ если система городскихъ выборовъ будетъ измѣнена въ такомъ направ-, леніи, что къ городскимъ общественнымъ дѣламъ получатъ доступъ люди, преданные общественнымъ интересамъ. Старый вопросъ о предоставленіи избирательнаго права (пассивнаго и активнаго) квартиронанимателямъ ждетъ своего разрѣшенія и только одно положительное разрѣшеніе этого вопроса можетъ обновить составъ городскихъ думъ и пріостановить дальнѣйшее отождествленіе городскихъ общественныхъ дѣлъ съ интересами лабаза и лавки.

До преобразованія системы городскихъ выборовъ и до освобожденія городовъ изъ подъ власти патриціевъ отъ лабаза, города будутъ причинять массу хлопотъ самому правительству, благодаря скопляющейся массѣ неурядицъ въ городскомъ самоуправленіи безъ «паргіевъ». Провинціальная печать, при всемъ своемъ незавидномъ положеніи, устала перечислять и регистрировать всѣ подвиги городскихъ дѣятелей лабазнаго направленія. «Приазов. Край» съ грустью замѣчаетъ, что и наша петербургская столичная дума не можетъ похвалиться своими порядками, которые могутъ лишь ободряющимъ образомъ дѣйствовать на провинціальныхъ городскихъ дѣятелей. Послѣднія засѣданія думы, посвященныя обсужденію отчета управы за 1894 г., обнаружили такія странности, которыя могутъ конкурировать съ курьезной миссіей г. Дьяченки. Комиссія, ревизовавшая отчетъ думы, выработала сотни разныхъ пунктовъ съ пожеланіями лучшаго будущаго городскому хозяйству. Дума, разсматривая эти пункты, въ засѣданіи 8 дек. 1895 г. благополучно дошла до пункта 159-го. Въ этомъ 159-мъ пунктѣ комиссія предлагала сложить съ города 9600 руб., отпускаемыхъ ежегодно на содержаніе редакціи «Вѣдомостей с.-петербургскаго градоначальства и полиціи». Нѣкоторые изъ гласныхъ, какъ сообщаетъ «Нов. Время», потребовали «такихъ разъясненій, на которыя не могло получиться сколько-нибудь обстоятельнаго отвѣта, за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній. Выяснилось, напр., что этотъ органъ отдается съ торговъ канцеляріи градоначальника, но получаетъ-ли городъ обычную арендную плату, этого никто сказать не могъ, даже и сама управа въ лицѣ своихъ шести присутствующихъ на засѣданіи членовъ. Когда-же гласный Кедринъ пожелалъ узнать, на какомъ основаніи и въ силу какихъ обязательствъ городъ ежегодно тратитъ на свою арендную статью 9600 руб., то общее недоумѣніе только усилилось»... Въ концѣ концовъ, дума, желая какъ-нибудь выяснить весь этотъ вопросъ объ уплатѣ городомъ ежегодно по 9600 руб. за свою арендную статью, образовала особую комиссію. Къ какимъ-бы заключеніямъ комиссія ни пришла, но фактъ остается фактомъ. Столичная городская управа ежегодно выдавала изъ городскаго казначейства 9600 руб. и никто изъ членовъ управы не знаетъ, почему эти деньги должны подлежать выдачѣ. Достойно вниманія и то обстоятельство, что по поводу этого расхода ни разу не возбуж-

дался вопросъ въ присутствіи по городскимъ дѣламъ, хотя вообще разныя другія статьи изъ смѣты городскихъ доходовъ и расходовъ не разъ передавались на обсужденіе присутствія.

Пожалуй можно утверждать, что произведенный опытъ укомплектованія гласныхъ въ нашей столичной думѣ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, если мы допустимъ, что въ число этихъ надеждъ входили и надежды на лучшее веденіе городскихъ дѣлъ вообще и городскаго хозяйства въ частности. Можно думать, что эти далеко не благопріятные результаты послужатъ вѣскимъ доказательствомъ въ пользу той истины, что крайне экспериментальное и весьма экстраординарное реформированіе началъ самоуправленія, вызванное, быть можетъ, самыми благими намѣреніми, приноситъ лишь вредъ этимъ благимъ намѣреніямъ, не говоря уже о самомъ ростѣ и развитіи самоуправленія. Порядокъ и духъ, внѣдряющіеся въ области столичнаго городскаго самоуправленія, не могутъ быть безразличными для судьбы самоуправленія во всей странѣ. Въ столичномъ городскомъ самоуправленіи, по общему правилу, начала самоуправленія хранятся и культивируются въ такой чистотѣ, которая извѣстнымъ образомъ вседа отражается на нравахъ и порядкахъ въ провинціальномъ городскомъ самоуправленіи. Упадокъ столичнаго городскаго самоуправленія можетъ лишь содѣйствовать дальнѣйшему ухудшенію далеко незавидныхъ нравовъ въ нашемъ провинціальномъ городскомъ самоуправленіи. Если въ Петербургѣ городъ платитъ деньги за свою весьма доходную арендную статью, то въ какой-нибудь буинской городской думѣ дѣла по завѣдыванію городскими арендными статьями могутъ идти еще хуже.

По словамъ «Самарской Газеты», «въ докладѣ ревизіонной комиссіи буинской городской думы изложено, что, разсмотрѣвъ списокъ арендаторовъ городской пахатной земли, комиссія, между прочимъ, нашла, что въ числѣ ихъ состоятъ лица, служащія въ городскомъ общественномъ управленіи, за которыми числится недоимка по арендѣ. Подобнаго рода явленіе комиссія нашла ненормальнымъ. Служащіе въ управѣ, будучи сами недоимщиками, не могутъ имѣть значительнаго вліянія на другихъ недоимщиковъ, а слѣдовательно и проявлять свою дѣятельность въ дѣлѣ взысканія аренды въ желательныхъ размѣрахъ не въ состояніи, а это крайне неблагопріятно отражается на городскомъ бюджетѣ. Во избѣжаніе на будущее время подобнаго рода ненормальностей, комиссія предложила думѣ обязать управу неупустительно слѣдить, чтобы служащія, какъ по выборамъ, такъ и по найму въ городскомъ общественномъ управленіи, лица арендныя за землю деньги платили своевременно, въ противномъ случаѣ производить вычеты изъ получаемаго ими изъ городскихъ средствъ жалованья. Эта часть доклада комиссіи думою была принята. Что-же, спрашиваетъ «Самар. Газ.», отцы города, за которыми состояла недоимка арендныхъ денегъ? Ничего... При чтеніи доклада, они метали молніи по адресу комиссіи. А потомъ?... Потомъ, когда въ од-

номъ изъ послѣдующихъ засѣданій разсматривался вопросъ о сложеніи съ арендаторовъ городской земли части арендной недоимки, «отцы-недоимщики» воспрянули духомъ и, несмотря на предложенія нѣкоторыхъ гласныхъ сложить недоимку только съ бѣдняковъ, настояли на томъ, чтобы недоимка была сложена пропорціонально арендуемой землѣ одинаково со всѣхъ, безъ исключенія арендаторовъ. Настояли и, разумѣется получили скидку съ состоящей за ними недоимки»...

П. Кузнецовъ.

За предѣлами Европейской Россіи.

I. Сибирь.

Сибиряки горячо вѣрили и надѣялись одновременно съ Европейской Россіей увидѣть у себя «новый судъ». Они лихорадочно готовились ко введенію «праваго» суда. Въ Иркутскѣ уже съ октября 1861 г., по иниціативѣ служащихъ губернскаго суда, возникаютъ такъ называемые «юридическіе вечера». На вечерахъ этихъ читаются юридическіе журналы, разбираются спорные вопросы права, встрѣчающіеся на практикѣ, читаются даже болѣе или менѣе самостоятельные рефераты. Съ утвержденіемъ 29 сент. 1862 г. «Основныхъ положеній судебныхъ преобразованій Россіи», вопросъ о примѣненіи этихъ «Основныхъ положеній» въ Сибири вызвалъ среди сибиряковъ самый живой обмѣнъ мыслей. Изъ чиновныхъ и частныхъ лицъ образуется особая комиссія для составленія судебныхъ проектовъ. Въ эту комиссію поступаетъ рядъ замѣчаній, записокъ и т. п. Въ результатѣ образуется цѣлый томъ (XXIX-й) «дѣла о преобразованіи судебной части Россіи» [1]). Почти всѣ авторы записокъ и замѣчаній, доставленныхъ въ комиссію для составленія судебныхъ проектовъ, высказались за неотложность судебной реформы въ Сибири. Тобольскій губернскій казенныхъ дѣлъ стряпчій, г. Лобковскій, говорилъ: «если явилась насущная потребность повсемѣстной реформы судебной части въ Россіи, то тѣмъ болѣе эта реформа необходима для Сибири, гдѣ потребность эта положительно, можно сказать, вошла въ народное сознаніе». «Нѣтъ нужды говорить о томъ, что введеніе предстоящей реформы въ Сибири гораздо настоятельнѣе и необходимѣе, чѣмъ въ Россіи Европейской»,—такъ начинаетъ свою записку Ив. Подлѣсный [2]). Въ томъже смыслѣ высказался сибирскій старожилъ и извѣстный писатель В. В. Вагинъ.

---

[1]) Вологодскій. Къ исторіи вопроса о судебной реформѣ въ Сибири. См. «Рус. Бог.», 1892 г., № 12.

[2]) «Замѣчанія о примѣненіи къ Сибири основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи». Спб. 1863 г. 8°.

«Юридическіе вечера» въ г. Иркутскѣ съ каждымъ мѣсяцемъ и годомъ становятся все оживленнѣе и многочисленнѣе; самыя бесѣды—интереснѣе и содержательнѣе. На этихъ вечерахъ устраиваются пробныя засѣданія съ присяжными засѣдателями, защитниками и обвиняемыми [1]). Мало того, на одномъ изъ этихъ вечеровъ 19 сентября 1863 г. Б. А. Милютинъ, говоря о необходимости юридическаго образованія вообще, высказался въ томъ смыслѣ, что законовѣдѣніе должно войти въ программу первоначальнаго образованія точно такъ-же, какъ географія, исторія и т. д. [2]). Мѣстный-же юристъ Д. М. Павлиновъ, признавая необходимость приготовить дѣятелей для будущихъ преобразованныхъ судебныхъ учрежденій Сибири, въ мѣстной газетѣ проектировалъ, во-первыхъ, открытіе въ гимназіяхъ 8-го класса для юридическаго образованія; во-вторыхъ, учрежденіе въ г. Иркутскѣ частной «школы адвокатовъ», гдѣ-бы преподавались: 1) юридическая энциклопедія; 2) государственное право; 3) гражданское право и судопроизводство; 4) уголовное право и судопроизводство; 5) исторія русскаго права (для желающихъ), международное право, основныя начала римскаго права и иностранныя законодательства.

Примѣръ жизненности иркутскихъ «юридическихъ вечеровъ» возбуждаетъ мысль о необходимости образованія послѣднихъ и въ другихъ городахъ Сибири. Такъ, напримѣръ, въ 47 № «Тобольскихъ Губерн. Вѣд.» за 1863 г. нѣкто г. А. Орловъ пишетъ статью, въ которой доказываетъ необходимость учрежденія юридическаго общества въ г. Тобольскѣ. Иркутскіе-же обыватели идутъ еще дальше. Они поднимаютъ вопросъ объ обращеніи «юридическихъ вечеровъ» въ легальное «юридическое общество восточной Сибири» [3]). Отъ сибирскихъ обывателей не отстаетъ и печать. Въ мѣстной и россійской печати вопросу о неотложной необходимости судебной реформы въ Сибири посвящается рядъ горячихъ и дѣльныхъ статей [4]). Одновременно съ этимъ и мѣстная высшая администрація не перестаетъ энергично заявлять о крайнемъ неустройствѣ судебныхъ учрежденій въ Сибири и неотложной необходимости радикально реформировать ихъ. Эти заявленія встрѣчаютъ поддержку и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Еще въ 1859 г. министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ о неудовлетворительной организаціи въ Сибири судебной и слѣдственной частей [5]). Однако, время шло. Наступило и миновало знаменитое 20-е ноября 1864 г. Сибирь не получила давно желаннаго «праваго суда», но она не падала духомъ и все еще вѣрила и надѣялась... Наступилъ

---

[1]) П. Вологодскій, ib. стр. 3.

[2]) «Ирк. Губ. Вѣд.», 1863 г., № 39, ibid.

[3]) П. Вологодскій, ib.

[4]) См. В. И. Межовъ, «Сибирская библіографія», т. 3-й, стр. 62-я, изд. 1892 г.

[5]) «Томскія Губерн. Вѣд.», 1892 г. № 35.

1867 г. Сибирскимъ обывателямъ начало улыбаться счастье. Въ этомъ году при министерствѣ юстиціи была образована особая комиссія изъ лицъ, служившихъ въ Сибири, и вообще знатоковъ края. Эта комиссія должна была выработать проектъ коренной судебной реформы въ Сибири и горячо принялась за порученное ей дѣло. Въ комиссіи возникало много горячихъ споровъ. Одни изъ членовъ комиссіи доказывали, что примѣненіе судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г. въ Сибири неизбѣжно потребуетъ нѣкоторыхъ отступленій отъ нихъ и такихъ измѣненій, которыя не представляли-бы достаточныхъ гарантій для правосудія. Затѣмъ указывалось на то, что при разноплеменности сибирскаго населенія, судъ присяжныхъ не можетъ быть судомъ общественной совѣсти и что при громадныхъ сибирскихъ разстояніяхъ, вызовъ присяжныхъ на судъ былъ-бы чрезмѣрно тяжелою для нихъ повинностью. Если-же вводить судъ присяжныхъ въ однихъ мѣстахъ, а въ другихъ не вводить, то отъ этого произойдутъ различныя практическія затрудненія. Такъ думало меньшинство въ комиссіи. Большинство-же держалось иныхъ взглядовъ. Во-первыхъ, оно доказывало, что потребуется только единственное отступленіе отъ судебныхъ уставовъ, это—*пониженіе ценза*; во-вторыхъ, что общій уровень массы сибирскаго населенія вполнѣ удовлетворяетъ общимъ условіямъ, необходимымъ для присяжныхъ засѣдателей; въ-третьихъ, что судъ общественной совѣсти—судъ большинства, а большинство въ Сибири принадлежитъ къ русскому племени; въ-четвертыхъ, что пространства въ населеннѣйшихъ мѣстахъ Сибири не слишкомъ велики и нисколько не болѣе тѣхъ, которыя встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Европейской Россіи, и что отдаленность разстояній устраняется открытіемъ судебныхъ занятій на мѣстѣ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, комиссія признала вполнѣ возможнымъ ввести судъ присяжныхъ во всей центральной полосѣ Сибири, между 50° и 60° с. ш., съ нѣкоторыми только измѣненіями по отношенію къ инородцамъ и отдаленнымъ мѣстностямъ. Въ послѣднихъ было предположено: во-первыхъ, составлять особые очередные списки присяжныхъ, не включая ихъ при этомъ въ общій списокъ и обязать внесенныхъ въ эти списки участвовать только при рѣшеніи дѣлъ въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, для которыхъ списки составлены; во-вторыхъ допустить включеніе въ списки присяжныхъ офицеровъ, чиновниковъ и нижнихъ чиновъ воинскихъ командъ и управленій съ тѣмъ, чтобы лица эти были призываемы къ участію въ отправленіи правосудія только въ самомъ мѣстѣ расположенія командъ и управленій, къ составу которыхъ они принадлежатъ. Кромѣ того, было предположено опредѣлить закономъ, въ какія именно мѣстности въѣздъ суда обязателенъ. Далѣе, комиссія признала необходимымъ введеніе въ Сибири института присяжныхъ повѣренныхъ, при чемъ предполагалось нѣсколько понизить уровень требованій отъ присяжныхъ повѣренныхъ, а именно: предполагалось для лицъ, получившихъ юридическое образованіе, сократить срокъ занятій судебными дѣлами, допуская одновременно къ адвокатской практикѣ и лицъ, не полу

чившихъ юридическаго образованія, но практически ознакомившихся съ судебными дѣлами въ теченіе извѣстнаго срока и состоящихъ въ должностяхъ не ниже X класса. Наконецъ, комиссія полагала, что при сибирскихъ окружныхъ судахъ должно состоять извѣстное число штатныхъ кандидатовъ на судебныя должности съ опредѣленнымъ жалованьемъ [1]).

Такіе планы судебной реформы приводили въ восторгъ сибирскихъ обывателей. Но эти ликованія оказались преждевременными. Проекты коммисіи при своемъ движеніи въ инстанціонномъ порядкѣ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, окончательно погибли. Такимъ образомъ, Сибирь и сибиряки снова были отданы во власть «стараго суда». «Старый судъ» дѣйствовалъ въ Сибири до 25 февраля 1885 года. Если «старый судъ» въ Европейской Россіи, прославившійся, по словамъ г. Джаншіева,—своею чудовищною продажностью, невѣроятнымъ невѣжествомъ, безконечною волокитою, былъ не болѣе, какъ «варварскій самосудъ», то о сибирскомъ дореформенномъ судѣ — и говорить нечего. Для него трудно даже подыскать вполнѣ вѣрное и подходящее опредѣленіе.

«Старый судъ» Сибири являлся истиннымъ бичемъ и египетскимъ наказаніемъ для населенія. Послѣднее прямо изнемогало подъ несноснымъ его гнетомъ. Грубый произволъ, продажность и взяточничество царили кругомъ. Правда, совѣсть и честь давно уже стали «забытыми словами». Сибирская печать не переставала энергически доказывать неотложность судебной реформы [2]). На необходимость коренной реформы сибирскихъ судебныхъ учрежденій указываютъ и начальники Иркутской и Томской губерній въ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ за 1873 годъ [3]). Въ 1881 году одинъ изъ губернаторовъ Восточной Сибири дѣлаетъ всеподданнѣйшее представленіе о необходимости учрежденія въ городахъ Сибири мировыхъ судей [4]). Въ министерствѣ юстиціи въ 1870 г. снова вырабатывается проектъ о преобразованіи судебной части въ Западной Сибири. Тогда-же проектировались правила о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ законахъ, касающихся судоустройства и судопроизводства въ Западной и Восточной Сибири, при чемъ имѣлось въ виду ввести въ Сибири судебные уставы 1864 года съ нѣкоторыми только измѣненіями [5]). Но и на этотъ разъ дѣло не вышло за предѣлы плановъ и благихъ намѣреній.

Время шло... «Старый» сибирскій судъ безчинствовалъ попрежнему. Наступили 80-тые годы. Въ 1884—85 гг. министерство юстиціи окончательно приступило къ выработкѣ проекта «судебной реформы» въ Сибири. Вмѣстѣ съ тѣмъ, передъ введеніемъ предстоящей реформы, оно

---

[1]) В. Вагинъ. «О примѣненіи судебной реформы въ Сибири». «С.-Петерб. Вѣдомости», 1867, № 329, 330 и 336.

[2]) См. «Сибирск. библ.» В. И. Межова.

[3]) П. Вологодскій ib., Ядринцевъ «Сибирь, какъ колонія», изд. 1892, 525—526 стр.

[4]) «Вост. Обозр.» 1885 г. № 24. П. Вологодскій, ib. ст. 9.

[5]) «Восточное Обозрѣніе», 1892 г, № 42.

послало въ Сибирь оберъ-прокурора сената г. Рклицкаго съ товарищами, для ознакомленія съ персоналомъ мѣстныхъ судебныхъ дѣятелей и для обзора судебныхъ учрежденій Сибири. Служебный персоналъ судебныхъ учрежденій Сибири, какъ и слѣдовало ожидать, оказался ниже всякой критики и былъ устраненъ отъ обязанностей почти in corpore. Единственное исключеніе составлялъ только служебный персоналъ томскаго губернскаго суда [1]). Такія данныя и послѣдствія ревизіи, быть можетъ, ускорили работу комиссіи, и проектъ судебной реформы въ Сибири, наконецъ, былъ выработанъ. Это были такъ называемыя «временныя правила о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ по судоустройству и судопроизводству въ Сибири» 12-го января 1885 г. Введеніе этихъ «временныхъ правилъ» послѣдовало 25-го февраля 1885 года и сопровождалось лишь нѣкоторыми измѣненіями стараго судоустройства и судопроизводства. Эти «измѣненія» очень мало повліяли, какъ увидимъ ниже, на старый сибирскій судъ. «Временныя правила» оставляли даже пресловутую систему формальныхъ доказательствъ, согласно которой, при равной степени достовѣрности законныхъ свидѣтелей, въ случаѣ противорѣчія ихъ, давалось преимущество: 1) мужчинѣ передъ женщиной; 2) знатному передъ незнатнымъ; 3) ученому передъ неученымъ; 4) духовному передъ свѣтскимъ (ст. 333, XV т., 2 ч. зак. о судопроизв. по преступл. и проступк. изд. 1876 г.). Правда, эта система была отмѣнена уже въ слѣдующемъ 1886 г. и судьямъ даровано право рѣшать дѣла по внутреннему убѣжденію. Но этому внутреннему убѣжденію мѣшаютъ письменное судопроизводство и полная невозможность непосредственнаго знакомства съ подробностями и мотивами преступленія. При такомъ положеніи дѣла терялъ всякій смыслъ и состязательный процессъ, введенный во «временныя правила», впрочемъ, не для всякаго рода дѣлъ. Порядокъ обжалованія остался прежній, т. е. приговор. губернскихъ судовъ, присудившихъ, въ качествѣ первой инстанціи, обвиняемыхъ изъ крестьянъ, мѣщанъ или купцовъ къ лишенію всѣхъ правъ и состояній, или къ ограниченію правъ, или даже просто къ лишенію свободы на извѣстное время безъ ограниченія права, — должны приводиться немедленно въ исполненіе. Исключенія допускаются только для чиновниковъ, дворянъ, священнослужителей, почетныхъ гражданъ и прочихъ привилегированныхъ лицъ. Вся практика «временныхъ правилъ», начиная съ 25 февраля 1885 г. и до настоящаго времени можетъ служить лишь иллюстраціей полной несостоятельности современнаго сибирскаго судопроизводства. Мы могли-бы здѣсь привести массу краснорѣчивѣйшихъ фактовъ, но недостатокъ мѣста вынуждаетъ насъ ограничиться только нѣкоторыми изъ нихъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—по словамъ «Енисейскаго Листка» (1894 года № 14-й), — въ г. Красноярскѣ образовалась небольшая

[1]) «Сибир. Вѣстн.» 1893 г. № 149. «Вост. Обозр.» 1885 г. № 23.

компанія изъ Л—на, Гл—ля, Вас — ва и Г — ча, которая занялась превращеніемъ гербовыхъ марокъ, бывшихъ въ употребленіи, въ первоначальный ихъ видъ. Дѣятельность этихъ лицъ была обнаружена и всѣ они были привлечены къ уголовной отвѣтственности. Енисейскій губернскій судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, первыхъ двухъ обвиняемыхъ оправдалъ, а послѣдніе двое были приговорены къ краткосрочному тюремному заключенію и, такъ какъ рѣшенія сибирскихъ губернскихъ судовъ приводятся въ исполненіе даже въ случаѣ кассаціи, то В—въ и Г—беръ немедленно-же были заключены въ тюрьму, гдѣ и отбыли присужденное имъ наказаніе. Между тѣмъ, по протесту, поданному г. прокуроромъ, дѣло перешло въ сенатъ, который, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ приговоръ енисейскаго губернскаго суда неправильнымъ и постановилъ: В—ва считать по суду оправданнымъ, а остальныхъ подсудимыхъ приговорить каждаго на годъ и 3 мѣсяца въ каторгу. «Повидимому,—замѣчаетъ «Енис. Лис.»,—всѣмъ троимъ осужденнымъ немедленно-же дано было знать о рѣшеніи сената, такъ какъ, прежде чѣмъ оно было сообщено енисейскому суду, всѣ подсудимые успѣли скрыться. Такимъ образомъ, пострадалъ только одинъ В—въ, просидѣвъ въ тюрьмѣ напрасно около 10 мѣсяцевъ. Подобные случаи,—заключаетъ газета,—т. е. когда невинные отбываютъ наказаніе, какъ было въ данномъ случаѣ съ В—мъ, къ сожалѣнію, вовсе не исключеніе въ практикѣ сибирскихъ «судовъ». Трудно мириться съ заключеніемъ въ тюрьму невинныхъ, но, къ сожалѣнію, немедленное приведеніе въ исполненіе рѣшеній губернскихъ судовъ приводитъ нерѣдко къ еще болѣе печальнымъ послѣдствіямъ. Яркимъ доказательствомъ этого можетъ служить слѣдующій фактъ, передаваемый той-же газетой. Шесть лѣтъ тому назадъ много шуму надѣлало въ г. Красноярскѣ ограбленіе г-жи Соболевской въ ея квартирѣ, произведенное какими-то замаскированными лицами. По этому дѣлу былъ привлеченъ къ отвѣтственности только одинъ человѣкъ, нѣкто Зубаревъ— 19-ти-лѣтній юноша. Противъ него не было буквально ни одной сколько-нибудь основательной улики. Однако, судъ присудилъ его на 15 лѣтъ въ каторгу, куда онъ въ скоромъ-же времени и былъ отправленъ Между тѣмъ, защитникъ его, г. Филимоновъ, подалъ кассаціонную жалобу въ сенатъ. Послѣдній нашелъ обвиненіе г. Зубарева *неправильнымъ* и предписалъ освободить его отъ наказанія. Къ несчастью Зубарева, рѣшеніе это пришло слишкомъ поздно. При первомъ же удобномъ случаѣ онъ убѣжалъ съ каторги и, конечно, подъ вымышленнымъ именемъ пустился «бродяжить» по Россіи. Такимъ образомъ, сенатское рѣшеніе, возвращавшее ему свободу, уже не застало г. Зубарева на каторгѣ. «Несомнѣнно, заключаетъ «Енис. Лис.»,—что теперь ему не разъ придется побывать на каторгѣ, но каждый разъ подъ новымъ именемъ. Молодая жизнь, такимъ образомъ, разбита навѣки, безвозвратно...»

Позорная слава сибирскаго стараго суда, колоссальность работы [1])

[1]) Съ введеніемъ «временныхъ правилъ» трудъ въ сибирскихъ губернскихъ су-

и матеріальная необезпеченность [1]) сильно пугали молодыхъ и честныхъ юристовъ. Очень немногіе изъ послѣднихъ рѣшались ѣхать въ Сибирь. Охотники-же оставались тамъ недолго и черезъ годъ-два снова возвращались въ Россію. Такимъ образомъ, волей-неволей приходилось назначать въ члены судовъ мѣстныхъ служащихъ; высшія-же судейскія должности—оставлять по цѣлымъ годамъ вакантными. Въ Забайкальской области въ 1890 году слѣдственный институтъ состоялъ изъ 1 прокурора, 5 товарищей прокурора, 15 судебныхъ слѣдователей и 16 полицейскихъ засѣдателей, при чемъ всѣ 16 полицейскихъ засѣдателей, въ рукахъ которыхъ сосредоточено производство по громадному большинству уголовныхъ дѣлъ, оказались «домашняго образованія»; изъ 5 слѣдователей, играющихъ роль россійскихъ слѣдователей по важнѣйшимъ дѣламъ, высшее образованіе получилъ только одинъ, а одинъ долженъ былъ даже держать экзаменъ на первый классный чинъ; изъ 5 товарищей прокурора двое не получили надлежащаго образованія [2]). Такой персоналъ пригоденъ только для «ошибокъ». Такъ, напримѣръ, въ 1894 г. изъ канской тюрьмы по указамъ сената было освобождено отъ предварительнаго заключенія около 15 человѣкъ. («Енисейск. Лист.», 94, № 10). Всѣ эти лица оказались жертвами слѣдственной ошибки. Фактъ, безъ сомнѣнія, достаточно краснорѣчивый... Кромѣ того, въ слѣдственной части наблюдается прежняя волокита. Такъ, напр., въ тобольскомъ губернскомъ судѣ въ 1893 году общее число неоконченныхъ слѣдствій по губерніи было 9,057. Вообще современное состояніе слѣдственной части въ Сибири далеко неудовлетворительно. И послѣ 1885 г. большая часть слѣдствій производится полиціей; судебные-же слѣдователи обыкновенно выступаютъ только по особо важнымъ дѣламъ. Нравственный обликъ слѣдователей изъ полиціи и теперь, послѣ «судебной реформы», остается прежній. Далеко не на высотѣ своего призванія оказались и слѣдователи изъ лицъ съ университетскимъ образованіемъ». «Справедливость требуетъ сказать,—пишутъ въ «Вост. Обозр.» изъ Томска, — что, несмотря на улучшеніе состава судебныхъ дѣятелей и привлеченіе молодыхъ силъ на мѣста по судебному вѣдомству, къ сожалѣнію, носятся слухи, правда рѣдкіе, что даже изъ университетской молодежи попадаются, horribile dictu, люди, запятнавшіе себя самыми грубыми пороками дореформеннаго чиновника; объ одномъ судебномъ слѣдователѣ, недавно умершемъ, пріѣхавшемъ въ Сибирь чуть-ли не прямо съ университетской скамьи, открыто говорятъ, какъ о бывшемъ лихоимцѣ, да были подобные инци-

---

дахъ, благодаря устности и публичности, сравнительно съ прежней непосильной работой, пожалуй, увеличился вдвое.

[1]) Съ 1885 г. въ окружныхъ судахъ оклады были увеличены вдвое. Однако, они и теперь сравнительно незначительны. Напримѣръ, совѣтники губерн. судовъ въ Томскѣ и Тобольскѣ (должность 6 кл.) получаютъ всего содержанія въ годъ 1200 р., на что прожить теперь въ Томскѣ семейному человѣку трудно. (П. Вологодскій, ib.)

[2]) Бадиковъ. «Отправленіе правосудія въ Забайкальской области». См. «Ж. Г. и У. Права» 1890 г., 12 кн.

денты печальнаго свойства и съ другими господами въ этомъ родѣ». Не нужно, однако, думать, что условія дѣятельности слѣдователей въ Сибири весьма благопріятны. Наоборотъ, на ихъ долю выпалъ поистинѣ каторжный, непрерывный трудъ. Не лучше живется и представителямъ прокурорской власти. По общему отзыву чиновъ судебнаго вѣдомства, говоритъ «Вост. Обзр.» (№ 37 1890 г.), едва-ли у какого-либо прокурора или его товарища въ свѣтѣ такъ много дѣла, какъ у сибирскаго. Трудъ прокурорской власти въ Сибири—прямо варварскій трудъ. Для прокуроровъ и ихъ товарищей не полагается ни отдыха, ни праздниковъ. Цѣлый годъ должна идти упорная, лихорадочная работа [1]).—Съ введеніемъ «временныхъ правилъ» не улучшилась и защита, а осталась въ прежнемъ состояніи. Среди сибирскихъ защитниковъ преобладающимъ контингентомъ по прежнему являются разные проходимцы.

Такимъ образомъ, «временныя правила» 25 февр. 1895 г., дѣйствующія въ Сибири до настоящаго времени, не могли удовлетворить сибирскихъ обывателей. Многія городскія думы воспользовались празднованіемъ 300-лѣтняго юбилея Сибири и возбудили ходатайство о введеніи судебной реформы въ духѣ уставовъ Императора Александра II. Правительство не осталось равнодушнымъ ко всѣмъ этимъ ходатайствамъ. Въ 1892 г. для ревизіи судебныхъ учрежденій Западной Сибири министерствомъ юстиціи командируется оберъ-прокуроръ I-го департамента сената Бутковскій. Г. Бутковскій въ своемъ ревизіонномъ отчетѣ, между прочимъ, отмѣтилъ, что населеніе обревизованныхъ имъ мѣстностей «нельзя не признать вполнѣ подготовленнымъ къ воспріятію судебной реформы, а между тѣмъ существующее въ этихъ мѣстностяхъ судебное устройство таково, что имъ нисколько не обезпечивается ни личная, ни имущественная безопасность жителей» [2]). Губернаторы сибирскихъ губерній и областей, по словамъ «Журнала Министерства Юстиціи [3]), «единогласно и притомъ весьма категорично заявляютъ о невозможности дальнѣйшаго сохраненія во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ существующаго судебнаго строя и необходимости скорѣйшаго освобожденія чиновъ полиціи отъ лежащихъ на нихъ въ настоящее время судебныхъ функцій». Само министерство юстиціи въ своемъ органѣ прямо заявило, что «введеніе въ Сибири судебнаго преобразованія въ томъ или иномъ видѣ должно быть признано необходимымъ и совершенно неотложнымъ» [4]). И вотъ въ октябрѣ 1894 г. снова образуется комиссія для разработки основаній судебной реформы въ Сибири. Свои занятія комиссія закончила весною 1895 г. и пришла, какъ сказано въ «Журналѣ Министерства Юстиціи», «къ единогласному заключенію объ отсутствіи какихъ-бы то ни было серьез-

[1]) Н. Геллеровъ. Усиленіе слѣдственной части въ Тобольской губ. См. «Ж. Г. и У. Права» 1§93 г., № 9.

[2]) К. Верховской. «Преобразованіе судебнаго дѣла въ Сибири». См. „Журн. Минист. Юстиціи“ 1895 г., № 8, стр. 146—147.

[3]) ib. стр. 148.

[4]) ib. стр. 147.

ныхъ препятствій къ распространенію на большинство входящихъ въ составъ Сибири мѣстностей дѣйствія судебныхъ уставовъ Императора Александра II, съ извѣстными лишь изъятіями, большинство которыхъ уже допущены въ губерніяхъ Европейской Россіи, наиболѣе сходныхъ съ Сибирью по мѣстнымъ условіямъ».

Главнѣйшимъ изъ этихъ изъятій является устраненіе суда присяжныхъ засѣдателей. «Журналъ Министерства Юстиціи» не приводитъ тѣхъ мотивовъ, которыми руководствовалась комиссія, лишая Сибирь суда присяжныхъ, но изъ достовѣрнаго источника мы слышали, что комиссія и на этотъ разъ судъ присяжныхъ засѣдателей въ Сибири нашла «несвоевременнымъ». Читатели знаютъ, что комиссія 1867 г. блестяще опровергла это мнѣніе. Хотя Сибирь и страна ссылки и инородцевъ, но это еще не можетъ служить препятствіемъ къ введенію суда присяжныхъ. Во-первыхъ, ссыльный и инородческій элементы далеко не являются преобладающими въ Сибири, въ особенности Западной. Во-вторыхъ, даже самая значительность инородческаго населенія не можетъ препятствовать введенію суда присяжныхъ. Среди инородцевъ судъ ихъ собственной общественной совѣсти не только необходимъ, но и весьма полезенъ. Удачный опытъ съ судомъ присяжныхъ въ губерніяхъ Вологодской, Вятской и другихъ, подходящихъ по своимъ условіямъ къ Сибири, разрѣшаетъ утвердительно и вопросъ о способности кореннаго сибирскаго населенія къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей. Кромѣ того, не нужно забывать, что судъ присяжныхъ имѣетъ великое воспитательное значеніе и именно самъ для себя подготовляетъ населеніе къ исполненію обязанностей судьи по требованіямъ общественой совѣсти. Ссылка на неразвитость народа, это—очень старый аргументъ вообще всѣхъ противниковъ суда присяжныхъ. Онъ приводился еще въ 60-хъ годахъ, и тогда-же былъ блестяще опровергнутъ въ «Соображеніяхъ Государственой Канцеляріи». «Конечно, развитость народа имѣетъ не малое вліяніе на достоинство его учрежденій,—читаемъ мы въ «Соображеніяхъ»—но не подлежитъ также сомнѣнію, что хорошія учрежденія *развиваютъ и совершенствуютъ общество.* Въ этомъ отношеніи правильный судъ едва-ли не желательнѣе всякаго иного учрежденія, ибо онъ распространяетъ въ народѣ понятіе о справедливости и законѣ, безъ чего не можетъ быть ни благосостоянія, ни порядка въ обществѣ. ***Неразвитость нашего народа представляетъ основанія для скорѣйшаго введенія суда присяжныхъ,*** потому что такой именно народъ и нуждается въ особыхъ огражденіяхъ въ судѣ, нуждается въ судьяхъ, которые-бы вполнѣ его понимали. Нигдѣ, можетъ быть, историческая жизнь народа не положила такихъ глубокихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ, отчего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ постоянныхъ судей, принадлежащихъ вообще къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ низшихъ сословій замѣчаются чрезвычайно рѣзкія различія».

Къ этимъ прекраснымъ словамъ, кажется, нелишне будетъ добавить, что въ гораздо большей степени замѣчается различіе между судьями, пріѣзжающими обыкновенно изъ Европейской Россіи, и подсудимыми— сибиряками. Судья, пріѣхавшій изъ Европейской Россіи, въ большинствѣ случаевъ, совершенно не знаетъ Сибири. А вѣдь Сибирь и ея населеніе, какъ извѣстно, имѣютъ свои бытовыя особенности, свои взгляды и отношенія къ браку, семьѣ и другимъ гражданскимъ и правовымъ институтамъ. Своеобразность міросозерцанія сибирскаго населенія, безъ сомнѣнія, кладетъ свой яркій отпечатокъ на всѣ сферы его жизни и дѣятельности. Съ этимъ, конечно, необходимо считаться при опредѣленіи вины подсудимаго. Прійти къ вѣрному заключенію о степени виновности подсудимаго можетъ только человѣкъ, хорошо знающій всѣ условія и обычаи мѣстной жизни, а такимъ знаніемъ могутъ отличаться лишь представители общественной совѣсти.

Допуская судъ общественной совѣсти, не слѣдуетъ урѣзывать судебные уставы и въ другихъ важныхъ сторонахъ. Доказывать необходимость учрежденія въСибири института присяжныхъ повѣренныхъ, по нашему мнѣнію, совершенно излишне. Неотложная необходимость въ немъ для всѣхъ очевидна. Остается только удивляться, что въ проектѣ комиссіи о немъ даже ни слова не упоминается. Если еще комиссія 1867 г. проектировала ввести въ Сибири институтъ присяжныхъ повѣренныхъ, правда нѣсколько измѣненный, то представляется весьма страннымъ полное замалчиваніе его теперь. Наконецъ, совершенно ошибочнымъ намъ кажется предположеніе комиссіи учредить на всю Сибирь только одну судебную палату въ г. Иркутскѣ. «Восточное Обозрѣніе» (№ 79, 1895 г.) дѣлаетъ по этому поводу рядъ основательныхъ и дѣльныхъ замѣчаній. «Иркутская судебная палата, пишетъ газета, имѣя въ своемъ вѣдѣніи громадный округъ, въ составъ котораго войдутъ два, а быть можетъ и три генералъ-губернаторства, и Томская губернія, естественно будетъ завалена дѣлами и прямо-таки непосильной работой. При этомъ, масса времени будетъ теряться на излишнюю переписку, которая, конечно, не можетъ совершаться быстро, даже между такими пунктами, соединенными въ будущемъ желѣзной дорогой, какъ, напр., Иркутскъ и Владивостокъ, или Иркутскъ и Томскъ, не говоря уже объ Якутскѣ. Въ такомъ случаѣ на всю Сибирь одной судебной палаты мало и въ недалекомъ будущемъ явится необходимость въ подобныхъ-же учрежденіяхъ въ Пріамурскомъ генералъ-губернаторствѣ и въ г. Томскѣ. Раздѣленіе Сибири на три судебныхъ округа вполнѣ естественно и необходимо въ интересахъ судебнаго дѣла. Эти округи могли-бы быть слѣдующіе. Томскъ съ губерніями Тобольской, Томской и областями Семипалатинской и Акмолинской; Иркутскъ съ губерніями Енисейской, Иркутской и областями Якутской и Забайкальской и Хабаровской съ областями Приморской и Амурской».

До сихъ поръ проекты судебной реформы въ Сибири еще не разсматривались Государственнымъ Совѣтомъ, а потому въ нихъ могутъ быть сдѣланы

разныя измѣненія, отвѣчающія надеждамъ сибирскаго обывателя. Что касается ссылокъ на дороговизну введенія въ Сибири судебныхъ уставовъ 1864 года въ полномъ ихъ составѣ, то она намъ кажется по меньшей мѣрѣ странной. Вѣдь государство расходуетъ средства и на теперешнюю сибирскую юстицію. Разницу въ стоимости послѣдней и «праваго» суда сибирское населеніе не отказалось-бы принять на себя. Теперь-же разные слухи скорѣе тревожатъ, чѣмъ успокаиваютъ сибирскихъ обывателей. Мѣстная печать защищаетъ Сибирь отъ угрожающихъ нововведеній. Такъ, «Сибирскій Вѣстникъ» категорически высказывается противъ введенія въ Сибири института земскихъ начальниковъ. Хотѣлось-бы вѣрить и надѣяться, что всѣ тревожные и неблагопріятные слухи о судебной реформѣ въ Сибири напрасны, и что въ Сибири будутъ введены судебные уставы 1864 года въ полномъ ихъ объемѣ, при чемъ въ томскомъ университетѣ слѣдутъ открыть юридическій факультетъ, который въ виду предстоящей судебной реформы въ Сибири, является дѣломъ неотложной необходимости. Молодые юристы-сибиряки, получивъ высшее юридическое образованіе въ нѣдрахъ своей родины (Томскомъ университетѣ), съ самаго дѣтства хорошо зная мѣстныя условія жизни, будутъ самыми желательными судебными дѣятелями въ Сибири.

Н. Арефьевъ.

II. Прибалтійскій край.

Дерптскій (юрьевскій) университетъ попрежнему служитъ предметомъ самаго живого интереса для мѣстнаго общества. Нѣсколько дней тому назадъ, 12 декабря, состоялся годичный актъ въ университетѣ. Мѣстная печать въ этотъ день посвящаетъ длинныя статьи «старому» и «новому» университету. Изданія, выходящія на русскомъ языкѣ, уловляютъ въ этихъ статьяхъ «не патріотическія» тенденціи и намеки. «Рижскій Вѣстникъ» старательно подкапывается подъ каждое слово и видитъ въ немъ заднюю мысль. Въ номерѣ отъ 16 декабря какой-то г. С. Н. пишетъ: «Мысли о мистификаціи навѣяло на меня чтеніе Новой Дерптской Газеты. Сознательно или безсознательно мистифицируетъ эта почтенная газета своихъ читателей въ вопросахъ, касающихся пореформенныхъ учрежденій? Она, наприм., сообщаетъ, какъ новость, что годичный актъ въ юрьевскомъ университетѣ (12 декабря с. г.) происходилъ на русскомъ языкѣ. Развѣ газета не понимаетъ, что это такая же новость, какъ, положимъ, взятіе Плевны? Или она вотъ уже второй или третій годъ печатаетъ на своихъ столбцахъ въ день основанія университета текстъ учредительной грамоты съ цѣлью что-то доказать. Или она выхваляетъ преданность бывшихъ питомцевъ юрьевскаго университета, своей alma mater, многократно подчеркиваетъ ее, видя въ ней спеціаль-

ныя заслуги мѣстнаго университета при дореформенномъ его строѣ»... Какъ видите, подозрительность «Рижскаго Вѣстника» доходитъ до галюцинацій. Въ день университетскаго акта «Neue Dörpatische Zeitung» напечатала текстъ учредительной грамоты. Почему-же въ день университетскаго акта и не напечатать текста учредительной грамоты? «Рижскій Вѣстникъ» заподозрилъ даже текстъ офиціальной грамоты и предполагаетъ, что «Neue Dörpatische Zeitung» этимъ текстомъ *что-то* хотѣла доказать... Представьте себѣ, что «Neue Dörpatische Zeitung» и на самомъ дѣлѣ хотѣла въ день 12 декабря засвидѣтельствовать свою особую преданность «старому» университету. Что-же тутъ преступнаго? «Старый» университетъ былъ такимъ-же правительственнымъ учрежденіемъ, какъ и «новый» университетъ. Симпатіи къ правительственному учрежденію, хотя-бы и упраздненному въ данное время, никоимъ образомъ не могутъ быть признаны подозрительными. Въ самое послѣднее время изъ офиціальныхъ сферъ идутъ самые лестные отзывы о старомъ университетѣ. Г. министръ финансовъ по поводу новыхъ ассигнованій на нужды реформированнаго университета заявилъ, что старый дореформенный университетъ стоялъ на высотѣ одного изъ лучшихъ университетовъ, довольствуюсь болѣе скромной смѣтой. Отрицать справедливость такой аттестаціи мы предоставляемъ «Рижскому Вѣстнику». Великое историческое значеніе дореформеннаго университета для русской культуры и науки не подлежитъ никакому сомнѣнію. Правда, въ дореформенномъ университетѣ не все обстояло въ лучшемъ видѣ, но вѣдь и на солнцѣ бываютъ пятна. «Рижскій Вѣстникъ» всѣ силы «новаго» университета видитъ въ русскомъ языкѣ... Однако, не проходитъ ни одного мѣсяца, чтобы на столбпахъ «Моск. Вѣд.» не попадались обвиненія по адресу правительства за недостаточное руссофицированіе дерптскаго (юрьевскаго) университета. «Моск. Вѣд.», видимо, чувствуютъ, что дерптскій университетъ поблекъ послѣ реформы и не оправдалъ розовыхъ надеждъ «патріотовъ» Страстного бульвара; а потому и озлобленность газеты не знаетъ границъ. По мнѣнію «Моск. Вѣд.», какія-то интриги вредятъ славѣ «новаго» университета. Можно лишь сожалѣть о такомъ университетѣ, слава котораго меркнетъ отъ «интригъ» противъ этой славы. Должно быть, это очень слабая слава.

«Охранительныя» газеты вообще ведутъ отчаянную борьбу противъ Прибалтійскаго края,—отчаянную по своей безцеремонности. Ложь, сплетня и выдумки украшаютъ строки ихъ «спеціальныхъ» корреспондентовъ изъ Прибалтійскаго края. Такими «политическими» средствами «патріотическія» изданія, вѣроятно, думаютъ внушить мѣстному населенію уваженіе къ русской печати вообще и русскому языку въ частности. Нѣтъ ничего удивительнаго, что размышленія и корреспонденціи «патріотическихъ» изданій не подняли въ глазахъ мѣстнаго населенія престижъ того «русскаго дѣла», которому принялась служить «патріотическая» печать, пуская въ ходъ самыя неблаговидныя средства. При помощи неблаговид-

ныхъ средствъ не рѣшался ни одинъ серьезный вопросъ. Если-бы мѣстное населеніе не отличалось крайней выдержанностью, то «патріотическая» печать оказала-бы весьма скверную услугу, разжигая страсти и поселяя ненависть.

Обвиняя русское правительство въ разныхъ поблажкахъ мѣстному населенію, «Моск. Вѣд.», кажется, готовы заподозрить даже погоду въ непростительныхъ симпатіяхъ къ нѣмцамъ. «Бѣдные» нѣмцы, пользуясь общей симпатіей, тѣмъ самымъ вызываютъ зависть у «Моск. Вѣд.». «Патріотическая» печать забываетъ, что проповѣдь ненависти къ какому-либо народу у многихъ можетъ вызывать лишь симпатію къ нему. Прочитывая корреспонденціи и разсужденія русскихъ газетъ, безпристрастный читатель можетъ остаться лишь при томъ убѣжденіи, что Прибалтійскій край не пользуется ни миромъ, ни покоемъ. Конечно, тамъ не бунтуютъ и не сопротивляются, но въ этомъ и состоитъ главная вина нѣмцевъ. Въ какой-то патріотической газетѣ было сказано, что если нѣмцы недовольны, то пусть они труса не празднуютъ. Бунтъ самое лучшее разрѣшеніе вопроса. Въ случаѣ бунта нѣмцы были-бы раздавлены разъ навсегда. Вотъ истинно мирная надежда на мирное рѣшеніе вопроса! Тщетность этихъ надеждъ на бунтъ нѣмцевъ до крайности озлобляетъ «патріотическую» печать. Она пустила въ ходъ всѣ средства и все-таки не достигла своей цѣли: нѣмецъ къ бунту неспособенъ. Нѣмцы не бунтуютъ,—такъ жать и жать ихъ безъ конца! Девизъ настолько культурный, что онъ можетъ вырваться лишь изъ устъ человѣка, обезсилившаго въ злобѣ. Въ глазахъ обезумѣвшаго отъ злобы всѣ виноваты. Русское правительство «патріотическая» печать открыто обвиняетъ въ попустительствѣ и поощреніи нѣмецкихъ вождѣленій. Разъ нѣмцевъ не жмутъ всѣми средствами, то значитъ имъ покровительствуютъ!.. Но съ какой стати русское правительство обязано жать нѣмцевъ? Вѣроятно, только потому, что нѣмецъ сидитъ на мѣстѣ и, мирно занимаясь своимъ дѣломъ, не читаетъ «Моск. Вѣд.» и, не агитируетъ въ пользу племенной или религіозной вражды. Кажется, это уже большая заслуга, но требовать отъ нѣмца, чтобы онъ переталъ быть нѣмцемъ—могутъ лишь тѣ, которые, при другихъ обстоятельствахъ, покорно писали-бы, чтобы русскій пересталъ былъ русскимъ. Разница между нѣмцемъ и «патріотами» весьма крупная по части уваженія къ другимъ народностямъ. Не нѣмцы, а «патріоты» стоятъ въ краѣ за исключительность и верховенство одной народности надъ другою. Вотъ, напр., въ Ригѣ существуетъ «русскій литературный кружокъ», праздновавшій 24 ноября 1895 г. 21 годовщину своего существованія. Кружокъ, конечно, имѣетъ свой уставъ. Въ параграфѣ 2-мъ этого устава сказано слѣдующее: «кружокъ состоитъ изъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, которыми могутъ быть лица обоего пола *исключительно христіанскаго исповѣданія*». Почему занятіе русской литературой должно составлять особенность однихъ христіанъ, на этотъ вопросъ мы не нашли отвѣта въ уставѣ кружка, из-

данномъ безъ комментаріевъ. Что сказали-бы «Моск. Вѣд.», если-бы имъ попался въ руки уставъ какого-нибудь нѣмецкаго литературнаго кружка, въ которомъ изъ числа членовъ исключались-бы всѣ лица, исповѣдующія православную религію? На столбцахъ газеты немедленно появилась-бы статья о гоненіи нѣмцевъ на русскихъ за то, что русскіе исповѣдуютъ православную религію. Каждая строка этой статьи спрашивала-бы правительство, куда и за чѣмъ оно смотритъ въ Прибалтійскомъ краѣ? Если-же уставъ какого-нибудь русскаго кружка исключаетъ изъ числа своихъ членовъ массу образованныхъ евреевъ, живущихъ въ краѣ, то это такъ и должно быть. Вѣроятно, любой русскій кружокъ въ Прибалтійскомъ краѣ долженъ служить образцомъ племенной вражды въ интересахъ «русскаго дѣла».

Къ сожалѣнію, мы не можемъ оспаривать того факта, что вызывающая, агрессивная политика «патріотической» печати оказываетъ свое вліяніе и на русскіе элементы въ Прибалтійскомъ краѣ. Среди русскихъ, живущихъ въ Прибалтійскомъ краѣ, чрезвычайно распространены «Московскія Вѣдомости». Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о явномъ сочувствіи русскаго элемента размышленіямъ «Моск. Вѣд.». И дѣйствительно, русскіе въ Прибалтійскомъ краѣ, вопреки намѣреніямъ правительства, держатъ себя обособленно отъ нѣмцевъ и относятся къ нимъ вызывающимъ образомъ, обнаруживая свое враждебное къ нимъ отношеніе при всякомъ удобномъ случаѣ. Наилучшимъ доказательствомъ такой вызывающей политики русскаго элемента служитъ тотъ фактъ, что даже эсты и латыши нашли для себя болѣе удобной полную обособленность отъ русскихъ элементовъ, несмотря на сочувствіе эстовъ и латышей ко многимъ начинаніямъ русскаго правительства. Эсты и латыши не проявляютъ открыто своей вражды къ русскому населенію, но и не питаютъ къ нему ни малѣйшей симпатіи, отнюдь не думая отождествлять весь русскій народъ съ здѣшнимъ пришлымъ русскимъ элементомъ. Они бывали въ Россіи, видѣли русскій народъ близко и знакомы съ условіями его жизни. Общее незавидное положеніе всегда вызываетъ симпатію, а не вражду, хотя изъ симпатіи къ русскому народу эсты и латыши не помѣнялись-бы съ нимъ положеніями. Эстъ и латышъ, побывавшій въ разныхъ концахъ Россіи, сознаетъ всѣ преимущества своего экономическаго положенія и всѣ удобства жизни въ культурномъ краѣ, подъ «гнетомъ бароновъ». Иногда безпокоятъ его слухи о разныхъ, будто-бы уже намѣченныхъ планахъ, въ родѣ заселенія государственныхъ земель русскими крестьянами и пріобрѣтеніи помѣщичьихъ земель для русскихъ переселенцевъ. Эсты и латыши знаютъ, что русскій крестьянинъ нуждается въ землѣ, но въ то-же самое время они знаютъ, что въ Россіи находится масса земель въ рукахъ помѣщиковъ. Земли-же Прибалтійскаго края они въ теченіе многихъ вѣковъ обрабатывали своими руками. Тутъ чуть-ли не каждая полоса земли, освобожденной отъ камня, осушенной или расчищенной, свидѣтельствуетъ о вѣ-

ковой работѣ мѣстнаго крестьянства, нуждающагося въ землѣ не менѣе коренного русскаго населенія. Мѣстное крестьянство думаетъ, что мѣстныя земли послужатъ ему на благо по праву вѣкового труда. По нашему мнѣнію, такой взглядъ нисколько не противорѣчитъ симпатіямъ къ русскому народу и правамъ русскаго народа на пользованіе землею въ достаточномъ размѣрѣ. Въ то-же самое время и русскій народъ привыкъ съ уваженіемъ относиться къ «трудовому началу», и, навѣрно, далекъ отъ мысли обвинять эстовъ и латышей въ посягательствахъ на русскую землю.

Разрѣшеніе аграрнаго вопроса въ Прибалтійскомъ краѣ—мечта отдаленнаго будущаго. Теперь-же злобой дня является вопросъ о тѣхъ средствахъ, при помощи которыхъ мелкіе землевладѣльцы могли-бы удержать въ своихъ рукахъ тѣ клочки земли, которыми они владѣютъ въ данное время. Мелкіе землевладѣльцы въ краѣ находятся въ критическомъ положеніи. Мелкіе участки земли стали массами продаваться съ аукціоннаго торга. Дѣло въ томъ, что, при данныхъ цѣнахъ на хлѣбъ, крестьяне не въ состояніи исправно уплачивать высокую арендную плату и вносить платежи по выкупу земель. Мѣстныя сельскохозяйственныя общества занялись обсужденіемъ этого вопроса. Но подыскать надлежащій выходъ изъ этого положенія весьма трудно. Юрьевское сельско-хозяйственное общество постановило просить помѣщиковъ о пониженіи арендной платы и процентовъ по выкупнымъ бумагамъ. Просьба, пожалуй, и основательная, но она не можетъ вести къ какимъ-либо практическимъ результатамъ. Помѣщики теперь сами находятся въ незавидномъ положеніи и, конечно, за весьма рѣдкими исключеніями, не поступятся своими сократившимися доходами. Пониженіе процентовъ по выкупнымъ бумагамъ уже не зависитъ отъ воли и власти мѣстныхъ помѣщиковъ. Эти бумаги массами перешли отъ помѣщиковъ къ другимъ лицамъ, которымъ, конечно, нѣтъ никакого дѣла до того, что крестьяне не могутъ исправно уплачивать процентовъ. Аукціонный молотокъ замѣнитъ исправность крестьянина... Другія мѣстныя сельско-хозяйственныя общества проектируютъ разные кредиты для мѣстныхъ крестьянъ. Ревельское общество высказалось въ пользу особаго мѣстнаго крестьянскаго банка, который выдавалъ-бы крестьянамъ ссуды изъ 4 проц. Отдѣленія государственнаго банка, быть можетъ, и могли-бы выдавать ссуды по такому низкому проценту, но частный банкъ, конечно, не можетъ выдавать ссуды за 4 проц. Выдавая ссуды по 4 проц., банкъ по вкладамъ и по выпускаемымъ бумагамъ могъ-бы платить не болѣе $3^1/_2$ проц. На такіе проценты не найдется охотниковъ. Будутъ-ли приняты со стороны правительства какія-либо мѣры для спасенія мелкаго землевладѣнія въ краѣ,—пока неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ мелкому землевладѣнію въ краѣ угрожаетъ серьезная опасность, отъ которой много пострадаютъ интересная для казны «платежная сила» населенія. Если мѣстное крестьянство вообще находится въ лучшихъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ

деревенское населеніе Россіи, то отсюда еще не слѣдуетъ, что къ надвигающейся на него опасности можно отнестись съ полнымъ индиферентизмомъ. Пониженіе выкупныхъ платежей зависитъ отъ правительства и было-бы весьма желательно, чтобы оно состоялось въ возможно скоромъ времени. Вѣдь массы народа, прогнанныя съ земли аукціоннымъ молоткомъ, будутъ причинять лишнія хлопоты правительству, которое теперь, видимо, признаетъ, что руки, привыкшія къ землѣ, должны имѣть доступъ къ самостоятельному занятію земледѣліемъ.

П. К.

III. Кавказъ.

«Армянскій вопросъ», говорятъ, будетъ имѣть серьезныя послѣдствія для ближайшей будущей исторіи Кавказа. Столичныя газеты теперь не нахвалятся своей предусмотрительностью и дальновидностью. Онѣ трезво взглянули въ самую суть дѣла и доказали, что вопли армянъ разоблачаютъ не ихъ страданія, а ихъ притязанія. Армяне, будто бы теперь сами уже сожалѣютъ о томъ, что они непредусмотрительно расплакались. «Новое Время» утерло ихъ притворныя слезы, взглянуло имъ прямо въ лицо и прочитало въ этомъ притворно-заплаканномъ лицѣ ужасные замыслы, о которыхъ и поспѣшило увѣдомить русское правительство.

Донесеніе «Новаго Времени» разоблачило самыя горькія заблужденія. До сихъ поръ во всѣхъ учебникахъ исторіи описываются подвиги русскихъ «героевъ» на Кавказѣ, сложившихъ свою голову во «славу русскаго оружія.» Какая наивность! Русскіе «герои» дѣйствительно полегли массами, но не во славу русскаго оружія, а въ пользу армянскаго кармана! Русскіе завоевывали Кавказъ для себя, а армяне рѣшили, что русскіе завоевали Кавказъ для армянъ. Армяне, при помощи судьбы, превратили Кавказъ въ армянское царство и мѣряютъ границы своего царства съ чудовищной притязательностью. «Новое Время» узнало, что «Великая Арменія», по мнѣнію армянъ, должна простираться до Ростова на Дону! Конечно, многіе изъ читателей, какъ и я, до сихъ поръ не знали и ничего не слыхали про Великую Арменію до Ростова на Дону. Каждый въ правѣ былъ думать, что на Кавказѣ нѣтъ ни одной господствующей народности, а есть масса разныхъ народностей. Всѣ эти народности имѣютъ право жить на Кавказѣ, пользоваться кавказскими землями, говорить своимъ языкомъ, исповѣдывать свою вѣру и т. д. Если армяне стремятся стать «господствующей» націей на Кавказѣ, то такому стремленію нельзя сочувствовать.

Въ такихъ замыслахъ обвиняетъ армянъ «Новое Время». Обвинительный актъ, предъявленный «Новымъ Временемъ» армянамъ обнимаетъ три фельетона и нѣсколько статей. [1]) Стремленіе армянъ къ

[1]) См. „Новое Время“ отъ 7, 21, 24 и 28 ноября 1895 г.

господству надъ другими націями въ обвинительномъ актѣ признается прирожденной, исторической особенностью армянскаго народа. Такъ всегда выражаются люди, не имѣющіе въ своемъ распоряженіи никакихъ положительныхъ аргументовъ. Всякій легко можетъ отдѣлаться отъ любого вопроса, заявивъ, что тутъ всякій споръ является излишнимъ, такъ какъ данная особенность является прирожденной и исторической особенностью даннаг онарода. Термины—«прирожденная и историческая особенность», по неопредѣленности своего содержанія, легко смѣшиваются, хотя, быть можетъ, между прирожденными и историческими особенностями оказалась-бы крупная разница. Конечно, мы здѣсь не станемъ выяснять содержаніе этихъ терминовъ, а указываемъ лишь на полную возможность прикрыть ими любое обвиненіе противъ любой націи. Евреевъ обвиняютъ во всякихъ злодѣяніяхъ, ссылаясь на ихъ историческія и прирожденныя особенности. Словомъ, ссылка на то, что армяне страдаютъ прирожденнымъ, историческимъ стремленіемъ къ господству надъ другими націями ровно ничего не говоритъ. Я могу съ одинаковымъ правомъ утверждать, что армяне отличаются прирожденнымъ стремленіемъ къ мирной совмѣстной жизни съ другими народами, основанной на взаимномъ уваженіи къ правамъ и національнымъ особенностямъ.

Такъ слабо мотивированъ первый пунктъ обвинительнаго акта. Второй пунктъ обвинительнаго акта противъ армянъ, говорящій объ ихъ стремленіи къ полному господству на Кавказѣ, пожалуй, слабѣе перваго. «Новое Время» путается въ своемъ желаніи доказать родство армянъ съ евреями и общность у тѣхъ и другихъ многихъ свойствъ и качествъ. Мы, конечно, не думаемъ утверждать, чтобы родство армянъ съ евреями было-бы для нихъ весьма позорно, но оно едва-ли можетъ быть доказано. Если-бы кто-либо и успѣлъ доказать, что евреи и армяне имѣютъ не мало общихъ свойствъ и качествъ, то эта общность евреевъ съ армянами говорила-бы противъ всякихъ подозрѣній армянъ въ стремленіи къ господству среди кавказскихъ и всякихъ иныхъ народностей. Пошлость этой аргументаціи разсчитана на суевѣрія невѣжественной толпы. Достаточно сказать, что такой-то народъ имѣетъ много общаго съ «жидами», чтобы окончательно замарать его въ глазахъ толпы. Однако, всякій, прибѣгающій къ такимъ пошлымъ пріемамъ, въ сущности, собственноручно расписуется въ бездоказательности составленнаго имъ обвинительнаго акта.

Третій пунктъ обвинительнаго акта превосходитъ два первыхъ по своей странности. Обвиняя армянъ въ притязаніяхъ, къ нимъ предъявляютъ явно безцеремонныя притязанія. Армяне проявляютъ уваженіе къ своему языку и часто передѣлываютъ свои фамиліи съ русскимъ окончаніемъ на фамиліи съ армянскимъ окончаніемъ. Армяне любятъ свою литературу. Мало того, армяне любятъ свою исторію, свои преданія и нерѣдко прикрашиваютъ свое славное прошлое и своихъ историческихъ героевъ и «патріотовъ». Какъ смѣютъ армяне прямо и открыто

обнаруживать всѣ такія стремленія и привязанности? Вѣдь это нахальная, безцеремонная притязательность!.. Вотъ до какой безцеремонности доходятъ авторы обвинительнаго акта противъ армянъ. Они самымъ безцеремоннымъ образомъ требуютъ, чтобы армяне бросили свой языкъ, презирали свою литературу и ненавидѣли свою прошлую исторію! Согласитесь, что такое противоестественное требованіе нельзя предъявлять не только къ армянамъ, но и ко всякой другой народности, такъ какъ оно невыполнимо. Ни одинъ народъ не можетъ и не долженъ презирать свой языкъ и свою исторію. Трудно подыскать какой-либо народъ, который не уважалъ-бы своихъ историческихъ или миѳическихъ героевъ и не прикрашивалъ-бы свое прошлое. Эта естественная слабость присуща всѣмъ племенамъ и народамъ, а не однимъ армянамъ. Конечно, господа обличители армянскихъ замысловъ все это прекрасно понимаютъ, но помириться съ такими стремленіями армянъ они не желаютъ. Помилуйте, вѣдь это возрожденіе армянскаго языка, литературы и исторіи и ведетъ къ тому, что армяне мечтаютъ образовать на Кавказѣ «Великую Арменію до Ростова-на-Дону»! Какой-то г. Кавказецъ съ грустью замѣчаетъ: «не трудно догадаться, что мы сами виноваты въ томъ, что они могутъ мечтать о созданіи армянскаго царства. Мы своей терпимостью какъ будто подсказываемъ имъ путь дѣйствій и даемъ возможность осуществленія ихъ мечтаній... Но, конечно, этому нужно положить конецъ» [1])... Кто-бы здѣсь ни разумѣлся подъ «мы»,—г. Кавказецъ въ равной степени долженъ покаяться въ клеветѣ: «мы» могутъ быть обвиняемы въ чемъ угодно, только не въ терпимости.

Пожалуй, можно согласиться съ г. Кавказцемъ, что «мы» во многомъ виноваты. Завоевавъ Кавказъ «мы» приняли на себя тяжелую отвѣтственность за судьбу населяющихъ его народностей и забыли про эту отвѣтственность. «Кавказъ,—говоритъ г. Кавказецъ,—мы почти не знаемъ, не знаетъ его и министерство государственныхъ имуществъ». Значитъ, «мы» такъ слабо интересуемся дѣлами кавказскихъ племенъ, что до сихъ поръ даже не знаемъ Кавказа. Если вѣрить г. Кавказцу, то наше незнакомство съ Кавказомъ и кавказскими дѣлами носитъ явно печальный характеръ. «Судя по тѣмъ отношеніямъ, которыя сложились между грузиномъ-крестьяниномъ и помѣщикомъ, можно подумать, говоритъ г. Кавказецъ, что имъ никто не объявлялъ о Высочайшемъ манифестѣ 19 февраля 1861 г. Помѣщикъ въ своемъ имѣніи такъ-же, какъ и прежде, окруженъ дворней, такъ-же судитъ и рядитъ провинившихся крестьянъ, такъ-же распоряжается ихъ трудомъ, словомъ—смотритъ на нихъ какъ на своихъ батраковъ, и, конечно, никто не подумаетъ просвѣтить эту темную массу». Вотъ какія отношенія царятъ на Кавказѣ, который былъ нами давно завоеванъ. Судя по планамъ г. Кавказца, можно подумать, что Кавказъ былъ завоеванъ для изгнанія съ земли мѣстныхъ народностей и для за-

[1]) «Новое Время», отъ 21 ноября 1895 г.

селенія его русскими крестьянами. Но такіе пріемы колоніальной политики, кажется, давно отошли въ область исторіи и къ нимъ теперь уже нельзя прибѣгать, не унижая своей «національной гордости». Теперь уже нельзя проповѣдовать принципъ: «добыча побѣдителямъ»! Г. Кавказецъ страшно возмущается тѣмъ, что мѣстныя народности считаютъ Кавказъ своимъ и что мѣстная будто-бы администрація тому потакаетъ. Онъ приводитъ длинный рядъ цифръ въ доказательство того, что въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ Кавказа служатъ, главнымъ образомъ, люди, принадлежащіе по своему происхожденію къ мѣстнымъ народностямъ. Такіе чиновники будто-бы явно вредятъ дѣлу. Однако, спрашивается, какъ-же мѣстная администрація можетъ управлять краемъ, не имѣя въ числѣ своихъ чиновниковъ лицъ, близко знакомыхъ съ краемъ? Вѣдь, г. Кавказецъ обязанъ помнить то, что онъ самъ говоритъ. Онъ говоритъ, что «мы Кавказъ не знаемъ». При полномъ незнакомствѣ съ Кавказомъ, нельзя имъ управлять безъ помощи чиновниковъ изъ лицъ мѣстнаго происхожденія. Кромѣ того, при всякихъ условіяхъ чиновники изъ лицъ мѣстнаго происхожденія неизмѣримо болѣе полезны для дѣла, чѣмъ пріѣзжіе и присылаемые изъ столичныхъ канцелярій.

Кавказская администрація, должно быть, на опытѣ узнала, что чиновники изъ мѣстныхъ людей для нея болѣе полезны, чѣмъ разныя пріѣзжіе карьеристы. Разгонять чиновниковъ знающихъ край, и замѣнять ихъ людьми, не знающими края, могутъ лишь одни гг. Кавказцы, украшающіе своими писаніями столбцы «Новаго Времени». Эти господа, пожалуй, устроили-бы весьма оригинальную колонизацію края, сгоняя съ земли мѣстныхъ жителей. Они готовы возмущаться тѣмъ, что кавказскія народности считаютъ кавказскія земли не предназначенными для пришлаго элемента. Намъ хотѣлось-бы знать существуютъ-ли такіе народы, которые признаютъ свои земли не для нихъ предназначенными? Странно, что «Новое Время», обвиняя мѣстныхъ обывателей въ захватѣ земель, въ то же самое время приводитъ такіе факты, которые говорятъ о нѣсколько иномъ захватѣ. Въ номерѣ отъ 28 ноября «Новое Время» напечатало статью въ доказательство того, что армяне практикуютъ захватъ земель и въ этой самой статьѣ нѣкто г. Н. И. Ш—евъ разсказываетъ слѣдующее: «Съ цѣлью «не дать краю одичать» начальникъ сухумскаго округа, г. Кравченко, вошелъ съ ходатайствомъ (1872 г.) о надѣленіи свободной землей (28,000 десятинъ) служащихъ въ управленіи Сухумскаго округа и др. лицъ, на извѣстныхъ условіяхъ, по исполненіи которыхъ эти участки должны были перейти въ ихъ полную собственность. Такимъ образомъ, лучшія земли въ Цебельдѣ (16,000 десятинъ) и въ Дальскомъ ущельѣ р. Кодора (12,000 десятинъ) обратились въ собственность 55 чиновниковъ въ роли помѣщиковъ! Минимальный размѣръ надѣла былъ допущенъ въ 100 десятинъ, а максимальный 7,743 десятины!!! Укрѣпивъ за собой участки, ни одинъ изъ этихъ новыхъ владѣльцевъ не сѣлъ на землю и не занимался хозяйствомъ. Они

предпочли предварительно вырубить и продать вѣковыя орѣховыя деревья. Я могъ-бы привести длинный списокъ лицамъ, которымъ розданы лучшія земли въ Цебельдѣ, но случайность и произволъ, съ какими эти земли раздавались, ясны будутъ и изъ немногихъ примѣровъ. Земельные надѣлы получили: столоначальникъ г. Н. (250 десятинъ), журналистъ г. В. (150 дес.), переводчикъ г. О. (150 дес.), управляющій имѣніемъ г. К — о (200 дес.), консулъ въ Рущукѣ г. М. (500 дес.), благочинный абхазскихъ церквей г. М. (400 дес.) и проч. 49 помѣщиковъ, ихъ же имена ты, Господи, вѣси...

М. П.

Во всѣхъ русскихъ офиціальныхъ изданіяхъ территорія Россіи раздѣляется слѣдующимъ образомъ: 1) губерніи Европейской Россіи, 2) Кавказъ, 3) Прибалтійскій край, 4) Привислянскій край, 5) Сибирь. Въ текущемъ году «Сѣверный Вѣстникъ» будетъ внимательно слѣдить за всѣми вопросами, возбуждаемыми въ томъ или другомъ краѣ.

Ред.

ВУТРЕНННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Обзоръ года.—Переходъ тюремнаго управленія въ вѣдомство юстиціи.—Опубликованіе поваго устава крестьянскаго банка.—Разъясненіе закона объ охранѣ.—Измѣненіе курса кредитнаго рубля.—Пересмотръ уголовнаго уложенія.—Всероссійскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ.—Пособіе отъ вольно-экономическаго общества земледѣльческимъ артелямъ.—Докладъ ревизіонной комиссіи петербургской думы.— Столичное хозяйство.

Обнимая взглядомъ окончившійся годъ, мы не можемъ сказать, чтобы онъ особенно выдался перемѣнами-ли въ общественномъ настроеніи, или такими крупными законодательными мѣрами, которыя имѣли-бы значеніе историческое. Были осуществлены или предприняты нѣсколько законодательныхъ измѣненій и мѣръ преимущественно экономическаго характера; однако, нелегко было-бы охарактеризовать этотъ годъ хотя-бы немногими, выдающимися и состоящими въ связи чертами.

Едва-ли не на первомъ мѣстѣ, по важности законодательной работы въ исторіи года слѣдуетъ поставить предпринятый пересмотръ законоположеній по судебной части. Пересмотръ этотъ былъ предпринятъ и порученъ особой комиссіи еще въ 1894 г. Но именно только въ годъ истекшій выяснилось, что пересмотръ этотъ не поведетъ къ ломкѣ нашей судебной организаціи и что онъ направленъ главнымъ образомъ къ объединенію судебнаго устройства въ различныхъ частяхъ имперіи, съ такими въ немъ дополненіями, которыя не должны противорѣчить основнымъ началамъ судебныхъ уставовъ. Объ окончаніи въ 1895 г. работъ другой комиссіи того-же вѣдомства, составившей проектъ новаго уголовнаго уложенія, мы ниже говоримъ подробно, указывая, въ чемъ именно состоятъ предположенныя измѣненія. Въ связи съ пересмотромъ уголовнаго уложенія находится и послѣдовавшая въ самомъ концѣ года передача всѣхъ гражданскихъ мѣстъ заключенія и самого главнаго тюремнаго управленія—изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдѣніе министерства юстиціи. Въ указѣ 13 декабря по этому предмету сказано: «существующія условія содержанія заключенныхъ требуютъ во многомъ измѣненія, въ связи съ производимымъ нынѣ общимъ пересмотромъ уголов-

ныхъ законовъ, дабы лишеніе свободы во всѣхъ его видахъ успѣшнѣе достигало поставляемыхъ ему задачъ — огражденія общества отъ порочныхъ и опасныхъ членовъ и нравственнаго исправленія преступниковъ. Для надлежащаго съ этой цѣлью сближенія тюремнаго дѣла, въ его законодательной постановкѣ и практическомъ осуществленіи, съ важнѣйшими интересами уголовнаго правосудія представляется благовременнымъ объединить завѣдываніе мѣстами заключенія съ управленіемъ судебнымъ». Мѣстное завѣдываніе тюрьмами имѣетъ быть измѣнено на основаніяхъ, которыя будутъ выработаны министерствомъ юстиціи. Въ этомъ преобразованіи нельзя не видѣть намѣренія дать закону большее преобладаніе въ «практическомъ осуществленіи» тюремнаго дѣла. Тюрьма, конечно, не измѣнитъ своего характера; но возможно примѣнять къ тюремному дѣлу взглядъ не полицейскій, а именно судебный.

Другимъ замѣтнымъ законодательнымъ дѣломъ прошлаго года представляется измѣненіе устава крестьянскаго банка, съ предоставленіемъ ему права пріобрѣтенія частныхъ земель для перепродажи ихъ мелкими участками крестьянамъ. О значеніи этого преобразованія крестьянскаго банка мы говорили въ предшествующемъ обозрѣніи, при обсужденіи проекта. Затѣмъ, въ половинѣ декабря новый уставъ банка, утвержденный 17 ноября, былъ опубликованъ, при чемъ оказалось, что покупка земель и продажа ихъ по участкамъ крестьянамъ предоставляются банку только на 5 лѣтъ, въ видѣ опыта, вслѣдствіе чего относящіяся къ этой операціи правила и не внесены въ самый уставъ, но содержатся въ мнѣніи государственнаго совѣта и имѣютъ значеніе закона только временнаго. Конечно, по истеченіи этого срока правила эти могутъ быть включены въ текстъ устава, но до тѣхъ поръ вѣянія могутъ и измѣниться, а въ самой нерѣшительности придать окончательную силу этой операціи, которая сама по себѣ прямо измѣняетъ самое назначеніе крестьянскаго банка, можно отмѣтить одинъ изъ современныхъ признаковъ. Утвержденными правилами банку предоставлено числить долгомъ за крестьянами часть продажной суммы, а даже и всю эту сумму, что сохраняетъ за этой операціею тотъ характеръ производимаго банкомъ земельнаго надѣла, какой ей былъ данъ въ проектѣ. Но, къ сожалѣнію, не прошла другая изъ предположенныхъ проектомъ операцій—предоставленіе земель покупаемыхъ банкомъ въ арендное пользованіе крестьянъ. Въ проектѣ предполагалось, что такое пользованіе взятою у банка землею можетъ быть, при исправности платежей, безсрочное и наслѣдственное. Это, конечно, устранилось уже самымъ тѣмъ обстоятельствомъ, что вся операція покупки банкомъ земли и надѣла ею крестьянъ является теперь обусловленною непродолжительнымъ срокомъ. Проекту надо отдать ту справедливость, что въ немъ весьма ясно и убѣдительно была изложена первостепенная необходимость дальнѣйшихъ заботъ о проведеніи мысли надѣла крестьянъ землею, которая легла въ основаніе великаго дѣла 1861 года.

Въ минувшемъ году съ особенной силой выступила въ общественномъ сознаніи настоятельная потребность въ скорѣйшемъ распространеніи народнаго образованія. Земства проявили усиленную заботливость объ умноженіи и благоустройствѣ народныхъ школъ. Въ нѣкоторыхъ земствахъ и въ печати поставленъ уже былъ вопросъ о всеобщемъ обученіи. Но средства земствъ такъ скромны, что значительно подвинуть это дѣло они не могутъ вдругъ, а учебное вѣдомство покамѣстъ еще не взяло на себя инициативы въ этомъ дѣлѣ. По духовному вѣдомству состоялось внесеніе вновь въ смѣту 3½ милл. рублей на устройство и обезпеченіе церковно-приходскихъ школъ, а также на ихъ инспекцію. Приведенный фактъ удостовѣрилъ, что за послѣднее десятилѣтіе нисколько не измѣнился въ нашемъ законодательствѣ тотъ взглядъ, что особеннаго поощренія со стороны государства заслуживаетъ именно начальная школа церковнаго характера.

Населеніе губерній, постигнутыхъ неурожаемъ 1891 и 1892 годовъ, далеко еще не оправилось отъ пережитаго въ то время потрясенія и земледѣльческій кризисъ у насъ представляется не только въ паденіи хлѣбныхъ цѣнъ, но еще, и особенно, въ томъ, что у большинства крестьянъ не хватаетъ хлѣба на пропитаніе и что вообще нѣтъ признаковъ сколько-нибудь серьезныхъ улучшеній въ экономическомъ бытѣ народа. При образованіи министерства земледѣлія высказывалось ожиданіе, что оно окажетъ содѣйствіе разрозненнымъ и скромнымъ по размѣрамъ усиліямъ земства въ области земледѣльческаго труда... Полезность этихъ земскихъ начинаній была дѣйствительно признана министерствомъ, которое, вѣроятно, и обратитъ на это особое вниманіе, по окончаніи тѣхъ внутренне-организаціонныхъ работъ, какими оно было доселѣ занято. Мы всегда настаивали на томъ основномъ фактѣ, что вопросъ о состояніи земледѣлія есть прежде всего вопросъ о положеніи крестьянъ, которые сами владѣютъ 150 милл. десятинъ, арендуютъ значительную часть земель частнаго владѣнія и большую половину его же земель обрабатываютъ своимъ инвентаремъ. Вопросъ о высшихъ хозяйственныхъ культурахъ это—вопросъ академическій, а въ практическомъ смыслѣ подъемъ земледѣлія у насъ, при преобладаніи крестьянскаго землевладѣнія, немыслимъ безъ осязательнаго улучшенія въ положеніи крестьянъ. Къ числу предварительныхъ, организаціонныхъ работъ, которыми пока занято министерство земледѣлія, слѣдуетъ отнести и двукратныя совѣщанія въ прошломъ году сельско-хозяйственнаго совѣта, въ которомъ, кромѣ чиновъ министерства, участвуютъ и сельскіе хозяева. Но совѣщанія эти обсуждали главнымъ образомъ вопросъ о сельско-хозяйственномъ образованіи разныхъ степеней.

Въ ряду разныхъ мѣропріятій мы должны въ этомъ бѣгломъ обзорѣ года напомнить о весьма важномъ разъясненіи сенатомъ закона объ охранѣ по дѣлу Келлера, разъясненіемъ, съ которымъ согласились и соединенные департаменты государственнаго совѣта. Оно состояло въ

томъ, что предоставленное административнымъ властямъ закономъ объ охранѣ право высылки и воспрещенія пребыванія можетъ относиться только къ такимъ лицамъ, которыя угрожаютъ государственному порядку и что правила положенія объ охранѣ не могутъ быть примѣняемы къ лицамъ, совершившимъ общія уголовныя преступленія, подлежащія преслѣдованію въ судебномъ порядкѣ. Принципіальная важность такого разъясненія была очевидна. Но для того, чтобы оно получило соотвѣтственное практическое осуществленіе, представлялось необходимымъ дополнить имъ самый законъ. Суть въ томъ, что разъясненіе, состоявшееся по дѣлу Келлера, фактически и рѣшило только это дѣло, такъ какъ высылка Келлера изъ Петербурга была признана неправильною и распоряженіе то—подлежащимъ отмѣнѣ. Но рѣшенія сената по 1-му департаменту, хотя-бы и восходящія въ общее собраніе сената, не имѣютъ для административныхъ властей того общаго значенія, какое имѣютъ разъясненія законовъ кассаціоннымъ сенатомъ по частнымъ дѣламъ—для судебныхъ мѣстъ. Въ каждомъ новомъ дѣлѣ, сходнымъ съ дѣломъ Келлера, первый департаментъ сената естественно уже долженъ былъ имѣть въ виду состоявшееся разъясненіе по дѣлу Келлера. Но для этого было необходимо, чтобы сходное дѣло было опять-таки обжаловано въ сенатъ, также какъ и дѣло Келлера. Административныя власти могли бы, правда, принять въ соображеніе вѣроятность такого-же исхода по другому какому-либо, совершенно однородному дѣлу. Но онѣ не ведутъ списковъ сенатскимъ рѣшеніямъ и хотя могутъ, но не обязаны по закону ими руководствоваться, подобно тому, какъ судебныя мѣста обязаны руководствоваться во всѣхъ однородныхъ дѣлахъ разъясненіями кассаціоннаго сената по частнымъ случаямъ.

Надо полагать, что именно въ видахъ устраненія такой неясности относительно примѣненія закона объ охранѣ и состоялось 7 декабря повелѣніе, которымъ министерству внутреннихъ дѣлъ предоставляется «безотлагательно подвергнуть пересмотру дѣйствующія постановленія объ административной высылкѣ» и проектъ о соотвѣтствующихъ измѣненіяхъ, составленный по соглашенію съ министерствомъ юстиціи, внесть на утвержденіе установленнымъ порядкомъ. При этомъ, впредь до такого пересмотра, тѣмъ-же повелѣніемъ разъяснено, что жалобы на распоряженія, основанныя на законѣ объ охранѣ, не подлежатъ разсмотрѣнію внѣ порядка указаннаго въ томъ-же законѣ, то есть, что онѣ могутъ быть приносимы только министру внутреннихъ дѣлъ и что при разсмотрѣніи ихъ должны быть принимаемы въ соображеніе данныя, какъ о политической неблагонадежности высланныхъ лицъ, такъ и «о той опасности, которую они представляютъ для общественнаго спокойствія вслѣдствіе порочнаго своего поведенія». И такъ, узаконеніе относительно административной высылки повелѣно пересмотрѣть, а до тѣхъ поръ, въ видѣ временной мѣры, предоставлено примѣнять законъ объ охранѣ не только къ лицамъ, угрожающимъ спокойствію въ смыслѣ политическомъ, но и

къ лицамъ, опаснымъ для спокойствія вслѣдствіе ихъ порочнаго поведенія. Это послѣднее опредѣленіе устраняетъ, стало быть, случаи примѣненія закона объ охранѣ по какимъ-либо инымъ поводамъ, кромѣ именно политической опасности и порочнаго поведенія. Нельзя, конечно, не пожелать, чтобы упомянутый выше пересмотръ состоялся въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ общимъ принципомъ нашихъ судебныхъ уставовъ, что взысканія могутъ быть налагаемы только судебнымъ порядкомъ.

Переходимъ въ обзорѣ года къ узаконеніямъ и предпріятіямъ въ области финансовой и государственно-хозяйственной. Здѣсь представляется цѣлый рядъ мѣръ для введенія золота и серебра въ наше денежное обращеніе. Состоялся законъ, которымъ были разрѣшены сдѣлки на золотую монету съ платежами по нимъ либо золотомъ, либо кредитными билетами по биржевому курсу дня. Таможенныя пошлины еще съ 1877 года, какъ извѣстно, взимаются золотомъ, съ допущеніемъ въ небольшихъ суммахъ кредитныхъ билетовъ по курсу. Теперь министерству финансовъ предоставлено было право принимать золото вмѣсто кредитныхъ рублей по курсу—и въ платежахъ по акцизамъ. Далѣе государственный банкъ и его отдѣленія открыли продажу и покупку золота по курсу, при чемъ курсъ полуимперіала новаго чекана былъ опредѣленъ въ 7 р. 40 коп. кредитныхъ, и стали принимать вклады золотомъ, выдавая за нихъ депозитныя квитанціи безъименныя, то-есть подлежащія обращенію, принимаемыя по курсу во всѣ платежи наравнѣ съ золотомъ и обмѣниваемыя банкомъ во всякое время на золото. Главные коммерческіе банки, очевидно, по приглашенію министерства, также выпустили объявленіе о покупкѣ и продажѣ золота по курсу. Вскорѣ послѣдовало еще распоряженіе о выдачѣ и пріемѣ всѣми правительственными мѣстами серебряной полноцѣнной монеты, наравнѣ съ кредитными билетами и размѣнной монетой, а въ особомъ сообщеніи объявлено было, что отказъ мѣнялъ въ пріемѣ полноцѣнной серебряной монеты представляется дѣйствіемъ произвольнымъ.

Всѣ эти мѣропріятія, направленныя къ введенію въ обращеніе золотой монеты по курсу, а полновѣсной серебряной—наравнѣ съ кредитными билетами, позволяли предположить, что послѣ того, какъ звонкая монета дѣйствительно установилась-бы въ обращеніи, произведенъ-бы былъ выкупъ кредитныхъ билетовъ на тѣхъ-же основаніяхъ, то-есть на золото по курсу 67 коп. зол. за 1 кред. рубль, а на серебро—al pari, при чемъ нѣкоторая часть кредитныхъ билетовъ была-бы замѣнена депозитными квитанціями, также по курсу, или другою ходячей бумагой уже размѣнной на золото. Это и была-бы «девальвація» въ родѣ той, какая была произведена при Канкринѣ. Не входя въ обсужденіе такого плана, о которомъ можно было лишь догадываться, мы остановимся на фактѣ, что золото и полновѣсное серебро доселѣ все-таки не заняли сколько-нибудь примѣтнаго мѣста въ обращеніи. Что публика не заявляетъ особой охоты мѣнять бумажныя деньги на золото, это зависитъ не только

отъ отвычки къ звонкому обращенію, но еще и отъ того, что банкиры и капиталисты вообще постоянно имѣютъ въ виду возможность назначенія новаго курса золота на кредитные билеты. А отъ капиталистовъ зависитъ вся торговля, которая ведется въ кредитъ съ срочными уплатами. Когда-же и торговцы, съ которыми публика постоянно имѣетъ дѣло, предпочитаютъ сколько-нибудь крупную сумму получать по прежнему билетами, а не золотомъ по курсу, то публика и не нуждается въ золотѣ.

Прибавимъ, что въ концѣ года курсъ кредитныхъ билетовъ на золото уже подвергся измѣненію. Правда, оно было незначительно: цѣнность полуимперіала была опредѣлена въ 7 р. 50 коп. кред.—впредь до измѣненія, но самое это колебаніе едва-ли могло содѣйствовать введенію золота въ повседневное обращеніе. Если-бы разъ установленный курсъ 7 р. 40 к. продержался, скажемъ года три, хотя-бы и съ нѣкоторыми пожертвованіями казны, то можно-бы еще разсчитывать на вліяніе привычки. Но измѣненіе курса, съ опредѣленіемъ его всего на нѣсколько мѣсяцевъ, едва-ли можно признать цѣлесообразнымъ. Перемѣна курса объяснялась удобствомъ расчета, при установленіи цѣны золота ровно въ 1½ раза цѣны кредитныхъ билетовъ. Но что значитъ «ровно въ 1½ раза», когда въ любое время отношеніе можетъ быть сдѣлано не равнымъ, а выше или ниже, чѣмъ 1 : 1½? «Сосчитать» сумѣли-бы и при курсѣ 7 р. 40 к., а «расчетъ» заключается для капиталистовъ и торговцевъ именно въ томъ, чтобы курсъ по возможности не мѣнялся. Иначе нѣтъ «расчета» запасаться золотомъ для повседневныхъ сдѣлокъ и срочныхъ внутреннихъ платежей.

Послѣ этого краткаго очерка, изъ котораго видно, что мы во многомъ еще идемъ ощупью и отчасти колеблемся въ выборѣ не только средствъ, но и самыхъ цѣлей, обратимся къ разсмотрѣнію важной законодательной работы по пересмотру нашихъ уголовныхъ законовъ.

Разсматривая новѣйшія теченія въ наукѣ уголовнаго права, В. Д. Спасовичъ [1]) такъ отзывается о новѣйшей итальянской школѣ криминалистическаго позитивизма: «итальянская школа положительныхъ результатовъ не дала, но тѣ отрицательные результаты, къ которымъ она пришла, довольно значительны. Она доказала слабость и недѣйствительность нынѣшней системы наказаній, легкомысленную поспѣшность, съ какой разсматриваются на судѣ, согласно испытаннымъ впечатлѣніямъ, а не на основаніи процессовъ научныхъ—не сами люди, но искусственно оторванныя отъ личности ихъ поступки, послѣ чего тѣ, кто являлся судьями, уходятъ съ глазъ и изъ памяти уголовной юстиціи, которая болѣе о нихъ не заботится. Такова несомнѣнная польза, какую принесла упомянутая школа». При обсужденіи какихъ-либо измѣненій въ порядкѣ или степеняхъ существующей уголовной репрессіи, современный мыслитель уже не можетъ не считаться съ показаніями уголовной статистики

---

[1]) «Новѣйшія теченія въ наукѣ уголовнаго права». Собр. соч., т. II.

относительно опредѣленныхъ, болѣе или менѣе постоянныхъ процентныхъ отношеній, повторяющихся съ года на годъ, какъ-бы роковымъ образомъ въ разныхъ видахъ преступности. При этомъ каждый можетъ имѣть свой личный взглядъ на сравнительныя достоинства ученій, объясняющихъ преступныя дѣянія—злою волей, наслѣдственностью, физическими ненормальностями, вліяніемъ среды, общественныхъ и экономическихъ условій. Каждый можетъ отдавать предпочтеніе той или другой теоріи преступности—по той причинѣ, что ни одна изъ нихъ еще не пріобрѣла господствующаго значенія.

Но какова-бы ни была основа преступности, психо—или соціологическая почва, на какой она выростаетъ, есть одинъ выводъ, къ которому приходятъ большинство современныхъ криминалистовъ, тотъ именно, что воля совершающихъ преступленія не свободна отъ вліянія самой физической организаціи преступниковъ и всей совокупности внѣшнихъ условій. Вліянію того и другого многіе криминалисты придаютъ даже значеніе вполнѣ преобладающее. Несмотря на такой выводъ изъ частныхъ наблюденій надъ большимъ числомъ преступниковъ, а также и изъ общихъ показаній уголовной статистики, нѣкоторые криминалисты не приходятъ, однако, къ заключенію объ отмѣнѣ всякой репрессіи преступности, но основываютъ эту репрессію уже не на принципѣ возмездія, искупленія или возстановленія справедливости, но просто—на интересѣ общественной обороны.

Сдѣлавъ эту оговорку относительно новѣйшихъ криминалистическихъ воззрѣній, мы просмотримъ изданный недавно «Проектъ редакціонной комиссіи» по пересмотру уголовнаго уложенія. Проектъ этотъ подписанъ предсѣдателемъ упомянутой комиссіи Э. В. Фришемъ и членами: гг. Неклюдовымъ, Разинымъ, В. Случевскимъ, Таганцевымъ и Фойницкимъ. Мы, конечно, не предпринимаемъ оцѣнки этого труда съ точки зрѣнія научно-юридической, такъ какъ подобныя оцѣнки есть дѣло статьи спеціальной. Не будемъ также вдаваться въ критику нашей уголовной системы вообще, такъ какъ проектъ комиссіи ея не измѣняетъ, а только упрощаетъ болѣе раціональною редакціей существующее уложеніе о наказаніяхъ. Но сверхъ этой редакціонной работы, которая, при многоразличіи, сложности и даже неполномъ согласованіи статей въ нынѣшнемъ «уложеніи», имѣла въ значительной степени прямо кодификаціонный характеръ, въ составленномъ комиссіею проектѣ новаго «уголовнаго уложенія» введены многія измѣненія по соображеніямъ практическаго удобства. Вотъ съ этой-то, практической точки зрѣнія, мы и взглянемъ на проектъ комиссіи, касающійся одной изъ важнѣйшихъ частей законодательства и представляющей большой интересъ для общества.

Характеръ сдѣланной комиссіею переработки уложенія о наказаніяхъ въ смыслѣ редакціонномъ опредѣляется упрощеніемъ и сокращеніемъ этого уложенія, особенно въ общей его части, исключеніемъ изъ него цѣлой массы случаевъ частныхъ и подведеніемъ уголовнаго матеріала

къ болѣе общимъ и въ то же время болѣе краткимъ опредѣленіямъ. Вмѣсто 1711-ти статей, заключающихся въ уложеніи 1866 года, не считая приложеній къ нему, въ проектѣ содержатся только 589 статей, т. е. не много болѣе одной трети прежняго числа. Для примѣра, укажемъ на главу о похищеніи чужого имущества въ нынѣ дѣйствующемъ уложеніи. Въ ней посвящены особые отдѣлы—разбою, грабежу, кражѣ и мошенничеству, включающіе 50 статей, при чемъ вымогательство еще не входитъ въ ту главу, а поставлено особо. Вмѣсто того, въ проектѣ имѣются: глава о воровствѣ, разбоѣ и вымогательствѣ и другая глава—о мошенничествѣ, но обѣ эти главы вмѣстѣ состоятъ всего изъ 14 статей, да еще болѣе кратко изложенныхъ.

Такъ, доселѣ кража опредѣлялась слѣдующимъ образомъ: «кражею признается всякое, какимъ-бы то ни было образомъ, но въ тайнѣ, безъ насилія, угрозъ и вообще безъ принадлежащихъ къ свойству разбоя или грабежа обстоятельствъ, похищеніе чужихъ вещей или иного движимаго имущества». Затѣмъ слѣдуетъ различеніе кражи, совершенной организованною шайкой, съ разными степенями наказанія для «основателей» шайки, главныхъ виновниковъ и участниковъ—и кражи, совершенной безъ участія въ шайкѣ, при чемъ разныя степени кары налагаются, смотря по тому, въ какомъ мѣстѣ совершена кража, какими лицами, т. е. близкими (слуги и работники, подмастерья, содержатели гостинницъ) или не близкими, и даже съ выдѣленіемъ въ особую статью кражи чемодановъ, тюковъ или иныхъ вещей (какъ будто чемоданы и тюки не «вещи») изъ повозокъ, принадлежащихъ частнымъ людямъ. Вмѣсто всего этого, въ проектѣ имѣется такое опредѣленіе: «виновный въ похищеніи тайно или открыто чужого движимаго имущества съ цѣлью присвоенія, за сіе воровство наказывается» и т. д. Затѣмъ слѣдуютъ разныя степени наказаній при особо-отяготительныхъ обстоятельствахъ, какъ-то: при разрытіи могилы, участіи въ шайкѣ, занятіи конокрадствомъ, какъ промысломъ, при пожарѣ, при имѣніи оружія, наконецъ при рецидивѣ—вотъ и все. Въ ту-же главу включена особая статья о воровствѣ церковныхъ вещей, за которое полагается каторга не меньше 8 лѣтъ или заключеніе въ исправительномъ домѣ. Между тѣмъ, въ уложеніи 1866 года этотъ родъ воровства выдѣленъ изъ кражи и именуется святотатствомъ, за которое, при отсутствіи взлома, полагается непремѣнно каторжная работа и не менѣе, чѣмъ на 6 лѣтъ.

Здѣсь-же надо замѣтить то важное отличіе проектированнаго уголовнаго уложенія, что въ немъ, въ большинствѣ случаевъ, не назначается минимальныхъ сроковъ для каръ, а опредѣлены только максимальныя. Это предоставитъ судамъ гораздо большій просторъ при опредѣленіи наказаній. Хотя по закону присяжные засѣдатели обязаны произносить приговоры о виновности независимо отъ тягости кары, угрожающей обвиняемому, но требованіе это, очевидно, идетъ въ разрѣзъ съ сознательнымъ отношеніемъ присяжныхъ къ дѣлу. Они не могутъ не отда-

вать себѣ отчета о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія повлечетъ за собой для подсудимаго утвердительный ихъ отвѣтъ по тому или иному изъ поставленныхъ судомъ вопросовъ. И вотъ, опредѣленные въ дѣйствующемъ уложеніи минимальные сроки дѣлаютъ то, что даже при признаніи облегчительныхъ обстоятельствъ, то-есть при пониженіи кары на одну или двѣ степени, она, по убѣжденію присяжныхъ, иногда представляется все еще несоотвѣтственно тяжкою, по особымъ условіямъ разбираемаго случая. Тогда присяжнымъ остается только отвѣтить отрицательно на вопросъ о предумышленіи, или о намѣренности, хотя-бы по обстоятельствамъ то или другое было очевидно. При отсутствіи-же минимальнаго срока, присяжные будутъ знать, что судьи, въ виду особенностей дѣла и при признаніи обстоятельствъ, дающихъ право на снисхожденіе, имѣютъ возможность назначить наиболѣе краткій срокъ, какой только соотвѣтствуетъ самому роду наказанія. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ новаго уложенія для наказаній не опредѣляется даже ни минимальнаго, ни максимальнаго сроковъ. Такое уменьшеніе ограниченія въ примѣненіи той или другой каръ, несомнѣнно, возвыситъ значеніе судей въ уголовномъ процессѣ.

Но при этомъ могло-бы случиться, что низшій родъ наказанія, назначенный на болѣе продолжительный срокъ, оказался-бы въ дѣйствительности болѣе тяжкимъ, чѣмъ высшая кара, наложенная на срокъ меньшій. Вотъ почему въ проектѣ устанавливается, что тягость наказаній опредѣляется постепенностью въ самомъ ихъ перечисленіи. Такъ «заточеніе» считается строже «исправительнаго дома» или тюрьмы, если срокъ его вдвое продолжительнѣе; арестъ считается строже заточенія или тюрьмы, если срокъ его вдвое продолжительнѣе. При зачетѣ наказаній, 6 мѣсяцевъ каторги считаются равными 1 году исправительнаго дома, 1¹/₂ году тюрьмы, 2 годамъ заточенія и 3 годамъ ареста. Самое опредѣленіе родовъ наказаній нѣсколько измѣняется противъ принятаго доселѣ. Вмѣсто подраздѣленія каторги на работы въ рудникахъ, въ крѣпостяхъ и на заводахъ, установляется просто содержаніе въ каторжныхъ тюрьмахъ съ употребленіемъ въ тяжкія работы. Второю степенью остается попрежнему поселеніе. Но отмѣняются лишеніе всѣхъ правъ состоянія или нѣкоторыхъ личныхъ или сословныхъ правъ,—какъ особый видъ наказанія, о которомъ суды должны были отдѣльно постановлять въ каждомъ случаѣ. Лишеніе правъ состоянія признается просто какъ послѣдствіе присужденія къ каторгѣ (но не къ поселенію); затѣмъ осужденіе на каторгу, поселеніе или заключеніе въ исправительномъ (прежде «смирительномъ») домѣ влечетъ за собой лишеніе дворянства, почетнаго гражданства и служебныхъ отличій Но приговореннымъ даже къ этимъ высшимъ карамъ, по истеченіи 10 лѣтъ по освобожденіи изъ каторги или исправительнаго дома и 5-ти отъ поселенія возвращаются права общественнаго избирательства, вступленія на службу или въ гильдію, свидѣтельства въ судѣ. Въ такъ называемой «лѣстницѣ» наказаній вводится новое именованіе: «заточеніе»; оно соотвѣтствуетъ прежнему

«временному заключенію въ крѣпости» и ставится ниже исправительнаго дома, между тѣмъ, какъ въ нынѣшнемъ уложеніи заключеніе въ крѣпости признавалось строже, чѣмъ содержаніе въ смирительномъ домѣ.

Въ «проектѣ» нельзя не отмѣтить расположеніе къ нѣкоторому облегченію судьбы людей, исторгнутыхъ изъ общества, хотя-бы и самыми тяжкими преступленіями, въ которыхъ народъ нашъ, еще гораздо раньше ученыхъ криминалистовъ, усматривалъ «несчастіе». Такъ, осужденныхъ на каторгу разрѣшается переводить на поселеніе по отбытіи двухъ третей срока, а осужденныхъ на каторгу безъ срока—по истеченіи 15-ти лѣтъ, при признаніи «хорошаго поведенія». Но и въ самомъ опредѣленіи наказаній въ нѣкоторыхъ случаяхъ понижены максимальные сроки; предварительное заключеніе позволяется засчитывать, вполнѣ или частью, въ срокъ кары по всѣмъ родамъ наказаній, кромѣ каторги и поселенія. О срокахъ мы упомянемъ еще разъ, при указаніи на виды преступленій или проступковъ.

Но раньше слѣдуетъ отмѣтить различіе въ томъ, какъ проектъ опредѣляетъ самую преступность и уголовную давность. Въ уложеніи о наказаніяхъ дано такое опредѣленіе преступности: «преступленіемъ или проступкомъ признается какъ самое противузаконное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, что подъ страхомъ наказанія закономъ предписано». Въ проектѣ дается опредѣленіе болѣе простое: «преступнымъ признается дѣяніе воспрещенное, во время его учиненія, закономъ, подъ страхомъ наказанія». Уголовная давность, освобождающая отъ наказанія, доселѣ не существовала для всѣхъ тѣхъ дѣлъ, которыя по новому проекту отнесены къ «мятежу», а также по отцеубійству; но если виновные открывались только черезъ 20 лѣтъ послѣ преступленія, то высшая кара замѣнялась для нихъ поселеніемъ. Это сохранено и въ проектѣ, съ той, однако, разницею, что дѣла по отцеубійству отсюда исключены, а изъ остальныхъ дѣлъ исключены всѣ политическія (противъ образа правленія, по мятежу, участію въ революціонныхъ обществахъ), кромѣ покушеній противъ верховной власти, и срокъ давности пониженъ съ 20 лѣтъ до 15-ти. По другимъ уголовнымъ дѣламъ давность, совершенно освобождающая отъ наказанія, доселѣ опредѣлялась сроками въ 10, 8, 5, 2 года, наконецъ 6 мѣсяцевъ, смотря по степенямъ наказаній, причемъ полугодовая давность примѣнялась къ проступкамъ, влекущимъ только арестъ или денежное взысканіе. Теперь предположены сроки въ 15, 10, 6, 3 и 1 годъ. Возвышеніе перваго срока объясняется тѣмъ именно, что предполагается допустить давность для нѣкоторыхъ такихъ уголовныхъ дѣлъ, которыя подлежатъ высшей карѣ.

Обращаясь затѣмъ къ карамъ по роду преступленій, мы ограничимся приведеніемъ примѣровъ нѣкотораго пониженія наказаній. Такъ, за приготовленіе къ мятежу (по нынѣшнему уложенію «бунтъ открытый заблаговременно») высшій срокъ уменьшенъ съ 15 до 10 лѣтъ. За государ-

ственную измѣну, въ какомъ-бы дѣйствіи она ни проявилась, хотя-бы только за доставленіе непріятелямъ съѣстныхъ припасовъ, что иногда бываетъ вынуждено, доселѣ одинаково полагалась смертная казнь. Теперь-же предполагается за оказаніе услуги непріятелю въ его военныхъ или враждебныхъ противъ Россіи дѣйствіяхъ замѣнить высшую кару срочною каторгою, за исключеніемъ шпіонства и «существеннаго содѣйствія» непріятелю. За порицаніе вѣры не въ публичномъ собраніи, но при свидѣтеляхъ и съ цѣлью произвесть между ними соблазнъ, вмѣсто поселенія назначается арестъ.

За совращеніе православнаго въ иную христіанскую вѣру и за воспитаніе родителемъ православнаго малолѣтняго въ иной христіанской церкви въ проектѣ полагаются: за первое вмѣсто лишенія особыхъ правъ и ссылки на житье въ Сибирь—заточеніе не свыше трехъ лѣтъ, а за второе—заточеніе не свыше 1 года, вмѣсто 1 года и 4 мѣсяцевъ. Наказаніе за совращеніе православнаго въ расколъ, существующій или вновь проповѣдуемый, полагается оставить прежнее—ссылку на поселеніе. Въ уложеніи 1866 года, рядомъ со статьями о совращеніи и о крещеніи и воспитаніи малолѣтнихъ родителями въ иновѣріи находятся постановленія объ отосланіи самихъ совратившихся къ увѣщанію и о передачѣ малолѣтнихъ на воспитаніе другимъ лицамъ. Эти постановленія въ проектъ не включены, вѣроятно, въ томъ соображеніи, что они не имѣютъ уголовнаго характера, а потому подлежатъ помѣщенію въ какомъ-либо иномъ положеніи или уставѣ.

Далѣе въ проектѣ дѣлается болѣе точное распредѣленіе преступленій по тѣлесному повреждению. Доселѣ въ одной и той-же статьѣ заключались тяжкіе побои, подвергающіе жизнь опасности, истязанія или мученія, и за такія дѣйствія, смотря по степени жестокости, полагалась или ссылка на житье въ Сибирь съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ, или отдача въ арестантскія роты на срокъ не менѣе $2^1/_2$—3 лѣтъ. Совмѣстное употребленіе въ одной статьѣ нѣсколькихъ квалификацій и оговорка относительно опасности для жизни вызывали безпрестанныя сомнѣнія по примѣненію этой статьи къ разнымъ видамъ истязанія. Высокій-же размѣръ установленнаго для такихъ дѣяній наказанія служилъ поводомъ къ непримѣненію его въ разныхъ случаяхъ несомнѣннаго истязанія малолѣтнихъ; вмѣсто истязаній или мученій, часто признавалось лишь злоупотребленіе родителей или хозяевъ мѣрами домашняго исправленія. Въ проектѣ упомянутое преступленіе расчленено на нѣсколько видовъ, по послѣдствіямъ для здоровья, и въ числѣ ихъ находятся: «разстройство здоровья не опасное для жизни, но постоянное или хотя временное, но нарушившее отправленіе органа тѣла» и кромѣ того, «причиненіе иного разстройства здоровья». За первое полагается содержаніе въ исправительномъ домѣ не менѣе трехъ лѣтъ, за послѣднее—тюрьма. Опредѣленіе пріобрѣло-бы еще большую точность, еслибы, сверхъ причиненія какого-либо вреда здоровью, поставлено было

отдѣльно: подверженіе малолѣтняго явно жестокимъ мѣрамъ исправленія, хотя-бы и безъ вреда для его здоровья.

Упомянувъ здѣсь въ началѣ о колебаніяхъ въ самой наукѣ уголовнаго права, о различіи теоретическихъ взглядовъ на причины самой преступности и на основаніе для наказуемости, мы занялись только практическимъ сравненіемъ между «уложеніемъ о наказаніяхъ» 1866 года и предлагаемымъ въ новой редакціи «уголовнымъ уложеніемъ».

Въ Москвѣ происходили въ половинѣ прошлаго мѣсяца засѣданія шестаго всероссійскаго съѣзда сельскихъ хозяевъ. Послѣдній такой съѣздъ былъ 17 лѣтъ тому назадъ, въ Одессѣ. Обстановка нынѣшняго съѣзда была внушительная. Съѣхались около 1,300 чел., общія засѣданія происходили въ большой залѣ дворянскаго собранія, подъ засѣданія отдѣленій были отведены другія залы того-же собранія, а также актовая зала университета, зала историческаго музея и одной изъ главныхъ гостинницъ. Съѣзды сельскихъ хозяевъ не совсѣмъ похожи на собранія представителей какой-либо иной производительности. Такъ собраніе всероссійскаго купечества на макарьевской ярмаркѣ обыкновенно жалуется только на недостаточную, по его мнѣнію, высоту таможеннаго тарифа и неизмѣнно ходатайствуетъ о повышеніи покровительства. То же самое можно сказать о съѣздахъ горнозаводчиковъ, которые просятъ того же самаго, постоянно обѣщая, что при усиленномъ покровительствѣ они разовьютъ разработку русскаго угля, желѣза и чугуна до размѣра всей потребности Россіи въ ископаемыхъ продуктахъ, а затѣмъ, въ силу взаимной конкуренціи, начнутъ понижать ихъ цѣны. Понятно, что постоянно повторяется только то, что никогда не сбывается. Но съѣзды представителей промышленности сельско-хозяйственной отличаются отъ другихъ именно обиліемъ и разносторонностью, какъ жалобъ, такъ и ходатайствъ. Сельскихъ хозяевъ обижаютъ и условія всемірнаго рынка, и собственные наши зайцы [1]), ихъ обижали мѣропріятія сосѣднихъ государствъ, провозные тарифы, устанавливавшіеся желѣзнодорожными обществами и установляемые тарифной администраціей, какъ равно и тарифъ таможенный, и золотая валюта. Ихъ же обижаютъ и наша «городская» печать, которая ничего не понимаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ и совсѣмъ не знаетъ сельскаго люда—и самый сельскій людъ, который въ качествѣ пришлыхъ рабочихъ беретъ задатки, но нарушаетъ условія и уходитъ—куда хочетъ, а въ званіи рабочихъ постоянныхъ совсѣмъ или не нанимается, или, нанявшись, ничего не хочетъ дѣлать. Наконецъ на ихъ же погибель были созданы и земельные банки, у которыхъ сельскіе хозяева заняли столь колоссальную сумму денегъ, что теперь одинъ за другимъ разоряются.

Всѣ эти многоразличныя жалобы и нареканія, что никто ничего не знаетъ, высказываются съ полнымъ убѣжденіемъ, что только они, пред-

[1]) Въ одной изъ секцій постановлено было ходатайствовать о признаніи зайцевъ вредными животными и о разрѣшеніи истребленія ихъ во всякое время.

ставители сельскохозяйственной промышленности, и есть истинные, единственные представители провинціи, «то есть всей Россіи», что только имъ извѣстны бытовыя условія всей страны и только они одни понимаютъ мужика и знаютъ истинныя его нужды. А между тѣмъ, хотя вполнѣ вѣроятно, что землевладѣльцы знаютъ провинцію лучше, чѣмъ петербургскіе чиновники, но уже положительно несомнѣнно, что мужику его собственныя дѣла и нужды еще ближе и извѣстнѣе, чѣмъ землевладѣльцу, и что крестьянство въ общемъ своемъ составѣ представляетъ собой провинцію, «т. е. всю Россію», въ еще большемъ размѣрѣ, чѣмъ сельскіе хозяева.

Мы, впрочемъ, вовсе не отрицаемъ, что въ сѣтованіяхъ, заявленныхъ на нынѣшнемъ съѣздѣ, было не мало основательнаго. Но основательно было именно то, что относилось къ условіямъ существующимъ не для однихъ сельскихъ хозяевъ. А собственно въ ихъ жалобахъ или требованіяхъ, какъ представителей извѣстной производительности, слышались не только голосъ провинціаловъ, знающихъ Россію, но и касающіеся весьма многаго, однако преслѣдующіе цѣль исключительную — интересы «аграріевъ». Исключительные интересы особенно отзывались, напр., въ рѣчахъ тѣхъ ораторовъ, которые требовали установленія обязательности книжекъ для сельскихъ рабочихъ, при чемъ дѣло было-бы обставлено такъ «гуманно», что въ случаѣ самовольнаго оставленія работъ и вообще нарушенія обязательствъ передъ нанимателями, самъ рабочій даже не подвергался-бы никакому взысканію, а взысканіе падало-бы лишь на того сельскаго хозяина, который-бы принялъ рабочаго безъ книжки или съ такой книжкой, въ которой не отмѣчено полное имъ исполненіе прежнихъ обязательствъ. Это оправдывалось такимъ соображеніемъ, что наемъ— дѣло добровольное, а исполненіе обязательствъ—дѣло святое. Но если установлять подобныя гарантіи, то онѣ, очевидно, должны быть взаимныя. А возможно-ли гарантировать рабочему, что хозяева не будутъ нанимать его за безцѣнокъ въ голодное зимнее время, не потребуютъ отъ него непомѣрныхъ лѣтнихъ работъ, не заставятъ голодать пришлаго рабочаго и не дадутъ тифу разогнать его, но будутъ лѣчить рабочаго въ своихъ имѣніяхъ? И хороша была-бы гуманность не взыскивать съ ушедшаго рабочаго штрафа, но зато лишить его навсегда возможности наниматься на работы! Къ чести съѣзда, это предположеніе было имъ отвергнуто.

Сужденія съѣзда коснулись множества вопросовъ спеціальныхъ, по отношенію къ разнымъ родамъ сельско-хозяйственной культуры: земледѣлію, животноводству, плодоводству, огородничеству и т. д. Обсуждались и типы сельско-хозяйственнаго образованія или обученія, вопросъ о новомъ пониженіи процента въ дворянскомъ банкѣ—въ видѣ усиленія размѣра погашенія, безъ увеличенія платежей, вопросы о необходимости запретить вывозъ жмыховъ и отрубей, о покрытіи Россіи цѣлою сѣтью сельско-хозяйственныхъ обществъ (при чемъ одно любопытное мнѣніе

предлагало обложить землю для содержанія этихъ обществъ съ тѣмъ, что сборъ взимался-бы правительствомъ, которое и распредѣляло-бы его по усмотрѣнію), объ устройствѣ учебно-практическихъ хозяйствъ и проч. Мы можемъ упомянуть только о вопросахъ болѣе общихъ. Таковъ, напр. тотъ, который на съѣздѣ не разсматривался, но котораго мимоходомъ коснулся въ своой вступительной рѣчи президентъ московскаго общества сельскаго хозяйства, князь Щербатовъ: не справедливо-ли, къ числу жалобъ на причины нынѣшняго неблагопріятнаго положенія сельскаго хозяйства, присоединить еще и жалобу на хозяйственныя ошибки или упущенія и на нехозяйственныя увлеченія самихъ нашихъ землевладѣльцевъ? «Винятъ въ неудачахъ по сельскому хозяйству—сказалъ кн. Щербатовъ—наши-же сельско-хозяйственные классы, упуская изъ вида всѣ ошибки, все неумѣніе вести дѣло при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, организаціи банковаго, биржевого дѣла» и т. д. Но можно замѣтить, что одно нисколько не исключаетъ другого. Чтобы уяснить это въ двухъ словахъ, достаточно сложить сумму, полученную землевладѣльцами въ выкупныхъ бумагахъ, съ суммою ихъ нынѣшней задолженности въ банкахъ, а рядомъ съ этимъ громаднымъ итогомъ полученныхъ чрезвычайныхъ средствъ поставить фактъ, на который жалуются они-же, а именно: отсутствіе или недостатокъ у нихъ оборотныхъ средствъ, необходимыхъ для самого веденія хозяйства при наемномъ трудѣ и особенно хозяйства интенсивнаго.

Другой вопросъ общаго характера касался нашихъ желѣзнодорожныхъ хлѣбныхъ тарифовъ. Этотъ вопросъ обсуждался на съѣздѣ съ особымъ оживленіемъ и привелъ къ постановленію о ходатайствѣ въ смыслѣ пониженія всѣхъ хлѣбныхъ тарифовъ до 1/100 копѣйки съ пудоверсты. Здѣсь, конечно, встрѣтится затрудненіе свойства финансоваго. Хлѣбные грузы составляютъ главную статью всего товарнаго движенія на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ и какъ ни симпатично само по себѣ требованіе минимальной цѣны за провозъ хлѣба, но осуществленіе его повело-бы къ паденію дохода съ желѣзныхъ дорогъ, принадлежащихъ казнѣ или ею-же гарантируемыхъ. Стало быть, пришлось-бы обдумать нѣтъ-ли возможности вознаградить такое пониженіе дохода возвышеніемъ его по инымъ статьямъ. Было указано, что возмѣщеніемъ могло-бы служить повышеніе провозныхъ тарифовъ на привозные товары, которые составляютъ до 200 милл. пудовъ. Но собственно въ этомъ отношеніи надо замѣтить, что торговыми трактатами заключенными съ Германіей и Австро-Венгріей, обѣ стороны обязались на 10 лѣтъ не ослаблять пониженія таможенныхъ пошлинъ возвышеніемъ ставокъ на провозъ товаровъ, идущихъ изъ странъ, обязавшихся этими договорами.

Какъ-бы то ни было, и хотя-бы въ меньшемъ, чѣмъ предположено на съѣздѣ размѣрѣ, но пониженіе тарифовъ на хлѣбные грузы представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что какъ доказывалось на съѣздѣ, тарифы эти не только не были въ общемъ понижены въ 1893 г.,

какъ на то надѣялись сельскіе хозяева, но были наоборотъ повышены, кромѣ перевозокъ на разстоянія, превышающія 1500 верстъ. По этому поводу, департаментъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ, возражая на цифры, приведенныя корреспондентомъ «Новаго Времени» на съѣздѣ, г. Ромеромъ, доказывалъ, что повышеніе произошло только кажущееся, такъ какъ при уравненіи прежнихъ конкуренціонныхъ тарифовъ повышеніе произошло только на тѣхъ дорогахъ, гдѣ ставки были прежде понижены обществами чрезмѣрно, но что для центральной Россіи пересмотръ тарифовъ въ 1893 году далъ въ общемъ пониженіе ставокъ. На это г. С. Короленко въ письмѣ въ «Новое Время» привелъ цифры, имѣвшіяся въ виду съѣзда и оправдывающія его ходатайство. Изъ числа ходатайствъ, постановленныхъ съѣздомъ, упомянемъ еще слѣдующія: о томъ, чтобы таможенное покровительство, оказываемое промышленности не нарушало интересовъ сельскаго хозяйства, чтобы допущенъ былъ безпошлинный ввозъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій и чтобы понижены были пошлины на привозные желѣзо, чугунъ и сталь.

Крупные сельскіе хозяева разсуждаютъ о способахъ болѣе интенсивной обработки земель. Для этого нужны средства, такъ-какъ интенсивное хозяйство уже исключаетъ обработку земли крестьянскимъ инвентаремъ и предполагаетъ наемный трудъ. Крестьянское-же наше хозяйство основано именно на безплатности труда и отсутствіи оборотнаго капитала. Впрочемъ, тѣ крестьянскія товарищества и отдѣльные крестьяне, которые прикупали землю на ссуды изъ крестьянскаго банка съ собственными доплатами, вносили въ дѣло нѣкоторый капиталъ основной и должны были имѣть достаточный инвентарь для обработки какъ прежнихъ, такъ и вновь пріобрѣтенныхъ участковъ. Но уже чисто трудовою, безусловно не-капиталистической формою земельнаго хозяйства является земледѣльческая артель. Въ томъ видѣ, какъ она доселѣ возникаетъ у насъ, такая артель это—союзъ безлошадныхъ, обѣднѣвшихъ послѣ неурожая хозяевъ, которые ищутъ спасенія въ обработкѣ земли общимъ инвентаремъ и общимъ трудомъ, съ раздѣломъ сбора, согласно съ числомъ рабочихъ дней, при чемъ не вычитываютъ дней кратковременной болѣзни и дѣлятъ ровно на женщинъ, какъ и на мужчинъ.

Дѣйствующихъ такихъ артелей въ Херсонской губерніи пока только 12, «да и то еще очень слабыхъ, не окрѣпшихъ матеріально—какъ писалъ недавно въ «Херсонскихъ Вѣдомостяхъ» самъ руководитель мѣстнаго артельнаго дѣла, присяжный повѣренный Левитскій,—а 50 артелей уже готовы, организовались, но ждутъ помощи, ибо не съ чѣмъ начать артельнаго хозяйства». Въ той-же статьѣ говорилось о какихъ-то «недоброжелателяхъ», сообщившихъ ложныя свѣдѣнія объ артеляхъ «солиднымъ представителямъ харьковской интеллигенціи», которые готовы были помочь артелямъ кредитомъ, но потомъ раздумали и отказались. Въ чемъ заключались ложныя свѣдѣнія, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ дѣло артелей ведется открыто и руководитель ихъ самъ объявляетъ, что онѣ

состоятъ изъ хозяевъ обѣднѣвшихъ, но которыхъ, будто-бы можно поставить на ноги, ссудивъ имъ небольшія средства на открытіе артельной обработки земли.

Въ послѣдній мѣсяцъ 1895 г. обсуждался въ петербургской городской думѣ докладъ комиссіи по ревизіи отчета за 1894 г. Такимъ образомъ отчетъ по исполненію городской смѣты въ 10 мил. руб. утверждается значительно позже отчета контроля по исполненію государственной росписи на свыше 1000 мил. руб. Вопреки статьѣ городового положенія, по которой отчетъ долженъ быть вносимъ въ ревизіонную комиссію не позже 1 іюня, финансовая часть отчета была представлена 1 августа, а остальная часть—9 сентября. Ревизіонная комиссія исполнила свою задачу очень тщательно: не ограничиваясь провѣркою книгъ и состоянія капиталовъ, она обревизовала дѣлопроизводство и осмотрѣлавсѣ состоящія въ городскомъ управленіи установленія, заведенія, зданія и работы. Печатный докладъ комиссіи заключаетъ 1040 страницъ.

При обсужденіи его въ думѣ заявлены были предсѣдателемъ одной изъ постоянныхъ комиссій и нѣсколькими гласными жалобы на мелочность, придирчивость и пристрастіе ревизіи. Эти недостатки не составляютъ, однако, главной и характерной черты. Справедливо, что въ самомъ тонѣ, съ какимъ относится докладъ къ разнымъ комиссіямъ замѣтно различіе, но неосновательно жаловаться на то, что критика коснулась и мелочей. А между тѣмъ, комиссія не ограничилась указаніемъ на недостатки въ дѣйствіяхъ городскихъ органовъ, но высказала и свои взгляды на необходимость тѣхъ или другихъ мѣропріятій или измѣненій. Нельзя, впрочемъ, не признать, что критика эта далеко не полна. Она не коснулась самого состава городского бюджета, степени соразмѣрности сборовъ и степени необходимости нѣкоторыхъ крупныхъ расходовъ, не попыталась и установить нѣкоторую систематичность въ начатыхъ или предположенныхъ предпріятіяхъ, опредѣлить, что именно представлялось-бы наиболѣе настоятельнымъ, а что могло-бы и подождать. Между тѣмъ, именно путемъ годичныхъ ревизій только и представлялась-бы возможность внесть въ предпріятія по благоустройству города болѣе раціональности и системы. Такъ, ревизіонная комиссія, имѣя въ виду, что думой уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ рѣшена была постройка постояннаго Троицкаго моста, весьма рѣшительно настаиваетъ на скорѣйшемъ исполненіи этого предпріятія, нисколько не задаваясь вопросомъ—нѣтъ-ли потребностей болѣе неотложныхъ и представляется-ли эта постройка соразмѣрною съ настоящимъ состояніемъ городскихъ средствъ, не слѣдовало-ли бы предварительно попытаться возвысить нѣкоторые доходы и испробовать ходатайства о сложеніи нѣкоторой части изъ обязательныхъ расходовъ?

Городская смѣта съ итогомъ въ 10,169,760 руб. балансируется съ дефицитомъ въ 307 т. руб. превышенія доходовъ смѣтными расходами; а еще имѣется 546½ т. руб, расходовъ сверхсмѣтныхъ. Принадлежащіе

ороду капиталы за 10 лѣтъ уменьшились: запасный съ 1,303 т. руб. до 238 т. руб., а капиталъ городскихъ земель съ 748 т, руб.—до 443 т. руб. Но это нисколько не смущаетъ комиссіи, она находитъ даже «что нѣтъ законнаго основанія сожалѣть о значительной убыли» въ городскихъ капиталахъ, такъ какъ «капиталы эти ушли на удовлетвореніе дѣйствительно насущныхъ нетложныхъ нуждъ столичнаго населенія»: на устройство набережныхъ 635 т. руб., на разныя постройки 1½ м. руб., на сооруженіе храма Воскресенія 300 т. руб., на перестройку мостовъ 505 т. руб., на устройство сточныхъ трубъ и мостовыхъ 1 м. руб. и т. д. Но вопросъ въ томъ именно и заключается: что было и есть въ самомъ дѣлѣ неотложно, а что «отложно». Улучшеніе мостовыхъ—вотъ, напр., несомнѣнно неотложная потребность. Но вѣдь городъ строилъ мостовыя по новымъ набережнымъ, которыхъ постройку почему-то находилъ неотложною, а равно ничего не сдѣлалъ для улучшенія безобразныхъ мостовыхъ уже существовавшихъ. Гдѣ вновь устроена была торцовая мостовая (отчасти и напрасно, напр. на одномъ берегу Фонтанки, гдѣ вовсе нѣтъ большого движенія)—это было сдѣлано домовладѣльцами, которые и вообще обязаны чинить мостовыя. А неужели неотложнѣе было устроить бульваръ отъ церкви Знаменья до дома бывшаго гласнаго Санъ-Галли, чѣмъ напр. хоть-бы построить зданіе для народнаго театра или брусовую мостовую на Садовой или Гороховой, вмѣсто булыжной, которая существуетъ только въ Россіи?

Изъ 10 мил. руб. смѣтныхъ расходовъ городъ расходуетъ 1 м. 557 т. руб., т. е. 15% на содержаніе градоначальства и полиціи (957 т.), жандармскаго дивизіона (118 т.), на надобности по указанію градоначальника (30 т.), на изданіе «Вѣдомостей» градоначальства (9 т.) и содержаніе пожарной части (442 т.). Исключая этотъ послѣдній расходъ, получаемъ все-таки 11% всего городского бюджета—на нужды, не подлежащія вѣдѣнію городского управленія. Но ревизіонная комиссія нисколько не входила въ разсмотрѣніе, соразмѣрны-ли между собою городскіе расходы на тѣ или другія потребности, а прямо одобряетъ и быстрое таяніе городскихъ капиталовъ, и неизбѣжный, повидимому, дефицитъ, и даже заключеніе новаго займа, хотя и теперь уже городъ платитъ по своимъ займамъ до 800 т. руб. въ годъ. Она вполнѣ присоединяется къ мнѣнію городской управы, что «правильно и цѣлесообразно привлечь и грядущія поколѣнія петербургскихъ обывателей къ погашенію долгосрочнаго займа, при посредствѣ котораго столица украсится сооруженіями, имѣющими служить на пользу не только современникамъ, но и потомству». Какія-же это сооруженія: приличная мостовая, на которой лошади не сбивали-бы себѣ ногъ, зданія съ дешевыми квартирами для рабочаго люда въ центрѣ города, вмѣсто ужасныхъ притоновъ вокругъ Сѣнной, на Забалканскомъ проспектѣ, въ Ямской и т. д.? Нѣтъ—Троицкій мостъ, который служитъ поводомъ къ скандальнымъ обвиненіямъ. Комиссія крайне сожалѣетъ о «4 годахъ безплодно потерянныхъ на колебанія» по

дѣлу о «грандіозномъ сооруженіи, имѣющемъ служить украшеніемъ столицы». Признаемся, намъ гораздо понятнѣе 4-лѣтнее колебаніе въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ $1^1/_2$ годичная проволочка въ окончательномъ выясненіи, была-ли хоть тѣнь правды въ томъ обвиненіи, какое по этому дѣлу было возведено однимъ изъ гласныхъ на нѣкоторыхъ его товарищей, или то обвиненіе было совершенно ложно.

Скажемъ нѣсколько словъ и о составѣ доходной смѣты Петербурга. Главными въ ней статьями являются: оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ — до $2^1/_2$ мил. руб., доходъ съ городскихъ земель и строеній—$2^1/_3$ мил. руб., подушный сборъ, какимъ представляется адресный и прописочный—до $1^1/_4$ мил. руб., къ которому можно присоединить больничный сборъ—до 600 т. р., какъ падающій также главнымъ образомъ на бѣднѣйшую часть населенія. Только за ними уже идетъ налогъ на торговлю—952 т. р. Итакъ, однихъ личныхъ сборовъ (адресный, прописочный и за лѣченіе) взимается *вдвое* болѣе, чѣмъ сбора съ громадной торговли Петербурга — главнаго порта Россіи, первостепеннаго центра банковскихъ, биржевыхъ и торговыхъ операцій вообще, города, въ которомъ всѣ первые этажи и часть вторыхъ заняты лавками и трактирами. Изъ приведенной суммы 952 т. р., сборъ ($1^1/_2$%) съ наемной платы за помѣщенія торгово-промышленныхъ заведеній составляетъ всего 323 т. р., т. е. менѣе чѣмъ сумма трактирнаго налога (356 т.); остальная часть (260 т.) представляется сборомъ съ казенной питейно-патентной пошлины. А съ однихъ извозчиковъ городъ взимаетъ 82,348 р., т. е. болѣе чѣмъ одну четверть въ сравненіи съ той суммой, какую ему платятъ съ своихъ помѣщеній всѣ торгово-промышленныя заведенія Петербурга!

Изъ этой картины ясно, какіе интересы преобладаютъ надъ всѣми прочими въ городскомъ хозяйствѣ: это интересы торговые. Городское управленіе любитъ строить и перестраивать рынки, буяны. Сѣнную площадь, гдѣ прежде торговали съ возовъ крестьяне безплатно, городъ обратилъ въ постоянный рынокъ не только съѣстныхъ припасовъ, но и разныхъ другихъ товаровъ, при чемъ обезобразилъ этотъ рынокъ сотнею наружныхъ лавченокъ суровскихъ товаровъ, лавченокъ, которыя стоятъ рядомъ и торгуютъ однимъ и тѣмъ-же, т. е. тѣмъ, что тутъ-же за угломъ, можно купить въ любомъ переулкѣ. И ревизіонная комиссія, которая предлагаетъ налогъ на велосипеды, ни однимъ словомъ не упоминаетъ о слишкомъ слабомъ обложеніи въ Петербургѣ громадной его торговли.

Переходя къ предложеніямъ комиссіи, отмѣтимъ то изъ нихъ, которое относится къ испрошенію для города права облагать больничнымъ сборомъ въ 1 р. всѣхъ безъ исключенія лицъ столицы или въ крайнемъ случаѣ,—независимо отъ лицъ платящихъ этотъ сборъ по 4 и 5 разрядамъ — также и тѣхъ, которые платятъ адресный сборъ по первымъ тремъ разрядамъ. Комиссія справедливо находитъ, что въ существованіи городскихъ больницъ заинтересованы и тѣ жители, которые ими

не пользуются, а даже и временно пребывающіе, хотя-бы по той причинѣ, что больницы уменьшають для всѣхъ вѣроятность заразы. Но этотъже аргументъ совершенно основательно примѣнить и къ участію въ городскихъ выборахъ — всѣхъ безъ исключенія жителей городовъ. Несомнѣнно, что цѣлое населеніе города гораздо болѣе заинтересовано въ общемъ ходѣ дѣлъ городского управленія и въ городскомъ благоустройствѣ, чѣмъ одни торговцы и домовладѣльцы. Къ сожалѣнію, новое городовое «положеніе» не расширило, но еще сузило избирательное право городскихъ населеній.

Комиссія обратила вниманіе городской управы на желательность сокращенія и упорядоченія дѣлопроизводства: изъ общаго числа — 18,883 «дѣлъ», бывшихъ въ производствѣ рѣшены только 7,796, то-есть 60% всего числа дѣлъ перешли на слѣдующій годъ. Въ писаніи «бумагъ» наше самоуправленіе, какъ видно, если и отстоитъ отъ несамоуправленія, то развѣ въ буквальномъ смыслѣ, то-есть въ смыслѣ большей медленности. По устройству и содержанію больницъ комиссія предлагаетъ лишь второстепенныя и мелкія дополненія и улучшенія, а между тѣмъ указываемые ею недостатки такъ велики, что самая уже тѣснота больницъ, особенно тѣхъ, въ которыхъ содержатся умалишенные, представляетъ собой вопіющій протестъ противъ неотложности «грандіознаго сооруженія» Троицкаго моста, на счетъ займа.

Такъ, въ Калинкинской больницѣ, спеціальность которой общеизвѣстна, больныхъ, вмѣсто штатнаго числа 470, находилось 557 человѣкъ, въ томъ числѣ 27 дѣтей и изъ этихъ дѣтей дѣвочки и тѣ мальчики, которые моложе 10 лѣтъ, помѣщаются въ женскихъ палатахъ, т. е. съ проститутками. Въ больницахъ для душевно-больныхъ находилось: на станціи Удѣльной вмѣсто штатныхъ 650 — 742 больныхъ; св. Николая вмѣсто штатныхъ 380 больныхъ состоитъ 717; есть палаты, въ которыхъ вмѣсто штатныхъ 50 кроватей поставлены 123. Такое крайнее стѣсненіе въ этой больницѣ продолжается уже болѣе трехъ лѣтъ, дурной воздухъ вызываетъ усиленную смертность отъ чахотки, замѣчающуюся въ этой больницѣ; «отсутствіе-же необходимаго спокойствія и тишины вызываетъ примѣненіе искусственныхъ мѣръ, въ видѣ назначенія больнымъ наркотическихъ средствъ, смирительнаго камзола или иныхъ видовъ насильственнаго успокоенія; мѣры эти—сказано въ докладѣ—вовсе оставленныя во всякомъ благоустроенномъ заведеніи, здѣсь продолжаютъ практиковаться, будучи вызываемы крайностью».

И это возмутительное положеніе существуетъ болѣе трехъ лѣтъ, въ то время, какъ городская управа не рѣшаетъ въ году и половины возникшихъ дѣлъ, а городская дума еще болѣе затягиваетъ разсмотрѣніе вопросовъ, потому что бо́льшую половину своей сессіи употребляетъ на чисто-личные споры, выборы, пререканія по формальностямъ. Ревизіонная комиссія хотя и указываетъ на невозможное положеніе больницы св. Николая, обусловленное крайнимъ ея переполненіемъ, и поддержи-

ваетъ проектъ главнаго врача о немедленномъ пріобрѣтеніи сосѣдняго съ больницей участка земли и постройки на немъ зданія для 160—200 «острыхъ» больныхъ, что обойдется въ сумму до 485 т. рублей,—но мотивируетъ это соображеніемъ экономіи, указывая, что этотъ расходъ гораздо меньше тѣхъ затратъ, какія оказались-бы необходимыми «въ случаѣ, если-бы городъ задался мыслью строить совсѣмъ заново больницу на 380—400 больныхъ». Комиссія и не предлагаетъ городу задаться мыслью о постройкѣ новой больницы для умалишенныхъ, когда всѣ существующія крайне переполнены. Что лишняя сотня умалишенныхъ успокоивается наркотическими средствами или носитъ смирительный камзолъ, съ этимъ, повидимому, все-таки легче примириться, чѣмъ съ отсутствіемъ третьяго многомилліоннаго моста на Невѣ. Даже постройка собственныхъ домовъ для городскихъ училищъ, повидимому, представляется дѣломъ болѣе настоятельнымъ. Вмѣсто того, чтобы нанимать для школъ дешевыя квартиры въ возможно большемъ числѣ околотковъ, предполагается сосредоточеніе школъ въ возможно меньшемъ числѣ пунктовъ, такъ чтобы дѣтямъ было дальше ходить, но зато школы находились-бы въ грандіозныхъ помѣщеніяхъ, для которыхъ потребуется цѣлый штатъ строительнаго ремонта, смотрителей, дворниковъ и швейцаровъ, съ квартирами для служащихъ.

Относительно городскихъ школъ, комиссія сдѣлала два вполнѣ основательныя замѣчанія. Она нашла, что пріемъ учениковъ производится безъ всякой системы, между тѣмъ, какъ въ безплатныхъ школахъ слѣдовало-бы давать преимущество кандидатамъ бѣднѣйшимъ. Затѣмъ, вмѣсто состоящихъ для наблюденія за учебнымъ дѣломъ трехъ экспертовъ, получающихъ вмѣстѣ 12 тысячъ рублей жалованья, но въ дѣйствительности не имѣющихъ возможности наблюдать за 330 городскими школами, которыя и остаются безъ надзора, комиссія предлагаетъ назначать лучшихъ изъ учительницъ, служившихъ долго, но еще не выслужившихъ пенсіи. Самый срокъ пенсій комиссія предложила понизить съ 25 до 20 лѣтъ въ виду исчерпывающаго силы занятія учительницъ. Нѣкоторую придирчивость ревизіонная комиссія дѣйствительно проявила въ предложеніи взыскать съ членовъ комиссіи по вопросу о сѣверныхъ желѣзныхъ дорогахъ деньги, употребленныя на покупку географическихъ картъ, подклейку и переплетъ этихъ картъ, представлявшихся разнымъ лицамъ при ходатайствѣ, на покупку газетъ и почтовыя марки для разсылки ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія всего пятью строками мотивировала свое предложеніе о списаніи со счетовъ убытковъ по покупкѣ пухертовской муки. Ревизіонная комиссія предложила еще совсѣмъ упразднить постоянную комиссію по освѣщенію города, такъ какъ наблюденіе въ дѣйствительности производилось самими техниками, а комиссія только получала жалованье и 3 т. р. на разъѣзды. Въ числѣ предложенныхъ ревизіею мѣръ отмѣтимъ еще предложеніе ходатайства о сложеніи съ города 9.600 р., отпускаемыхъ на изданіе «Вѣдомостей» градоначальства, такъ

какъ изданіе это не находится въ завѣдываніи управы и въ расходованіи упомянутой суммы городу не представляется никакого отчета, городъ-же имѣетъ свой собственный органъ «Извѣстія» думы.

Нѣкоторыя предложенія ревизіонной комиссіи, какъ напр. объ упраздненіи комиссіи по освѣщенію, были приняты думой, другія, какъ напр. начетъ на членовъ комиссіи по ходатайству о желѣзныхъ дорогахъ, были отклонены. Но и въ думѣ по поводу доклада комиссіи не была подвергнута сколько-нибудь систематической критикѣ вся дѣятельность городского управленія. А необходимо было-бы именно это. Только при систематическомъ обсужденіи петербургскаго городского хозяйства могло-бы быть доказано съ достаточной ясностью, что въ городскихъ дѣлахъ интересы торговли слишкомъ преобладаютъ надъ интересами большинства населенія, что на постройку рынковъ и сооруженій для украшенія столицы проявляется даже расточительность, въ то время, когда ничего не дѣлается для дешевыхъ жилищъ и другихъ нуждъ рабочаго класса, а въ больницахъ происходятъ нѣкоторыя совершенно возмутительныя явленія. Но иного отношенія къ дѣлу городского самоуправленія едва-ли и можно ожидать при новомъ городовомъ «положеніи», непосредственнымъ результатомъ котораго была неудача выборовъ и назначеніе части гласныхъ административнымъ порядкомъ.

Дѣла и дни.

Книга журнала попадетъ въ ваши руки тогда, когда уже на мѣсто цифры 5 станетъ цифра 6. Что вамъ сулитъ эта смѣна цифръ и вообще обѣщаетъ-ли она что-нибудь,—навѣрно не знаетъ даже г. Иловайскій, подробно изучившій судьбы отечества и законы, управляющіе судьбой русскаго народа. Самъ онъ прекрасно знаетъ, что замѣщеніе цифры 5 цифрою 6 ему обѣщаетъ не малое удовольствіе. Онъ имѣетъ законный поводъ выпустить въ свѣтъ новое изданіе своей исторіи, исправленное и дополненное включительно по 1 янв. 1896 года. Такимъ путемъ онъ проявитъ свое уваженіе къ «отечеству» и свое патріотическое отношеніе къ «отечественной» исторіи. У насъ имѣется не мало такихъ «патріотовъ», ставящихъ двугривенный впереди «дорогого» имъ отечества, и прямо эксплоатирующихъ «отечество» со всѣми его судьбами во благо собственнаго кармана. Въ ряду этихъ многочисленныхъ патріотовъ позиція г. Иловайскаго является самой неуязвимой и наиболѣе завидной. Если-бы всѣмъ подобнымъ ему «патріотамъ» угрожала «новая эра», онъ все-таки съ объективностью историка занесъ-бы на страницы своей исторіи «новыя событія» и нажилъ-бы много двугривенныхъ за счетъ событій, похоронившихъ его друзей—«патріотовъ».

Удастся-ли г. Иловайскому скопить копейку на трупахъ своихъ друзей,—мы не знаемъ, хотя лично ничего не имѣемъ противъ такихъ расчетовъ г. Иловайскаго, и желаемъ, чтобы онъ къ нимъ могъ приступить въ самомъ скоромъ времени. Конечно, нѣтъ никакихъ основаній предполагать близкое осуществленіе нашихъ желаній, хотя въ лагерѣ «патріотовъ» и «охранителей», повидимому, царитъ какое-то недовольство. Они находятъ, что «устоямъ» пока ничто не угрожаетъ, но вотъ газеты болтаютъ про какія-то неудобопонятныя для нихъ вещи. «Наглая смѣлость» газетъ доходитъ до того, что онѣ уже распускаютъ слухи о томъ, будто-бы введеніе «института земскихъ начальниковъ» въ разныхъ частяхъ территоріи отложено на неопредѣленное время. Мало того, газеты говорятъ о томъ, будто-бы вообще судьба земскихъ начальниковъ

не отличается прочностью и до того пошатнулась, что земскіе начальники, будто-бы, и совсѣмъ могутъ быть упразднены. Это уже слишкомъ развязно и непростительно! Почему это газеты такъ смѣло сѣютъ такія тревожныя «смуты» въ умахъ обывателей? Это уже открытое попустительство къ явному подкапыванію «основъ и устоевъ». Говорятъ, что весь корень зла таится въ той самой комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, которая подготовляетъ какой-то «типъ мѣстнаго судьи». Развѣ земскій начальникъ не представляетъ собою вполнѣ опредѣленный «типъ мѣстнаго судьи»? Очевидно, тутъ нѣтъ ничего принципіальнаго и великій «патріотъ» Мещерскій, быть можетъ, попалъ прямо въ цѣль, заявивъ, что вся суть дѣла состоитъ въ томъ, что земскіе начальники не находятся въ вѣдомствѣ министерства юстиціи. Будь земскіе начальники въ вѣдомствѣ министерства юстиціи, то въ такомъ случаѣ не понадобилось-бы и разысканіе какого-то новаго типа мѣстнаго судьи. Подумайте сами, развѣ земскій начальникъ—не типичный судья? Развѣ министерству юстиціи не все равно, кто судитъ? Ему нуженъ типъ мѣстнаго судьи, такъ и пусть передадутъ ему существующихъ вполнѣ «типичныхъ мѣстныхъ судей».

Правда, тутъ объявились еще какія-то слова: «порядокъ и законность». Всѣ газеты болтаютъ о какомъ-то предстоящемъ водвореніи порядка и законности. Что собственно означаютъ эти благонамѣренно звучащія слова? «Либералы» ихъ почему-то смакуютъ, пишутъ разныя статьи и приходятъ въ восторгъ. Значитъ, эти слова могутъ обманывать слухъ?.. Правда, наши «либералы» иногда поютъ гимны тому, что съ ихъ стороны могло-бы вызывать лишь холодную сдержанность, но на этотъ разъ они почему-то единогласно ликуютъ. Ликуетъ «Вѣстникъ Европы» и радуются «Русскія Вѣдомости». «Русскія Вѣдомости» такъ прямо не нарадуются и чуть-ли не каждый день повторяютъ, что съ новаго года въ Россіи будутъ водворять «законность и порядокъ». За газетными радостями идутъ и назначенія. Г. Неклюдовъ назначенъ товарищемъ министра. Говорятъ о разныхъ другихъ назначеніяхъ, которыя явно свидѣтельствуютъ о томъ, что наступитъ эра «законнаго направленія». «Законное направленіе»—терминъ, конечно, малопонятный и хотя особой благозвучностью не отличается, но, по крайней мѣрѣ, внушаетъ мысль о карающей строгости.

Такое брюзжаніе господъ «охранителей», конечно, ничего не говоритъ о чемъ-либо особенно новомъ для незыблемости дорогихъ имъ «основъ и устоевъ», въ родѣ розги и т. п. Достойно вниманія то обстоятельство, что они недоумѣваютъ, почему «либералы» ликуютъ? Всякое «законное направленіе» прежде всего должно возбуждать вопросъ о жизни и законѣ. Законъ и жизнь—вѣдь это любимая тема нашихъ «либераловъ». «Законное направленіе», говорятъ имъ «охранители»,—не всегда бываетъ жизненнымъ и вашей «жизни» придется очень туго при строго законномъ направленіи. Это своего рода предостереженіе, хотя оно и

касается собственно одного «законнаго направленія». Порядокъ и законность конечно, могутъ означать и нѣчто другое, чѣмъ «законное направленіе» coûte que coûte. Эти два слова взаимно другъ друга ограничиваютъ и дополняютъ. Порядокъ можетъ оставаться предметомъ пожеланій при одной законности. Законность, въ свою очередь, можетъ быть предметомъ пожеланій при видимо строгомъ порядкѣ. Тутъ нужно разобраться и уяснить себѣ суть дѣла, насколько это возможно. Возьмемъ самый простой примѣръ. Официально признано, что такъ называемое «оправдательное» направленіе суда присяжныхъ не противорѣчитъ ни порядку, ни законности, такъ какъ оно вызывается отсталостью отъ жизни дѣйствующаго законодательства. На многія преступленія въ образованномъ обществѣ теперь существуютъ далеко не тѣ взгляды, при господствѣ которыхъ составлялись разныя статьи нашихъ законовъ, происхожденіе которыхъ иногда таится въ указахъ прошлаго столѣтія и восходитъ даже до временъ Уложенія Алексѣя Михаиловича. Если присяжные оправдываютъ формально виновнаго противъ такихъ и подобныхъ законовъ, то они лишь содѣйствуютъ согласованію законовъ и правосудія съ требованіями и условіями жизни. Такія рѣшенія не противорѣчатъ законности, такъ какъ въ принципѣ всегда предполагается существующимъ неизмѣнное стремленіе законодателя стоять на уровнѣ требованій и условій жизни. Присяжные, осуществляя такое стремленіе законодателя, въ то-же время установляютъ порядокъ, устраняя разногласіе между жизнью и закономъ. Въ результатѣ,—какъ говорятъ, судъ присяжныхъ и служитъ именно «порядку и законности». Такъ смотритъ на судъ присяжныхъ и комиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ, и отсюда мы уже въ правѣ сдѣлать весьма опредѣленное заключеніе о томъ, что разумѣетъ эта комиссія подъ законностью и порядкомъ. Очевидно, по мнѣнію комиссіи, порядокъ и законность мыслимы лишь при согласованіи дѣйствующихъ законовъ съ требованіями и условіями культурной жизни и предпочтеніи интересовъ жизни и правды формальнымъ требованіямъ закона.

На такихъ началахъ предполагается построить правосудіе, согласно съ остающимися въ силѣ основными началами судебныхъ уставовъ. Для достиженія законности и порядка въ правосудіи удерживаются въ силѣ всѣ сложныя гарантіи до суда присяжныхъ включительно, компетенція котораго, видимо, будетъ расширена. Иначе порядокъ и законность не могутъ быть понимаемы и въ другихъ сферахъ и областяхъ жизни и не могутъ быть поддерживаемы чисто примитивными средствами. Организація особой административной юстиціи является существенно необходимой. Любое дѣйствіе и распоряженіе администраціи можетъ не заключать въ себѣ какихъ-либо элементовъ уголовной или гражданской неправды, а можетъ быть *только несогласнымъ* съ истиннымъ смысломъ законовъ, нарушая тѣмъ самымъ интересы и права обывателей. Административные суды въ культурныхъ государствахъ имѣютъ своею цѣлью обсужденіе

актовъ, распоряженій и дѣйствій разныхъ административныхъ лицъ и учрежденій съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія съ *истиннымъ смысломъ* законовъ. Если административныя лица и учрежденія совершенно увѣрены въ томъ, что любое ихъ дѣйствіе не можетъ подлежать судебному разбирательству ex officio или по жалобѣ частныхъ лицъ, то и законъ легко превращается въ орудіе произвола и давленія, такъ какъ основанное на немъ распоряженіе всегда можетъ быть только формально правильнымъ. Организація административныхъ судовъ ничѣмъ въ сущности не отличается отъ организаціи общихъ судовъ. Устность, гласность процесса и несмѣняемость судей являются существенно необходимыми для правильнаго функціонированія органовъ административной юстиціи.

Однако, самый лучшій судъ все-таки останется судомъ и не можетъ полностью осуществлять тѣ задачи, достиженію которыхъ онъ можетъ лишь отчасти содѣйствовать. Судъ, конечно, можетъ поднять уваженіе къ порядку и законности. Мало того, онъ можетъ содѣйствовать воспитанію чувства мѣры и справедливости *при благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ*. Но пониженіе въ обществѣ чувства правды есть непреодолимое препятствіе для установленія порядка и законности. Среди такого общества едва-ли кто станетъ считаться съ истиннымъ смысломъ законовъ, такъ какъ онъ знаетъ, что его дѣйствія могутъ вызвать реакцію лишь въ видѣ особаго исключенія. Поищите вы тѣхъ, кто, гражданскою скорбью страдая, не лѣзъ-бы съ нахальствомъ на совѣсть другихъ и не позировалъ-бы передъ публикой тѣмъ, что онъ прочелъ про совѣсть въ лексиконѣ Брокгауза. Дѣло не легкое и поиски ваши будутъ весьма продолжительными. Осенью я прочелъ о совѣсти статьи какихъ-то двухъ «отечественныхъ» публицистовъ, но никакъ не могъ установить родственныхъ связей между совѣстью и авторами статей о совѣсти. Видимо, совѣсть есть нѣчто неуловимое для людей, позирующихъ передъ публикой въ непривычномъ костюмѣ. Каждый изъ нихъ, видимо, что-то читалъ про совѣсть и мнѣ невольно пришла въ голову мысль о томъ, что теперь выходитъ немало переводныхъ книгъ, трактующихъ о совѣсти. Сначала эта мысль показалась мнѣ отрадной. По хорошимъ переводнымъ книгамъ русская общественная совѣсть воспитается, поздоровѣетъ и окрѣпнетъ. Потомъ, конечно, я покаялся въ своей наивной радости, задумавшись надъ вопросомъ о томъ, можно-ли совѣсть воспитать по книгамъ и при помощи однѣхъ книгъ? Общественный индиферентизмъ и общественная бездѣятельность являются такимъ препятствіемъ для развитія общественной совѣсти, которое не можетъ быть заглажено и устранено однимъ чтеніемъ книгъ о совѣсти. Ни одна изъ общественныхъ «добродѣтелей» не можетъ развиваться, если проявленія ея вообще считаются лишними. Общественная совѣсть растетъ и крѣпнетъ, если она упражняется въ своихъ проявленіяхъ. Вы, навѣрное, много слыхали о воспитательномъ значеніи для общества суда присяжныхъ, т. е. суда общественной совѣсти. Пред-

ставьте себѣ рядомъ два общества. Въ одномъ изъ нихъ судъ общественной совѣсти практикуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, а въ другомъ онъ едва допускается или вовсе не допускается. Въ какой изъ этихъ двухъ странъ общественная совѣсть будетъ стоять на болѣе высокомъ уровнѣ развитія?

На эту старую тему объ условіяхъ, благопріятныхъ для воспитанія общественной совѣсти, можно было-бы написать цѣлый трактатъ. Мы вспомнили объ этихъ условіяхъ только по связи съ законностью и порядкомъ. Сильно развитая, энергичная общественная совѣсть есть необходимое условіе для водворенія законности и порядка въ странѣ. Возьмите для примѣра Англію. Это, безспорно, страна законности и порядка. Въ этомъ отношеніи Англія стоитъ внѣ конкурса, но въ Англіи даже нѣтъ ни кодексовъ, ни уложеній. Въ то-же самое время Англія—это есть страна, гдѣ голосъ общественнаго мнѣнія и общественной совѣсти играетъ такую роль, какую онъ не играетъ ни въ какой другой странѣ любого конституціоннаго режима. Ревностно охраняя свои права, англичанинъ тѣмъ самымъ воспиталъ въ себѣ привычку къ уваженію правъ другого. Когда каждый обыватель знаетъ свои права и, ревниво ихъ охраняетъ, то въ результатѣ получается порядокъ, построенный на взаимномъ уваженіи къ правамъ личности и ненарушимости правъ личности. Думаемъ, что такой порядокъ есть образцовый порядокъ и что онъ немыслимъ въ странѣ съ дряблой, слабо реагирующей общественной совѣстью. Мы сошлемся здѣсь на одно не столько принципіальное, сколько практически-поучительное доказательство. Въ странѣ съ слабо реагирующей общественной совѣстью масса завѣдомо позорныхъ и преступныхъ дѣяній не доходитъ до суда: общественное мнѣніе и общественная совѣсть съ ними легко примиряются. Въ то-же самое время слабо развитая общественная совѣсть легко удовлетворяется чисто примитивными гарантіями правъ личности. Примитивныя гарантіи всегда даютъ и примитивные результаты. Конечно, понятіе о примитивныхъ гарантіяхъ нельзя смѣшивать съ понятіемъ о простыхъ гарантіяхъ. Самыя сложныя гарантіи могутъ быть весьма примитивными. Во Франціи порядокъ представляетъ образцовый безпорядокъ по разнымъ причинамъ, а въ частности и потому, что тамъ личность de facto ставится ровно въ грошъ и права ея ничѣмъ не гарантированы. Но во Франціи и до сихъ поръ неотмѣнены знаменитые параграфы деклараціи правъ гражданина и человѣка и дѣйствуетъ весьма сложная конституція, построенная на томъ, что право на личность, почетъ и уваженіе даютъ деньги, деньги и деньги. Конечно, такъ безцеремонно не редактированъ ни одинъ параграфъ французской конституціи, но они всѣ въ совокупности неизбѣжно ведутъ къ такому «образцовому порядку». Попробуйте въ такомъ «порядкѣ» насадить законность, понимаемую въ смыслѣ одинаковаго примѣненія тѣхъ правилъ, которыя охраняютъ права личности и интересы всего общества. Деньги сломятъ всѣ ваши попытки и во

Франціи (да и въ одной-ли Франціи?) деньги всѣмъ управляютъ. Теперь во Франціи изготовляютъ законъ противъ власти денегъ, согласно которому многіе будутъ лишены права быть депутатами, но деньги великая сила и предъ ними все преклоняется...

Сильная общественная совѣсть можетъ бороться съ ихъ вліяніемъ, но одинъ законъ съ ними ничего не подѣлаетъ. Законъ будетъ оставаться закономъ до тѣхъ поръ, пока слабая общественная совѣсть будетъ мириться съ тѣмъ господствующимъ въ обществѣ мнѣніемъ, что съ деньгами все можно сдѣлать. Общественное мнѣніе, строго увѣренное въ этой истинѣ, при своей снисходительности и чисто пассивномъ отношеніи всегда будетъ служить охраной разнузданныхъ пожеланій, которыя любой порядокъ превратятъ въ безпорядокъ. Въ странѣ съ слабымъ общественнымъ мнѣніемъ, неподдерживаемымъ энергичной общественной совѣстью, установляется какой-то хаосъ разнузданныхъ пожеланій. Установить въ этомъ хаосѣ порядокъ и законность—задача, по меньшей мѣрѣ, сложная. Тутъ мы разумѣемъ не одно стаціонарное положеніе, но и возможность опредѣленнаго движенія впередъ, основаннаго на уваженіи къ правамъ личности и интересамъ общества. Ставъ на эту точку зрѣнія, невольно сгибаешься предъ едва-ли преодолимой массой препятствій. Изъ сужденій. опредѣленно и ясно выраженныхъ, можно составить себѣ весьма опредѣленное представленіе о томъ, что нужно дѣлать. Но при робкихъ и боязливыхъ полунамекахъ, заглушаемыхъ разнузданными криками, почти невозможно намѣтить вѣрную дорогу и трудно идти по этой дорогѣ твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ. Мы, конечно, не станемъ подробно описывать всѣ условія, при которыхъ голосъ общественной совѣсти и общественнаго мнѣнія заглушается разнузданными пожеланіями самого грубаго эгоистическаго свойства. Мы не станемъ оспаривать и того безспорнаго факта, что борьба интересовъ вездѣ существуетъ. Классовая борьба интересовъ на западѣ тоже носитъ позорный, эгоистическій характеръ, но сравните эту борьбу съ гуломъ пожеланій, идущихъ съ разныхъ концовъ Россіи. Тамъ вы сразу-же видите, въ чемъ состоитъ общественный интересъ, а у насъ вы видите только одну безформенную массу позорныхъ стремленій, домогательствъ и притязаній, за которыми не слышно голоса общественной совѣсти и не видно общественнаго интереса. Одни настоятельно требуютъ освобожденія отъ «позорной» обязанности платить налоги на пользу того самого «дорогого отечества», которому они служили и готовы служить «вѣрой и правдой». Разберитесь въ этомъ первомъ «благородно» позорномъ и безсмысленномъ пожеланіи. Но вѣдь къ этому пожеланію добавляется и масса другихъ подобнаго-же характера. Купецъ вопитъ противъ законодательства о рабочихъ и возмущается тѣмъ, что правительство вторгается въ предѣлы его «отеческой власти» Онъ прямо требуетъ, чтобы правительство за счетъ всѣхъ потребителей гарантировало ему опредѣленную прибыль «въ интересахъ обогащенія страны и про-

цвѣтанія россійской коммерціи». Биржевой игрокъ требуетъ, чтобы и государственный банкъ выкупалъ его, ежели онъ зарвется такъ, что собственными силами онъ уже не въ состояніи вредить на биржѣ интересамъ того государства, которому банкъ принадлежитъ. Онъ требуетъ такой комбинаціи и нахально смѣется. Его прижимаютъ законами и распоряженіями, а онъ на все это смотритъ равнодушно и твердо вѣритъ, что законъ устанетъ, гоняясь за «урегулированіемъ» всѣхъ тѣхъ отношеній, которыя ему, биржевику, угодно будетъ выдумать.

Продолжайте сами подбирать примѣры и вы составите такой букетъ нахальныхъ требованій къ правительству, отъ котораго у васъ голова закружится. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мыслящая часть русскаго общества отшатнулась въ сторону и живетъ себѣ особнякомъ въ сферѣ своихъ скромныхъ интересовъ. Всѣ эти разнузданные голоса преслѣдуютъ малѣйшую инициативу съ ея стороны и сейчасъ-же взываютъ къ интересамъ безопасности и порядка... При всей вакханаліи грубыхъ домогательствъ требуютъ какого-то «нормальнаго обывателя». Этотъ нормальный обыватель не только долженъ имѣть трезвыя мысли о прошломъ, но и долженъ обнаруживать «положительныя» мечты о будущемъ. Эта мысль пришла въ голову кн. Мещерскому или одному изъ его сотрудниковъ и можно сожалѣть о томъ, что на нее не обратили вниманія ни г. Анисимовъ, ни Д. В. Чичинадзе. Они издаютъ разныя «настольныя» книги для русскаго обывателя. Они могли бы предложить кн. Мещерскому составить кодексъ трезвыхъ мыслей о прошломъ и положительныхъ мечтаній о будущемъ. Изданіе могло-бы носить такое заглавіе: «нормальный русскій обыватель, его мысли и мечты». Такое изданіе наканунѣ новаго года расходилось-бы въ тысячахъ экземпляровъ. Вѣдь, каждому любопытно стать «нормальнымъ русскимъ обывателемъ» и встрѣтить новый годъ съ нормальными мыслями и трезвыми желаніями. Не имѣя подъ руками должнаго руководства, русскій обыватель, говорятъ, и совсѣмъ отвыкъ встрѣчать новый годъ. Для него новый годъ — это простая механическая смѣна цифръ: стояла стрѣлка на цифрѣ 5, теперь стоитъ на цифрѣ 6, а затѣмъ будетъ стоять на цифрѣ 7 и т. д. Каждая изъ этихъ цифръ ничего не говоритъ ему о какомъ-бы то ни было содержаніи и не обѣщаетъ сказать ему что-либо о будущемъ. Это трезвое спокойствіе и «выдержанность» русскаго обывателя не должны вызывать нареканій со стороны кн. Мещерскаго. О будущемъ не мечтай, о прошломъ не суди—такъ гораздо покойнѣе .. Врагомъ-же покоя, безспорно, является другъ спокойствія кн. Мещерскій. Онъ къ новому году пускаетъ въ ходъ тысячи разныхъ тревожныхъ предположеній и не только помыслы дразнитъ, но и мечты обостряетъ. Онъ сулитъ и то и другое и пятое, его сердцу отрадное, но не для всѣхъ въ равной мѣрѣ утѣшительное. О своихъ-же собственныхъ разочарованіяхъ кн. Мещерскій умалчиваетъ; скрывать ихъ уже невозможно, хотя вполнѣ возможно, что Мещерскій опять возликуетъ...

Розга—вѣрный стражъ всѣхъ добродѣтелей, видимо доживаетъ последніе дни, а за нее кн. Мещерскій стоялъ какъ за одну изъ «основъ» и воспѣвалъ ее и въ прозѣ и въ стихахъ, въ «дневникахъ» и въ статьяхъ. «Новое» земство, дворянское земство отъ розги отшатнулось и чуть ли не единогласно ходатайствуетъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ! Видимо, всѣ толкъ потеряли въ своемъ разрушительномъ стремленіи къ потрясенію «основъ». Даже органы духовнаго вѣдомства и тѣ туда тянутъ. «Церковный Вѣстникъ» и тотъ негодуетъ на одиночныхъ «публицистовъ», «съ ревностью достойной лучшей участи, ратующихъ за удержаніе для крестьянъ тѣлеснаго наказанія, этого безнравственнаго остатка варварскихъ временъ». Ну пусть себѣ духовенство протестуетъ въ своихъ органахъ. Это еще куда ни шло, а то вѣдь князь съ исторически громкой фамиліей публично на земскомъ собраніи унизился до заявленія протестовъ противъ примѣненія тѣлесныхъ наказаній среди крестьянъ и даже потребовалъ, чтобы крестьяне были уравнены съ прочими сословіями!.. Вы помните, что на этомъ настаивалъ князь Шаховской въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ на послѣднемъ ярославскомъ земскомъ собраніи

Вспомните-же теперь и князя Мещерскаго. Какъ ему тяжело быть свидѣтелемъ всей этой исторіи. Не онъ-ли стоялъ за духовенство, дворянъ и розги? Могъ-ли онъ думать, что ему придется дожить до полной измѣны и дворянъ и духовенства? Неужели «Гражданинъ» наканунѣ своей смерти долженъ заносить на столбцы своихъ послѣднихъ номеровъ такое документальное подтвержденіе своего восьмилѣтняго безсмысленнаго существованія? Конечно, все это грустно и очень грустно... Для меня извѣстіе о закрытіи *ежедневнаго* «Гражданина» явилось вдвойнѣ печальнымъ. Пробѣгая одинъ изъ номеровъ «Гражданина», я увидѣлъ громадное объявленіе какой-то желѣзной дороги. Мнѣ стало отрадно на душѣ. Значитъ, признательность и благодарность среди людей не исчезли, помнятъ... Дня черезъ два или три, читаю «Дневникъ» кн. Мещерскаго, и самъ своимъ глазамъ не вѣрю. Но нѣтъ, дѣйствительно «Гражданинъ» закрывается. Въ этомъ «Дневникѣ» кн. Мещерскій говоритъ слѣдующее: «Не мнѣ судить, пригоднымъ-ли я оказался къ дѣлу, за которое взялся, или непригоднымъ, но знаю, что служилъ моему долгу по совѣсти. Служилъ 8 лѣтъ. Теперь мнѣ моя совѣсть позволяетъ, бросивъ ненавистное мнѣ ежедневное изданіе газеты, вернуться къ болѣе спокойной и обдуманной работѣ *еженедѣльнаго* изданія моего-же «Гражданина». Мои постоянные, исконные, такъ сказать, и родные читатели найдутъ несомнѣнно въ этомъ изданіи мой дневникъ интереснѣе: я буду продолжать его вести день за днемъ и издавать за недѣлю, но онъ будетъ разнообразнѣе и разработаннѣе». Быть можетъ, но спрашивается, почему это вдругъ у Мещерскаго «совѣсть» пробудилась противъ «ненавистнаго» даже ему самому «ежедневнаго изданія»? Можно надѣяться, что «совѣсть» кн. Мещерскаго будетъ прогрессировать. Если она теперь ему

не позволяетъ выпускать «ненавистное изданіе» ежедневно, а позволяетъ выпускать его только еженедѣльно, то быть можетъ она скоро и совсѣмъ запретитъ кн. Мещерскому выпускать «ненавистное изданіе». Опасаясь такихъ преждевременныхъ радостей, кн. Мещерскій спѣшитъ предупредить, чтобы гибель «Гражданина» не отождествляли съ гибелью его знамени.

«Теперь, говоритъ кн. Мещерскій, выступаетъ съ ежедневнымъ органомъ печати подъ тѣмъ-же знаменемъ, хорошо знакомый читателямъ «Гражданина», князь Ухтомскій, принимающій съ января изданіе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». По убѣжденіямъ политическимъ между нами за послѣдніе годы не обнаружилось ни единаго разномыслія даже въ мелочахъ. Мнѣ нужно это подтвердить, такъ какъ до меня дошли слухи, что въ извѣстныхъ сферахъ нашей интеллигенціи превращеніе «Гражданина» снова въ еженедѣльное изданіе толкуютъ, какъ признакъ и знаменіе новой эпохи, то-есть новой политической эры, заставляющей меня убираться... Спѣшу успокоить читателей нашего лагеря. На это удовольствіе либералы никакого не получаютъ права. Эпохи новой въ политическомъ отношеніи никакой нѣтъ, и между 1894 и 1896 годами въ этомъ отношеніи различія нѣтъ... Самымъ убѣдительнымъ тому доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что «С.-Петербургскія Вѣдомости» сдаются не только для изданія, но и для возрожденія не кому-нибудь, а именно князю Ухтомскому, потому что онъ не только въ главныхъ основахъ, но и въ оттѣнкахъ, представляетъ собою носителя убѣжденій прошлаго царствованія, всецѣло принадлежащихъ нынѣшнему, и врядъ-ли на какіе-нибудь компромиссы съ иными образами мысли пойдетъ».

Предполагая, что все-таки найдутся такіе оптимисты, которые ему не повѣрятъ, кн. Мещерскій прибѣгаетъ къ послѣднему аргументу и напоминаетъ: «читатели мои знаютъ, что я лгать не умѣю. Все, что я здѣсь написалъ,—чистая правда». Вотъ напоминаніе объ этихъ достоинствахъ и будитъ мысль о томъ, что авось кн. Мещерскій оправдаетъ свою вполнѣ заслуженную репутацію ревнителя правды. Уже самый фактъ прекращенія ежедневнаго «Гражданина» достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что «ревнитель правды» надоѣлъ и въ борьбѣ за «основы» опору утратилъ... Въ противномъ случаѣ, кн. Мещерскій едва-ли послушался-бы «голоса совѣсти», а продолжалъ-бы *ежедневно* сѣять «смуты» въ интересахъ успокоенія и отрезвленія умовъ и чувствъ обывательскихъ.

Ссылка его на кн. Ухтомскаго послѣднему не понравилась и онъ, кажется, даже печатно заявилъ, что его изданіе не будетъ имѣть ничего общаго съ «Гражданиномъ». Конечно, общность можно понимать разно, но кн. Мещерскій всетаки *самовольно* назвалъ кн. Ухтомскаго своимъ преемникомъ и безцеремонно навязалъ ему званіе носителя знамени «Гражданина». Знамя «Гражданина» такое чистое знамя, которое едва-ли кто возьметъ въ руки. Если ежедневное сѣяніе «смутъ» г. Мещерскимъ не принесло никакихъ замѣтныхъ результатовъ, то этому много содѣйствовала лишь указанная «выдержанность» русскаго обывателя. Русскаго обывателя теперь нельзя смутить никакимъ сообщеніемъ и слухомъ. Онъ ко всему привыкъ и твердо убѣжденъ, что все возможно... Возможно, что съ наступ-

леніемъ новаго года ежедневный «Гражданинъ» закроется, какъ того требуетъ совѣсть кн. Мещерскаго, но возможно, что совѣсть позволитъ кн. Мещерскому издавать, при отсутствіи спроса, увеличенный восьмистраничный ежедневный «Гражданинъ» съ массою разныхъ объявленій. Въ первомъ нумерѣ этого «Гражданина» былъ-бы напечатанъ длинный покаянный «дневникъ», въ которомъ доказывалось-бы, что кн. Мещерскій, послушавшись перваго голоса совѣсти, совершилъ-бы тяжкое преступленіе предъ отечествомъ, а потому онъ и рѣшилъ, не увлекаясь требованіями своей личной совѣсти, продолжать свою «безкорыстную службу» на благо государственныхъ интересовъ... Мы, конечно, не думаемъ утверждать, что совѣсти Мещерскаго предстоитъ такое сладкое искушеніе, но не ручаемся, чтобы онъ самъ его не искалъ. Къ новому году онъ, очевидно, его не нашелъ, но, повторяемъ, все возможно. Для совѣсти искушенія сладки, и, говоря правду, къ нимъ склонны всѣ. Какъ смотритъ Мещерскій на семью, я не знаю, а вѣдь семья тоже своего рода искушеніе...

Новый годъ всѣ «порядочные» люди встрѣчаютъ въ «семьѣ». Тяжелое это слово семья, и немногіе изъ идущихъ въ «семью» встрѣчать новый годъ по дорогѣ задумаются надъ вопросомъ о томъ, куда они идутъ? что такое семья? Развѣ у кого-нибудь случайно пробудится такой вопросъ и воскреснутъ въ головѣ старые литографированные листы лекцій. Тамъ что-то было сказано, но теперь все перепуталось... Въ литографированномъ листѣ, помнится, стояла какая-то весьма плохо округленная фраза, начинавшаяся словами: семья, собственность и государство... Далѣе стояло, кажется, такое добавленіе: «институты неизвѣстнаго происхожденія». Такъ въ старину говорили русскіе профессора о тѣхъ матеріяхъ, которыя исключались изъ ихъ вѣдѣнія. Теперь эти «матеріи» обсуждаются и въ газетахъ появляются объявленія о томъ, что въ самое недавнее время на русскомъ языкѣ появились на одну и ту-же тему «о происхожденіи семьи, собственности и государства» цѣлыхъ три брошюры—Энгельса, Каутскаго и Ковалевскаго. Все это книги, пожалуй, и не особенно ученыя, но почитать ихъ весьма полезно. Все-таки что-нибудь вы узнаете объ институтахъ «неизвѣстнаго происхожденія». Пожалуй, одновременно оказалось-бы далеко не лишнимъ и ознакомленіе съ дѣйствующими законами. Вѣдь многіе законы только потому и сохраняютъ свою силу, что общество о нихъ не имѣетъ никакого понятія и даже не знаетъ, что они существуютъ. Тѣмъ законамъ, о которыхъ обыватель ничего не знаетъ, едва-ли угрожаетъ развитіе и усовершенствованіе до уровня господствующихъ въ обществѣ понятій и представленій. Поэтому, всякій мыслящій человѣкъ, желающій содѣйствовать по мѣрѣ своихъ силъ прогрессу страны, обязанъ читать и внимательно слѣдить за издающимися законами. Русское общество страдаетъ какимъ-то непростительнымъ индиферентизмомъ къ дѣйствующимъ въ странѣ законамъ. Законы о бракѣ, о правахъ и обязанностяхъ супруговъ—это одна

изъ тѣхъ сферъ, которая интересуетъ только столоначальниковъ консисторіи. Я думаю, что изъ вступающихъ въ бракъ едва-ли кто-либо передъ свадьбой прочелъ въ ч. 1-й X т. статьи о союзѣ брачномъ. Многое тамъ прописанное, быть можетъ, оказалось-бы неожиданнымъ для «влюбленныхъ», и они тысячу разъ спрашивали-бы другъ-друга: неужели въ законахъ все это такъ прямо и пропечатано? Вотъ вамъ ст. 106-я, опредѣляющая обязанности супруга, начинается такъ: «мужъ обязанъ любить свою жену, какъ свое *собственное тѣло*». Я совѣтовалъ-бы всѣмъ, желающимъ придать своему объясненію въ любви чисто законный характеръ, самую патетическую часть этого объясненія редактировать слѣдующимъ законнымъ образомъ: «согласно ст. 106-й т. X ч. I-й, я клянусь васъ *любить* до гроба, какъ свое собственное тѣло»! Частое повтореніе такихъ объясненій, быть можетъ, вызвало-бы у насъ къ жизни особое женское общество, которое поставило-бы себѣ цѣлью если не усовершенствованіе, то, по крайней мѣрѣ, изученіе законовъ, касающихся женщины. Быть можетъ, во многихъ томахъ свода законовъ нашлось-бы не мало статей, конкурирующихъ съ 106 ст. т. X, ч. 1-й. Но такъ или иначе, а ст. 106-я всякому положительному человѣку даетъ весьма опредѣленное представленіе о семьѣ по X т. св. зак. Законная семья это есть союзъ мужчины и женщины, основанный на томъ, что мужъ обязанъ любить свою жену, какъ свое собственное тѣло. Любой изслѣдователь стараго обычнаго права найдетъ тутъ большое удовольствіе для своей страсти ко всему отъ древности устойчивому. Навѣрно, онъ вспомнилъ-бы французскіе котюмы, которые, быть можетъ, представляютъ собою нормы брачнаго права болѣе поздней формаціи. Опредѣленіе брака на основаніи котюмовъ формулировано въ такую довольно бойкую фразу: «boirl, manger, coucher ensemble c'est mariage ce me semble».

Грубо. Вы хотите сантиментальностей? Извольте. Теперь Code Civil опредѣляетъ бракъ, какъ «единство душъ» (l'union des âmes). Жизнь, конечно, ясно свидѣтельствуетъ, что это опредѣленіе Code Civil по сравненію со ст. 106 т. X ч. 1-й страдаетъ излишней поэтичностью и юридическаго характера не имѣетъ. Любой юристъ съ улыбкой будетъ вамъ произносить такое опредѣленіе законной семьи, что законная семья есть единство душъ. Право и законъ съ душой и ея жизнью не имѣютъ ничего общаго. Они могутъ давить на жизнь души или облегчать эту жизнь, но право и законъ не могутъ оперировать съ такими до сантиментальности не юридическими матеріями, какъ единство душъ. Право и законъ знаютъ отчужденіе, присвоеніе, договоръ и т. п. Самъ Code Civil въ цѣломъ рядѣ послѣдующихъ статей свелъ свое сантиментальное опредѣленіе законной семьи на вполнѣ юридическую почву и близко подошелъ къ нашей 106 ст., хотя и не допускаетъ тѣхъ точныхъ и опредѣленныхъ выраженій, которыя отличаютъ ст. 106 т. X ч. 1-й. Можно объ этой ст. 106-й имѣть разное сужденіе, но по своей точности и прямолинейности она имѣетъ на своей сторонѣ много преимуществъ. Законъ,

точно передающій характеръ извѣстныхъ устанавливаемыхъ имъ отношеній, имѣетъ всѣ преимущества предъ закономъ, скрывающимъ суть этихъ устанавливаемыхъ имъ отношеній подъ разными сантиментальными выраженіями. Самыя сантиментальныя правила о такъ называемомъ «гражданскомъ бракѣ» введены недавно въ Венгріи и, конечно, за всей сантиментальностью фразъ суть дѣла выступаетъ просто и ясно. По любому брачному контракту «единство душъ» предполагается, а самимъ контрактомъ мужъ пріобрѣтаетъ въ свое исключительное распоряженіе женщину, которую онъ обязанъ по нашей ст. 106 любить, какъ свое собственное тѣло. Законъ не стихи, не поэзія и не можетъ въ своихъ статьяхъ пѣть гимнъ любви на разные лады. Любовь—это дѣло людей, а законъ дѣлаетъ то, что можетъ, и то, что нужно для интересовъ государства. Мы не знаемъ, что будетъ, когда законовъ не будетъ, но отъ закона нельзя требовать, чтобы онъ влюблялъ людей другъ въ друга. Законъ не можетъ знать, вступаете-ли вы въ бракъ по любви или по расчету, и регулировать любовь онъ не можетъ. Законъ не можетъ считаться съ вашимъ обѣщаніемъ любить данную женщину до гроба и не можетъ знать, на какомъ основаніи вы предполагаете, что въ теченіе всей вашей жизни вы будете любить только одну данную женщину. Слѣдовательно, нельзя ссылаться на законъ и обвинять его въ грубости, какъ будто-бы законъ назначенъ для сантиментальностей. Законъ тутъ ни при чемъ и все зависитъ отъ воли людей. Законъ никого не обязываетъ вступать въ бракъ, выходить замужъ, имѣть дѣтей и т. д. Законъ опредѣляетъ, кто можетъ вступить въ бракъ и какія онъ (или она) принимаетъ на себя обязанности, вступая въ бракъ, и какія вытекаютъ послѣдствія отъ неисполненія этихъ обязанностей. Все остальное зависитъ отъ людей, ихъ вѣрованій, нравственныхъ понятій и т. д. Законъ опредѣляетъ, что такое бракъ и семья въ государствѣ и предоставляетъ усмотрѣнію и совѣсти людей имѣть или не имѣть семью, вступать или не вступать въ бракъ. Наша ст. 106, можетъ быть, уязвима съ сантиментальной точки зрѣнія, но какъ юридическое опредѣленіе она стоитъ внѣ конкурса. Она вамъ не нравится,— не просите у нея защиты для себя и вашихъ «нѣжныхъ чувствъ».

Вы за этотъ грубый законъ не отвѣчайте и будьте сами благородны. Представимъ себѣ, что наша 106 ст. опредѣляла-бы бракъ и семью, какъ единство душъ и сердецъ. Неужели вы стали-бы отъ того благороднѣе и семья по существу дѣла измѣнила-бы свой характеръ? Если вы находите, что законъ унижаетъ характеръ семьи и самого законнаго брака, облагораживайте ихъ собственными силами. Если-же вы въ данномъ случаѣ ничего не подѣлаете, то и не притязайте на грубость закона и грубость устанавливаемыхъ имъ отношеній. Вы сохраните свое благородство, поставивъ себя внѣ района дѣйствій ст. 106, т. X, ч. I-й, которая вамъ говоритъ лишь о томъ, что вы сдѣлали и къ чему обязуетесь, разъ вы вступили въ бракъ и обзавелись семьей.

Вмѣсто сантиментальныхъ протестовъ противъ статьи, точно передающей характеръ данныхъ отношеній, вы лучше подумайте о собственной грубости и о томъ, что эта «грубая» ст. 106 не удержитъ васъ отъ самыхъ грубыхъ посягательствъ и жестокихъ преступленій. Вступая въ бракъ, часто-ли вы думаете о томъ, что значитъ вызвать къ жизни 5—6 человѣкъ дѣтей ради удовлетворенія грубой минутной страсти. Я люблю, а потому женюсь, а потому буду имѣть дѣтей... Какъ хотите, а ст. 106 не врывается такъ грубо въ интересы общества и не такъ безцеремонно относится къ живой душѣ. Даже законъ и все, что вамъ угодно стоитъ на неизмѣримо большей высотѣ, въ понятіи и заботѣ о дѣтяхъ, нежели тотъ, кто держится такой логики: я люблю, женюсь и буду имѣть дѣтей. Что ждетъ дѣтей и общество отъ такой рѣшительной готовности,—до этого «влюбленному» человѣку нѣтъ никакого дѣла. Всѣ или многіе имѣютъ семью и нашъ влюбленный человѣкъ желаетъ имѣть семью, хотя-бы за его желаніе пришлось 5—6 человѣкамъ заплатить самыми жестокими страданіями на землѣ, а обществу обогатиться самыми порочными членами. Развѣ законъ обязываетъ къ такимъ поступкамъ? Законъ не такъ грубъ, какъ грубы люди, пользующіеся установленной, но не обязательной формой отношеній. Правда, было когда-то время, когда государство прибѣгало къ преміямъ для поощренія браковъ вообще и особенно браковъ, счастливыхъ множествомъ дѣтей. Послѣ извѣстнаго количества дѣтей давались льготы по платежу казенныхъ податей и сборовъ. Всѣ дѣти мужского пола, начиная отъ шестого или восьмого, воспитывались на казенный счетъ. Двѣнадцатый ребенокъ, кажется, давалъ право на почетную медаль. Давалась-ли эта медаль за трудолюбіе или за искусство, но времена этихъ медалей такъ далеко отстоятъ отъ нашихъ дней, что просто не вѣрится, будто-бы вся эта поощрительная политика существовала еще въ началѣ текущаго столѣтія. Къ этой старинѣ не стоитъ обращать свой взоръ, а нужно присматриваться къ тому, какъ сильно измѣнились отношенія государства и общества къ такой первобытной логикѣ: люблю, женюсь и буду имѣть дѣтей. Къ бракамъ многодѣтнымъ теперь относятся даже неодобрительно. Во многихъ общинахъ и нѣкоторыхъ государствахъ нанесенъ довольно существенный ударъ этой произвольной логикѣ: люблю, женюсь и буду имѣть дѣтей. Отъ всякаго, являющагося въ ратушу для заключенія брака, требуютъ офиціальное удостовѣреніе въ томъ, что онъ можетъ содержать семью. Потомъ, навѣрно, будутъ требовать удостовѣренія въ томъ, что каждый изъ желающихъ вступить въ бракъ свободенъ отъ такихъ недуговъ и пороковъ, которые гарантировали-бы его дѣтямъ свободу отъ всѣхъ тяжелыхъ признаковъ дегенераціи. Всякому извѣстно, что безграничное пользованіе правомъ имѣть семью играетъ крупную роль въ измельчаніи населенія какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Медики съ энергіей, достойной всяческаго поощренія, навѣрно, скоро убѣдятъ общество въ томъ, что произвольное право имѣть семью на-

носитъ существенный вредъ интересамъ будущихъ поколѣній и интересамъ нравственности.

Конечно, и тутъ запретительными законами дѣлу помочь трудно. Нужно, чтобы люди, жалующіеся на грубость законовъ, сами поступали болѣе благородно и не переносили представленій о правахъ собственности въ ту сферу, гдѣ они менѣе всего умѣстны. Несомнѣнно, теперь уже сильно пошатнулось право родителей по отношенію къ дѣтямъ и родители уже не имѣютъ права частной собственности на дѣтей, какъ то было въ древности и древности не особенно отдаленной. Однако, право имѣть семью и дѣтей все еще осуществляется въ порядкѣ признаваемаго за каждымъ права имѣть свою собственность, умножать ее и т. д. Только измѣнившіяся условія времени дѣйствуютъ на инстинктъ и заставляютъ людей признавать дѣтей не особенно выгоднымъ пріумноженіемъ. Чувства дѣтей къ родителямъ и родителей къ дѣтямъ все еще носятъ на себѣ отпечатокъ правъ частной собственности. Мать любитъ *своего* ребенка. Вдумайтесь въ это выраженіе и вы найдете въ немъ признаніе не одного только инстинктивнаго чувства. Въ этомъ выраженіи разсказана длинная исторія, которую пережили въ своемъ развитіи взаимныя права и чувства родителей и дѣтей. Семья, какъ юридически оформленный институтъ на началахъ ст. 106, положила свой отпечатокъ и на тѣ семейственныя чувства, которыя теперь уже вышли изъ рамокъ семьи.

Докажите, что въ настоящее время вымерло представленіе о правахъ собственности на любовь. Вѣдь человѣкъ, воспитавшій въ себѣ уваженіе къ незнающей компромиссовъ, живой, неостанавливающейся смѣнѣ чувствъ и увлеченій, не будетъ ревновать и мучить своей ревностью другихъ. Въ основѣ этого чувства ревности все еще лежитъ крикъ «наболѣвшей» души: какъ она (или онъ) *смѣетъ* любить другого (или другую), а не меня! Впрочемъ я долженъ сказать, что я слишкомъ устарѣлъ для разсужденій на такія «юныя» темы, какъ ревность и любовь. Я о нихъ говорю лишь по связи съ семейственными отношеніями. Правда, о ревности слѣдуетъ упомянуть еще и въ виду особаго разслѣдованія, произведеннаго репортерами «Петербургскаго Листка». Я «Петербургскаго Листка» не читаю и узналъ объ этомъ разслѣдованіи изъ одного «маленькаго письма» г. Суворина. Оказывается, что репортеры «Пет. Листка» интервьюировали многихъ петербургскихъ женщинъ до Домаши Масальской включительно по вопросу о ревности и ея правахъ на существованіе. Большинство женщинъ, какъ видно изъ отрывковъ ихъ рѣчей, приведенныхъ въ письмѣ г. Суворина, высказалось за ревность или, вѣрнѣе говоря, за то, чтобы ихъ ревновали и по нимъ страдали явно и тайно. Это разслѣдованіе о ревности среди петербургскихъ женщинъ совпало съ интересной петиціей, поданной въ палату депутатовъ французскимъ «обществомъ солидарности женщинъ», въ пользу отмѣны § 2-го ст. 324-й Code penal.

Кто долго жилъ во Франціи, тотъ, конечно, прекрасно знаетъ этотъ «article 324 du Code penal»; § 2-й этой 324 ст. французскаго уголовнаго уложенія представляетъ весьма поучительное узаконеніе ревности, какъ чувства, являющагося неизбѣжнымъ результатомъ признанія правъ собственности на любовь. Лицо, защищающее свою собственность, въ извѣстныхъ случаяхъ признается въ положеніи необходимой обороны, т. е. могущимъ стрѣлять, убивать и т. д. Лицо, признанное закономъ или признающее себя имѣющимъ право собственности на любовь другого, при нарушеніи этого права, приравнивается къ лицу, находящемуся въ положеніи необходимой обороны. Въ припадкѣ ревности, вызываемомъ нарушеніемъ правъ собственности на любовь, данное лицо можетъ стрѣлять и убивать безнаказанно. Въ § 2-мъ «article 324 du Code penal» разрѣшается оправдывать мужей, которые убиваютъ своихъ женъ, захватывая ихъ «en flagrant délit dans la maison conjugale».

Этотъ 2-й параграфъ, какъ видите, въ достаточной мѣрѣ снисходителенъ къ мужу, оскорбленному нарушеніемъ правъ его собственности. Что онъ охраняетъ именно *старое* право собственности мужа, объ этомъ свидѣтельствуетъ отсутствіе въ Code penal другого параграфа, который признавалъ-бы равное право на кровавую месть за женой, охваченной припадкомъ ревности. «Общество солидарности женщинъ» въ своей петиціи и не хлопочетъ объ установленіи такой равноправности между мужчинами и женщинами, а желаетъ, чтобы § 2 art. 324 Code penal былъ совсѣмъ уничтоженъ. Такимъ образомъ была-бы устранена законная защита правъ кровавой мести за нарушеніе правъ собственности на любовь. Въ петиціи требуется, чтобы вообще ревность не пользовалась покровительствомъ и убійство изъ ревности признавалось-бы убійствомъ. Такая петиція французскихъ женщинъ въ палатѣ депутатовъ не вызвала особаго сочувствія. Правда, палата ее еще не обсуждала, но комиссія палаты, въ которую она передана, высказалась противъ отмѣны § 2 art. 324 Code penal. Почему именно комиссія отнеслась неблагосклонно къ петиціи французскихъ женщинъ—мы не знаемъ, но мы прекрасно знаемъ зловредное вліяніе этого § 2-го. Дѣйствуя съ 1810 г. и по данное время, онъ укоренилъ во французскомъ обществѣ глубокое убѣжденіе въ томъ, что даже по закону мужъ имѣетъ право безнаказанно убивать свою «невѣрную» жену. Многіе такъ прямо и думаютъ, что все это en toutes lettres прописано въ самой деклараціи правъ гражданина и человѣка. Другіе, болѣе просвѣщенные, полагаютъ, что право мужа убивать свою «невѣрную» жену положительно предусматривается въ Code penal. Для юриста, конечно, есть существенное различіе между признаніемъ права на убійство и признаніемъ убійства изъ ревности невмѣняемымъ преступленіемъ, но для жизни невмѣняемость убійства изъ ревности и прямое предоставленіе правъ на такія убійства имѣютъ одинаковое значеніе.

Относясь неодобрительно къ петиціи французскихъ женщинъ,

комиссія палаты депутатовъ взяла подъ свою защиту одинъ изъ такихъ законовъ, которые явно безчестятъ «великую» націю. Эпидемія кровавой мести за нарушеніе правъ собственности на любовь теперь свирѣпствуетъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо. На помощь къ § 2-му ст. 324 уголовнаго уложенія выступило покровительственное отношеніе суда присяжныхъ ко всѣмъ такъ-называемымъ «crimes passionnels». Судъ присяжныхъ почти всегда оправдываетъ всѣ преступленія изъ ревности, т. е. всѣ преступленія противъ личности и ея свободнаго чувства, вызываемыя стремленіемъ охранять право собственности на любовь. Теперь всякій негодяй лѣзетъ въ герои, убивая жертву своей «благородной» ревности. Онъ позируетъ предъ присяжными, разсказывая имъ о его «поруганномъ святомъ чувствѣ». Присяжные умиляются, публика, жадная до всякихъ скандаловъ, ему рукоплещетъ. Въ результатѣ негодяй, убившій женщину, «нарушившую» его право собственности на любовь, встаетъ со скамьи подсудимыхъ героемъ и защитникомъ поруганнаго святого чувства!.. Можно-ли доходить до большей степени варварства и одичанія! Звѣрское убійство женщины, подчинившейся самому благородному чувству, незнающему ни оковъ, ни статей, ни преградъ,— признается геройствомъ! Я самъ былъ свидѣтелемъ того вліянія, какое производятъ на толпу эти процессы о crimes passionels, заканчивающіеся санкціонированіемъ убійствъ изъ ревности. Послѣ окончанія одного изъ такихъ сенсаціонныхъ процессовъ многочисленная публика разошлась по сосѣднимъ ресторанамъ. Въ одномъ изъ ресторановъ моими сосѣдями оказались два молодыхъ человѣка, видимо, изъ приказчиковъ большихъ магазиновъ. Одинъ восторгался рѣчью оправданнаго преступника, хвалилъ его геройство и добавилъ: «завтра прочитаемъ въ газетахъ, какъ его будутъ хвалить». Эта похвала надоѣла другому и онъ гордо заявилъ: «когда я убью свою Анжель, то произнесу такую рѣчь, о которой долго будетъ помнить вся Франція»! Не думайте, что это шутка. Въ Парижѣ тьма такихъ негодяевъ, которые, желая стать «знаменитостью», готовы убить свою Анжель для того, чтобы произнести потрясающую, «истори ческую» рѣчь!.. Риска въ этомъ экспериментѣ нѣтъ никакого: присяжные все равно оправдаютъ.

Въ этой санкціи убійствъ изъ ревности многіе видятъ ту хорошую сторону, что присяжные подвели подъ защиту суда общественной совѣсти и всѣ преступленія, возникающія изъ ревности при «свободномъ» сожительствѣ двухъ «любящихъ сердецъ». Дѣйствительно, присяжные одинаково оправдываютъ убійства изъ «законной» и «не законной» ревности. Но защитники «свободнаго сожительства» не понимаютъ, что они говорятъ. Теперь всякій негодяй держитъ въ рабствѣ свою «свободную» сожительницу. Это рабство опирается не на статью, а на взгляды суда присяжныхъ,—взгляды, безспорно, буржуазные, а явно чуждые природѣ свободнаго, никогда не останавливающагося и непорабощаемаго чувства. Тамъ, гдѣ его порабощаютъ въ тѣ или иныя формы на тѣ или

иные сроки,—тамъ не можетъ быть ни устойчивыхъ принциповъ нравственности, ни жизни безъ самыхъ гнусныхъ компромиссовъ съ совѣстью. И совѣсть, мнѣ кажется, говоритъ, что нельзя убивать другого ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ и ни по какимъ мотивамъ. Въ наши годы не считалось геройствомъ убивать изъ любви и ревности, а признавалась честною и благородною смертью смерть за любимаго человѣка *для спасенія* этого человѣка. Клара, подставившая грудь свою за любимаго человѣка,—слегка раненная, грезитъ: «Je suis morte, n'est-ce pas, mon bien—aimé, et morte pour toi? Que je suis heureuse! Tu me souris, tu m'aimes. Je suis dans tes bras. Que la mort est douce! Et quelle adorable éternité!» [1]).

М. Петропавловскій.

---

[1]) Жоржъ Онэ. Le maître des forges.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Критика.

Владиміръ Соловьевъ. Значеніе государства. «Вѣстникъ Европы». Декабрь, 1895.

Г. Соловьевъ обнародовалъ новый внушительный манифестъ, съ рѣшительнымъ выраженіемъ своихъ политическихъ убѣжденій и вѣрованій. На 12 страницахъ—цѣлый рядъ обобщеній историческаго и теологическаго характера, изложенныхъ увѣренной рукою авторитетнаго мыслителя и общепризнаннаго публициста для назиданія литературныхъ еретиковъ, въ поученіе наивной толпы съ ея подозрительнымъ тяготѣніемъ къ философствующимъ квакерамъ. По привычкѣ всѣхъ знаменитыхъ людей цѣнить на вѣсъ золота каждое свое слово, г. Соловьевъ не прибѣгаетъ къ какимъ-либо пространнымъ доказательствамъ для объясненія своихъ мыслей. Онъ споритъ противъ враждебныхъ ему взглядовъ кратко, внушительно, но «прикровенно», какъ любилъ выражаться покойный Лѣсковъ со свойственной ему склонностью говорить о разныхъ темныхъ явленіяхъ сдержанно-игривыми архаическими словцами. Въ статейкѣ г. Соловьева нѣтъ ни одного литературнаго имени, ни одного указанія на тѣ философскія и политическія системы мысли, съ которыми находятся въ родствѣ его разсужденія. Когда на страницахъ журнала выступаетъ такой писатель, какъ г. Соловьевъ, вопросы эрудиціи могутъ стушеваться, уступая мѣсто свободному вдохновенію современнаго пророка. Однако, свободное вдохновеніе почему-то ведетъ г. Соловьева старыми, заѣзженными путями. Претенціозное желаніе избѣгать утомительныхъ ученыхъ доказательствъ не обличаетъ въ настоящемъ случаѣ никакой оригинальности мышленія, потому что послѣднія теоріи г. Соловьева, по духу почти обскурантскаго пристрастія къ могущественнымъ силамъ, задерживающимъ и мертвящимъ историческій процессъ, близки, даже слишкомъ близки, къ давно существующимъ и хорошо гарантированнымъ ученіямъ. Можетъ быть, эта странная, для нѣкоторыхъ людей даже не-

ожиданная солидарность г. Соловьева съ жизненно-обезпеченными, легко ускользающими отъ ножа научной критики понятіями и придаетъ ему уравновѣшенность и спокойное величіе въ борьбѣ съ самыми яркими выразителями противоположныхъ убѣжденій. Въ статьяхъ г. Соловьева мелькаютъ бѣглые, полупрезрительные намеки на «принципіальныхъ противниковъ образованности», на защитниковъ «необразованныхъ праведниковъ». Съ пошловатой развязностью ученаго человѣка, который охотно позволяетъ себѣ милую маленькую разсѣянность въ названіяхъ литературныхъ героевъ, г. Соловьевъ кидаетъ забавную шутку въ «пресловутаго *Акимыча* изъ Власти Тьмы»—какъ-бы давая понять свою необычайную отдаленность отъ мужицкой драмы Толстого. Г. Соловьеву понадобилось высказать глубокую мысль, что въ безусловно дикой средѣ невозможны никакіе праведники—и вотъ, измѣняя своему докторальному тону, онъ разражается какимъ-то истерическимъ шумнымъ хохотомъ, коверкая при этомъ хорошо всѣмъ извѣстное имя Акима изъ «Власти Тьмы». «Могъ-ли бы пресловутый Акимычъ, язвительно спрашиваетъ онъ, явиться среди каннибаловъ, и если-бы даже явился, то не былъ-ли бы онъ ими немедленно съѣденъ, такъ что его мудрость осталась-бы совершенно безполезной для публики русскихъ театровъ?» Вотъ острота, весьма характерная въ краткомъ, но внушительномъ трактатѣ, написанномъ въ защиту византійской идеи государства и высоко-культурной мудрости, разносимой по свѣту посредствомъ кровавыхъ войнъ—той особенной культурной мудрости, которую г. Соловьевъ отважно защищалъ на страницахъ «Нивы», въ статьѣ о «Смыслѣ войны». Вотъ удачный полемическій выстрѣлъ въ писателя, мѣшающаго г. Соловьеву стать единственнымъ властителемъ просвѣщенныхъ умовъ современности.

Оставляя, однако, литературные пріемы г. Соловьева и переходя къ главнымъ идеямъ его статьи, мы отмѣтимъ духъ и содержаніе ея двумя цитатами, въ которыхъ сосредоточилась вся ея историко-философская тенденція. Обрисовавъ государственную идею въ ея движеніи съ древнихъ до новыхъ временъ, г. Соловьевъ съ особеннымъ сочувствіемъ останавливается на византійскомъ періодѣ ея развитія. «Въ христіанской Византіи, пишетъ онъ, императорская власть могла почитаться священною лишь какъ особое служеніе истинному Богу». Съ христіанской точки зрѣнія эта власть могла пониматься, какъ делегація власти Христа. «Восточный деспотъ, заключаетъ эту часть статьи г. Соловьевъ, ограниченъ неподвижными традиціонными учрежденіями и полновластенъ только въ удовлетвореніи своихъ страстей. Римскій императоръ знаетъ только физическія границы своему произволу; не отвѣчая передъ людьми, онъ не отвѣчаетъ и передъ Богомъ, ибо самъ есть богъ, хотя довольно жалкій. Въ противоположность тому и другому представленію, христіанская монархія есть *самодержавіе совѣсти*. Носитель верховной власти, порученной ему отъ Бога правды и милости, не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ, кромѣ нравственныхъ; онъ можетъ все, что согласно съ

совѣстью, и не долженъ ничего, что ей противно. Онъ не долженъ зависѣть отъ «общественнаго мнѣнія», потому что общественное мнѣніе можетъ быть ложнымъ; онъ не есть слуга народной воли, потому что воля народа можетъ быть безнравственной; онъ не представитель страны, потому что страна можетъ быть поглощена мертвымъ моремъ. Онъ поставленъ выше всего этого,—онъ есть подчиненный служитель и представитель только того, что по существу не можетъ быть дурнымъ—воли Божіей, и величіе такого положенія равно только величію его отвѣтственности». Это, быть можетъ, главнѣйшее изъ положеній статьи г. Соловьева. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе затронутаго здѣсь вопроса, но въ интересахъ регистраціи довольно пикантнаго журнальнаго явленія, отмѣтимъ только, что разсужденія г. Соловьева встрѣчены сочувственнымъ и на этотъ разъ вполнѣ заслуженнымъ браво со стороны Ю. Николаева изъ «Московскихъ Вѣдомостей». Это послѣднее обстоятельство особенно любопытно потому, что еще очень недавно критикъ «Московскихъ Вѣдомостей», не безъ своего рода основаній, ожесточенно нападалъ на г. Соловьева. Какія быстрыя превращенія! Быть можетъ, еще годъ-другой и бывшіе противники будутъ крѣпко пожимать другъ другу руки—въ знакъ полнаго обоюднаго сочувствія.

Теперь послѣдняя цитата. Передавая главную идею римскаго государства въ отличіе ея отъ идеи греческой государственности, г. Соловьевъ говоритъ: «Если типическій высоко-культурный аѳинянинъ, или коринѳянинъ могъ быть съ моральной стороны негодяемъ, если названіе сибаритъ (гражданинъ Сибариса) стало нарицательнымъ именемъ для людей изысканно-эгоистическихъ и распущенныхъ, то типическій гражданинъ въ римскомъ смыслѣ, т. е. человѣкъ, ставящій выше всего благо отечества и для его сохраненія всегда готовый пожертвовать своею жизнью и всѣми своими *честными* привязанностями, никакъ уже не можетъ быть названъ человѣкомъ безнравственнымъ. Не даромъ римская доблесть вошла въ поговорку, и никому не придетъ въ голову сказать про человѣка нравственно негоднаго: вотъ настоящій римлянинъ! Это имя вызываетъ нераздѣльное представленіе о человѣкѣ, во-первыхъ, доблестномъ, или нравственно-сильномъ, затѣмъ, о законникѣ, и, наконецъ, о государственникѣ—наглядное доказательство тѣсной связи между нравственностью, правомъ и государствомъ»...

Фразы эти не нуждаются въ комментаріяхъ. Но интересно отмѣтить одно очень маленькое комическое обстоятельство. Въ приведенныхъ строкахъ читатель, вѣроятно, замѣтилъ предательскую опечатку. По *буквальному* смыслу словъ г. Соловьева выходитъ, что, пожертвовавъ ради отечества своими «честными» привязанностями, человѣкъ отнюдь не дѣлается отъ этого безнравственнымъ. Авторъ, безъ сомнѣнія, предлагалъ жертвовать не «честными», а частными привязанностями. И вдругъ произошла роковая опечатка въ наборѣ, увы, не противорѣчащая общему смыслу всей статьи и потому, вѣроятно, не поправленная внимательно-

нымъ корректоромъ «Вѣстника Европы». Отнестись особенно вдумчиво и заботливо къ тексту отвѣтственной статьи могла-бы только редакція журнала. Но руководители старѣйшаго изъ современныхъ либеральныхъ журналовъ, повидимому, предоставляютъ чтеніе статей нѣкоторыхъ избранныхъ авторовъ одному только корректору.

А. Волынскій.

Аполлонъ Коринфскій. «Черныя розы». Стихотворенія 1893 — 1895, Спб. 1896.

Г. Аполлонъ Коринфскій пишетъ много, въ разныхъ стиляхъ и направленіяхъ, почти во всѣхъ изданіяхъ—по преимуществу иллюстрированныхъ. Кажется, около года тому назадъ онъ выпустилъ въ свѣтъ небольшой сборникъ стихотвореній, подъ названіемъ «Пѣсни сердца», не имѣвшій никакого успѣха, хотя и отмѣченный цѣлымъ рядомъ маленькихъ рецензій, написанныхъ съ непонятнымъ для безпристрастнаго читателя дружескимъ сочувствіемъ къ молодому автору. Какой-нибудь досужій репортеръ, причастный къ искусству не больше, чѣмъ театральные чернорабочіе, передвигающіе кулисы, напишетъ нѣсколько похвальныхъ фразъ о только что появившейся книжкѣ, десятокъ другихъ рецензентовъ, почуявъ въ новомъ литературномъ явленіи запахъ родственной имъ банальности и пошлости, поддержатъ въ печати своего собрата—и вотъ создается успѣхъ совершенно ничтожной, бездарной книжкѣ, которая не заслуживаетъ ничьего вниманія. Это особаго рода критика, распространившаяся въ послѣднее время въ столичной и провинціальной печати. Все сколько-нибудь оригинальное, стоящее выше средняго уровня, но не поражающее никакимъ блескомъ, замалчивается или встрѣчаетъ малую поддержку среди дѣятелей журналистики. Все, идущее въ волнѣ заурядныхъ вкусовъ и тенденцій, быстро подхватывается и выносится на поверхность жизни усердными артельщиками повседневной литературы. Даже присяжные критики, не лишенные отъ природы кой-какой прозорливости въ дѣлѣ искусства, но не надѣленные тѣмъ благороднымъ безпристастіемъ, которое составляетъ силу всякаго печатнаго сужденія, иногда поддаются дурному искушенію оказать отеческую поддержку молодой бездарности и, съ безстыдствомъ умственно растлѣнныхъ заправилъ газетныхъ вертеповъ, начинаютъ возносить ее надъ серьезными работниками въ области поэзіи. Съ двумя сборниками Аполлона Коринфскаго разыгралась именно эта обычная дрянная исторія. Нельзя не видѣть, при малѣйшей чуткости въ вопросахъ красоты, что въ его стихотвореніяхъ нѣтъ и признака настоящаго художественнаго таланта. При самомъ ограниченномъ кругозорѣ, при склонности къ моветоннымъ выкрутасамъ и мелодраматическимъ выкрикамъ, при развязности провинціальнаго щеголя съ руссопятскими замашками, у г. Коринфскаго нельзя найти ни одной черты настоящей артистической натуры. Его

стихотворенія либо безвкусно напыщены, либо отдаютъ затхлой и кисловатой сентиментальностью, либо представляютъ безсмысленную толчею тяжеловѣсныхъ словъ, предназначенныхъ для обрисовки философскихъ настроеній автора, но обличающихъ только наивную самоувѣренность невѣжды въ обращеніи съ серьезными предметами. И эти-то стихотворенія вызвали уже въ столичной печати нѣсколько сочувственныхъ и даже хвалебныхъ отзывовъ. Въ одномъ общелитературномъ журналѣ новому сборнику Аполлона Коринфскаго уже посвящена цѣлая критическая статейка, превозносящая разносторонность его поэтическаго дарованія, во многихъ газетахъ Москвы и Петербурга авторъ «Черныхъ розъ» осыпанъ самыми щедрыми комплиментами. Даже Буренинъ—обыкновенно затаскивающій въ свой вертепъ чью-либо литературную репутацію только для того, чтобы хоть на время учинить надъ нею наглую расправу грязной ременной плеткой,—даже Буренинъ, любящій шарлатански порисоваться передъ публикой свирѣпостью критическаго крокодила, поторопился почему-то покровительственно похлопать по плечу преуспѣвающаго стихотворца. А между тѣмъ, въ новомъ сборникѣ Аполлона Коринфскаго нельзя найти ни одной страницы, отмѣченной истиннымъ вдохновеніемъ и талантомъ. Книжка раздѣляется на три части: «Черныя розы», «Бывальщины», «Отголоски»,—и во всѣхъ этихъ отдѣлахъ одинаково бросается въ глаза трескучая напряженность посредственнаго версификатора, ищущаго путей для вѣрнаго и шумнаго успѣха въ толпѣ. «Черныя розы»,—это стихи, изготовленные, повидимому, не безъ расчета на декадентскіе запросы современныхъ читателей. «Бывальщины»—это посильная дань на алтарь «святорусской» гордости, съ ея славными эпическими преданіями о непобѣдимыхъ богатыряхъ. «Отголоски»—рядъ плохихъ и грубыхъ перепѣвовъ на извѣстные лирическіе мотивы безъ малѣйшаго оттѣнка поэтической оригинальности. Таково содержаніе этого широковѣщательнаго сборника. Авторъ нигдѣ не показалъ себя писателемъ со сколько-нибудь выдающимся литературнымъ талантомъ, нигдѣ не обнаружилъ даже простой интеллигентности и эстетической воспитанности. Въ его книгѣ нѣтъ ни слѣда серьезнаго знакомства съ европейскою литературою. Господствующія настроенія обличаютъ натуру, живущую мелкими впечатлѣніями, неспособную ни къ какимъ глубокимъ движеніямъ и сильнымъ порывамъ въ области болѣе или менѣе значительныхъ умственныхъ интересовъ. Мы оставимъ безъ разсмотрѣнія этотъ наборъ пустыхъ словъ и кричащихъ фразъ. Г. Коринфскій едва-ли когда-нибудь поравняется по значенію для литературы съ такимъ своимъ сверстникомъ, какъ Фофановъ, не говоря уже о поэтахъ съ серьезными и сознательными литературными замыслами, каковы Минскій и Мережковскій, о которыхъ мы будемъ имѣть поводъ говорить въ самомъ скоромъ времени. Предоставивъ другимъ, болѣе любезнымъ и снисходительнымъ рецензентамъ выискивать и оцѣнивать въ стихахъ г. Коринфскаго скрытыя гдѣ-то поэтическія достоинства, мы для заклю-

ченія укажемъ только на одну, быть можетъ, пустую, но тѣмъ не менѣе характерную особенность его произведеній. Г. Коринфскій—со всѣми его декадентскими, святорусскими и лирическими претензіями—отразился въ излюбленныхъ имъ знакахъ препинанія. Онъ пренебрегаетъ непритязательной запятой, замѣняя ее протяжнымъ тире. Онъ неохотно ставитъ рѣшительную и положительную точку. Всѣмъ обычнымъ, скромнымъ знакамъ, которые въ литературныхъ произведеніяхъ такъ-же существенны и такъ-же выразительны, какъ опредѣленный тактъ въ музыкѣ и сдержанность въ живомъ интеллигентномъ разговорѣ, — г. Коринфскій предпочитаетъ разсыпчатыя, какъ песокъ, многоточія, кричащій знакъ восклицанія и изступленное соединеніе знаковъ вопросительнаго и восклицательнаго. Вотъ нѣсколько изъ безчисленныхъ примѣровъ:

„Мнѣ вѣрить?.. Ничему не вѣрю, ничему!
И вѣрить не хочу, когда—тебѣ внимая—
Я самъ въ твоихъ глазахъ предательскихъ читая,
Разгадку нахожу обману твоему!..
„Да? Ты удивлена?!. Понять не можешь ты,
О чемъ веду я рѣчь...—Какой обманъ?! Мой милый,—
Ты шепчешь,—я тебя люблю со всею силой...
Лишь объ одномъ тебѣ—всѣ думы, всѣ мечты!..

Въ двухъ строфахъ три восклицательныхъ, два вопросительныхъ и два вопросительно-восклицательныхъ знака, а тире и многоточіямъ нѣтъ числа.

Еще примѣръ:

Не вспоминай!.. Зачѣмъ, къ чему?!.
Вѣдь для тебя—не будетъ снова
Всходить тотъ день изъ тьмы былого
На горе счастью моему...
. . . .
Прошло; минуло; пролетѣло...
Смотри: какъ ясенъ небосклонъ!
Надъ нами—солнце заблестѣло!
Ужасный день?.. Да былъ-ли онъ?!.
О, нѣтъ! О, нѣтъ... То былъ лишь сонъ...

Не бросается-ли здѣсь въ глаза то обстоятельство, что между любимыми знаками г. Коринфскій имѣетъ наилюбимѣйшіе? Прямодушному восклицательному знаку онъ предпочитаетъ знакъ вопроса, выражающій, при нѣкоторыхъ условіяхъ, душевное смятеніе, трагическую растерянность. Но и одного восклицательнаго знака мало для выраженія пиѳическаго изступленія г. Коринфскаго: вопросительный знакъ приходится иногда (довольно часто) усиливать знакомъ восклицательнымъ съ присоединеніемъ, для полноты эфекта, еще одной лишней точки.

А. Волынскій.

Камиллъ Фламмаріонъ. *Многочисленность обитаемыхъ міровъ.* Этюдъ, въ которомъ излагаются условія обитаемости небесныхъ тѣлъ съ астрономической, физіологической и философской точекъ зрѣнія. Съ 30-го французскаго изданія перевелъ К. Толстой. Изд. А. П. Коломнина. С.-Пб. 1896 г. 392 стр., съ 5 рис.

Книга Фламмаріона имѣетъ свою исторію. Она сразу создала славу своему автору и произвела нѣкоторое давленіе на ученыя сферы, особенно въ Англіи: какъ извѣстно, астрономы Миллеръ и Хеггинсъ, благодаря ей, обратились къ спектральному анализу звѣздъ. Затѣмъ книга выдержала въ 20 лѣтъ (съ 1862 г.) тридцать изданій и была переведена на всѣ языки. Но здѣсь и конецъ ея исторіи: съ 1882 г. она болѣе не издавалась. За это время Фламмаріонъ выпустилъ въ свѣтъ болѣе дюжины популярныхъ книгъ по астрономіи и составилъ себѣ прочную репутацію талантливаго популяризатора, а его первое твореніе настолько забыто, что его принимаютъ за новое. Да, кажется, о немъ забылъ и самъ авторъ: отъ его послѣднихъ трудовъ вѣетъ инымъ духомъ. Фламмаріонъ, какъ чуткій, нервный публицистъ, воспринимаетъ всѣ современныя вѣянія, и всѣ они, до гипнотизма и телепатіи включительно, пріурочиваются имъ къ астрономіи и находятъ себѣ яркое выраженіе въ его популярныхъ статьяхъ. Одна основная черта его ума остается неизмѣнною: любовь ко всему поразительному, таинственному и наклонность удивлять и поражать.

Новое русское изданіе, вѣроятно, привлечетъ читателей, благодаря имени автора и заманчивому заглавію. Но книга Фламмаріона совсѣмъ не популярная, да и популяризировать тутъ было нечего, такъ какъ наука до сихъ поръ не знаетъ ровно ничего объ обитаемости небесныхъ міровъ. Это серьезная, искренняя философская работа молодого, пылкаго, идеально настроеннаго ума, искавшаго въ любимой наукѣ подтвержденія своихъ завѣтныхъ вѣрованій. Весьма понятно, почему въ серединѣ нашего вѣка ее оцѣнили такъ высоко. То было время грубаго эмпиризма и матеріализма, угрожавшаго всякому идеализму въ области науки. Но съ тѣхъ поръ научная мысль успѣла пережить цѣлую геологическую эпоху, которая оставила свои слѣды во всемъ, начиная отъ университетскихъ лекцій до школьныхъ хрестоматій. Поэтому мы боимся, что современный читатель не пойметъ душевнаго настроенія автора и просто причислитъ его книгу къ единственно недопустимому роду литературы, то есть къ скучному. Въ самомъ дѣлѣ, въ возможности жизни на планетахъ и такъ не сомнѣвается ни одинъ грамотный человѣкъ, прочитавшій одну изъ элементарнѣйшихъ книжекъ по астрономіи. Что-же касается доказательствъ дѣйствительнаго существованія небожителей, то разсужденія автора насчетъ зависимости организаціи обитателей отъ физическихъ особенностей ихъ мѣстожительства мало поддерживаются біологіей, съ которою Фламмаріонъ находится въ родствѣ довольно отдаленномъ, и, что еще печальнѣе, эти разсужденія мало поддерживаютъ на-

дежду на то, что наши или родственныя нашимъ души находятъ для себя болѣе удобное убѣжище на какомъ нибудь небесномъ тѣлѣ среди атмосферы, насыщенной напр. хлоромъ или раскаленной до 2.000 градусовъ. Да неужели естественно доказывать существованіе такой невѣсомой и непротяженной сущности, какъ духъ, тѣмъ, что можно указать для нея обширныя помѣщенія, подчиненныя законамъ тяготѣнія? А если справедливы разсужденія автора о существенно различной организаціи обитателей разныхъ планетъ, то становится весьма сомнительною гипотеза существованія коллективнаго человѣчества, разселеннаго на планетахъ, выполняющаго тѣ-же вѣчные законы нравственности, какъ и мы, и сочувствующаго намъ. Вообще, читатель найдетъ въ книгѣ мало утѣшенія, мало пищи воображенію и много разсужденій, пространныхъ и обоюдоострыхъ. Интересна исторія представленій древнихъ и новыхъ писателей о жизни въ небесныхъ мірахъ. Но это—глава изъ исторіи поэтическаго творчества людей, неизбалованныхъ музою. Авторъ прибавилъ къ этой сомнительной литературѣ нѣсколько вдохновенныхъ страницъ отъ себя; однако, въ нихъ больше краснорѣчія, чѣмъ поэзіи. Кажется, книга Фламмаріона отжила свой вѣкъ, и немногіе дочитаютъ ее до конца.

Б. Библіографія.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Е Балобанова. **Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани**. Спб. 1896.

Въ небольшомъ предисловіи г-жа Балобанова разсказываетъ о происхожденіи собранныхъ въ ея книгѣ легендъ: она записывала ихъ, путешествуя по Бретани, со словъ разныхъ сказателей и сказательницъ, мѣстныхъ старожиловъ, знакомыхъ съ вѣковыми преданіями о каждомъ замкѣ, о каждомъ камнѣ въ странѣ. Непосредственность народнаго творчества и сказалась въ поэтическихъ и трогательныхъ легендахъ, вошедшихъ въ книгу г-жи Балобановой. Въ нихъ преобладаютъ меланхолическія темы, наиболѣе отражающія душевную жизнь приморскихъ жителей. Море играетъ роль судьбы во многихъ разсказахъ—оно губитъ послѣднихъ представителей знатныхъ родовъ (Рождественская лодка). оно разрушаетъ счастіе любви (Царица Бурь), оно исполняетъ проклятія отца, посланныя имъ во слѣдъ непокорной дочери (Гугенотъ). И повсюду, въ этихъ разсказахъ и въ другихъ, элементъ чудеснаго играетъ большую и нѣсколько своеобразную роль—міръ таинственныхъ процессовъ души, предчувствій и воспоминаній, сожалѣній и надеждъ облекается въ народной фантазіи въ живые образы и управляетъ судьбами людей. Такова таинственная лодка, приплывающая въ каждое Рождество подъ стѣны замка Peulven: она вызываетъ своимъ равномѣрнымъ „пликъ-плокъ, пликъ-плокъ" бурю раскаянія въ жестокой матери, и сводитъ ее въ могилу вслѣдъ за погибшимъ по винѣ родителей сыномъ. Таковы разсказы о таинственной связи судьбы отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ родовъ съ какимъ-нибудь неодушевленнымъ предметомъ или какой-нибудь птицей и т. п. („Кипарисъ", „Соколъ", „Сросшіяся деревья").

Самой красивой легендой въ книжкѣ г-жи Балобановой намъ кажется „Замокъ Керваннекъ" — поэтическій разсказъ о молодомъ потомкѣ знатнаго рода, отчужденномъ отъ земныхъ радостей своимъ физическимъ уродствомъ и близкомъ небу своимъ даромъ пѣнія, отражающимъ высокую душу. Божественное въ Этьенѣ покоряетъ все земное, побѣждаетъ ненависть отца и приводитъ послѣдняго въ убѣжище чистаго юноши — пѣвца. Достигнувъ этого торжества надъ зломъ, Этьенъ, случайный гость на землѣ, можетъ только «лучезарно улыбнуться» и умереть... А дѣти, игравшія на берегу, въ этотъ моментъ увидали большую бѣлую птицу, пролетавшую надъ ними къ морю. «Она пропѣла имъ чудесную пѣсню

о звѣздахъ—цвѣтахъ неба,—пѣсню, часто слышанную имъ отъ Этьена».

Русское изложеніе бретонскихъ легендъ сдѣлано прекраснымъ художественнымъ языкомъ. Сборникъ предназначенъ для любителей народной поэзіи и читается съ большимъ интересомъ.

Альфредъ де Мюссе. **Ночи.** Переводъ А. Д. Облеухова. Москва. 1835.

Новый переводъ «Ночей» Мюссэ снабженъ предисловіемъ, въ которомъ авторъ излагаетъ свой взглядъ на задачи переводчика. Г-нъ Облеуховъ полагаетъ, что переводчикъ долженъ 1) понять идею поэта; 2) прочувствовать эту идею такъ-же, какъ чувствовалъ ее авторъ подлинника и изобразить ее такъ, чтобы читающіе переводъ прочувствовали тѣ же чувства, продумали-бы тѣ же мысли, какъ и при чтеніи подлинника. Съ этими идеальными требованіями, конечно, всякій согласится, потому что они сводятся въ сущности къ тому, чтобы переводъ по своему совершенству равнялся подлиннику. Но возможенъ-ли такой переводъ? Конечно, бываютъ случаи, когда переводъ становится такимъ-же художественнымъ произведеніемъ, какъ и подлинникъ; вспомнимъ Лермонтовское «Душа моя мрачна», нѣкоторые переводы Жуковскаго, переводы Шиллера изъ Шекспира и т. д. Но пріемы названныхъ нами поэтовъ отличаются отъ метода, предлагаемаго г. Облеуховымъ. Лермонтовъ и Жуковскій старались передать точно подлинникъ, и только тамъ отступали отъ него, гдѣ этого требовалъ духъ русскаго языка. Новый же переводчикъ Мюссэ предлагаетъ совершенно свободное обращеніе съ текстомъ, думая, что этимъ путемъ достигается большая вѣрность духу поэта. Иллюстрируетъ онъ этотъ методъ переводомъ «Ночей», лучшихъ поэмъ Мюссэ, въ которыхъ поэтъ наименѣе поддается своей склонности къ общимъ мѣстамъ и къ риторикѣ и рисуетъ настроенія и природу тонкими чертами.

Если читатель, заинтересованный теоріей г. Облеухова и готовый простить ему отступленіе отъ буквальной передачи текста, вздумаетъ прочесть одну изъ переведенныхъ „Ночей" и сравнить ее съ подлинникомъ, то окажется нѣчто совершенно неожиданное: переводить по рецепту г. Облеухова—значитъ передавать идею поэта своими словами. Возьмемъ наугадъ любое мѣсто изъ переведенныхъ поэмъ. Вотъ, напр., прочувствованный конецъ „Майской Ночи". У Мюссэ поэтъ говоритъ слѣдующее: „О муза! призракъ ненасытный, не требуй слишкомъ многаго отъ меня. Человѣкъ не можетъ писать на пескѣ въ тотъ мигъ, когда песется ураганъ. Я пережилъ время, когда моя молодость неустанно просилась мнѣ на уста, готовая пѣть, подобно птицѣ. Но я перенесъ тяжелыя муки, и самое слабое, что я могъ бы передать изъ нихъ,—если бы я попытался сдѣлать это на моей лирѣ—сломало-бы ее, какъ вѣтку камыша". Вотъ переводъ г. Облеухова:

„О муза, свѣтлый богъ любви,
Лучъ золотой моихъ ночей!
Горитъ огонь въ моей крови
И слезы льются изъ очей.
Я прежде пѣлъ, Я молодъ былъ,
Сверкала мнѣ любви звѣзда,
И я не зналъ еще тогда
Измѣнъ, проклятій и могилъ...
Но улетѣли тѣ года,
И лира смолкла навсегда...
Ахъ, много сердцемъ я болѣлъ,
И рокъ преслѣдовалъ меня....
Что еслибъ я теперь запѣлъ?
Я пѣлъ бы съ силою такой,
Что сжегъ бы искрою огня
Всѣ струны лиры золотой.

Что сказать объ этомъ „несовсѣмъ буквальномъ" переводѣ? Очевидно,—говорить объ идеальныхъ переводахъ и переводить самому хотя бы только сносно—совершенно разныя вещи.

Ѳ. Д. Батюшковъ. **Корнелевъ «Сидъ».** Историко-литературный анализъ пьесы. Спб. 1895.

Небольшой этюдъ г. Батюшкова о „Сидѣ" написанъ по поводу книги Аверкіева „Разсужденія о драмѣ", а также по поводу новѣйшихъ толкованій Сида французскими критиками, Брюнетьеромъ и др. Оправдывая Корнеля противъ обвиненій Аверкіева въ „ложно-классицизмѣ", г. Батюшковъ полемизируетъ также въ своемъ очеркѣ съ Деманелемъ, Брюнетьеромъ и другими критиками, утверждающими, что Корнель былъ новаторомъ для своей эпохи, романтикомъ въ сравненіи съ Расиномъ, блюстителемъ классическихъ традицій. Для опроверженія этого взгляда г. Батюшковъ разсматриваетъ Сида, сопоставляя эту трагедію съ ея испанскимъ первоисточникомъ, „Las mocedados del Cid" де Кастро, и анализируя измѣненія, внесенныя Корнелемъ въ испанскій первоисточникъ. Выводы, къ которымъ онъ приходитъ, слѣдующіе: Корнель не романтикъ, напротивъ того онъ разрушаетъ романтическій театръ своего предшественника А. Гарди, автора безчисленныхъ трагикомедій, лишенныхъ всякаго внутренняго единства и не соблюдающихъ никакихъ внѣшнихъ сценическихъ правилъ. Но Корнель въ то-же время не строгій послѣдователь классическихъ традицій въ фактурѣ драмы: въ Сидѣ замѣтно только стремленіе ограничить дѣйствіе опредѣленными рамками пространства и времени, но единства эти не вполнѣ соблюдены. Классическій-же характеръ трагедіи сказался въ томъ, что Корнель достигъ въ своемъ произведеніи цѣльности и единства впечатлѣнія. „Этимъ, говоритъ г. Батюшковъ, онъ прежде всего удовлетворилъ внутреннему спросу и чувствамъ своихъ соотечественниковъ — не только современныхъ но и послѣдующихъ

поколѣнiй, потому что соблюденiе даннаго условiя отвѣчало особенностямъ французскаго склада мыслей. Въ этомъ сказалась первая побѣда французскаго классицизма не въ смыслѣ подражанiя древне-классической литературѣ, а по существу, по тому значенiю, которое французскiй классицизмъ представляетъ, какъ продуктъ нацiональнаго духовнаго развитiя». Историческая часть очерка, составленная съ большимъ знанiемъ классической эпохи французскаго театра, представляетъ большой интересъ; малоизвѣстная драма г. де Кастро подробно изложена г. Батюшковымъ такъ-же, какъ и заимствованiя испанскимъ драматургомъ изъ народныхъ сказанiй о Сидѣ. Г. Батюшковъ занимается также возбужденнымъ французской критикой вопросомъ о „ненужности" роли инфанты въ „Сидѣ". Мы вполнѣ согласны съ г. Батюшковымъ въ томъ, что инфанта задумана Корнелемъ съ большой психологической тонкостью и дополняетъ характеристику главной героини пьесы.

А. И. Александровъ. **Исторiя развитiи духовной жизни Черной Горы и князь-поэтъ Николай I.** Казань, университетская типографiя. 1895 г.

Книга распадается на двѣ части. Въ первой, довольно поверхностно и въ самыхъ общихъ чертахъ, дается историческiй очеркъ развитiя духовной жизни Черногорiи (или Черногорья, какъ авторъ предлагаетъ называть эту страну, ссылаясь на однородное образованiе словъ Полѣсье, Крутогорье и др.), а во второй части дѣлается подробный разборъ (но безъ критики въ литературномъ отношенiи) сочиненiй князя-поэта Николая I. Муза Николая—преимущественно патрiотическая, но стихи его иногда звучны и плавны. Вотъ начало оды, въ которой поэтъ воспѣваетъ достигнутый Черногорьемъ, послѣ многихъ трудовъ и страданiй, выходъ на Адрiатику.

„Мору".

Поздравльам те, Синье море,
О ливадо течна, равна,
Ти велика просторнjо
Жельо наша преодавна!

Г. Александровъ передаетъ содержанiе всѣхъ почти произведенiй князя и предлагаетъ много образцовъ ихъ въ подлинномъ текстѣ.

Въ Черногорiи, какъ оказывается, давно уже существовала типографiя, «но въ войнѣ 1852—53 года,—разсказываетъ авторъ, необходимость заставила черногорцевъ принести въ жертву всѣ шрифты и превратить ихъ въ ружейныя пули». Князь Данiилъ возсоздалъ эту типографiю, но при подобныхъ условiяхъ не удивительно, если просвѣщенiе среди черногорцевъ распространяется лишь очень медленно.

II. Педагогика и дѣтскiя книги.

О дѣтскихъ развлеченiяхъ. *Женщина-врачъ М. И. Покровская.* Спб. 1895 г.

Брошюра врача Покровской посвящена выясненiю психологическаго и гигiеническаго значенiя дѣтскихъ развлеченiй, изъ которыхъ одни (музыка, пѣнiе, зрѣлища, чтенiя, выставки, игры въ животныхъ, подражательныя и т. д.) развиваютъ духовную сторону дѣтей, а другiе (мячь, воланъ, крокетъ, лапта, бѣгъ, спортъ и т. д.)—физическую. Въ обыденной нашей жизни мы знаемъ множество дѣтскихъ развлеченiй, способствующихъ огрубѣнiю нравовъ и безстыдству дѣтей; поэтому правильный выборъ ихъ чрезвычайно важенъ въ педагогическомъ дѣлѣ. При помощи игръ мы значительно воспитываемъ въ ребенкѣ умъ воображенiе и жизнерадостное настроенiе духа. Поэтому игры должны прежде всего соотвѣтствовать возрасту дѣтей и быть до нѣкоторой степени воплощенiемъ того хорошаго, что есть въ нашей жизни, подготовлять къ ней привычки и вкусы дѣтей. Книга женщины-врача Покровской составлена по этому предмету съ полнымъ его знанiемъ и по цѣнѣ (50 к.) доступна въ каждой семьѣ.

Ф. Кейра. **Воображенiе и память.** Перев. съ фр. Е. Максимовой. Изд. ред журнала «Образованiе». Спб. 1896 г. 66 стр Ц. 40 к.

Авторъ, послѣдователь новѣйшей психофизiологической школы, намѣчаетъ три главныхъ типа умственной организацiи: зрительный типъ, слуховой и двигательный или моторный. Одностороннее развитiе каждаго изъ нихъ представляетъ свои выгоды, но также и свои опасности, такъ что задача воспитанiя состоитъ главнымъ образомъ въ созданiи уравновѣшеннаго ума. Это достигается тѣмъ, что воспитатель при занятiяхъ старается вызывать въ умѣ ребенка одновременно всѣ три рода образовъ. Въ воображенiи самого автора брошюры, повидимому, преобладаютъ цитаты изъ прочитанныхъ имъ научныхъ трудовъ. Самостоятельнаго отношенiя къ явленiямъ дѣйствительной жизни въ немъ не видно напр., онъ цитируетъ разсказъ о глухонѣмомъ, умѣвшемъ повторять слова, и не обращаетъ вниманiя на практику современныхъ школъ для глухонѣмыхъ, гдѣ учатъ одновременно понимать и говорить и т. п. Число типовъ духовной организацiи въ дѣйствительности далеко не исчерпывается тремя, имъ указанными, а законы ассоцiацiи представленiй не настолько просты и однообразны, чтобы можно было ограничиться совѣтомъ—вызывать ихъ одновременно въ умѣ ребенка.

К. Ланге, проф. **Художественное воспитанiе въ дѣтской.** Пер. Н. Д. Городецкаго. Изъ журн. „Вѣстникъ Воспитанiя". М. 1895 г. 76 стр. Ц. 50 к.

Вотъ брошюра о томъ-же предметѣ; но вопросъ разработанъ совсѣмъ иначе, и впечатлѣнiе получается другое. Передать ея содержанiе трудно — въ ней такъ много дѣльныхъ мыслей и цѣнныхъ указанiй, что

пришлось-бы выписать половину книги. Цѣль ея, въ общемъ—выяснить воспитательное значеніе дѣтскихъ игръ и занятій и указать надлежащую постановку этого дѣла. Авторъ руководится почти исключительно собственными наблюденіями надъ практикою воспитанія, и его выводы—чисто практическіе, но во всемъ сквозитъ глубокое пониманіе психологіи ребенка и строго систематичная теорія. Брошюру Ланге стоитъ усердно рекомендовать вниманію родителей и педагоговъ. Это заставитъ подумать о многомъ такомъ, что или казалось давно рѣшеннымъ или вовсе не рѣшалось.

М. Ѳ. Ростовская. **Звѣздочки.** Повѣсти и разсказы для дѣтей, съ раскрашенными рисунками. Изданіе третье. Б. И. Губинскаго. Спб. 1894. Стр. 239. Ц. 1 р.

М. Ѳ. Ростовская. **Четыре времени года.** Разсказы изъ деревенскаго быта. Съ рисунками. Изданіе третье. В. И. Губинскаго. Спб. 1894. Стр. 234. Ц. 1 р

Книжки покойной дѣтской писательницы, М. Ѳ. Ростовской, пользуются еще популярностью у маленькихъ читателей, не смотря на то, что многія изъ ея произведеній страдаютъ чрезмѣрной растянутостью. Эту популярность легко объяснить себѣ, если обратить вниманіе на главную идею, которою проникнуты всѣ разсказы М. Ѳ. Ростовской и которую она сама выражаетъ въ одномъ изъ помѣщенныхъ въ «Звѣздочкахъ» разсказовъ: «Все, что живетъ и дышитъ, имѣетъ полное право на участіе», говоритъ она, и этимъ-то участіемъ и теплымъ, сердечнымъ отношеніемъ ко всему окружающему дышатъ всѣ ея произведенія, находя себѣ откликъ въ чуткой, воспріимчивой душѣ ребенка.

Въ книжкѣ, озаглавленной «Четыре времени года», кромѣ разсказовъ: «Зима»· «Весна», «Лѣто», «Осень», помѣщены еще разсказы: «На пароходѣ», «По дорогѣ» и «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей», при чемъ, какъ сообщаетъ издатель, семь главъ этого послѣдняго разсказа не принадлежатъ уже перу покойной писательницы, а написаны послѣ ея смерти г. Липовскимъ-Трофимовымъ (!). За такую безцеремонность, вѣроятно, Ростовская не поблагодарила-бы ни г. Губинскаго, ни г. Липовскаго-Трофимова. Что касается до внѣшней стороны обѣихъ книжекъ, то онѣ отличаются той-же небрежностью, какъ и большинство изданій г. Губинскаго.

Ан. Лѣсничій. **Приключенія Ивасека, маленькаго хохла,** Поэма въ стихахъ для дѣтскаго чтенія, съ рисунками. Изданіе второе книгопродавца М. В. Клюкина. Москва. 1896. Стр. 38. Ц. 30 к.

Нелишенная юмора поэмка г. Лѣсничаго (псевдонимъ) представляетъ собою довольно забавное чтеніе для дѣтей младшаго возраста. Жаль только, что авторъ не вполнѣ владѣетъ стихомъ: попадаются неудачныя риѳмы. Книжка выходитъ уже вторымъ изданіемъ, печать и обложка ея вполнѣ удовлетворительны, но рисунки! Что это за рисунки!

Цвѣты и **Старый капотъ.** Разсказы княгини *М. В. Волконской.* Изданіе М. М. Ледерле и К°. Спб. 1895 г. Стр. 63. Ц. 50 к.

Авторъ этихъ двухъ симпатичныхъ разсказовъ, написанныхъ, очевидно, подъ живымъ впечатлѣніемъ пережитаго, выказалъ въ нихъ пониманіе дѣтской натуры и близкое знакомство съ жизнью и интересами маленькихъ читателей. Весьма занимательные по содержанію и вполнѣ доступные по идеѣ разсказы „Цвѣты“ и «Старый капотъ» будутъ читаться дѣтьми съ удовольствіемъ и пользою, пріучая ихъ цѣнить окружающіе ихъ предметы не по одному только ихъ внѣшнему достоинству. Корректура книжки оставляетъ желать лучшаго.

Маленькіе герои и другіе разсказы. *Д. Л. Михаловскаго.* Изданіе М. М. Ледерле. Спб. 1894. Стр. 168. Ц. 85 к.

Г. Михаловскій, извѣстный переводчикъ Шекспира и другихъ иностранныхъ авторовъ, предназначилъ свой новый трудъ юнымъ читателямъ и посвятилъ имъ нѣсколько стихотвореній и разсказовъ, взятыхъ имъ съ французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго. Изъ трехъ довольно интересныхъ разсказовъ особенное вниманіе обращаетъ на себя послѣдній—«Семейство Моранды», который представляетъ обильный и цѣнный матерьялъ для чтенія въ школѣ и дома и можетъ доставить дѣтямъ много полезныхъ и пріятныхъ часовъ. Изложеніе книги отличается простотою и картинностью. Жаль только, что внѣшняя сторона книги не соотвѣтствуетъ ея изящному содержанію: въ изданіи замѣчается отсутствіе корректуры; что-же касается виньетокъ, то онѣ, по большей части, взяты изъ прежнихъ изданій г. Ледерле.

Библіотека нашего юношества. Выпускъ IV. **Двѣ матери.** Екатерина Гете и Катарина Байронъ. Разсказъ *А. П. Валуевой* (Мунтъ). Спб. 1894. Изданіе М. М. Ледерле. Стр. 112. Ц. 60 к.

Основная мысль книги — вліяніе матери на нравственное и умственное развитіе ребенка, конечно, не нова, но настолько серьезна, что всякій трудъ, имѣющій цѣлью выяснить его значеніе молодому поколѣнію—будущимъ воспитателямъ и воспитательницамъ — долженъ быть встрѣченъ съ большою благодарностью. Если-же этотъ трудъ, подобно новому разсказу г-жи Валуевой, достигаетъ своей цѣли и на живомъ, наглядномъ примѣрѣ дѣйствительно выясняетъ юнымъ читателямъ то громадное значеніе, которое имѣетъ мать въ направленіи всей послѣдующей жизни ребенка, то намъ не остается ничего болѣе, какъ привѣтствовать это произведеніе, какъ цѣнный вкладъ въ библіотеку нашего юношества.

В. Святловскій 2-й. **Л. Брентано, его жизнь, воззрѣнія и школа.** Москва. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Мюнхенскій профессоръ Луи Брентано занимаетъ выдающееся мѣсто въ ряду представителей историческаго направленія въ политической экономіи. Онъ посвятилъ много времени на изученіе рабочаго вопроса вообще и трэдъ-юніонизма въ частности. Его многочисленныя изслѣдованія, брошюры и статьи по рабочему вопросу не отличаются глубокимъ научнымъ характеромъ (за исключеніемъ Die Arbeitergildender Gegenwart), и носятъ на себѣ отпечатокъ весьма гуманныхъ взглядовъ ихъ автора. Успѣхъ выпадалъ на ихъ долю, главнымъ образомъ, потому, что они писались всегда на злобу дня. Л. Брентано принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ нѣмецкихъ профессоровъ, которые не только лекціи по тетрадкамъ читаютъ, но и живутъ. Онъ читаетъ умно, увлекательно и чуть ли не каждую изъ своихъ лекцій онъ скрашиваетъ, вставляя въ нее тотъ или другой вопросъ изъ очередныхъ вопросовъ дня. Говорить объ особой школѣ Брентано можно только съ большими натяжками. Брентано никакой школы не создалъ и, при его слабой оригинальности, никогда «своей» школы не создастъ. Г. Святловскій, какъ ученикъ, весьма преданный своему учителю, въ своей преданности зашелъ дальше, чѣмъ слѣдовало, открывъ особую школу Брентано. Правда, многіе изъ нѣмецкихъ профессоровъ, доведя до кафедры одного или двухъ изъ своихъ учениковъ, уже говорятъ о своей школѣ. Но эта извинительная слабость не можетъ служить критеріемъ при классификаціи разныхъ школъ и направленій въ политической экономіи.

При бѣдности нашей литературы, конечно, и книга г. Святловскаго не окажется лишней, но писать онъ началъ слишкомъ рано. Каждая страница его книги вызываетъ представленіе о прилежномъ нѣмецкомъ студентѣ съ папкой, полной разныхъ тетрадокъ. Такъ много въ книгѣ г. Святловскаго наивнаго, дѣтскаго, непередуманнаго, а изъ тетрадки или какой-либо книги довѣрчиво выписаннаго. Иногда эти наивности автора доходятъ до крайностей. Такъ, онъ, не смущаясь, заявляетъ, что движеніе чартистовъ «было безслѣдно»!.. Но сколько намъ извѣстно, такой оригинальный взглядъ не принадлежитъ къ числу особенностей даже не существующей школы Брентано.

Мальтусъ. **Опытъ закона о народонаселеніи.** Переводъ И. А. Вернера. М. 1895 г. Ц. 1 р.

«Опытъ закона о народонаселеніи» составляетъ 3-й выпускъ «библіотеки экономистовъ». Ученіе Мальтуса о нравствен- тающей публикѣ, а потому мы и не будемъ воспроизводить основныя положенія Мальтуса, изложенныя имъ въ «Опытѣ закона о народонаселеніи». Распространеніе такихъ книгъ среди русской публики поможетъ ея нравственному развитію. Можно сожалѣть о томъ, что книга не пущена въ продажу по болѣе дешевой цѣнѣ. По нашему мнѣнію, одна или двѣ главы изъ книги Мальтуса могли-бы быть пущены въ продажу отдѣльно по самой дешевой цѣнѣ, напр. за 10 к. Изъ готоваго сокращеннаго перевода г. Вернера приготовить такой дешевый выпускъ не трудно. Мы называемъ «сокращеннымъ» переводъ г. Вернера потому, что въ немъ опущены многія главы изъ книги Мальтусъ согласно тому плану, котораго придерживаются издатели «библіотеки экономистовъ». Въ каждомъ выпускѣ «библіотеки экономистовъ» дается какое-нибудь классическое произведеніе по политической экономіи, при чемъ выпускаются главы, не имѣющія существеннаго значенія, что иногда подаетъ поводъ къ слишкомъ субъективной оцѣнкѣ «несущественныхъ» главъ.

Рене Лебланъ. **Основы земледѣлія.** Элементарное руководство для учителей начальныхъ школъ и сельскихъ хозяевъ. Перевелъ А. П. Левитскій. Спб. 1895 г.

Руководство Леблана написано замѣчательно и его съ пользою прочтутъ и тѣ, кто къ основамъ земледѣлія не имѣетъ никакого отношенія. На небольшомъ количествѣ страницъ изложены всѣ элементарныя свѣдѣнія изъ физики и химіи, необходимыя всякому сельскому хозяину. Руководство назначается не только для хозяевъ, но и для учителей сельскихъ школъ. Мы, конечно, ничего не имѣемъ противъ того, чтобы учителя сельскихъ школъ читали въ свободное время книги по земледѣлію, дополняя свои знанія, но мы не можемъ помириться съ той мыслью, будто-бы общеобразовательный курсъ начальной школы долженъ быть урѣзываемъ, въ интересахъ преподаванія въ ней сельскаго хозяйства, сапожнаго мастерства, свиноводства, садоводства и т. д. Начальная школа должна дать общее начальное образованіе и не должна засорять голову учащихся разными отрывочными рецептами по свиноводству, сапожному мастерству и т. д. Учитель долженъ быть учителемъ и не можетъ быть одновременно и учителемъ, и садоводомъ, и свиноводомъ, и столяромъ и т. п.

Н. В. Пономаревъ. **О передвиженіи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, направляющихся въ новороссійскія губерніи.** Спб. 1895 г.

Надъ вопросомъ о передвиженіи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ настоящее время работаетъ особая комиссія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. О резуль-

татахъ ея занятій пока ничего неизвѣстно, но въ печати уже скопилась масса рецептовъ для радикальнаго разрѣшенія вопроса о передвиженіи рабочихъ. Не будемъ перечислять всѣхъ этихъ рецептовъ, а остановимся на «личныхъ» соображеніяхъ г. Пономарева. По мнѣнію г. Пономарева, «важный и чрезвычайно сложный вопросъ объ урегулированіи передвиженія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ можетъ быть разрѣшенъ двояко: 1) *кореннымъ* образомъ: а) заселеніемъ новороссійскихъ губерній посредствомъ переселенія крестьянъ изъ густонаселенныхъ губерній, и б) въ частности, для отдѣльныхъ губерній Новороссіи устройствомъ быта безземельныхъ «десятинщиковъ» въ Таврической губерніи и подобныхъ же безземельныхъ поселянъ въ Херсонской губерніи и 2) въ видѣ палліативной мѣры «упорядоченіемъ собственно передвиженія рабочихъ, какъ въ видахъ улучшенія способовъ снабженія ими южныхъ хозяйствъ, такъ и съ цѣлью предупрежденія вообще безпорядочнаго скитанія рабочихъ». Такъ какъ, при нашемъ принципіальномъ отношеніи къ вопросамъ, мы не можемъ придавать положительнаго значенія палліативнымъ мѣрамъ, то и палліативную мѣру г. Пономарева мы оставимъ въ покоѣ. Что же касается предложенной имъ радикальной мѣры заселенія степныхъ губерній безземельными крестьянами, что она можетъ имѣть свое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если южные помѣщики жалуются, что у нихъ нѣтъ рабочихъ рукъ для обработки полей, то и пусть на ихъ землѣ сядутъ безземельные крестьяне и прилагаютъ къ ней свои руки. Вѣдь государство не можетъ для удовольствія помѣщиковъ создавать «чистыя» рабочія руки, «свободныя отъ капитала» и приспособленныя къ пользованію полной свободой труда.

Русскій отдѣлъ на Колумбовой выставкѣ въ Чикаго 1893 г.

Это изящное изданіе, снабженное массой фототипическихъ рисунковъ, представляетъ изъ себя отчетъ генеральнаго коммисара русскаго отдѣла Колумбовой выставки П. И. Глуховскаго, командированнаго въ Америку министерствомъ финансовъ. Этотъ отчетъ не даетъ, конечно, яснаго представленія о Колумбовой выставкѣ вообще, а лишь внѣшнимъ образомъ затрагиваетъ вопросы русской промышленности, искусства и народнаго образованія, при чемъ авторъ отчета дѣлаетъ довольно быстрыя умозаключенія относительно Россіи на основаніи тѣхъ немногихъ экспонатовъ, которые украшали русскій отдѣлъ выставки. Въ самомъ дѣлѣ если судить о Россіи по разсматриваемому отчету П. И. Глуховского, то выходитъ, что у насъ все обстоитъ благополучно и думать о лучшемъ едва-ли приходится. Въ краткой библіографической замѣткѣ не мѣсто излагать содержаніе изданія П. И. Глуховского, но мы не можемъ не коснуться сужденія автора о нашемъ народномъ образованіи. По словамъ отчета, американцы, тратящіе 280 милл. р. на народное образованіе были поражены нашими учебными отчетами и способами преподаванія. Въ этихъ похвалахъ по адресу нашей школы усердствовалъ министръ народнаго просвѣщенія штата Арканзасъ І. Шиппъ. Если русскій читатель ознакомится съ этимъ наборомъ фразъ американскаго министра, то, пожалуй, подумаетъ, что мы превзошли американцевъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Зачѣмъ было вносить въ отчетъ и притомъ офиціальный, совершенно ненужный балластъ всякаго рода похвалъ, не имѣющихъ серьезнаго значенія и могущихъ лишь служить выраженіемъ американской вѣжливости? Описывая другіе отдѣлы выставки, авторъ постоянно говоритъ обо всемъ въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ, при чемъ съ особеннымъ усердіемъ отмѣчаетъ комплименты иностранцевъ по нашему адресу.

Одесса 1794—1894 г. Изданіе городского общественнаго управленія къ столѣтію города.

Ни одинъ изъ русскихъ городовъ не развивался съ такой быстротой, какъ Одесса. Въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ онъ успѣлъ перещеголять въ дѣлѣ благоустройства даже старѣйшіе города Западной Европы. Изданный городскимъ общественнымъ управленіемъ томъ въ 1000 страницъ in folio съ массой рисунковъ, иллюстрацій и плановъ даетъ полное представленіе о жизни этого города за столѣтіе ея существованія. Нашимъ муниципалистамъ не мѣшало бы перелистать эту книгу, чтобы имѣть хоть представленіе о томъ, что можно сдѣлать для городского благоустройства.

Конспекты публичныхъ лекцій, устроенныхъ физико - математическимъ обществомъ весною 1895 года. Съ 12 т. чертежей. Казань. 1895 г. 90 стр. Ц. 30 к.

Подъ скромной внѣшностью этихъ конспектовъ скрывается довольно крупное общественное явленіе. Физико-математическое общество при казанскомъ университетѣ чрезвычайно практично и съ блестящимъ успѣхомъ осуществило мысль—устроить чтеніе систематическихъ научныхъ курсовъ для всѣхъ желающихъ. Судя по конспектамъ, лекторы успѣли выполнить въ шесть часовыхъ чтеній довольно широкую и серьезную программу. Сами по себѣ конспекты, какъ и всякіе краткіе конспекты, могутъ служить серьезнымъ учебнымъ пособіемъ только для тѣхъ, кто присутствовалъ на лекціяхъ. Но на нихъ стоитъ обратить вниманіе, чтобы ознакомиться съ постановкою этого симпатичнаго дѣла.

Метеорологическое обозрѣніе. Труды метеорологической сѣти юго-запада Россіи въ 1894 году. Выпускъ VII. *А. Клоссовскаго.* Одесса. 1895 г.

сійскаго университета въ Одессѣ. *А. Клоссовскаго.* 1894 г. Одесса. 1895 г.

При одесскомъ университетѣ существовалъ бѣдный кабинетъ физической географіи съ метеорологическою станціею 2-го разряда. Въ 1883 году завѣдываніе этими чисто учебными учрежденіями перешло къ автору лежащей передъ нами «Лѣтописи»—и дѣло совершенно измѣнилось. Университетская станція сдѣлалась центромъ цѣлой сѣти метеорологическихъ станцій, охватывающей юго-западъ Россіи и успѣла по настоящее время выпустить семь объемистыхъ томовъ систематическихъ, метеорологическихъ, климатическихъ и магнитныхъ наблюденій. Вмѣсто второразрядной учебной станціи выросла блестяще обставленная метеорологическая обсерваторія въ загородной мѣстности съ подземнымъ павильономъ для магнитныхъ наблюденій. Дѣлу помогло и министерство народнаго просвѣщенія, и одесская дума, и множество частныхъ лицъ, но какъ инниціатива дѣла, такъ и все развитіе его съ начала до конца составляетъ заслугу г. А. Клоссовскаго. Съ рѣдкою преданностью наукѣ онъ организовалъ изъ ничего обширное предпріятіе—климатическое изученіе цѣлой четверти пространства Россіи и правильныя, изъ года въ годъ, метеорологическія наблюденія въ 943 пунктахъ этого пространства.

Выпущенный нынѣ томъ «Лѣтописи» одесской обсерваторіи такъ-же, какъ и всѣ выпуски „Трудовъ метеорологической сѣти юго-запада Россіи" заключаетъ въ себѣ весьма разностороннія данныя, крайне интересныя и цѣнныя для лицъ, занимающихся метеорологіей и климатологіей. Своеобразный интересъ представляетъ отдѣлъ «Лѣтописей», озаглавленный «Основные элементы климата и смертность города Одессы». Въ одной изъ таблицъ вы видите, напримѣръ, какъ кривыя смертности отъ остраго желудочно-кишечнаго катарра и дизентеріи повышаются и падаютъ въ теченіе года параллельно повышенію и пониженію температуры и обратно повышенію и пониженію барометрическаго давленія; обратное явленіе замѣчается въ ходѣ смертности отъ крупознаго воспаленія и бугорчатки легкихъ. Вообще «Лѣтописи» и „Труды" заключаютъ въ себѣ не мало и не метеорологическихъ элементовъ и заслуживаютъ вниманія спеціалистовъ по самымъ разнообразнымъ отраслямъ науки и практическаго знанія.

IV. КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

Приступая къ новому году къ бесѣдамъ съ читателями о книгахъ для народа, считаемъ не лишнимъ установить ту точку зрѣнія, съ которой мы смотримъ на нашу задачу. Мы безусловно не раздѣляемся къ мнѣнію Спб. Комитета Грамотности, что если въ настоящее время народъ и не привыкъ читать серьезныя книги, то это еще далеко не значитъ, что онъ ихъ не пойметъ. Разсматривая книгу, какъ лучшаго друга человѣчества, дающаго ему возможность осмотрѣться, оріентироваться въ окружающей его обстановкѣ, приглядѣться и отнестись критически къ несообразностямъ и несоотвѣтствіямъ жизненнаго процесса, мы, желая пособить широкому читателю въ выборѣ книгъ, будемъ предлагать не только однѣ книги для народа, но книги вообще и всѣ тѣ журнальныя статьи, которыя могутъ такъ или иначе способствовать выработкѣ сознательнаго критическаго взгляда на жизнь. Иными словами, мы представимъ въ этомъ отдѣлѣ списокъ книгъ, брошюръ, статей, необходимыхъ для самообразованія массы.

Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ и при внезапномъ заболѣваніи людей. Составлена женщиною-врачемъ. Изд. Посредника.

Книга эта предназначена для крестьянъ. Цѣль ея—показать, что нужно дѣлать при различныхъ несчастныхъ случаяхъ, напр. ожогахъ, обморокахъ, переломахъ, отравленіяхъ и т. д., такъ часто встрѣчающихся въ крестьянской жизни. Книга написана съ знаніемъ дѣла и крестьянской обстановки. Указаны при каждомъ отдѣльномъ случаѣ причины заболѣванія, характерные признаки и лѣченіе. Средства для лѣченія указаны самыя простыя, которыя всегда могутъ быть подъ руками, а если и нѣтъ, то есть указанія, какъ сдѣлать, напр.—известковую мазь, горчичники. Изложена книга понятнымъ языкомъ. Надо желать чтобы побольше было такихъ книжекъ, вносящихъ свѣтъ въ крестьянскій обиходъ.

Совѣты матерямъ объ уходѣ за грудными дѣтьми. Составлено по книгѣ *Д. Михайлова.* Изд. Посредника.

Къ прилагаемой брошюрѣ даются дѣйствительно дѣльные совѣты объ уходѣ за грудными дѣтьми. Совѣты эти вполнѣ примѣнимы къ крестьянской жизни. Къ сожалѣнію, авторъ почти исключительно ограничивается указаніями о кормленіи и содержаніи дѣтей въ чистотѣ, ничего не говоря объ уходѣ за новорожденными, о томъ, сколько нужно спать ребенку, какова должна быть его одежда, о помѣщеніи, гдѣ онъ долженъ находиться, какъ его нужно пріучать къ сидѣнью, ползанью и ходьбѣ, о необходимости присмотра, да и о многомъ другомъ, что такъ важно для здоровья и правильнаго развитія ребенка и о чемъ не мѣшало бы дать совѣтъ. Несмотря на малый объемъ книжки, къ ней приложено вступленіе и заключеніе, гдѣ авторъ пытается доказать, что заботы о здоровьѣ дѣтей нисколько не противорѣчатъ волѣ

Бога и, восхваляя трудовую жизнь крестьянки, между прочимъ высказываетъ любопытную мысль: „Вышедши замужъ, она (крестьянка) 9 мѣсяцевъ въ году носитъ въ себѣ будущаго человѣка, терпитъ разныя неудобства и болѣзни не переставая работать чуть не до самыхъ родовъ. Сейчасъ же послѣ родовъ она безъ отдыха, безъ перерыва берется за другой трудъ... она дѣлаетъ свое дѣло не какъ особенный подвигъ, а только то, что Богъ установилъ ей" (стр. 55). Интересно знать, гдѣ авторъ нашелъ такія божественныя постановленія, что женщина должна работать почти до самыхъ родовъ, тотчасъ же послѣ нихъ, да еще терпя различныя неудобства и болѣзни. Если это бываетъ въ дѣйствительности, пожалуй, даже очень часто, то это же обстоятельство и служитъ причиною безконечныхъ и очень тяжелыхъ заболѣваній и въ книгѣ, гдѣ толкуется о сохраненіи здоровья, такія явленія оправдывать волей Бога не слѣдовало-бы. Къ всему этому изложеніе сухое. О томъ же предметѣ есть книжечка Покровскаго „Объ уходѣ за малыми дѣтьми", которая съ успѣхомъ можетъ замѣнить брошюру Михайлова.

Какъ ухаживать за цвѣтами. Правила для ухода за цвѣтами и вообще за всѣми культурными растеніями, разводимыми въ комнатахъ и на вольномъ воздухѣ. Составилъ *Ив. Елинъ*. № 221 Москва. 1896 г.

Бесѣды объ огородѣ, для учащихся въ сельскихъ школахъ и грамотнаго народа. Съ 26 рисунк. въ текстѣ, исполненными Е. Г. Аверкіевой. 3-е изд. И. Ѳ. Жиркова. Печатано безъ измѣненій съ 1-го изданія. одобреннаго Особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ сельскихъ училищъ. Москва. 1895 г. Ц. 25 к.

А. С. Волотовскій. **Садовникъ** Общедоступное руководство для желающихъ заниматься веденіемъ плодоваго сада. Съ рисунками въ текстѣ. Предназначается преимущественно для крестьянъ и другихъ сельскихъ жителей сѣверной и средней полосы Россіи. Ц. 76 к. Спб. «Петербургскій учебный магазинъ». 1896 г.

Названныя три книги являются типичнымъ выраженіемъ нѣкоторыхъ современныхъ общественныхъ теченій мысли относительно народнаго образованія. Въ своихъ брошюрахъ, кстати сказать, довольно дорогихъ («Садовникъ» 75 к.), авторы очень пространно, мѣстами крайне скучно и неумѣло трактуютъ о садоводствѣ и огородничествѣ, подходя къ своему предмету съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Конечно, никто не будетъ отрицать, что свѣдѣнія по садоводству и огородничеству — вещь хорошая во многихъ отношеніяхъ, но не слѣдуетъ при этомъ забывать, что всякому овощу свое время. Прежде, чѣмъ давать народу профессіональное образованіе, а тѣмъ паче такія брошюры, подчасъ прямо невозможныя по своему изложенію,—его необходимо научить хорошо читать и понимать книжки общаго характера. Въ противномъ случаѣ мы рискуемъ уподобиться чудаку-архитектору, начавшему постройку зданія прямо съ крыши.

Бруно-Скиталецъ Сказаніе *П. Засодимскаго*. № 223. Москва. Типогр. И. Д. Сытина. 1896 г.

Не все то золото, что блеститъ, или по одежкѣ встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ. Деревенскія сцены въ 3-хъ дѣйствіяхъ. *С. Т. Семенова*. № 220. Москва. Изд. И. Д Сытина. 1895 г.

Побѣдители бури. Разсказы о томъ, какъ спасаютъ погибающихъ людей на морѣ. № 227. Москва. Изд. И. Д. Сытина. 1896 г.

О томъ, что видно на небѣ. Составилъ *I. А. Клейберъ*. Съ рисунк. № 222. Москва. Т-ва И. Д Сытина. 1896 г.

Въ «сказаніи» почтеннаго автора преобладаетъ сказочный элементъ, и притомъ безъ должнаго чувства мѣры. Но зачѣмъ, спрашивается засаривать голову читателя изъ народа всевозможной сказочной чертовщиной? Не нужно забывать, что народъ нашъ до сихъ поръ еще глубоко невѣжественъ и почти еще не ушелъ отъ мрачной эпохи средневѣковья, съ ея вѣдьмами, лѣшими, русалками.... Въ чемъ другомъ, а здѣсь народная фантазія достаточно богата и врядъ-ли нуждается въ дополненіяхъ со стороны нашихъ гг. народниковъ.

С. Т. Семеновъ, писатель изъ народа, задался хорошей цѣлью: дать для народнаго театра посильный и интересный для зрителя матеріалъ. Пока въ своей вышеназванной книжкѣ онъ ограничился только одними „деревенскими сценами". Содержаніе послѣднихъ, при всей своей несложности, очень интересно, въ особенности для зрителя изъ народа. Интересъ „сценъ" усиливается еще и современностью и жгучестью затрогиваемаго въ нихъ явленія. Въ современной деревнѣ, переживающей теперь кризисъ натуральнаго хозяйства, явились новые люди, съ новымъ міросозерцаніемъ, языкомъ, покроемъ платья и манерами. Они выходцы изъ той же деревни. Но возвратившись изъ городовъ и фабрикъ, гг. Митрофаны (герой) производятъ полный переворотъ въ понятіяхъ деревенскихъ обывателей. Молодежь обыкновенно не выдерживаетъ и слѣдуетъ за новаторами. Иногда не удерживаются и поддаются этому новому теченію и „старики". Старые устои расшатываются. Начинается смѣна понятій, жизни, привычекъ. Вотъ эти-то общественныя теченія въ современной деревнѣ и составляютъ содержаніе „деревенскихъ сценъ" г. С. Т. Семенова. Представитель новаго поколѣнія — Митрофанъ, конторщикъ въ имѣніи, обрисованъ до-

ны" написаны настоящимъ народнымъ языкомъ. Кромѣ того, черезъ всѣ „сцены" проходитъ глубокое знаніе и пониманіе народной жизни. Это сообщаетъ „деревенскимъ сценамъ" особую колоритность и прелесть.

Разсказы «Побѣдители бури» написаны живымъ языкомъ и иллюстрированы многими поучительными примѣрами изъ жизни и дѣятельности лицъ, занимающихся спасеніемъ погибающихъ людей на морѣ. Кромѣ того, авторъ ясно и толково объясняетъ всѣ тѣ приспособленія для спасенія погибающихъ на морѣ, до которыхъ въ наше время додумалось человѣчество вообще, англичане-же въ особенности. Названные разсказы прочтутся не только съ большимъ интересомъ, но и съ пользой, какъ въ практическомъ, такъ и нравственномъ отношеніи. Кое-что изъ вынесеннаго изъ этой книжки читатель можетъ заимствовать и примѣнить на дѣлѣ у себя; геройскіе-же подвиги Жана Фабіена и другихъ «побѣдителей моря», о которыхъ разсказывается въ книжкѣ, окажутъ облагораживающее вліяніе на души читателей.

Очеркъ I. А. Клейбера «О томъ, что видно на небѣ», написанный довольно сухо, даетъ кое-какія свѣдѣнія по элементарной астрономіи; но всѣ они изложены въ слишкомъ отрывочной формѣ. Чтобы разбудить дремлющій мужицкій умъ, разбить басню о трехъ китахъ и т. п., недостаточно одной сухой передачи научныхъ свѣдѣній по астрономіи и космографіи. Здѣсь, во-первыхъ, требуется ясное и живое изложеніе; наивозможно простая и понятная популяризація научныхъ данныхъ, полная интересныхъ и увлекательныхъ иллюстрацій. Только тогда читатель усвоитъ себѣ «то, что видно на небѣ». Въ противномъ случаѣ, онъ или броситъ чтеніе книжки на половинѣ, или-же, если и прочтетъ ее всю, совершенно не усвоитъ ее. Очеркъ г. I. А. Клейбера можетъ быть и не постигнетъ такая печальная участь, но въ то же время мы сильно сомнѣваемся въ возможности широкаго успѣха его въ народной средѣ, благодаря вышеуказаннымъ недостаткамъ. Очеркъ изданъ очень хорошо: рисунки достаточно отчетливы. Въ концѣ «Очерка» приложено стихотвореніе А. Хомякова «Звѣзды».

А. Погосскій: 1) **Суходольщина.** Повѣсть съ рис. Шпака. Изд. 4-е. Ц. 20 к., 71 стр.; 2) **Наши добрые слуги четвероногіе.** Изд. 4-е. Ц. 20 к., 70 стр.; 3) **Подосиновики.** Повѣсть. Изд. 4-е. Ц. 20 к., 48 стр.; 4) **Неспособный человѣкъ.** Быль. Съ рис. Шпака. Изд. 7-е. Ц. 25 к., 100 стр. Изд. Фену и К° Спб. 1896.

А. Погосскій принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, которые задались цѣлью *создать* „особую" народную литературу. Повѣсти Погосскаго, за слишкомъ малымъ исклю- ... разсказовъ. Возьмите любой изъ нихъ и всюду вы увидите — „отрадныя картины"—сѣдого попа съ палочкой и шляпой изъ Глѣба Успенскаго, сладкія рѣчи, зажиточность населенія. Въ каждой повѣсти имѣются умные мужики или солдаты, старающіеся привить различные институты къ устоямъ деревенской жизни. Они и грамоту прошли, умѣютъ извлечь и изъ нея пользу односельчанамъ, „здраво" понимаютъ и „истолковываютъ" различные казенные документы; знакомы и съ *стрекулятникомъ съ однимъ глазомъ* (по всѣмъ вѣроятіямъ непремѣнный аттрибутъ), знаютъ зачѣмъ онъ *безцѣльно* шатается по деревнямъ; стерегутъ и охраняютъ. Даже самая непригдядная бѣдность и нищета щеголяютъ сытостью и здоровымъ духомъ. Такова повѣсть «Суходольщина». Не менѣе любопытна съ отрицательной же стороны и слѣдующая книжка. Она, какъ ее рекомендуютъ почтенные составители книги «Что читать народу»,—написана *для солдатъ*. По нашему-же мнѣнію—книжку эту распространять безусловно вредно, и въ деревнѣ, и казармахъ. Мы смѣемъ посовѣтовать людямъ, смотрящимъ, на этотъ же предметъ съ такою же «чисто спеціальною точкою зрѣнія» — поосторожнѣе выбирать заголовки къ своимъ писаніямъ, чтобы впредь не вводить читателя въ заблужденіе, а тѣмъ болѣе читателя, у котораго книга является въ данную минуту въ его обиходѣ роскошью. Остальныя двѣ повѣсти можно считать вполнѣ удовлетворительными и даже отвести имъ видное мѣсто въ народной библіотекѣ. Какъ та, такъ и другая знакомятъ съ совершенно чуждымъ по своимъ устоямъ русскому крестьянству казарменнымъ бытомъ Николаевской эпохи, (для желающихъ ближе познакомиться, укажемъ на книжку Никитина «Многострадальные», очерки изъ быта кантонистовъ. Недавно вышло новое изданіе. Написано съ захватывающимъ душу интересомъ и во многомъ превосходитъ по своимъ тяжелымъ картинкамъ «Очерки бурсы» Помяловскаго. Подобныя сочиненія весьма желательны въ народной библіотекѣ), когда солдатъ отрывался отъ семьи чуть-ли ни на цѣлую вѣчность. Ненормальность этого явленія удачно обрисована въ «Подосиновикахъ». Сюжетъ разсказа довольно несложенъ. Оторванный отъ семьи солдатъ шатается по бѣлу свѣту; жена, молодая женщина, не устояла передъ соблазнами міра сего, за безвѣстнымъ отсутствіемъ мужа начинаетъ «попаливать», приживаетъ трехъ ребятишекъ. Заканчивается книжечка возвращеніемъ мужа, уволеннаго въ «чистую». Какъ видите довольно не хитро, но подъ этой оболочкой скрывается глубокая жизненная драма, охватывающая человѣка до глубины души и ясно рисующая насколько ненормально было существующее положеніе вещей. Хри-

стіанское всепрощеніе—вотъ мораль разсказа. Что касается послѣдняго разсказа, то онъ представляетъ незатѣйливую біографію дурачка-солдата, типъ котораго и до нашихъ дней уцѣлѣлъ въ казарменной обстановкѣ, вслѣдствіе исключительныхъ условій, которыми обставлена солдатская жизнь.

Кончина міра. Популярно научный очеркъ *Красильникова.* Спб. 1895 г. 16 стр. Ц. 10 к.

Скудость имѣющихся у насъ популярно-научныхъ сочиненій по прикладнымъ знаніямъ заставляетъ насъ привѣтствовать каждое вновь появляющееся сочиненіе такого рода, хотя часто они не оправдываютъ надеждъ, возлагаемыхъ на нихъ. Очеркъ г. Красильникова мы должны причислить къ удовлетворительнымъ. Гипотезы, существующія относительно кончины міра, изложены имъ довольно ясно и понятно; замѣчается только нѣкоторая сухоˈватость отъ слишкомъ сжатаго изложенія. Всякому, кто знакомъ съ романомъ Фламмаріона „Кончина міра" предлагаемый очеркъ нѣсколько напомнитъ одну изъ главъ этого романа. Издана брошюра довольно старательно.

Какъ я провелъ субботу и воскресенье въ нѣмецкой деревнѣ. (Жизнь прежде и теперь, № 3). Изд. А. Калмыковой. Спб. 1895. Ц. 2 к.

Въ книжечкѣ разсматриваются повѣрья и примѣты нѣмецкаго крестьянства, ихъ вредъ и польза. Недурно описаніе деревенскаго трактира, въ нѣкоторомъ родѣ играющаго роль общественнаго собранія, гдѣ собирается деревенскій людъ потолковать объ общественныхъ дѣлахъ, повеселиться, однимъ словомъ отдохнуть, встряхнуться отъ тяжелой крестьянской работы. Проводятся нѣкоторыя параллели съ русской деревней. Написано живо, читается съ интересомъ и, пожалуй, даже наводитъ читателя на нѣкоторыя размышленія—гдѣ лучше? и т. д.

Разсказы о Финляндіи и ея жителяхъ. № 214. М. 1895, стр. 93. Ц. 12 к.

Настоящая книжечка посвящена описанію уголка нашего необъятнаго отечества, по своимъ „стремленіямъ и притязаніямъ" далеко опередившаго остальную Россію. Книжечка изложена простымъ, яснымъ языкомъ, вполнѣ удовлетворительнымъ для распространенія въ массѣ. Свѣдѣній дается много и свѣдѣній такихъ, которыя могутъ заинтересовать любознательнаго читателя. Въ ней описываются благотворные результаты дѣятельности такихъ учрежденій, какъ дѣтскіе сады, публичныя читальни и проч., учрежденій, находящихся у насъ въ Россіи въ зачаточномъ состояніи и развивающихся почти исключительно въ большихъ городахъ. Въ книжечкѣ ясно подчеркнута мысль о необходимости знаній, ученья, чтобы окончательно освободиться отъ той духовной темноты, отъ той гнетущей нужды, которыя тяжелымъ игомъ лежатъ на русскомъ крестьянствѣ. Приложеніе—нѣсколькихъ недурно выполненныхъ рисунковъ, изображающихъ виды страны и бытъ финновъ—весьма умѣстно.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Французскій поэтъ-философъ. — Историческіе разсказы г. Кояловича.

Французскій поэтъ—философъ.

Жюль Телье, которому на дняхъ воздвигли памятникъ въ Гаврѣ, совершенно неизвѣстенъ у насъ, да и въ самой Франціи публика мало знакома съ его произведеніями; почти никто не читалъ ихъ. Тѣмъ не менѣе, имя несчастнаго молодого писателя, преждевременно скончавшагося и не оставившаго ни одного крупнаго, цѣльнаго произведенія, несомнѣнно останется въ исторіи французской литературы и долго еще сохранитъ какое-то таинственное обаяніе. Чему-же приписать такое, повидимому, непонятное явленіе? Во-первыхъ, личной жизни покойнаго, его судьбѣ, въ высшей степени характерной для пониманія сословныхъ отношеній въ современной Франціи, и, въ особенности, бѣдственнаго положенія французскихъ художниковъ, мыслителей и писателей,—во-вторыхъ—литературной цѣнности отрывочныхъ его произведеній, изданныхъ послѣ смерти. Я увѣренъ, что въ памяти людей, любящихъ поэзію, имя Жюля Телье переживетъ имена многихъ парижскихъ знаменитостей нашей наглой и рекламной эпохи. Теперь у насъ небольшая его поэма въ прозѣ, которая начинается словами: «Nous quittames la Gaule sur un vaisseau qui partait de Massilia, un soir d'automne, à la tombée de la nuit» считается почти классической, въ литературныхъ французскихъ кружкахъ: ее всегда цитируютъ, когда заходитъ рѣчь о покойномъ Телье, а современемъ многія другія стихотворенія, обличающія въ поэтѣ глубокій, пытливый умъ, страстную и даровитую натуру, должны пріобрѣсть громкую извѣстность, конечно, не въ буржуазной толпѣ, а посреди людей, которымъ дорого обаяніе оригинальной философской мысли и доступно пониманіе настоящей художественной красоты. Какъ печальна, трагична и характерна судьба молодого французскаго писателя! Всю жизнь прожилъ онъ бѣднякомъ; ни радостей, ни счастья, ни простого довольства не знавалъ онъ никогда: даже трагическаго величія, рѣшительныхъ ка-

тастрофъ нѣтъ въ этой сѣрой, грустной біографіи; это ужасная и типичная исторія французскаго интеллигента писателя, вышедшаго изъ мелкой педагогической среды. Какъ бѣдствуютъ мелкіе учителя во Франціи, объ этомъ у насъ понятія не имѣютъ, и бѣдный Телье тоже бѣдствовалъ ужасно, пока не попытался начать независимую карьеру журналиста. Но въ Парижѣ къ учителямъ, желающимъ попасть въ ряды литераторовъ, новые собратья относятся крайне не дружелюбно; Телье дебютировалъ къ тому-же не особенно удачно, какъ журналистъ. Писалъ онъ въ газетахъ мало распространенныхъ, за исключеніемъ «Gaulois,» гдѣ ему удалось помѣстить нѣсколько статей, да и тѣ прошли незамѣченными. Не только о славѣ и довольствѣ, но даже и о мало-мальски сносной и обезпеченной жизни нельзя было мечтать. Тѣ самыя поэмы въ прозѣ, которыя критикой единогласно признаются теперь проблесками первокласнаго дарованія, не вызвали въ свое время ни одного хвалебнаго отзыва; никогда, ни у кого не находилъ молодой поэтъ поддержки и участія. Прибавьте къ этому одиночество и глубокую личную скорбь, мотивы которой грѣшно и незачѣмъ разыскивать теперь, и вы поймете, что смерть явилась освобожденіемъ для неудачника поэта. Умеръ Телье въ Тулонѣ. въ больницѣ, одинокій, всѣми забытый и покинутый, въ ужасной нищетѣ, и можно себѣ представить, какая невыразимая горесть, должно быть, переполняла нѣжную больную душу поэта и мыслителя, когда онъ понялъ, что все кончено, что давно ожидаемая смерть пришла въ самомъ дѣлѣ, что черезъ нѣсколько мгновеній надо будетъ разстаться на вѣки со всѣмъ, даже съ надеждами и мечтами невозвратнаго прошлаго.

Всѣ вѣчные вопросы философскаго мышленія находятъ отголосокъ въ отрывочныхъ, но полныхъ глубокаго содержанія разсказахъ, афоризмахъ и стихотвореніяхъ въ прозѣ Жюля Телье. Молодой французскій поэтъ не даетъ отвѣта на вѣковые вопросы человѣческой мысли; онъ даже не ставитъ ихъ въ строгой послѣдовательности, что придало-бы его беллетристическимъ работамъ характеръ педантизма и скуки, но всѣ они мелькаютъ въ афоризмахъ и поэмахъ Жюля Телье, который находитъ почти всегда для ихъ воплощенія поэтическіе образы, поразительные по красотѣ, рельефности, изяществу и въ то-же время по глубинѣ мышленія, обнаруживающагося въ ихъ сжатой формѣ. Личное философское убѣжденіе и вся нравственная натура Жюля Телье, его характеръ и темпераментъ, привели молодого поэта къ крайнему пессимизму. Изъ трехъ элементовъ бытія, позволяющихъ намъ имѣть сношеніе съ внѣшнимъ міромъ — познанія, чувствительности и волевого начала,—философія раньше всего доказала призрачность и лживость впечатлѣній, чувствъ. Затѣмъ, безпощадный анализъ критической кантовской философіи разсѣялъ иллюзію достовѣрности сознанія, которою такъ гордилось наше самомнѣніе.

Оставалась область нравственныхъ стремленій человѣка, идея долга и добра, которая во всеразрушающей попыткѣ Канта одна уцѣлѣла среди развалинъ прошлыхъ кумировъ.

«Le coeur a des raisons, que la raison ne connait point», говорилъ великій французскій мыслитель Паскаль; вспомнимъ, что уже въ діалогахъ величайшаго идеалиста и въ произведеніяхъ всѣхъ его послѣдователей—неоплатониковъ, и особенно у геніальныхъ александрійскихъ мыслителей, Плотина и Прокла, высшій принципъ бытія,—таинственное и всемогущее божество всегда отождествляется съ началомъ дорба и нравственной правды.

Но увы! человѣческій умъ можетъ дойти въ отрицаніи и до скептической ироніи по отношенію къ этой великой силѣ добра, нравственной правды и красоты. Въ защиту своихъ смѣлыхъ отрицаній пессимисты ссылаются на безпощадность борьбы за существованіе, свирѣпый эгоизмъ человѣка,кровавыя войны, опустошенія и распри, изъ которыхъ въ сущности состоитъ исторія человѣчества, а главное—на противорѣчіе безчисленныхъ ученій, властвовавшихъ надъ духовной жизнью человѣка и до сихъ поръ ведущихъ страшную борьбу между собою. Не обманываетъ-ли насъ категорическій императивъ Канта такъ-же, какъ и свидѣтельство чувственныхъ воспріятій, или субъективныхъ законовъ мышленія?

Можно-бы много возразить противъ подобныхъ отрицаній, но какъ-бы то ни было, молодой поэтъ, о которомъ идетъ рѣчь, очевидно поддался вполнѣ и въ этой области горькому обаянію полнаго скептицизма.

Его жалобы и возгласы полнаго отчаянія могли-бы быть довольно пошлыми общими мѣстами, если-бы у автора не было крупнаго, самостоятельнаго дарованія и философскаго и литературнаго. Именно въ сочетаніи поэтическаго вдохновенія съ глубиной анализа и оригинальностью мышленія заключается характерная черта Телье. Онъ былъ несомнѣнно замѣчательно талантливымъ стилистомъ, и вполнѣ искреннимъ, глубоко трогательнымъ и краснорѣчивымъ поэтомъ и въ то-же время, повторяю, философомъ въ настоящемъ значеніи этого слова, т. е. человѣкомъ, способнымъ создать новую гипотезу всемірнаго бытія, новое пониманіе совокупности явленій, новое объясненіе вѣчной тайны. Каждая, даже чисто абстрактная мысль высказывается у Телье рельефно и живо, воплощается въ образѣ, въ поэтическомъ символѣ, почти всегда удачномъ, и по самостоятельной красотѣ и по соотвѣтствію его конкретной формы съ внутреннимъ содержаніемъ.

Особенно удачны въ этомъ отношеніи философскія размышленія, озаглавленныя «Notes de Fristan Noïl». Въ этихъ діалогахъ поэта съ природой, которая отвѣчаетъ ему иронически и злобно, талантъ Жюля Телье отражается всего нагляднѣе. Его проницательный и безпощадный умъ дошелъ до безусловнаго убѣжденія въ невозможности найти какую-бы то ни было правду. Можно-ли удивляться тому, что въ таинственной загадкѣ смерти началъ онъ усматривать единственное спасеніе и надежду человѣка? Что-же отвѣчаетъ природа поэту, который какъ-будто хвастаетъ своимъ презрѣніемъ къ смерти?—Умри, если хочешь, говоритъ она,—что значитъ въ гигантской жизни вселенной преждевременная

смерть жалкаго существа, во всякомъ случаѣ приговореннаго къ ранней кончинѣ? Умри ты, и черезъ нѣсколько дней или нѣсколько лѣтъ и тѣ, которымъ казалось, что они любили тебя, забудутъ о томъ, что ты существовалъ когда-то. Итакъ, даже смерть безцѣльна и безпощадна. Но она все-таки выслушала горькій призывъ поэта: она явилась и успокоила его тревожную душу.

С. Ржевускій.

Историческіе разсказы г. Кояловича.

(Письмо въ редакцію).

Въ вышедшей недавно въ свѣтъ книгѣ г. М. Кояловича подъ заглавіемъ «Новые разсказы» помѣщена статья «Отставка диктатора», въ которой авторъ, между прочимъ, говоритъ, что «Записки гр. Муравьева напечатаны были въ «Русской Старинѣ» съ большими пропусками и вообще изобилуютъ неточностями», онъ-же—авторъ—представляетъ правильный разсказъ событій, основанный на неизданныхъ дукументахъ и письмахъ», на которые, впрочемъ, нѣтъ другой ссылки, кромѣ заглавія статьи. Не имѣя подъ рукой достаточнаго матеріала для повѣрки «правдивости» всего разсказа, я ограничусь здѣсь указаніемъ на «неточности», замѣченныя мною въ X и XI главахъ, которыя посвящены описанію событій, сопровождавшихъ закрытіе виленскаго монастыря ордена Посѣщенія или Визитандинскаго.

По мнѣнію г. Кояловича «католическіе монахи и монахини, особенно тѣ, которые происходятъ изъ знатныхъ родовъ, горѣли ненавистью къ Россіи и ко всему русскому». И вотъ для установленія презумпціи неблагонадежности визитандинокъ авторъ пытается доказать, что орденъ этотъ основанъ въ Вильнѣ магнаткой для польскихъ магнатокъ. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не было: виленскій монастырь основала въ 1694 г. Терезія Дезельстъ, урожденная Варжбутъ, которая не была вовсе высокорожденной панной, а супругой королевскаго секретаря (почетный титулъ, жалуемый лицамъ непривилегированнаго сословія) и ни по мужу, ни по отцу не принадлежала не только къ знати, но даже и къ шляхетскому сословію, ибо фамилій Дезельстовъ и Варжбутовъ не значится въ самыхъ полныхъ спискахъ польской шляхты (напр., гр. Борковскаго, Львовъ 1887). Далѣе авторъ указываетъ, что «во главѣ Визитокъ стояли: Чапская, Балинская, Гедройцъ, Любомирская и Коссаковская—дѣвушки изъ богатѣйшей польской знати». Между тѣмъ, если-бы авторъ потрудился просмотрѣть офиціальные списки монахинь, помѣщенные при «Directorium Divini Oficii» виленской епархіи, то убѣдился-бы, что въ монастырѣ Визитокъ не было вовсе Любомирской; монахини Коссаковская, Балинская и Гедройцъ были дочерьми помѣщиковъ средней руки, но отнюдь къ знати не принадлежали; такимъ образомъ изъ числа 41 монахини къ знати принадлежала только одна—гра-

финя Марія-Франциска Чапская, родившаяся въ 1818 г., дочь хинскаго уѣзднаго предводителя дворянства гр. Карла.

Желая выставить визитандинокъ проводниками фанатизма, особенно опасными въ виду находившихся въ ихъ рукахъ большихъ матеріальныхъ средствъ, г. Кояловичъ заявляетъ, что для виленскаго диктатора было совершенно ясно, что визитки имѣли другія стороннія средства, кромѣ доходовъ съ фундуша, завѣщаннаго Дезельстовой, такъ какъ вмѣсто 16 монахинь, установленныхъ по штату, онъ засталъ въ монастырѣ 32 монахини, что среди виленскихъ дамъ собрано было на подъемъ монахинь до 7.000 руб. и что визитки увозили съ собой значительные капиталы, часть которыхъ была конфискована.

Всѣ эти указанія автора несогласны съ дѣйствительностью: генералу Муравьеву не приходилось разыскивать секретныхъ источниковъ для содержанія монастыря, такъ какъ сверхъ суммъ, назначенныхъ по штату, отъ правительства отпускалось и отпускается соотвѣтственно числу сверхштатныхъ монаховъ и монахинь особое на содержаніе ихъ ежегодное пособіе [1]. Все имущество Визитандинскаго монастыря представлялось въ слѣдующемъ составѣ: 50.000 тинфовъ, пожертвованные Терезіей Дезельстъ, вмѣстѣ со взносами монахинь составляли капиталъ въ 38.056 р. с., сверхъ того монастырю принадлежали имѣнія: Вилейка, Борисовскаго уѣзда, 70 хатъ, и Ржеша, Виленскаго уѣзда, 19 хатъ, но въ описываемое время капиталы и имѣнія были уже въ вѣдѣніи администраціи; равнымъ образомъ пожалованное Императоромъ Павломъ I въ 1798 г. ежегодное пособіе въ размѣрѣ 3.000 руб. не было отпускаемо уже съ 1837 г., а пожертвованный въ 1806 г. коморникомъ жмудскимъ Игнатіемъ Дунинъ-Слѣпсцемъ капиталъ въ 100.000 злотыхъ былъ изъятъ изъ вѣдѣнія монастыря по высочайшему повелѣнію отъ 15 іюня 1843 г. [2]. Съ закрытіемъ частнаго пансіона при монастырѣ единственный доходъ монахинь составляло содержаніе, выдаваемое отъ казны, но когда уплата и этого содержанія была прекращена по распоряженію генерала Муравьева въ январѣ 1865 г., то монахини вынуждены были уменьшить на полпорціи ежедневный расходъ на столъ и снискивали себѣ пропитаніе продажей принадлежащей имъ движимости, пока, наконецъ, 28 февраля 1865 г., по распоряженію гражданскаго губернатора Панютина, не было имъ воспрещено продавать какую-бы то ни было движимость; тогда нѣкоторыя изъ лицъ, состоявшихъ въ долгу у монастыря, стали возвращать займы и всего собрали нѣсколько сотъ рублей, но никакъ не до 7.000. Изъ изложеннаго видно, что визитки никакихъ капиталовъ не увозили и не могли увозить, а на путевые расходы имъ дано по 50 руб. по числу монахинь Визитокъ, которыя изъ этихъ денегъ должны были содержать сестеръ-прислужницъ и 4-хъ монахинь кармелитскаго ордена,

---

[1]) См. Св. Зак. т. XI, ч. I.

[2]) Юницкій, «Фундуши и Стипендіи». Вильна, 1884, стр. 20.

такъ какъ на этихъ послѣднихъ ничего не было отпущено. Первоначально при посредствѣ прелатовъ Жилинскаго и Немекши генералъ Муравьевъ обѣщалъ платить монахинямъ ежегодно по 40 руб. и выдать единовременно по 150 руб., если онѣ согласятся добровольно уѣхать заграницу; это обѣщаніе, какъ видно, не было исполнено. Правда, выдавая монахинямъ по 50 р., генералъ Муравьевъ не затратилъ казенныхъ денегъ, но эти деньги не происходили изъ конфискованныхъ у визитокъ суммъ, а были выданы имъ взамѣнъ перешедшихъ въ вѣдѣніе администраціи перечисленныхъ выше капиталовъ и имѣній.

Главнымъ образомъ распоряженіе о высылкѣ монахинь за границу послѣдовало вовсе не при тѣхъ обстоятельствахъ, на какія ссылается г. Кояловичъ.

Въ концѣ ноября 1864 года, по порученію генерала Муравьева, прелаты Жилинскій и Немекша предложили визиткамъ оставить монастырь добровольно, угрожая въ противномъ случаѣ размѣстить ихъ по православнымъ монастырямъ въ центральныхъ губерніяхъ. Тогда (а не въ началѣ мятежа) настоятельница виленскаго монастыря обратилась съ письмомъ къ настоятельницѣ монастыря въ Аннеси съ просьбой пріискать для виленскихъ визитокъ убѣжище въ одномъ изъ французскихъ монастырей этого ордена. Мимоходомъ слѣдуетъ здѣсь отмѣтить еще одну неточность: визитки никогда ни номинально, ни офиціально не признавали власти главнаго монастыря въ Аннеси, такъ какъ согласно правиламъ ордена визитандинокъ: «хотя орденъ Визитаціи ведетъ свое начало отъ перваго монастыря въ Аннеси, монастырь этотъ не является начальникомъ ордена и не имѣетъ никакой юрисдикціи по отношенію къ другимъ монастырямъ... каждый въ отдѣльности подлежитъ управленію епархіальныхъ начальниковъ... нѣтъ ни генеральной настоятельницы, ни главнаго монастыря» [1])...

На ходатайство настоятельницы изъ Аннеси откликнулись нѣкоторые изъ французскихъ епископовъ: трое изъ нихъ прямо предложили виленскимъ монахинямъ переѣхать въ монастыри ихъ епархій, а епископъ Валенскій (Valence) въ февралѣ 1865 г. (послѣ полученія писемъ другихъ епископовъ, а не ранѣе [1]) прислалъ на латинскомъ языкѣ письмо по тому-же предмету виленскому епископу Красинскому. Въ письмѣ этомъ не заключались и не могли заключаться никакія улики, доказывающія сношенія виленскихъ визитокъ съ революціонерами эмигрантами въ Парижѣ, но генералъ Муравьевъ былъ возмущенъ выраженіями письма, неуважительными къ администраціи, и объявилъ свое рѣшеніе размѣстить визитокъ по разнымъ монастырямъ, а часть ихъ перевести сейчасъ-же въ виленскій монастырь Бенедиктинскаго ордена. Но тогда случилось нѣчто неожиданное: пришла изъ Петербурга телеграмма, пред-

---

[1]) Jan ze Sliwina-Przechadzki po Wilnie. Вильно, 1856, стр. 99. Marsollier. Vie de la B. Mère de Chantal. Lyon. 1843. Tome I.

писывающая генералу Муравьеву дозволить визиткамъ свободно выѣхать за границу. Генералъ Муравьевъ, конечно, не «съ полнымъ удовольствіемъ», но вопреки своему желанію, долженъ былъ подчиниться распоряженію высшей власти и 28 февраля 1865 г. гражданскій губернаторъ Панютинъ объявилъ визиткамъ предписаніе главнаго начальника края отъ 28 февраля [1]) слѣдующаго содержанія: «вслѣдствіе отношенія нунція въ Парижѣ къ россійскому послу барону Будбергу и вслѣдствіе предписанія г. министра внутреннихъ дѣлъ, главный начальникъ края предписываетъ выслать виленскихъ монахинь визитокъ, какъ всегда неблагонадежныхъ и непріязненныхъ видамъ правительства, подъ условіемъ воспрещенія имъ возвратиться въ Россію».

Наконецъ, переходимъ къ мелодраматическому описанію событій въ ночь съ 4 на 5 марта 1865 г. Казалось-бы, г. Кояловичъ долженъ былъ строго провѣрить правдивость и подлинность разысканныхъ имъ «неизданныхъ документовъ и писемъ», если позволилъ себѣ приписывать опредѣленнымъ лицамъ, изъ коихъ многія находятся еще въ живыхъ, совершеніе столь важнаго политическаго преступленія, какъ укрывательство вожака мятежниковъ и не менѣе важныхъ преступленій церковныхъ, какъ присвоеніе постороннему лицу монашескаго облаченія и допущеніе мужчины въ ночное время за клаустральную дверь обители, въ самую сокровенную ея часть—въ монастырскій «хоръ». Между тѣмъ все описанное авторомъ отъ начала до конца является неправдоподобнымъ въ принципѣ и невѣрнымъ до мельчайшихъ подробностей.

Неправдоподобно, чтобы генералъ Муравьевъ, человѣкъ столь рѣшительный и систематическій, по словамъ самого г. Кояловича, стремившійся къ умаленію престижа католическаго духовенства въ краѣ, преминулъ воспользоваться случаемъ укрывательства подъ видомъ монахини повстанца капитана Потебня (который, если не ошибаюсь, былъ убитъ въ стычкѣ при Песковой Скалѣ Олькушскаго уѣзда Кѣлецкой губерніи) и его самоубійства въ костелѣ, чтобы придать этому факту возможно большую огласку, такъ какъ несомнѣнно этимъ фактомъ, если-бы онъ имѣлъ мѣсто, были-бы возмущены и возстановлены противъ визитокъ многіе католики безъ различія ихъ политическаго настроенія. Неправдоподобно, чтобы генералъ Муравьевъ, имѣя въ рукахъ доказательство государственнаго преступленія визитокъ, дозволилъ имъ безпрепятственно уѣхать за границу, тѣмъ болѣе, что отъѣздъ этотъ, совершался помимо его воли по предписанію высшей власти; не могло тутъ удержать генерала Муравьева опасеніе «крика во всей Европѣ», потому что онъ не разъ поступалъ весьма рѣшительно съ другими монахинями вслѣдствіе гораздо менѣе важныхъ проступковъ. Такъ по его распоряженію закрытъ костелъ и монастырь монахинь Кармелитскаго ордена и на томъ мѣстѣ устроена впослѣдствіи торговая площадь за то, что найденъ былъ въ

[1]) Сборъ распоряженій гр. Муравьева 1866 г., стр. 30.

костелѣ оставленный кѣмъ-то изъ богомольцевъ тюкъ съ запрещенными предметами, — или по его-же распоряженію посажена была въ общую уголовную тюрьму монахиня Бенедиктинскаго ордена вслѣдствіе полученія ею письма запрещеннаго содержанія. Неправдоподобно, чтобы, еслибы тотъ фактъ имѣлъ мѣсто, въ теченіе 30 лѣтъ ни въ запискахъ гр. Муравьева, ни въ цѣлой массѣ разсказовъ и воспоминаній, напечатанныхъ за это время на русскомъ и польскомъ языкахъ, никогда не упоминалось ни о разысканіи капитана Потебня, ни о его самоубійствѣ въ костелѣ визитокъ. Неправдоподобно, наконецъ, чтобы въ среду населенія города не проникли даже слухи о столь важномъ событіи, какъ профанація храма самоубійствомъ.

Изъ нижеизложеннаго очевидно, что все пересказаное г. Кояловичемъ невѣрно. Но сверхъ того ясно еще, что предполагаемый авторъ попавшей будто-бы въ руки г. Кояловича записки, если онъ существовалъ, не былъ никогда въ католическомъ монастырскомъ костелѣ и не видѣлъ ни одной визитки.

А именно:

1) Монахини-визитки носятъ на груди небольшіе серебряные кресты безъ изображенія распятія, а не «большіе деревянные съ бѣлымъ распятіемъ», какъ описываетъ г. Кояловичъ; онѣ не носятъ вуали, а только черный платокъ, покрывающій голову и доходящій до плечъ, слѣдовательно, не могла находиться среди нихъ «высокая фигура (Потебня) съ закинутой назадъ длинной и густой вуалью».

2) Монастыри визитокъ, какъ и всѣ женскіе монастыри строгихъ правилъ, не имѣютъ сообщенія съ костеломъ, монахини молятся въ особо устроенномъ «хорѣ», сообщающемся съ внутренними покоями обители, и изъ этого «хора» нѣтъ никакого входа въ костелъ, поэтому генералъ Муравьевъ, открывъ дверь костела, не могъ найти тамъ никого, кромѣ служившаго обѣдню ксендза, и не могъ найти ни одной монахини, такъ какъ онѣ находились за стѣной, въ «хорѣ».

3) Генералъ Муравьевъ не могъ неожиданно появиться и въ «хорѣ» среди монахинь, такъ какъ, чтобы попасть туда или вообще въ какой-либо изъ внутреннихъ покоевъ монастыря, нужно было пройти чрезъ клаустральную дверь, ключи отъ которой находились въ рукахъ монахинь, а взломъ желѣзной двери онѣ бы, вѣроятно, услышали.

4) Послѣднюю обѣдню служилъ не «престарѣлый визитаторъ», а молодой прелатъ Немекша, визитаторъ, «назначенный» генераломъ Муравьевымъ, и служилъ не «по просьбѣ монахинь», а по приказанію генерала Муравьева, такъ какъ ему было поручено закрыть костелъ, и вопреки просьбѣ о дозволеніи служить послѣднюю обѣдню монастырскому духовнику.

5) На самомъ дѣлѣ генералъ Муравьевъ ни въ ту ночь, ни въ другое время не былъ въ монастырѣ; находились тамъ въ ночь на 5 марта губернаторъ, жандармскій офицеръ и нѣсколько чиновниковъ и они даже

вошли въ монастырь лишь послѣ выхода оттуда монахинь и никого тамъ не было изъ посторонних, кромѣ нѣсколькихъ родныхъ и знакомыхъ, пришедшихъ проститься съ монахинями. Въ числѣ ихъ стоялъ и я, тогда семилѣтній ребенокъ, и видѣлъ, какъ тихо одна за другой выходили чрезъ клаустральную дверь монахини и молча прикладывались къ порогу обители, а присутствовавшія должностныя лица почтительно стояли поодаль.

Я положительно недоумѣваю, откуда могъ зародиться столь фантастическій разсказъ; что кто-нибудь могъ возвесть небылицу на визитокъ и показать для спасенія себя, будто у нихъ укрывается опасный преступникъ, это очень вѣроятно, такъ какъ у визитокъ два раза производили обыскъ, искали «кого-то»: разъ полковникъ князь Барятинскій съ полиціймейстеромъ Саранчевымъ и прелатомъ Немекшей, а другой разъ въ ноябрѣ 1864 года генералъ Стороженко съ прелатами Жилинскимъ и Немекшей, и этотъ генералъ тщательно осматривалъ лицо каждой монахини и провѣрялъ съ записанными въ видахъ на жительство примѣтами, но оба раза ничего подозрительнаго не было найдено.

И вообще, зачѣмъ было г. Кояловичу доискиваться особыхъ причинъ высылки визитокъ? Вѣдь еще въ 1839 г. витебскій губернаторъ статскій совѣтникъ Львовъ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ записку о вредности вмѣшательства женскихъ монастырей католическаго вѣроисповѣданія въ дѣло женскаго воспитанія [1]) и затѣмъ 15 іюня 1843 г. всѣ пансіоны при монастыряхъ были закрыты; но визитки и послѣ того еще нѣкоторое время учили грамотѣ и Закону Божью бѣдныхъ дѣвушекъ, а также ежегодно у нихъ совершалось для дѣвушекъ говѣніе (реколлекціи) передъ Пасхой и передъ тѣмъ, какъ онѣ приступали въ первый разъ къ причащенію. Вотъ эти-то проявленія религіознаго прозелитизма не могли не повлечь за собою закрытія монастыря. Но едва-ли удалось-бы г. Кояловичу доказать, что визитки возбуждали ненависть къ Россіи въ своихъ воспитанницахъ или назвать хоть одну изъ ихъ питомицъ «фанатичекъ, бѣжавшихъ до лясу», какъ онъ разсказываетъ.

Цитируемая г. Кояловичемъ графиня Марія Тышкевичъ, урожденная княжна Радзивиллъ, не могла проходить въ пансіонѣ визитокъ «курсъ наукъ и фанатизма», такъ какъ во время закрытія пансіона въ 1843 г. ей было всего десять лѣтъ, да вообще едва-ли можно графиню Тышкевичъ обвинять въ проявленіи не только польскаго, но и католическаго фанатизма.

Въ «Ежегодникѣ историко-литературнаго общества въ Парижѣ» за 1867 г. вышло подъ заглавіемъ «изъ Вильны въ Версаль» описаніе со словъ монахинь закрытія монастыря и путешествія визитокъ во Францію [2]). Если-бы г. Кояловичъ прочелъ эти записки и увидѣлъ, съ какимъ

---

[1]) Юницкій l. c., стр. 19.

[2]) «Z Wilna do Wersalu». Pam. Low. Hist. Liter. 1867 v.

смиреніемъ и незлобивостью относятся тѣ монахини къ виновникамъ ихъ выселенія и съ какой искренней благодарностью вспоминаютъ имена князя Барятинскаго и жандармскаго офицера, сопровождавшаго ихъ до границы, за ихъ учтивость и незначительныя, оказанныя имъ въ пути, услуги, то, можетъ быть, пересталъ-бы обвинять визитокъ огуломъ въ ненависти къ Россіи и всему русскому; вѣдь онѣ писали свои воспоминанія въ Парижѣ, имѣли возможность дать волю злобѣ и ненависти, не боясь отвѣтственности; а между тѣмъ, онѣ нашли только слова прощенія и признательности.

Подъ вліяніемъ этихъ словъ христіанской любви, быть можетъ, пересталъ-бы г. Кояловичъ трунить надъ инокинями, иронизировать надъ католическими обрядами, и вспомнилъ-бы, что святость монашескихъ обѣтовъ одинаково признается и восточной, и западной церквами.

Ѳ. Врублевскій.

Октябрь, 1895 г.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» въ теченіе декабря мѣсяца.

Балъкчиевъ, П. Школа по кроячното искуство, Севлиево, 1895 г. Ц. 20 лева.

Бесѣды объ огородѣ. 3-е изд. И. Ѳ. Жиркова. Москва, 1895 г. Ц. 25 к.

Библіотека для всѣхъ. №№ 6—9. Антропологія г. Конестрини, изд. Н. Лейненберга. Одесса. 1896 г. Ц. 40 к.

Библіотека общественныхъ знаній. Изд. А. С. Павловскаго. Одесса. 1995 г.

Вып. 2. Техническій вопросъ въ современной промышленности. М. Шиппель. Пер. Л. М. Зака. Ц. 20 к.

Вып. 3. Кустарная промышленность въ Германіи. П. Кампфмейеръ. Пер. Л. С. Зака, съ прилож. „Кустарная промышленность въ Россіи". С. Сергѣева. Ц. 25 к.

Библіотека экономистовъ. Изд. К. М. Солдатенкова, вып. 5. Давидъ Юмъ, опыты.— Іеремія Бентамъ. Пер. М. О. Гершентона. М. 1895 г. Ц. 1 р.

Верещагинъ, А. У болгаръ и заграницей, т. 2. Спб. 1896 г. Ц.

Валотовскій, А. Садовникъ. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Гиппіусъ, З. Н. Новые люди, разсказы, Спб 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Говсѣевъ, А. А., д-ръ. Семейное призрѣніе душевно-больныхъ въ Екатер. губ. Екатер. 1895 г.

Гриммъ, О. Л., д-ръ. Каспійско-волжское рыболовство. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Гюго, В. Собраніе стихотвор. подъ ред. И. Ф. Тхоржевскаго, вып. IX. Тифлисъ. 1895 г. Ц. 20 к.

Денисовъ, Л. Цѣною вѣры, ром. Москва. 1896 г. Ц. 1 р.

Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И. Декабристы въ западной Сибири (очеркъ по офиціальнымъ документамъ). М. 1895 г.

Дѣтская библіотека Н. Г. Вучетича. Соловей, разсказъ для дѣтей Н. Г. Вучетича. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.

Елецъ, Ю. Изъ жизни, очерки и разсказы. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Заринъ, А. Е. Повѣсти и разсказы. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.

Изданія «Посредника»:

Произведенія послѣднихъ годовъ Л. Н. Толстого, вып. II. Москва. 1896 г. Ц. 50 к.

Разсказы о Финляндіи и ея жителяхъ. Ц. 10 к.

О томъ, что видно на небѣ. Ц. 3 к.

Какъ ухаживать за цвѣтами, состав. Ив. Елинъ. Ц. 3 к.

Нютонъ Мудрый, г. Лессинга, пер. С. А. Порѣцкаго. Ц. 6 к.

Бруно-Скиталецъ. П. Засодимскаго. Ц. 3 к.

О табакѣ и вредѣ его куренія, врача Д. П. Никольскаго. Ц. $1^1/_2$ к.

Не все то золото что блеститъ, дерев. сцены. С. Т. Семенова. Ц. 3 к.

Побѣдители бури. Ц. 3 к.

Лѣто, сборникъ разсказовъ, стиховъ и повѣстей. Ц. 40 к.

Иллюстрированная библіотека Крестнаго календаря. Сказки русскаго народа. VI. Подъ ред. В. А. Гатцука. М. 1895 г. Ц. 25 к.

Кейра, Ф. Воображеніе и память, пер. Е. Максимовой. Изд. ред. журн. „Образованіе". Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Ковалевскій, П. И., проф. Альбомъ душевно-больныхъ. Варшава. 1896 г. Ц. 1 р.

Краткій обзоръ бакинской нефтяной промышленности съ 1 янв. по 1 сент. 1895 г. Баку. 1895 г. Ц. 1 р.

Кротъ, П. Психографія. М. 1895 г. Ц. 10 к.

Кулишеръ, М. И. Разводъ и положеніе женщины. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ланге, К., проф. Художественное воспитаніе въ дѣтской, пер. И. Д. Городецкаго. М. 1895 г. Ц. 50 к.

Латышевъ, П., врачъ. Здоровье. Изд. И. Ѳ. Жиркова. Москва. 1895 г. Ц. 25 к.

Линдембергъ, П. Берлинскій дворъ и Вильгельмъ II, пер. В. Генкена. Южно-русское книгоизд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ-Харьковъ. 1896 г. Ц. 1 р.

Липранди, А. П. (А. Волынецъ). Румынія и тройственный союзъ. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Лонгусъ. Дафнисъ и Хлоя. древне-греческій романъ. Пер. Д. С. Мережковскаго. Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1896 г.

Лыкошинъ, Нилъ. Автобіографія Тамерлана, пер. съ тюркскаго. Ташкентъ. 1894 г.

Маргольмъ, Лаура. Книга о женщинѣ, пер. В. Генкена. Южнорусское книгоизд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ-Харьковъ. 1895 г. Ц. 1 р.

Международная библіотека. Изд. І. Юровскаго. Борьба за право. Р. фонъ-Іеринга. Пер. І. Юровскаго. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.

Минскій, Н. Стихотворенія. 3-е изданіе, значительно дополненное. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Обзоръ Ярославской губерніи. Отхожіе промыслы, вып. 2. Изд. яросл. губ. стат. ком. Ярославль. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Одесса 1794—1894. Изд. городского общ. управленія. Одесса. 1895 г. Ц. 6 р.

Отчетъ о дѣятельности боровичскаго общества трезвости. Боровичи. 1895 г.

Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, подъ ред. К. Я. Грота, т. 1. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Позняковъ, Н. И. Святочные разсказы. VIII. Лѣсникъ, изд. 2-е. IX. Кока-Коля, изд. П. В. Луковникова. Спб. 1896 г.

Руководство къ кройкѣ бѣлья, пер. съ нѣм. Маріи Линдеманъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Русская библіотека. Изд. І. Юровскаго. № 8. Языкъ и искусство. Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго Спб. 1895 г. Ц. 20 к.

Сборникъ постановленій вятскаго губернскаго земства за 25 лѣтъ (1867—1892), т. I—V, изданіе вятскаго губернскаго земства. Вятка. 1895 г.

Сводъ доходовъ и расходовъ вятскаго губернскаго земства за 1868—1895 г. Вятка. 1895 г.

Сельскій кредитъ въ Полтавской губ., вып. II. Мелкій частный кредитъ. Полтава. 1895 г.

Смирновъ, В. В. О внутренности земли, изд. К. И. Тихомирова. М. 1895 г. Ц. 80 к.

Страннолюбская, Е. Очерки начальнаго образованія въ скандинавскихъ странахъ, изд. ред. журнала «Образованіе». Спб. 1896. Ц. 30 к.

Тжаскъ, А. А. Русская азбука. М. 1896 г. Ц. 30 к.

Тимирязевъ, К. Нѣкоторыя основныя задачи современнаго естествознанія. Публичныя лекціи. Изд. В. Н. Маракуева. Москва. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тимощукъ, В. Михаилъ Ивановичъ Семевскій, біографич. очеркъ, съ предислов. и подъ ред. Н. К. Шильдера. Изданіе Е. М. Семевской. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.

Филимоновъ, Э. С. Матеріалы по вопросу объ эволюціи землевладѣнія, вып. 1—2. Пермь. 1895 г.

Фламмаріонъ, К. Многочисленность обитаемыхъ міровъ, пер. К. Толстого, изд. А. П. Коломнина. Спб. 1896 г.

Чижъ, В. Ф. Біологическое обоснованіе пессимизма.

Царевскій, А. А., проф. Императоръ Александръ II освободитель въ памяти своего народа. Казань. 1896 г. Ц. 50 к.

Циглеръ, А. Н. фонъ. Нѣмецко-русскій карманный словарь, коллекція карманныхъ словъ. Э. Гикписа. Южно-русское книгоизд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ-Харьковъ. 1896 г. Ц. 60 к.

Шевченко, Т. Г. Иллюстрированный Кобзарь. Иллюстрировалъ М. І. Микѣшинъ. Съ малороссійскимъ и русскимъ текстомъ, выпускъ первый Изд. П. И. Бабкина. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шохоръ-Троцкій, С. И. Методическій сборникъ ариѳметич. задачъ, ч. 1, изд. 2. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Его-же. Чему и какъ учить на урокахъ первоначальной ариѳметики въ школѣ и дома. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Явейнъ, Л. Руководство къ качеств. и количеств. химическ. анализу. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗДАНІЯ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

К. И. ТИХОМИРОВА.

Москва, Кузнецкій мостъ.

Н. Пр. для употребленія въ начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищахъ.

Коропчевскій Д. А. Разсказы про дикаго человѣка, съ политипажами въ текстѣ, для школьныхъ библіотекъ. Изд. 3-е. 1895 г., ц. 2 р. 25 к. Учен. Ком. М. Н. Пр. одобрена для ученич. библ. городск. училищъ и средн. учебн. завед. муж. и женскихъ

Кравчинскій, Д. А. О хозяйствѣ въ лѣсахъ. Изд. 2-ое. 1895 г., ц. 25 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр рекомендовано для ученич. библ. средн. муж. учебн. завед. и для учител. библ. низш. учебн. завед.

Линдеманъ, К. Э. Професс. Насѣкомые плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ и мѣры истребленія ихъ. Съ 23 рисун. Изд. 2-е, значит. дополн. 1895 г., ц. 15 к.

Отдѣл. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. по технич. и профессіон. образов. для библ. начальн. школъ.

Его-же. О завяданіи зеленей вслѣдствіе пораженія ихъ насѣкомыми и мѣры истребленія послѣднихъ. Съ 6 рис. Изд. 2-е, 1895 г., ц. 10 к.

Отд. Учен Ком. Мин. Н. Пр. по техн. и професс. образ. одобрена для бил. народ. учил.

Его-же. Саранча и мѣры ея истребленія. Изд. 2-е. 1895 г., ц. 12 к.

Отд. Учен. Ком. М. Н. Пр. по техн. и професс. образов. одобрена для библ. начальн. школъ.

Его-же. О насѣкомыхъ, вредящихъ лѣсамъ, и мѣры ихъ истребленія. Съ 39 рис. 1895 г., ц. 40 к.

Его-же О филлоксерѣ и другихъ главн. врагахъ винограда и о мѣрахъ истребленія ихъ. Съ 39 рис. 1895 г., ц. 20 к.

Его-же. О насѣкомыхъ, вредящихъ домашнимъ животнымъ и пчеламъ, и мѣры ихъ истребленія. Съ 8 рис. 1895 г., ц. 10 к.

Его-же. Гессенская муха. (Монографія). Изд. 2-е. Съ 16 рис. 1895 г., ц. 60 к.

Мангуби, И. Руководство для винодѣловъ. Практическое винодѣліе. Съ 42 рис. 1895 г., ц. 1 р. 50 к.

Миттельштейнеръ Э. Учебникъ нѣмецкаго языка по практическому методу. Методика и учебникъ. Первый курсъ, для 1 и 2 классовъ реальныхъ училищъ. Изд. 4-е, 1895 г., ц. 80 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущено какъ руководство по нѣмеч. яз. для среднихъ учебн. завед.

Его-же. Алфавитный словарь, содержащій весь запасъ и отдѣльныя группы словъ для учениковъ I—IV классовъ. Приложеніе ко второму курсу учебника. 1895 г., ц. 20 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. допущенъ, какъ особая еіди средн.-учеб. завед.

Михайловъ, А. А. Учебникъ ариѳметики для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 4-е, 1895 г., ц. 50 к.

Учен. Ком. при Собствен. Е. И. В. канцел. по учр. Императрицы Маріи, одобренъ въ качествѣ руководства для средн. учеб. зав. вѣдомства.

Мурашкинцевъ, Н. А. Ветеринарія въ примѣненіи къ сельскому хозяйству: I. Общія понятія о заразныхъ болѣзняхъ животныхъ.—Чума рогатаго скота, ц. 6 к. II. О сибирской язвѣ, ц. 5 к. III. О бугорчаткѣ (чахоткѣ) домашнихъ животныхъ. 1895 г., ц. 5 к.

Назаровъ Г. Кожевенное дѣло. Выдѣлка овчинъ. Съ 18 рис. 1895 г. Ц. 10 к.

Отд. Учен. Ком. М. Н. Пр. по технич. и професс. образ. допущена для библ. народн. училищъ.

Нейманъ, М. Общедоступное руководство къ разведенію хмеля. Съ 8 рис. Изд. 3-е. 1895 г., ц. 5 к.

Учен. К. М. Н. Пр. въ Отд. по технич. и професс. образов. одобрено для библ. народ. учил. Учен Ком. М. Зем. и Госуд. Им. для употребленія въ низшихъ сельско-хозяйств. школахъ.

Нетыкса, М. Сокращенное руководство столярнаго ремесла. Съ 352 политит. въ текстѣ. 1895 г. Ц. 75 к.

Нелидова. Дѣвочка Лида. Ц. 1 р. 50 к.

Петровъ Н. Какъ кормить и поить пчелъ. Съ 18 рис. 1895 г., ц 35 к.

Его-же. Инвентарь американскаго пчеловодства. Съ 91 рис. 1895 г., ц. 40 к.

Преображенскій П. В. Прив.-доц.—Учебникъ физики. В. I, механическая часть физики. 1895 г., ц. 60 к.

Ростовцевъ, П. В. Воздѣлываніе льна на сѣмя и волокно. Изд. 2-е. Съ рис. 1896 г., ц. 10 к.

Отд Учен. Ком. М. Н. Пр. по техн. и профес. образов. одобрено для библ. начальн. школъ.

Его-же. Промышленныя растенія. II.—Цикорій. Съ 3 рис. 1895 г., ц. 4 к.

Селивановскій, И. Сельско-хозяйственные разсказы: Антонъ огуречникъ. Ловкій косарь. Догадливый пахарь. Зола—хорошее удобреніе. 1895 г., ц. 8 к.

Его-же. Деревенскія невзгоды: Зяблый годъ. Наводненіе. Градобой. Червобой. Пожаръ. 1895 г., ц. 10 к.

Его-же. Ночь на Рождество. Разсказъ для дѣтей. Съ рис. 1895 г., ц. 50 к.

Его-же. Петруша — плетенщикъ. Руководство по выдѣлкѣ соломенныхъ издѣлій артельно. Съ 7 рис. 1895 г., ц. 15 к.

Снегиревъ А. Жизнь и смерть Сократа, разсказанныя Ксенофонтомъ и Платономъ. Съ 3 рис. 1895 г., ц. 60 к.

Смирновъ В. В. О внутренности земли. Съ 51 рис. 1895 г., ц. 80 к.

Соколовъ, М. Руководство къ разведенію плодового сада и уходу за нимъ. Съ рис. 1895 г. Ц. 20 к.

Учен. Ком. М. Землед. и Гос. Им. одобрена для употребленія въ низшихъ сельско-хоз. школахъ въ качествѣ учебнаго пособія. *Отд. Учен. Ком. Мин. Н. Просв. по техн. и професс. образов.* одобрена для библ. народн. учил. а также въ качествѣ учебнаго пособія въ тѣ изъ начальн. училищъ. въ котор. введено преподаваніе садоводства.

Его же. Указатель книгъ и брошюръ по сельскому хозяйству, напечатанныхъ въ Россіи съ 1891 г., по августъ 1895 г., ц. 40 к.

Шуваловъ Ѳ. Руководство по переплетному мастерству. Съ 36 рис. 1895 г., ц. 15 к.

Э. С. Жизнь и сочиненія главнѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ XVIII вѣка.—Руководство для преподаванія нѣмецкой литературы въ VII классѣ реальныхъ училищъ, согласно учебнымъ планамъ. 1895 г. ц. 25 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена въ ученич., старшаго возраста, библ. средних учебн. зав.

Книжный магазинъ К. И. Тихомирова (Москва, Кузнецкій мостъ), высылаетъ по требованію всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги, кѣмъ-бы то ни было изданныя, по цѣнамъ, объявленнымъ издателями.

При книжномъ магазинѣ К И. Тихомирова (Москва, Кузнецкій мостъ)—отдѣленія конторъ журналовъ: „Сѣверный Вѣстникъ", „Русская Школа", „Церковно-Приходская Школа" и „Деревня".

Открыта подписка на 1896 годъ (третій годъ изданія)
единственный популярный семейный журналъ сохраненія здоровья и самопомощи въ болѣзняхъ

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!

Содержаніе и программа журнала остаются прежнія. Выпуски раза въ мѣсяцъ. Рисунки. Приложенія. Много популярныхъ статей по всѣмъ отдѣламъ гигіены и медицины. Леченіе безъ помощи врача. Домашнее приготовленіе лекарствъ.

БЕЗПЛАТНО: Совѣты каждому подписчику въ случаѣ заболѣванія, письменно и устно. Рецепты. Указанія надлежащаго метода леченія. Всевозможныя справки для больныхъ. Высылка лекарствъ (наложеннымъ платежемъ)

Журналъ «Будьте Здоровы!» замѣняетъ въ семьѣ врача и необходимъ каждому, кто дорожитъ своимъ здоровьемъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г. (ГОДЪ XII)

на еженедѣльный духовный журналъ

ПАСТЫРСКІЙ СОБЕСѢДНИКЪ.

Въ наступающемъ 1896 году «Пастырскій Собесѣдникъ» будетъ издаваться по прежней программѣ. Главнымъ содержаніемъ журнала служатъ общедоступныя статьи вѣроучительнаго и назидательнаго характера, а также миссіонерскія бесѣды, направленныя къ обличенію раскольническихъ и сектантскихъ заблужденій.

Въ видѣ отдѣльнаго приложенія къ журналу будутъ ежемѣсячно издаваться книжки, подъ однимъ общимъ заглавіемъ: «Христіанская Бесѣда», проповѣди и статьи для назидательнаго чтенія при внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ.

Кромѣ того, какъ безплатное приложеніе къ журналу, будетъ высланъ сборникъ образцовыхъ проповѣдей на воскресные и праздничные дни всего года, въ двухъ выпускахъ, подъ заглавіемъ: „Церковный годъ пастыря-проповѣдника". Первый выпускъ будетъ высланъ при №№ за мартъ, а второй въ сентябрѣ.

Подписная цѣна на журналъ и приложенія къ нему съ дост. и перес. на годъ—пять руб., на полгода—три руб.

Требованія адресовать—въ Москву, редактору издателю журнала «Пастырскій Собесѣдникъ», Василію Абрамовичу Маврицкому (Подробный адресъ редакціи московскому почтамту извѣстенъ).

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВЪ 1896 ДОДУ (ГОДЪ X).

„Русскій Паломникъ" составляетъ первый въ Россіи опытъ иллюстрированнаго изданія съ религіозно-нравственнымъ содержаніемъ. Онъ содержитъ въ себѣ описаніе святынь Россіи и православнаго Востока, историческіе и біографическіе очерки изъ жизни Церкви и многочисленныхъ церковныхъ дѣятелей ея во всѣ времена существованія Церкви Божіей на землѣ, житія святыхъ угодниковъ Божіихъ, повѣствованія изъ церковно-религіозной области, путешествія ко святымъ мѣстамъ и обителямъ, объясненія праздниковъ и богослужебныхъ дѣйствій, назидательныя размышленія и прч., проч „Русскій Паломникъ" будетъ издаваться въ наступающемъ 1896 году на прежнихъ основаніяхъ и состоять изъ 52 выпусковъ, по два листа въ каждомъ со многими рисунками, и 4 книгъ особыхъ приложеній, заключающихъ въ себѣ каждая не менѣе 15-ти печатныхъ листовъ. Между прочими статьями, заготовленными нами для этихъ книгъ, будутъ помѣщены: 1) Святой Григорій Богословъ, его жизнь и избранныя творенія. Сочиненіе это, къ которому приложено до 37 словъ, стихотвореній и писемъ великаго Отца Церкви, составлено подъ редакціею преосвященнаго Никанора, епископа архангельскаго и холмогорскаго, и 2) О Крестѣ Господнемъ, противъ раскольниковъ, кронштадтскаго протоіерея Іоанна Ильича Сергіева. Кромѣ того, по примѣру прежнихъ лѣтъ, мы дадимъ читателямъ безплатную премію, въ высокохудожественномъ исполненіи одной изъ лучшихъ нашихъ мастерскихъ.

Подписная цѣна въ годъ шесть рублей. Допускается разсрочка.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Владимірскій просп., 13.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

Годъ въ **1896** году второй

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ".

будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами, не менѣе 15 листовъ Подписной годъ начинается съ января 1896 г.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставк. и перес.. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній по 1 руб. Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года. Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенты Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, Спб., Васильевскій островъ, 5 линія, 28.

Редакція „Журнала Министерства Юстиціи" С.-Петербургъ, Екатерининская улица, зданіе Министерства Юстиціи.

Редакторъ В. Ф. Дерюжинскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г. (ГОДЪ VI).

СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Выходитъ въ Тобольскѣ два раза въ недѣлю, по воскресеньямъ и четвергамъ.

Подписная цѣна: для иногороднихъ: на годъ 5 р., полгода 2 р. 75 к., 3 мѣс 1 р. 50 к. Подписка принимается въ редакціи „Спб. Листка" (у Кокуя, д. Глушкевича) и въ библіотекѣ Суханова.

Digitized by Google

Открыта подписка на 1896 годъ.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

БОЛЬШОЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

28-й годъ изданія.

Грандіозная задача предстоитъ «Всемірной Иллюстраціи» въ будущемъ 1896 г. и редакціей приняты уже теперь всѣ мѣры для успѣшнаго ея выполненія:

Роскошно иллюстрировать два великихъ историческихъ событія: 1) Священное коронованіе ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ и 2) Всероссійскую промышленно-художественную выставку въ Нижнемъ Новгородѣ.

Въ литературномъ отдѣлѣ „Всемірной Иллюстраціи" примутъ участіе:

М. Н. Альбовъ, К. С. Баранцевичъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, П. И. Вейнбергъ, Д. В. Григоровичъ, М. В. Крестовская, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), Я. П. Полонскій, А. А. Потѣхинъ, К. К. Случевскій, В. С. Соловьевъ, А. П. Чеховъ и друг.

Въ художественномъ отдѣлѣ „Всемірной Иллюстраціи" примутъ участіе:

Е. М. Бёмъ, Н. Бенуа, К. О. Брожъ, М. П. Клодтъ, В. Е. Маковскій, В. И. Навозовъ, А. К. Рябушкинъ, К. А. Савицкій, Е. П. Самокишъ-Судковская, Н. С. Самокишъ, И. И. Шишкинъ и друг.

Редакція „Всемірной Иллюстраціи", не щадя средствъ, намѣрена обрадовать своихъ подписчиковъ рѣдкой и цѣнной во всѣмъ отношеніяхъ безплатной преміей, дать

1) Сочиненія графа Л. Н. Толстого

изъ послѣдняго періода его дѣятельности, съ богатыми иллюстраціями лучшихъ русскихъ художниковъ, воспроизведенными со всею роскошью типографскаго искусства, отпечатанныя цвѣтными красками, будетъ заключать въ себѣ такіе шедевры, какъ «Смерть Ивана Ильича», „Власть тьмы" и рядъ избранныхъ разсказовъ.

2) ОТДѢЛЬНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

со строгимъ выборомъ относительно интереса и красоты выполненія.

Подписная цѣна журнала «Всемірнаая Иллюстрація» на 1896 годъ со всѣми приложеніями и преміей въ СПб. безъ доставки 15 руб., съ доставкой 17 руб., съ пересылкой 18 рублей.

При подпискѣ безъ доставки въ Москвѣ, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, № 15, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Беккендорфъ.

Въ Одессѣ, въ отдѣленіи конторы при редакціи журнала „Вѣстникъ Виноделія" В. Е. Таирова, Канатная ул., 13.

Цѣна роскошному изданію (на веленевой бумагѣ): безъ дост. 20 руб., съ дост. и перес. 25 руб.; въ Москвѣ безъ дост. 22 руб.; за границу 30 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «Всемірной Иллюстраціи», С.-Петербургъ, Садовая 22.

Digitized by Google

Digitized by Google

Открыта подписка на 1896 г. (годъ XXII) на

САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Въ 1896 году „Самарскій Вѣстникъ“ будетъ издаваться, какъ и въ предшествовавшіе годы, ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за табельными и двунадесятыми праздниками, по нижеслѣдующей программѣ: 1) Дѣйствія и распоряженія Правительства. 2) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. 3) Статьи по общественнымъ вопросамъ и вопросамъ, непосредственно касающимся интересовъ г. Самары, Самарской губерніи и поволжскаго края. 4) Городскія извѣстія и сообщенія о выдающихся событіяхъ и происшествіяхъ, отчеты о засѣданіяхъ Городскихъ Думъ, Земскихъ и другихъ общественныхъ Собраній, Судебной Палаты, Окружнаго Суда и Уѣздныхъ Съѣздовъ; рефераты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, отчеты о театральныхъ и другихъ зрѣлищахъ. Волжская хроника. 5) Фельетоны и очерки мѣстной, поволжской и общерусской жизни; беллетристическія произведенія, историческіе эскизы, стихотворенія и проч. 6) Корреспонденціи и сообщенія отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ городовъ и селеній Самарской губерніи, а также изъ Петербурга, Москвы и губерній Волжско-Камскаго раіона. 7) Иностранныя извѣстія и очерки заграничной жизни. 8) Обозрѣніе успѣховъ наукъ, искуствъ и промышленности. Сельское хозяйство. 9) Критика и библіографія. 10) Торговый отдѣлъ. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ печататься свѣдѣнія о состояніи Самарскаго и другихъ выдающихся торговыхъ русскихъ и иностранныхъ рынковъ по свѣдѣніямъ „Россійскаго Телеграфнаго Агенства“, биржевыхъ комитетовъ и собственныхъ корреспондентовъ. 11) Календарныя свѣдѣнія. Указатель дѣлъ, назначаемыхъ къ разбирательству въ Окружномъ Судѣ и Уѣздномъ Съѣздѣ. 12) Казенныя и частныя объявленія и рекламы. Въ 1896 году редакція „Самарскаго Вѣстника“ будетъ освѣщать и разрабатывать главнымъ образомъ мѣстные земско-экономическіе и бытовые вопросы родного Самарскаго края, удѣляя также на страницахъ своего органа мѣсто статьямъ общекультурнаго характера и по обще-государственнымъ вопросамъ, на сколько сіи послѣдніе будутъ имѣть отношеніе къ жизни провинціи и ея многоразличнымъ нуждамъ и потребностямъ.

Подписная цѣна: Для подписчиковъ: Городскихъ и Самар. уѣзда. За годъ 5 р., за полгода 3 р. 1 мѣс. 50 коп. Иногороднихъ за годъ 6 руб., за полгода 3 р. 50. 1 мѣсяцъ 60 коп.

Подписка принимается: Въ Самарѣ: 1) Въ главной конторѣ редакціи, Алексѣевская улица, д Назарова и 2) Въ книжномъ магазинѣ В. П. Ушакова, близъ Алексѣевской площади, домъ Попова (тамъ-же можно получать и отдѣльные №№ газеты по 5 коп.). Въ Сызрани: Въ конторѣ типографіи Синявскаго. Въ Хвалынскѣ: При типографіи и книжной торговлѣ Н. К. Платонова. Въ Челябинскѣ: У дантиста А. А. Балашевой, Уфимская улица, домъ Унгвицкихъ. Въ Абдулинѣ: У М. К. Марканова. Въ Бугурусланѣ: У И. В. Серебрякова. Въ Николаевскѣ: У В. И. Тоцкаго. Въ Уфѣ: Торговля Н. К. Блохина.

Редакторъ-издатель Н. К. Реутовскій.

ОДЕССА

ОТКРЫТА ПОДИСКА НА 1896 Г. (Годъ VI)

НА ОБЩЕДОСТУПНЫЙ МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ

АКУШЕРКА.

24 №№ въ годъ [въ 12 книжкахъ].

Подписная цѣна съ пересылкою на годъ 3 руб.

Подписка принимается: 1) Въ редакціи журнала «АКУШЕРКА» въ Одессѣ (адресъ почтѣ извѣстенъ). 2) Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. 3) Во всѣхъ почтовыхъ конторахъ съ наложеніемъ платежа.

Экземпляры «Акушерки» прежнихъ лѣтъ въ сброшюрованныхъ книгахъ продаются: 1890, 1891, 1892, 1893 и 1894 гг. по одному рублю за книгу, 1895 годъ для подписывающихся и на 1896 г. по два руб. за экземпляръ, для прочихъ же по три руб. (Всѣ цѣны съ пересылкой).

Редакторъ-издатель акушеръ **АМБРОЖЕВИЧЪ**.

Digitized by Google

Открыта подписка на 1896 г. (годъ IX) на

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ РЕЛИГІОЗНО-НРАВСТВЕННЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

народный журналъ

4 рубля за годъ съ пересылкой.	**КОРМЧІЙ**	2 р. 50 к. за полгода съ пересылкой.

«Кормчій» Одобренъ Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, какъ полезное чтеніе для солдатъ, и рекомендованъ Имъ къ выпискѣ по Россійской Артиллеріи.

Адресъ редакціи: Москва, Ордынка, д. Бажановой (квартира протоіерея Скорбященской церкви).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Календарныя свѣдѣнія. II. Объясненіе Свящ. Писанія. III Объясненіе главвѣйшихъ истинъ Христіанскаго вѣроученія. IV. Объясненіе Церковнаго Богослуженія, обрядовъ при таинствахъ и др. церковныхъ службъ, молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній. V. Объясненіе заповѣдей; поученія Св. Отцовъ и Учителей Церкви и современныхъ проповѣдниковъ; духовныя размышленія; поучительные разсказы изъ Пролога, Четіихъ-Миней и т. п.; сказанія о различныхъ явленіяхъ Вѣры благодатной и дивныхъ знаменіяхъ милости Божіей. VI. Разсказы изъ Свящ. Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта; изъ Церковной исторіи и преимущественно Русской; описанія Московскихъ и Россійскихъ святынь. VII. Обличеніе заблужденій современныхъ сектъ и лжеученій. VIII Разсказы изъ быта: народнаго, военнаго, школьнаго, миссіонерскаго, изъ быта раскольниковъ и сектантовъ. IX. Духовно-нравственныя стихотворенія. X. Извѣстія и замѣтки и объявленія.

№№ журнала будутъ украшаться рисунками или изъ событій Ветхаго и Новаго Завѣта, или видами замѣчательныхъ святынь и разныхъ достопамятностей съ соотвѣтствующими поясненіями въ текстѣ. Обязательный объемъ каждаго номера 12 стр., т. е. 1½ печатныхъ листа средняго убористаго шрифта. Но редакція, по примѣру прежнихъ лѣтъ, нѣкоторые номера будетъ выпускать въ два листа.

Въ 1896 году въ журналѣ «Кормчій» по прежнему будетъ принимать участіе своими литературными трудами извѣстный кронштадтскій пастырь отецъ Іоаннъ.

Редакторы-Издатели: Протоіерей С. П. Ляпидевскій. Священники { І. Н Бухаревъ. Б. П. Гурьевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

„ST. PETERSBURGER GEROLD"

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ГЕРОЛЬДЪ"

Высочайше утвержд. Акц. Общ. Типографск. Дѣла въ С.-Петербургѣ.

Газета выходитъ ежедневно безъ предварительной цензуры, самая большая газета, выходящая въ Россіи на нѣмецкомъ языкѣ.

Газета „ГЕРОЛЬДЪ" по объему даваемыхъ ежедневно свѣдѣній и по распространенію въ Россіи и заграницею считается первымъ изданіемъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Россіи, въ виду чего особенно рекомендуется для помѣщенія объявленій. Цѣна подписки съ доставкою: За годъ 14 руб. за полгода 8 руб. за четверть года 4 руб. 50 коп. Цѣна объявленій: За строку I-й стр. 40 коп. въ отд. рекламъ 20 коп. за текстомъ 12 коп. Подписка и объявленія принимаются у всѣхъ книгопродавцевъ Имперіи по цѣнамъ редакціи.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., д. № 3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 г. НА

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ".

Приступая къ редактированію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Э. Э. Ухтомскій считаетъ необходимымъ заявить, что онъ будетъ относиться къ своей совершенно самостоятельной задачѣ безъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ и партійныхъ чувствъ. Задача газеты—служить по мѣрѣ силъ выраженіемъ запросовъ и истинныхъ нуждъ государственной, общественной и народной жизни, черпая данныя для того въ постоянномъ общеніи съ людьми положительнаго идеала. Редакція намѣрена давать возможно полный критическій обзоръ религіозной и литературно-художественной жизни Запада во всѣхъ ея существенныхъ проявленіяхъ, но наряду съ тѣмъ особенно выяснять значеніе и необходимость русскаго поступательнаго движенія въ Азіи, гдѣ наше грядущее главенство должно быть разсматриваемо какъ просвѣтительно-историческая миссія. «С.-Петербургскія вѣдомости» будутъ открыты всему трезвому и гуманному, выше всего ставя вопросы о благѣ, достоинствѣ и величіи Россіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій.				Съ казенными прибавл	
	на годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.	на годъ.	6 мѣс.
Безъ доставки	14 р.—к.	8 р.—к.	4 р.—к.	1 р. 50 к.	16 р.—к.	9 р.—к
Съ достав. по гор. почтѣ	16 » — »	9 » — »	4 » 50 »	1 » 80 „	18 „ — „	10 „ — „
Съ пересылкою иногород.	17 » — »	10 » — »	5 « 50 »	2 » — »	19 » — »	11 » — »
За границу.	26 » — »	14 » — »	8 » — »	3 » — »	28 » — »	16 » — »

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ князя Э. Э. Ухтомскаго, Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линія, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель *Князь Эсперъ Эсперовичъ Ухтомскій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на еженедѣльный литературный и научно-популярный иллюстрированный журналъ

ПО МОРЮ и СУШѢ

издаваемый въ Одессѣ по слѣдующей программѣ: 1. Хроника столичной, мѣстной и провинціальной жизни; 2. Популярно-научныя статьи и замѣтки по всѣмъ отраслямъ знанія; 3. Романы, повѣсти, разсказы, путешествія и стихотворенія; 4. Обозрѣніе новостей литературы и искусства; 5. Письма, вѣсти и слухи отовсюду; 6. Статьи и извѣстія по морскому и желѣзнодорожному дѣлу; 7. Фельетонъ; 8. Справочный отдѣлъ; 9. Отвѣты редакціи и 10. Объявленія.

Текстъ иллюстрируется портретами и др. рисунками.—При журналѣ даны будутъ 4 книжки приложеній.

Подписная цѣна на журналъ „По Морю и Сушѣ" съ приложеніями съ перес. и дост.: на годъ 4 руб.; на полгода 2 руб.; на 3 мѣс, 1 руб.: на 1 мѣс. 35 коп. почтовыми марками. Для учителей народныхъ училищъ на годъ 3 руб., на полгода 1 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ Одессѣ, въ редакціи журнала „По Морю и Сушѣ" (Софіевская, д. № 18, кв. № 25), и во всѣхъ кн. маг. Россіи.

1896. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896

XV. **„СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ“** XV.

ПРОГРАММА: 1) РУКОВОДЯЩІЯ СТАТЬИ.

2) ВНУТРЕННЯЯ ХРОНИКА:

3) ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА:

4) БИБЛІОГРАФІЯ:

5) ФЕЛЬЕТОНЪ: Замѣчательныя рѣчи юридическаго содержанія; біографіи выдающихся дѣятелей на юридическомъ поприщѣ.

6) СПРАВОЧНЫЙ ЛИСТОКЪ: бюллетени судебныхъ мѣстъ; засѣданія ученыхъ обществъ и т. д.

7) ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ: отвѣты редакціи научнаго характера по всѣмъ вопросамъ судопроизводства и судоустройства и тюрьмовѣдѣнія, отвѣты по вопросамъ, касающимся лично редакціи.

8) ЮРИДИЧЕСКАЯ АРЕНА: здѣсь будутъ печататься вопросы и отвѣты на оные со стороны читающей публики.

ПРОСИМЪ ОБРАТИТЬ ОСОБЕННОЕ ВНИМАНІЕ НА СЛѢДУЮЩЕЕ:

Въ каждомъ № „Судебной Газеты“ подписчики получаютъ за недѣлю раньше списокъ всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію по всѣмъ Департаментамъ Правительствующаго Сената и Общаго Собранія и, тотчасъ по опубликованіи, всѣ свѣдѣнія объ узаконеніяхъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи несостоятельными и о подъопечныхъ лицахъ. Циркуляры Минист. Юстиціи и Минист. Внутр. Дѣлъ, воспослѣдовавшіе по соглашенію съ Минист. Юстиціи,— то есть пользуются такимъ матеріаломъ, который въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія „Судебной Газеты.“

СООБЩЕНІЕ СПРАВОКЪ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ и другихъ Департаментовъ Сената производится въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для годовыхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна, при томъ не болѣе 3—4 разъ въ годъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ ВЪ РАЗСРОЧКУ И НА СРОКИ справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЖЕЛАЮЩІЕ получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода газеты, прилагаютъ 2 руб. за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу прилагаютъ еще стоимость телеграммы.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п. производится или въ отдѣлѣ „Отвѣты редакціи“ или письменно по почтѣ, въ обоихъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЦѢНА: на годъ 7 р.; на 6 мѣсяцевъ 4 р. 50 к.; на 3 мѣсяца 3 р. на 1 мѣсяцъ 1 руб. За границу 10 р. въ годъ.

ПОДПИСКА принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

РАЗСРОЧКА въ платежѣ годовой подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 4 рубля и остальные 3 рубля не позже 20-го іюня.

Иногородные адресуются исключительно въ главную контору редакціи: С.-Петербургъ, Моховая улица, № 42, городскіе—въ отдѣленія конторы С.-Петербургъ въ книжномъ магазинѣ юридической литературы Н. К. Мартынова. Невскій пр. 46; въ Москвѣ, въ отдѣленія Конторы при Московскомъ юридическомъ магазинѣ А. Ф. Скорова, Неглинная, 13. За подписку въ другихъ мѣстахъ редакція не отвѣчаетъ.

Редакторъ-Издатель **Ф. В. Де-ВЕКИ**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ"

на 1896 годъ.

На будущій 1896 годъ издатели, Товарищество «Обществ. Польза», попрежнему будутъ ставить себѣ задачей принимать постоянно всѣ мѣры къ улучшенію журнала. Веденіе и направленіе журнала остается прежнее, такъ какъ всѣ сотрудники наши, участвовавшіе въ минувшіе годы, будутъ принимать дѣятельное участіе и впредь.

Изъ постоянныхъ сотрудниковъ С. С. Татищевъ обѣщаетъ намъ свой новый трудъ „Императоръ Павелъ и Первый Консулъ Бонапартъ" и друг., которыми онъ въ настоящее время занятъ, и его „Политич. обозрѣніе" будетъ появляться попрежнему ежемѣс. Д. В. Григоровичемъ обѣщано его новое произвед., П. П. Гнѣдичемъ—новая повѣсть; будетъ законченъ романъ Вс. С. Соловьева „Цвѣты бездны", пріостановившійся за болѣзнью автора, при чемъ новымъ подписч. будутъ высланы оттиски первыхъ главъ романа. Вс. С. Соловьевъ также предоставилъ намъ записки своего покойнаго отца, извѣстнаго истор. С. М. Соловьева. Кромѣ того, появятся: новый ром. Дм. И. Стахѣева «Духа не угошайте»; разск. Н. И. Мердеръ „Изъ деревенск. впечатлѣній"; ром. К. Ѳ. Орловскаго „Медовый мѣсяцъ"; ром. Д. И. Пронскаго „Свѣтъ жизни"; повѣсть И. И. Данилова (автора повѣсти „Въ тихой пристани") «По новому пути»; разсказы (изъ таежн. воспомин.] Н. В. Латкина; «Письма деревенск. хозяина» А. П. Мещерскаго; „Дерев. очерки" Д. И. Тихѣева; разск. И. И. Чеха, «Въ сѣверо-западномъ краѣ», очерки Н. И. Березина.

Въ 1896 г. будутъ также продолжаться «Письма о литературѣ» П. А. Ачкасова.

Съ сентябр. книги 1895 г. возстановл. нами отдѣлъ „Современная лѣтопись", получившій такую извѣстн. при М. Н. Катковѣ, гдѣ будутъ помѣщаться постоянно письма, статьи и замѣтки по поводу текущ. событій; при чемъ мы обращаемся съ просьбою къ нашимъ читател. сообщать намъ свои замѣч. и краткія письма объ обстоятельств. современ. или объ важн. историческ. документахъ, если у кого они сохранились.

Отъ С. П. Катковой мы получили переп. покойн. М. Н. Каткова. Будутъ помѣщ. письма къ нему Ѳ. М. Достоевскаго, И. А. Гончарова, П. И. Мельникова, И. С. Тургенева и друг. Будутъ приняты всѣ мѣры къ своевременному выходу книгъ журнала.

Въ „Русск. Вѣстн." попрежнему принимаютъ участіе, всѣ бывшіе сотрудники.

Редакція и конт. журн. „Русскій Вѣстникъ" помѣщ. въ Товарищ. Обществ. Польза" (Б. Подъяч., 39, куда и просятъ обращаться гг. автор., имѣющ. надобн. до редактора, который приним. по вторник. отъ 12 до 2 час. и суббот. отъ 3 до 5 час. пополудни.

Годовое изданіе „Русскаго Вѣстника", состоящее изъ ежемѣсяч. книж. отъ 25 до 30 л. и выход. кажд. 1 числа, стоитъ въ Петерб. и Москвѣ безъ доставки и перес. 15 р. 50 к., съ доставк. 16 р., съ перес. во всѣ города Россіи 17 руб. Допускается разср. взносовъ только чрезъ Главн. Контору журн. „Русскій Вѣстникъ", Б. Подъяч., д. 39, а именно: 1) При подпискѣ вносятъ девять руб, а остальная сумма къ 1-му іюня. 2) Для служащ. за поручит. казнач. со взнос. по 1 р. 50 к. въ мѣс., впредь до уплаты всей подписной суммы. 3) Для учащихся допуск. уступка и разсрочка платежа: при подп. вносятъ 2 р., а затѣмъ при полученіи кажд. книги уплачив. по 1 р., т. е. всего 14 р. безъ доставки и перес. За границу приним. подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщ. Почтоваго союза — 18 р. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка на „Русскій Вѣстникъ" приним. въ Петерб. для городск.—въ Конторѣ журн. „Русскій Вѣстникъ" въ Товарищ. „Обществ. Польза" (Б. Подъяч., 39); въ книжн. магаз. „Нов. Вр." (Невск. 38); въ Москвѣ: въ Редак. "Моск. Вѣдомостей"—на Страст. бульв., въ книжн. магаз. «Нов. Вр.» (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской, Петровск. линіи. И городск. и иногородн. просятъ покорн. адресоваться прям. въ Контору „Русскаго Вѣстника", Спб. Товарищ. „Обществ. Польза" Больш. Подъяч., д. 39. Статьи, присланныя въ редакц. безъ условій, предоставл. въ полное распоряженіе ея относительно сокращ., помѣщ. и оплаты. Стихотворенія и мелкія статьи, къ печати неудобныя не возвращаются. За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредствено чрезъ Петербургскую контору „Русскаго Вѣстника".

Digitized by Google

Digitized by Google

недѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ (не менѣе 330 №№ въ годъ). „Новороссійскій Телеграфъ“ 1-го января 1894 года достигъ двадцатипятилѣтія своего существованія. Выходя двадцать третій годъ подъ личной редакціей теперешняго собственника газеты, „Новороссійскій Телеграфъ“ принялъ совершенно опредѣленную физіономію единственной русской по духу газеты на Югѣ Россіи. Никакихъ интересовъ, кромѣ русскихъ, наша газета никогда не защищала. Она всегда поддерживала и поддерживаетъ идею: «Россія для русскихъ».

Главныя литературныя силы газеты нашей остаются въ томъ-же составѣ, что и въ прежнее время. Въ 1896 году по прежнему будетъ помѣщать рисунки, касающіеся современныхъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей и пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, доставляющихъ намъ ежедневно важнѣйшія свѣдѣнія по внутреннимъ вопросамъ (законодательнымъ, административнымъ, экономическимъ, финансовымъ и пр.). Сообщенія столичныхъ корреспондентовъ получаются нами и печатаются въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» 2 днями раньше обыкновеннаго появленія ихъ въ другихъ газетахъ.

Кромѣ телеграммъ «Рос. Тел. Агенства», мы даемъ постоянно, въ теченіе цѣлаго года, телеграммы отъ нашихъ столичныхъ корреспондентовъ.

«Новороссійскій Телеграфъ», по своей программѣ, имѣетъ право помѣщать рефераты судебныхъ засѣданій военно-окружнаго суда, а также отдѣлъ Юридической хроники, предоставляющій редакціи право разбора и обсужденія судебныхъ рѣшеній. Первымъ правомъ пользуются теперь не всѣ мѣстныя газеты, а вторымъ—ни одна изъ остальныхъ мѣстныхъ газетъ.

Подписка принимается: въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на углу Дерибасовской и Екатерининской улицъ, домъ Маврокордато, и въ отдѣленіи газеты: при типографіи, Новая улица, домъ г. Озмидова.

Условія подписки: Безъ доставки и пересылки. На 1 мѣс. 1 р., 2 м. 2 р. 3 м. 3 р., 4 м. 4 р. 5 м. 5 р., 6 м. 6 р., 7 м. 7 р., 8 м. 8 р., 9 м. 9 р., 10 р. 10 р., 11 м. 11 р., 12 м. 12 р., Съ доставкою и пересылкой: На 1 м. 1 20 к., 2 м. 2 р. 40 к., 3 м. 3 р. 60 к., 4 м. 4 р. 80 к. 5 м. 6 р, 6 м. 7 р. 20 к., 7 м. 8 р. 40 к., 8 м. 9 р. 60 к. 9 м. 10 р. 80 к., 10 м. 12 р., 11 м. 13 р., 12 м. 14 р.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые (по 7 р. къ 1-му января и къ 1-му іюня), или по четвертямъ года (по 3 р. 50 к. къ 1-му января, 1-му марта, 1-му іюня и 2-му сентября), т. е. всегда за мѣсяцъ впередъ, до наступленія срока разсрочки.

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 руб.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменнымъ офиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1896 года.

Редакторъ-издатель М. Озмидовъ.

Открыта подписка на 1896 г. (годъ XVI).

НА ГАЗЕТУ

КАСПІЙ

Въ 1896 году „Каспій“ будетъ выходить въ Баку ежедневно, кромѣ дней послѣ-праздничныхъ, по прежней программѣ газеты литературной, общественной и политической, съ обширнымъ нефтянымъ отдѣломъ.

Подписная цѣна: Съ пересылкой: на 12 мѣс.—8 р. 50 к., на 11 мѣс.—7 р. 50 к., на 10 мѣс.,—7 р., на 9 мѣс.—6 р. 50 к., на 8 мѣс.—6 р., на 7 мѣс.—5 р. 50 к., на 6 мѣс.—5 р., на 5 мѣс.—4 р. 50 к., на 4 мѣс. — 4 р., на 3 мѣс. — 3 р., на 2 мѣс.—2 р. 50 к. и на 1 мѣс.—1 р. 50 к. Заграницу на годъ 13 руб. на полгода 7 руб. Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится не менѣе 3 руб. городскими и 4 руб. 50 коп. иногородными подписчиками; затѣмъ 15-го февраля 2 руб. и 15-го марта—2 руб.

Иногородніе адресуютъ свои требованія: Въ Баку, въ редакцію газеты „Каспій“. Подписка принимается: въ Баку — въ конторѣ газеты, Армянская улица, домъ Красильникова.

Digitized by Google

Digitized by Google

